Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Б.Г. Алиев

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

instituteofhistory.ru

aleph

Махачкала 2014

ББК 63.3 (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)
А-50

Рекомендована к изданию решением ученого совета
Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
(протокол № 10 от 19 декабря 2014 г.)

Ответственный редактор:
Шихсаидов А.Р. – заслуженный деятель науки РФ и РД,
доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:
Магомедов Н.А. – доктор исторических наук, профессор;
Кидирниязов Д.С. – доктор исторических наук, профессор;
Иноземцева Е.И. – кандидат исторических наук, с.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН.

Алиев Б.Г.

А-50 Земледелие и землевладение в позднефеодальном Дагестане. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. – 540 с.

ISBN 978-5-4447-0016-7

Монография посвящена исследованию двух вопросов о земле – земледелию и землевладению в позднефеодальном Дагестане.

Это первая в дагестанской историографии монографическая работа, в которой поставлены для исследования два вопроса о земле как единая проблема. На основе анализа многочисленных разнохарактерных источников и литературы, в том числе археологических работ, показывается время возникновения, этапы развития, состояние, место, роль и значимость в экономической жизни различных природно-географических зон земледелия в позднефеодальном Дагестане. Особенно большое внимание в монографии уделено землевладению в позднефеодальном Дагестане как основному показателю уровня социально-экономического развития общества. Отмечены все формы земельной собственности и землепользования, имевшие место в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в., показаны также место и значимость каждой формы земельной собственности в социально-экономическом развитии общества.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и читателей, интересующихся прошлой историей Дагестана.

ISBN 978-5-4447-0016-7

© Алиев Б.Г., 2014
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ 8

1. Историография проблемы 8
   а) Историография проблемы дооктябрьского периода 8
   б) Историография проблемы советского периода 36
   в) Историография проблемы постсоветского периода 52
2. Источники 64
   а) Архивные материалы 64
   б) Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН 66
   в) Публикации архивных материалов 67
   г) Адаты народов Дагестана 71
   д) Литературные источники 74
   е) Историко-этнографический материал 75

ГЛАВА II. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ 79

§ 1. Краткий очерк истории земледелия в Дагестане 79
§ 2. Земледелие в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Формы, региональные особенности 113
§ 3. Соотношение земледелия и животноводства. Роль земледелия в экономической жизни населения различных регионов Дагестана 182
§ 4. Садоводство и виноградарство 199
§ 5. Огородничество и бахчеводство 224
§ 6. Технические культуры 230

ГЛАВА III. ФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ 242

§ 1. Частная (мюльковая) собственность как основная форма земельной собственности в позднефеодальном Дагестане 243

а) К вопросу о возникновении частной (мюльковой) собственности на землю в Дагестане: дискуссии, реальность 243
б) Мелкое частное (мюльковое) крестьянское землевладение 250
в) Частное (мюльковое) феодальное землевладение 275
1. Владения (домены) феодальных владетелей как крупная частная (мюльковая) земельная собственность 278
2. Частная (мюльковая) земельная собственность беков как вторая форма крупного феодального землевладения 336
3. Среднее и мелкое частное (мюльковое) феодальное землевладение) 369
4. Условное землевладение дагестанских феодальных владений – бенефиция средневековой феодальной эпохи 406
§ 2. Общинное землевладение как вторая основная форма земельной собственности. Тенденция существования и развития. Особенности форм пользования 419
§ 3. Вакуф – специфическая форма землевладения мусульманских религиозных учреждений 463
§ 4. Тухумное землевладение как пережиток собственности близкородственного коллектива 477

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 489
БИБЛИОГРАФИЯ 505
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 538

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Земледелие и землевладение – это два взаимосвязанных ключевых вопроса социально-экономической истории общества, определяющих форму хозяйственной деятельности людей, т.е. одну из форм или одну из составляющих развитости экономики общества, с одной стороны, и степень социального развития общества, определяемая существующими формами земельной собственности, как основного средства производства средневековья, – с другой.

Поэтому правильное, сугубо научное решение проблемы, посвященной земледелию и землевладению в позднефеодальном Дагестане, имеет важное значение в дагестанской историографии. Значимость исследования проблемы определяется именно сказанным выше. Решив данную проблему, можно показать место земледелия в экономической жизни дагестанского позднефеодального общества, его положение среди других форм занятий населения и ту роль, которую оно играло в развитии общества. Это, во-первых. Во-вторых, вторая часть проблемы – землевладение, это основа основ, определяющая социальное положение человека в средневековом обществе. Ибо земля в средневековье являлась главным средством и условием производства материальных благ общества. Именно владение землей определяло положение человека, его взаимоотношения с другими членами общества. Отношение к земле, как к главному средству производства, определяло социально-правовое положение членов общества. Кроме того, отношение к земле, наличие земельной собственности являлось показателем принадлежности к определенному классу, к определенной сословной группе общества. Поэтому так важно исследование всех форм земельной собственности и определение собственников земли, что позволяет охарактеризовать каждую группу землевладельцев, их принадлежность к той или иной сословной группе феодального общества, находившихся на различном, неодинаковом социально-правовом положении в обществе, что являлось показателем наличия различных классов и социальных групп.

Несмотря на такую важность и значимость поставленной для изучения нами проблемы, ранее она не ставилась в дагестанской историографии в качестве отдельного специального исследова-

ния. Вместе с тем это вовсе не означает, что вопросы земледелия и землевладения не изучались дагестанскими учеными. Напротив, земледелие и землевладение у народов Дагестана, хотя и не вместе, как общая проблема, привлекали внимание многих исследователей. Начиная с археологов и кончая современными историками и этнографами при изучении хозяйственной деятельности населения, как одной из основной отрасли занятий, а также землевладения при изучении вопросов социального развития дагестанского общества с раскрытием форм земельной собственности, написано множество параграфов и отдельных глав, посвященных земледелию и землевладению в Дагестане различных народов и различных исторических эпох. Уделено большое внимание вопросам земледелия и землевладения в Дагестане и в обобщающих коллективных историях Дагестана, а также в индивидуальных историях дагестанских народов, написанных отдельными авторами. Но ни один исследователь на сегодняшний день не обратился к интересующим нас вопросам как к единой проблеме позднефеодального периода в истории Дагестана. Наше исследование – это первая подобного рода работа, это первый специальный труд, посвященный постановке вопросов о земледелии и землевладении как двух составляющих единую большую и весьма важную по своей значимости проблему о земле.

Первый из изучаемых в монографии вопросов призван показать, как люди использовали землю в качестве главного средства сельскохозяйственного производства, дающего все необходимое для жизнедеятельности людей. А второй вопрос показывает, кому принадлежало это главное средство производства, кто являлся его хозяином и кто и за что пользовался им. Форма собственности на главное средство материального производства и труда, в свою очередь, определяет степень развития общества. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Различные ступени в разделении труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т.е. каждая ступень разделения труда определяет и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношениям к материалу, орудиям и продуктам труда»[1].

Как будет показано ниже, форм земельной собственности в позднефеодальном Дагестане было несколько, что являлось след-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. С.20.

ствием различных отношений людей к земле, наличия различных ступеней разделения труда. А это, в свою очередь, как нам представляется, являлось следствием наличия сельской общины как главной общественно-политической и хозяйственной структуры в одной части (союзах сельских общин) и как низовой части административной структуры, зависимой от феодала, – в другой (феодальных владениях) части Дагестана.

Учитывая значимость и роль земледелия в экономической жизни дагестанских народов, то место, которое оно занимало в системе хозяйственной деятельности населения различных природно-географических зон и регионов, а также значимость земельных отношений и прежде всего форм земельной собственности в развитии и разложении общины, в дифференциации общества, становлении и в дальнейшем развитии классовых отношений, социально-экономического развития дагестанского общества в целом и его различных частей, есть необходимость подробно проследить, какое внимание уделялось в историографии Дагестана указанным вопросам, какое место им отведено в различных источниках. Поэтому подробный анализ работ, освещающих или затрагивающих вопрос земледелия и землевладения в позднефеодальном Дагестане, занимает в монографии большое место, что позволяет выделить этот вопрос или часть работы в качестве отдельного самостоятельного раздела.

У читателя может возникнуть вопрос, что можно было бы ограничиться краткой характеристикой, кратким анализом работ, в которых поднимаются вопросы, исследуемой автором проблемы. Да, можно с этим согласиться. Но тогда это будет простой перечень работ без необходимого конкретного анализа их, без показа, на что обратил внимание тот или иной автор, чем отличаются друг от друга анализируемые работы и, наконец, что в этих работах полезного для исследуемой проблемы и какие имеются в них недостатки или ошибочные утверждения, неверные суждения авторов по тому или иному вопросу проблемы. Именно поэтому мы решили дать подробный анализ всех доступных нам работ и источников, имеющих какое-то отношение к исследуемым в монографии вопросам. А последних, поставленных для исследования в монографии, довольно много. Сказанным собственно и объясняется выделение в монографии в качестве первой главы историографии вопроса и источников.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось выше, земледелие и землевладение изучаются во многих исследованиях дагестанских ученых, изданных в период советской власти и в постсоветский период. Их работы, конечно же, прежде всего, опираются на имеющиеся разнохарактерные источники и работы авторов XVIII-XIX вв. Поэтому и историографию вопроса следует начать с анализа работ последних.

Но прежде следует оговориться, что если говорить об историографии всех вопросов, поднятых в нашем исследовании, то необходимо остановиться на анализе работ не только историков и этнографов, писавших о земледелии и землевладении средневекового Дагестана, но и исследованиях археологов, писавших о древнем земледелии в Дагестане – периоде его возникновения (неолит), его развитии и происходивших изменениях в связи с переходом на обработку земли более усовершенствованными орудиями земледелия в различные исторические эпохи, формах ведения земледельческого хозяйства, распространенности зерновых культур и т.д. и т.п. Причем, соблюдая принцип историзма, временных рамок, археологические работы даются вместе с работами историков и этнографов в хронологическом порядке, т.е. по годам их издания или написания.

Как и любая другая проблема, историография исследуемой нами проблемы имеет несколько временных периодов. Это, в первую очередь, историография дооктябрьского периода, охватывающая XVIII – начало XX в. Второй период – это историография советского времени, начинающаяся с 1917 г. и до развала Советского Союза. Третий период – это историография постсоветского времени, охватывающая начало 90-х годов XX в. и продолжающаяся до наших дней.

1. Историография проблемы

а) Историография проблемы дооктябрьского периода

Историографию проблемы, посвященной земледелию и землевладению в позднефеодальном Дагестане, начнем с анализа работы участника Каспийского похода Петра I 1722 г. майора российской армии И.-Г. Гербера. Оставаясь и после похода на Кавка-

зе несколько лет, И.-Г. Гербер на основе собранного им материала написал весьма интересное и значимое для нашего исследования описание народов Кавказа, в том числе Дагестана. Первый раз сочинение И.-Г. Гербера было издано в 1760 г.[1], а второй раз в 1958 г.[2] Значение его сочинения для нашей проблемы заключается в том, что в нем подняты, наряду с многочисленными другими вопросами, и сюжеты, имеющие непосредственное отношение к земледелию и землевладению в Дагестане. Причем они касаются всех политических структур – феодальных владений и союзов сельских общин, описываемых автором в своем сочинении. Работа И.-Г. Гербера – это первый труд, где поднимаются, хотя и кратко, все вопросы социально-экономической и политической истории феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана.

Конечно, не со всем, о чем писал И.-Г. Гербер, можно согласиться, и это прежде всего касается сгущения красок о суровости природы, когда он писал о вечных снеговых вершинах гор во многих территориях Дагестана, трудностях земледелия и даже отсутствии земледелия вообще в ряде горных обществ, где, по его словам, их жители даже не имели понятия о хлебе и т.д.

Для нашей темы интерес представляет и составленная И.-Г. Гербером в 1733 г. записка о рациональном использовании прикаспийских провинций Кавказа, перешедших под власть России после подписания Рештского договора 1732 г., опубликованная в 1937 г. в «Материалах по истории Грузии и Кавказа». Интерес здесь для нас представляет раздел «О культуре виноградарства», где И.-Г. Гербер пишет об изобильном виноградарстве в Дербенте и в Кубе, о чем он писал и в приведенном выше сочинении, где отмечал наличие здесь наряду с довольного числа пашен и «добрых виноградных и других садов»[3].

---

[1] Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т.17. № 7-8.

[2] Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958. (Далее: ИГЭД).

[3] Там же. С.86.

К первой четверти XVIII в. относится и составление дневника[1] полковника царской армии Я.А. Марковича, находившегося с 1725 по 1727 г. в Дагестане. В своем дневнике Я.А. Маркович писал о земледелии в Буйнаке, где были пашни, расположенные на равнине, до моря; о садах Дербента, расположенных по обеим сторонам города, дальше которых были пашни[2].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Писал о некоторых вопросах исследуемой нами проблемы еще один участник Каспийского похода Петра I Дж. Белл, по происхождению шотландец, находившийся с 1714 г. на русской службе. Вернувшись на родину в 1747 г., он написал свое сочинение[3], где поднимаются вопросы, имеющие отношение к исследуемой теме. Дж. Белл писал о нахождении в восточной стороне Дербента множества виноградников, плодоносных полях в его окрестностях и вообще в Дагестане[4].

Из работ, написанных и изданных в 70-е г. XVIII в. – начале XIX в., отметим труды трех авторов, немцев по национальности, - С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта и Я. Рейнеггса. Первые двое из них являлись действительными членами Русской Академии наук и по поручению последней участвовали в сборе разного характера сведений о Кавказе.

institute of history.ru

С.Г. Гмелин – ученый-ботаник в 1769-1774 гг. совершил несколько отдельных экспедиций и был на кавказском побережье Каспийского моря, и на основе собранного материала описал его в книге «Путешествие по России для исследования трех царств естества»[5], в третьей части которой содержится ряд вопросов по исследуемой нами проблеме. Они касаются в основном Южного Дагестана и главным образом Дербента. В частности, он писал о собственных садах и пашнях Фатали-хана, климатических условиях и, конечно, что важно для нас, занятии населения земледе-

---

[1] Маркович Я.А. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717-1767 гг.). Киев, 1893-1895. См. также: Дагестан в известиях …

[2] Там же. С.182, 185.

[3] Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Асиатские земли; а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т.I-III.

[4] Там же. Т.III. С.176, 179.

[5] Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1781-1785. Ч.I-V.

лием, подчеркивая наличие здесь плодоносных полей. Интересно его описание садоводства и огородничества Дербентского владения, где подчеркивается при этом их «чрезвычайная плодоносность»[1].

И.А. Гильденштедт был ученым, натуралистом, доктором медицины. С 1770 по 1773 г. он был на Кавказе, в том числе в Северном Дагестане, где и собирал материал о его народах. Результатом его путешествия по Кавказу явилась большая работа, изданная в Петербурге в 1787-1791 гг. на немецком языке[2]. На русский язык извлечение из работы И.А. Гильденштедта, касающееся Кавказа, в переводе К. Германа было опубликовано в Петербурге в 1809 г.[3]

Для нашей проблемы интересно, что пишет И.А. Гильденштедт о кумыках: что все они занимаются хлебопашеством, перечень земледельческих культур, урожайность зерновых, о хороших природных условиях, технических культурах. И.А. Гильденштедт отмечал многочисленность пашен в шамхальстве. Кроме того, он писал о земледелии в горном Дагестане, в частности в Дидо, Унзо и Капуча, которые, по его словам, были «богаты» пшеницей[4].

Третий из отмеченных выше трех авторов, немцев по происхождению, Я. Рейнеггс также был доктором медицины. В 1776 г. он вместе с венгерским магнатом графом Когари отправился в путешествие на Восток. С 1779 г. по 1782 г. он был в Тифлисе, с 1789 г. был на русской службе сначала в Грузии, затем в Астрахани и в Петербурге.

На основе собранного материала Я. Рейнеггс составил в 1786 г. историко-топографическое описание, изданное в 1796 г. на немецком языке[5]. В 1992 г. текст, касающийся Дагестана, на рус-

---

[1] Там же. Ч.III. Половина первая. СПб., 1785. С.23-24, 30-32, 36.

[2] Güldemstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St. Pbg., 1787. Bd.I. 1791. Bd.2.

[3] Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А.Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809.

[4] Там же. С.128-129, 180, 105.

[5] Reinegs J. Allgemeine historisch-topagraphische Beschreibung des Kaukasus. Gotha: St. Pbg, 1796.

ском языке был издан в сборнике «Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв.», подготовленном В.Г. Гаджиевым. Прежде всего отметим, что в своей работе автор останавливается на ряде феодальных владениий и союзов сельских общин, в связи с описанием которых говорит и об их социальном устройстве и занятии населения, о развитости земледелия, в особенности на территории между Тереком и Сулаком, а также «гористой части» «сей провинции», где поля, как писал Я. Рейнеггс, были «весьма привольны и хорошо обработаны, плодородие зеленеющих гор питает немалое количество людей и скота»[1]. Он писал о многочисленности садов в Карабудахкенте и вкусных фруктах, виноградарстве и садоводстве Дженгутайского владения, где ими «упражнялись» «с великим успехом», «весьма плодоносных полях» деревень, расположенных «вдоль по берегу реки Инче и на всей оной степи», о «наивыгоднейшем и плодороднейшем положении Кайтага», плодоносных полях Терекеме, зерновых культурах, богатстве земли Урчемула, который Я. Рейнеггс назвал «знатнейшим, пребогатым, плодоноснейшим уездом утцумова княжества», где хорошо было развито и виноградарство.

Я. Рейнеггс писал и о наличии в Табасаране весьма обширного и плодоносного пространства, где занимались хлебопашеством, садоводством и виноградарством, плодородстве земли «уезда Дербентского», где занимались не только хлебопашеством, но и садоводством, виноградарством, хлопководством, шелководством, разведением шафрана[2].

В конце XVIII в. не была издана ни одна работа, где бы поднимались вопросы исследуемой проблемы, хотя их было написано довольно много военными деятелями, бывшими на Кавказе.

Из работ начала XIX в. наиболее значимой является труд С.М.Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», написанная еще в 1811 г., но изданная в 1823 г. в 2-х частях[3].

Значимость работы С.М. Броневского для нашего исследования в том, что в ней, наряду со многими другими вопросами социально-экономической истории Дагестана, автор останавливает-

---

[1] См.: Дагестан в известиях … С.270.

[2] Там же. С.271, 273, 275-277, 284.

[3] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1-2.

ся и на сюжетах нашей проблемы. Они касаются главным образом второй главы. С.М. Броневский красочно описывал природно-географические и почвенно-климатические условия разных частей Дагестана, отмечал благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства в Дербентском владении, равнинном Кайтаге, Нижнем Табасаране, на Кумыкской равнине. В работе дается перечень злаковых, выращиваемых в разных владениях, говорится об огородничестве, садоводстве и технических культурах.

В 30-е годы XIX в. издано несколько работ[1], в которых в той или иной мере затрагиваются и вопросы исследуемой нами проблемы. Наибольший интерес для нас представляет труд П. Зубова, где автор, останавливаясь на владениях Дагестана, писал и о занятиях населения. Прежде всего, он говорил о различных регионах и возможностях ведения земледелия. Красочно описал особенности разных частей Дагестана, плодородие почвы, климатические условия, трудности для занятия земледелием в горном Дагестане. И, конечно, главное в его работе – вопросы, связанные с земледелием, садоводством, виноградарством, мареноводством, которые особенно были развиты в Южном Дагестане (как писал П. Зубов, от Дербента до р. Самур «природа представляет роскошную долину») и в Кайтаге. Писал П. Зубов о занятиях земледелием жителей и других владений, отмечая при этом «успешность земледелия», какие зерновые культуры сеяли[2] и т.д.

В работе О. Евецкого также говорится о хозяйстве, в том числе земледелии в Дагестане, подчеркивается незначительность его в горной части из-за недостатка удобной земли и нехватке хлеба на круглый год. Интересно описание садоводства, в особенности наличие в Табасаране множества ореховых деревьев, занятии

---

[1] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1835. Ч.3; Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: Политическое положение Закавказского края на исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835; Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836; Венедиктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын Отечества. СПб., 1837. Ч.1.

[2] Зубов П. Указ.соч. С.183, 211, 228, 229, 231, 232, 238, 239.

шелководством, особенно распространенным в окрестностях Кубы и Дербента[1].

В «Обозрении Российских владений за Кавказом …» при описании разных частей и владений Дагестана дается и описание занятий населения, в том числе и земледелия, различных сельскохозяйственных работ. Отмечается также наличие у горцев садов и мареноводства. Интересны сведения о количестве зерна, собранного в Дербентском владении[2].

В статье М. Венедиктова говорится вообще о горцах, занимающихся сельским хозяйством, о засеваемых зерновых культурах, «огородных овощах», удовлетворяющих только свои потребности. Но при этом он писал, что землю горцы обрабатывают небрежно, с чем, конечно, никак нельзя согласиться. Писал автор также о малоземелье у горцев Дагестана ввиду гористости территории и их садоводстве[3].

В 40-е годы XIX в. были написаны и изданы работы, которые также имеют немаловажное значение для нашего исследования. Это труды Н. Данилевского, М.Б. Лобанова-Ростовского, А.А. Неверовского[4].

Начнем анализ с работы Н. Данилевского, которая содержит много интересного по нашей проблеме. Автор хорошо описал различные регионы и части Дагестана, в особенности Прикаспийскую низменность, территорию между Дербентом и Самуром, характеризуя ее как «невероятную» часть, способную для занятия земледелием. Автор писал также, что и восточная часть горного Дагестана способствует «земледелию с великим успехом»[5].

---

[1] Евецкий О. Указ.соч. С.227-228.

[2] Обозрение Российских владений за Кавказом … Ч.4. С.44.

[3] Венедиктов М. Указ.соч. С.188.

[4] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846; Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков // Кавказ. 1846. № 37-38. Отдельно издано под тем же названием докт. ист. наук, проф. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 2002; Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847; Его же. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

[5] Данилевский Н. Указ.соч. С.44.

Интересна для нашего исследования и статья М.Б. Лобанова-Ростовского, посвященная кумыкам Засулакской Кумыкии. Помимо таких вопросов, как классы и сословные группы феодалов и крестьянства, в работе автор останавливается и на занятии населения земледелием, которое являлось основной и хорошо развитой отраслью занятия жителей Засулакской Кумыкии, в работе говорится и о землевладении – о нераздельности (т.е. фамильной – родовой) земельной собственности княжеских фамилий, земельной собственности представителей низшего сословия класса феодалов – сала-узденей, землевладении служилой группы сала-узденей, выступавших в качестве дружинников, которые за свою службу получали от феодалов землю[1].

А.А. Неверовский в работе 1847 г., прежде всего, описывает природно-географические условия разных частей Дагестана, способствующие или препятствующие для занятия земледелием. Автор перечисляет, какие зерновые были характерны для того или иного района Дагестана, писал о садоводстве, огородничестве, мареноводстве и табаководстве, их распространенности в разных местах, разных регионах и дагестанских владениях. Отмечаются трудности земледелия и его незначительность в западном Дагестане. В работе говорится и о садоводстве, получившем развитие в особенности в горных ущельях, отсутствии в горном Дагестане огородничества. Хорошо описал А.А. Неверовский плоскостной Дагестан, где сильно было развито земледелие, здесь подчеркивал он, «хлеб всякого рода родится с изобилием»[2].

institute of history.ru

Вторая работа А.А. Неверовского больше посвящена политической истории Дагестана. Но и в ней затронуты интересующие нас вопросы. Интересна оценка или характеристика Дагестана, который автор работы называет «самой лучшей и богатой частью» Кавказа[3].

Весьма интересна и важна для нашего исследования содержательная статья А. Соколова, посвященная описанию западного берега Каспийского моря и изданная в газете «Кавказ» в 1848 г.[4]

---

[1] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.8, 24, 35, 38, 39.

[2] Неверовский А. Краткий взгляд … С.15-17, 36-37, 39, 42.

[3] Неверовский А. Краткий исторический взгляд … С.23.

[4] Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 1848. № 11, 13.

Это описание территории от Петровска до Кубинского уезда, расположенного за Самуром.

Останавливаясь на земледелии, автор статьи подчеркивает, что эта территория орошается либо реками, либо канавами. При этом он писал, что важнейшим источником богатства средней части Дербентского уезда являлось мареноводство. Большое внимание в статье уделено садоводству, перечню различных фруктов, собираемых с многочисленных садов этой территории, обилию виноградников в самом Дербенте. Автор статьи отмечал также развитие здесь огородничества и шелководства. Отдельно говорится о садоводстве в Кюринском владении и Каякенте, земледелии и огородничестве таркинцев, собиравших «в избытке» зерновые культуры, описана территория от Дербента до реки Дарваг, где основным занятием было прибыльное мареноводство, которым занималось все население вокруг Дербента. Здесь же подчеркиваются еще более благоприятные условия для занятия различными видами земледелия на территории от Рубаса до Самура. Автор писал, что производительная сила природы здесь щедрее северной части Прикаспия.

Много работ было издано в 50-е годы XIX в., в которых в той или иной мере – в одних более или менее подробно, в других мельком, – поднимаются и вопросы исследуемой нами проблемы. Это труды Н. Березина, Я., Костенецкого, А. Берже, Н. Абельдяева, Н.А. Окольничего и др.

Начнем анализ с работы Н. Березина, изданной в Казани в 2-х частях[1]. Прежде всего, отметим, что автор, как и ряд других авторов XIX в., дает характеристику Дагестана, описывает природно-географические условия, климат, влияющие на возможности занятия земледелием. Интересно его сравнение Горного Дагестана с Сирией, где были, как писал он, почти аналогичные природно-географические условия. Полемизируя с отдельными авторами его времени, отрицающими наличие в Дагестане плодородных долин, где возможно было вести зерновое хозяйство, Н. Березин приводит в качестве примера табасаранскую долину. При описании феодальных владений Дагестана автор работы останавлива-

[1] Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Дополненное. Казань, 1850.

ется на занятиях населения, в связи с чем говорит о земледелии, садоводстве, виноградарстве и технических культурах – мареноводстве, шелководстве, хлопководстве[1].

В 1851 г. была издана работа Я. Костенецкого «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года»[2], где содержится много вопросов по исследуемой теме. Автор был не только в Аварии, но и на других территориях, и поэтому в работе описаны и занятия их жителей. Так, он писал о горцах, вообще, Акушинском обществе, Хаджалмахи, в частности о его садах. В работе отмечается малоземелье в горах, в связи, с чем горцы строили террасные поля. Описывая аварские села, Я. Костенецкий показывает широкое развитие садоводства в Койсубулу, в частности в сел. Унцукуль, пишет о садах Гимры, Зирани, описывает долину вокруг Орота, характеризуя ее как самую плодородную и настоящую житницу этой части гор, говорит о земледелии ряда горных сел[3].

В статье З.А. Зиссермана, опубликованной в «Современнике» в 1854 г., интересно для нашей темы описание садов, главным образом хаджалмахинцев, выращивающих различные сорта фруктов. Он восхищался разбросанными на террасах садами, в которых были и громадные деревья[4].

В 50-е годы было издано несколько работ А. Берже, содержащих вопросы нашего исследования. Это, прежде всего, «При-Каспийский край», изданный в 1856 г. в «Кавказском календаре»[5]. Автор описывает политические структуры Дагестана, Прикаспийский край, в связи с чем, наряду с другими вопросами их социально-экономического положения, останавливается и на занятиях населения. Говоря о земледелии горцев, А. Берже писал, что оно являлось «главнейшим источником народного богатства». Он писал, что «ни к одной стране не может быть лучше применена эта истина, как к Дагестану». В условиях отсутствия

---

[1] Там же.

[2] Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851.

[3] Там же. С.27, 33, 47, 75, 76, 100, 11, 115.

[4] Зиссерман З.А. 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т.48. № 11.

[5] Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

промышленности «все его внимание, – писал он, – обращено на возделывание полей».

А. Берже отмечал, что самыми плодоносными частями Прикаспийского края являются восточная половина Кюринского ханства и Даргинский округ, он писал о хлеборобстве Дербентского округа и Акушинского общества, садах Цудахарского союза и в особенности хаджалмахинских фруктах. Много внимания уделено в работе А. Берже земледелию в Приморской полосе, кумыкских владениях, писал об их поливном земледелии, посевных культурах, о благоприятных природных условиях для земледелия на территории от р. Татаул до р. Дарвах, о хлопководстве и мареноводстве, отсутствии огородничества, как писал автор работы, «в том смысле, как мы понимаем»[1].

В том же издании «Кавказский календарь» были опубликованы работы А. Берже: в 1857 г. «Краткий обзор горских племен на Кавказе»[2], а в следующем, 1858 г. «Материалы для описания Нагорного Дагестана»[3].

И в этих работах А. Берже имеются вопросы по нашему исследованию, которые даются также при описании различных политических структур, хотя в них превалирует материал по описанию различных политических событий, положения владений, взаимоотношений с Россией и т.д.

Останавливаясь на земледелии в Нагорном Дагестане, А. Берже писал, что оно находится в «самом жалком положении», описывал строительство садов «на крутизнах и скалах, искусственно обделанных в виде террас».

А. Берже отмечал трудности земледелия Антль-Ратля ввиду суровости климата, его слабости и что здесь поспевали только ячмень и овес.

При описании Аварии А. Берже также отмечал ее гористость и бесплодность, малоземелье, писал о зерновых культурах, садоводстве в долине р. Койсу. Останавливался А. Берже также на садоводстве в Чиркее, садоводстве и виноградарстве в Чирката, са-

[1] Там же. С.329-330, 331-333.

[2] Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. Тифлис, 1857.

[3] Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 год. Тифлис, 1858.

доводстве Унцукуля, земледелии, садоводстве и виноградарстве Салатавии, обилии пастбищ в Андийском обществе, земледелии, садоводстве и виноградарстве Хиндалала[1].

Определенный интерес по нашей проблеме представляют две статьи Н.А. Абельдяева – «Заметки о домашнем быте дагестанских горцев» и «Сельское хозяйство у дагестанских горцев»[2], в которых автор писал, что разведение крупного рогатого скота являлось свидетельством занятия дагестанцев, в частности в Салатавии, земледелием и его первенствующей роли в хозяйстве горца. Он писал также, что земледелием занимались повсюду в Дагестане, в том числе и в горном.

В 1958 и в 1859 гг. были опубликованы две статьи И.С. Костемеровского: «Салатавия» и «Дневник из Салатавского зимнего похода»[3], в которых наряду с другими вопросами их автор останавливается на занятиях населения Салатавии, в том числе земледелии и садоводстве. Автор подчеркивает широкое развитие земледелия, перечисляет злаковые культуры, выращиваемые ее жителями, среди которых широкое развитие получила кукуруза, останавливается на садоводстве и виноградарстве, их развитости в различных селах и орошении, к которому прибегали салатавцы.

В 1859 г. были изданы две статьи – «Обзор последних событий в Дагестане»[4] и «Перечень последних военных событий в Дагестане»[5], в которых также имеются вопросы, представляющие интерес для нашего исследования.

В первой из перечисленных статей, описывая различные феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана, автор останавливается и на занятиях населения, писал о террасах, садах, расположенных вокруг горских аулов. Н.А. Окольничий

---

[1] Там же. С.251, 257, 260, 264, 265, 273-274, 276, 280, 282.

[2] Абельдяев Н.А. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ, 1857. № 50-51; Его же. Сельское хозяйство дагестанских горцев // ЖМГИ. СПб., 1857. Ч.64. № 8.

[3] Костемеровский И.С. Салатавия // Кавказ. 1858. № 1; Его же. Дневник из Салатавского зимнего похода // Кавказ. 1859. № 62.

[4] А.-Д.Г. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т.IX.

[5] Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т.V. № 1.

также описывал политические структуры Дагестана, природно-климатические условия, писал о бекских деревьях, различных сословных группах, занятиях населения Дагестана. Говоря о хлебопашестве в горах, Н.А. Окольничий писал, что оно находится в плохом состоянии, писал, что земледелие здесь было террасное, что «под каждым аулом имеются сады и огороды». Что интересно, показывающее всеобщую занятость населения земледелием, это его слова, что «все в горах занято, обработано, засеяно; покатости гор, уступы, небольшие площадки, курганчики, возвышающиеся на дне ущелья, одним словом, все то, где только могла проявиться деятельность человека, все более или менее приспособлено к удовлетворению первейших жизненных потребностей»[1]. И что удивительно – этих горцев Н.А. Окольничий называл варварами, живущими на стадии первобытной дикости. Могли ли варвары, находившиеся в диком состоянии, так усердно, так тщательно обрабатывать землю?

Много работ – отдельных монографий, а также специальных больших и маленьких статей – было издано в 60-70-е годы XIX в. различными авторами: учеными, военными деятелями, царскими чиновниками, путешественниками и т.д., в которых их авторы, наряду с другими вопросами социально-экономической жизни, описывали вопросы, связанные с занятием населения и земельно-правовыми отношениями в Дагестане. Среди авторов работ указанного периода Т. Макаров, Н. Глиноецкий, А. Руновский, П. Пржецлавский, К. Никитин, П. Петухов, Н.И. Воронов, А.П. Ермолов, А.В. Комаров, П.Г. Бутков, Н. Львов, Н.Ф. Дубровин, И.П. Линевич. Ряд статей в 1869-1873 гг. был издан в «Сборнике сведений о кавказских горцах», среди которых «Шамхалы Тарковские», «Казикумухские и Кюринские ханы», «Мехтулинские ханы», «Из путешествия по Дагестану» Н.И. Воронова, «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» П.А. Гаврилова, «Природа и люди Закатальского округа» А.И. Фон Плотто, «Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского округа» Н. Львова, «Бывшее Елисуйское султанство» Н.П. Линевича.

institute of history.ru

[1] Окольничий. Указ.соч. С.158.

Как видно из перечня авторов и работ, изданных в 60-70-е годы, их было довольно много. Конечно, не все они равнозначны по своему содержанию и наличием в них вопросов, касающихся нашей темы. В одних из них довольно хорошо описан ряд вопросов, в других – они даются очень кратко среди других вопросов социально-экономической истории народов Дагестана. Но, тем не менее, не сказать обо всех работах, имеющих хотя бы какое-то отношение к нашей теме, было бы неправильно. И по возможности мы постараемся остановиться на них.

Статья Т. Макарова «Кумыкский округ»[1] посвящена Засулакской Кумыкии и в ней прежде всего отмечается, что в прошлом земли между Сулаком и Тереком принадлежали шамхалу, говорится, как сюда переселился Султан-Мут и стал раздавать земли своим приближенным, как образовались три княжества, кто имел владельческие права на землю. Здесь говорится также о владетельных родах, родовой собственности, описаны классы и сословные группы кумыков, показано их социально-правовое и экономическое положение, пользование водой и т.д.

В статьях П. Пржецлавского затронуты вопросы о садоводстве в Цудахаре, нехватке своего хлеба, который приобретали на фрукты в Мехтулинском ханстве[2], о частных хуторах жителей аварских сел, земледелии в горах, нехватке здесь земли, урожайности зерновых, виноградарстве в Койсубулинском союзе[3] и т.д.

А. Руновский в статье, опубликованной в 1862 г.[4], затронул ряд вопросов нашей темы: о классах и сословных группах Дагестана, их происхождении, экономических и сословных правах. Интересна характеристика Хиндалала, названного автором «садом северо-восточного, а может быть и целого Кавказа»[5].

В 1863 г. в газете «Кавказ» была опубликована статья И.М. Бахтамова, посвященная сел. Чиркей[6]. Наряду с рядом интерес-

---

[1] Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 2 октября 1860. № 77-79.

[2] Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. № 4. С.272.

[3] Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т.III. С.142, 173, 175.

[4] Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8.

[5] Там же. С.385.

[6] Бахтамов И.М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29, 30.

ных вопросов, как происхождение названия Салатавия и ряда сел, автор останавливается и на занятиях населения. В частности, он писал о земледелии, зерновых культурах, выращиваемых салатавцами, их урожайности, а также садоводстве и виноградарстве. Особо подчеркивается производство салатавцами вина из местных сортов винограда.

В статье К. Никитина[1] для нашей темы интерес представляют земельно-правовые отношения, сложившиеся после «овладения» джарцев восточной и средней областями Кахетии и образования Илисуйского султанства.

В статье Н. Львова[2] для нас интересен вопрос о садоводстве горцев Дагестана, которое он называл «главным предметом их богатства». При этом он писал, что природа здесь так щедра, что при небольшом старании, уходе за деревьями число плодовых деревьев, виноградных лоз удесятерилось бы. Писал Н. Львов и о ханских садах в Голотле.

В 1867 г. в газете «Кавказ» была опубликована большая статья помощника начальника Кайтаго-Табасаранского округа П. Петухова[3]. В работе поднято много вопросов, среди которых: классовый и сословный строй Кайтага и Табасарана с правами и обязанностями различных сословных групп, перечень податей и повинностей зависимых крестьян, вопросы земельных отношений и земледелия, зерновых культур, огородничества, садоводства, о богатстве почвы приморской полосы и орошаемых мест, зимних кутанах, садоводстве магала Терекеме и Ирчамула, горах уцмия Кайтага, собственных ореховых деревьях беков.

Весьма интересны вопросы, поднятые в работе «Из путешествия по Дагестану» Н.И. Воронова,[4] по занятиям населения в горных и высокогорных обществах Дагестана, собственниках земель и скота. В статье описана вся территория, где бывал автор,

---

[1] Никитин К. Очерк Елисуйского ущелья // Кавказ. 8 сентября 1866. № 70.

[2] Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 10 сентября 1867. № 71; Его же. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.III.

[3] Пъ-в [Петухов] П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

[4] Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.I; 1870. Вып.III.

жизнь и быт ее населения, он останавливался и на других различных вопросах нашего исследования. Так, о дидойцах он писал, что они занимаются земледелием и имеют избыток хлеба, что у них бывают хорошие урожаи зерновых (сам 15-20), перечислял зерновые культуры, засеваемые дидойцами. Описывая Гидатль, Н.И. Воронов подчеркивал плодородие земли, ее благодать, наличие здесь широкой природной поляны, находившейся между главными аулами, «вся культивированная под сады и пашни», писал о трудолюбии горцев, которые выращивали даже виноград, наличии здесь громадных ореховых деревьев[1].

Одна из частей работы Н.И. Воронова посвящена описанию других частей, обществ и владений Дагестана. Здесь автор писал о развитости земледелия в Телетле, описал сады Хиндаха и Хоточа. Интересно описание автором огородничества у лакцев, где, как писал он, отдельные села специализировались на выращивании определенных овощей (лука, моркови и т.д.). И, что интересно, Н.И. Воронов отмечал, что «вероятно, такого рода специальность освещена давно сложившимся местным адатом». Выходит, что такие огородные культуры, как лук, морковь были известны лакцам давно и в изучаемое нами время они являлись традиционными. Все это никак не совпадает с мнением Ф.И. Гене, писавшем в 1835/36 г., что горцы не занимаются огородничеством, чему препятствуют и суровые климатические условия. Важно для нас и описание кумухского базара, где продавались различные продукты сельского хозяйства, что дает возможность нам определить их производство в том или ином регионе или в обществе[2].

В 1868 г. были изданы «Записки» А.П. Ермолова[3], в которых интерес для нашей темы представляет его характеристика занятий населения, в частности земледелия, в ряде владений и обществ, а также отношение горцев к земле, которую, по его словам, горцы обрабатывали тщательно, используя малейшие клочки, пригодные к земледелию, о чем он писал в отношении акушинцев.

---

[1] Там же // ССКГ. Вып.I. С.13, 25-27.
[2] Там же // ССКГ. Вып.III. С.5, 11, 38
[3] Ермолов А.П. Записки (1816-1827). М., 1868.

В 1868 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» была издана статья «Шамхалы Тарковские»[1], где дана история, хозяйство и политическое положение самого большого феодального владения Дагестана и его правителей – шамхалов. Нас в данной статье интересует образование удельных владений, отпочковавшихся из земель шамхальства, и появление новых феодалов в лице удельных князей (беков), феодальная междоусобица, собственность шамхала, пожалованные ему императором Александром I земли – Улусский магал, расширение владения шамхала за счет присоединенных удела изгнанного А.П. Ермоловым мехтулинского хана и, что особо важно, поземельные права шамхала и других феодалов шамхальства и виды повинностей за пользование их землями.

Отдельные вопросы исследуемой темы затронуты в работах Н. Глиноецкого[2] и А.В. Комарова[3]. Первый автор затронул значимость и недостаточность земли в Дагестане, ее дороговизна в горах.

В работах А.В. Комарова также есть вопросы о землевладении в ряде обществ и, кроме того, перечень хуторов различных сел, которые в прошлом были индивидуальными, тухумными или общественными животноводческими хуторами.

Во втором выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» опубликовано несколько статей, имеющих какое-то отношение к нашей теме. Это, прежде всего «Казикумухские и Кюринские ханы»[4] А.В. Комарова, где нас интересуют возникновение земельной собственности халклавчи, расширение границ его владения в результате овладения соседними территориями, возвышение Сурхая (Чолака) в первой четверти XVIII в., получение им титула хана, расширение казикумухского ханства при Магомед-хане, образование Кюринского владения Шах-Мардана, завладение рядом земель и обществами Южного Дагестана Сурхай-

---

[1] Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1.

[2] Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан (из путевых заметок, виденных на Кавказе в 1860 году) // Военный сборник. 1869. № 2.

[3] Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1869. Т.1; Его же. Народонаселение Дагестанской области (С этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн.8.

[4] Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.

ханом Кумбута, образование Кюринского, а затем Кюра-Казикумухского ханства.

Во второй статье, опубликованной в том же выпуске указанного журнала «Мехтулинские ханы»[1], говорится об образовании ханства в результате переселения в земли будущего ханства одного из представителей казикумухского правящего рода по имени Кара Мехти. В связи с этими событиями в статье показано укрепление последующих ханов и образование феодального землевладения, что оно было сначала нераздельным владением, подобно в княжествах Засулакской Кумыкии. Показаны изменения, происходившие в ханстве после прихода А.П. Ермолова. В работе говорится также о налогах и повинностях, которыми пользовались ханы, как феодальные владетели.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Третья статья, помещенная в указанном выпуске журнала, – это «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» П.А. Гаврилова[2].

В статье отдельно выделяется Кумыкский округ, дано описание его природно-географических условий, характеризуемых как благоприятные «не только обширному производству различных сортов хлеба, но и разведению других, почти тропических растений»[3]. Автор отмечает многочисленность водопроводных канав, развитие огородничества, садоводства, виноградарства, наличие пастбищ, посевов зерновых культур, плантаций марены[4] и т.д.

Автор статьи дает также классы и сословные группы Кумыкской плоскости, формы зависимых отношений и повинности крестьян. В статье говорится и о земельной реформе 1864 г.[5]

institute of history.ru

В 70-е годы XIX в. была издана 6-томная работа академика Н.Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе», из которых для нас интерес представляет первый том[6], в котором говорится о Дагестане в разделах «Дагестанские горцы»

---

[1] Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.
[2] Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II.
[3] Там же. С.37.
[4] Там же.
[5] Там же. С.38, 41.
[6] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1.

и «Кумыки». Здесь поднято много вопросов по теме нашего исследования, на которых остановимся ниже.

Прежде всего отметим, что Н.Ф. Дубровин говорит о природно-географических условиях разных регионов Дагестана, писал о климатическом разнообразии Дагестана и о возможностях занятия земледелием, отмечая при этом, что в целом климат Дагестана чрезвычайно здоров и нездоровые места встречаются весьма редко[1]. Описывая Салатавию, Н.Ф. Дубровин писал, что она обильна и в ней находятся растения, принадлежащие северному и теплому климату; о Гумбете писал, что хлебопашеством занимаются мало; о Койсубулу – «занимаются преимущественно разведением винограда и других фруктовых деревьев»; далее он отмечал «земли, способной для возделывания, в Аварии очень мало»; в Засулакской Кумыкии почва плодородна и удобна для хлебопашества; писал о малоземелье в горах вообще; о незавидном состоянии хлебопашества у дидойцев[2].

Писал в своей работе Н.Ф. Дубровин также о классах и сословных группах дагестанского общества и земельно-правовых отношениях, существовавших в особенности на плоскости.

В 1873 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» была издана большая статья И. Линевича «Бывшее Елисуйское султанство»[3], которое также имеет отношение к исследуемой нами проблеме. Статья написана на основе опубликованных ранее в газете «Кавказ», «Кавказском календаре», «Сборнике сведений о кавказских горцах» различных материалов сословно-поземельной комиссии и т.д., и в ней вопросы, интересующие нас, автор изучает в обобщенном виде. Это вопросы, касающиеся земельно-правовых отношений и, прежде всего, владений (личных сел) султана Илисуйского и беков-родственников и пожалованных беков, землях, как писал И. Линевич, «лезгин» (аварцев и цахуров, имевших сначала общие земли, а затем разделивших их между четырьмя «группами» – обществами или союзами, составляющими султанство). Из работы видно, что земледелие было главным

[1] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1.С.37.

[2] Там же. С.499-500, 619-620, 501, 511.

[3] Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып.VII.

занятием султанства. Автор статьи писал о нахождении земли в частной собственности, пожалованиях поземельных податей и образовании условного землевладения.

Много работ-монографий и еще больше статей было издано и в 80-90-е годы XIX в., которые также имеют определенное отношение к исследуемой нами проблеме, так как, хотя они были изданы в поздний период, но во многих из них речь идет о предыдущем периоде – XVIII – первой половине XIX в., т.е. о времени до присоединения Дагестана к России, когда Дагестан еще не подвергался влиянию последней и в нем еще не происходили коренные изменения в социально-экономическом развитии, которые происходили со второй половины XIX в.

В 1882-1883 гг. в Одессе была издана работа Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев …»[1], в которой для нашей темы интерес представляют вопросы о классовой структуре и земельных отношениях кумыков, в частности о феодальной земельной собственности в княжествах Засулакской Кумыкии.

Тогда же была издана статья М.М. Ковалевского «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа»[2], где поднят ряд вопросов по нашему исследованию. Автор писал о разной ступени развития феодализма у разных народов Северного Кавказа, о классах и сословных группах Кумыкской плоскости, о различных формах земельной собственности: родовой, общинной, частной и феодальной. В статье говорится, что в Засулакской Кумыкии верховными собственниками земли являлись феодалы-князья, сала-уздени получали земли от кумыкских князей за несение службы.

В следующем году вышла статья Я. Абрамова[3], где он выразил недовольство указанной статьей М.М. Ковалевского. Он отрицал наличие частной собственности у народов Кавказа, кроме грузин, писал, что земля была собственностью племен и только террасные, как он писал, «искусственно созданные участки»

---

[1] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып.2.

[2] Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. М., 1883. Кн. XII.

[3] Абрамов Я. М.М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа (Заметка) // Отечественные записки. СПб., 1884. № 2.

находились в частной собственности. По его мнению, только с присоединением Дагестана к России появилась частная собственность на землю у горцев.

Следует особо отметить работу М. Владыкина, изданную в 1885 г. под названием «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу»[1], в которой подняты и вопросы нашего исследования. М. Владыкин, вопреки многим другим авторам XIX в., писал о трудолюбии горцев, о строительстве канав, устройстве пахотных участков, садоводстве и виноградарстве в Дагестане, в особенности в его горной части, которое им оценивалось высоко. Хотя работа написана в 1885 г., она имеет прямое отношение к нашей проблеме.

В 1886 г. Ф. Щербина опубликовал большую статью под названием «Общинный быт и землевладение у кавказских горцев»[2], имеющую непосредственное отношение к нашему исследованию. В ней поднято много вопросов, вызывающих недоумение и несогласие с мнением автора.

Говоря безотносительно, в каких регионах, Ф. Щербина утверждал, что главным занятием горцев было скотоводство, что хозяйство горцев «было в загоне», что горец к труду всегда относился с пренебрежением и апатией. Писал автор статьи о господстве у горцев рода, а, следовательно, общинного землевладения и наличии обычая свободной заимки, который заменяется с уменьшением земли переделами. Автор не согласен с теми, кто писал о наличии земельной собственности, отрицая наличие права свободного отчуждения земли. Ф. Щербина во всем укладе жизни горца, в земледелии, скотоводстве видел примитивность. «Только при огородничестве, – писал он, – и в некоторых случаях на сенокосных участках встречалась иногда ирригация, служившая, по-видимому, указателем высшей земледельческой культуры». Но и это автор выдавал как следствие «того обычного коллективизма, который вообще свойственен первобытной общине»[3]. Ф. Щербина из зерновых культур, которыми пользовались горцы, отмечал только кукурузу и просо.

---

[1] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Изд. 2-е дополненное. СПб., 1885. Ч.I-III.

[2] Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. № 1.

[3] Там же. С.139.

Описывая земельные отношения, автор статьи писал о малочисленности земель у феодалов и здесь же отмечал, что русские находили во многих местах институт частной земельной собственности.

В 1887 г. были опубликованы интересные «Заметки»[1] Н.Н. Муравьева-Карского, офицера русской армии, руководившего в 1722-1723 гг. строительством крепости Бурная и знавшего жизнь и быт народов Дагестана. В «Записках» содержатся и вопросы по исследуемой нами теме. Описав различных правителей, в особенности шамхала, его взаимоотношения с акушинцами, автор останавливался и на других вопросах, имеющих отношение к нашей теме. Так, он писал о том, что чанки не получают удельные деревни, в то время как беки получали их; писал о доходах шамхала, об аренде пастбищ горцами в шамхальстве, за что платили определенную плату.

В 1890 г. была издана крупная историко-правовая работа выдающегося юриста-правоведа М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе»[2], где автор тухум считал родом и отсюда вытекали и другие неверные утверждения. Писал автор и о существовании еще в XIX в. в Дагестане больших семей, в связи с чем утверждал о нахождении пахотных и сенокосных земель в собственности малых и больших семей. Писал он и о существовании обществ, где все члены были родственниками, членами одного и того же рода, которым, по мнению автора работы, был тухум. Отсюда и другое утверждение его, что право пользования общинными пастбищами и лесами обусловливалось не столько рождением, сколько местом проживания.

В общинах же, где совместно проживали разные родственные группы (тухумы), общинные земли были общими. С существованием общинно-родового устройства связывал автор и обязательный порядок севооборота.

Интересен вопрос о назру, поднятый автором работы и сравниваемый им с завещанием, что было характерно для феодального общества других стран.

---

[1] Муравьев-Карский Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского 1822 и 1823 годы // Русский архив. М., 1887.

[2] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.1-2.

Отдельные вопросы исследуемой темы затронуты в работах ряда авторов, также изданных в 90-е годы XIX в. Среди них, прежде всего, отметим книгу Н. Семенова, посвященную народам Северо-Восточного Кавказа[1]. Среди других частей региона здесь дается и Кумыкская плоскость. Автор пишет о заселении ее, принадлежности в прошлом шамхалу, как образовалось владение Султан-Мута, во время которого здесь было много свободных земель, которые он раздавал своим приближенным и в условное владение дружинникам. Говорится в работе об образовании на территории Эндиреевского владения трех княжеств, что произошло при внуках и правнуках Султан-Мута. Это новые землевладельцы Кумыкской плоскости. Даны в работе и фамилии салаузденей, низших дворян, которые, как и представители княжеских фамилий, имели свои собственные земли.

В 1895 г. была издана статья А. Белобородова «Землевладение в Терской области»[2], где для нашего исследования важны вопросы земельно-правовых отношений, существовавших на Кумыкской плоскости. Автор перечисляет формы земельной собственности, категории земель, находившихся в частной собственности. В связи с этим вопросом он писал, что дробление земельной собственности феодалов, находившейся в пользовании крестьян, приводило к тому, что эти клочки земли не могли удовлетворить потребностей земельных собственников.

institute of history.ru

Другая статья А. Белобородова, изданная в следующем году, посвящена прошлому кумыков[3]. В ней дана история заселения Засулакской Кумыкии, образования здесь феодальных княжеств и, что нам важно в связи с этими вопросами, как происходило наделение землей дружинников, поземельная зависимость различных категорий крестьян от землевладельцев.

В 1898 г. в журнале «Терские ведомости» была опубликована статья под названием «Землевладение в Дагестане»[4], в которой поднимается вопрос о земельной собственности различных сословных групп класса феодалов. При описании крестьянства отмечается, что свободные уздени Горного Дагестана «могли быть

[1] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

[2] Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107, 108, 109.

[3] Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145.

[4] Землевладение в Дагестане // Терские ведомости. 1898. № 90.

только арендаторами ханских и бекских земель» и при этом они не теряли своей свободы. В статье говорится также об отсутствии у беков «собственности на землю» и что землей «пользовались исключительно ханские роды», что, конечно, не совсем верно, хотя в другом месте пишется, что «беки иногда получали от ханов земли и на праве собственности», хотя и здесь неверно, что беки только «иногда» получали земли на праве собственности.

В статье затрагивается также вопрос о садоводстве и виноградарстве, для развития которых были благоприятны глубокие горные долины, защищенные от ветров.

Отдельные вопросы исследуемой нами темы подняты в нескольких работах авторов начала XX в. Прежде всего это большая статья П.В. Гидулянова[1], в которой поднято много вопросов по земледелию и землевладению в Дагестане до и после присоединения к России. Будучи профессором церковного права Московского университета, а с 1911 г. директором Лазаревского института восточных языков, П.В. Гидулянов, основываясь на работы предшественников, написал большую статью, опубликованную в 3-х номерах «Этнографического обозрения». Хотя работа и носит компилятивный характер, но интересна тем, что в ней сосредоточены воедино вопросы по сословно-классовому устройству Дагестана до начала XX в. Мы солидарны с проф. С.Ш. Гаджиевой, писавшей, что труд П.В. Гидулянова относится «к числу интереснейших и содержательных работ по истории Дагестана»[2].

Значимость работы П.В. Гидулянова заключается в том, что в ней подробно даны классы и сословные группы феодального Дагестана, показаны особенности классовой структуры в различных владениях, формы зависимых отношений, вопросы сословно-поземельных отношений, особенности экономического развития, в частности занятие земледелием различных регионов, для чего автор характеризует географические и природно-климатические условия равнинного и горного Дагестана. В статье описаны различные формы земельной собственности и в особенности фео-

---

[1] Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1-3.

[2] Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С.12.

дального землевладения, показано как увеличивалась земельная собственность ханов и беков, как царские власти покровительствовали им, наделяя их новыми землями из казенных земель. В общем, вопросов, поднятых в работе, много, и они, конечно, имеют отношение в нашей проблеме.

Прямое отношение к нашей теме имеют и поэтому значимы для нас работы Н.П. Тульчинского – землемера Межевского управления, а затем управляющего Терской областной чертежной, издавшего несколько статей по сословному и земельному вопросу в Терской области. Среди его работ наиболее крупной и обобщающей является статья «Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости», изданная в 1903 г.[1] и охарактеризованная С.Ш. Гаджиевой как серьезное для своего времени исследование[2]. Из вопросов, имеющих отношение к нашей теме, отметим прежде всего вопросы феодальной земельной собственности на Кумыкской плоскости до и после присоединения к России, где автор показывает земельную собственность сословных групп класса феодалов, подати и повинности крестьян за пользование феодальной землей. Интересен вопрос об увеличении феодального землевладения путем самовольного захвата князьями общественных земель после присоединения к России Засулакской Кумыкии. В статье много интересных фактов, конкретных материалов по изучаемым нами вопросам, что делает ее не только трудом историографического характера, но и ценным источником.

В работе П.Ф. Свидерского, изданной в 1903 г.[3], для нашей темы интерес представляют описания хаджалмахинских садов, перечень различных фруктов, выращиваемых жителями Хаджалмахи.

---

[1] Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости (Краткий исторический очерк, составленный по официальным данным). Владикавказ, 1903.

[2] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.12.

[3] Свидерский П.Ф. В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903.

В 1905 г. была издана довольно большая работа Н.Д. Гаибова «О поземельном устройстве горских племен Терской области»[1], которая также важна для нас по разбираемым в ней вопросам. Работа содержит раздел, посвященный Засулакской Кумыкии, под названием «По Кумыкскому (ныне Хасав-Юртовскому) округу», охарактеризованному автором работы как «одного из плодороднейших местностей на Кавказе», которая благоприятствовала «не только производству различных хлебных злаков, но и разведению других садовых и огородных растений».

В работе дается история заселения Засулакской Кумыкии, говорится о возникновении «высшего сословия» кумыков, обширности земли, владельческих землях князей и сала-узденей, названных автором работы дачами, интересны данные о количестве последних, которые увеличивались за счет захватов феодалами общинных земель и пожалований, практикуемых царской администрацией, «государственных земель и крестьянских душ знатным лицам за военные и гражданские заслуги»[2]. В работе перечислены интересные фамилии и их «дачи», т.е. земли, принадлежавшие им как частная собственность. Аналогичные сведения имеются и по сала-узденям[3]. Причем нередки были случаи, когда отдельные фамилии имели по несколько «дач», а порой и совместные. Что интересно, в работе говорится о принадлежности «дач» отдельным чагарам[4].

В трех номерах газеты «Кавказ» в 1908 г. была опубликована статья А. Стрельбицкого, посвященная земельным отношениям в Казикумухском округе[5]. В ней, прежде всего, говорится о малоземелье в Казикумухском округе, пригодном для земледелия, приведены интересные цифры о различных категориях земель, приходившихся на каждый двор. В связи с этим автор статьи говорит о возникновении у лаков права пользования чужими частными или общественными земельными угодьями. В зависимости

---

[1] Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк (Составлен на основании официальных документов). Тифлис, 1905.

[2] Гаибов Н.Д. Указ. соч. С.140.

[3] Там же. С.318-333.

[4] Там же. С.333.

[5] Стрельбицкий А. Очерк поземельных отношений в Казикумухском округе Дагестанской области // Кавказ. 1908. № 294, 295, 296.

от пользования чужими землями и времени года существовали три различных названия – «барт-урта», «духра» и «кха». Это сервитутные отношения, которые имели место и у других народов Дагестана.

В 1915 г. и в 1916 г. были изданы две работы В. Линдена, которые практически идентичны по своим сюжетам. Одна из них посвящена классу феодалов, как высшему классу дагестанского позднефеодального общества, его сословным группам[1], а во второй работе дается не только классовая структура, но и земельные отношения в дагестанских феодальных владениях, в том числе и в Илисуйском султанстве[2]. Поднятые в работах В. Линдена вопросы касаются нашей темы, в особенности вопросы по земледелию и землепользованию в Дагестане. Говорит автор не только о землях правителей, но и об условном землевладении, податях и повинностях зависимых категорий крестьян и т.д.

В 1917 г. была издана работа В. Сидорова[3], в которой хорошо описано садоводство горцев Дагестана, в особенности хаджалмахинцев. При этом он отмечал благоприятные климатические, топографические и почвенные условия для занятия садоводством в горах.

Исследуемая нами проблема интересовала и местных авторов. Имеется ряд работ, изданных в XIX – начале XX в., среди которых наиболее ранний труд А.-К. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам»[4], написанный в 1844 г. Работа в основном посвящена политической истории, но, тем не менее, вопросы о феодальной знати – правителях дагестанских владений и руководителях союзов сельских общин, рассматриваемые в ней, дают возможность судить об их экономическом положении.

Для нашей темы наибольший интерес представляет работа этнографа и историка кумыков Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумы-

---

[1] Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1915.

[2] Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916.

[3] Сидоров В. По России. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897.

[4] Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991.

ка о кумыках», изданная в газете «Кавказ» за 1848 г.[1] Будучи местным жителем, он знал историю края и как ни один автор описал подробно классы феодалов и крестьянства с их сословными группами, показав при этом их происхождение, права, обязанности, экономическое положение и прежде всего отношение к земле. Хорошо прослежены вопросы земледелия, землевладения и землепользования, что и делает работу Д.-М. Шихалиева ценным трудом по нашему исследованию. Следует здесь отметить, что в 1993 г. труд Д.-М. Шихалиева был издан отдельной книгой проф. С.Ш. Гаджиевой.[2]

instituteofhistory.ru

Еще один местный автор уроженец Засулакской Кумыкии князь Хамзаев в 1865 г. также в газете «Кавказ» издал работу под названием «Кое-что о кумыках»[3], где так же, как и предыдущий автор, останавливается на сословном делении кумыков, у которых, по его мнению, было семь сословий. Дана их характеристика с указанием правового и экономического положения и места, занимаемого ими в кумыкском феодальном обществе.

Уроженец сел. Урахи Даргинского округа Г.-М. Амиров, будучи учеником Ставропольской гимназии, в 1873 г. издал интересную статью[4] о жизни и быте своего родного селения. Статья для нас представляет интерес в плане освещения в ней экономического и сословно-правового положения различных групп общества – верхушки в лице местной администрации и землевладельцев, а также крестьян, занимавших в обществе различное положение. Показано расслоение последних, как проводились сельскохозяйственные работы, интересно описан наем богатеями работников, приходивших в Урахи из горных обществ даргинцев.

Уроженец Южного Дагестана, известный ученый-арабист Г.-Э. Алкадари в конце XIX в. написал книгу «Асари-Дагестан»[5]. Хотя работа эта, как и указанный выше труд А.-К. Бакиханова, посвящена в основном политической истории, интересна тем же,

instituteofhistory.ru

[1] [Кумык]. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 39-44.

[2] Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Составл., предисл. и комментарии доктора ист. наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1991.

[3] Кн. Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68, 70.

[4] Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып.VII.

[5] Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929, 1994.

– в ней показана различная деятельность феодальных владетелей, политическое положение и роль в Дагестане, которая определялась их экономическим положением, наличием в их собственности богатства и, конечно, среди них земельной собственности, что отличало их от остальных жителей своих владений.

В 1906 г. была опубликована большая статья революционера, публициста, историка и философа С.И. Габиева, посвященная лакцам[1]. Практически это краткая история одного из народов Дагестана до начала XX в. В статье подняты все вопросы социально-экономической истории и политического положения лакцев. По нашей теме автор статьи останавливается на вопросах ограниченности земледелия в Лакии, ввиду суровости природно-климатических условий ее территории, на землевладении феодальных владетелей – как оно возникло еще тогда, когда Сурхай (Чолак) был халклавчи, и дальнейшем его расширении, на категориях феодального землевладения, формах пользования ими, повинностях крестьян, целых общин и перечне феодально-зависимых сел.

б) Историография проблемы советского периода

В годы советской власти первые работы, где поднимаются вопросы исследуемой нами проблемы, появились только в 30-е годы XX в. Это прежде всего работы И.П. Петрушевского. В 1934 г. он издал в Ленинграде работу, посвященную Джаро-Белоканской конфедерации союзов сельских общин, которая в 1993 г. была переиздана В.Г. Гаджиевым[2]. В работе имеется отдельная глава, посвященная Илисуйскому султанству, где по нашей теме имеются вопросы, посвященные султану, сословию беков, их происхождению, земельной собственности султана и беков, как крупных кешкелевладельцев, и земельной ренте, взимаемой с зависимых крестьян за пользование их землями. В работе говорится и о знатных кевхах (правителях) Джара, названных И.П. Петрушевским относительно крупными землевладель-

[1] Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып.36.

[2] Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934; Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступит. статья, коммент. и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993.

цами, имевшими в собственности несколько десятков кешкелей (участков земли). Отмечается автором отсутствие в султанстве барщины – ни сам султан, ни беки не вели своего отдельного хозяйства в крупных размерах.

В 1938 г. была опубликована статья проф. С.В. Юшкова, посвященная особенностям феодализма в Дагестане[1]. В статье подняты все вопросы социально-экономического развития Дагестана, в том числе и вопросы нашего исследования. Но нас интересуют конкретные вопросы по исследуемой теме. Прежде всего, отметим, что автор статьи остановился на различных возможностях занятия земледелием в разных природно-географических частях Дагестана, о потере тухумом поземельно-экономического значения, нахождении пастбищ и лесов в распоряжении общины, а пахотных участков – в «единоличном распоряжении отдельных хозяйств». При описании феодальных владений, С.В. Юшков говорит о земельной собственности феодалов и при этом дает характеристику различным сословным группам этого класса. Интересно описание различных категорий земель, находящихся в собственности феодалов, податей и повинностей феодально-зависимого крестьянства, которых автор разграничивает как традиционных, с одной стороны, и введенных в феодальных владениях после присоединения их к России, – с другой. Не менее интересны рассуждения автора статьи о рентах, среди которых особо выделяется пастбищная рента как особая форма феодальной эксплуатации.

В статье содержатся и положения, с которыми можно не согласиться, но в ней поднято много вопросов, которые представляют для нас большой интерес и их нельзя обойти при исследовании нашей проблемы.

В 1947 г. в Москве была защищена кандидатская диссертация М.В. Саидовой, посвященная переходу народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным[2], с которой собственно начинается историография проблемы послевоенного времени. Автор на основе источников литературы и хорошего историко-

---

[1] Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып.I (Исторический).

[2] Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дис… канд.ист.наук. М., 1947.

этнографического материала, собранного лично ей, исследует особенности социально-экономического развития феодальных владений и союзов сельских общин. В связи с этим в работе подняты и вопросы хозяйственной деятельности и землевладения, которые имеют прямое отношение к исследуемой проблеме.

Определенное отношение к исследуемой проблеме имеет монография И.П. Петрушевского по истории феодализма в Азербайджане и Армении, изданная в 1949 г.[1], где имеются и вопросы по земельным отношениям в ряде регионов Дагестана, в частности для нас интерес представляет закрепление персидскими шахами за цахурскими султанами владений и земель, в чем можно усмотреть пожалованную или условную форму земельной собственности.

Большое количество работ, имеющих отношение к исследуемой проблеме, было издано в 50-60-е годы XX в. Это, прежде всего, материал к сессии Х.-М.О. Хашаева «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке»[2], изданный в 1954 г. в качестве материала к научной сессии под тем же названием. По теме нашего исследования здесь два раздела: II под названием «Формы земельной собственности в плоскостной части Дагестана» и раздел III «Формы земельной собственности в горной части Дагестана». В них рассмотрены все имевшие место формы земельной собственности и землепользования.

В качестве материала к научной сессии 1954 г. также на правах рукописи был издан доклад С.Ш. Гаджиевой под названием «Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX века»[3]. Само название публикации говорит о значимости ее для нашей темы. В ней кратко дана характеристика всех форм земельной собственности у кумыков по изучаемому нами периоду.

---

[1] Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л., 1949.

[2] Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (Материалы к сессии). Махачкала, 1954. На правах рукописи.

[3] Гаджиева С.Ш. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX века // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. На правах рукописи.

В 1957 г. были изданы две работы – крупная монография Р.М. Магомедова[1] и статья Р.Г. Маршаева, посвященная Ахтыпаринскому союзу сельских общин[2]. Монография Р.М. Магомедова – это итог огромной поисковой и аналитической работы автора, в которой всесторонне изучаются вопросы социально-экономического и политического развития Дагестана в XVIII – начале XIX в. И, естественно, она содержит конкретные вопросы по хозяйственной деятельности населения, в том числе и земледелия и все вопросы земельных отношений народов Среднего, Горного и Северного Дагестана. В работе использован огромный историко-этнографический материал и адаты народов Дагестана, раскрывающие интересующие нас вопросы земледелия и землевладения Дагестана XVIII – первой половины XIX в.

В статье Р.Г. Маршаева для нашей проблемы интересны вопросы, связанные с занятием населения, и социально-правового положения различных слоев общества, являющегося показателем их различного экономического положения, наличия или отсутствия в собственности земель и скота.

В 1959 г. Х.-М. Хашаев издал книгу под названием «Занятия населения Дагестана в XIX веке»[3]. Это первая работа в дагестанской историографии, специально посвященная хозяйственной деятельности населения Дагестана. Она интересна тем, что в ней кратко, но емко изучены интересующие нас вопросы: земледелие (полеводство), садоводство, виноградарство и огородничество.

В 50-е и в начале 60-х годов было издано много работ общегеографического характера, а также работы, посвященные отдельным вопросам географии[4]. В них имеются вопросы по при-

---

[1] Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.

[2] Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т.III.

[3] Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959.

[4] Гюль К.К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957; Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.И., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К.К., Власов С., Кисин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1958; Они же. Природа Дагестана. Очерки. Махачкала, 1959; Гюль К.К.

родно-географическим, климатическим условиям и по почвам Дагестана в целом и различных его регионов. Конечно, этот материал не может быть не учтен при изучении условий и возможностей занятия земледелием в различных природно-географических зонах Дагестана.

Весьма интересна для нашей проблемы статья Г.Г. Османова, изданная в 1960 г. и посвященная социальному строю Дагестана в конце XVIII – нач. XIX в.[1] При изучении классов дагестанского феодального общества автор хорошо проследил экономическое положение различных сословных групп, связанное прежде всего с наличием в собственности земли. Показаны в статье и существовавшие различные формы земельной ренты.

В 1961 г. Х.-М.О. Хашаев издал крупную монографию, посвященную общественному строю Дагестана в XIX в.[2] Фактически монография является расширенным и дополненным вариантом доклада на научной сессии 1954 г. Но в то же время по охваченным вопросам и использованным источникам это новая крупная монография. Для нашей проблемы очень интересны вопросы о хозяйственной деятельности населения и в особенности вопросы земельно-правовых отношений в дагестанских феодальных владениях и в союзах сельских общин. Следует отметить использование для раскрытия отмеченных вопросов интересного и большого архивного материала.

institutеofhistory.ru

В том же году С.Ш. Гаджиева издала две работы – статью, посвященную сословным отношениям кумыков[3], и крупную монографию «Кумыки. Историко-этнографическое исследование»[4].

Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961; Гиммельрейх В.А. География Дагестанской АССР: учебное пособие для 8 кл. дагестанской школы. Махачкала, 1963; Его же. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1967 и др.

[1] Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т.VII.

[2] Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

[3] Гаджиева С.Ш. О сословном строе кумыков в первой половине XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т.IX.

[4] Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. В 2000 г. монография, дополненная и расширенная, была переиздана под названием: «Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт». Кн.I, в

В статье дана подробная характеристика классов и сословных групп кумыкского феодального общества первой половины XIX в. и, естественно, при этом автор говорит о земельных отношениях и формах земельной собственности, существовавших в тот период.

В монографии С.Ш. Гаджиевой вторая глава посвящена социально-экономическим отношениям и политическому строю кумыков в первой половине XIX в. Здесь есть параграфы, имеющие непосредственное отношение к нашей проблеме: параграф 1 – хозяйство, параграф 3 – земельно-правовые отношения и параграф 4 – подати и повинности. В указанных параграфах на базе анализа имеющихся источников и литературы автор характеризует отмеченные вопросы. Хорошо показано состояние земледелия и все формы земельной собственности, имевшие место у кумыков в первой половине XIX в.

Дагестанский археолог В.Г. Котович в 1961 г. опубликовал очень интересную имеющую прямое отношение к нашей проблеме статью «К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане»[1], где автор на основе анализа археологического материала, выявленного в различных горных селах Дагестана (Ругуджа, Гуниб, Усиша, Гинта, Гапшима, Мекеги, Анди и др.), приходит к выводу о развитии земледелия в горном Дагестане еще в глубокой древности. Приведен земледельческий инвентарь из кремня, автор говорит о развитии кремневой индустрии. Показано дальнейшее развитие земледелия в эпоху бронзы, в связи с чем автор статьи говорит об оседлом образе жизни горцев, хозяйственную основу которых составляли земледелие и скотоводство. Отмечая глубокую неолитическую древность земледелия в горном Дагестане, автор статьи подчеркивает, что это позволяет поставить его в один ряд с древнейшими очагами земледельческих культур Закавказья, Крыма и Средней Азии.

В том же году была издана крупная монография по археологии Р.М. Мунчаева «Древнейшая культура Северо-Восточного

которой интересующие нас вопросы освещены так же, как и в издании 1961 г.

[1] Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т.IX.

Кавказа»[1], где автор на основе многочисленных археологических памятников различных регионов Дагестана (Великентского поселения, памятников Каякентского района, Карабудахкентского района, Мекеги, Муги, Гинчи и т.д.) исследует энеолитические памятники. Показано развитие земледельческого хозяйства, что подтверждается различными земледельческими орудиями, как каменные зернотерки, кремневые вкладыши в составные серпы, а также жилища, что говорит об оседлом образе жизни.

В 1961 г. была издана «История Дагестана»[2] Р.М. Магомедова, где автор при изучении социально-экономического положения Дагестана в различные исторические периоды останавливается и на земледелии, и на землевладении в дагестанских феодальных владениях и союзах сельских общин.

«История Дагестана» Р.М. Магомедова в 1968 г. была переиздана с доведением истории до конца XIX в.[3] В ней поставлены те же вопросы, которые даны и в «Истории Дагестана», изданной в 1961 г.

В 1964 г. была издана работа Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова «Очерки истории Южного Дагестана»[4], где имеются специальные параграфы, посвященные исследуемой нами проблеме. Глава IX посвящена социально-экономической и политической жизни в XVI-XVII вв., и здесь в параграфе 1 речь, прежде всего, идет о хозяйственной жизни народов Южного Дагестана и, естественно, о земледелии и садоводстве. При характеристике политических структур Южного Дагестана поднимаются и вопросы, связанные с земельными отношениями. В главе XIII есть параграф 1 «Основные занятия населения» и параграф 2 «Формы земельной собственности», где речь идет о XVII в. В первом параграфе речь идет, прежде всего, о земледелии, огородничестве и

---

[1] Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

[2] Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961.

[3] Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968.

[4] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

садоводстве, а во втором – о формах земельной собственности и землепользовании народов Южного Дагестана. В главе XVI «Южный Дагестан в составе России» параграф 1 посвящен хозяйству народов Южного Дагестана, где основным занятием так же, как и ранее, оставались земледелие и скотоводство. Третий параграф целиком посвящен земельным отношениям, где даны основные формы земельной собственности и землепользования в первой половине XIX в.

В 1964 г. была издана интересная статья М.А. Агларова, посвященная террасному земледелию и эволюции форм собственности аварцев[1], в которой для нас интерес представляет как строительство террас, так и возникновение частной собственности на землю. Интересны рассуждения автора о времени развитого и оформившегося террасного земледелия, что связывается и с возникновением частной собственности.

В этом же году была издана большая монография В.Г. Котовича о каменном веке в Дагестане[2], где описаны стоянки человека каменного века (нижнего и верхнего палеолита и неолита) в различных районах (равнина, предгорный и горный Дагестан) и находки различного кремневого инвентаря, свидетельствующие об обитании человека в различных частях Дагестана и его активной деятельности в различные периоды каменного века. Особый интерес среди памятников каменного века представляет чохская стоянка, охарактеризованная В.Г. Котовичем как памятник, «впервые документировавшая заселенность горных районов Северо-Восточного Кавказа в верхнем палеолите и мезолите»[3]. Но самая интересная находка, обнаруженная на Чохской стоянке, – естественная терраса со следами человеческой деятельности, что дало основание говорить о ее земледельческом характере[4].

В крупной монографии В.Г. Гаджиева, посвященной роли России в истории Дагестана[5], первая глава посвящена социально-

---

[1] Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1964. Т.XIII. Серия историческая.

[2] Котович В.Г. Каменный век в Дагестане. Махачкала, 1964.

[3] Там же. С.100.

[4] Там же. С.107.

[5] Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

экономическому и политическому строю Дагестана накануне присоединения к России, в которой автор рассматривает и экономику, в связи с чем останавливается на состоянии и роли земледелия в приморском и горном регионах, подчеркивая его особенности в каждой из разных частей. При этом в работе подчеркивается малоземелье и та примитивность орудий труда в Нагорном Дагестане, что сковывало развитие здесь полеводства.

В 1967 г. была издана большая монография М.И. Пикуль, посвященная эпохе раннего железа в Дагестане[1]. Для нашей проблемы интересно описание земледелия в эпоху раннего железа, когда происходит переход от мотыжного земледелия к плужному. Интерес представляет описание орудий земледельческого труда, как серпов, молотильных досок, зернотерок и т.д., а также глиняных сосудов большой емкости, предназначенных для хранения зерна и пищевых запасов. Важно подчеркнутое на основе археологических находок автором мнение о значительной роли земледелия не только на плоскости и предгорье, но и в Нагорном Дагестане в изучаемый в работе период.

В 1967 г. были изданы четыре монографии по этнографии. Две из них посвящены материальной культуре аварцев[2] и даргинцев[3], третья – работа М.М. Ихилова, посвящена народностям лезгинской группы (лезгинам, табасаранцам, агулам, рутульцам и цахурам)[4], а четвертая – работа С.Х. Асиятилова посвящена историко-этнографическому изучению хозяйства аварцев[5]. В каждой из этих четырех работ имеются главы, которые посвящены хозяйственной деятельности того народа, которым они посвящены. И, естественно, в этих главах освещается состояние земледелия и показано его место в экономической жизни населения. Отмечается также состояние огородничества и садоводства. И, конечно, эти вопросы при изучении нашей проблемы нельзя не учитывать.

---

[1] Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

[2] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

[3] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

[4] Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

[5] Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967.

В 1970 г. была издана работа Г.Д. Даниялова, посвященная классовой борьбе в Дагестане[1]. И в ней подняты вопросы, имеющие отношение и к исследуемой нами проблеме. В частности, при изучении класса феодалов автор останавливается и на земельной собственности различных сословных групп и на формах земельной ренты. Причем автор работы говорит о различных категориях земель и приводит весьма интересный материал. Следует также отметить, что речь идет именно о времени до присоединения Дагестана к России, хотя работа посвящена второй половине XIX – начале XX в.

instituteofhistory.ru

В том же году была издана коллективная монография трех авторов – Б.Г. Алиева, Ш.М. Ахмедова и М.-С.К. Умаханова под названием «Из истории средневекового Дагестана»[2]. Для нас интерес представляют вопросы о земельной собственности в Дагестане в целом в раннем средневековье и в XVII-XVIII вв. в одном из федераций союзов сельских общин Дагестана – Акуша-Дарго. Уделено большое место и хозяйству последнего, в связи с чем говорится о состоянии в нем земледелия, его месте и роли в системе других занятий даргинцев.

В двух выпусках работы Р.М. Магомедова «Дагестан. Исторические этюды», изданных в 1971 и в 1975 гг.[3], содержатся интересные вопросы по земельным отношениям, в частности о феодальной земельной собственности, дается характеристика различных сословных групп класса феодалов. Здесь имеется также материал по податям и повинностям, которые обязаны были нести крестьяне. Следует отметить и вопросы об общинной знати, которая также сосредоточивала в своих руках земли, захватывая их как у общины, так и у свободных общинников.

В 1974 г. была издана работа О.М. Давудова «Культура Дагестана эпохи раннего железа»[4], которая представляет для нас ин-

instituteofhistory.ru

---

[1] Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970.

[2] Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

[3] Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып.1; Его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып.II.

[4] Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

терес в плане освещения в ней хозяйственной деятельности населения, обитавшего на территории Дагестана в отмеченный в работе период. Особый интерес для нас представляет описание состояния земледелия в эпоху раннего железа. Автор подчеркивает стимулирование земледелия в тот исторический период оседлым образом жизни, в работе описаны орудия земледельческого труда и прежде всего соха. Останавливаясь на различных культурах эпохи раннего железа, автор работы говорит о различных археологических находках, показывающих состояние земледелия, отмечает наличие уже в тот период современных злаковых культур, кроме кукурузы. Говорится в работе также о садоводстве и виноградарстве, нехватке земли в горах, системе орошения полей. Самое интересное в работе О.М. Давудова – его утверждение о близости географии хозяйства эпохи раннего железа к географии хозяйства Дагестана XVII-XIX вв.[1]

В 1975 г. была издана монография А.Р. Шихсаидова «Дагестан в X-XIV вв.»[2], в которой по нашей теме исследуются вопросы практически во всех трех главах: в главе первой – вопросы экономического развития, во-второй – земельные отношения и формы эксплуатации феодально-зависимого крестьянства, в третьей – социальный строй Дагестана в X-XIV вв. Хотя работа посвящена более раннему периоду, чем изучаемая нами проблема, вопросы, исследуемые в монографии интересны для нас тем, что и занятия населения, в том числе земледелие, земельные отношения и социальный строй общества имеют много схожего с изучаемым нами периодом.

В том же году был издан коллективный сборник статей (Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов) по агулам[3]. В первой главе, посвященной краткому историческому очерку и социальным отношениям агулов, рассматриваются вопросы занятий населения, в том числе говорится о земледелии, получившем в Агуле хорошее развитие ввиду благоприятных

---

[1] Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

[2] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975.

[3] Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре) / Отв.ред. А.И. Исламмагомедов. Махачкала, 1975.

условий для его ведения, земельных отношениях, даны формы земельной собственности и землепользования.

М.Р. Гасанов в 1978 г. издал работу по табасаранцам[1]. В ней много вопросов по земледелию и землевладению. В главе первой автор останавливается на экономическом развитии Табасарана, в связи с чем дается описание природных условий, благоприятствующих занятию земледелием. Параграф первый этой главы специально посвящается занятиям населения. Глава вторая начинается с земельных отношений, где автор хорошо показал имевшие место в Табасаране формы земельной собственности.

В тематическом сборнике отдела этнографии Института ИЯЛ ДФ АН СССР, посвященном хозяйству народов Дагестана в XIX-XX вв., М.А. Агларов в 1979 г. опубликовал интересную по постановке вопроса и содержанию статью «Террасная система земледелия в зоне доместикации растений»[2], имеющую прямое отношение к нашей теме. Говоря о террасах, автор статьи отмечает, что их возникновение «связано с очагами становления производящего хозяйства в пору его интенсификации развития, т.е. террасная система является одним из последствий «неолитической революции» и исторически связана с нею»[3]. В статье приведены интересные аналогии с другими странами мира, также строившими террасы для ведения земледельческого хозяйства. Автор связывает возникновение террас с эпохой средней бронзы и вслед за В.Г. Котовичем пишет, что пашенное земледелие в Дагестане возникло в эпоху неолита, т.е. в III тысячелетии до н.э.[4] Он считает, что Дагестан является одним из очагов террасного земледелия[5].

Из исторических работ, изданных в 70-е годы XX в., отметим еще монографию В.Г. Гаджиева, посвященную историографическому анализу сочинения участника Каспийского похода Петра I

---

[1] Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1978.

[2] Агларов М.А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979.

[3] Там же. С.8.

[4] Там же. С.11.

[5] Там же. С.13.

в 1722 г. майора И.-Г. Гербера[1]. При анализе описаний дагестанских феодальных владений и союзов сельских общин, которые даются в работе И.-Г.Гербера, автор монографии, естественно, останавливается и на вопросах хозяйственной деятельности населения и земельных отношениях, подчеркивая при этом, что в описании И.-Г. Гербера было верно, а с чем невозможно согласиться.

Ряд интересных работ был издан в 80-е годы XX в., которые имеют прямое отношение к исследуемой нами проблеме. Отметим, прежде всего, археологические работы Х.А. Амирханова по чохскому поселению, уже отмеченному в работе В.Г. Котовича. Продолжая раскопки, начатые В.Г. Котовичем, Х.А. Амирханов более детально изучил этот памятник и на основе всего этого пришел к открытиям масштаба, выходящего за пределы не только Дагестана, но и Кавказа в целом.

Из работ Х.А. Амирханова, изданных в начале 80-х годов XX в., отметим несколько тезисов докладов и статей, посвященных Чохскому поселению, в которых автор подводит предварительные итоги археологических раскопок, проведенных на этом памятнике. Автор характеризует Чохское поселение как памятник становления производящего хозяйства и начала земледелия в Горном Дагестане[2].

Из монографических работ, изданных в 80-е годы XX в., отметим исследования В.Г. Котовича[3], Г.Г. Османова[1], А.Р. Магомедова[2], Х.А. Амирханова[3] и М.А. Агларова[4].

---

[1] Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

[2] Амирханов Х.А. Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980-1981 гг. // Конф. по археол. Северного Кавказа. XII Крупновские чтения (тез.докл.). М., 1981; Его же. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа (тез.докл.). Ереван, 1982; Его же. Чохское поселение – памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982. № 5; Его же. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983.

[3] Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.

В монографии В.Г. Котовича говорится о памятниках поздней бронзы и раннего железа на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане, когда земледелие получило дальнейшее развитие. Для нас интерес представляет второй раздел «Проблема истории развития хозяйства у населения Дагестана», где говорится о времени появления производящего хозяйства, становлении земледелия и скотоводства; расцвете первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в эпоху ранней бронзы и основах хозяйства в эпоху средней и поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа.

В монографии Г.Г. Османова для нас интерес представляет первый параграф «Экономика Дагестана в первой половине XIX в.» главы первой, где дается развитие и роль земледелия в различных регионах Дагестана. Во втором параграфе «Социальный строй Дагестана» при характеристике класса феодалов и его сословных групп поднимается вопрос о феодальной земельной собственности, его различных формах.

Монография А.Р. Магомедова представляет интерес тем, что в ней конкретно, хотя и более раннего периода, рассмотрены хозяйство средневековых горных обществ и конкретно земледелие Нагорного Дагестана, а также формы земельной собственности в горских обществах XV-XVII вв. с характеристикой каждой из форм: джамаатская собственность, земельная собственность тухума, крестьянская земельная собственность и вакуфная (мечетская) собственность на землю.

В монографии Х.А. Амирханова подведены итоги археологических раскопок, проведенных на Чохском поселении в 1979 и 1980-92 гг. Это результат анализа и обобщения большого археологического материала, давший возможность автору проследить становление земледелия в Нагорном Дагестане, производящего хозяйства, что имело место на рубеже VII-VI тыс. до н.э.

---

[1] Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

[2] Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV-XVII вв. Ростов-на-Дону, 1985.

[3] Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и энеолите горного Дагестана. М., 1987.

[4] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. М., 1988.

Монография М.А. Агларова – это весьма серьезная, оригинальная и важная по нашей проблеме работа, где поставлено и решено множество вопросов, среди которых для нас интерес представляют глава вторая, посвященная хозяйственно-экономической основе общины, и глава третья «Социально-экономический строй Дагестана», где разбираются формы земельной собственности, существовавшие в XVII – начале XIX в. в Дагестане. Интересны наблюдения автора работы о возникновении различных форм собственности на землю, источниках их формирования, а также взаимопревращении одних форм собственности в другие.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

В 1900 г. в издательстве «Наука» была издана интересная работа известного дагестанского этнографа М.-З.О. Османова «Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX - начале XX в.»[1], которая имеет прямое отношение к исследуемой нами проблеме. В этой работе он развил и далее подтвердил высказанную им еще в 60-е годы[2] периодизацию процесса зональной специализации, происходившей в XV-XVII вв. В частности, он писал: «Период феодальной раздробленности (XV-XVIII вв.) характеризуется новым значительным поворотом в хозяйственном развитии. Освободившаяся от кочевников равнина с нижним предгорьем, имевшая благоприятные условия для земледелия, становится житницей края, здесь интенсивно развивается земледельческо-скотоводческое хозяйство с ведущим земледелием»[3].

institute of history.ru

И далее, останавливаясь на внутреннем горном Дагестане, М.-З.О. Османов писал, что он «перестает быть земледельческим центром, забрасываются наиболее неудобные, высотные, малые террасы, в экономике главным становится скотоводство, однако земледельческие традиции сохраняются»[4].

Большое место в работе отведено соотношению в различных регионах и природно-хозяйственных зонах земледелия и скотоводства. Конечно, все это явилось основой для изучения данного

---

[1] Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1990.
[2] Османов М.О. Хозяйство даргинцев в XIX-XX вв. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д. 184; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ.соч. С.39-40.
[3] Османов М.-З.О. Указ.соч. С.48-49.
[4] Там же. С. 49.

вопроса, как одного из важных сюжетов проблемы, поднятого нами в монографии.

Из работ конца советского периода отметим монографию Р.Г. Маршаева и Б.Б. Бутаева «История лакцев»[1], над которой первый из них работал еще в 50-е годы XX в., и его работы по истории лакцев хранятся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. В работе, изданной как совместный труд с Б. Бутаевым, содержится отдельная глава (или часть работы), посвященная общественно-экономической жизни лаков в конце XVIII – первой половине XIX в. Авторы монографии, прежде всего, здесь останавливаются на занятиях лакцев и среди них – очень кратко говорится об их земледелии. Более или менее подробно авторы работы останавливаются на характеристике земельно-правовых вопросов, формах землевладения. Особо внимание уделено расширению феодального землевладения за счет захватов общинных земель. Дано описание ханского, бекского и условного землевладения. В работе имеется перечень зависимых от феодалов сел, податей и повинностей зависимого населения. Поднятые в монографии вопросы, безусловно, представляют для нашей проблемы интерес.

В 1991 г. была издана работа известного дагестанского археолога М.Г. Гаджиева «Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа»[2], где изучаются вопросы, имеющие отношение к первому параграфу главы II нашего исследования. В частности, автор работы главу вторую посвятил элеолиту горного Дагестана, где имеются вопросы, посвященные хозяйству энеолитического населения горного Дагестана, основой которого, как пишет автор работы, были земледелие и скотоводство. Здесь дается описание земледелия и скотоводства, раскрытых на основе конкретного сельскохозяйственного инвентаря (жатвенные орудия, серпы), зерновых культур (несколько разновидностей пшеницы и ячменя, отпечатки которых обнаружены на керамике) и других археологических находок, найденных в Гинчи, Чохском поселении и т.д. В главе четвертой параграф третий посвящен

[1] Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

[2] Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991.

земледельческо-скотоводческому хозяйству в эпоху ранней бронзы. Здесь проводится мысль об органическом единстве земледелия и скотоводства, как отличительная черта хозяйства населения внутреннего Дагестана в эпоху бронзы.

Такова историография исследуемой нами проблемы советского периода. Обзор работ показывает их многочисленность и наличие в них интересных вопросов по исследуемой теме. Это работы начиная с 30-х годов до самого начала 90-х годов XX в.

Следующий период историографии – это время после развала СССР, о котором и пойдет речь ниже.

в) Историография проблемы постсоветского периода

Постсоветский период – это годы издания многих трудов, написанных или защищенных еще в советский период в качестве квалификационных работ. Но среди них, конечно, имеются работы и их большинство, написанные и изданные именно в постсоветский период.

Одной из первых работ по истории в постсоветский период является монография М.Р. Гасанова «Очерки истории Табасарана»[1], изданная в 1994 г., в которой более шире, чем в монографии, вышедшей в 1978 г., изучаются вопросы социально-экономического развития Табасарана. Здесь, естественно, автор останавливается и на интересующих нас вопросах. Причем это касается практически всех периодов, на которых останавливается автор монографии. Нас больше интересует исследуемый нами период, по которому в монографии в главе пятой имеются параграфы, посвященные занятиям населения, социальным и земельным отношениям.

В том же году Р.М. Магомедов и А.Р. Магомедов издали книгу «История Дагестана»[2], где также при изучении социально-экономического развития Дагестана по периодам даны вопросы экономического развития, в том числе и занятия населения земледелием. В главе XII параграф первый называется «Экономическое развитие дагестанских земель», и в ней поставлены вопросы: «Перемены в хозяйстве», «Ослабление коллективной собственности на землю», «Расширение феодальной собственности», кото-

[1] Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
[2] Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.

рые имеют прямое отношение к исследуемым нами вопросам проблемы.

В 1995 г. вышли в свет две работы: Ш.М. Мансурова[1] и А.Г. Мансуровой[2]. Это защищенные ранее квалификационные работы, написанные еще в советский период. Первая работа посвящена Салатавии, а вторая – Цудахарскому союзу сельских общин. Авторы этих работ хорошо показали состояние и роль земледелия в экономической жизни населения изучаемых союзов, а также существовавшие в XVIII – первой половине XIX в. земельные отношения.

В 1998 г. был издан ряд работ, в которых также поднимаются вопросы, имеющие отношение к нашей проблеме. Это, прежде всего, монография Н.А. Магомедова[3], посвященная Дербенту и Дербентскому владению. В третьей главе работы в связи с изучением вопроса об экономическом развитии Дербента и Дербентского владения автор останавливается на земледелии, развитию которого благоприятствовали природно-географические, климатические и почвенные условия.

Большой интерес для нашей темы представляет монография А.С. Акбиева, посвященная кумыкам второй половины XVII – первой половины XVIII в.[4] Следует отметить, что в этой работе больше всего конкретных вопросов, изучаемых ее автором по земледелию и землевладению у кумыков отмеченного времени. Причем эти вопросы А.С. Акбиевым изучены на основе большого архивного материала, выявленного им в Центральном государственном архиве Республики Дагестан. В главе первой работы имеется параграф, посвященный земледелию и животноводству, а в главе третьей – параграф, посвященный земельно-правовым отношениям. Автор по многим вопросам полемизирует с суще-

---

[1] Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

[2] Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

[3] Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998.

[4] Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

ствующими мнениями и отстаивает свое видение их, опираясь при этом на выявленные им источники.

В 1998 г. была издана большая монография дагестанского археолога Р.Г. Магомедова, посвященная гинчинской культуре, в частности исследованию Дагестана и Чечни в эпоху бронзы. Это одна из первых в кавказоведении обобщающих работ по гинчинской культуре эпохи бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н.э.). Для нас, как и другие работы археологов, монография Р.Г. Магомедова представляет интерес в плане поднятых в ней вопросов по земледелию в эпоху бронзы, орудиях земледельческого труда и т.д.[1]

В следующем году была издана большая – в двух томах – монография Р.М. Магомедова, посвященная даргинцам[2]. В работе освещаются все вопросы социально-экономического развития даргинцев в различные исторические периоды, в том числе в XVIII – первой половине XIX в., в связи с чем, естественно, показывается состояние земледелия и его роль в жизни даргинцев различных обществ, а также существовавшие формы земельной собственности и землепользования.

В том же году вышла в свет монография Б.Г. Алиева, посвященная союзам сельских общин Дагестана[3], хотя она была написана в 1985 г., рекомендована к печати в 1988 г. и защищена в качестве докторской диссертации в Ленинградском государственном университете в 1991 г. Для нашей темы интерес в этой работе представляют две главы: глава третья «Хозяйственная деятельность населения», где имеется параграф первый, посвященный земледелию, параграф второй, посвященный садоводству и огородничеству, и глава четвертая «Формы землевладения и землепользования. Пути их эволюции». Указанные главы, основанные на большом фактическом материале, содержат все вопросы, связанные с земледелием и землевладением в союзах сельских общин

---

[1] Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Махачкала, 1998.

[2] Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т.1-2.

[3] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

Дагестана. Для обоснования мнения по тому или иному вопросу автор работы приводит многочисленные примеры по различным обществам, входившим в разные союзы сельских общин.

В 1999 г. вышла в свет монография Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова «Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в.»[1]. Посвящена она исторической географии Северного и Среднего Дагестана и является первой монографической работой по исторической географии Дагестана. Для нашей темы в данной работе интерес представляет глава вторая, где имеется параграф третий «Основные тенденции историко-экономической и историко-политической географии», в котором рассматривается вопрос по земледелию в Дагестане, его месте в хозяйственной деятельности населения и роли в экономической жизни различных природно-географических зон.

В 2000 г. были изданы три работы историков: А.С. Акбиева «Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв.»[2] и Д.С. Кидирниязова «Ногайцы в XV-XVIII вв.»[3] и его же «Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке»[4].

Работа А.С. Акбиева – это практически указанная выше монография, изданная в 1998 г., где более шире решаются вопросы, поднятые в предыдущем его труде. В то же время здесь поднято больше вопросов по социально-экономической истории кумыков, расширены рамки исследования и более основательно изучены все поставленные в ней вопросы, чем в предыдущей монографии.

В первой монографии Д.С. Кидирниязова для нашей проблемы интерес представляет вопрос о социально-экономических отношениях в ногайском обществе, при характеристике которых автор останавливается на вопросах земледелия и землевладения. Изучая классовую структуру ногайского общества, автор работы поднимает вопрос о земельной собственности различных сослов-

institute of history.ru

---

[1] Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн.1.

[2] Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

[3] Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000.

[4] Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000.

ных групп феодалов, как князья (бии), мурзы (ногайское дворянство) и кайбаши (среднее дворянство), первые из которых являлись владельцами улусов, верховными собственниками земли – пашен и пастбищ, владея в то же время крупными материальными ценностями и рабами.

В монографии Х.М. Джалиловой «Рутулы в XVII – первой половине XIX века»[1], изданной в 2004 г., имеются вопросы, посвященные и земледелию, и формам земельной собственности. Причем земледелие автор дает как занятие рутульцев, по значимости находящееся после скотоводства. Отмечается недостаточность пахотной земли, что вынуждало рутульцев строить террасные поля. Исследуя формы земельной собственности, Х.М. Джалилова пишет, что у рутулов, как и у других дагестанских народов, основной формой земельной собственности была частная, на которую каждый хозяин имел все права собственника вплоть до свободного отчуждения. Приведены в работе и другие формы земельной собственности: вакуф, общинная, тухумная.

В изданной в том же году монографии Н.А. Магомедова, посвященной взаимоотношениям народов Южного Дагестана с Азербайджаном[2], в первом параграфе главы первой, посвященной социально-экономической характеристике Южного Дагестана в XVIII – первой половине XIX в., разбирается вопрос о земледелии, садоводстве и технических культурах.

Д.С. Кидирниязов свое исследование 2005 г. посвятил ногайцам Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в.[3] Первую главу работы автор отвел экономическому развитию ногайцев. Среди других вопросов рассматривается и земледелие.

---

[1] Джалилова Х.М. Рутулы в XVII – первой половины XIX века. Махачкала, 2004.

[2] Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2004.

[3] Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в. (Исследование экономического развития и социально-политическое устройство). Махачкала, 2005.

В 2007 г. А.О. Муртазаев издал монографию о Кайтаге[1], где, наряду с политическими вопросами, говорится и об экономическом развитии Кайтагского уцмийства, в том числе земледелии, чему посвящена первая глава работы. Здесь же параграф третий посвящен земельным отношениям.

В работе Б.Г. Алиева, посвященной свободному узденству феодального Дагестана[2] и изданной также в 2007 г., весьма подробно даны как занятия населения союзов сельских общин, в частности земледелие, садоводство и огородничество, так и существовавшие формы земельной собственности. Этим вопросам практически посвящены вторая и третья главы работы, и они исследуются с использованием большого круга источников.

Весьма плодотворным на издание исторических работ явился 2008 г. В этом году были изданы монографии Н.А. Магомедова[3], Р.М. Султанбекова[4], М.-С.К. Умаханова[5], М.-П.Б. Абдусаламова[6], С.М.-С. Адзиевой[7], А.Э. Абдуллабековой[8] и Б.Г. Алиева и А.О. Муртазаева[9].

Монография Н.А. Магомедова посвящена Дербенту и Дербентскому владению. В третьей главе работы изучается экономи-

---

[1] Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2007.

[2] Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007.

[3] Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 2007.

[4] Султанбеков Р.М. Сюрга в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

[5] Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимоотношения (Экономический аспект). Махачкала, 2008.

[6] Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.

[7] Адзиева С.М.-С. Сословно-классовая структура и формы зависимых отношений в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

[8] Абдуллабекова А.Э. Частное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

[9] Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008.

ческое развитие, в связи с чем ставится и вопрос о земледелии, развитию которого благоприятствовали природно-географические, климатические и почвенные условия. Этому вопросу автор посвятил первый параграф главы первой.

В монографии Р.М. Султанбекова, посвященной Сюргинскому союзу сельских общин, глава вторая посвящена занятию населения, во втором параграфе которой изучается земледелие. Третья же глава посвящена землевладению, землепользованию и социальной структуре общества.

Автор подробно дает все существовавшие у сюргинцев формы земельной собственности и формы землепользования, чему посвящены первый и второй параграфы главы.

В монографии М.-С.К. Умаханова, посвященной феодальным владениям Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязям, при изучении социально-экономических отношений говорится и о занятиях населения, в том числе земледелии.

В работе М.-П.Б. Абдусаламова «Кумыкские феодальные владения …» глава первая посвящена социально-экономическому развитию кумыкских феодальных владений. В ней выделен параграф по экономическому развитию, в котором говорится о земледелии, огородничестве и садоводстве. Отдельный параграф посвящен социальной структуре кумыкского феодального общества, где поднимаются и вопросы земельных отношений.

Монография С.М.-С. Адзиевой посвящена сословно-классовой структуре и формам зависимых отношений в XVIII – первой половине XIX в. Она содержит и вопросы феодального землевладения. При характеристике класса крестьянства автор работы пишет о земельной собственности свободного узденства и землепользовании зависимых категорий дагестанского крестьянства.

Интересна монография А.Э. Абдуллабековой, посвященная частному землевладению в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. В работе хорошо прослежены различные формы частного землевладения с освещением всех категорий земель, находившихся в частной собственности.

Монография Б.Г. Алиева и А.О. Муртазаева интересна для нашего исследования тем, что здесь весьма подробно и на большом материале изучаются интересующие нас вопросы по земле-

делию и землевладению у даргинцев, входивших в состав Акуша-Дарго. Первый вопрос исследуется в главе второй, названной «Занятия населения Акуша-Дарго», второму вопросу посвящена большая часть главы третьей, названной «Земельные и социальные отношения».

В последующие годы также было издано несколько работ дагестанских историков, в которых ставится вопрос о земледелии и землевладении. Так, в монографии Б.Г. Алиева, посвященной крестьянству Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.[1], интересующие нас вопросы рассматриваются во второй главе работы «Хозяйство дагестанского крестьянства». В первом параграфе «Основные занятия крестьянства» рассматриваются земледелие, садоводство и огородничество. Отдельно дается вопрос о землевладении и землепользовании дагестанского крестьянства, где приведен большой материал, раскрывающий характер, сущность и особенности земельной собственности крестьян.

В 2010 г. была издана работа Н.А. Магомедова «Южный Дагестан и Азербайджан во второй половине XIX – начале XIX в. (Вопросы торгово-экономических, политических и культурных связей)»[2]. В главе I, посвященной экономическому положению Южного Дагестана и Азербайджана, затрагивается и вопрос о земледелии.

В том же году Э.М. Магомедова выпустила монографию, посвященную Табасаранскому майсумству[3]. В главе первой работы ставится вопрос о занятии населения, а во второй главе параграф первый целиком посвящен формам земельной собственности.

И, наконец, в 2011 г. была издана большая монография Б.Г. Алиева, посвященная структуре класса феодалов и формам феодальной земельной собственности[4]. Третья глава работы посвя-

---

[1] Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009.

[2] Магомедов Н.А. Южный Дагестан и Азербайджан во второй половине XIX – начале XIX в. (Вопросы торгово-экономических, политических и культурных связей). Махачкала, 2010.

[3] Магомедова Э.М. Табасаранское майсумство в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2010.

[4] Алиев Б.Г. Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2011.

щена феодальному землевладению в Дагестане. Автор рассматривает существовавшие в XVIII – первой половине XIX в. все формы феодального землевладения, что сделано на базе разнохарактерного и весьма большого материала.

В 90-е годы XX в. и начале XXI в., кроме указанных работ историков, было издано много работ дагестанских этнографов, посвященных историко-этнографическому исследованию различных народов, в которых при рассмотрении хозяйства или занятий населения большое внимание уделяется земледелию, садоводству и огородничеству. Это работы таких дагестанских этнографов, как Б.М. Алимова, М.Ш. Ризаханова, С.А. Лугуев, М.К. Мусаева, Г.М. Мусаев, А.Г. Булатова, М.А. Агларов, А.И. Исламмагомедов, М.-З.Ю. Курбанов. В подготовке ряда этнографических работ принимал участие и дагестанский историк Д.М. Магомедов[1].

Вопросы, исследуемые в нашей работе, поднимаются и изучаются в той или иной мере и в коллективах обобщающих трудах, изданных и в советский, и в постсоветский периоды. Это,

instituteofhistory.ru

[1] Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992; Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993; Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1997; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Капучинцы (хьанал) в XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997; Мусаев Г. Рутулы. (XIX – нач. XX в.) Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997; Алимова Б.М. Кайтаги. XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы. XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1999; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2000; Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 2000; Агларов М. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2002; Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы. XIX-XX в. Махачкала, 2006; Лугуев С.А. Ахвахцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2008.

прежде всего, первая такого рода работа «Очерки истории Дагестана»[1]. При изучении разных периодов истории Дагестана, естественно, в этой работе говорится и о хозяйстве дагестанских народов. Но земельные отношения как отдельный вопрос в ней не выделен ни по одному периоду истории Дагестана.

В 1967-1968 гг. была издана 4-х томная «История Дагестана».[2] И здесь история Дагестана дается по периодам и, естественно, среди других вопросов поднимаются и вопросы, связанные с занятием населения. Так, в первом томе «Истории» в главе восьмой параграф первый целиком посвящен хозяйству. А в разделе третьем глава первая посвящена экономическому развитию Дагестана, где имеются параграфы, посвященные занятию населения в XVIII в. и социально-экономическому развитию, где поднимаются и вопросы земельной собственности[3].

Более шире изучены вопросы земледелия и землевладения в Дагестане во втором томе «Истории Дагестана». Во второй главе работы, посвященной социально-экономическому и политическому устройству Дагестана во второй половине XIX в., первый параграф посвящен хозяйству и в нем говорится и о состоянии земледелия в этот период, а параграф второй – земельным отношениям, где даются землевладение и землепользование в равнинном и предгорном Дагестане с перечислением всех форм земельной собственности. Здесь же при характеристике феодальных владений равнинного и предгорного Дагестана говорится о феодальной земельной собственности. Кроме того, отдельно даны земельно-правовые отношения в ханствах Нагорного Дагестана и землевладение в аварских, даргинских и лезгинских союзах сельских общин[4].

В 1988 г. вышли два тома четырехтомной «Истории народов Северного Кавказа»[5]. В первом томе вопросы земледелия и землевладения ни по одному периоду истории не выделяются ни по

---

[1] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1.

[2] История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1.; 1968. Т.II-III-IV.

[3] История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1. С.232, 305, 316-320.

[4] Там же. Т.2. С.41-54.

[5] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1; История народов Северного Кавказа. Конец XVIII. 1917 г. М.: Наука, 1988. Т.2.

народам, ни по региону в целом. Только в главе XIV, посвященной социально-экономическим и внутриполитическим отношениям на Северном Кавказе в XVIII в. второй параграф содержит вопрос о земледелии, где показана несостоятельность мнения о примитивности земледелия в горах, здесь же говорится о хорошем развитии в горах Дагестана садоводства[1].

Больше внимания интересующим нас вопросам уделено во втором томе «Истории народов Северного Кавказа». В ряде глав этого тома «Истории» выделены вопросы о земледелии и землевладении. Так, во второй главе, посвященной экономическому развитию народов Северного Кавказа в пореформенный период, второй параграф посвящен сельскому хозяйству и здесь выделены вопросы о земледелии, садоводстве, огородничестве и технических культурах. Подчеркивается особая развитость полеводства в предгорной части Чечено-Ингушетии и Дагестана. Здесь же сказано о наличии большого количества садов по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу. Подчеркивается, что горные ущелья представляли собой естественные парники, превращенные трудом горцев в парники. Показана также развитость в Дагестане мареноводства и шелководства[2].

В следующей, третьей главе этого тома первый же параграф посвящен земельно-правовым отношениям на Северном Кавказе, где даны все формы земельной собственности, существовавшие у народов Северного Кавказа, в том числе у дагестанцев. Говорится здесь о феодальном и вакуфном землевладении, а также частновладельческих крестьянских землях («мюльки») и формах общинного землевладения и землепользования[3].

В 1996 г. вышла «История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.» коллектива авторов – М.Г. Гаджиева, О.М. Давудова и А.Р. Шихсаидова[4]. Рассматривая все периоды истории народов Дагестана, авторы «Истории» дают и занятия населения, проживающего в различных природно-географических зонах.

---

[1] Там же. Т.1. С.375-376.

[2] История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т.2. С.61-64.

[3] Там же. С.93-98.

[4] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

Выделяется хозяйство населения эпохи расцвета первобытного общества, в частности позднепервобытная община земледельцев и скотоводов, земледельческо-скотоводческие племена Дагестана в бронзовом веке, где отдельно дается земледелие, хозяйство Дагестана III в. до н.э. – IV в. н.э., экономическое развитие дагестанского общества IV – первой половины XII в., хозяйственное развитие XI-XIII вв. и, наконец, хозяйство и общественный строй Дагестана в XIII-XV вв.

Все перечисленные вопросы интересны тем, что в них говорится о земледелии в различные исторические эпохи, на которых мы останавливаемся в параграфе первом второй главы монографии, посвященной краткой истории земледелия в Дагестане до XVIII в.

В 2005 г. в издательстве «Наука» вышла «История Дагестана с древнейших времен до наших дней»[1], где практически в двух первых разделах дана изданная в 1996 г. коллективная «История». Поэтому для нас в этом издании интерес представляет третий раздел, посвященный Дагестану XV-XVIII вв. Здесь имеется третий параграф, посвященный экономическому развитию Дагестана в XV-XVII вв., где выделено земледелие как одно из основных занятий населения Дагестана, говорится о развитии садоводства и виноградарства, а также отдельных технических культур (конопля, лен) и огородничества. К сожалению, в работе нет других вопросов, которые заинтересовали бы нас. Это касается как периода XVIII – первая половина XIX в., так и такого важного вопроса социально-экономической истории, каким является вопрос о землевладении и землепользовании.

В постсоветский период было издано много индивидуальных «Историй Дагестана», авторами которых являются ученые-преподаватели гуманитарных факультетов вузов республики и отдельные научные работники Института ИАЭ ДНЦ РАН. Но нет необходимости анализировать их, так как практически в них нет ничего нового, ибо написаны они на основе имеющихся разработок ученых, занимающихся различными проблемами истории да-

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2005.

гестанских народов, а также уже изданных обобщающих коллективных «Историях Дагестана».

Подводя итог всему сказанному выше – приведенному перечню и краткому анализу работ, имеющих то или иное отношение к исследуемой нами проблеме, можно прийти к заключению. Во-первых, отметить многочисленность как монографических работ, так и отдельных статей, где в той или иной мере ставятся вопросы земледелия и землевладения в позднефеодальном Дагестане. Во-вторых, кроме отдельных работ, можно констатировать полное отсутствие специальных трудов, посвященных либо каждому из двух изучаемых в нашей проблеме вопросов, либо их изучению как одной проблемы, посвященной земле – главному средству производства феодального общества, дающей человеку все необходимое – и продукты питания, и сырье для переработки.

2. Источники

По вопросам изучаемой проблемы имеются разнохарактерные и разнообразные источники: материал архивохранилищ страны и отдельных стран СНГ – ныне самостоятельных независимых государств; материал Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; публикации архивных материалов; адаты народов Дагестана; литературные источники; историко-этнографический материал.

а) Архивные материалы

Архивный материал имеет наибольшее значение для изучения поставленной нами для исследования проблемы. Конечно, это прежде всего архивные источники, сосредоточенные во многих фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД).

Среди использованных в монографии фондов ЦГА РД особый интерес представляют: ф.2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1883-1917; ф.18. Дербентский комендант. 1812-1849 гг.; ф.20. Податной инспектор Даргино-Табасаранского участка Дагестанской области, г. Дербент, 1894-1907 гг.; ф.21. Дагестанский областной статистический комитет, г.Темир-Хан-Шура, 1864-1918 гг.; ф.90. Комиссия

по разбору сословно-поземельных прав населения Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура, 1877-1894 гг.; ф.105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта. 1890-1918 гг.; ф.126. Канцелярия начальника Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура; ф.147. Управление Хасавюртовского округа Терской области, г.Хасавюрт, 1867-1917 гг.; ф.150. Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана, г. Дербент Дагестанской области. 1864-1922; ф.379. Кизлярский комендант.

instituteofhistory.ru

Во многих делах указанных фондов имеется прекрасный материал по земельным вопросам в дагестанских феодальных владениях и союзах сельских общин Дагестана.

Материал по исследуемой проблеме содержат несколько фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Это документальный материал следующих фондов: Военно-ученый архив (ВУА). Дд.6361. Ч.2; 6512; 6528. Ч.2; ф.205. Клюки фон Клюгенау. Краткий географический и исторический взгляд на общество Дарго; ф.400. Главный штаб. 1866-1918 гг.; ф.414. Статистические сведения о Российской империи.

Отдельные материалы по изучаемой проблеме имеются также: в Архиве внешней политики России (АВПР); Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) – ф.Колл.ин.дел «Сношения России с Персией»; Российском государственном историческом архиве (РГИА) – ф.345 и 718; Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (РГИА СПб.) – ф.346, 1276, но в особенности в ф.1268. Кавказский комитет. 1833-1882 гг.

Весьма интересный материал по различным вопросам земельных отношений в Дагестане сосредоточен в ряде фондов Центрального государственного исторического архива Республики Грузии (ЦГИА РГ). Это главным образом в ф.72 и несколько дел в ф.416 – Кавказская археографическая комиссия.

instituteofhistory.ru

Говоря о значимости материалов всех архивов страны и ЦГИА РГ в целом, следует отметить, что они сосредоточены в официальных документах, в частности в рапортах, докладах, отчетах, письменных обзорах военных деятелей, в особенности комендантов, переписке различных военных деятелей высшего ко-

мандования царской армии с официальными правительственными чиновниками, а также в воспоминаниях участников военных походов, очевидцев событий, в письмах военных и гражданских лиц, занимавших различные должности на местах и в правительственных учреждениях и т.д. И, конечно, в подлинности всех перечисленных документов не может быть сомнений, что делает их значимость для исследуемой нами проблемы еще больше. Главное, что для нас важно, авторы этих документов фиксировали не только то, что было в их время, но и что было и ранее. Имеющиеся в этих документах сведения, в особенности по земельно-правовым отношениям – о формах земельной собственности, землепользовании, податях и повинностях, которыми были обложены зависимые категории крестьянства за пользование феодальной землей, – все это для нашего исследования является важнейшим источником.

б) Материалы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Немало интересных материалов по исследуемой теме находится в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Прежде всего отметим, что здесь находятся и материалы различных архивов страны, выявленные еще в годы Советской власти научными сотрудниками Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. Среди них особенно важны для нас «Документы и материалы, выявленные научным сотрудником Института ИЯЛ Х.Х. Рамазановым из ЦГВИА в 1958 г.», «Документы и материалы по истории Дагестана XIX в., выявленные и собранные В.Г. Гаджиевым из ЦГИАЛ».

Из других материалов РФ ИИАЭ, представляющих интерес для нашей темы, отметим «Документы по земельным отношениям в Дагестане до XVIII в.» включительно, «Записка о правах и преимуществах господствующих групп населения: об адатах и управлении жителей Присулакского наибства», «Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге с приложениями к ней», «Запись из рукописи «Шарх ал-Минхадж», «Материалы и документы, собранные по истории Дагестана» А. Каяевым, его же «Материалы по истории лаков», «Копии документов, извлеченных из фондов Государственного архива феодально-

крепостнической эпохи (ГАФКЭ), относящиеся к истории России, Персии, Кавказа и Дагестана первой половины XVIII в.», «Краткие сведения по поземельным правам высшего сословия», «Материалы по истории Дагестана в XVII-XIX вв.», «Материалы по истории Дагестана XVIII в., извлеченные из РГАДА Е.Н. Кушевой», «Материалы по истории Дагестана XIX в.», «Материалы по истории Карабудахкента (перев. с кум. Г.С. Федорова)», «Новые материалы по истории сословно-поземельных отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа», «Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу», «Письмо шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I …», «Происхождение жителей и права их в пользовании землей», «Прощение беков Темир-Хан-Шуринского округа Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе», «Рукопись перевода Кади-Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа», «Салатавия. Географическо-экономический очерк», «Справка, составленная Лобановым «Тяжесть обложения крестьянского населения Дагестана при власти ханов и царей по сравнению с положением при Советской власти» и т.д.

Кроме того, в Рукописном фонде хранятся плановые работы сотрудников Института ИАЭ, а также переводы ряда работ иностранных авторов, писавших в своих трудах и о Дагестане. Здесь сосредоточены также арабоязычные записи по различным вопросам истории Дагестана, переведенные сотрудниками отдела востоковедения Института ИАЭ, и главным образом А.Р. Шихсаидовым, Х.А. Омаровым, Т.М. Айтберовым и ранее их К. Баркуевым, М.Г. Нурмагомедовым, К. Ахмедовым, М.Р. Мугумаевым. Имеющие отношение к нашему исследованию материалы, конечно, нами использованы при изучении того или иного вопроса проблемы.

Во многих материалах Рукописного фонда Института ИАЭ имеются, как говорят и их названия, сведения по земельно-правовым вопросам, социально-правовым отношениям в дагестанском обществе, что, безусловно, помогло нам разобраться в ряде вопросов проблемы.

в) Публикации архивных материалов

Большое количество источников, выявленных из фондов различных архивов, сосредоточено в сборниках публикаций, которые были подготовлены как в дореволюционный период, так и в годы Советской власти. Из дореволюционных публикаций особо следует указать на «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией» (АКАК)[1]. Во многих томах двенадцатитомного издания имеются различного характера документы о феодальных владениях и их правителях, других представителях класса феодалов, о различных формах земельной собственности, формах феодальной эксплуатации и т.д. Для нас интерес представляют тт. 2, 4, 6, 8, 9, в которых публикуются подобного рода документы.

Основная масса сборников документов была издана в советский период, и они главным образом были подготовлены к изданию дагестанскими учеными-историками.

Первым изданием архивных материалов явился сборник «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (МИДЧ), вышедший в свет еще в 1940 г.[2] Причем ряд материалов этого сборника вошел в сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.» (ИГЭД), изданный в 1958 г. под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева[3]. Оба сборника для нашей проблемы интересны тем, что в них публикуются различные работы военных деятелей, бывших на Кавказе и в Дагестане, в частности, которые хранятся в архивохранилищах различных центральных архивов страны. Эти работы составлены современниками, являющимися участниками различных посольств, но главным образом – военных походов в Дагестане, начиная с Петра I в 1722 г. Нельзя в связи со сказанным не отметить работы, публикуемые в сборнике 1958 г.: А.И. Лопухина, И.-Г. Гербера, Л.Ф. Еропкина, Д.И. Тихонова, Ф.Ф. Симоновича, П.Г. Буткова, А.И. Ахвердова, А.А. Кремского, А.М. Буцковского, Н.Ф. Ртище-

---

[1] Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Тифлис, 1866-1904. Т.I-XII. (Далее АКАК).

[2] Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С.Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1. (Далее МИДЧ).

[3] История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958. (Далее ИГЭД).

ва, М.А. Коцебу, Хрисанфа, Ф.П. Скалона, Р.Ф. Розена, А.П. Щербачева, Т.Н. Яишникова, М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, Н.Ф. Колоколова, И.И. Норденстама, Ф.А. Шнитникова, Ф.И. Краббе и др.

Во всех работах перечисленных авторов затрагиваются какие-то вопросы, имеющие отношение к нашей проблеме. Это и занятия населения с показом развитости, местом и ролью земледелия в экономической жизни дагестанских горцев, и вопросы, связанные с земельно-правовыми отношениями, подати и повинности зависимого крестьянства и т.д.

В 1958 г. был издан сборник архивных материалов по русско-дагестанским отношениям в XVII – первой четверти XIX в.,[1] в котором имеются и некоторые вопросы по нашей теме – о феодальных владетелях, их социально-правовом положении.

Немало материалов по нашей проблеме, в особенности по земельно-правовым отношениям, имеется в сборнике архивных материалов, посвященном движению горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX в., изданном в 1959 г.[2] В различных документах-рапортах, письмах, обзорах и т.д. содержатся сведения о различных формах земельной собственности, в особенности у феодалов-ханов, беков, чанка-беков до движения горцев под руководством Шамиля и что стало с землями феодалов после прихода к руководству движением горцев последнего.

В сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.»[3], изданном в 1965 г., помимо адатов различных обществ и феодальных владений, имеются и интересные материалы по различным народам и обществам, извлеченные из Центрального государственного исторического архива Республики Грузия. Касаются они Акушинского союза, Кайтага, Кюринского округа и Табасарана, и они содержат сведения о хо-

---

[1] Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Архивные материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. (Далее РДО).

[2] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959 (Далее ДГСВК).

[3] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965.

зяйственной деятельности, хотя их и не много, и земельных отношениях.

В 1968 г. был издан сборник материалов и документов под названием «Из истории права народов Дагестана» (состав. А.С. Омаров)[1], где имеются документы о земельных отношениях в ряде феодальных владений и союзах сельских общин Дагестана.

Очень ценным и нужным для исследуемой нами проблемы является сборник архивных материалов «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.», составленный Х.-М. Хашаевым и изданный в 1969 г.[2] Пожалуй, из всех сборников архивных материалов данный сборник содержит больше всего материала по исследуемой нами проблеме. Здесь немного материала по занятиям населения Дагестана, но зато много материала по земельным отношениям. Причем они собраны непосредственно на местах и отражают положение вещей, имевшее место не только в период сбора этого материала, но и в XVIII и XIX вв. и даже в отдельных случаях еще ранее.

Этот материал собирался сословно-поземельными комиссиями после присоединения Дагестана к России в различных округах и в них отражены все формы земельной собственности в феодальных владениях и союзах сельских общин, формы землепользования и дается перечень податей и повинностей, которыми были обложены феодально-зависимые категории крестьянства.

В 1988 г. был издан еще один сборник по русско-дагестанским отношениям, но последующего периода - XVIII – начала XIX в.[3] Хотя в сборнике немного материала по нашей теме, тем не менее ряд документов, извлеченных из московских архивов и РГИА СПб., представляет для нас интерес.

---

[1] Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

[2] Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1969. (Далее ФОД).

[3] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Состав. В.Г. Гаджиев, Д.-М. Габиев и др. М., 1988.

В.Г. Гаджиев в 1992 г. издал сборник «Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв.»[1], где публикуются отрывки из многих работ, касающиеся Дагестана.

Для нашего исследования особый интерес представляет работа доктора медицины, бывшего на Кавказе в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггса, посвященная историко-топографическому описанию Кавказа. В работе много интересного по феодальным владениям и союзам сельских общин. Это в особенности касается Кайтага, Табасарана, Засулакских княжеств, Дженгутая и других кумыкских сел, по которым даются прекрасные сведения – о занятии населения, в частности о земледелии и садоводстве. Много места уделено и другим вопросам истории феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана. Хотя в ряде случаев трудно согласиться с мнением автора, тем не менее, сведения Я. Рейнеггса имеют для нас большое значение и они, безусловно, использованы в нашей работе.

institutеofhistory.ru

Очень полезной работой для нашего исследования является подготовленная Т.М. Айтберовым публикация под названием «Хрестоматия по истории права и государства Дагестана»[2], изданная в 2-х частях в 1999 г. Здесь помещены различные соглашения феодальных владетелей и других представителей феодального класса Дагестана с отдельными горскими обществами, адаты, договоры феодалов и сельских общин, дарственные, купчие и т.д., в которых отражены земельно-правовые отношения, имевшие место в изучаемое время. Много интересного материала о пастбищных горах феодалов, о захвате ими и покупке земель у сельских общин, актов о дарственных землях, сдаче их в аренду, податях и повинностях зависимых общин и крестьянства от феодалов.

Нельзя не отметить, что публикуемые в «Хрестоматии» документы являются местного происхождения – составлены как феодалами, так и сельскими обществами, что увеличивает их ценность. Следует также обратить внимание, что все документы,

---

[1] Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Состав. введ., вступит. статьи к текстам и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

[2] Хрестоматия по истории права и государства в XVIII-XIX вв. / Состав. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч.I-II.

публикуемые в первой части «Хрестоматии», относятся непосредственно к исследуемому нами периоду.

г) Адаты народов Дагестана

Надежным источником по нашей проблеме являются адаты дагестанских народов, неписаные законы, которыми руководствовались в повседневной жизни жители Дагестана – все слои населения – и феодалы и крестьяне. И неспроста советские ученые отмечали значимость адатов в изучении социально-экономических отношений средневековья. Проф. Р.М. Магомедов, использовавший в своем капитальном труде, посвященном общественно-экономическим и политическим отношениям в Дагестане в XVIII – начале XIX в., писал, что нормы адатов «дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX в. включительно»[1]. Известный советский этнограф В.Г. Гарданов тогда же отмечал: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа **являются главнейшим и подчас единственным источником** (подчеркн. мною – Б.А.) для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периодов XVIII – начала XIX вв.»[2]

До присоединения Дагестана к России адаты народов Дагестана не публиковались. Но и после этого только во второй половине XIX в. стала проводиться работа по их сбору и публикации, хотя адаты разных феодальных владений, обществ и народов имелись в записи на арабском языке и языках дагестанских народов. В 1868 г. А.В. Комаров впервые объединил и систематизировал адаты различных народов Дагестана и издал их в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах»[3]. Здесь же, в приложении публикуются «Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана».

---

[1] Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960. С.2.

[2] Гарданов В.Г. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ. М., 1960. № 5. С.12.

[3] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I.

В дальнейшие годы публикуются адаты других владений, обществ и народов. В 1872 г. были изданы «Адаты жителей кумыкской плоскости»[1]. В 1873 г. были изданы «Адаты даргинских обществ»[2], а через два года – «Адаты южно-дагестанских обществ»[3], где имеются адаты Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского округов. В 1882-1883 гг. Ф.И. Леонтович издал «Адаты кавказских горцев»[4]. В предисловии к первому выпуску этих адатов говорится об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев. В 1899 г. были опубликованы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»[5], куда вошли адаты как изданные в 1872-1875 гг., так и адаты ряда бывших союзов сельских общин и Казикумухского округа.

Советские ученые продолжали работу по сбору и публикации адатов. В 1957 г. Х.-М.О. Хашаев и М.-С.Д. Саидов подготовили и издали «Гидатлинские адаты»[6]. Р.М. Магомедов в 1964 г. в книге «Памятник истории и письменности даргинцев XVII века»[7] издал на русском и даргинском языках «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго». Это законы, которыми руководствовались в повседневной жизни и феодалы, и крестьяне.

В сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.», на котором мы остановились выше при анализе публикаций архивных материалов, кроме ряда материалов из ЦГИА РГ, помещены адаты шамхальства Тарковского, Мехтулинского ханства, «Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого)» и адаты ряда союзов сельских общин[8].

Еще в одном из указанных выше сборников «Из истории права народов Дагестана»[9] публикуются адаты различных обществ и

---

[1] Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI.
[2] Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
[3] Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII.
[4] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882-1883. Вып. 1-2.
[5] Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.
[6] Гидатлинские адаты / Подготовили к печати Х.М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала, 1957.
[7] Магомедов Р.М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.
[8] Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.
[9] Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.

народов. Среди них: «Собрание адатов селений Аварского округа», «Собрание адатов, существующих в Казикумухском округе», «Сборник адатов Кайтага и Табасарана», «Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана», «Уцмиевы адаты (в Кайтаге)».

Интересные адаты были изданы также в указанном выше сборнике «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.». Это «Адаты об отношении терекемейских райят к своим бекам», которые были собраны со слов старожилов-терекемейцев различных периодов. Здесь даны права беков в отношении райят, сведения об их поземельных правах, податях и повинностях[1].

Каждое издание адатов – будь то адаты феодальных владений или союзов сельских общин – содержит какие-то вопросы по исследуемой проблеме, которые касаются и занятий населения, в частности земледелия и земельных отношений. Из адатов мы узнаем о земледелии, садоводстве, огородничестве и занятии техническими культурами. Адаты хорошо отражают формы земельной собственности, в них говорится о защите частного и общинного землевладения, в них указывается время проведения определенных сельскохозяйственных работ, время пастьбы на общинных пастбищах того или иного вида скота, возможность свободного пользования частной землей и запрета продажи ее вне своей общины и т.д.

д) Литературные источники

Выше был дан анализ многих работ дореволюционных авторов, писавших о Кавказе, в том числе о Дагестане. Многие из них являлись современниками и свидетелями событий, происходивших в период их пребывания в том или ином регионе. Это, как указывалось выше, монографические работы, отдельные записки, статьи, описания и т.д. В них содержится конкретный материал и по изучаемой теме. Поэтому их можно считать литературными источниками.

К этого рода источникам можно отнести многие работы XVIII-XIX вв. Это труды А.И. Лопухина, И.-Г. Гербера, Д.Ф. Еропкина, Я. Лерха, Д.И. Тихонова, С.Г. Гмелина, И.А. Гильденштедта, Ф.Ф. Симоновича, И.Т. Дренякина, А.Г. Сереброва, П.Г.

[1] Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XIX в. М., 1969.

Буткова, А.И. Ахвердова, А.М. Буцковского, Н.Ф. Ртищева, М.А. Коцебу, Хрисанфа, Ф.П. Скалона, Р.Ф. Розена, А.П. Щербачева, М.К. Ковалевского, И.Ф. Бларамберга, П.Ф. Колоколова, И.И. Норденстама, Ф.И. Гене и др. Почти все эти работы изданы в сборнике «История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв.»

К этому виду источников можно отнести и монографические работы С.М. Броневского, П. Зубова, О. Евецкого, А.А. Неверовского, Ад. Берже, А.П. Ермолова, А.В. Комарова, П.Г. Буткова, Н.Ф. Дубровина, Н. Семенова, М.М. Ковалевского и др., ряду из которых выше дан историографический анализ, как работам историографического характера, в которых их авторы высказывают и свое мнение при описании тех или иных событий, хотя они и являлись очевидцами или современниками. Использование в их работах различных официальных документальных материалов делает эти работы дореволюционного периода литературными источниками.

е) Историко-этнографический материал

Нельзя не остановиться еще на одном виде источников – историко-этнографическом материале. Это материал, который собран нами в период летних экспедиций в районы Дагестана в течение более 30 лет. В ряде своих предыдущих работ нами указывалось на значимость для исторических исследований историко-этнографического материала. Но не лишне и в данной монографии остановиться на этом вопросе ввиду значимости историко-этнографического материала для исследования как земледелия, так и землевладения в Дагестане.

Среди ученых, занимающихся советским и постсоветским периодами, было распространено мнение, да оно бытует у ряда ученых до сих пор, что историко-этнографический материал – это не источник, и он может только дополнять имеющиеся источники. Но наш опыт использования историко-этнографического материала показывает обратное. Об этом говорит и оценка историко-этнографического материала, которую дали ряд ученых дооктябрьского и советского периодов. Ранее в своих трудах я обращался к ним. Но, думается, и в этой работе в связи с поднятым вопросом не лишне снова обратиться к мнениям этих ученых.

Еще в 1904 г. А. Кауфман писал, что «сами документы очень часто только становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»[1]. Особенно большое значение историко-этнографический материал имеет при исследовании тех периодов или вопросов, по которым недостаточно или совершенно отсутствуют письменные источники. «Устная история, – писал акад. Е.М. Жуков, – имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в изустных преданиях, переходящих из поколения в поколение»[2]. Особое значение историко-этнографический материал имеет для изучения средневековья, периода феодализма. Как писал Х.П. Стродс, «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней»[3].

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

Как известно, наши работы посвящены именно периоду феодализма, при изучении которого сталкиваешься с недостаточностью письменных источников для полного изучения многих вопросов. Это представляется возможным благодаря историко-этнографическому материалу. Именно поэтому этот материал для нас является не «второстепенным источником» или «источником второго сорта», а полноценным и весьма важным источником, одним из видов исторического материала. Как писал проф. Р.М. Магомедов: «Особенно несправедливо» отношение «к устным историческим источникам» как «к материалу второго сорта» – «если речь идет о древней и средневековой истории Дагестана»[4]. Он же отмечал, что в ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущества перед письменными источниками. «Устные источники, – писал он, – во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных со-

institutеofhistory.ru

[1] Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904. С.54.

[2] Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С.224.

[3] Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сбор. статей. 1976. М.: Наука, 1977. С.42.

[4] Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977. Вып. I. С.10.

циальных и экономических отношений, правовых норм и т.п. Письменные материалы, напротив, скудны в этом отношении». И далее он отмечал, что: «В основном в устных источниках отражены наиболее характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т.п.), являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общественные формы и отношения. В местных письменных источниках такой материал встречается крайне редко»[1]. Р.М. Магомедов отмечал также достоверность историко-этнографического материала. «Говоря о дагестанских исторических преданиях, как источнике, – писал он, – особо хочу отметить значительную степень их достоверности в ряде случаев. В этом убеждает, прежде всего, их взаимная корреляция», т.е. отражение исторических событий в преданиях разных селений или общин[2].

Следует отметить, что именно по исследуемой нами проблеме больше всего сохранилось устных исторических источников. За все годы поисковой работы в селах Дагестана нами собран огромный полевой историко-этнографический материал по занятиям населения, в особенности по земледелию и садоводству. Еще больше материала собрано нами по земельным отношениям – формам земельной собственности и землепользованию в феодальных владениях и союзах сельских общин. Этот материал не просто дополняет имеющие источники по указанным вопросам, а во многих случаях является единственным источником, на основе которого возможно изучение того или иного вопроса по земельным отношениям в позднефеодальный период.

Историко-этнографический материал содержит конкретные сведения по земельной собственности того или иного феодала, общинной знати, свободного узденства, общинного, мечетского и тухумного землевладения. Полевой материал часто содержит названия многих земельных участков, отсутствующие в письменных источниках. Все это очень помогло более подробно и широ-

[1] Там же.

[2] Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977. Вып. I. С.9.

ко показать особенности форм земельной собственности в различных обществах, селах и регионах.

Здесь же хочется отметить, что в работе весьма широко использован и историко-этнографический материал, собранный в селах Дагестана другими дагестанскими учеными. В особенности это относится к историко-этнографическому материалу, собранному и изданному Р.М. Магомедовым в нескольких книгах. В них изданы исторические предания, в которых отражено состояние хозяйства и земельных отношений в средневековом Дагестане[1].

Завершая анализ работ и круг источников, на основе которых написана монография, еще раз следует отметить многочисленность трудов, в которых в той или иной мере подняты изучаемые нами вопросы. Это и монографические работы, порой довольно большого объема и в нескольких частях или томах, и небольшие статьи, содержащие отдельные вопросы нашей проблемы, и специальные главы или параграфы в общих исторических работах и этнографических трудах, посвященных в основном отдельным народам Дагестана. Вторая особенность историографии проблемы – полное отсутствие работ, посвященных либо отдельно каждому из двух изучаемых в монографии вопросов, либо проблеме в целом.

Что же касается источников, хранящихся в различных архивохранилищах страны, а также опубликованных в сборниках архивных материалов и в трудах дореволюционных авторов, бывших свидетелями различных событий, происходивших в Дагестане в XVIII-XIX вв., то следует отметить их разнохарактерность, разнозначимость и разбросанность.

Все анализируемые в работе труды и источники в той или иной мере использованы в нашей монографии и, думается, каждому из них отведено то место, которое они заслуживают.

[1] Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып.1. 1977. Вып.2; Его же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып.1; 1979. Вып.2.

ГЛАВА II. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

§ 1. Краткий очерк истории земледелия в Дагестане

Земледелие является важнейшей формой хозяйства в человеческом обществе. Земледелие – это величайшее достижение древности, получившее название «неолитическая революция». «Открытие земледелия, – писал академик В.И. Вернадский, – сделанное более чем за 600 поколений до нас, решило все будущее человечества»[1].

Земледелие – это древнейшее занятие населения Дагестана. Как показывают археологические находки, земледелие на территории Дагестана возникло еще в периоды неолита и энеолита. Это был период становления и развития первобытных общин земледельцев и скотоводов Дагестана. «Переход к земледелию и скотоводству не был внезапным и единовременным актом. Условия для этого вызревали на протяжении длительного периода верхнего палеолита и мезолита (35-10, 10-8 тыс. лет до н.э. – Б.А.) в процесс адаптации человека к тем или иным природным условиям, освоения человеческим коллективом окружающих их природных ресурсов… в одних регионах этот переход совершался раньше в других позднее, через много веков, в третьих – люди на протяжении многих тысячелетий продолжали удовлетворять свои потребности в пище с помощью архаических, присваивающих форм хозяйства»[2].

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institute of history.ru

Естественно-географические условия Дагестана благоприятствовали не только развитию скотоводства, но также и развитию земледелия. Как отмечают географы[3], сухой континентальный климат Дагестана с достаточным количеством осадков в вегетативный период обеспечивал нормальное развитие и созревание растений. И в Дагестане, как и в других регионах мира, где

---

[1] Вернадский В.И. Афтотрофность человечества // Химия и жизнь. 1970. № 8. С.22.

[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Х. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 23.

[3] Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 110.

началось земледелие, вместе с ним наступила новая эра в истории – начался процесс преобразования живой природы.

Самые ранние этапы земледелия, как известно, связываются с горными областями. «В горных странах шёл процесс адаптации растений к многоярусной системе рельефа, создавший всё богатство многочисленных трав современности, приспособленных к умеренным субтропическим и практическим условиям существования. Аридизация вела к вытеснению многочисленных древесных форм травянистыми с однолетним циклом жизни»[1].

В научном мире существуют различные мнения о возникновении сельского хозяйства в различных регионах – одни считают, что оно появилось где-то в одном или нескольких центрах, а затем проникло в другие страны. Другие же ученые говорят о независимом возникновении сельского хозяйства в разных центрах.

Какие бы мнения ни существовали, принято считать, что древние центры возникновения земледелия и скотоводства – это горные области Ближнего Востока, горные долины Палестины, Сирии, Ирака и Ирана, где уже в XVII тыс. до н.э. появляются первые племена оседлых земледельцев и скотоводов. Уже к II тысячелетию до н.э. земледельцы и скотоводы появляются на юге Средней Азии, в Северном Причерноморье и на Кавказе[2].

«Новейшие комплексные исследования, проводившиеся в Дагестане, позволили установить, что горный Дагестан является на Кавказе пока единственной горной областью, где выявлены наиболее древние человеческие коллективы, перешедшие к земледелию и скотоводству. В горных долинах Дагестана это произошло в неолите – позднем каменном веке, т.е. на рубеже VII-VI тыс. до н.э.»[3]. Это слова авторов «История Дагестана …», высказанные ими на основе археологических работ известных дагестанских археологов В.Г. Котовича и Х.А. Амирханова[4].

---

[1] Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1974. С. 5.

[2] Массон В.А. Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180. С. 111-126.

[3] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 23-24.

[4] Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964; Его же. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982; Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и энеолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987.

Еще в 1964 г. В.Г. Котович писал, что: «Чохская стоянка, впервые документировавшаяся заселенность горных районов Северо-Восточного Кавказа в верхнем палеолите и мезолите, является самым ярким и выразительным памятником каменного века среди известных на данной территории»[1]. Самым примечательным в Чохском поселении является нахождение здесь естественных обнаженных террас, относящихся «к довольно глубокой геологической древности»[2], причем «образование верхних напластований террасы» содержит «следы человеческой деятельности», что, по мнению геоморфолога Д.А. Лилиенберга, «произошло в конце вюрмской эпохи и в раннем голоцене»[3].

По мнению Х.А. Амирханова, исследования только верхних слоев стоянки «не способствовали конкретизации датировок», «здесь не геологические данные служили датировке археологического материала, а наоборот»[4]. При этом он приводит слова В.Г. Котовича, проводившего раскопки Чохского поселения в 1955-1957 гг., данные которого он обобщил в работе «Каменный век Дагестана», о том, что «определению возраста этих (геологических. – Б.А.) слоев и, стало быть, соответствующих археологических периодов в немалой степени способствуют археологические материалы»[5].

Но последующие археологические исследования позволили уточнить датировку Чохского поселения как памятника исключительно большого значения для установления начального периода производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства не только в горах, но и на территории всего Дагестана. Как пишет В.И. Марковин, новейшие исследования, проведенные Х.А. Амирхановым в 1974 и в 1980-1992 гг. на Чохской стоянке, «дали ей «новую жизнь», позволили завершить изучение (на данном этапе) целого ряда вопросов, связанных со становлением производящего хозяйства в условиях высокогорного Дагестана, так глубоко интересовавших В.Г. Котовича. Передатировка памятника (мезолит-неолит), сведение воедино некоторых «слоев», выде-

[1] Котович В.Г. Каменный век… С. 100.
[2] Там же. С. 105.
[3] Там же. С. 106.
[4] Амирханов Х.М. Указ. соч. С. 20.
[5] Котович В.Г. Каменный век…. С. 119; Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 20.

ленных его предшественником, а главное изучение Чохской стоянки в комплексе с его физико-географическим окружением, с учетом данных естественных наук (геоморфология, палеозоология, палеоботаника, климатология) позволили Х.А. Амирханову дать достаточно убедительные ответы на частные и общие вопросы, связанные как с возникновением производящего хозяйства (неолитической революцией) и проблемой заселения высокогорий, так и с осмыслением появления культурных ареалов Каспийской области в древнейшие эпохи»[1].

Здесь нет необходимости описывать культурные слои, археологический материал – инвентарь, так как это не входит в нашу задачу. Главное для нас – это период возникновения производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства и инвентаря, различных вещей, подтверждающих это. Прежде всего, это остатки жилых сооружений, следы огня в виде скоплений зольной или углистой массы, которые «довольно часто отмечаются не только для неолитических, но и для более ранних памятников Кавказа»[2]. Изучение жилища, его структуры, очагов, кострищ привело Х.А. Амирханова к выводу, что «для Дагестана и, вероятно, для Кавказа в целом то была эпоха, когда человек ещё не покинул окончательно приспособления для жилища естественные убежища в виде гротов, навесов. В неолите Чоха этот перелом уже осуществляется, хотя обитатели поселения ещё не оторвались полностью от привычного скального ландшафта и предоставляемых им зачастую удобств»[3].

И ещё, что важно отметить, – чохское жилище имеет внушительные размеры. «Подобные дома в их первоначальном функционировании связываются, как правило, с большесемейным укладом жизни. Существование семейной общины как одного из основных элементов социальной структуры населения горного Дагестана в прошлом – факт известный»[4].

Наличие жилищ – это показатель оседлости населения, а обнаруженный здесь различный археологический инвентарь –

---

[1] Марковин В.И. Предисловие // Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 4.
[2] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 97, 100-101.
[3] Там же. С. 107-108.
[4] Там же. С. 109.

яркое свидетельство производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства. В этом плане примечательны сохранившиеся обломки 5 зернотерок и костяные основы жатвенных ножей[1]. Как пишут авторы «Истории Дагестана», «люди, заселившие горный Дагестан в послеледниковый период, в мезолите около 10 тыс. лет тому назад (VIII тыс. до н.э.), на рубеже VII-VI тыс. до н.э., т.е. в раннем неолите, совершили крупнейший скачок в своем экономическом развитии, перешли от присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве и охоте, к земледелию и скотоводству»[2].

Наиболее ярким доказательством перехода жителей Чохского поселения к производящему оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству являются полученные в результате промывки различных участков поселения десятки обугливших зерновых злаков и сорняков (пшеница, ячмень, овес, просо, бобовые, виноград, дуб, ясень, граб, лен, боярышник и т.д.)[3].

Эти палеоботанические остатки из Чохского поселения являются ярким подтверждением правоты утверждения академика Н.И. Вавилова, высказанного им на основе геоботанических данных ещё в 20-х годах XX в., о том, что Кавказ относится к числу тех горных районов, которые являлись очагами первоначальной земледельческой культуры[4] «Обширная территория Кавказа, – писал он, – …, включая горные и предгорные районы как Главного хребта, так и Малого Кавказа… представляет исключительное явление в смысле видовых и сортовых растений… По разнообразию видов культурных и диких пшениц Кавказ занимает первое место на земном шаре, конкурируя в этом отношении с Анатолией»[5]. Н.И. Вавилов утверждал, что наиболее древние области возделывания хлебных злаков, зерновых, бобовых и льна сосредоточены на Кавказе, в Юго-Западной Азии и сопредельных территориях и в этой связи особо подчеркивал: «Закавказье, Даге-

[1] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 124, 139.
[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 30.
[3] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 144-147.
[4] Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Избранные произведения. Л., 1967. Т. 1. С. 169-172.
[5] Вавилов Н.И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.: Л., 1957. С. 116.

стан непосредственно входят в очаги происхождения данных культур»[1]. Н.И. Вавилов, в частности писал о вышесказанном так: «Входя в основную область видообразования пшеницы, ячменя, ржи, льна, Кавказ благодаря различным условиям, горному характеру, древней культуре, в особенности в Закавказье и Дагестане, выработал чрезвычайное разнообразие экотипов, представляющих собой рачительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же условиях… Многие из этих эндемических кавказских видов пшеницы, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины. Земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий»[2].

На основе всего сказанного Х.А. Амирханов приходит к заключению: «Таким образом, Чохское поселение представляет нам набор наиболее ранних для Кавказа (да и для территории СССР) доместицированных злаков»[3]. Говоря же об их происхождении, он отмечает: «Мы не видим здесь каких-либо опознаваемых черт заимствований или инокультурных влияний. Более того, тут имеет место несомненная генетическая связь с нижележащими мезолитическими слоями. Это дает основание допустить самостоятельную местную доместикацию растений, имеющих хозяйственное значение»[4]. И ещё, что важно, – это предположение, что «совместное нахождение во всех показательных образцах пшеницы и ячменя, скорее всего, говорит о практиковании смешанных посевов»[5], т.е. это показатель того, что у древних земледельцев не было предпочтения той или иной из представленных культур[6]. Что касается домашних животных, то имеющиеся материалы по другим регионам, а также сохранившиеся кости позволили прийти к заключению о наличии у населения Чохского поселения овец и коз[7].

---

[1] Вавилов Н.И. Указ. соч. С. 87, 88.
[2] Там же. С. 121.
[3] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 148.
[4] Там же. С. 150.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 151.
[7] Там же. С. 154.

В.Г. Котович, проводивший раскопки на Чохском поселении в 1954-1957 гг., писал «о возможности отнесения горного Дагестана, как, по-видимому, и некоторых других частей Кавказа, к числу тех горных областей, где протекала «неолитическая революция» – чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей в недрах высокоспециализированного охотничье-собирательного хозяйства»[1]. Здесь же он писал, что «в раннем неолите земледелие уже сложилось в Дагестане в самостоятельную отрасль хозяйства, существовавшего наряду с охотой и, вероятно, скотоводством»[2]. Но у В.Г. Котовича не было ещё материалов, проливающих свет на данную проблему. Лишь археологические раскопки Чохского поселения, произведенные в 80-е годы XX в. Х.А. Амирхановым, показали «сложение в раннем неолите Дагестана целого комплекса качественно новых явлений, характеризующих изменения бытовой, хозяйственной и общественной жизни обитателей этого региона. На уровне неолитического слоя памятника появляются первые (древнейшие на Кавказе) искусственные жилища, культурные злаки, домашние животные, примитивные сельскохозяйственные орудия, изделия переработки растительных продуктов. Имеются, таким образом, очевидные свидетельства перехода обитателей горного Дагестана от присваивающего к производящему хозяйству»[3].

Как пишет Х.А. Амирханов, «до совершенного перехода к земледелию и скотоводству человек жил на одной и той же территории Центрального Дагестана непрерывно на протяжении по крайней мере двух тысячелетий»[4]. Именно здесь были благоприятные условия для перехода к земледельческо-скотоводческому

---

[1] Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического … С. 138.

[2] Там же. С. 164.

[3] Амирханов Х.М. Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980-1981 гг. // Конференц. по археол. Сев. Кавк. XII Крупновские чтения (тез. докл.). М., 1982; Его же. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа (тез. докл.). Ереван, 1982; Его же. Чохское поселение – памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982. № 5; Его же. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2; Его же. Чохское поселение. Человек и его культура… С. 161.

[4] Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура… С. 164.

хозяйству: 1) произрастание в естественном виде предков основных злаковых культурных растений и обитание поддающихся одомашниванию видов диких животных; 2) благоприятный климат для перехода к постоянному возделыванию злаков. На позднем и среднем этапах бронзы территория горного Дагестана характеризуется культурой, не представленной ни в Закавказье, ни в Предкавказье (каякентско-хорочоевская культура, могильники Гинчи, Верхнегунибское поселение). На ранних этапах эпохи бронзы… на территории Дагестана до самых глубинных горных районов внедряется куро-аракская культура… Центральный Дагестан характеризует земледельческо-скотоводческое поселение Гинчи[1], расположенное на территории энеолитического одноименного поселения[2]. Исследователи рассматривают как общие черты, так и особенности гинчинской и каякентско-хорочоевской культур[3]. В то же время отмечается выделение Внутреннего Дагестана в качестве отдельного района с показаниями, близкими к периодизации в большей степени, чем к центральным и западнокавказским[4]. Но, что ещё важнее, подчеркнутое Х.А. Амирхановым на основе палинологических данных Чохского поселения, это то, что на рубеже ледникового времени – плейстоцена и современного геологического периода – голоцена (примерно 10 тыс. лет назад), когда происходила одна из значительных в истории Каспийского моря регрессий – уровень моря опускается до 50 м от абсолютного нуля и это время характеризуется резкой аридизацией климата, в кругокаспийской области образуются обширные пространства полупустынных и пустынных ландшафтов, Центральный Дагестан был заселен людьми и культурой, имевшей много общих черт с поселением южной половины кругокаспийских побережий. «С этого рубежа, по-видимому, – пишет Х.А. Амирханов, –нужно начинать отчет времени окончательного, непрерывающегося впоследствии заселения людьми Центрального Дагестана (так же, как среднегорий и высокогорий

[1] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 165-166.
[2] Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. С. 171.
[3] Там же. С. 176.
[4] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 166.

Восточного Кавказа в целом) и начало стабильного поступательного развития культуры данного региона»[1].

Говоря об этапах развития, Х.А. Амирханов пишет, что на первом мезолитическом этапе своего существования, охватывающем примерно VIII-VII тысячелетия до н.э., она развивается очень спокойно и как бы замедленно. Темпы исторического развития резко меняются на рубеже VII-VI тысячелетий. В это время начинается новокаспийская трансгрессия, связанная с наступлением атлантического времени. Происходит существенная перестройка ландшафтов, вызванная потеплением климата и увеличением влажности. На платообразных горах Центрального Дагестана с высотными отметками 1600-1900 м распространяется растительный покров[2]. «Качественно новые изменения претерпевает в это же время и культура обитателей горного Дагестана. Появляется целый комплекс признаков, отражающих коренной перелом в хозяйственной деятельности и образе жизни людей На уровне неолитического слоя Чохского поселения зафиксированы искусственные жилища, сосуды из обожженной глины, зернотерки, архаичные земледельческие орудия и главное – обуглившиеся зерна окультуренных злаков и кости домашних животных». При этом автор приведенных слов Х.А. Амирханов отмечает определенную близость к неолитическому инвентарю Чохского поселения памятников Закавказья. Но в то же время он отмечает, что это свидетельство «завуалировано хронологическими дистанциями между ними»[3], в связи с чем, основываясь на фактах, он заключает: «Все сказанное служит подтверждением тому, что Чохское поселение можно рассматривать как указание на наличие в пределах горной части Восточного Кавказа пласта памятников, предшествующего по времени раннеземледельским памятникам Закавказья и составляющего историко-культурную подоснову последних»[4].

Следующим этапом в развитии земледельческо-скотоводческого хозяйства населения Дагестана был энеолит. Памятниками энеолита являются поселение Гинчи (Шамильский

---

[1] Амирханов Х.А. Указ. соч. С. 205-206.
[2] Там же. С. 206.
[3] Там же. С. 207.
[4] Там же. С. 208.

район) и Ругуджинское поселение (Гунибский район). Судя по местонахождению Гинчи – в центральной части Дагестана – в период энеолита (VII-VI тыс. до н.э.) происходил активный процесс освоения земледельцами различных долин, пойм рек, подножий горных склонов. О занятиях земледелием свидетельствуют многочисленные находки каменных зернотерок и терочников жатвенных ножей, а также следы соломы и обломки керамики[1].

Третьим этапом производящей экономики, совпадающим с периодом расцвета первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане, является бронзовый век (конец IV – начало II тысячелетия до н.э.). Сохранилось много памятников этого времени во всех естественно-географических зонах Дагестана: Каякент, Великент, Джемикент (на равнине), Мекеги, Чиркей, Верхняя Сигитма (в предгорье), Ирганай (горно-долинная зона), Верхний Гуниб, Усиша, Гагатли (высокогорье) и т.д.[2]

Особенностью земледелия эпохи бронзы явилась возникновение и развитие пашенного земледелия[3], люди наряду с мотыгами стали применять простейшие плуги и сохи. Как писал М.Г. Гаджиев: «Рост населения, увеличение его плотности привели к распространению производящего хозяйства по вертикали, с долин на высокогорья, освоению высокогорий и постепенному заселению их земледельческо-скотоводческим населением. Одновременно шел также процесс земледельческого освоения приморской низменности. Основой оседлого быта жителей долговременных поселений как горной зоны, так и Приморской низменности было земледельческо-скотоводческое хозяйство»[4].

С развитием пашенного земледелия в горных районах вскоре стала ощущаться нехватка пригодных для этого земель, что привело к необходимости создания искусственных полей и раннему становлению в горном Дагестане террасного земледелия. «… террасное земледелие, наивысшее аграрное достижение древнего населения в условиях горного рельефа – земледельческая система, сложившаяся в условиях, когда были исчерпаны

[1] Магомедов Р.Г. Указ. соч.
[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М,, Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 51.
[3] Там же. С. 51.
[4] Гаджиев М.Г. Ранне-земледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991. С. 177.

ресурсы экстремальных форм»[1]. Именно высокая экстенсивность земледелия привела к созданию террас. В этом плане примечательно, что горный Дагестан является одним из ярких мировых очагов террасного земледелия. Создание террас не было единовременным актом. «Создание искусственных земледельческих террас происходило постепенно, в ходе длительной и целенаправленной обработки пологих склонов гор. Террасы выглядели как гигантские лестницы, поднимающиеся по склонам гор и постепенно суживающиеся по мере увеличения крутизны склона. Они производят неизгладимое впечатление на всех, кто первый раз знакомится с ними». Дагестан особо привлекал внимание академика Н.И. Вавилова не только как одного из центров зарождения земледелия, но и высокоинтенсивного горного террасного земледелия. «В Перу, Боливии и у нас в Дагестане, – писал он, – можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культур рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха (да и в других селах горного Дагестана. – Б.А.), можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Горном Дагестане»[2].

В связи с вопросом о террасном земледелии хочется отметить главные три момента, которые как характерные особенности уже отмечены дагестанскими археологами (В.Г. Котович, М.А. Агларов, М.Г. Гаджиев, Х.А. Амирханов). Это, во-первых, их возникновение в средней бронзе (рубеж III-II тысячелетия до н.э.); во-вторых, что террасы – это в основном результат или плод небольшого коллектива, что «они образовались не в результате единовременного приложения большого труда, а вследствие постоянной, многовековой и целенаправленной обработки пологих

[1] Агларов М.А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979. С. 8.

[2] Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. М., 1936. № 2. С. 80.

горных склонов»[1]. И ещё одно обстоятельство, о чем пишет М.А. Агларов – «К террасированию полей прибегали не всюду и не везде, где горы и горное земледелие, а лишь в древних исходных центрах мирового земледелия»[2]. Одним из таких центров мирового земледелия и является Дагестан.

Обработанные мотыгой или плугом земли засевали различными сортами злаков. На Каякентском поселении были обнаружены отпечатки чешуи твердой пшеницы, а на Мекегинском – зерна голозерного ячменя. Обратимся к примеру по Южному Дагестану о развитии в этот период земледельческо-скотоводческого хозяйства, где также обнаружены сорта злаков. На Гильярском поселении (Магарамкентский район) «раздавленный сосуд содержал зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя, а судя по найденным там же зернам льна, местные племена выращивали эту культуру для производства ткани»[3]. Урожаи снимались при помощи составных кремневых серпов, возможно, применяли и бронзовые серпы. Обмолот производился с помощью палок, вытаптыванием зерна из колосьев животными. Вероятно, что в III тысячелетии до н.э. уже начали применять для этой цели молотильные приспособления из каменных плит, деревянных досок, достоверность существования которых засвидетельствована для последующего периода бронзового века. Обмолоченное зерно подсушивали и обжаривали на специальных двучастных печах, широко распространенных в быту народов Дагестана и поныне (кор – ав., кари – дарг., кIвари – лакск., хьар – лезг, таб., корюк – кумык.)[4].

В непрерывной связи с земледелием развивалась и вторая ведущая отрасль производящего хозяйства – скотоводство. В оседлых поселениях соотношение крупного и мелкого рогатого скота было в пределах 1:3, 1:5 (Верхний Гуниб, Ирганай); а в сезонных 1:5 (Чинна)[5]. Авторы цитированной выше «Истории Да-

---

[1] Гаджиев М.Г. Указ. соч. С. 178.
[2] Агларов М.А. Указ. соч. С. 9.
[3] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов М.-Р. Указ. соч. С. 58; История Дагестана с древнейших времен до наших дней (Под ред. М.Д. Адухова). Махачкала, 2012. С. 17.
[4] Гаджиев М.Г., Давудов О.М.. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 59.
[5] Гаджиев М.Г. Указ. соч. С. 179.

гестана» также отмечают видоизменение в системе скотоводства. «В горном Дагестане, – пишется в «Истории Дагестана», – входит в практику пастушеское отгонное скотоводство, основанное на использовании в летнее время сельских пастбищ вдали от оседлых поселений, но в пределах территории, принадлежащей роду или племени…» Здесь же отмечается, что «в составе стада ведущую роль играл крупный рогатый скот, что определялось не только более высокой мясной и молочной продуктивностью, но и использованием в качестве тягловой силы при пахоте, при передвижении примитивных транспортных средств»[1]. Но не везде крупный рогатый скот преобладал над мелким рогатым скотом. Так, «на Верхнегунибском поселении в составе стада количественно преобладали овцы и козы (около 54-60%), примерно на половину меньше было крупного рогатого скота (в пределах 31-34%)… Скотоводство на Верхнегунибском плато носило оседлый характер. Однако практиковались и отгонные формы скотоводства»[2].

В целом, по оценке В.Г. Котовича, уже в эпоху ранней бронзы первобытное земледельческо-скотоводческое хозяйство переживало расцвет[3].

М.Г. Гаджиев считал, что «отличительной особенностью хозяйства населения внутреннего Дагестана в эпоху бронзы являлось органическое единство земледелия и скотоводства, дополнявших друг друга, их равномерное развитие». «В этом отношении, – писал он, – внутренний Дагестан отличается от Передней и Средней Азии, где преобладает орошаемое земледелие, а также от Закавказья и других областей Северного Кавказа, где в эпоху бронзы получает развитие яйлажное скотоводство»[4].

В целом, подводя итог земледелию в эпоху бронзы, следует подчеркнуть выход раннеземледельческих общин «из их первоначального оседло-земледельческого центра – внутреннего горного Дагестана, освоение ими предгорий и Приморской низменности, где в начале бронзового века возникают такие крупные

[1] История Дагестана… С. 18.
[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М.. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 80.
[3] Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического … С. 145-165.
[4] Гаджиев М.Г. Указ. соч. С. 180.

оседло-земледельческие поселения, как Чиркейское, Мекегинское, Каякентское, Великентское»[1].

Следующим этапом в истории земледелия Дагестана является железный век, изучением которого занимались М.И. Пикуль, Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов, Р.М. Мунчаев, В.И. Марков, В.Г. Котович, О.М. Давудов. «Эпоха поздней бронзы и раннего железа представляет собой один из самых важных периодов в истории населения Дагестана. Важнейшим и определяющим событием этого времени является зарождение в рамках бронзового века производства железа и его распространение»[2]. Железо сыграло «революционную роль в истории»[3]. «Оно подняло земледелие и ремесло на качественно новую ступень развития»[4], наступает новая эпоха, «эпоха железного меча», «а вместе с тем железного плуга и топора… Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог соответствовать ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»[5].

По эпохе железа в Дагестане открыта масса памятников как на равнине, так и в горах. В разных странах переход от эпохи бронзы к железу датируется по-разному. В Дагестане, согласно М.И. Пикуль, переход от бронзы к железу происходит в самый последний век – во II тысячелетии до н.э. и в начальные века I тысячелетия до н.э. Это период каякентско-хорочоевской культуры[6]. Она писала, что на территории Северного Кавказа и Дагестана железо становится основой материальной культуры общества в начале I тыс. до н.э.[7] О.М. Давудов эпоху раннего железа в

---

[1] История Дагестана… С. 31.

[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М.. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 94.

[3] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

[4] Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 7.

[5] Энгельс Ф. Указ. соч. С. 162, 163.

[6] Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 5, 14.

[7] Там же. С. 24.

Дагестане относит к IX-IV вв. до н.э.[1]; М.Г. Гаджиев писал, что «древнейшие из известных на Северо-Восточном Кавказе железных изделий относятся к IX – первой половине VII в. до н.э.»[2].

Согласно всем археологическим раскопкам, проведенным на поселениях железной эпохи, земледелие в Дагестане получает дальнейшее, более широкое развитие, о чем говорят остатки многочисленных железных изделий, найденных в могильниках поселений равнинного и горного Дагестана. Анализ собранного археологического «материала показал, что население, оставившее» его «было близко к носителям каякентско-хорочоевской культуры не только в культурном отношении, но и в генетическом»[3]. Население Дагестана наследовало древнюю земледельческую культуру эпохи бронзы. Археологи пишут о длительности существования населения в поселениях эпохи железа и занятиях их земледелием и скотоводством.

«Земледелие у дагестанских племен прежде всего стимулировалось оседлым образом жизни»[4]. Так, в переходный период от бронзы к железу «на территории Дагестана и соседней Чечено-Ингушетии проживало оседлое население, занимавшееся в основном земледелием и скотоводством. Вспашку, видимо, производили как при помощи примитивного горского плуга (соха. – Б.А.), так и при помощи каменной мотыги[5]. Деревянный плуг зародился на Ближнем Востоке ещё в конце четвертого и начале третьего тысячелетий до н.э. и применялся и у других народов. И в Дагестане, «по-видимому, со временем мотыжное земледелие стало заменяться плужным», о чем можно предполагать на основании большого количества находимых на поселениях (Мака, Аркас) зернотерок и вкладышей от составных серпов[6]. Но, к сожалению, на территории Дагестана, как и во многих других районах Евразии, остатки сохи до сих пор не выявлены.

---

[1] Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 109-110; 135-136.
[2] Гаджиев М.Г. Указ. соч. С. 203.
[3] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 91.
[4] Давудов О.М. Указ. соч. С. 111.
[5] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 91.
[6] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 99.

«Однако, – как пишет далее О.М. Давудов, – наличие таких важнейших показателей, как применение животных в качестве тягловой силы, полагает наличие пашенного земледелия»[1], на что указывают и все исследователи затрагивающие проблему развития хозяйства Дагестана эпохи раннего железа[2]. Не обнаружен в археологическом материале и железный лемех. Но, что железный лемех появился именно в эпоху железа, не может быть сомнений, появление которого «должно было привести к скачку в земледелии, в частности в освоении посевных площадей, а это в свою очередь – к получению дополнительной земледельческой продукции»[3].

Говоря об орудиях жатвы, уместно здесь привести слова О.М. Давудова, который пишет: «На бытовых и погребальных памятниках встречаются кремневые составные (Аркасское городище, Макинское поселение) и новые (Аркасское городище, Хабадинский могильник) металлические серьги»[4]. Далее он продолжает: «В начале они так же, как и на Гопрахкале и Кармир-блуре (Армения) в начале первого тысячелетия до н.э. существовали[5]. С широким распространением железа серпы стали господствующими, ибо их появление обусловлено значительным количеством урожая, собираемого со старых и вновь освоенных пахотных земель»[6].

instituteofhistory.ru

В связи с жатвенными орудиями жителей Дагестана эпохи железа интересно привести материал археологических раскопок М.И. Пикуль. «Земледельческие орудия, находимые на территории поселений близ Аркаса и Мака, говорят об устойчивости земледельческого быта населения гор в первом тысячелетии до н.э. Жатвенные орудия этого времени мало чем отличались от

---

[1] Давудов О.М. Указ. соч. С. 112.

[2] Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. История. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 284-289; Пикуль М.И. Указ. соч. С. 99; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 91, 96.

[3] Давудов О.М. Указ. соч. С. 112.

[4] Там же. С. 113.

[5] Пиотровский Б.Б. Ванское царство. (Урарту). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. С. 141.

[6] Давудов О.М, Указ. соч. С. 113.

прежних. В этом отношении здесь прослеживается глубокая традиция, идущая ещё с меди и бронзы»[1]. И далее она отмечала большой ассортимент вкладышей от серпов Аркасского поселения. Она писала о четырех разновидностях кремневых вкладышей, отличавшихся друг от друга по форме и размерам[2].

Для молотьбы, как и ранее, применяли молотильные доски. Причем молотильные доски употреблялись и в албано-сарматское время (поселение в окрестностях сел. Кутиша и Нижнее Чугли Левашинского района)[3].

Для помола зерна применялись каменные зернотерки с терочниками и пестами[4]. «На территории Дагестана зернотерки с уплощенным основанием макинского типа появились в переходный этап от эпохи бронзы к железному периоду»[5].

Основными зерновыми, согласно археологическим находкам, были мягкая и твердая пшеница, голозерный и пленчатый ячмень, лен, которые возделывались ещё в эпоху меди и бронзы[6].

«Мы уверенно можем перенести на Дагестан, – пишет О.М. Давудов, – выводы Е.И Крупнова о том, что за исключением кукурузы – все современные хлебные злаки были главными земледельческими культурами Северного Кавказа»[7]. По предположению М.И. Пикуль, основанному на материалах эпохи бронзы, в частности, «отпечатков зерен твердых сортов пшеницы (tritticum furum dest) в Каякенте и Манасе», «эта культура была главная»[8].

О значительной роли земледелия в хозяйстве древнего Дагестана свидетельствует земледельческий культ, одним из проявлений которого являются глиняные статуэтки домашних животных и стеклянные в форме зерен пшеницы, обнаруженные возле

---

[1] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 99.
[2] Там же.
[3] Котович В.Г. К вопросы о древнем земледелии… С. 288.
[4] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 100.
[5] Там же.
[6] Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии … С. 285; Его же. О хозяйстве населения горного Дагестана… С. 11; Пикуль М.И. Указ. соч. С. 99.
[7] Давудов О.М. Указ. соч. С. 113 Ссылается на: Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. М., 1957. С. 314.
[8] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 99-100.

скоплений обнаженных костей домашних животных на территории Аркасского поселения[1].

«Подобные следы земледельческого культа, – писала далее М.И. Пикуль, – прослеживаются у коренных земледельцев лесостепных племен современного Причерноморья в эпоху раннего железного века»[2].

О занятии земледелием в нагорном Дагестане можно судить и на основании глиняных сосудов, предназначенных для хранения зерна и пищевых запасов[3]. «Их обилие показывает, что собираемый урожай был довольно значительным»[4].

В эпоху раннего железа значительное развитие получило и садоводство, чем дагестанцы занимались ещё в эпоху бронзы. А на плоскости и в предгорье появляется виноградарство, что подтверждается находками виноградных косточек (Шаракун) и особых сортов садовых ножей, по форме и размерам напоминающие современные (Аркас, Шаракун). Причем в Шаракунском могильнике виноградная косточка была найдена вместе с садовым ножом[5]. О.М. Давудов полагает, что в эпоху раннего железа выращивались все современные садовые культуры[6].

Материала о применении орошения нет. Но известно, что в первом тысячелетии до н.э. в Закавказье бытовала система орошаемого земледелия[7]. И кроме того, в Кавказской Албании земледелие засвидетельствовано даже письменными источниками[8]. Поэтому, учитывая и то, что авторами позднего времени отмече-

---

[1] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 100.

[2] Там же. Ссылается на: Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1967. №1. С. 188.

[3] Пикуль М.И. Указ. соч. С. 101.

[4] Давудов О.М. Указ. соч. С. 113.

[5] История Дагестана. М,, 1967. Т. 1. С. 96.

[6] Давудов О.М. Указ. соч. С. 114.

[7] Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тыс. до н.э.). Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 72; Его же. Урарту – крупнейшее государство Закавказья. Л., 1930. С. 38-40; Его же. Ванское царство… С. 137-140.

[8] Страбон. География. XI. 4; 3; Латышев В.В. Известия древнейших писателей о Скифии и Кавказе. Страбон «География» // Вестник древней истории. М.: Л., Изд-во АН СССР, 1947. 4. С. 220.

но наличие у дагестанских горцев старинных навыков по поливному земледелию, можно не сомневаться, что там, где было это необходимо, горцы прибегали к поливу своих полей.

Выше при изучении земледелия периода бронзы мы останавливались на существующем мнении о возникновении террасного земледелия именно в этот период. Однако, по мнению О.М. Давудова, террасы строили и в эпоху раннего железа. Он пишет: «В.Г. Котович, В.М. Котович, М.А. Агларов относят их возникновение (т.е. строительство террас. – Б.А.) к медно-бронзовому веку»[1]. Такое же раннее террасное земледелие в Закавказье засвидетельствовано археологическими материалами с территории Грузии и Армении[2]. Мы целиком разделяем точку зрения о раннем зарождении террасного земледелия в Дагестане, но считаем, что освоение железа привело к новому скачку в создании террас. Так, например, вокруг памятников эпохи раннего железа (Мака, Аркас, Карата, Хабада, Урцеки, Мугерган, Н.Сигитма и др.) на склонах гор в изобилии древние заброшенные террасы, годные под посевы»[3].

Скотоводство в эпоху железа носило смешанный характер. Оно было оседлым. «Наличие отгонного скотоводства в условиях эпохи раннего железа исключается»[4]. На оседлый характер скотоводства указывают находки костей свиньи (Мугерган, Хабада, Мака). «В стаде по-прежнему преобладал крупный рогатый скот, хотя в горных районах с великолепными альпийскими пастбища-

---

[1] Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана… С. 11; Его же. К вопросу о древнем земледелии. С. 288; Котович В.Н. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана // К истории дагестанских племен в конце III-II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. С. 215-216; Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. С. 184.

[2] Гегешидзе М.К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе / Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. С.3; Джавахшивили А.И., Глонти Л.И. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954-1961 гг. на селище Квацхелеби (Твепиа-Кохи). Тбилиси, 1962. С. 61 и сл.

[3] Давудов О.М. Указ. соч. С. 115.

[4] Там же. С. 116.

ми разводили овец, а в каменных нагорьях – коз»[1]. В условиях пашенного земледелия крупный рогатый скот выполнял функции тягловой силы. «Поэтому само развитие земледелия обусловило развитие крупного рогатого скота и свиноводства»[2].

В эпоху широкого освоения железа резко возросло конское поголовье и роль коневодства. Лошадь становится средством передвижения. Археологами обнаружены конские захоронения, а встречавшиеся и характерные для более ранних эпох кости лошадей и пищевые отбросы не встречаются. Кроме того, обнаружены конские сбруи (Аркас, Хабада)[3].

В целом же говоря о скотоводстве, уместно здесь привести мнение О.М. Давудова, исходящее из анализа соотношения костей крупного и мелкого рогатого скота из ранних поселений железной эпохи, что по мере продвижения в горы удельный вес мелкого скота возрастал[4]. Нельзя не согласиться и с общим выводом, к которому пришел О.М. Давудов, проанализировав весь приведенный им материал по земледелию и скотоводству в эпоху раннего железа, когда он пишет, «что в хозяйстве племен Дагестана развивалось и земледелие, и скотоводство, причем доминирующее положение занимала та или иная отрасль в зависимости от физико-географических условий местности. Так, например, в высокогорном альпийском районе скотоводство, видимо, было основой хозяйства. Но в этом районе оно не могло быть ни кочевым, ни полукочевым. На плоскости и предгорье, в долинах рек и котловинах основой хозяйства оставалось земледелие. В целом география хозяйства эпохи раннего железа в какой-то степени была близка к географии хозяйства Дагестана XVIII-XIX вв.»[5]. Распространение орудий труда дало возможность расширить площади обрабатываемых земель. Причем в горах и предгорьях начавшееся ещё в предыдущий период строительство искусственных земледельческих террас получило свое дальнейшее развитие – террасы строились более активно[6]. В социальном плане основным итогом эпохи раннего железа явилось изменение

[1] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 96.
[2] Давудов О.М. Указ. соч. С. 117.
[3] История Дагестана. Т. 1. С. 96.
[4] Давудов О.М. Указ. соч. С. 118.
[5] Там же.
[6] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 99.

структуры общества как следствие появления железа и начала специализации отраслей хозяйства, что привело к «невиданному подъему производительных сил», «что и повлекло за собой изменение структуры общества»[1].

Следующим периодом в истории земледелия жителей Дагестана является вторая половина I тысячелетия до н.э., когда на территории Северо-Восточного Кавказа формируется государственное образование Кавказская Албания. Как пишут дагестанские археологи, основным занятием населения Кавказской Албании было земледелие. «Сохранившееся до наших дней пашенное орошаемое земледелие было распространено в Дагестане, включенном в состав Албании»[2]. По данным Страбона[3], албанцы обрабатывали почву «грубым деревянным плугом», вероятно близким по конструкции к современному горскому плугу «пуруц», «дурац» с металлическим наконечником. «Применение пахотных орудий с металлическими наконечниками позволило значительно расширить возделываемые участки и активно осваивать горные склоны под земледельческие террасы»[4]. Широко применялось в земледелии орошение. Согласно Страбону, в Кавказской Албании поля орошались водой из рек и других водных источников[5]. Почву удобряли навозом, пометом птиц и золой, а также перепахивали поля после уборки урожая. «Отдельные истощенные террасные поля, очевидно, оставляли под перелог».

Основными земледельческими культурами, возделываемыми в Дагестане ещё начиная с неолитического времени, были твердые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень, лен, бобы и др. В погребальных комнатах Шаракунского и Сумбатлинского памятников, в жилых сооружениях Ганзирского и Сиртичского поселений найдены зерна этих злаков[6]. Обугленные зерна пшеницы, ячменя и льна найдены в результате раскопок Урцекского городища[7].

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institute of history.ru

---

[1] Давудов О.М. Указ. соч. С. 124.
[2] История Дагестана… Т. I. (2005). С. 133.
[3] Страбон. XI. 4, 3; Латышев В.В. Указ. соч. С. 220.
[4] История Дагестана… Т. I. (2005). С. 133.
[5] Там же. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 33.
[6] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 131.
[7] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 109.

Среди земледельческих орудий этого времени обнаружены мотыги, широко употребляемые и ныне для рыхления почвы, разбивания камней и других работ, а также жатвенные орудия – железные и кремневые составные серпы. Молотьбу производили, как и в наше время, на току с помощью молотильных досок. Кремневые вкладыши от таких досок обнаружены в Кутишинском и Нижнечуглинском городищах[1]. В результате археологических раскопок обнаружены также печи для обжаривания зерна – «кор-ы», «кар-ы» или «корю-и»[2].

Занимались жители Дагестана также садоводством и виноградарством, о чем говорят виноградные косточки, обнаруженные в Шаракунском могильнике вместе с садовыми ножами[3]. Семена садового винограда обнаружены и в Карабудахкентском могильнике[4].

О развитии земледелия в албанский период в истории Дагестана говорят не только все приведенное выше, но и «разные по структуре террасы», в том числе укрепленные «оборонительными стенами»[5].

Земледелие было тесно связано со скотоводством – обработка земли, перевозка урожая и другие работы, как правило, производились с помощью тягловых животных; навоз для удобрения полей получают при стойловом содержании скота, а земледелие, в свою очередь, давало скоту дополнительные гарантированные корма – обмолоченную солому, зеленые стебли, пшеничные отходы, а также специальные злаки, выращиваемые для откорма скота (овец и др.)[6].

Примерно в середине V в. Кавказская Албания распалась, вернее, была включена в состав Ирана в качестве отдельного наместничества[7]. В 461 г. албанский царь Вече II вынужден был отказаться от престола.

---

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М.: Наука, 2005. С. 133-134.
[2] Там же. С. 134.
[3] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 96.
[4] История Дагестана… Т. 1. (2005). С. 134.
[5] Там же. С. 133.
[6] Там же. С. 134.
[7] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 117.

Первые века нашей эры для Кавказской Албании характеризуются также набегами сарматов, алан, гуннов, завоеваниями Сасанидов. С конца IV в. гунны сначала проникли на Северный Дагестан, затем дошли до Дербентского прохода. Согласно народным преданиям, многие жители приморского Дагестана с приходом гуннов ушли в горы, а оставшаяся часть их попала во временную зависимость от них. Поэтому под гуннами имеется в виду и коренное население. Согласно Псевдо-Захария, в «пределах гуннов» за Дербентом (Каспийскими воротами) было 13 народов: авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит[1]. Хотя трудно сказать, какие из этих народов являлись предками того или иного дагестанского народа, но не может быть сомнения, что среди них были предки современных народов Дагестана. «Гуннское нашествие на Дагестан, несомненно, замедлило социально-экономическое развитие Дагестана»[2]. Это были кочевники, а местное население – земледельцами и скотоводами. «На всей территории Дагестана, особенно внутреннего, в V-VI вв. происходило дальнейшее развитие основных отраслей сельского хозяйства – земледелия и скотоводства. Расширялись площади пахотных земель, а следовательно, увеличились урожаи основных зерновых культур – пшеницы, ячменя, овса, проса. Террасное земледелие, в основе которого лежал титанический труд земледельца по сохранению и освоению пахотных участков и который отражал многовековой агротехнический опыт горцев, стало занимать заметное место в хозяйственной деятельности населения»[3]. В середине VI в. к земледелию приобщились и гунны[4], которые перешли к оседлому и полуоседлому образу жизни, о чем свидетельствуют «остатки поселений и городищ, стационарные могильники, следы земледельче-

---

[1] См.: Сирийские источники по истории народов СССР. М.: Л., 1941. С. 165.

[2] История Дагестана. Т. 1. С. 116.

[3] Вавилов Н.И. Мировой опыт … // Природа. 1936. №2; Агларов М.А. Техника сооружения …// УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XIII; Его же. Террасная система земледелия … // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв.; Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 172; История Дагестана… Т. 1. (2005.). С. 167.

[4] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 17.

ского хозяйствования и ремесла, упоминание городов, таких как Варачан, Чунгарс и др.»[1]. «Это было следствие огромного воздействия расположенных рядом традиционно земледельческих районов», о чем свидетельствуют как сирийские источники, так и археологические раскопки, показывающие повсеместный переход населения Терско-Сулакской низменности, Приморского Дагестана вплоть до Дербента, а также жителей горного Дагестана «к оседло земледельческой хозяйственной деятельности»[2].

В период арабских завоеваний экономическое развитие Дагестана «характеризуется дальнейшими успехами в земледелии и скотоводстве. В области земледелия это выразилось в четкой отраслевой специализации – полеводстве, садоводстве, виноградарстве»[3]. Благодаря широкому использованию железных орудий труда (в различных поселениях археологами обнаружено большое число железных серпов, каменных зернотерок, сосудов для хранения зерна) «расширяется площадь, занятая под основными посевными культурами, – пшеницей, ячменем, овсом, просом»[4].

Известно, что арабы жителей завоеванных земель обложили хараджем, причем этот харадж брался не с отдельных лиц, а с определенного района, в Дагестане – с имевших место тогда государственно-политических структур, о чем имеются хорошие сведения арабских источников.

Как пишет М.А. Агларов, эти сведения являются показателем расцвета в средневековье террасного земледелия, распространенного на десятки тысяч га[5]. Именно этим можно объяснить размеры дани, наложенной Мерваном в 737 г. Так, правитель Сарира обязан был поставлять в зернохранилища Дербента сто тысяч мер зерна, Лакз – двадцать тысяч мер, на Туман был наложен харадж в 25 тысяч мер, Зирихгеран (Кубачи) и окрестные районы – 10 тыс. мер, Шандан – 5 тыс. мер ежегодно[6]. Согласно одному

---

[1] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 17.
[2] Там же. С. 171-172.
[3] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 131.
[4] Там же.
[5] Агларов М.А. Террасная система земледелия … С. 17.
[6] Балазури. Китаб футух ал булдан. Каир, 1319 (1901). С. 18-19; Его же. Книга завоевания стран. Текст (араб.) и перевод (пер. проф. П.К. Жузе). Баку, 1927. С. 18-19.

из списков «Дербент-наме», Мерван взыскивал с кумухцев 50 туманов, 20 тыс. батманов зерна; с кайтагцев – 20 тыс. батманов пшеницы; с Кюре и Мискинджи – 14 тыс. батманов пшеницы и 40 тыс. дирхемов; с Ширвана – 20 тыс. батманов пшеницы и 50 тыс. дирхемов[1]. В другом списке «Дербент-наме», изданном в 1992 г., Мерван наложил на Кумух ежегодно 20 тыс. мерок пшеницы; на Кайтаг – 20 тыс. мерок пшеницы; Табасаран – 20 тыс. мерок пшеницы; Кюре, Курах и Ахты – 20 тыс. мерок пшеницы[2].

Известный дагестанский арабист А.Р. Шихсаидов, проанализировав и объединив воедино все известия арабских авторов (Балазури, Ахмада ал-Куфи, Тарих халифа ибн Хайат и др.), пишет в коллективных «Историях Дагестана», изданных в разные годы, что «Марван навязал дагестанским правителям свои условия: правитель Серира должен был доставлять в Баб ал-абваб 1500 юношей и 500 красивых девушек, 100 тысяч модиев (мудд) зерна; жители Тумана – 150 девушек и 50 юношей, 20 тысяч мудд зерна; малик Зирихгерана – 50 юношей и 10 тыс. мудд зерна; жители Хамзина – 500 юношей и девушек и 30 тысяч модиев зерна единовременно «с освобождением от доставок впредь»; владетель Синдана (М.сдар?) – предоставить единовременно 100 юношей и девушек, 5 тысяч мудд зерна; жители Лакза – 20 тысяч людей; жители Табасарана – 10 тысяч мудд (зерна)»[3].

Какие бы сведение из приведенных выше ни были верны, все они показывают развитость земледелия во всех регионах Дагестана – на равнине, предгорье и в горной зоне. Что касается последней зоны, М.А. Агларов пишет: «Успехи в горном земледелии были бы немыслемы, если б не повсеместное распространение террасного земледелия в горном Дагестане. Помимо стабильных урожаев, вследствие применения удобрений, механического обновления почв и орошения, террасирование склонов, по при-

---

[1] Derbent-Name. Transladet from a select turkish version and published with notes, bu Mirza Kasembek. SPb., 1851. p. 560. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 107.

[2] Аваби Акташи Мухаммед. Дербент-наме / Перевод с тюркского и арабского списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1992. С. 71.

[3] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 210; История Дагестана… Т. 1. (2005). С. 182.

ближенным данным, увеличивает площадь угодий от 5 до 30 и более раз»[1].

В следующий период в истории Дагестана (X-XV вв.) земледельческое хозяйство получило дальнейшее развитие, что подтверждается археологическими находками. Обнаружено большое число орудий труда (ручные мельницы, каменные жернова, сосуды для хранения зерна), а также зерна различных видов хлебных злаков[2]. Причем в предмонгольское время и в XIII-XV вв. широкое распространение получает террасное земледелие[3]. Развитие или же упадок террасного земледелия в горах непосредственно были связаны с политической обстановкой на равнине, ставшей со временем житницей Дагестана, обеспечивавшей хлебом южные районы[4]. «В случае занятия равнинных районов кочевниками и выхода их из сферы земледельческого труда, горцы, лишенные обменных связей, вынуждены были расширять собственное зерновое хозяйство. Это делалось за счет создания новых или использования старых заброшенных террасных полей. Многочисленные вторжения кочевников (от эпохи бронзы до монгольских походов) отрывали Горный Дагестан от равнины, лишив тем самым возможности получать зерно и использовать зимние пастбища для отгонного скотоводства»[5].

Ценные сведения о земледелии жителей Дагестана имеются в работах арабских авторов – ал-Истахри, ал-Масуди и др. Последний писал, что в Серире было «двенадцать тысяч селений», а автор «Худуд ал-алам», что это «область с очень большими богатствами»[6]. «Все это, – пишет А.Р. Шихсаидов, – свидетельство

---

[1] Агларов М.А. Указ. соч. С. 17.

[2] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 255.

[3] История Дагестана… Т. 1. (2005). С. 207. Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии … С. 188; Его же. О хозяйстве населения в древности; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 12-13; Османов М.-З.О. Хозяйство даргинцев в XIX-XX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 184. С. 12-15.

[4] Османов М.-З.О. Указ. соч.

[5] Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана. М., 1990. С. 47.

[6] Худуд ал-алам: Рукопись Туманского / Сведения и указатели В. Бартольда. Л., 1930. С. 31. Гаджиев М.Г., Давудов О.М,, Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 256-257.

развитого сельского хозяйства. Даже на территории Хазарского каганата в X в. в сфере земледелия была занята значительная часть населения, ибо «страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов»[1]. Причем виноградарство и садоводство как результат полеводства занимали значительное место, о чем имеются убедительные свидетельства арабских авторов (ал-Балхи, ал-Истахри, Йакут, Ибн Хаукал) по Семендеру, Сериру, Хазарии[2].

XIII-XIV вв. для Дагестана были тяжелым, трудным периодом. С 20-х годов XIII в. начинается новый этап в жизни народов Дагестана, что было связано с агрессией монгольских войск. Это, конечно, не могло не оказать влияние на экономику края. Завоеватели уничтожали города, села, истребляли мирное население. Естественно, пришло в упадок и хозяйство. Опустели цветущие районы. В XIII в. прекратили свое существование сотни городов и сел. «Неоднократные вторжения Золотой Орды и Хулагуидов через территорию Дагестана самым губительным образом отразились на всех сферах жизни народов Дагестана. Особенно разрушительны для хозяйственной жизни были походы Тимура, столкновения Тимура и Тохтамыша»[3].

Но все же, как и в предыдущие периоды, основу экономики Дагестана составляли земледелие и скотоводство. Хозяйство не могло развалиться полностью, и, несмотря на невзгоды, разорения, уничтожение населения, основные отрасли хозяйства не прекращали свое существование, местами они по возможности даже получали свое дальнейшее развитие, увеличивалась посевная площадь, получали хорошие урожаи. Дагестанцам, как и ранее, в XI-XIV вв. были известны различные сорта культурных растений (пшеница, ячмень, рожь, полба). По сообщению Захария ал-Казвини (1203-1283), в высокогорном сел. Цахур жители выращивали зерно «сульт», схожее с ячменем по виду, а с пшеницей – по качеству[4]. Как пишет А.Р. Шихсаидов, «из текста можно заключить, что жители Цахура в основном сами удовлетворяли

[1] Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 256-257.
[2] Там же. С. 257.
[3] Там же. С. 304.
[4] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. (Опыт социально-экономической характеристики). Махачкала, 1975. С. 33.

свои нужды в зерне, не доставляли его из других районов – «нет у них торговли или сношений (с другими), напротив каждый из них сеет достаточное для себя количество зерна и питается им и молоком принадлежащих ему овец». «Со слов автора, – продолжает А.Р. Шихсаидов, – зерно сульт было хорошо известно и в других высокогорном пункте – ауле Шиназ»[1]. Другой автор XIII в. Хамдуллах Казвини, описывая хозяйственную жизнь Дербента, отмечал, что земля здесь плодородна и урожай богатый.

В XIII-XIV вв. судьба внутренних районов Дагестана сложилась более благоприятно, чем в плоскостных и предгорных районах. Это была густонаселенная часть Дагестана, население которой увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в результате «притока больших этнических массивов с равнинных районов, имевших богатые земледельческие традиции и оказавшихся ареной военных столкновений. Разрушение прибрежных городов, значительный упадок Дербента в XIII-XIV вв., уничтожение многочисленных поселений на плоскости – все это вынудило население городов и поселений сельского типа найти убежище в горных районах»[2]. Как отмечает А.Р. Шихсаидов: «Поход 1239-1240 гг., совершенный монголами в глубь гор, был опустошительным, а поход Тимура в горы в конце XIV в. также ослабил страну, но кратковременность господства завоевателей была залогом того, что **хозяйство здесь быстро восстанавливалось**»[3] (подчеркнуто мною. – Б.А.). Именно поэтому «в горных и высокогорных районах прогрессивное развитие хозяйства, хотя и было замедленно, но не было остановлено»[4].

Но и на плоскости к середине XIV в., как предполагает А.Р. Шихсаидов (имеет в виду районы Дербента), хозяйственная жизнь восстанавливается, что подтверждается сведениями Хамдуллаха Казвини (ум. 1349), писавшего о Дербенте и его округе: «Что касается плодородия, (то) хлеб там хорош. (Дербент) обладает прекрасными пастбищами, воды и скота там много, большая часть дохода их бывает от этих (благ)»[5].

---

[1] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. … С.33.
[2] Там же. С. 34-35.
[3] Там же. С. 35.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 36.

Изучая социально-экономическую и политическую историю Дагестана X-XIV вв., А.Р. Шихсаидов большое место уделил и хозяйственной деятельности населения, в связи с чем приводит конкретный материал по развитости той или иной отрасли хозяйства. На основе источника под названием «Сказание о Железных воротах» он показал развитость хозяйства в районе Дербента. В этом источнике сказано: «А в той земле пашут землю и сеют пшеницу, ячмень, и ярицу, и полбу»[1]. На основе приведенного материала А.Р. Шихсаидов пишет: «Это высказывание можно отнести и к Дербенту с прилегающими землями. Упоминавшиеся в «Сказании» культуры ярицы, т.е. яровой ржи – это единственное сообщение, дающее возможность судить о системе земледелия. Упоминание ярицы говорит о наличии яровых и озимых культур»[2]. Он пишет также о проникновении в Южный Дагестан из Азербайджана пшеницы сарыбугда, риса, развитости на землях, примыкающих к Дербенту, садоводства и виноградарства, а из технических культур – марены, шафрана, льна, конопли, хлопка[3].

А.Р. Шихсаидов в своей работе подчеркивает значение для характеристики земледелия и животноводства в XIII-XIV вв. «Тарих Дагестан» Мухаммада Руфи, где перечислены населенные пункты и общества, вносящие харадж – одни овцами, вторые – овцами и зерном, третьи – крупным рогатым скотом, четвертые – крупным и мелким рогатым скотом, пятые – зерном и т.д.[4]

В связи с этими данными А.Р. Шихсаидов пишет о хозяйственной специализации отдельных районов Дагестана. «Приведенные выше данные «Тарих Дагестана» и других сочинений, – отмечает он, – показывают, что к началу XIV в. или же в XIII в. хозяйственная специализация отдельных районов, так называемая дифференциация хозяйства по её естественно-географическим зонам, предстает перед нами не в своей начальной форме, а на стадии полного развития»[5]. При этом он подчеркивает: «Важным фактором в этом процессе было то, что с XV в.

---

[1] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. … С. 36.

[2] Там же. Ссылается на: Кучкин В.А. «Сказание о Железных воротах» // Археологический ежегодник за 1961 г. М., 1965. С. 276.

[3] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. … С. 37-38.

[4] Там же. С. 40.

[5] Там же.

наступила сравнительно мирная полоса. Поход Тимура в 1396 г. был последней крупной акцией, сопровождавшейся разрушениями колоссальных размеров»[1]. На основе анализа всего имеющегося материала А.Р. Шихсаидов заключает, что «окончательная дифференциация хозяйства по географическим зонам наблюдается в Дагестане уже в XV в.»[2]. Как отмечается в «Истории Дагестана», «в горных районах значительно усиливается животноводческое направление. Равнинные и предгорные районы специализируются на производстве зерна»[3]. «Эти районы, – как пишет А.Р. Шихсаидов, – вернулись к старым земледельческим традициям в их интенсивной форме – к садоводству, виноградарству, а **главное – к производству зерна**» (подчеркнуто мною. – Б.А.). Плоскость «вместе с нижним предгорьем начинают превращаться в очаг земледелия с разведением крупного рогатого скота»[4]. В горных районах наблюдается установленный дагестанскими археологами и этнографами процесс забрасывания террас и развития хозяйства в сторону увеличения веса животноводства и роста домашних промыслов[5].

Следующий период истории – XV-XVII вв. – явился важнейшим этапом в истории народов Дагестана. Это не только период «мужественной борьбы против иранских и турецких завоевателей», но и этап, характеризуемый «успехами в развитии всех отраслей хозяйства, а также дальнейшим ростом имущественной дифференциации»[6].

Как и в предыдущее время, основными занятиями жителей Дагестана были земледелие и скотоводство. Одной из важнейших особенностей социально-экономической жизни Дагестана XVI-XVII вв. являлось окончательное дифференцирование хозяйства по географическим зонам: равнина и предгорье, в основном нижнепредгорная часть, где были более благоприятные условия преимущественно для зерновых, садовых культур, виноградарства,

---

[1] Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. … С. 43.
[2] Там же. С. 44.
[3] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 177.
[4] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 39.
[5] Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 43-44.
[6] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 87.

крупного рогатого скота; хозяйство здесь развивалось в наиболее интенсивных формах. «В XV-XVII вв. здесь уже стала складываться общедагестанская хлебная житница»[1]. В горной части, где удобных для пахоты земель было мало, больше развиты были животноводство и домашние промыслы в сочетании с земледелием. В горных долинах и местах, где возможно было орошение, развивается садоводство и виноградарство, таким образом выделяется ещё одна естественно-географическая зона. В Нагорье земледелие было развито, как и ранее, но частично земли стали использоваться под покосы и пастбища. «Еще одной зоной, которая приобретает к этому времени определенную хозяйственную специфику, становится высокогорье, где наибольшее развитие получают скотоводство, в особенности овцеводство»[2]. Здесь было обилие альпийских и субальпийских пастбищ, которые позволяли содержать много овец.

Важно отметить, что «несмотря на географическое разделение труда, земледелие и скотоводство развивались во всех зонах, только в разных соотношениях». Даже в горной зоне крестьяне, став по преимуществу скотоводами, «стремились иметь клочок собственной пашни, наличие которой символизировало как бы определенное благополучие семьи»[3].

Наиболее развито было земледелие, как отмечалось выше, на плоскости, где хозяйство было «мойным и многотеррасовым», о чем свидетельствует господство в земледелии трехполья, применение черного пара и зяби и переложной системы, применение деревянного колесного плуга, в которую впрягали несколько пар быков[4].

Особенно сильно было развито земледелие в Кайтаге, Тарковском шамхальстве (вторая половина XVII в.), Терско-Сулакской низменности (Засулакская Кумыкия), Южном Дагестане (особенно в Кюре), Табасаране, Дербентском владении. Остановимся на отдельных сведениях, подтверждающих сказанное. Когда в 1614 г. «в Кумыках и Черкесах хлеб не дородился»,

instituteofhistory.ru

[1] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 232.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 234.
[4] Там же.

острый недостаток в хлебе испытывали русские крепости в Притеречье[1], Кайтаг не только обеспечивал себя и даже ряд горных обществ зерном, но и отправлял в Терский город на продажу пшеничную муку[2]. А. Олеарий о Мюскюре, входившем в Дербентское владение, писал, что «это была область и часть провинции Ширван, или старой Мидии», которая простиралась «от Дербента вдоль Каспийского моря до Гилана, заключает в себе 200 деревень и находится под управлением Дербентского султанства. Страна эта по всему приятна на вид, так как деревья и травы ещё зелены, почва здесь тучна и плодородна, и вся область богата рисом, пшеницею, ячменем, а также хорошими плодами»[3]. Но о самом Дербенте он писал, что он «имеет лишь не много садов и пашен»[4]. О Кайтаге он писал, что, когда их путешествие с юга продолжалось через земли Кайтага, «мили через три» встретили «красивые деревни, имеющие вокруг себя несколько плодовых садов и тучные пашни»[5]. Немногим позже Я. Стрейс писал о Кайтаге, что здесь имеются «прекрасные луга и поля, поросшие хлебными злаками, ячменем»[6]. О Буйнаке в одном документе сказано, что здесь «и пашни и лесу много»[7]. Э. Челеби о Табасаране писал, что «это местечко с виноградниками и садами», у табасаранцев «хорошие виноградники и сады»[8].

Исследуя историю народов Южного Дагестана, Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов проанализировали имеющиеся источники и, останавливаясь на XVI-XVII вв., отмечают, что «район Дербента, Табасарана, Кюре был богат пашнями: здесь произрастали

---

[1] Алексеева В.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI-XVII вв. Черкесск, 1957. С. 52, 73.

[2] Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Докум. и матер. / Состав. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 131.

[3] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 449.

[4] Там же. С. 487.

[5] Там же. С. 495.

[6] Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 223.

[7] Белокуров С. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 1. 1578-1613 гг.

[8] Челеби Э. Книга путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. Вып. 3. С. 177.

пшеница, ячмень, просо. Очевидно к этому времени относится проникновение кукурузы в лезгинские районы… Выращивали также шафран, виноград, айву, смокву, яблоки, сливы, груши, черешню и др. фрукты. Зачастую применялось и искусственное орошение. На довольно высоком уровне стояло производство шёлка, а производство и продажа марены составляли одну из главных статей дохода»[1]. Ещё в XV в. Амброджо Контарини писал, что между Ширваном и Дербентом находился «довольно хороший городок, где родится такое количество фруктов, особенно яблок, что просто трудно этому поверить, причем все яблоки превосходные»[2].

Как было сказано выше, земледелием занимались повсеместно, хотя в разных соотношениях, что было связано с природно-географическими условиями. Причем повсеместно – жители различных районов придавали земледелию большое значение и в горной зоне им занимались не с меньшим усердием, чем на плоскости. В связи с этим уместно здесь привести цитату из «Истории Дагестана», в которой сказано: «В горной зоне также были сильны земледельческие традиции, и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности в отношении эффективности и интенсивности, даже выше. Трехполье, пары, зябь и прочее были известны и здесь, не говоря уже о развитом террасостроительстве и орошении. Но здесь земледелие не имело возможностей бесконечного расширения и развития»[3].

То же самое можно сказать о садоводстве и виноградарстве, которые, хотя были более развиты на плоскости и в предгорье, особенно около Дербента и резиденций крупных феодалов, имелись и в горах как «результат огромного труда по сооружению террас, подведению воды, созданию защитных средств и т.д., вложенного с расчетом на выгодный обмен»[4]. Причем «с XVII в. садоводство здесь (в горах – Б.А.) приобретает сугубо обменный

---

[1] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 87-88.

[2] Барбара и Контарини о России. Л., 1971. С. 87-88.

[3] История Дагестана. Т. 1. С. 234.

[4] Там же. С. 235

характер», в то время как на плоскости «сады нередко носят потребительский характер, благополучие крестьянина от них не зависит. Наиболее распространенными плодовыми культурами были груши, яблоки, абрикосы, сливы, айва, персики и пр.»[1] Центрами садоводства в горах были общества Западной Аварии, горно-долинная зона, где находились общества Южного Дагестана – Ахтыпара, Докузпара, Алтыпара, Кюре, Табасарана, а в Среднем Дагестане – общества Цудахарского союза, Койсубула, Технуцала и т.д.

Такова краткая история земледелия в Дагестане со времени его возникновения в период каменного века – неолите (на рубеже VII-VI тыс. до н.э.) и до XVII в. включительно. Приведенный в работе материал (в основном археологический, как основной источник до появления письменных источников) показывает как развивалось земледелие в Дагестане в различные эпохи, различные периоды истории, все более увеличиваясь, распространяясь в различных регионах и становясь одним из основных отраслей хозяйственной деятельности дагестанских народов, населяющих горную, предгорную и равнинную части.

Дагестан является одним из очагов развития земледелия и это подтверждается как приведенным археологическим материалом, выявленным на различных поселениях, расположенных в горной, предгорной и равнинной частях Дагестана, так и исследованиями крупного ученого академика Н.И. Вавилова, где приводятся геоботанические данные о видовых и сортовых растениях, на основе которых он писал, что в Дагестане, как и в Грузии и Армении, земледелие «является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий».

Следующим этапом развития земледелия является позднефеодальный период, который переживал Дагестан в XVIII – первой половине XIX в. и которому будет посвящен второй параграф исследования.

[1] История Дагестана. Т. 1. С. 235.

§ 2. Земледелие в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Формы, региональные особенности

Земледелие в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. основывалось на достижениях в предыдущие периоды и его дальнейшем развитии. В предыдущем параграфе было отмечено существование среди отдельных дагестанских археологов мнения, что география хозяйства XVIII-XIX вв. в какой-то степени была близка с эпохой железа, когда появление железа привело к невиданному подъему производительных сил[1]. И в изучаемый период хозяйство Дагестана в условиях расширения и укрепления торгово-экономических связей с внешним миром, развитием товарно-денежных отношений, расширением и укреплением специализации регионов и даже отдельных обществ на производстве отдельных видов продукции сельскохозяйственного производства получает импульс к дальнейшему развитию.

Что же касается хозяйства дагестанских племен, то, как было отмечено выше, в эпоху раннего железа у них развивалось и земледелие, и скотоводство, та или иная отрасль преобладала в зависимости от физико-географических условий. Это было характерно и для исследуемого периода, но уже с конкретной специализацией регионов на производстве определенной продукции в одних из них, что было связано с превалированием земледелия или животноводства, в других – их равномерном, параллельном развитии (земледельческо-скотоводческое хозяйство), а, следовательно, производстве продукции земледелия и скотоводства.

Равнина и предгорье специализировались на производстве зерна, основным занятием населения здесь было земледелие, в горном Дагестане было развито и земледелие, и скотоводство, высокогорный Дагестан специализировался на разведении скота, здесь было больше развито скотоводческое хозяйство. И все это зависело от естественно-географических и почвенно-климатических условий, разнообразием которых и отличался Дагестан. Они и создали возможность использования земли как средства материального производства, а именно в целях сельско-

---

[1] Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 118, 124.

хозяйственного производства. Указанные факторы влияли на распространенность различных типов сельскохозяйственного производства, различных типов земледелия, а также возможности содержания различных видов домашнего скота. Эти два вида хозяйственной деятельности населения, как и в предыдущие периоды истории, составляли основу экономической жизни Дагестана, она базировалась на земледелии и скотоводстве как основных видах занятия населения.

Но прежде отметим, что Дагестан отличался весьма различными естественно-географическими условиями, разнообразием климата и почвы. «Дагестан, в отношении к климату, – писал Н. Данилевский, – представляет великое разнообразие, свойственное стороне гористой»[1]. «Природа, разсыпала щедрою рукою по Дагестану горы, – писал Н.И. Березин, – дала ему разнообразие климата и разнообразие произведений земных, с которыми гармонизирует разноплеменность населения»[2]. Более ярко об этом писал академик Н.Ф. Дубровин. «Ни одна страна в мире, – отмечал он, – можно сказать, не представляет, на столь тесном пространстве, такого климатического разнообразия, таких противоположностей в температуре, как Дагестан, с его горами, долинами, ущельями, возвышенностями и плоскостями»[3]. Далее он писал, что в Дагестане «встречаются долины с жарким климатом и очень холодным. В долинах низменных, защищенных от ветра со снегового хребта гор, климат бывает жаркий. Тут растет дикий виноград, хлопчатник, шелковица, рис и марена. Но часто стоит перевалить на противоположную сторону хребта гор, и долина, расположенная по ту сторону его, прямо против ущелья, из которого дует холодный ветер, отличается своею климатическою противоположностью и там хлеб вымирает на корню»[4].

Возвращаясь к Н.И. Березину, отметим, что он, именно исходя из указанного разнообразия климата, писал: «В хозяйствен-

---

[1] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. СПб., 1846. С. 71.

[2] Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850. Ч. II. С. 85.

[3] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. I. С. 36.

[4] Там же.

ном отношении Дагестан может служить одною из богатейших областей: многие выгоды выпали на долю этой страны, которых другие не имеют. С восточной стороны Дагестана простирается Каспийское море, представляющее водный путь в Персию и в глубину России». Он писал о «дагестанской произрастительности» и не был согласен со сравнением Дагестана с Швейцарией, о чем писал А.А. Неверовский. Но в то же время И. Березин сравнивал Дагестан с Сирией. Он, в частности, писал: «… но думаю, что в Дагестане мы имеем свою Сирию. Посмотрите, как в Ливанских горах дорожат каждым клочком земли, как искусно устраивают там территории на ребрах гор, во всяком случае столь же каменистых, как и дагестанские. Обширное народонаселение питается на ливанской почве единственно потому, что оно трудолюбиво и оживляет своею деятельностью приморскую торговлю. Разница климатов Сирии и Дагестана не так велика, чтоб могла подорвать справедливость моего сравнения»[1].

Для того чтобы показать зависимость развития хозяйства в целом и в частности главных его отраслей – земледелия и скотоводства – от естественно-географических и почвенно-климатических условий, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на последних.

Как известно, в историко-этнографической литературе[2] даются четыре естественно-климатические зоны: плоскость, предгорье, горы и высокогорье. Так как, как отмечалось и выше, развитие той или иной отрасли хозяйства тесно было связано с природно-географическими и почвенно-климатическими условиями, рассмотрим вкратце, что представляла собой каждая из перечисленных естественно-климатических зон, чем они отличались друг от друга и что способствовало, благоприятствовало развитию той

---

[1] Березин Н. Указ. соч. С. 85.

[2] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 7; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; С. 5-7; Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 12-14; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX вв. М.: Наука, 1978. С. 22.

или иной отрасли хозяйства, – какие из них (зон) были более благоприятны для развития земледелия, а какие – менее.

Подробное описание указанных зон (частей) Дагестана дано в физико-географических описаниях многих исследователей, в особенности географов[1]. Не останавливаясь на каждом исследовании, вместе с тем отметим, что в обобщенном виде описание всех частей Дагестана в трудах ученых представляется так.

Плоскостная зона или низменная часть Дагестана – это наклонная равнина, охватывающая две части территории, которые входили в XVIII – первой половине XIX в. в состав Дагестана: 1) Терско-Сулакская низменность в пределах поймы и дельты рек Сулака и Терека и 2) Приморская низменность – территория Дагестана южнее нынешней Махачкалы до дельты Самура. Терско-Сулакская низменность состоит из двух частей: северной части – междуречья Терека и Сулака, исторически известной как Кумыкская плоскость или Засулакская Кумыкия, и второй части – территории к югу от Сулака до нижней части столицы Дагестана – гор. Махачкалы, известной как Присулакская низменность.

Засулакская Кумыкия – это обширная плоскость, ограничивающаяся Тереком и кочующими ногайцами, с юга Сулаком, с востока Каспийским морем, а с запада рекой Аксаем, Качкалыковским хребтом и последними отрогами Салатавских и Ауховских гор. Все это пространство имеет вид обширной равнины, покатой к морю и орошаемой четырьмя мелководными речками, вытекающими из ауховских ущелий – Аксаем, Ямансу, Ярык-су и Акташем.

По своей значимости Кумыкская плоскость делится на две части. Лучшую часть её составляет западная полоса земли, около двадцати верст шириной, прилегающаяся у подошвы Качкалы-

---

[1] Алкадарский А. География ДАССР. Махачкала, 1929; Гюль К.К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957; Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Гюль К.К., Кисин И.М., Тертеров А.А. Природа Дагестана. Очерки. Махачкала, 1959; Гиммельрейх В.А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII классов дагестанской школы. Махачкала, 1963 и др.

ковского хребта и Ауховских гор. Почва земли на этой территории черноземна и плодородна и способствует хлебопашеству в особенности при поливе. На это указывал ещё в конце XVIII – нач. XIX в. С.М. Броневский, который, в частности, писал: «Почва земли причитается к плодороднейшей на северной стороне Кавказа; и климат здесь теплее, нежели в прочих областях»[1]. Но зато крайнюю восточную часть кумыкской равнины составляли сплошные болота, в промежутке между ними – безлесье, а также песчаная степь, поросшая камышами.

Что касается приморской низменности Дагестана, растянувшейся от Сулака до дельты Самура, то она представляет собой равнину, которая тянется узкой полосой вдоль берега моря на протяжении 102 км. к югу от Махачкалы. От Терско-Сулакской низменности (Засулакской Кумыкии или Кумыкской равнины) эта низменная часть Дагестана отделяется предгорными хребтами и их отрогами, подступающими у Махачкалы к самому морю. К югу от Махачкалы низменность значительно расширяется и достигает вширь 10 км. Но затем в двух местах (у мыса Буйнак и около Дербента) предгорья подходят близко к морю, и низменность суживается до 2-3 км. Между этими двумя точками горы отступают, образуя Терекемейскую низменность, шириной до 15 км. Южнее Дербента низменность снова расширяется и переходит в долину Самура, ширина которой доходит до 25 км. от моря.

Прикаспийская низменность, в особенности район Дербента, также благоприятна для ведения многоотраслевого сельского хозяйства.

Ярко эту часть Дагестана описали в своих трудах С.М. Броневский и Н. Данилевский. Для убедительности и раскрытия «способности» этой территории к широкому ведению земледелия приведем отдельные высказывания указанных авторов. «При Дербенте подавшиеся к самым морским берегам горы мало по малу от оных отделяются, – писал С.М. Броневский, – и, охватив большим полукружием обширную долину, опять сближаются с морем на расстоянии четырех верст близ Атачая. Самая большая ширина сей долины содержит до 50 верст между реками Самуром

[1] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе М., 1823. Ч. 2. С. 190.

и Кузар-Чаем. По свойству одинаких качеств земли, включить должно разстояние между Рубасом и Самуром в ту же равнину, которая от Рубаса до Атачая имеет 130 верст длины и заслуживает внимание, как примечательная часть сей провинции»[1].

Н. Данилевский писал о том, что низменные долины Дагестана, лежащие между морем и горами на протяжении всего западного берега Каспийского моря, хотя и глинисты, «но весьма плодородны». Что же касается морского берега, то и здесь, хотя почва песчана, но также «плодородна», «что зависит от множества рек, способствующих плодородию почвы и растительной силе на тучных пастбищах»[2].

Более интересно наблюдение Н. Данилевского о территории Дербентского владения, о которой он писал: «Между рекой *Дарбахом и Дербентом* болота, происшедшие от разлива рек при устьях, мало оставляют мест, способных к земледелию». Вместе с тем, что важно отмеченное им, это то, что «от *Дербента* к реке *Самуру* природа представляет роскошную долину, орошаемую реками, на коей живописно рисуются привлекательные рощицы с плодоносными деревьями. Тут, – писал далее Н.Данилевский, – степень растительной силы почти невероятна»[3], что будет показано ниже при описании земледелия этой части Дагестана.

Вторая естественно-географическая зона – предгорье. Эта территория, граничащая с плоскостью и протянувшаяся дугообразной полосой к северо-западу и юго-западу от Прикаспийской низменности на протяжении 260 км и шириной от 2 до 5 км. Средняя высота предгорья – 500-700 м над уровнем моря. Хребты предгорий в трех местах почти вплотную подходят к морю.

По строению поверхности предгорную зону принято делить на 3 части: северную, центральную и юго-восточную. Центральная часть, протяженностью до 130 км, от долины Сулака до Уллучая, характеризуется более расчлененным рельефом. Здесь имеются хребты и поднятия с ровными платообразными поверхностями высотой 600-800 м над уровнем моря (соврем. Буйнак-

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 352.
[2] Данилевский Н. Указ. соч. С. 68.
[3] Там же.

ское, Дженгутаевское, Сергокалинское и др.). Это благоприятные для занятия земледелием места.

Самыми высшими хребтами предгорья являются Кукур-тай, Эльдамский куполообразный хребет (с которого берут начало реки Параул, Озень и Губден-Озень), Тарки-Тау (над Махачкалой) и гора Джалган (над Дербентом). «Дагестанские горы, ближе к востоку, – писал Н. Данилевский, – своею формою и свойством способствуют произведению на оных земледелия с великим успехом»[1].

instituteofhistory.ru

Третья естественно-географическая зона – Горный Дагестан, известная и как Нагорный Дагестан – отделяется от других частей Кавказа высокими и труднодоступными горами. Она омывается бассейнами бурных рек: Андийское Койсу, Аварское Койсу, Кара-Койсу, Казикумухское Койсу, Самур и занимает около двух третей поверхности Дагестана. Это восточная часть северных склонов Кавказа, рельеф которой отличается чрезвычайной расчлененностью и разнообразием. Как отмечал Н. Дубровин, слова которого были приведены и выше, «здесь встречаются долины с жарким климатом и очень холодным. В долинах низменных, защищенных от ветра со снегового хребта гор, климат бывает жаркий. Но стоит перевалить на противоположную сторону хребта гор, и долина, расположившаяся по ту сторону его, прямо против ущелья, из которого дует холодный ветер, отличается своею климатическою суровостью». А низменные долины, защищенные от ближайших снеговых гор гигантскими утесами, имеют теплый климат[2].

instituteofhistory.ru

Горный Дагестан отделяется от предгорной зоны высокой стеной передовых известковых хребтов: Андийского, Салатау, Гимринского, Лес, Кара-сырт и др. Наибольшая высота этих хребтов от 2000 до 3000 м. Внутренний (Горный) Дагестан представляет собой замкнутое со всех сторон горными хребтами пространство шириной 50-60 км и длиной 230 км и охватывает западную, центральную и южную части Дагестана. Наиболее крупные каньоны: Засулакский каньон, Салтинское ущелье в долине Кара-Койсу, каньон на р. Тобот, пересекающий Хунзахское плато

[1] Данилевский Н. Указ. соч. С. 68.
[2] Дубровин Н. Указ. соч. С. 36-37.

и Карадахское ущелье. Особенно интересен Сулакский каньон, являющийся уникальным явлением природы. Каньон имеет длину 41 км и состоит из трех каньонов: главный, образовавшийся при слиянии Аварского и Андийского Койсу (длина 18 км), Чиркейский и Миатлинский. Наибольшие котловины – Ботлихская, Гимринская, Гергебильская, Ирганайская, Хиндахская, достигающие 4-8 км в поперечнике. Характерной особенностью внутреннего Дагестана являются наличие высоких (2000-3000 м) плато (Хунзахское, Гунибское, Арах-меэр, Кегерское, Шунудаг и др.).

Почвы горной зоны черноземные, каштановые, горно-луговые и культурные террасы. Черноземы являются наилучшими почвами для горного земледелия, горно-луговые – для сенокошения и пастбищных угодий.

Внутри нагорной зоны находится горно-долинная. Это долины рек Самур, Ахтычай, Чирахчай, Андийское Койсу, Кара-Койсу и Казикумухское Койсу. Это зона интенсивного, наиболее развитого садоводства. «Низменные долины, – писал академик Н.Ф. Дубровин, – защищенные от ближайших снеговых гор гигантскими утесами, пользуются теплым климатом»[1].

Высокогорная (альпийская) зона – это продолжение горного (нагорного) Дагестана с переходом на западе в пояс более высоких гор (3500-4500 м). Высокогорная зона отделяется от внутреннего (нагорного) Дагестана мощными массивами Бокового хребта. Эта часть Дагестана расположена на северных склонах Главного Кавказского хребта, на Боковом хребте и на входящих в него вытянутых к северу и северу-востоку нескольких горных массивов. В целом высокогорная зона Дагестана на северо-западе имеет ширину около 50 км., на юго-восток суживается до 30 км. и для неё характерна сильная расчлененность рельефа. В пределах Дагестана Главный Кавказский хребет протягивается на расстояние более 300 км от г. Нацидрис-цвери на северо-западе до вершины Базар-дюзи на юге. Средняя высота Водораздельного хребта на границе с Грузией составляет 2800-3000 м. По мере продвижения на восток высота хребтов увеличивается и достига-

[1] Дубровин Н. Указ. соч. С. 37.

ет наибольшей высоты у горы Базар-дюзи (4466 м) – наивысшей точки Дагестана.

В высокогорной зоне Дагестана между Водораздельным и Боковым хребтами расположены замкнутые котловины или горные долины, высота поверхности которых достигает 1200-1800 м. Крупнейшие из них – Дидойская, Бежтинская и Ункратлинская котловины. Среди юго-восточной части гор расположена Самурская долина, ширина которой в нижнем течении Самура достигает 7 км. Это одна из плодороднейших долин Дагестана.

Почвы высокогорной зоны Дагестана горно-луговые, местами горно-луговые терновые, горно-луговые примитивные и бурые, лесные. Климат этой зоны холодный и влажный. Поэтому земли, пригодной для земледелия, здесь мало, но много прекрасных альпийских пастбищ, способствующих широкому ведению овцеводческого хозяйства[1]. Как писал Н. Дубровин, высокогорная зона «отличается своею климатическою суровостью и там хлеб вымирает на корню»[2].

Приведенный материал по естественно-географическим зонам Дагестана ещё раз показывает необходимость их характеристики. Он дает возможность проследить пригодность той или иной зоны, той или иной части (района) Дагестана к развитию земледелия, изучение которого в рамках XVIII – первой половины XIX в. является целью данной главы исследования.

Именно исходя из значимости естественно-географических и климатических условий, останавливались на их характеристике в различных регионах и зонах Дагестана и авторы изучаемого периода, отмечая при этом, развитию какой отрасли хозяйства (земледелию или скотоводству) способствовали они. Это было практически их деление Дагестана на естественно-географические зоны, в связи с чем указывали и на основные отрасли хозяйства. Так, участник Каспийского похода Петра I в Прикаспийский Дагестан И.-Г. Гербер в 1728 г. писал, что в горах много уездов, которые не все равны и **по ситуации земля разная имеется** (подчеркнуто мной. – Б.А.), того ради обитатели (жи-

[1] Добрынин Б.Ф. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926; Почвенная карта // Атлас Дагестанской АССР. М., 1979.

[2] Дубровин Н. Указ. соч. С. 36.

тели. – Б.А.) неравной (разный, не одинаковый. – Б.А.) промысел имеют, некоторые питаются скотоводством, некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют, а иные не ведают, что хлеб есть и питаются одною скотиною»[1]. Конечно, автор не совсем прав с последним утверждением, так как, если даже речь идет о жителях высокогорного Дагестана, то и здесь не было места, где бы ни занимались земледелием, хотя бы в очень ограниченных размерах. Не может быть, чтобы в XVIII в. в горах жили люди, которые не знали, что такое хлеб.

В конце XVIII в. (1796 г.) участник Персидского похода В. Зубова Ф.Ф. Симонович, написавший интересную работу о Южном Дагестане, выделял 5 зон, названных им полосами, отличавшихся друг от друга своим рельефом, климатом и растительностью. В связи с этим он указывал на развитость в этих «полосах» той или иной отрасли хозяйства[2].

Именно естественно-климатические условия, а также историко-политические факторы (прежде всего прекращение завоеваний, прекратившихся после похода Тимура в конце XIV в.) предопределили зональную специализацию или развитость, превалирование той или иной отрасли хозяйства, обусловили решающее значение в экономике земледелия или животноводства.

Наша задача, еще раз отметим, – показать состояние земледелия в Дагестане в целом и её превалирование или второстепенная роль в хозяйственной деятельности населения в той или иной естественно-географической зоне.

Но прежде отметим, что основной тенденцией хозяйственного развития Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. являлось дальнейшее развитие всех отраслей. При этом происходило укрепление хозяйственно-экономической специализации в зависимости от естественно-географических зон, что, в свою очередь, приводило к дальнейшему усилению взаимозависимости жителей различных хозяйственно-экономических зон друг от друга и в конечном итоге создавало основу для формирования единства и

---

[1] Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 112.

[2] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138-139.

целостности хозяйственно-экономической жизни всего Дагестана[1].

Отметим также, что, как и в предыдущие периоды, экономическая жизнь Дагестана зиждилась на земледелии и скотоводстве, являвшихся основными занятиями населения, хотя степень развития их, как отмечалось выше, в разных регионах, в разных природно-географических зонах была неодинакова. Хозяйственная деятельность населения находилась в прямой зависимости от географической среды, которая и вызвала, породила специализацию – выделению природно-географических зон. Этим была предопределена большая развитость земледелия и огородничества в одних регионах и зонах в целом, в других – скотоводства, в третьих – садоводства, в четвертых – сочетание их. Сложившееся еще в предыдущий период зональное разделение труда и хозяйственной деятельности, как следствие различных географических условий, в исследуемый период получает дальнейшее развитие – происходит дальнейшее размежевание между отдельными местными центрами сельскохозяйственного производства и складывание географического разделения труда уже не только между крупными зонами, но и внутри них[2]. Плоскость и нижнее предгорье все больше специализировались на производстве зерна, а верхнее предгорье и горная часть – на «товарной продукции животноводства», т.е. для этой части характерным становится скотоводческо-земледельческое хозяйство; к концу XVIII в. происходит интенсификация приречного садоводства. К концу XVII в. процесс зональной специализации завершается и дальнейшее хозяйственное развитие, как отмечалось и выше, происходит на базе уже почти полностью сложившегося разделения труда[3]. Вместе с тем, разделение хозяйственной деятельности населения Дагестана на естественно-географические зоны продолжалось и на протяжении последних столетий, вплоть до XIX в.[4], о чем свиде-

---

[1] Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 96.

[2] История Дагестана М., 1967. Т. 1. С. 233. Османов М.О. Некоторые вопросы по истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX. С. 295.

[3] История Дагестана. Т. 1. С. 233.

[4] Османов М.О. Указ. соч. С. 215.

тельствуют и авторы этого периода, что будет видно ниже при изучении конкретно земледелия. В целом в изучаемый период естественно-географические и почвенно-климатические условия, а также историко-политические факторы предопределили зональную специализацию хозяйства в Дагестане, обусловили решающее значение в экономике земледелия или животноводства. Наиболее развито было земледелие в равнинной зоне, охватывающей Прикаспийскую равнину, территорию Северного Дагестана (Засулакская Кумыкия или Кумыкская равнина) и нижнее предгорье. Природно-климатические условия этих зон, как отмечалось выше, были более благоприятны для развития пахотного земледелия и разведения крупного рогатого скота. Именно поэтому земледелие здесь являлось основным видом занятий населения. Как отмечалось и выше, широкому развитию полеводства в Прикаспийской и Терско-Сулакской низменности, а также в предгорной зоне благоприятствовали как наличие хороших ровных, благоприятных для ведения земледельческого хозяйства земель, так и почвенно-климатические условия. Лето здесь было жаркое, а зима умеренная, и эти климатические условия благоприятствовали посеву различных зерновых культур, их созреванию и уборке.

Известно, что в конце XVII – начале XVIII в., о чем писал в 1728 г. участник Каспийского похода 1722 г. Петра I майор И.-Г. Гербер, Дербентское владение включало в свой состав ряд южных земель, составляющих уезды «Мушкур, Низават, Шабран Рустау и Бермяк»[1]. Земли, расположенные к югу от Дербента, очень благоприятные для ведения земледельческого хозяйства. Особенно богата была территория Мушкура, о котором И.-Г. Гербер писал: «Сей уезд от бога и натуры благословен, хлебопашен, приятен и веселой, во оном лесов, лугов и пашен довольно, также несколько маленьких речек, которые из Кубы текут». Далее он продолжал: «Луга всегда зеленые, понеже места низкие, и хотя трава в июле месяце от жаров высыхает, однако осенью наилутче опять растет, и цветы чрез всю зиму цветут, ибо морозов очень мало бывает, чего ради зимним временем из гор множество скотины и баранов пригоняют и все луга ими позаймут, и

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. М., 1958. С. 86.

за оной корм положенные пошлины платят. Сей уезд купно называть Шабрай, всю Ширвань, Шемаху и часть Дагестани удовольствуют пшеницею, ячменем и пшеном, **которых в сих уездах очень много сеют** (подчеркн. мною. – Б.А.), к чему помогают маленькие речки, которые из Кубы сюда текут, которых вода во всех пашнях, а особливо на пшено ведена, понеже пшено пока созревает, всегда в верьх стоит и ростет. Прежде сего много шолку здесь родилось»[1].

Богата была земля и других южных «уездов» Дербентского владения. «Земля здесь, – писал о Низавате И.-Г. Гербер, – также в Мушкуре, в Шабаране и частию в Кубе, так сытая, что обитатели принуждены во оную соху по шести и до осьми и больше буйволов впрягать, чтоб вспахать и землю сорать (? – Б.А.) можно, ибо во всех сдешних уездах буйволов для пахания земли употреблять в обычае»[2].

А. Олеарий писал только о нижней части Дербента, и при этом отмечал, что здесь немного садов и пашен, а в четырех милях от города располагались виноградники[3]. Интересны сведения голландского художника и путешественника К. Брейна, побывавшего на Восточном Кавказе в начале XVIII в. Он писал, что, двигаясь от Дербента вдоль берега Каспийского моря, они «видели на берегу множество деревень», а выехав на равнину, спускающуюся к Каспийскому морю, «в отделении открылось … множество селений, поля, возделанные и залитые водой»[4].

Более конкретно и основательно о Дербенте и его окрестностях писал И.-Г. Гербер. Он, в частности, отмечал: «По обеим сторонам за городом обитатели **имеют пашен довольное число**»[5] (подчеркн. мною. – Б.А.). Другой участник Каспийского похода Петра I Я.А. Маркович писал, что «на обоих сторонах Дербенту великие розлоги и сади по близу, а подалей пашне, гори

---

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. М., 1958. С. 88.
[2] Там же. С. 89.
[3] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 487, 489.
[4] Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII в. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 149, 155.
[5] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

укритие лесами»[1]. Интересны и сведения шотландца, находившегося на русской службе, также участвовавшего в Каспийском походе 1722 г. Джона Белла, который писал о Дербенте: «В восточной стороне города множество находится виноградан, коих вино может стоять многие годы, когда оное налив во глиняные сосуды зароют в землю». И далее: «Находится также во внешней окрестности плодоносные поля и в некотором расстоянии отсюда растет большой лес, состоящий из каштановых, дубовых и прочих дерев»[2].

Еще в 1718 г., т.е. за 10 лет до И.-Г. Гербера, посланник русского посла в Персии А.П. Волынского А.И. Лопухин также, проходя через Дербентское султанство, писал об одной деревне, «при которой есть сад виноградной и деревья саженые, и оной сад салтана дербенскова» и что «подле моря на версту блиско города сделаны сады виноградные»[3]. Более значимо сообщение А.И. Лопухина о том, что Дербент «имеет великое довольство в провианте (продовольствии. – Б.А.) и в фураже, так все дешево, что ни одного города во всей Персии такова подобного нет на дешевизнь, довольно человеку сыту в день быть на 2 копейки»[4].

Обилию продовольствия способствовала, конечно же, развитость земледельческого хозяйства и прежде всего полеводства, а также садоводства и виноградарства.

Сказанное подтверждается и сведениями 70-90-х годов XVIII в. Так, ученый ботаник, по национальности немец, действительный член Русской Академии наук, обследовавший прикаспийские области в 1769-1774 гг., С.Г. Гмелин писал о Дербентском владении: «Поля плодородием очень знамениты и земля ничего больше не требует, кроме большого жителей рачения». Интересно его следующее сообщение о ведении местными жителями земледелия. «Поля, – писал он, – унаваживать совсем не знают, но только жгут на них солому и оставшимся пеплом по-

[1] Дагестан в известиях… С. 185.

[2] Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Асиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. 1. С. 167.

[3] Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 9.

[4] Там же. С. 30.

сыпают, от которого в разсуждении плодородия изрядное бывает действие»[1].

Обратимся к сведениям 80-х годов, которые оставил нам Я. Рейнеггс – немец по происхождению, врач, был в Грузии, служил в Астрахани, затем в Петербурге, в 1786 г. составил историко-топографическое исследование, где много очень интересного материала, в том числе о земледелии в Дагестане. О земледелии Дербентского владения он, в частности, писал: «Земля весьма плодородна и исключая садов приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрану. Кроме рек Рубаса и Керкени, орошает все поля большая река Цаммур; а к югу в тех местах, где она ослабевает, впадают в неё реки Куссар и Оламма, которые умножают силу её течения… К виноградным садам прилагают они довольное старание.

Сия провинция, – писал далее Я. Рейнеггс, – могла бы по справедливости щастливейшею назваться, ибо положение её весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всю возможную пользу»[2].

В конце XVIII – начале XIX в. земледелие в Дербентском владении получило дальнейшее развитие, и не без основания участник Персидского похода 1796 г. Ф.Ф. Симонович писал, что оно «изобилует хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сарачинском пшене и прочем, равно и плодами древесными и огородными»[3].

При описании земледелия Дербентского владения на основе сведений Ф.Ф. Симоновича нельзя обойти и Кубинское владение, бывшее одной из частей единого Кубино-Дербентского или Дербентско-Кубинского ханства. Тем более это необходимо, учитывая, что Ф.Ф. Симонович при описании Кубинского владения, в составе которого находились в основном лезгинские селения, называет его «Кубинским Дагестаном»[4], народ которого являлся «дагестанскими татарами», «исповедующими магометанскую ве-

[1] Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч. III. Половина первая. СПб., 1785. С. 35.
[2] Дагестан в известиях… С. 284.
[3] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 143.
[4] Там же. С. 149, 150.

ру секты Алиевой и Сунинской»[1]. Выше уже отмечалось о вхождении ещё до объединения Дербентского и Кубинского владений «уездов» Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк. О них в составе Кубинского владения писал и Ф.Ф. Симонович, отмечая также развитость в них земледелия.

Ф.Ф. Симонович писал о земледелии как в Кубинском владении в целом, так и в указанных выше «уездах». В первом случае он отмечал: «В сей округе жители нагорных деревень (среди них были, конечно, и лезгинские селения. – Б.А.), по лесистому местоположению, кроме ячменю и коноплей, хлеба не сеют, но скотоводством изобильны. Жители же в лежащих на плоскости деревнях, а особливо начиная с Хутата, при скотоводстве изобилуют все разных родов хлебом, хлопчатой бумагой, имеют садовые плоды, шелковые черви, и сии последние, то есть шелковые черви, есть и в самом городе Кубе»[2].

Что же касается частей Кубинского владения, то Ф.Ф. Симонович писал: о «Мускурской округе» – «Во оной округе жители, при изрядном скотоводстве и изобилии разных родов хлеба и хлопчатой бумаги, имеют садовые плоды и шелковые черви»[3]; о Шабране: «Хлебопашество и скотоводство довольно хорошо, но в южной половине оного хлебопашества, по неудобности земли и простирающихся в ней солончаков, Наурских озер и Шабранских болот, меньше; изобильно садов»[4]; о «Рюстюмском округе»: – «Сей округ изобилует хлебопашеством и разными плодами древесными и огородными»[5].

О развитости земледелия в Кубинской части Дербентско-Кубинского ханства говорят и подати, взимаемые с населения владения. По этому поводу Ф.Ф. Симонович писал: «… из числа деревень, принадлежащих владению Кубинского, округам: Растюмскому, Мускурскому, Шабранскому, Саадинскому, Бермекскому и отчасти Кубинскому, податей хану в год собирается по прежним обыкновениям (т.е., как раньше. – Б.А.), с каждого двора от урожая хлеба дается мера, шелку 10-я часть, масла ¼

[1] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана… С. 149.
[2] Там же. С. 146.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 147.
[5] Там же. С. 148.

батмана, то есть 20 фунтов, с пары волов хлеба одна руба, то есть пять пудов, с каждых ста баранов по два, сыру по три батмана, пшена сорочинского с мест хороших для посеву, отводимых по просьбам и по приказанию хана, половинная часть, а с прочих, вообще засеваемых, десятая часть… С деревень другой части Кубинского округа и с Кубинского Дагестана… получается в год с каждого двора, с имеющих баранов, Кубинского округа – с каждой сотни по два барана, масла по ¼ батмана. Сверх того, со всех деревень, кроме дагестанских, получается с каждого двора хлеба по одной рубе – вместо земли выпахивается хану от жителей»[1].

Как видно из перечисленных доходов хана, основную часть составляли продукты земледелия – хлеб и сарачинское пшено, что подтверждает развитость земледелия, как основного занятия населения одной из частей Дербентско-Кубинского владения.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Сказанное подтверждается и сведениями П.Г. Буткова о доходах Кубинского хана, среди которых главное место занимали продукты земледелия – с каждого двора «по одному рубу, или по 170 фунтов, всякого хлеба, а из дагестанских двух округ то же число ячменю», «десятую долю со всех прочих земных произведений». Как писал далее П.Г. Бутков, имея в виду и продукты животноводства: «Все сии ханские доходы с Кубинской провинции, соединенные с поземельными доходами с Дербентской и Сальянской провинций, с пошлинами с монетных и рахтарных дворов, фабрик, лавок, с привозимых и отвозимых товаров, а с Сальянской провинции с рыбных и соляных откупов, также с бакинского хана под видом подати 60 000 ханскими деньгами, все сии денежные зборы простираются до 54 000 и около 650 четвертей ячменя, не считая в щот скот, масло и прочее»[2].

institute of history.ru

Описание хозяйства территории Кубы как одной из частей Дербентско-Кубинского владения завершим словами П.Г. Буткова: «Кубинская область разделена натурою на две половины: первая лежит в горах, а последняя (вторая – Б.А.) на плоскости. Нагорная часть отменно способствует скотоводству и разведению пчел и коноплей, но мало имеет земли ко хлебопашеству удобной

[1] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана… С. 149-150.

[2] Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 205.

и производит только ячмень. Плоская, напротив, половина сверхизрядного скотоводства произращает с избытком разных родов хлеба, хлопчатую бумагу, мариону, всякие фрукты, шелковичных червей»[1].

В XIX в. в Дербентском владении земледелие получает дальнейшее развитие. Как отметили и выше, Дербентское владение еще в конце XVIII в., по словам Ф.Ф. Симоновича, изобиловало «хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сорочинском пшене и прочем»[2]. По словам коменданта Кизлярской крепости А.И. Ахвердова, дербентскому хану принадлежали 17 «посредственных деревень», жители которых были «хорошими земледельцами», они сеяли «всякого рода хлеб, хлопчатую бумагу», занимались шелководством и «упражнялись» «в рытье марены, доставлением в Дербент дров, угольев, ячменю, мякины и тем доставляют себе достаточный доход»[3]. Далее А.И. Ахвердов подчеркивал, что Дербентское владение «совершенно изобилует во всем для них нужном, как то: хлебопашными землями, лугами, лесами и частыми небольшими реками»[4].

Жители же самого города Дербента, по словам А.И. Ахвердова, имели небольшое хлебопашество, занимались разведением шафрана и имели небольшие виноградные сады»[5].

Интересно наблюдение С.М. Броневского о территории Дербентского ханства. «Побережье между Дарбахом и Дербентом, – писал он, – от множества ручьев тут разливающихся превратилось в низины и болоты, между коими однако же кое-где встречаются земли удобные к хлебопашеству. По ту сторону Дербента до реки Рубас и даже до Самура **простираются прекрасные и плодородные долины** (подчеркн. мною. – Б.А.), заключающие в себе луга и пахоту и по берегам рек прилески или рощи большею частию плодовитых дерев состоящие»[6].

---

[1] Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 203-204.

[2] Симонович Ф.Ф. Указ. соч. С. 143.

[3] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 220.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 219.

[6] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 329-330.

Аналогично было описание территории Дербентского владения, данное П. Зубовым. «Между р. Дарбахом и Дербентом, – писал он, – болота, происшедшая от разлива речек при устьях, мало оставляют мест способных к земледелию; но **от Дербента до р. Самуру природа представляет роскошную долину** (подчеркн. мною. – Б.А.), на коей степень растительной силы почти невероятна. Долина сия орошена реками, впадающими в море, покрыта живописными разнообразными и привлекательными рощицами, в которых почти все деревья плодоносные»[1].

Основными зерновыми культурами, выращиваемыми в Дербентском владении, были пшеница и ячмень. Первая из них – это особый сорт высокоурожайной качественной желтой пшеницы, пользовавшейся большим спросом. Н. Данилевский отмечал, что дербентская пшеница значительна как по величине зерен, так и обильным урожаем[2]. По данным 30-х годов XIX в., в Дербентском владении сеяли 1000 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя[3]. Выращивали здесь также рожь и просо, табак, разные овощи, зелень, кукурузу, полбу, сарачинское пшено.

В Южном Дагестане земледелие хорошо было развито и в других местах – Нижнем Табасаране, который являлся как бы продолжением равнины Дербентского владения, и в Кюре (Кюринские союзы сельских общин, а затем Кюринское ханство). «Одной из основных отраслей табасаранцев, – пишет Р.М. Гасанов, – было земледелие. В зависимости от естественно-географических, прежде всего почвенно-климатических условий и других факторов, – пишет М.Р. Гасанов далее, – земледелие в табасаранских аулах развивалось не в одинаковой степени»[4]. И на самом деле это было так потому, что Табасаран занимал различные по своим естественно-географическим условиям территории

---

[1] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в статистическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1935. Ч. 3. С. 229.

[2] Данилевский Н. Указ. соч. С. 84.

[3] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Легнобытова. СПб., 1836. Ч. 4. С. 170.

[4] Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978. С. 13; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 104.

– это горный Табасаран, равнинный Табасаран и предгорный Табасаран.

Основными зерновыми частями Табасарана являлись равнинная и предгорная части. Еще И.-Г. Гербер отмечал, что «те, которые близ Дербента живут, имеют хорошие деревни, лугов и пашней, а живущие далее к горам скудны» и ещё ниже: «Половина Табасарани, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю, а другие, к горам живущие, питаются только одною скотиною и не имеют пашен или хлеба, ибо от стужи ничего не ростет, понеже горы, под которыми они живут, летом и зимою снегами покрыты, и снега, которые у них падают, в июле месяце разтаевают, и для того убогие люди»[1].

«Они, – писал о табасаранцах в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс, – **занимают весьма обширное и плодородное пространство**» (подчеркн. мною. – Б.А.). Речь здесь, конечно, идет о Нижнем Табасаране. Продолжая далее писать о табасаранцах, наш автор отмечал: «Главное народа упражнение состоит в разводе винограда, хлопчатой бумаги, **хлеба родится довольно** (подчеркн. мною. – Б.А.), также плодоносные леса и обильные пчелиные плодоносные заводы приносят жителям немалую пользу»[2].

Интересно и сообщение С.М. Броневского о Нижнем Табасаране, высказывавшего разные мнения по исследуемому вопросу. Сначала он писал, что табасаранцы «упражняются в хлебопашестве» «по нужде для прокормления себя» и что они «сеют сорочинское пшено, пшеницу и ячмень, каковые хлебы изредко родится посредством напоивания полей водопроводами». Вроде речь здесь идет о Нижнем Табасаране, что выходит и из следующих слов нашего автора: «Полуденная сторона Табасарана, хотя и отложе Северного, но по жаркому воздуху не имеет сих произведений, равно как и лесов в довольном величестве, будучи большею частью камениста и бесплодна». И опять о Северном Табасаране – «Напротив того **Северная половина изобилует всеми родами произведений, и есть умеренному воздуху и свойству земли приятнейшая сторона**»[3] (подчеркн. мною. –

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.
[2] Дагестан в известиях… С. 279.
[3] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 348.

Б.А.). Но дале он ее опять противоречит себе, утверждая, что **«земледелие в Табасаране было в ничтожном состоянии»**[1].

Совершенно иное мнение было высказано Н.И. Березиным, который писал, что «долины Табасарана и приморская полоса Дагестана могут питать обширное народонаселение. Господин Неверовский утверждал, что в дагестанских горах нет долин, а я собственными глазами видел огромную долину Табасаранскую, и думаю, что это не единственная в горах долина»[2].

Отметим, что ещё в 30-е годы XIX в. русский военный деятель П.Ф. Колоколов, который написал статью о Табасаране, отмечал, что в Нижнем Табасаране «почва плодоноснее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее. Кроме посева пшеницы, ячменя и конопли, сеют хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и мариону»[3]. Тогда же М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг писали, что табасаранцы «упражняются в хлебопашестве, сеют сарачинское пшено, пшеницу и ячмень»[4].

И в низменной части территории кюринцев преобладающим занятием было земледелие, чему способствовали равнинная часть их земли и возможность искусственного орошения. «Почва земли в восточной части *Области Куринской,* – писал Н. Данилевский, – весьма плодоносна и способствует к земледелию и скотоводству»[5]. Как писал Ф.И. Гене: «Жители Нижнего Дагестана (слова эти касаются и территории современного Магарамкентского и Сулейман-Стальского районов – Б.А.) прилежнее нежели верхнего, и занимаются более хозяйством (земледелием, садоводством и виноградарством. – Б.А.), особенно хлебопашеством, и вообще богаче прочих. В Кюринском владении и в других местах ближе к морю растет виноград и другие фрукты»[6]. Именно из наличия достаточного количества зерна исходило русское командование, когда после покорения Кюринского владения в 1811 г. оно обязано

---

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 348.
[2] Березин Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 86.
[3] Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.
[4] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 311.
[5] Данилевский Н. Указ. соч. С. 67.
[6] Гене Ф.И. Сведения в Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С. 344.

было вносить в казну с 1813 г. ежегодно 2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя[1].

Хорошие условия для занятия земледелием были в Нижнем Кайтаге, который производил зерно не только для удовлетворения своих нужд, но и для продажи горным обществам, где не хватало своего хлеба. «Питаются скотоплодием, – писал о жителях Нижнего Кайтага И.-Г. Гербер, – и имеют довольно пашен, также садов виноградных и протчих овощей. Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают[2]». В другом месте И.-Г. Гербер, отмечая благоприятные природно-географические условия Нижнего Кайтага, писал: «Хайдацкой уезд имеет землю равную от моря до нижних гор и того ради довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц (а они могли быть при развитом земледелии. – Б.А.) построено, а особливо имеются добрые луга для корму скотины и баранов»[3]. Ещё за 10 лет до И.-Г. Гербера А.И. Лопухин также отмечал наличие в Кайтаге больших полей. «…от самого моря, – писал он, – все место ровное и лесом довольно и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около их и поля немалые»[4].

О наличии в Кайтаге большого количества мельниц писал в конце XVIII в. участник Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонов. «Мельниц мучных, – отмечал он, – тамошними жителями сделано в довольном количестве. Стоят на каналах, проведенных из текущих речек близ самых гор. Расположены одна над другой в близком расстоянии. Сделаны ж об одном коле. Жолобы деревянные, по каскаду вода сильное течение имеет. В сутки муки получают 2 четверти с небольшим»[5]. О количестве мельниц в изучаемый период можно судить в какой-то мере из сведений начала XX в., согласно которым в Кайтаго-Табасаранском округе их было 528[6].

---

[1] Ртищев Р.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247.
[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.
[3] Там же. С. 83-84.
[4] Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 56.
[5] Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. ИГЭД. С. 134.
[6] Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905. С. 38-39.

Ещё до Д.И. Тихонова Я. Рейнеггс отмечал благоприятность природно-географических условий территории, занимаемой Кайтагом. «Впрочем, – отмечал он, – земля князя сего имеет наивыгоднейшее и плодоноснейшее положение». Говоря о частях Кайтага, составляющих его, он описывал Терекеме следующим образом: «Двенадцать деревень, – писал, он, – обитаемых татарами, называемыми терекемме, собирают с плодоносных своих полей пшеницу, ячмень, пшено, просо и хлопчатую бумагу. Они также стараются разводить шелк к немалому себе прибытку, и стада им приносят знатную пользу»[1]. О богатстве и плодоносности кайтагской земли Я. Рейнеггс писал и далее. «От реки Инче даже до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространные, плодоносные и зрению весьма приятные. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила её ещё одной немалою рекою, Большой Буам называемою, которая, разливаясь в безчисленные ручьи, утучняет сухость земли, безпристанными морскими ветрами причиняемую»[2].

Я. Рейнеггс обратил внимание и на то, что жители Кайтага постоянно увеличивали свою пахоту за счет строительства новых полей путем вырубки леса. «Чем ближе вышеупомянутая степь Къутсе (речь идет о Терекемейской равнине. – Б.А.) подходит к горам, тем чаще лес становится, а некоторые горы и совсем им заросли и вся приятная сия страна ничто иное как лес один, есть ли бы и многочисленные жители рост ему не препятствовали не обрабатывали бы землю с большею себе пользою»[3].

Обилию урожая способствовало наличие рек и небольших речек, из которых отходили канавы, несущие на поля воду. По свидетельству Д.И. Тихонова, на равнине «из речки Дарбаха жителями» было «проведено довольное количество каналов для напоения засеянной хлебом земли»[4]. Были проведены каналы и из других рек, протекавших по территории Кайтага. В тех селе-

[1] Дагестан в известиях … С. 276.
[2] Там же. С. 276-277.
[3] Дагестан в известиях… С. 277.
[4] Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 128.

ниях, где землю удобряли и поливали, получали довольно высокий урожай – от 10 сам до 20 и более[1].

Как бы продолжая сказанное о Кайтаге Я. Рейнеггсом и Д.И. Тихоновым, С.М. Броневский также писал о благоприятных условиях для развития хлебопашества в Кайтаге. Он также дал описание равнинной части (Терекеме) Кайтага. «В низинах, – писал, он, – обнаруживаются песчаные слои, редко видимые в других местах, ибо песок обыкновенно составляет весьма узкую закраину вдоль морского берега. **Но сия почва плодородна посредством поливания водопроводом, что тамошние жители делают везде, где только есть возможность произвести оное действие. Усмейская область изобилует водами**»[2] (подчеркн. мною. – Б.А.) и не имеет недостатка. По территории Кайтага протекали реки Гамри-Озень, Большой Буам, Дарвах, Инчхе, и из них были проведены каналы для полива полей.

Продолжая описание Кайтага, С.М. Броневский отмечал: «Каракайдаки, обитающие **в тучных долинах** (подчеркн. мною. – Б.А.), превозмогши (преодолев. – Б.А.) леность им свойственную (наш автор был не одинок, говоря о ленивости горцев Дагестана. Об этом писали и другие авторы. – Б.А.), начали подбирать разбросанные под ногами дары природы, и мало по малу обратили внимание на земледелие (не странно ли говорить об этом для конца XVIII – начала XIX в.? – Б.А.), сеянию хлопчатой бумаги и к шелководству. Но все отрасли плодоводства малозначущи (как может быть «малозначущим» земледелие, когда оно было основным занятием жителей Кайтага? – Б.А.) и не соответствует плодородию почвы. Хлебопашество их состоит, – завершал описание жителей Кайтага С.М. Броневский, – в сеянии сарачинского пшена, просы, пшеницы и ячменя для собственного продовольствия»[3].

Не очень лестно отзывался о жителях Кайтага Н.И. Березин, который в середине XIX в. писал: «Прежде всего и после всего Кайтаки занимаются грабежом, который у них отработан систе-

---

[1] Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М., 1969. С. 212.

[2] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 300.

[3] Там же. Ч. 2. С. 315-316.

матически и доведен до совершенства, но русское владычество уничтожило почти у Каракайтаков эту выгодную отрасль промышленности»[1]. Значит, в Кайтаге до прихода русских занимались только грабежом и больше ничем, что выходит и из дальнейших его слов. «Нужда и голод, – писал он, – заставили каракайтаков обратиться к земледелию, скотоводству и садоводству»[2]. Очень странно, что к указанным занятиям жители Кайтага обратились только после запрета заниматься грабежом, что привело к нужде и голоду. Значит, до XIX в. у них не было земледелия? И только после этого они обратились к земледелию, и «послушная земля, – как писал Н.И. Березин, – засевается пшеницей, ячменем, кукурузой, сарачинским пшеном, просом, хлопчатой бумагой и мареной»[3].

При тех благоприятных условиях, о которых писали другие авторы, слова которых приводились выше, кстати, об этом писал и сам Н.И. Березин, жители Кайтага не могли не заниматься земледелием. Вот как писал о почвенно-климатических условиях Кайтага Н.И. Березин: «Почва довольно плодородна, особливо при частом поливании, в горах много лесу, а в долинах пастбищных мест… Климат умеренный и здоровый»[4].

Перейдем к характеристике земледелия другой части прикаспийского (низменного) Дагестана, как одного из регионов, где оно было наиболее развито и являлось основным занятием его жителей. Здесь находилась территория Тарковского шамхальства, Буйнакского владения, Утамышского султанства, Карабудахкентского бийлика и Губдена. Это были хорошие земли, пригодные и способные для широкого ведения земледелия. А.А. Неверовский о приморском Дагестане писал так: «Спустя пять лет после его (Петра I. – Б.А.) ухода из Дагестана Россия имела уже в своей власти самую лучшую и богатую часть края»[5]. Это все земли ука-

---

[1] Березин Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 51.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Ч. 2. С. 48.
[5] Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847. С. 23.

занных выше владений, а также земли Дербентского владения и княжеств Засулакской Кумыкии.

Об этом писал в 30-е годы XIX в. и П. Зубов. «Низменные долины, – отмечал он, – лежащие между морем и горами, по всему протяжению западного берега первого, хотя вообще глинисты, но весьма плодородны»[1].

Как было отмечено выше, основным занятием жителей этого пространства было земледелие. Начнем характеристику земледелия всей этой территории с Утамышского султанства (часть земель была на плоскости, часть – в предгорье), территория которого находилась к северу от Кайтагского уцмийства, описанного выше. Начнем с сообщения участника Каспийского похода Петра I 1722 г. И.-Г. Гербера, который писал о жителях султанства: «Питаются пашнями и скотоводством»[2].

Ещё за 10 лет до И.-Г. Гербера участник посольства посла России в Персии А.П. Волынского А.П. Лопухин, проходивший в 1718 г. по приморскому Дагестану, в том числе по территории Утамышского султанства, писал, что «ехали полями до лесу с агач», а также о наличии здесь лугов[3].

Писал о земледелии Утамышского султанства в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс. «Вдоль по берегу реки Инче и на всей оной степи (т.е. от моря до гор. – Б.А.), – отмечал он, – находятся ещё (кроме Каякента, Утамыша, Гусейн-кента и Туса-Карана, о которых писал Я. Рейнеггс как селах султанства. – Б.А.), ещё некоторые деревни и весьма плодоносные поля, коих владельцы с величайшею покорностию платят наложенные на них подати»[4]. Из этих последних слов можно понять, что жители указанных сел жили в достатке, и налоги, которые они платили, не были обременительны, в тягость им.

К сожалению, других сведений о земледелии Утамышского султанства нет. Но не может быть сомнений, что оно было основным занятием его жителей, так как низменная часть террито-

---

[1] Зубов Указ. соч. Ч. 3. С. 228.

[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 74.

[3] Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 33.

[4] Дагестан в известиях…. С. 275.

рий султанства была продолжением равнинной части Нижнего Кайтага.

instituteofhistory.ru

Далее к северу от Утамышского султанства находилось Буйнакское владение. Я.А. Маркович, также участвовавший в Каспийском походе 1722 г., писал о Буйнаке, что его владетель «сидит на ровнине, ниже которой токо ж (также. – Б.А.) равнина низшая, а нижей ещё ровнина до моря, близ которого и пашне их посеяини, досит буйне, а так з Булнак (Буйнак. – Б.А.) везде веселий барзо проспект»[1].

После Буйнака к северу от него тянулась огромная территория самого большого владения кумыков – Тарковского шамхальства. О жителях шамхальства И.-Г. Гербер писал, что у них «пашен довольно: сеют же хлопчатой бумаги, которая здесь наилудче растет»[2]. Акад И.А. Гильденштедт, собиравший сведения о Дагестане в 70-е годы XVIII в., писал, что «кумыки занимаются хлебопашеством… Хлебные растения их суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особливо сарачинское пшено, в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу»[3].

Писали о занятии населения Тарковского шамхальства и ряд участников Персидского похода 1796 г. Как известно, шамхальство занимало как равнинную территорию, так и предгорье. О первом Д.И. Тихонов писал: «Плоская ж половина сверх изрядного скотоводства произрастает довольно разных родов хлеба, хлопчатую бумагу, мариону, сарацинское пшено, садовые ж и лесные плоды, овощи и шелковичные черви весьма малой частью произрастают… Мариона же родится в довольном изобилии»[4].

Другой участник Персидского похода С.М. Броневский обстоятельно описал территорию кумыков к югу от Сулака. «Восточный кряж Кавказа, – отмечал он, – отстоит в 50 верстах от морского берега; потом мало по малу горы стесняются к морю и оставляют между берегом около длинную низменную равнину,

instituteofhistory.ru

[1] Дагестан в известиях…. С. 182.

[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 71.

[3] Гильденштедт И.А. Географическое и статическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 180,105.

[4] Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 129.

коей ширина умножается от 15 до 5 верст». И далее писал конкретно о территории шамхальств: «От Тарку до Орусай-Булака между коим 50 верст разстояния, продолжаются такие же низменные долины между морем и горами. Сии долины плодородны и большею частью обработаны под хлеб. Во время летних жаров жители весьма искусно поливают оные посредством пущенных из нагорных речек водопроводов, которые будучи направлены во все стороны и где нужно укреплены плотинами, совершенно достигают предназначенной им цели»[1]. Продолжая разговор об орошении полей, М.С. Броневский отмечал: «Шамхальское владение орошали р. Сулак, Таркали, Озень, Манас и довольное число горных протоков, из коих известные суть: Черка-Озени, Буйнаки, Орусай-Булак»[2].

Поливное земледелие в шамхальстве было отмечено и другими авторами. Русские офицеры М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг писали: «долины, находящиеся между горами и морем, плодородны и большею частью обработаны под хлеб. Во время летних жаров жители весьма искусно поливают оные посредством пущенных из нагорных речек водопроводов, которые, будучи направлены во все стороны и где нужно укреплены плотинами, совершенно достигают предназначенной им цели»[3].

Цитируемые авторы писали и о злаковых культурах кумыков. «Они, – отмечал С.М. Броневский, – сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сарачинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу»[4]. Отмечая, что жители Тарковского шамхальства «упражняются в хлебопашестве и скотоводстве», М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг также писали, что они «сеют просо, ячмень, пшеницу и сарачинское пшено»[5]. В 1835 г. П. Зубов писал: «Кумыки занимаются посевами проса, ячменя, кукурузы, сарачинского пшена и отчасти занимаются пчеловодством»[6].

Из перечисленных зерновых культур наиболее распространенными у кумыков были озимая пшеница и ячмень. «В весеннем

---

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 294-295.
[2] Там же. С. 297.
[3] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 307.
[4] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 200.
[5] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 307.
[6] Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 183.

севе, – писала С.Ш. Гаджиева, – большое место занимали яровой ячмень, кукуруза, а также рис (у засулакских кумыков. Но речь о них пойдет ниже. – Б.А.)… Умелое сочетание осеннего и весеннего сева давало кумыкам возможность компенсировать неурожай яровых культур и наоборот»[1].

Конечно, при этом большое значение придавалось поливу полей, без чего не могло быть хороших урожаев. «На Кумыкской плоскости, – продолжает описание земледелия С.Ш. Гаджиева, – все посевы должны были поливаться, иначе они не могли дать урожай; некоторые поля оставались здесь в виде сенокосов, пастбищ и т.д.»[2]. И далее она писала: «Первый полив производили сразу же после сева – «буртук артдан сув» (за семенами вода). Народ полагал, что если сразу не полить, семена могут быть уничтожены грызунами. Самым ценным считался осенний полив. Кумыки недаром сложили пословицу: «Гюз сув – юз сув» (осенний полив – стократный полив)»[3].

Выше уже было сказано, что наиболее благоприятной для занятия земледелием, ведения зернового хозяйства была территория Засулакской Кумыкии – обширное пространство между большими реками – Сулаком на юге и Тереком на севере. Это Терско-Сулакская равнина. Природно-географические и почвенно-климатические условия благоприятствовали ведению здесь зернового хозяйства. На Терско-Сулакской равнине температура в январе –3,6°, а в июле +23,5°, количество осадков – до 300 мм. Хотя показатели Прикаспийской низменности лучше (количество осадков здесь до 360 мм, температура в январе –1,6 июле +25°), все же Кумыкская равнина является одной из наиболее благоприятных для земледелия территорий Дагестана. Хорошо об этом писал А.М. Буцковский, отмечавший: «Почва земли владения Кумыцкого причитается к плодороднейшим на северном скате Кавказе, а климат теплее прочих областей сей полосы, что доказывает совершенным созреванием винограда и других хороших фруктов. Из хлебов сеют более всего пшеницы и просу, которая

[1] Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 66.
[2] Там же.
[3] Там же.

последняя, помощью поливов многочисленные поля их пересекаемых татаулов (канавок рытых), особенно хорошо родится; засим малою частию ячменя. Волость Костюковская с великим успехом разводит также сарачинское пшено»[1].

Слова Н. Березина, сказанные им в отношении всего Дагестана, имеют прямое отношение к Засулакской Кумыкии. Он писал: «Умеренный климат Дагестана дал возможность развивать здесь в изобилии фруктовые сады сеять сарачинское пшено и табак, марену, заниматься шелководством и виноделием»[2]. Но в то же время, как и по другим вопросам социально-экономической и политической истории Дагестана, Н. Березин не мог удержаться без того, чтобы не испортить сказанное им положительное, хорошее, что было у народов Дагестана. Продолжая приведенное выше описание Дагестана, он писал далее: «Эти нехитрые источники народного богатства находятся здесь ещё в детстве»[3], т.е. только начинали свое развитие, с чем, конечно, никак невозможно согласиться. Разве в середине XIX в. дагестанцы начали заниматься перечисленными выше видами занятий сельскохозяйственного производства, разве до этого не было в Дагестане садоводства, рисоводства, шелководства, виноделия? Приведенные выше сведения авторов, живших до Н. Березина, говорят о том, что дагестанцы занимались всеми отмеченными видами сельскохозяйственного производства задолго до середины XIX в.

Конкретно сведения о Терско-Сулакской (Кумыкской) низменности оставили нам ген. Р.Ф. Розен и акад. Н.Дубровин. Первый из них писал, что её жители засеяли «плодородные равнины, орошаемые на всем пространстве небольшими ручьями, от берегов Каспийского моря между реками Койсу и Тереком до жилищ качкалыков» и что они «занимаются с успехом земледелием, садоводством, разведением скота и овец, а также и различными рукоделиями»[4]. Н. Дубровин писал, что Засулакская Кумыкия – это «обширная плоскость, ограниченная с севера Тереком и кочующими ногайцами, с юга – Сулаком, с востока – Каспийским мо-

[1] Буцковскций А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 244.
[2] Березин Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 86.
[3] Там же.
[4] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 287.

рем, а с запада – р. Аксаем, Качкалыковским хребтом и последними отрогами Салатавских и Ауховских гор»[1].

Характеризуя эту территорию, Н. Дубровин отмечал далее: «Все пространство, занимаемое этим племенем (кумыками. – Б.А.), имеет вид обширной равнины покатой к морю и орошаемой только четырьмя мелководными речками, вытекающими из ауховских ущелий: Аксаем, Яман-су, Ярык-су и Акташем»[2].

Далее Н. Дубровин писал: «Лучшую часть Кумыкской плоскости составляет западная полоса, около двадцати верст шириною, прилегающая у подошвы Качкалыковского хребта и Ауховских гор. Почва земли здесь черноземна, плодородна и, при хорошей поливке и расчистке полей, поросших держидеревом, удобна для хлебопашества». Вместе с тем он отмечал, что «крайняя восточная часть кумыкских владений составляет сплошное болото, а в промежутке между ними печальная степь, поросшая камышами»[3]. Здесь невозможно было заниматься хлебопашеством. «Один только чалтык, – отмечал Н. Дубровин, – способен расти на болотистых местах этой местности, неспособной для скотоводства»[4]. И ещё, что интересное было отмечено Н. Дубровиным: «Умеренный климат Кумыкской плоскости, казалось бы, благоприятствует не только хлебопашеству в широких размерах, но и развитию южных, почти тропических растений».

В действительности же, – писал он далее, ссылаясь на мнение П. Гаврилова, – это оказывается не совсем так. От действия восточных ветров, земли Кумыкского округа подвержены засухам, и поэтому, несмотря на чрезвычайные удобства проложить, без особого труда, сплошную сеть водопроводных канав, значительные пространства земли, за неимением искусственного орошения, получили степной характер и занимались только под пастьбу скотины или же оставлялись вовсе в запустении[5]. Н. Дубровин отмечал также, что «места, орошаемые канавами, дают обильные урожаи, вполне вознаграждающие труд, позволяют

[1] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 619.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 620.
[4] Там же.
[5] Там же..

разводить виноград»[1]. Вместе с тем он отмечал, что «туземцы мало пользуются плодородием своих земель и сельское хозяйство их находится не в цветущем состоянии». Причину этого Н. Дубровин видел в порядке поземельного владения, который у кумыков имел особый характер[2].

Все это Н. Дубровин взял у М.Б. Лобанова-Ростовского, который в 1843 г. написал статью, посвященную кумыкам Засулакской Кумыкии[3]. Как «наиболее плодоносную полосу земли», пересекаемую речками Аксаем, Ямансу, Ярык-су и Акташем, отмечал и Д.-М. Шихалиев, писавший о кумыках Засулакской Кумыкии в 1848 г.[4] Причем он писал, что эта земля была разделена между князьями в 4-м колене после Султан-Мута, т.е. около XVIII столетия, на участки, по числу княжеских родов, и на каждый из этих участков были проведены из указанных рек канавы для полива посевов. Княжеские земли находились в пользовании «свободных людей» и чагаров, поэтому и канавы были предоставлены в их вечное пользование «за известную, незначительную в пользу князей работу»[5].

Интересно ещё отметить, что, как писал Д.-М. Шихалиев, а до него и М.Б. Лобанов-Ростовский, земли на кумыкской равнине было много и князья раздали земли жителям, «которым единажды навсегда были указаны достаточные участки, удовлетворявшие все жизненные их потребности»[6]. Поэтому, естественно, в Засулакской Кумыкии производили зерно, достаточное не только для удовлетворения своих нужд, но и для продажи жителям горных обществ Дагестана. Причем князья наделяли землей не только крестьян различных категорий, но и живших в Засулакской Кумыкии до переселения сюда Султан-Мута, гуенов и тюменов, которые имели здесь лучшие земли. Так, о сала-узденях М.Б. Лобанов-Ростовский писал, что «земли их не обширны, но в

---

[1] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 620.

[2] Там же.

[3] Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала, 2002. С. 17-18.

[4] Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и кеммент. докт. ист. наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 41.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 40-41.

самых лучших местах, и все поблизости деревни (Эндирея. – Б.А.). Хлебопашеством в настоящее время занимаются они прилежно и сами, вместе с холопами своими, выходят на полевые работы»[1]. Д.-М. Шихалиев о гуенах писал, что им «принадлежат превосходные земли не в дальнем расстоянии от Андреева и по берегу Сулака, выше Темир-аула; тюменам принадлежит урочище Бурунчак за Сулаком»[2].

Как известно, природно-географические и климатические условия мало подвержены изменениям. Поэтому представляется возможным обратиться и к той характеристике Кумыкской равнины, которую дал в конце XIX в. Н. Семенов. Он, в частности, писал: «Кумыкской плоскостью называется равнина, лежащая в северо-восточном углу Кавказского перешейка, у подошвы Ауховского хребта. Границами этой равнины служат: с севера – южной рукав дельты Терека, с востока – западный берег Аграханского залива, с юга – река Сулак и подошва нижних отрогов Андийского хребта, известных под именем Салатавских и Ауховских гор, и с запада – сначала река Аксай, потом черта, отделяющая земли чеченских селений Энгель-юрта и Азамат-юрта от земель кумыкских селений, и далее река Терек. Величина равнины в направлении с севера к югу от 45 до 60 верст и в направлении с востока к западу от 60 до 70 верст. Равнина имеет склон к северо-западу и в этом направлении по ней протекают речки: Аксай, Яман-су, Ярык-су и Акташ. Пограничные реки Терек и Сулак»[3].

Далее Н. Семенов писал о климате, отметив, что он «благоприятный для культурных растений среднего и даже южного пояса, «который из-за постоянных ветров» не отличается ровностью и постоянством».

Н. Семенов по плодородию почвы Кумыкскую равнину делил на три пояса: верхний, средний и нижний. Верхний пояс – это территория, начиная с подошвы Ауховских и Салатавских гор, которая «по плодородию представляет собой одно из прекраснейших мест на Северном Кавказе. Почва здесь черноземная и вода в изобилии, благодаря легкости искусственно разносить её

[1] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. С.39.
[2] Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С.42.
[3] Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 225.

по равнине из такого водного бассейна как Сулак, и из всех других речек плоскости». Кроме узкой полосы на южной границе плоскости, у самых гор, плохо орошаемой «на пространстве этого пояса **отлично возрастают все хлебные растения** (подчеркн. мною. – Б.А.), в том числе кукуруза и чалтык, **дающие обильный урожай**»[1] (подчеркн. мною. – Б.А.).

Характеризуя средний пояс, Н. Семенов писал, что он «теплее верхнего, но вода в нем распределяется весьма неравномерно: местами она захватывает огромные площади, местами – совершенно отсутствует. В этом поясе **хлебные растения, в особенности чалтык, дают роскошный урожай**»[2] (подчеркн. мною. – Б.А.).

Нижний пояс, по Н. Семенову, протянулся по берегу Аграханского залива. Почва в этом поясе состоит из песчаника, перемешанного с морским илом, во время разлива рек воды в этой полосе в изобилии, повсюду образуются громадные стоячие болота. Летом же, когда реки пересыхают, места, не занятые болотами, под палящими лучами солнца превращаются в бесплодную степь; болота покрываются целыми камышевыми лесами[3]. Эта часть, конечно, была непригодна для земледелия и им здесь, естественно, не занимались.

Населенные пункты располагались в двух первых поясах Кумыкской плоскости и жители их активно занимались земледелием. Жители всех трех засулакских княжеств, как показывают источники, являлись земледельцами. В плане сказанного большой интерес представляют сведения Я. Рейнеггса, писавшего о них в 80-е годы XVIII в. Для полноты картины приведем его слова обо всех трех центрах кумыкских княжеств. Так, об Аксае он писал: «Земледелие около Яксая с нарочитым успехом производится и почти одно сие место снабдевает потребным хлебом город Андрие»[4]. А последний, по сведениям того же автора, состоял из 3000 дворов[5]. Обеспечивать свои потребности и потребности самого крупного населенного пункта Кумыкской равнины –

---

[1] Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа… С. 226-227.
[2] Там же. С. 227.
[3] Там же.
[4] Дагестан в известиях… С. 253.
[5] Там же. С. 254.

Эндирея, да ещё продавать излишки горским общества, могли только в условиях сильного развития земледелия, позволяющего собирать высокие урожаи. Таким и предстоит перед нами Аксаевское владение, жители которого занимались земледелием, по словам Я. Рейнеггса, «с нарочитым успехом».

Земледелие Эндиреевского княжества Я. Рейнеггс называл «самым лучшим»[1], не останавливаясь на других подробностях.

Что же касается Костековского княжества, то о нем Я. Рейнеггс писал: «Оное место в разсуждении земледелия и скота весьма изобильно»[2], что также является свидетельством высокого развития здесь земледелия и производства достаточного количества зерна не только для своих потребностей, но и для продажи жителям горных обществ.

Приведенным сведениям Я. Рейнеггса соответствуют и краткие сведения А.И. Ахвердова, писавшего в начале XIX в.: об Эндирее – «Настоящая … прибыль андреевцов состоит в хлебопашестве, скотоводстве и в воске»; об Аксае – «как у и андреевцов, и прибытки их в хлебопашестве и скотоводстве»; о Костеке – «Доходы костековского народа состоят в хлебопашестве, скотоводстве, в овсе и в продаже в Кизляр дров, кольев в сады виноградные и леса строевого, в шелководстве, рыболовстве и сеянии сорочинского пшена»[3].

В целом описание земледелия в Засулакской Кумыкии завершим словами академика И.А. Гильденштедта, писавшего о его жителях: «**Они все занимаются хлебопашеством** (подчеркн. мною. – Б.А.) и имеют небольшое скотоводство. Хлебные растения у них суть пшеница, ячмень, просо, а особливо сарачинское пшено, в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу, шелк же большею частию токмо для собственного употребления»[4].

Таково было земледелие равнинной части Южного Дагестана, куда входила территория Нижнего Кюра, нижнего Табасарана, кубинских лезгин, равнины между Дарбахом и Самуром, Дербентского владения, Нижнего Кайтага, приморской равнины ку-

[1] Дагестан в известиях… С. 254.
[2] Там же. С. 255.
[3] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213-214.
[4] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 105.

мыкских владений – Утамышского султанства, Буйнака, шамхальства Тарковского и в особенности Кумыкской равнины, расположенной между Сулаком и Тереком. Это земли Дагестана, где земледелие в исследуемый период было развито наиболее сильно. Жители владений, занимавшие эти территории, производили основное количество зерна, которым обеспечивали как свои потребности, так и нужды жителей горных обществ, покупавших и обменивавших его за продукты животноводства и изделия своего ремесленного и домашнего производства. Весьма уместно вспомнить слова И.-Г. Гербера, писавшего о жителях обществ Самурской долины и горцах Дагестана вообще. Описывая Ахтыпара, он, в частности, отмечал, что «имеется у них нужда в хлебе, которой оные меняют скотиною в Кубе», где они приобретали пшено и пшеницу[1]. Когда же И.-Г. Гербер писал о Кайтаге, он отмечал: «Пшеницею и ячменем удовольствуют (обеспечивают. – Б.А.) многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают»[2]. Обеспечивали жителей горных обществ зерном также Дербентское ханство, равнинные части Кюринского ханства, нижнего Табасарана и в основном Кумыкская равнина. Как писала С.Ш. Гаджиева: «Кумыкская равнина издавна служила житницей – поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана. Кумыкским хлебом снабжалась значительная часть Дагестана. Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т.д., а также продукты животноводства и обменивали их на хлеб. В результате установившегося разделения труда между кумыками и народами нагорного Дагестана у первых постепенно расширялись посевы зерновых культур, развивалось садоводство и виноградарство»[3].

И далее, отмечая развитость земледелия у кумыков, С.Ш. Гаджиева писала: «Главным предметом торговли был хлеб. Кумыкский хлеб реализовывался не только на внутреннем рынке Дагестана, но и за его пределами, в частности в пограничных русских городах», для подтверждения чего она приводит слова

[1] Гребер И.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.
[2] Там же. 83.
[3] Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 101.

Х.Х. Стевена, писавшего в 1811 г.: «Хлебопашество там (у кумыков. – Б.А.) столь значущее, что до учреждения карантинов Кизляр отсюда запасался большею частью своего хлеба»[1].

Следующей зоной развитого земледелия в Дагестане было предгорье, которое граничило с полосой предгорных хребтов от 20 до 40 км ширины, со средней высотой 500-600 м. Как отмечалось и выше, хребты эти в трех местах (у Махачкалы, у мыса Буйнак и у Дербента) почти вплотную подходят к морю.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Предгорный пояс – это множество отдельных хребтов, идущих рядами, параллельно и друг за другом. Они вытянуты от северо-запада к юго-востоку. Между сводными поднятиями расположены плодородные широкие долины, низины и котловины. С удалением от моря высота хребтов постепенно увеличивается до 1000-1200 м над уровнем моря. «Предгорья, – писал С.М. Броневский, – супротив долин лежащие, круты, пересекаемы узкими удольями и покрыты густым лесом и кустарником»[2].

Предгорье – это территория современных Каякентского Карабудахкентского, Буйнакского, Казбековского, отчасти Сергокалинского, Левашинского, Курахского районов, где находятся прекрасные и весьма большие земельные площади, необходимые для широкого ведения земледелия. Природно-географические условия и почва предгорья также способствовали развитию земледелия. «Полоса предгорья довольно сухая, с жарким летом внизу и более влажным и умеренным климатом выше 500 м (температура в январе –2,5°, в июле – +23°). Годовых осадков здесь более 450 мм. Северные склоны возвышающихся над предгорьями гребней имеют влажный и умеренный климат»[3].

institute of history.ru

Благоприятные природно-географические условия Предгорной зоны были отмечены и рядом авторов XVIII-XIX вв. Участник Каспийского похода Петра I 1722 г. Д. Белл писал: «Страна сия вообще исполнена гор, между коими некоторые чрезвычайно высоки; но впрочем довольно много находится в оной плодонос-

[1] АКАК. Тифлис, 1875. Т. V. С. 37.
[2] Броневский С. Указ. соч. С. 295.
[3] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 9.

ных полей, производящих жито, виноград и свойственные климату плоды»[1].

Думается, речь здесь идет именно о предгорье, возможно, даже и о горном – внутреннем Дагестане, где также в долинах находились «плодоносные поля». К какому бы поясу эти слова не относились, они являются подтверждением занятия их жителей земледелием.

Более интересны и важны для раскрытия изучаемого вопроса (в данном случае речь идет конкретно о земледелии предгорного Дагестана) материалы о разных территориях, разных политических структурах, занимавших предгорье. Но сначала обратим внимание на свидетельство Н. Данилевского, писавшего, что «дагестанские горы, ближе к востоку, своею формою и свойством способствуют к произведению на оных земледелия с великим успехом»[2]. Ещё до Н. Данилевского Я. Зубов об «Области Куринской» писал, что она «к Западу покрыта высочайшими горами, составляющими отроги Салават-дагского кряжа. Горы сии, понижаясь постепенно к Востоку, образуют равнины, усеянные небольшими отдельными возвышенностями. Почва в восточной части весьма плодородна и способствует земледелию и садоводству»[3].

О развитости в предгорных обществах Кюре земледелия, широком ведении здесь землепашества свидетельствуют и данные о податях и повинностях местного населения как самому хану, так и бекам, владевшим отдельными селами. Когда упразднили Кюринское ханство, помимо земель, поступивших в казну, у Юсуф-хана осталось ещё 4000 дес., «выделенных ему по высочайшему повелению»[4]. Согласно архивным данным, размер податей кюринскому хану, переложенных на деньги, во второй половине XIX в. составили более 15000 рублей., из которых подать хлебом – пшеницей, составляла 3315 руб., ячменем – 2477 руб. и чалтыком – 820 руб. Кроме того, взималась ещё пошлина с маре-

---

[1] Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Асиатские земли; а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776, 1776. Ч. 3. С. 179.

[2] Данилевский Н. Указ. соч. С. 68.

[3] Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 211.

[4] Феодальные отношения… С. 250.

ны – с каждого пуда по 25 коп. на сумму 1240 руб.[1] Были большие подати и бекам, заключавшиеся не только в выплате пшеницы, ячменя, но и в выходе на пахоту и сбор урожая.

На территории Утамышского султанства, кроме прекрасных плоскостных земель, имелись земли, не менее пригодные и благоприятные для земледелия, которые тянулись до земель Мюрегинского общества. Причем ряд пахотных земель последнего и Утамыша были общие. Согласно архивным данным, в числе этих земель были 4 участка пахотной земли, которыми пользовались 4 года подряд жители Утамыша, а потом 2 года жители сел. Мюрего[2]. Это были большие участки, дававшие много хлеба.

В источнике отмечается, что жители селений Утамыш, Мюрего и Усемикент Утамышского султанства (или Гамринского магала, как оно ещё дается в источниках) пахали землю плугом, а остальные села – сохой. Отмечается также, что жители султанства сеяли пшеницу и ячмень, немного проса и кукурузу. Большая часть земель неполивные. Средний урожай на поливных полях сам-четверть и сам-пять, на неполивных – сам-третей[3]. Больше всех земель имели сел. Утамыш и Мюрего, затем Усемикент, остальные села султанства имели мало земли[4].

Хорошие пахотные земли имели предгорные села Карабудахкентского бийлика и Губден. Земли Губдена доходили до Дешлагара и на них собирали хорошие урожаи. Карабудахкентские земли – это не только плоскостные пахотные участки, как и у Губдена, но и земли, расположенные к северу в направлении Мехтулинского ханства. Жители этих сел собирали достаточное количество зерна, которое хватало им на свои нужды и на продажу горным обществам.

Большие пахотные поля, позволяющие вести широкое земледелие, находились в Мехтулинском ханстве. Они принадлежали как самому хану, так и другим представителям ханской фамилии. О широком развитии земледелия в этом ханстве говорят различные виды налогов и повинностей, связанных с земледелием.

---

[1] Феодальные отношения… С. 165.
[2] Там же. С. 230.
[3] Там же. С. 231.
[4] Там же.

Сохранились архивные данные второй половины XIX в., которые, без сомнения, можно отнести и к более раннему периоду, так как подати и повинности с крестьян в основном не менялись и они сохранились почти в первоначальном виде и во второй половине XIX в. Для наглядности приведем некоторые примеры. Согласно данным за 1867 г., жители Мехтулинского ханства обязаны были платить хану подать хлебом по одной мерке с дыма: Большой Дженгутай 400 саб, Малый Дженгутай – 50 саб, Дуранги – 40 саб, Апши – 450 саб; всего 940 саб. Кроме того, жители этих селений должны были нести бильха – выходить на распашку земли, выставлять плуги (сабан-бильха): Большой Дженгутай – 80 плугов шестипарных, Малый Дженгутай и Дуранги – по 30 плугов однопарных – всего 80 плугов шестипарных и 60 плугов однопарных. Повинностью, связанной с земледелием, было и участие в кошении зерновых, выставка косцов (бичан-бильха), по одному человеку с дыма на день: из Большого Дженгутая – 400 человек, из Малого Дженгутая – 100 человек, из Дуранги – 40 человек[1].

Приведенные цифры говорят сами за себя – участие в земледельческих работах на хана десятков и сотен людей (на распашке земли, кошении и жатве) говорит о больших земельных площадях, на которых велось земледелие. Подумать только, что на распашке ханской земли принимали участие 80 плугов шестипарных и 60 плугов однопарных, на кошении – 540 человек и на жатве – 540 человек. Сколько же должно было быть пахотной земли, чтобы в указанных работах принимало участие столько людей.

Речь здесь идет только о землях хана. А ведь большие земли имели и другие представители ханского дома, которые владели землями как в указанных селениях ханства, так и в сел. Ахкент и Чоглы. И они привлекали на проведение земледельческих работ десятки плугов и сотни людей[2]. Если же учесть наличие пахотных земель и у крестьян, то можно себе представить, сколько было пахотных земель в Мехтулинском ханстве в целом. Оно также являлось одним из районов широкого развития земледелия, поставлявшего хлеб горным обществам Дагестана. А.П. Щербачев в

[1] Феодальные отношения… С. 50.
[2] Там же. С. 54-56.

1830 г. писал: «Жители сего ханства имеют торг с соседственными горцами хлебом и солью»[1]. Он отмечал также, что «хлеб родится в большом количестве, просо, ячмень и кукуруза; некоторые сеют также сарачинское пшено и пшеницу»[2]. И еще – в одном из списков статьи А.П. Щербачева написано, что хан «получает из каждого двора по 1 сабе, весом 1 п. 20 фунт. пшеницы или по два барана. Кроме того, каждое семейство дает на день одного работника для снятия хлеба»[3].

Если учесть количество жителей, хотя бы в указанных выше селениях ханства, можно себе представить их общее количество, которое участвовало в земледельческих работах ханского хозяйства.

Следующим районом предгорной зоны была Салатавия, которая делилась на нижнее и верхнее предгорье, что было связано с природно-географическими условиями и структурой почвы, пригодной для занятия в широких размерах земледелием. В зависимости от занимаемой территории и естественно-географических условий указанных частей находилось и занятие населения. В первой части превалировало земледелие, а во второй было равномерное развитие земледелия и скотоводства. Поэтому, исследуя Салатавию и останавливаясь на земледелии, Ш.М. Мансуров пишет: «В зависимости от физико-географических условий все общины союза подразделялись на земледельческие и земледельческо-скотоводческие»[4]. Сказанные С.М. Броневским слова о благоприятных условиях для ведения земледельческого хозяйства в «северной стороне Кавказа» имеют отношение и к нижнему предгорью Салатавии, примыкающему к Засулакской Кумыкии. Вот как он об этом писал: «Почва земли причитается к плодороднейшим…, и климат здесь теплее нежели в прочих областях сего же отделения (Северного Кавказа. – Б.А.), чем служат доказательством созревание винограда в садах, множество плодовитых дерев в лесах и с успехом разводимое в полях сарачинское

[1] Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 294.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С. 40.

пшено»[1]. Барон Н.Ф.Розен, бывший начальником 21-й пехотной дивизии у левого фланга Кавказской линии, а затем начальником Джаро-Белоканского округа, в 1830 г. писал (надо полагать обо всей Салатавии), что «овцеводство составляет их все богатство. Хлебопашеством занимаются некоторые деревни, поселенные на пологих берегах реки Койсу, с довольным успехом; грунт земли весьма плодороден, особенно с напоением водою, что весьма производят искусно. Пшеница, ячмень, полба произрастают хорошо, сорочинское пшено родится тоже, но не в большом количестве»[2]. Речь здесь, конечно, идет о нижнем предгорье Салатавии, что видно из дальнейшего описания Чиркея как «главной деревни» Салатавии, которая находилась в верхнем предгорье, и где земледелие, конечно, не могло занимать ведущее место в хозяйственной деятельности его жителей. Об этом верхнем предгорье Салатавии Р.Ф. Розен писал: «Живущие вверх по Койсу, начиная от главной деревни Чиркей, посевы имеют весьма скудные и то в ущельях или пологостях, где потоками воды или ветром нанесена земля; имеют также изрядные фруктовые сады и небольшую часть виноградов. Ежедневную пищу составляет пшеничный хлеб и сушеная баранина (или копченая); при угощениях употребляют сарачинское пшено, домашние птицы»[3].

Ещё до Р.Ф. Розена А.М. Буцковский писал, что у народа «салатау» (имеется в виду горная часть Салатавии. – Б.А.) главное имущество составляет в овечьих стадах… По недостатку способных к тому земель сеют малою частью только ячмень и пшеницы, покупая в случае недостатка хлеб у кумыков»[4].

В статье врача И.С. Костемеровского, побывавшего в середине XIX в. в Салатавии, говорится: «Хлебные растения в Салатавии растут хорошо. На полях видны большие засевы пшеницы, кукурузы, ячменя, проса, овса, бобов, фасоли и др.»[5]. Речь, конечно, здесь идет о всей Салатавии, автор не разделяет её на нижнюю и верхнюю и пишет о той территории, которую он видел сам.

---

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 190.
[2] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 289.
[3] Там же.
[4] Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243.
[5] Костемеровский И.С. Салатавия // Кавказ. 1856. №1.

Хотя разные части Салатавии отличались по развитию земледелия (возможности заниматься им), тем не менее им занимались повсюду и большинство жителей почти всех сел на вопрос, что является основным средством существования, отвечали земледелие. В этом плане интересный материал извлечен из Центрального государственного архива РД М.Ш. Мансуровым, который, проанализировав его, приводит в своей монографии. Хотя этот материал немного позднего времени, но, учитывая, что в хозяйственной деятельности населения Дагестана на протяжении большого времени происходили весьма незначительные изменения, в особенности до присоединения к России, использование этого материала и по исследуемому периоду считаем возможным – конечно, с определенными оговорками.

Остановимся на отдельных примерах. По подворным опросным спискам из 300 хозяйств в Дылыме только пять основным средством существования признали скотоводство, почти все остальные хозяйства – земледелие[1]. Жители Алмака единодушно признали основным видом занятия земледелие[2]. В Инчхе из 98 хозяйств 80 основным средством существования считали земледелие, 9 хозяйств – виноградарство и садоводство[3]. В Зубутли 122 хозяйства из 240 назвали земледелие основным средством существования, садоводство – 66 хозяйств и скотоводства – 8 хозяйств[4]. Как отмечает Ш.М. Мансуров, «даже в тех общинах, где, казалось бы, природные условия благоприятствовали овцеводству, земледелие являлось ведущей отраслью»[5]. Так, из 657 хозяйств Чиркея для 444 основным средством существования служило земледелие, 68 хозяйств заявили основным средством существования животноводство, 44 хозяйства – садоводство, 115 хозяйств признали побочным источником скотоводство, 10 хозяйств – земледелие и 300 – виноградарство[6]. В Буртунае 344 хо-

[1] ЦГА РД. Ф. 40. Оп. 2. Д. 19. Л. 168-631. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 40.
[2] Там же. Д. 26. Л. 1-213. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 40-41.
[3] Там же. Д. 84. Л. 1-286. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 41.
[4] Там же. Л. 371-905. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 41.
[5] Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 41.
[6] ЦГА РД. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13 Л. 1-861. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 41.

зяйства считали основным средством существования земледелие и только 28 хозяйств – скотоводство[1].

Показателем развитости земледелия в том или ином селении являлось и преобладание в общей площади земли пахоты. Так, в сел. Дылым под пахотой находилось 1263 дес. земли, под покосами – 358 дес., 425 дес. считались общественными, являющимися выгонами и пастбищами[2]. В сел. Инчхе было 260 дес. пахоты, 271 дес. покосов, 49 дес. садов и 827 дес. общинных пастбищ и выгонов[3]. В сел. Зубутли, где было сравнительно развито садоводство, имелось в частном владении около 50 десятин пахоты, 1100 дес. покосов и более 50 дес. садов[4]. В сел. Чиркей пастбища и общественные выгоны составляли более 29238 дес., покосы – 1317 дес., под пахотой – всего 856 дес.[5]

Выращивание того или другого вида зерновых также было связано с местными естественно-географическими и климатическими условиями. Как писал И.М. Бахтамов: «В Салатавии сеяли мелкую пшеницу, кукурузу, ячмень, просо и крупную пшеницу («чали будай»), привозимую из Северного Кавказа». В то же время он отмечал, что последняя «родится у них мало»[6].

Исследуя хозяйство Салатавии, Ш.М. Мансуров пишет: «Основной зерновой культурой в Салатавии к началу XIX в. была кукуруза. Причем распространение кукурузы заключалась в том, что урожайность её при равном засеве с другими хлебами превосходила их в несколько раз. Мелкая пшеница при хорошем урожае давала по 15 сам, а кукуруза, ячмень, просо в дождевой год давали до 30 сам». Поэтому, как писал И.М. Бахтамов, пшеницу сеяли мало[7]. Но не на всей территории Салатавии сеяли одни и те же культуры. Так, в верхнем предгорье сеяли исключительно ячмень[8]. В обществах Миатли и Зурамкент земли были не пригодны для возделывания кукурузы, и здесь в основном сеяли

---

[1] Там же. С. 1-755. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 41.
[2] ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 255-256. Мансуров Ш.М, Указ. соч. С. 40.
[3] Там же. Л. 255-256. С. 41.
[4] Там же. Л. 255 С. 41.
[5] Там же. Л. 137. С. 41.
[6] Бахтамов И.М. Чиркей // Кавказ. 1863. № 29, 30.
[7] Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 43.
[8] ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 287. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 43.

пшеницу, хотя она давала незначительный урожай[1]. Пахотные поля не поливались и не было к ним искусственных канав, так как на территории Салатавии выпадали обильные осадки, необходимые для богатых урожаев.

Широкое развитие земледелия предопределило в Салатавии и преобладание в крупном рогатом скоте рабочего скота, который использовался в качестве тягловой силы при проведении сельскохозяйственных работ и как транспорт. В таких обществах, как Алмак, Миатли, Дылым, Гуни и др. быков было больше, чем коров[2], что является свидетельством развитости в этих обществах земледелия и его первенствующей роли в хозяйственной деятельности их жителей.

За предгорной зоной находится горный или внутренний Дагестан, представляющий собой непрерывную цепь горных гребней свыше 2000 м. высоты, наклонно падающих в сторону и круто вглубь гор.

Отдельные хребты горного Дагестана достигают 2000-2500 м высоты и разделяются глубокими и крутыми долинами рек – Андийского Койсу, Аварского Койсу, Кара-Койсу и Казикумухского Койсу, образующих реку Сулак. В Южном Дагестане протекает вторая по величине река Самур.

В юго-западной части горного Дагестана пологие склоны удобны для возделывания полей и садов. Н. Данилевский писал: «Дагестанские горы, ближе к востоку, своею формою и свойством способствуют к произведению на оных земледелия с великим успехом»[3]. И на самом деле в горном Дагестане встречаются и ровные места – Хунзахское плато, Гунибское плато, Арах-меэр, Турчи-даг. О горном Дагестане участник похода Петра I в Прикаспие Д. Белл писал: «Страна сия вообще исполнена гор, между коими некоторые чрезвычайно суть высоки; но впрочем довольно много находится в оной плодоносных полей, производящих жито, виноград и свойственные климату плоды»[4].

---

[1] ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 287. Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 43.

[2] Абельдяев Н.А. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ. 1854. № 50-51.

[3] Данилевский Н. Указ. соч. С. 68.

[4] Белл Д. Указ. соч. Т. III. С. 180.

Удобными и благоприятными для ведения земледельческого хозяйства практически были все горные долины, образуемые большими и малыми реками, а также склоны гор, активно используемые горцами с древнейших времен. Особенно благоприятной частью горного Дагестана была юго-восточная половина, где большая часть местности состоит из темных глинистых сланцев с прослойками песчаника, здесь редко встречаются обрывистые склоны и отвесные стены хребтов и глубокие ущелья. Реки протекают в довольно широких долинах, склоны хребтов, хотя местами круты, но не отвесны. Ландшафт более пригодный для человеческого поселения и обработки земли[1].

Как писал Х.-М.О. Хашаев, весь горный Дагестан имеет умеренный, полусухой климат, сравнительно мягкую зиму и сухое, жаркое лето в долинах. На хребтах климат полувлажный, умеренно холодный (температура в январе –2, 4°, в июле – +17°, выпадают осадки от 340 до 500 мм) [2].

Практически описал горный Дагестан и Н. Данилевский, отмечавший: «Приближаясь более к вершинам высоких гор, находим умеренный воздух, летом дождь и росы, а зимою снеги в великом количестве; напротив того, спускаясь на горы меньшей высоты и на равнины, встречаются в высшей степени как жар, так и засуха. Но зато, чем далее к западу, тем климат суровее, зима продолжительнее, жары менее и степень растительности слабее. Воздух в Восточной стороне Кавказа не совсем благоприятствует здоровью»[3].

Конечно, жители горного Дагестана не могли не воспользоваться теми благоприятными условиями, которые создала здесь для земледелия природа, и они, естественно, занимались им, как было показано в первом параграфе данной главы, с древнейших времен и очень успешно. И в зависимости от естественно-географических и почвенно-климатических условий жители этой зоны вели земледельческо-скотоводческое и скотоводческо-земледельческое хозяйство, что будет показано на конкретном материале ниже.

---

[1] Хашаев Х.-М. Занятия… С. 11.

[2] Там же.

[3] Данилевский Н. Указ. соч. С. 180.

Земледелие для жителей горного Дагестана в исследуемый период являлось «таким видом занятий, с которым было связано большинство населения, хотя в доходности оно и уступало животноводству»[1]. Горцы, «даже став по преимуществу скотоводами, тем не менее стремились иметь клочок собственной пашни, наличие которой символизировало как бы определенное благополучие семьи»[2].

instituteofhistory.ru

В горном Дагестане так же, как и на плоскости и в нижнем предгорье, были сильные земледельческие традиции и техника земледелия здесь бала не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности в отношении эффективности и интенсивности использования земли, даже выше. Разница в развитии земледельческого хозяйства в горной зоне заключалась в том, на что было обращено внимание и выше, что оно, как писал М.О. Османов, «не имело возможностей бесконечного расширения и развития, и безземелье являлось серьезным тормозом, ставящим в жесткие рамки возможности развития как вширь, так и вглубь. Ещё в большей степени все сказанное можно отнести к высокогорной зоне»[3], что будет также показано ниже. Как отмечал В.Г. Гаджиев, «малоземелье и примитивные орудия труда сковывали развитие полеводства в нагорном Дагестане»[4].

Несмотря на все это, как отмечал Н. Абельдяев, в Дагестане «хлебопашеством занимались все без исключения»[5]. Земледелие было «не только необходимым занятием, но даже в какой-то степени – внутренней потребностью горцев. Поэтому горец прилагал все усилия, чтобы создать или приобрести участок пашни»[6]. В плане сказанного интерес представляет наблюдение А. Берже, писавшего в 50-х годах XIX в., что «нередко случается видеть,

instituteofhistory.ru

[1] Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 20.

[2] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 234; Османов М. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX. С. 296.

[3] Османов М. Указ. соч. С. 296.

[4] Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 14.

[5] Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч.64. № 8. С. 25.

[6] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 25.

что горец при помощи крючков и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу, имея длинное ружье на привязи и кинжал, поднимался на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотой земли»[1]. Ещё более красочно описал поиск пахотной земли в горах Н. Дубровин. «Очень любопытно было видеть, – писал он, – ссылаясь на слова очевидца, как с торбою, привязанною на поясе и с крючком двулапым, насаженным на палку, искал иной из них (аварцев) трещины, чтобы вонзить туда железные когты; как, поднявшись на полшеста, вонзал он гвоздь между камнями, становится на него, забрасывает далее когты, вынимал и выше вонзал гвоздь снова, для того, чтобы найти несколько шагов земли для посева горстки пшеницы»[2].

Возможно, описанное выше и преувеличено, но жители горного Дагестана действительно нехватку пахотных земель восполняли строительством террасных полей, используя для этого не только горные склоны, наиболее удобные для этого, но и сами горы, по возможности выравнивая их для пахоты. Причем строительство террасных полей, что отмечалось и в первом параграфе, приведя мнение ряда дагестанских ученых, происходило и в исследуемый период. В этом плане интересны наблюдения Н. Дубровина. «Скалистая природа, – писал он, – причиною того, что во многих местах горцам приходится присыпать земляные площадки и обрабатывать их, но в некоторых местах земли не достать даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпают землю, смешанную камнем. Присыпка эта производится так: параллельно к отлогой горе встраивается по возможности длинная, каменная стена на глине, вышиною от 1 до 2 саж., а шириною в пол-сажени. Пространство между стеною и отлогистию горы засыпается землею, взятою с той же горы и утрамбованною; они-то и составляет площадь как пахотное поле горца. Несколько таких площадок, устроенных на одной и той же горе, уступали в виде лестницы, орошаются весьма искусно водою,

[1] Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 251.

[2] Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. Кн. 1. С. 501. Ссылается: Койсубулинцы // Тифлисские ведомости. 1831. № 12-14.

проводимою вверх из рек и родников, и дают довольно сносный урожай»[1].

Все дагестанские ученые, которые в той или иной мере останавливаются на занятиях населения Дагестана, отмечают развитие земледелия не только в равнинной его части, но и в горной. Это можно наблюдать в работах Р.М. Магомедова, Х.-М.О. Хашаева, М.О. Османова, А.Р. Шихсаидова, Х.Х. Рамазанова, С.С. Агаширинoвой, М.А. Агларова, Б.Г. Алиева, С.Х. Асиятилова, М.М. Ихилова, Д.М. Магомедова, М.Р. Гасанова и др.

Жители горной зоны, как отмечалось и выше, полеводством занимались так же искусно, как и жители равнины. Каждую пядь земли горец обрабатывал с большой тщательностью. Об Акушинском союзе ген. А.П. Ермолов писал, что земля его «весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного»[2].

Конечно, земледелие в горном Дагестане было ограничено по сравнению с плоскостным и предгорным. Нехватка земли, как источника материального производства, и необходимость затрачивать огромный труд для приспособления горных склонов под пахотные участки (террасные поля) было серьезным препятствием в развитии полеводства. И тем не менее, как отмечал Х.-М.О. Хашаев, «полеводство, а в отдельных районах и садоводство, занимали первое место в хозяйственной деятельности большинства горцев и в XIX в.»[3].

И далее, останавливаясь на соотношении земледелия и скотоводства в горах, Х.-М.О. Хашаев (правда, речь идет о XIX в. в целом, который он исследовал) писал: «За исключением небольшого процента хозяйств, не имевших земли, все остальные, т.е. 80-90% хозяйств горцев занимались полеводством и садоводством и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования»[4]. В то же время он отмечал, что «земледелие не обеспечивало горца хлебом на весь год. Недостающее количество хлеба он приоб-

[1] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 511.
[2] Ермолов А.П. Записки (1816-1827). М., 1868. Ч. 2 С. 101.
[3] Хашаев Х.-М. Занятия… С. 37.
[4] Там же.

ретал в плоскостных районах Дагестана и за его пределами (об этом уже было сказано выше при характеристике земледелия жителей плоскостного Дагестана. – Б.А.) и за счет реализации скромных продуктов своего животноводства и изделий ремесла, а также личного заработка на отхожих промыслах»[1].

Развитость земледелия в горном Дагестане отмечали многие путешественники, военные и гражданские деятели, ученые, бывшие в Дагестане в XVIII-XIX вв. Причем, как было сказано выше, они отмечали, что горцы Дагестана занимались земледелием так же искусно, прилежно и рационально, как жители плоскостного Дагестана.

Широко было развито земледелие в Каба-Дарго, Акуша-Дарго, Верхнем Кайтаге, в кюринских обществах, Агуле, Батлухе, Гидатле, во многих обществах Казикумухского и Аварского ханств и т.д. Так, ещё в 1728 г. И.-Г.Гербер писал о Казикумухском ханстве: «Имеет в своем уезде хорошие пашни, также скотину и баранов»[2]. О жителях аварских союзов сельских общин этот же автор писал: «Некоторые имеют пашен, а другие скотоводством питаются, а иные многих баранов содержут, каждые по ситуации своих уездов»[3], т.е. от расположения и, конечно, естественно-географических и почвенно-климатических условий. Практически аналогично писал И.-Г. Гербер и об Аварском ханстве. «Имеют пашни и скотоплодие, – отмечал он, – однакож иные деревни больше и лутче, нежели другие»[4], и это естественно, так как они занимали разное географическое положение, в одних из них было больше пахотоудобных земель, в других, расположенных в более высоких горах, меньше.

Наиболее широко земледелие в горном Дагестане, как отмечалось и выше, было развито в Гидатле, Ратлу, Ботлихе, Койсубулу, Андалале, Агуле, Акуша-Дарго, Урахинском союзе, в селах Верхнего Кайтага (Гапше, Ганке, Муйра), Салатавии, Хунзахском плато и т.д. Так, о Чиркее Хрисанф писал, что здесь «изобильное хлебопашество» и «имеются фруктовые сады[5]».

---

[1] Хашаев Х.-М. Занятия… С. 37.
[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 102.
[3] Там же. С. 112.
[4] Там же. С. 113.
[5] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265.

Весьма интересны сведения Хрисанфа, собранные им по пути в Аварское ханство. Он писал, что из Чирката они прибыли в деревню «Бетлитль, верст около 30, изобилующую хлебом»[1]. Более интересны его сведения о земледелии на Хунзахском плато. «Окрестности сего города, – писал он о Хунзахе, – в сравнении с прочими местоположениями весьма ровны и заняты для одного только хлебопашества; нивы, будучи засеваемы, ежегодно вспахиваются до посева три раза и взнаживаются. Если кто продает землю, то ему охотно платят за десятину от 100 до 150 руб. сер.»[2].

Писал Хрисанф и о зерновых, отмечая при этом, что здесь «родится пшеница магар, особый род пшеницы, похожа на озимую, только гораздо крупнее и чище… Просо особого рода, называемое по-аварски карсак, растущее не кистью, но колосом, длиной от 3-х до 5-ти верш., а в диаметре толщиной около полувершка; один из больших колосьев был мною стерт и оказалось в нем 700 зерен… Ячмень также в изобилии сеют лен и коноплю, но не для тканей, а для зерна, каковое высушивая, размалывают в мельницах, пережарив, мешают вроде сухарей, сберегая оные для походов как питательную и легкую пищу. Сеют также в большом количестве бобы и сочевицу»[3].

Но не на всей территории Аварского ханства были также благоприятные условия для земледелия, как на Хунзахском плато. И не без основания на то указывали авторы XIX в. Так, А.В. Щербачев писал: «В сем ханстве родится хлеб: просо, овес и лен, все это в весьма небольшом количестве, так что бедные жители едва имеют дневное себе пропитание»[4]. По сведениям цитируемого автора, жители Аварского ханства хлеб и соль доставали через койсубулинцев в Мехтулинском ханстве[5].

Хорошо было развито земледелие у койсубулинцев. «… хлебопашество весьма достаточное», – писал о Койсубуле Р.Ф. Розен[6]. Но при этом необходим был надлежащий уход за полями, иначе урожайность была мала. «Хлеб родится не в большом ко-

[1] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве… С. 267.
[2] Там же. С. 268.
[3] Там же С. 268.
[4] Щербачев А.В. Указ. соч. // ИГЭД. С. 298.
[5] Там же.
[6] Розен П.Ф. Указ. соч. С. 291.

личестве: ячмень, овес, пшеница и кукуруза, – писал о Койсубуле А.П. Щербачев. При посеве необходимо должно все поля хорошо удабривать, дабы иметь какой-либо урожай»[1].

Ф.И. Гене о горном Дагестане, в том числе об Акуша-Дарго, писал, что «урожаи большею частию бывают хороши…, почва земли, исключая в самых высоких горах, вообще плодородна и малейшее старание дало бы им возможность не нуждаться в хлебе и в других потребностях жизни»[2].

Прекрасные поля были по долинам рек в рутульских, ахтынских, агульских и кюринских селах. «… в землях Рутульских и Ахтынских, – писал Ф.И. Гене, – он (Самур. – Б.А.) орошает прекрасную плодородную и богато населенную долину»[3]. Поэтому, как писал К.К. Крабе, «Общество Рутульское» имело «достаточно своего хлеба»[4]. Исследуя хозяйство агулов, авторы работы «Агулы» отмечают широкое ведение здесь земледелия, чему «способствовали и природные условия. Населенные пункты агулов, – констатируют они, – расположены в широкой долине Чираг-Чая, по обеим берегам которой раскинулись очень удобные обширные и относительно ровные пахотные и сенокосные участки. Такой рельеф местности в сочетании с сухим континентальным климатом и значительным количеством осадков, выпадающих в вегетационный период, благоприятствовали развитию земледелия. Правда, кошандеринцы занимали менее удобную для земледелия территорию. Но тем не менее, благодаря огромным усилиям и глубоким земледельческим традициям, все более или менее удобные горные склоны и речные долины были использованы ими под пахотные участки»[5].

О развитости земледелия в Гидатле мы можем судить из сведений Н.И. Воронова, собранных им в 60-е годы XIX в. О самом богатом селении Гидатля – Урада – он писал: «Орода состоит из 272 дворов, с населением слишком в тысячу душ. На это тысячное населения приходится пахаты всего такое простран-

---

[1] Щербачев А.В. Указ. соч. // ИГЭД. С. 296.
[2] Гене Ф.И. Указ. соч. С. 344.
[3] Там же. С. 342.
[4] Краббе К.К. Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. С. 335.
[5] Агулы. (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре / Ответ. ред. А. Исламмагомедов. Махачкала, 1975. С. 45.

ство, на котором можно засеять 2600 саб или же 285 четвертей зерна. При среднем здешнем урожае (сам 5) с полей собирается до 12-ти тыс. саб, т.е. более чем по 40 саб на двор или семейство, или же по 12 саб на душу. Вот годовая пропорция продовольствия собственно хлебом. Так как средне-дагестанская саба заключает в себе около 5 гарнцев, а весом около 30 фунтов, то, следовательно, на каждого жителя приходится средним числом в год 350 фунтов зерна, или же около 1 ф. в день». Далее, рассуждая о распределении собираемого в Урада зерна, Н.И. Воронов отмечал: «Такая дневная пропорция может показаться весьма недостаточною – но не для горца, постоянного и притом добровольного постника, довольствующего в день несколькими комками толокна. По официальным же сведениям, эта пропорция оказывается ещё скуднее, а именно: во всем Гидатлинском наибстве считается годового урожая около 40 тыс. саб зерна, что на каждую душу дает несколько менее, чем по ½ фунта в день»[1].

Что интересно – и во время опроса гидатлинцы, вопреки традиции горцев выставлять положение общества в самом неприглядном виде – «бедствуем - мол», они показали: «Земля у нас хорошая и урожаи – слава Богу: своего хлеба стает на год. И хоть хлеба на сторону, в чужие аулы, не продаем, зато продаем масло, сыр, шерсть»[2].

В свете сказанного уместно здесь привести слова Х.-М.О. Хашаева, который писал: «Гидатль издавна славился в Аварии изобилием хлеба и мяса, поэтому его называли благодатным краем».

Далее Х.-М.О. Хашаев отмечал: «Существует следующее предание. Один из жителей сел. Телетль пошел в Гидатль. День был дождливый и пока он дошел до Гидатля, его овчинная шуба так намокла, что удлинилась на пол-локтя. Телетлинец решил, что Гидатль благоприятный край, содействует удлинению шубы, и укоротил её на пол-локтя! Вскоре, в жаркий солнечный день он отправился обратно, и шуба его оказалась на пол-локтя короче,

[1] Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 28.
[2] Там же. С. 29-30.

чем в Гидатле. Раздосадованный телетлинец сказал: «Насколько Гидатль благодатный, настолько наш Телетль неблагодатный»[1].

Но земледелием занимались во всех горных обществах несмотря на недостаток земли, способной или пригодной для пахоты. Повсюду, где только было возможно, горцы использовали каждый клочок земли для посева зерновых. Об этом хорошо сказано в историко-этнографических работах дагестанских ученых, изданных за последние несколько десятков лет. Исследуя ботлихцев, Б.М. Алимова и Д.М. Магомедов отмечают: «Ботлих и Миарсо относятся к тем районам, где наиболее интенсивно обрабатывали каждый клочок земли путем террасирования, и на протяжении многих веков здесь выработались агротехнические приемы в зернопроизводстве и выращивании садоводческих культур»[2]. При этом они опираются на акад. Н.И. Вавилова, который, подчеркивая древность земледелия в этом регионе, писал: «В Дагестане около Ботлиха можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно использовать землю лучше, чем это делают в Дагестане»[3]. Далее указанные авторы продолжают: «Действительно, сохранившиеся до наших дней террасы, уходящие своими корнями в глубь веков, позволяют судить об интенсивности и культуре земледелия»[4]. Причем ими отмечена интересная особенность пахотных участков ботлихцев. «Сад, огород и пашня, – пишут они, – составляли в этом районе единое целое. Если, например, у отдельных народов, в частности их соседей, земли с искусственными террасами были разбросаны на отдельных от населенных пунктов местах, то у ботлихцев пашни находились непосредственно в садах»[5]. Они приводят интересное в этом плане наблюдение А.К. Сержпутовского, который писал: «Ниже аула в ущелье по террасам много садов и огородов, которые орошаются искусственно посредством сети канав, проводящих воду из реки и из горных потоков и клю-

---

[1] Хашаев Х.-М. Занятия… С. 40.

[2] Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографические исследование. Махачкала, 1993. С. 26.

[3] Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80..

[4] Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 26.

[5] Там же. С. 26-27.

чей. Даже самые поля, засеянные пшеницей, за исключением иных удобных для земледелия мест, расположены только в садах и в огородах»[1].

Этнографические исследования показали, что «основной системой земледелия ботлихцев было чередование культур, производимое ежегодно. Первый год сеяли озимую пшеницу, второй – кукурузу. Основными возделываемыми зерновыми культурами являлись пшеница (къеру), озимая пшеница (циброкъеру), кукуруза (цIебекъеру), овес (ниха), а из технических культур сеяли коноплю (къишикъваши) и лен (турты). Из последних изготовляли урбеч (урба)»[2].

Изучая ахвахцев, С.А. Лугуев писал: «Пригодных для земледелия участков у ахвахцев было мало. Земледелие могло развиваться только на основе использования террасных полей. Подавляющее большинство их, как у северных ахвахцев, так и у южных представлено искусственными сооружениями с межевыми откосами»[3]. Писал он и о других видах террас – с подпорными стенами у северных ахвахцев, где изобилуют крутые склоны; естественных – древние речные террасы у южных ахвахцев, у которых менее пересеченный рельеф и, наконец, поймовые террасы[4].

Этнографические исследования показывают, что северным ахвахцам было знакомо подсечное земледелие («букьорулъа руша» – «высушить лес»). Им «известна была целая система агротехнических приемов, призванных не только поддерживать, но и повышать плодородие почв… Под паром пахотные участки северные ахвахцы никогда не оставляли, в Ратлуб-Ахвахе к этому приему изредка прибегали. Чаще применялся такой прием: участок, засеваемый 4-5 лет подряд яровыми, отводился на год под озимые… При этом участки зерновых на 1-2 года отводились под бобовые»[5].

Нередко участок пашни, подготовленный под озимые ранней весной, засевали другими культурами – овсом, горохом, ко-

---

[1] Сержпутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестана в 1916 г. // Живая старина. 1917. Т. 2. С. 275.

[2] Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы… С. 26-27.

[3] Лугуев С.А. Ахвахцы. Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX в. Махачкала, 2008. С. 32.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 32-33.

ноплей, картофелем (со второй половины XIX в.). Применяли ахвахцы и зяблевую вспашку[1].

Ахвахцы сеяли пшеницу, рожь, ячмень пленчатый, ячмень голозерный, овес, белый горох, конские бобы, просо, лен. В Ратлу-Ахвахе климат был мягче и здесь основной культурой была озимая пшеница («цоролъи къиру»), урожайность которой намного выше урожайности других культур[2].

На основе детального изучения земледелия ахвахцев С.А. Лугуев пришел к выводу: «По значению в экономике народа, по затратам времени и приложенного труда, по числу занятых людей земледелие было главной формой хозяйства»[3].

В интересной, весьма многосложной монографии М.А. Агларова, посвященной андийцам территория, занимаемая последними, разделена на три характерные для Нагорного Дагестана зоны: 1) горно-долинную, которую занимали садоводческие селения Кванхидатль и Муни, 2) горную, где находятся все остальные села андийцев и 3) альпийскую с отселком ЦIибила[4].

Нас, конечно, здесь интересует вторая – горная зона. Как пишет М.А. Агларов, земледелие в целом «как отрасль хозяйства уступает у андийцев скотоводству. Продуктов земледелия не всегда было в достаточном количестве, и андийцам приходилось восполнять запасы хлеба из Чечни, куда сбывали продукты скотоводства и изделия промысла». В то же время, что важно, он отмечает: «… по занятости и степени трудоемкости земледелие называют первой отраслью»[5].

«Земледелие андийцев (за исключением сел Кванхидатль, Муни, Ашали и Зило) богарно-однопольно террасное»[6]. Им отмечено также, что Андийская котловина, наряду с каратинским северным склоном, Хунзахским плато, Акушинским нагорьем и Левашинским плато, является одним из самых ярких районов

---

[1] Лугуев С.А. Ахвахцы… С. 32-33.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 43.
[4] Агларов М. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. С. 86.
[5] Там же. С. 87.
[6] Там же. С. 88.

террасного земледелия Дагестана. Здесь террасирование встречается на высотах более чем 2000 метров над уровнем моря»[1].

Интересное наблюдение у М.А. Агларова. Он пишет, что «Андийский котлован к началу XIX века был обезлесен (впрочем, как и многие другие места Дагестана. – Б.А.), что резко ухудшило состояние почв. Катастрофически интенсивной стала глубинная эрозия. Осыпи, которые ранее надежно сдерживались лесными массивами, прорезываются глубокими ущельями на глазах одного-двух поколений. Ещё в 1842 году Иван Загурский, находившийся в Анди несколько дней, писал: «Жители аула имеют много хлеба, но мало леса». И здесь же приводит слова С. Пиотровского, побывавшего в Анди по пути в Карата для лечения сына Шамиля Джамалудина, которые показывают другое положение Анди. «Анди есть страна нагорная, – писал он, – бесплодная, почвы её сложились из каменистых пород и не вознаграждают труд земледельца; здесь из самого маленького клочка земли в несколько квадратных футов извлекают пользу, возделывая его чрезвычайно тщательно и жатва получится от яровых посевов самая ничтожная и далеко не достаточная для прокормления туземцев»[2].

Аналогично высказывание об Анди и Абдурахмана, сына шейха Сейида Джамалутдина Казикумухского, писавшего «Общество Анди простирается среди холодных гор, где зимой отсутствует топливо, за исключением того, что доставляется из чеченских лесов, применяя при этом огромные усилия». И ещё, что важно для нас: «Количество пахотных земель у них среднее. Урожаем собственных посевов и хлебом себя не обеспечивают и привозят его из Чечни»[3].

Из всего сказанного можно полагать, что ранее XIX в. в Анди были более благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства, земли пахотноспособной было больше, почвы были более богаче и урожаи от этого были более хорошие. Ухудшение условий для земледелия было следствием человеческой деятельности. Аналогично происходило ухудшение условий для земледелия и в других районах, где вырубались лесные мас-

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
instituteofhistory.ru

[1] Агларов М. Андийцы… С. 88.
[2] Пиотровский. Поездка в горы // Кавказ 1833. № 71.
[3] Абдурахман б. Сейид Джамал Казикумухский. Воспоминания 1865 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533 (4923).

сивы не только местными жителями, нуждающимися в отоплении своих жилищ в зимние месяцы, а также для строительства, изготовления различных деревянных орудий сельского хозяйства и т.д., но и российскими войсками, начавшимся строительством опорных крепостей и пунктов в горах, шоссейных дорог, что требовало, конечно, вырубки леса, занятие участков земли, пригодной для земледелия и других сельскохозяйственных занятий.

Практически земледелие было ведущей отраслью хозяйства вместе со скотоводством в нагорных частях и других обществ и народов, проживающих на этих землях, хотя оно и не обеспечивало все потребности их, как это было во многих горных обществах, о которых говорилось выше, имеющих даже избытки хлеба, продаваемые жителям других обществ. Так, как писал Х.-М.О. Хашаев, «аул Голотль всегда продавал кукурузу и приобретал на него скот. Жители селений Харахи, Гергебиль, Урада и многих других селений горного Дагестана выносили зерно на рынок».[1]

Продавали зерно также даргинские общества Урахи и Киша[2]. Значит, в указанных обществах получали хорошие урожаи, позволявшие их жителям продавать излишки жителям других обществ. И в Южном Дагестане общества, расположенные не только в плоскостной части, но и в предгорье и отчасти в горах получали хорошие урожаи, и их жители продавали зерно горным обществам. Приведем ещё раз слова Ф.И. Гене, сказанные им о горном Дагестане, что здесь «урожаи большею частию бывают хорошие», так как «почва земли, исключая в самых высоких горах, вообще плодородна»[3]. Но все это было и результатом прилежного, серьезного отношения горцев к земле, тщательной обработки её, очищения от камней, полива там, где это было возможно. Неспроста В. Потто писал: «Обработка земли у дагестанцев могла бы сделать честь самому просвещенному культурного народу»[4]. Нельзя не привести здесь ещё раз слова акад. Н.И. Вавилова, писавшего о земледелии Ботлиха: «Здесь можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное пользование каж-

[1] Хашаев Х.-М. Занятия… С. 37.
[2] Алиев Б.Г. Каба-Дарго… С. 78.
[3] Гене Ф.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 341.
[4] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. 2.

дой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально пользоваться каждым клочком ценной земли**… Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане**» (подчеркн. мною. – Б.А.)[1]. По интенсивности культур, использованию земли Н.И. Вавилов Дагестан сравнивал с самыми интенсивными районами Италии, Перу, Боливии и др. стран с развитым террасным земледелием. И, естественно, добытая в результате большого труда террасная земля в горах стоила очень дорого. Она здесь стоила в 10-15 раз дороже, чем на плоскости[2]. Как писал А.А. Неверовский, участок, равнявшийся русской десятине, в горах стоил «от 40 до 70 рублей серебром»[3]. Мочульский писал, что в Аварии десятина стоит до 100 рублей[4].

Согласно имеющимся сведениям, жители горного Дагестана сеяли: пшеницу, ячмень, голозерный ячмень, рожь, просо, полбу, кукурузу; из бобовых культур – конские бобы, фасоль, чечевицу; из технических культур – коноплю и лен[5]. Н.И. Вавилов на основе глубокого изучения земледелия горцев писал, что «исследования земледельческих поселков Дагестана и состав культур показывают несомненную древность земледелия и в этой стране, во всяком случае существующего здесь много столетий и характеризующего особыми эндемическими сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов»[6].

В зависимости от природно-географических условий, высоты местности, климата и структуры почвы в разных местах горного Дагестана сеяли разные сорта злаковых, наиболее приемлемых и приспособленных к местным условиям. Так, по сведениям Мочульского, в Аварии сеяли голый ячмень, просо, овес, лен,

---

[1] Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. №2. С. 80.

[2] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 39.

[3] Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан… С. 36.

[4] Мочульский. Война на Кавказе и в Дагестане // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. II. Л. 103.

[5] Гене Ф.И. Указ. соч. // ИГЭД С. 344; Материальная культура аварцев. С. 45-60; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 109; Алиев Б.Г. Каба-Дарго… С. 49; Агулы. С. 49.

[6] Вавилов Н.И. Указ. соч. С. 73.

коноплю, бобы и чечевицу[1]. Койсубулинцы сеяли ячмень, бобы, овес; салатавцы – пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, бобы, фасоль[2] и в небольшом количестве «сорочинское пшено»[3]. В Верхнем Табасаране в основном сеяли пшеницу, ячмень и в небольшом количестве просо, коноплю и кукурузу[4]. Гидатлинцы, «где потеплее» сеяли пшеницу, «а повыше – рожь и ячмень». Сеяли они также коноплю для мешков[5].

Система земледелия в горах была паровая. Горцы применяли зябь – ранний пар и занятой пар. Севообороты были двухпольными, редко трехпольными (в основном в предгорье). В горных обществах (например, Кайтаг, Табасаран, Анди и др.) практиковалось подсечное земледелие, что было характерно для ряда обществ только до начала XIX в. (например, для Анди, о чем пишет М.А. Агларов[6] и о чем было сказано выше), т.е. до тех пор пока не были вырублены леса.

Горцы оберегали землю от истощения, для чего после снятия урожая поднимали зябь и, начиная с зимы вплоть до ярового сева, в пахотные поля вносили удобрения (навоз, золу и пр.).

Земледелие во многих местах не обходилось без искусственного орошения, для чего горцы строили канавы, водопроводы, жёлоба, насколько позволяли «их технические средства»[7]. «Лезгины (дагестанцы. – Б.А.), – писал Б.Ф. Добрынин, – имеют старинные навыки по поливному земледелию»[8].

Если на плоскости канавы строились путем отвода воды из рек, в горах для проведения воды из горных речек создавались искусственные сооружения; по крутым скалам перекидывались деревянные жёлоба, по которым текла отведенная в верховьях рек вода. Она орошала пашни и сады, расположенные по бокам глубоких речных каньонов. Горец умудрялся вести «воду с одной стороны на другую, даже через целое ущелье, в деревянных же-

---

[1] Мочульский. Указ. соч. Л. 103.
[2] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 490, 501.
[3] Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 289.
[4] Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.
[5] Воронов Н. Указ. соч. // ССКГ. Вып. 1. С. 30.
[6] Агларов М. Указ. соч. С. 89.
[7] Добрынин Б.Ф. Указ. соч. С. 88.
[8] Там же. См. также: Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 63.

лобах, почти висящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землю в трубах»[1]. В таких аварских обществах, как Ботлих, Н.Гаквари, Зубутли, Тидиб и др., воду из рек для орошения поднимали на поля и специальными колесами – самокачками[2].

В целом урожайность горной зоны отвечала тем природно-географическим условиям гор, которые были в разных обществах. Говоря о дагестанцах вообще, С.М. Броневский отмечал, что их «поля доставляют богатые урожаи»[3]. Сохранились сведения по различным обществам по урожайности их полей. Так, по данным сословно-поземельной комиссии, средняя урожайность в обществах Акуша-Дарго составляла сам 3-6[4]. Средняя урожайность в обществах союза Каба-Дарго превышала сам 5[5]. В целом же урожайность в горных обществах даргинцев колебалась от сам 5 до сам 10-15, а с удобряемых участков – была сам 15-20 и даже больше[6].

О развитости в горной зоне земледелия говорит не только урожайность, но и наличие в горных обществах большого количества мельниц. К сожалению, по исследуемому периоду о мельницах нет конкретных сведений. Только И.-Г. Гербер писал о Нижнем Кайтаге, что здесь «много мельниц построено»[7] и в конце XVIII в. Д.И. Тихонов обо всем Кайтаге, что «мельниц лучших тамошними жителями построено в довольном количестве»[8]. Вместе с тем имеющийся материал по количеству мельниц в разных обществах во второй половине XIX в., если даже не в точности, то в какой-то мере свидетельствует об их наличии и в предыдущие периоды. Согласно этим данным, в Урахи было 25 мельниц, в Н.Мулебки – 27, Меусиши – 21, Кана-Сираги – 10, Герга – 7,

---

[1] Там же. См. также: Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 63.
[2] Материальная культура аварцев. С. 49-50.
[3] Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 278.
[4] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр.7. Л. 9, 10, 15.
[5] Там же. Л. 7.
[6] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 27.
[7] Гербер И.-Г.Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.
[8] Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

Дейбуке – 13[1]. По 10 мельниц было в Дибгаши, Калкни, Джинаби; по 12 – в Харбуке, Карацане, Чирахе, Рича, Ругуджа: в Аштыи Ассабе их было по 7; в Худуце, Ханаге – по 5[2] и т.д.

Таково было состояние земледелия в горном или внутреннем Дагестане.

Теперь обратимся к характеристике земледелия в высокогорном Дагестане. Но прежде кратко остановимся на вопросе – что представляет собой высокогорный Дагестан. Высокогорный Дагестан – это продолжение горного Дагестана, который переходит на западе в пояс более высоких гор, достигающих 3500-4000 м высоты, на вершинах которых лежат вечные снега и ледники. В состав этого пояса входят две главные цепи гор: Водораздельный гребень Большого Кавказа (3000-3500 м) и Боковой. Дагестану принадлежит северный склон и Большой хребет, распадающийся на отдельные массивы, разделенные долинами рек. Одним из труднодоступных и наименее изученных районов Дагестана является мощный **Богосский** горный **массив,** высотой более 4000 м.

На юго-западе и юге Дагестана находятся Дюльти-Дагский и Такликские хребты, высотой в 4131 и 4042 м, питающие источники рек Самура, Казикумухского Койсу и Кара-Койсу. Мощные горные хребты расположены и на юго-востоке Дагестана, в пределах Рутульского и Ахтынского районов, высотой 4010 м. Они отделяют р. Самур от её правого притока Ахтычая. Другая цепь, Базар-Дюзи, – самая высокая точка Дагестана, высотой 4480 м, покрытая вечными ледниками. Между массивом Базар-Дюзи и Самуром находится Шалбуз-даг, высотой 4250 м.

Высокогорный Дагестан имеет холодный и влажный климат, земля за редким исключением не пригодна для полеводства. Здесь выпадает до 800 мм осадков[3].

---

[1] Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статического комитета. Тифлис, 1887. С. 56, 60, 64, 68.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Сергокалинском, Дахадаевском, Кайтагском, Агульском, Табасаранском, Гунибском и Советском (Шамильском) р-нах в 1975, 1988. гг.

[3] Добрынин Б.Ф. Указ. соч. С. 28. Описание высокогорного Дагестана, как впрочем и других зон, взято из работы Х.-М.О. Хашаева «Занятия населения Дагестана в XIX веке». С. 11-12.

Отсутствие пахотоудобных земель в высокогорном Дагестане компенсировалось наличием прекрасных альпийских пастбищ, необходимых для пастьбы овец.

Именно высокогорную зону Дагестана описали ряд авторов XVIII-XIX вв., отмечая трудности ведения здесь полеводства из-за непригодности и неудобности для хлебопашества поверхности земли. Отсутствие пахотных земель даже при больших усилиях горцев во многих горных и в особенности высокогорных обществах не позволяли в должной мере заниматься земледелием, которое могло бы обеспечить их нужды в хлебе даже на несколько месяцев, на что именно обратили внимание авторы исследуемого периода.

Как отмечал И.-Г. Гербер в 1728 г., некоторые горцы «мало хлеба имеют», хотя нельзя согласиться с его утверждением, что «иные не ведают, что хлеб есть»[1]. Он же о жителях высокогорных обществ писал: «Оные не имеют ни пашен, ни сох»[2], а об обществах Самурской долины, где находится высочайшее сел. в Европе (Куруш), что жители имеют только в «долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе, которой оные меняют скотиною в Кубе» или, что «хлеба у них мало родится»[3]. То же самое он говорил о Горном (Верхнем) Табасаране[4]. П.Ф. Колоколов также о Верхнем Табасаране писал, что здесь «почва земли не весьма плодородна… и хлебопашество не весьма удобно»[5]. О каменистости и бесплодности «полуденного Табасарана»[6], недостаточности земледелия из-за суровости климата и каменистости местоположения Алтыпара, Докузпара и Казикумухского ханства сообщал в 1796 г. Ф.Ф. Симонович[7]. О недостаточности к «земледелию земель» в горной Салатавии писал в 1812 г. А.М. Буцковский[8]. М.А. Коцебу отмечал, что у жителей обществ Тлебель, Таш, Джурмут, Тлейсерух, Калалал, Мишлеш,

---

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 112.
[2] Там же. С. 105.
[3] Там же. С. 77-80.
[4] Там же.
[5] Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.
[6] Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана, 1796 г. // ИГЭД. С. 199.
[7] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана, 1796 г. // ИГЭД. С. 150-152.
[8] Буцковский А.М. Указ. соч. 1812 г. // ИГЭД. С. 143.

Цахур «хлебопашество весьма скудное»[1]. А.П. Щербачев отмечал, что у койсубулинцев «хлеб родится не в большом количестве», и «они нуждаются вообще в хлебе»[2]. А.Берже[3] и Н.Дубровин писали, что хлебопашество у дидойцев «в незавидном состоянии»[4]. А ещё ранее И.И. Норденстам писал, что жители Антль-Ратля «весьма мало и неуспешно занимаются хлебопашеством»[5]. Н. Абельдяев отмечал, что в целом в горах «хлебопашество находится на низкой ступени, чему главной причиной служит недостаток земли»[6].

Большой недостаток и нужду в хлебе испытывали и жители Аварского ханства. «Я не видывал беднее земли и народа ханства Аварского», – писал Ф.И. Скалон[7]. Жители Аварии «самые беднейшие из горцев», – отмечал и А.П. Щербачев[8]. По его свидетельству, в ханстве выращивали «просо, ячмень, овес и лен… в весьма небольшом количестве, так что бедные жители едва имели дневное себе пропитание»[9]. Р.Ф. Розен также отмечал, что хлебопашество здесь «весьма скудное и недостаточное для прокормления своего»[10]. И ещё – жителей ханства он характеризовал, так: «Беднейшее и в бесплоднейших местах поселенное горское племя»[11].

Указанные и другие авторы отмечали, что основным занятием высокогорных обществ было скотоводство, а **земледелие занимало второстепенное место, являлось побочным занятием**, которое не давало достаточного дохода для жизни.

И отечественные исследователи советского и постсоветского периодов, изучая материальную культуру жителей высокогорных обществ Дагестана, в своих историко-этнографических работах подчеркивают это. Так, Г.А. Сергеева, а вслед за ней М.К.

---

[1] Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 266.
[2] Щербачев А.М. Указ. соч.// ИГЭД. С. 196.
[3] Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1959 г. Тифлис, 1858. С. 260.
[4] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 506.
[5] Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 325.
[6] Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 8. С. 25.
[7] Скалон Ф.И. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 324, 325.
[8] Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 297.
[9] Там же.
[10] Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 291.
[11] Там же.

Мусаева пишут: «Ведущей отраслью хваршин являлось скотоводство (развитие овец и крупного рогатого скота)»[1].

«Природно-географические условия, климат благотворно влияли на растительный покров альпийских лугов, наличие значительных пригревов способствовали его развитию. А в условиях малоземелья стало и главным источником существования хваршин, занятие скотоводством давало населению мясо и молоко, материал для изготовления одежды и обуви, сырьё для развития ремесла»[2].

В то же время, как и повсюду в высокогорных обществах, у хваршин было и земледелие, которое было склоновым. Говоря о земледелии хваршин, М.К. Мусаева пишет, что «под посевы использовались все пригодные земли, даже в самых труднодоступных горных участках» и что «культура земледелия у хваршин достигла, на наш взгляд, относительно высокого уровня»[3].

В работе, посвященной историко-этнографическому исследованию дидойцев, С.А. Лугуев и Д.М. Магомедов пишут: «Ведущей отраслью хозяйства у дидойцев в XIX в. являлось животноводство», развитию которого «способствовали… естественно-географические условия»[4]. И они отмечают развитость здесь и земледелия как одной из основных форм хозяйства. Что важно, подчеркнутое ими, это их вывод: «Таким образом, в результате многовековой практики многих поколений у дидойцев сложилась своя культура ведения хозяйства, характеризующая их как народ земледельческий»[5].

Интересен материал о злаковых культурах и их урожайности. Основными культурами были рожь, ячмень, пшеница яровая и озимая, просо, голозерный ячмень, овес, а также засеваемые в небольшом количестве фасоль, солод, конопля, лен, полба[6].

---

[1] Сергеева Г.А. Этнографические наблюдения у хваршин // Новое в этнографии и антропологии (Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 году). М., 1975. С. 66; Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 18.

[2] Мусаева М.К. Указ. соч. С. 18.

[3] Там же. С. 13.

[4] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. С. 35.

[5] Там же. С. 34.

[6] Там же. С. 30.

Урожай, как писал И.А. Гильденштедт, достигал до сам 15-20[1], чему способствовали благоприятные природно-географические условия, на что указывали и многие авторы XVIII-XX вв. Так, о юго-западном Дагестане, где находилось Дидо, Н.Ф. Дубровин писал: «Почва здесь довольно плодородная и дает сам 15-20»[2]. «Необходимо отметить, – писал советский ученый Е. Шиллинг, – что земля цезов считалась житницей, так как колос пшеницы был многозернистым, и поля давали хороший урожай»[3]. О землях дидойцев, плодородных и богатых пшеницей, говорил ещё акад. И.А. Гильденштедт. По его сведениям, Дидо, Унзо и Капуча покупали серу за пшеницу, «коею они нарочито богаты»[4]. В обществах Асах, Иланхеви, Шуратль урожай достигал даже сам 25[5].

В рапорте полковника Кватковского ген.-лейт. Шварцу от 11 марта 1848 г. говорится: «Голод в Антль-Ратле, так и повсеместно в Дагестане жестокий… у одних только дидойцев есть хлеб, который ими дорого продается»[6].

Развито было земледелие и у бежтинцев. Особенностью их земледелия также являлось то, что они «не террасировали свои поля». «В историко-этнографической литературе, – отмечают авторы работы «Бежтинцы», – террасирование признано и приводится как образец интенсивной обработки земли. Безусловно, хотя и отсутствуют террасы, нельзя отказать капучинцам в интенсивности обработки земли. Они ежегодно вносили удобрения, очищали поля от камней и пр., пользовались всеми традиционными приемами обработки почвы. Именно за счет интенсивности они добивались больших урожаев»[7]. По свидетельству Н. Воронова, в неурожайные годы для всего Дагестана урожай в данном

---

[1] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 128-129.
[2] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 503.
[3] Шиллинг Е. Народы андоцезской группы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д. 37.
[4] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 128-129.
[5] Магомедов Д.М. Занятия населения Дидо в XVIII – нач. XIX вв. // ВИА (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 220.
[6] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 566.
[7] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы. XIX – начало XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1975. С. 35.

районе достигал до сам 1.5-20[1]. Н Дубровин также отмечал, что почва здесь довольно плодородная и дает сам 15-20[2]. Как пишут авторы «Бежтинцев», «земля капучинцев, в отличие от угодий других жителей внутреннего Дагестана, отличалась своей плодородностью. Если поля ботлихцев, каратинцев, койсубулинцев и др. нуждались в орошении, то в высокогорной зоне участки не поливались»[3]. И далее для подтверждения сказанного они приводят слова акад. Н.И. Вавилова: «… Неполивная культура в высокогорных районах встречается на Кавказе: в Армении, в Грузии, в Дагестане»[4]. Но в то же время они же отмечают: «Хотя по сравнению с другими обществами Дагестана урожайность здесь была достаточно высокой, всё же выращиваемого у себя хлеба не хватало для прокормления семьи в течение года. Это было связано с тем, что капучинцы в основном обрабатывали небольшие участки. Дефицит в хлебе они восполняли за счет приобретения его в Кахетии на обмен продуктами скотоводства»[5]. Значит, ведущей отраслью хозяйства и у капучинцев было скотоводство. Об этом говорят и данные по скотоводству, которые, к сожалению, относятся ко второй половине XIX в. Согласно этим данным, в Бежта было (30 дымов), 14000 мелкорогатого скота и 2500 крупного рогатого скота; в Тлядале (128 дымов) – соответственно – 10500 и 715; в Хашар-Хута (55 дымов) – 2000 и 200; в Нахада (46 дымов) – 1625 и 231; в Гарбутль (30 дымов) – 1530 и 100[6].

institute of history.ru

Выше уже было сказано о земледелии андийцев, о его трех зонах, имеющих свои особенности в развитии земледелия. Было приведено мнение М.А. Агларова, что «по степени занятости населения и степени трудоемкости земледелие было первой отраслью»[7]. Но в то же время, здесь же он подчеркивает, что земледелие «как отрасль хозяйства уступает у андийцев скотоводству»[8]. Эта же мысль практически проведена им при исследова-

---

[1] Воронов Н. Указ. соч. // ССКГ. Вып. 1. С. 14.
[2] Дубровин Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 503-504.
[3] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 34.
[4] Вавилов Н.И. Мировой опыт… С. 79.
[5] Лугуев С.А.., Магомедов Д.М. Указ. соч. С. 34.
[6] Посемейные списки Анцухо-Капуча. Гунибский округ // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73. Л. 290-857.
[7] Агларов М. Андийцы… С. 86.
[8] Там же.

нии скотоводства. Он пишет: «Основную роль в экономике андийцев играло скотоводство»[1]. При этом М.А. Агларов приводит слова историографа Шамиля Абдурахмана, сказанные им в середине XIX в.: «Пища и одежда андийцев целиком от овец»[2]. И развивая эту мысль, М.А. Агларов констатирует: «Овцы действительно давали мясную продукцию для пропитания и шерсть, но за овец и продукты животноводства андийцы покупали продукты земледелия и садоводства. Шерсть же шла на изготовление бурок, на которые был большой спрос на всем Кавказе и в России. Все это имел в виду Абдурахман в своей фразе»[3].

Аналогичное описанному выше состоянию земледелия в высокогорной зоне Центрального и Северо-Западного Дагестана было и земледелие высокогорной части Южного Дагестана. И здесь ощущался земельный голод. «Лезгинское население горной части Дагестана использовало все сколько-нибудь пригодные участки земли. Обрабатывали склоны, прилегавшие к горным уступкам, курганчики, даже каменистые скаты, и путем натаскивания плодородной земли, а затем и удобрения этих участков, создавали в горах террасное земледелие»[4].

Особенно мало пахотоудобных земель было в Ахтыпаринском, Алтыпаринском, Докузпаринском союзах сельских общин, где находились высочайшие горы Дагестана. Как писала М.Ш. Ризаханова, при чрезмерной нехватке пахотных земель «расширение площади культурных земель в этой части не представлялось возможным, хотя должны отметить, что лезгины, как и все горцы Дагестана, с редким упорством делали все, что можно достичь в борьбе с суровой природой. Малейший участок земли, пригодный для земледелия, очищали от камней с крутых боков ущелий, холмов и гор, возводили каменные стены, на участок наносили землю, удобряли и превращали в пахотное поле, огород или фруктовый сад, создавая таким образом террасы»[5].

---

[1] Там же. С. 99.

[2] Там же.

[3] Агларов М. Андийцы… С. 99-100.

[4] Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978. С. 24.

[5] Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. дом. «Эпоха», 2005. С. 54.

Но и это не спасало местное население от недостатка хлеба. «Поставленное в такие неблагоприятные условия, земледелие весьма скудно вознаграждало труд земледельца и не обеспечивало необходимым для пропитания хлебом. Местного хлеба не хватало на прокормление семьи и на 6 месяцев. Так, в среднем на душу населения в Самурском округе приходилось около 0,54 четверти всех родов хлеба, т.е. около 4 пудов, что не составляло даже одной трети нормальной годичной порции хлеба, необходимого для пропитания человека»[1].

Именно поэтому ещё в 1728 г. участник похода Петра I в Прикаспие И.-Г. Гербер, как отмечалось выше, писал о жителях указанных союзов: «Питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе, которой оные меняют скотиною в Кубе»[2].

О скотоводческой направленности хозяйства в горных и высокогорных частях Южного Дагестана пишут и дагестанские этнографы. «В горных районах, в особенности в высокогорных, скотоводство, – отмечала С.С. Агаширинова, – являлось главной отраслью хозяйства»[3].

И все же и в Южном Дагестане повсеместно занимались земледелием, хотя степень развитости, распространенности и значимости его в экономической жизни местного населения была разная, не одинаковая в разных частях и в разных обществах. «Земледелие, – пишут авторы работы «Очерки истории Южного Дагестана», – при всем многообразии занятий населения, выступало как основное занятие почти повсеместно – в горах, предгорье, на плоскости, вплоть до побережья Каспия… Для подавляющего большинства аулов земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства и лишь для немногих селений земледелие имело характер второстепенного занятия»[4].

Завершим изучение земледелия в позднесредневековом периоде, т.е. в XVIII – первой половине XIX в., приведенными выше словами, которые практически разделяются всеми дагестан-

---

[1] Ризаханова М.Ш. Лезгины… С. 55.

[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77.

[3] Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 35.

[4] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до XX века. Махачкала, 1964. С. 137. С. 137.

скими исследователями в той или иной редакции. Всеми дагестановедами признаётся не только древность и развитость в Дагестане земледелия, но и ведущая роль его на плоскости, предгорье, во многих горных обществах и занятость им по возможности жителей высокогорных сел. Это значит, что для плоскости и предгорья было характерно земледельческое хозяйство, для горного Дагестана – земледельческо-скотоводческое хозяйство, для высокогорья – скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Повсюду, повсеместно, – где широко, а где менее, занимались земледелием. Приведенный выше материал по всем природно-хозяйственным зонам показывает, несмотря на различную степень развития, различные возможности, различную доходность, земледелием занимались жители всех природно-хозяйственных зон. Всё это показатель, свидетельство того, что в земледелии, как в основном в одних зонах и как одного из основных видов сельского хозяйства – в других, была занята основная масса населения Дагестана. Земледелие составляло основу экономики основной массы населения Дагестана.

§ 3. Соотношение земледелия и животноводства. Роль земледелия в экономической жизни различных регионов Дагестана

Прежде чем приступить к изучению состояния земледелия в Дагестане в позднефеодальном периоде, выше кратко была дана характеристика природно-географических условий территории Дагестана. Отмечалось разнообразие их в зависимости от местоположения, занимаемой территории в различных его частях. Именно эти различные природно-географические условия и определяли степень развитости земледелия в той или иной части Дагестана, в том или ином регионе. В связи с этим есть необходимость ещё раз остановиться на значимости природно-географических условий. Как писал М.-З.О. Османов: «Любая проблема, связанная с историей хозяйства, требует увязки с соответствующими природно-географическими условиями. Человек сложился в природе и в своей деятельности по обеспечению личных физиологических и бытовых потребностей тесно связан с

ней, во взаимодействии с ней строит всю свою жизнь»[1]. В связи со сказанным очень кстати он приводит слова К.Маркса и Ф.Энгельса: «Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю народа и на историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»[2], и поэтому «всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех его видоизменений, которыми они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»[3].

Ввиду постановки вопроса о соотношении земледелия и скотоводства, есть необходимость ещё раз вкратце остановиться на вопросе направленности хозяйства во всех хозяйственно-культурных зонах, имевших место в Дагестане в период позднего средневековья. Это необходимо для показа удельного веса земледелия или скотоводства, превалирования одного из них, степени распространенности их в разных частях одних и тех же хозяйственно-культурных зон, отличавшихся своими природно-географическими условиями.

Здесь следует отметить, что известный дагестанский этнограф М.-З.О. Османов, занимаясь различными вопросами скотоводства в Дагестане, очень много сделал и по вопросу земледелия, показав распространенность его в различных природно-хозяйственных зонах, соотношение его со скотоводством, занятости в нем населения различных зон, роли его в экономической жизни различных обществ и регионов и Дагестане в целом. Поэтому, останавливаясь на интересующем в данной части работы вопросе, нельзя не отметить этого, и мы при раскрытии выбранного для изучения сюжета широко опираемся на исследования М.-З.О. Османова. Хочется здесь же отметить, что так хорошо, ясно, аргументированно отмеченные вопросы не изучены ни в одной работе не только дагестанских, но и отечественных исследователей вообще. Речь идет, конечно, в масштабе Дагестана, а не вообще.

---

[1] Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры., 1990. С. 25.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.
[3] Там же. С. 19.

В изучаемое время природно-хозяйственные зоны являлись устойчиво определившимися структурами Дагестана, возникшими и развивающимися в предшествующие периоды, связанные с изменением политической обстановки и востребованные жизнью дагестанских народов. Они были востребованы также природно-географическими условиями, которые были характерны для различных регионов и наиболее благоприятны для ведения того или иного вида, той или иной отрасли сельского хозяйства. Именно это обстоятельство в сочетании с изменившейся, т.е. более или менее устойчивой политической обстановкой и вызвало появление разных природно-хозяйственных зон, специализировавшихся на той отрасли хозяйства, которая была наиболее рациональна для существующих природно-географических условий, «характерных для той или иной территории», для того или иного региона Дагестана. Конечно, при этом в основе ведения той или иной отрасли хозяйства лежали традиции предшествующих периодов, когда развитость той или иной отрасли находилась в прямой зависимости также не только, а возможно, и не столько от естественно-географических условий, сколько от политической обстановки, позволяющей вести тот или иной вид хозяйства. «В Дагестане в XIX в., – писал М.-З.О. Османов, – традиции хозяйствования отражают, с одной стороны, продолжение традиций предшествующего времени, с другой – в них ещё продолжают имманентно действовать более древние традиции горного земледельческо-скотоводческого хозяйства, особенно сильно проявляющиеся во внутреннем горном Дагестане. Равнинный Дагестан характеризуется господством земледельческо-скотоводческих традиций с определяющей ролью земледелия. В высокогорном Дагестане преобладают скотоводческие традиции, но при существующем незначительном земледелии, уже не симбиозом со скотоводством»[1].

Это общая характеристика равнины и горного Дагестана в целом. Но внутри этих частей как раз находятся свои подчасти со своими нюансами, особенностями в развитии, значимости, определяющей роли в хозяйственной деятельности и в экономической жизни населения той или иной отрасли.

[1] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 59.

Для низменной части Дагестана, занимающей свыше 40% территории, в земледельческо-скотоводческом хозяйстве ведущей отраслью было земледелие. Вся низменность от Терека до Самура характеризовалась хозяйством с большим удельным весом земледелия и содержанием крупного рогатого скота. Скотоводство здесь составляло одну из отраслей хозяйства. Причем определяющим по значимости видом скота был крупный рогатый скот. Как отмечал М.-З.О. Османов, «по справедливому замечанию А. Калантара, состав стада КРС определяется хозяйственными условиями, в частности связью с земледелием: где нужна пахота, там много волов, где пашни мало, а корма есть – коров»[1]. Он писал также, что на преимущественное разведение крупного рогатого скота, его преобладание там, где главный источник благосостояния – земледелие, указывают и другие авторы[2].

Именно для развитого земледельческого хозяйства низменной части Дагестана необходима была «мускульная сила животных». Но в целом крупный рогатый скот давал молоко, мясо, необходим был для земледельческих работ, получения навоза и кизяка. Использование же крупного рогатого скота в качестве тягловой силы было более поздним явлением, связанным с появлением плуга и повозки. «Для равнинного Дагестана, – отмечал М.-З.О. Османов, – цель содержания КРС обычно указывается очень определенно: выращивание рабочего и молочного скота»[3]. По А. Калантару, это было характерно для Приморской низменности кумыков, нижнего предгорья и Нижнего Табасарана[4]. К сожалению, мы не можем оперировать данными или сведениями по изучаемому периоду. Но, учитывая, что природно-хозяйственные зоны не были плодом развития общества в XVIII-XIX вв., а возникли в более ранние периоды и уже к изучаемому времени явля-

---

[1] Оманов М.-З.О. Указ. соч. Ссылается на: Калантар А.А. Задачи и способы исследования скотоводства // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887. Вып. 1. С. 113-119.

[2] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 62. Ссылается на: Андроников И.З. Скотоводство в Закавказском крае // Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888. Вып. 5. С. 175.

[3] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 63.

[4] Там же.

лись устоявшимися хозяйственными регионами, специализировавшимися на производстве определенного вида продукции сельского хозяйства, считаем возможным обратиться к сведениям более позднего периода, хотя, конечно, они ни в коей мере не отражают полную картину того, что было характерно для XVIII – первой половины XIX в. Так, согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в Эндиреевском владении рабочих буйволиц, что было признаком интенсивного поливного земледелия, было больше волов (1890 против 1535) в то время как буйволиц более чем вдвое меньше, чем коров (1552 и 3656). И ещё, что важно в свете сказанного: «Во всей Засулакской Кумыкии буйволы, показатель сугубо рабочего и молочного назначения скота, но отнюдь не мясного, составляет треть КРС»[1].

Большой процент рабочих буйволов был и в Кайтаго-Табасаранском округе (Нижний Кайтаг и Нижний Табасаран), основным назначением скота было молоко и использование в качестве рабочей силы. Основным видом скота в предгорье был крупный рогатый скот, так как и эта зона характеризовалась развитым земледелием, как основной отрасли земледельческо-скотоводческого хозяйства, земледелие, как и на плоскости, здесь преобладало.

В горном (в особенности в центральном нагорном Дагестане) с его богатыми земледельческими традициями также «рабочее использование» скота занимало «большое место»[2]. Вместе с тем М.-З.О. Османов отмечал, характерное для этой зоны в целом следующее: «Для горного Дагестана классической можно назвать формулировку местного жителя: быки для земледелия, лошади для верховой езды»[3]. «Другой приезжий наблюдатель, – писал М.-З.О. Османов, – сказав о скотоводстве горного Дагестана, что оно «не в лучшем положении», добавляет: «Каждый имеет несколько штук рогатого скота, но держит его только для обрабатывания земли и перевозки тяжестей на арбах»[4].

---

[1] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 64. Ссылается на: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Терская область. Посемейные списки. Тифлис, 1919. С. 50-69.

[2] Там же. С. 65.

[3] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65. Ссылается на: Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 8. С. 25-30..

[4] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65.

Что важно, и на что указывал М.-З.О. Османов: «Даже если авторы отмечают незначительность разведения КРС, что «оно разводится в огромном количестве, необходимом для потребностей домашнего хозяйства», они и в этом случае **в качестве его назначения отмечают земледельческие работы** (подчеркн. мною. – Б.А.), перевозку грузов»[1]. И далее: «В значительной части горных обществ Дагестана разведение КРС было подчинено земледелию»[2]. Не случайно, подчеркивал М.-З.О. Османов, что удельный вес КРС в Аварском округе вдвое превышал удельный вес МРС в переводе на крупный; в Гидатлинском участке – также вдвое, Куядинском – почти втрое, Мекегинском – в полтора раза, Каракайтагском – в 3,5 раза; в Кумухском – вдвое. И отметим, что многие из них известны и развитым земледелием: например, Гидатлинский, Мекегинский, Каракайтагский даже были зернопроизводящими и сбывали его излишки[3]. Причем соотношение крупного рогатого скота с другими видами этого скота было таким: «В Аварском округе 38,8%, в Андийском – 35,4% скота составлял рабочий[4]. Много крупного рогатого скота, а среди них волов, имели горные общества даргинцев с развитым земледелием. Так, в сел. Киша (Верхний Кайтаг – общество Ганк) было 1591 голова крупного рогатого скота (данные 80-х годов XIX в.) и всего 622 овец[5]. В сел. Урахи (союз Каба-Дарго) было 2120 голов или более 31 проц. от общего количества скота во всем союзе[6] (а в союзе их было 6765 голов). Имели много крупного рогатого скота и жители других селений Каба-Дарго и Верхнего Кайтага – в Дейбуке их было 1500 голов, в Герга – 590, в Н. Мулебки – 550, в Мургуке – 400 и т.д.[7] Как писал М.-З.О. Османов, другие даргинские общества представляли собой один из регионов, где в общем количестве скота преобладал крупный рогатый скот и было равное распределение и рабочего, и дойного скота. Среди

---

[1] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65. Ссылается на: Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. С. 55.

[2] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65. Ссылается на: Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. С. 55.

[3] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65.

[4] Там же.

[5] Дагестанская область. Свод статистических данных… С. 164-165.

[6] Даргинский округ Дагестанской области… С. 56.

[7] Там же.

этих обществ им перечислены: Акуша, Усиша, В.Мулебки, Цудахар, Хаджалмахи, Куппа, Уркарах, Харбук, Меусиша, Дейбук, Трисанчи и др.[1], ряд сел федерации Акуша-Дарго, союза Каба-Дарго, Муйра, Гапша. Характерным для этих сел было то, что почти все здесь занимались земледелием и, следовательно, нуждались в рабочем скоте как в тягловой силе. Назначение крупного рогатого скота в этих селах было в основном потребительским[2].

Преобладание в хозяйстве крупного рогатого скота, а именно рабочего, как спутника земледелия, было характерно не только горным обществам Дагестана, но и жителям других регионов. По наблюдениям М.-З.О. Османова, который опирался на имеющиеся разработки по данному вопросу, «на Кавказе нередки ситуации, когда в высокогорье ведущее место занимал КРС. Например, скотоводство в Сванети было непосредственно связано с земледелием, здесь имеет место симбиоз горного земледелия и отгонного скотоводства и ведущее место в скотоводстве занимал КРС»[3]. И далее, продолжая приводить примеры по сказанному вопросу, он отмечал: «В нагорных селениях азербайджанцев А. Калантар одной из главных целей скотоводства считал выращивание рабочего скота, и в нагорной Армении «удовлетворение в рабочем скоте» становится даже на первое место»[4].

Разведение рабочего скота, как отмечалось, в горном Дагестане было связано с занятием земледелием, но сами природно-географические условия горного Дагестана «были более благоприятны для содержания и расширенного воспроизводства МРС. Недостаточность сенокосов, вынуждавшая искать им замену, в зимнем выпасе в округе или путем отгона на равнину, была одной из главных причин этого, ибо для отгона овцы более приспо-

---

[1] Османов М.-З.О. Формы скотоводства даргинцев в XIX-XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979. С. 40.

[2] Османов М.-З.О. Формы скотоводства даргинцев… С.40-41.

[3] Османов М.-З.О. Формы традиционного… С. 65. Ссылается на: Квициани И.Б. Скотоводство в Сванетии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. С. 4, 6.

[4] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 65-66. Ссылается на: Калантар А.А. Указ. соч. С. 73-76.

соблены»[1]. И всё же, как отмечал М.-З.О. Османов: «Несмотря на эти преимущества, **овцеводство не стало главным занятием дагестанских крестьян в целом, даже крестьян в тех обществах, где скотоводство получило в общем значительное развитие**» (подчеркн. мною. – Б.А.).

Для убедительности, проанализировав данные посемейных списков населения Дагестана за 1886 г., он приводит интересные общие цифры по скотоводству у дагестанских народов в целом. Он писал: «Для сравнения приведем одну цифру: в 1886 г. в Дагестане было 480.224 гол. КРС, а овец – 2.489.950 гол. (в переводе на КРС – 414991). Если в среднем на 1 дым в Дагестане было 7,3 условные головы всех видов скота (МРС, КРС, лошади, ослы, мулы), то МРС составил 3 гол., в то время как КРС – 3,6… Объяснение этому мы прежде всего видим **в устойчивых традициях земледельческого хозяйства**» (подчеркнуто мною. – Б.А.).

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

Общие итоги по состоянию земледелия и скотоводства мы подведем, рассмотрев еще оставшуюся высокогорную зону, где хотя и не так, как в горном Дагестане, а тем более равнинном (плоскостном), но все же в какой-то мере, как отмечалось и было показано во втором параграфе работы, занимались земледелием. Без земледелия не обходился и высокогорный Дагестан. Конечно, и в этой зоне, как и повсеместно, существовало сочетание земледелия и скотоводства. Это неоспоримый факт. Но речь идет о каком сочетании мы можем говорить, о превалировании какого вида занятий, какой отрасли хозяйства идет речь, что мы можем поставить впереди, если на плоскости мы говорим о превалировании земледелия в сочетании с животноводством; то же самое было в предгорье, в горном Дагестане было земледельческо-скотоводческое хозяйство. В высокогорье речь может идти в целом о скотоводческо-земледельческом хозяйстве. Это два основных занятия жителей высокогорья, с превалированием скотоводческого хозяйства. Но ни одно хозяйство не могло обходиться без земледелия, не было сел, где бы в какой-то мере не занимались земледелием, независимо от того, какой был рельеф и как его приспосабливали к нуждам земледелия. И вряд ли мы можем согласиться со всеми утверждениями участника Каспийского похода Петра I майора И.-Г. Гербера, писавшего о жителях высоко-

institute of history. ru

[1] Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 73.

горного Дагестана, что «некоторые питаются скотоводством, некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют, **а иные не ведают, что хлеб есть, и питаются одною скотиною**»[1]. Прав был Н. Абельдяев, писавший, что в горах хлебопашеством занимались все без исключения[2]. Х.-М.О. Хашаев, исследовавший хозяйство Дагестана в XIX в., отмечал: «За исключением небольшого процента хозяйств, не имевших земли, все остальные, т.е. 80-90% хозяйств горцев занимались полеводством и садоводством и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования»[3].

Причем в высокогорной зоне были и такие общества, где земледелие было развито хорошо и им местные жители занимались так же усердно, как в других зонах, получая при этом хорошие урожаи. Жители высокогорной зоны, где рельеф был более расчлененным, старались приспособить к земледелию любой возможный для этого участок земли, о чем пишут в своих работах и все дагестанские этнографы, занимаясь исследованием материальной культуры, в том числе и хозяйства разных народов Дагестана. В то же время ими отмечается недостаточность земледелия в высокогорных обществах, недостаточность своего хлеба. «Хотя по сравнению с другими обществами Дагестана, – пишут о бежтинцах С.А. Лугуев и Д.М. Магомедов, – урожайность здесь была достаточно высокой, все же выращиваемого у себя хлеба не хватало для прокормления семьи в течение года»[4]. В 1848 г. полковник Кватковский писал в рапорте ген-л. Шварцу, что «у одних только дидойцев есть хлеб, который ими дорого продаётся»[5]. О высокогорной зоне лезгин М.Ш. Ризаханова писала: «Поставленное в … неблагоприятные условия, земледелие весьма скудно вознаграждало труд земледельца и не обеспечивало необходимым для прокормления хлебом. Местного хлеба не хватало для прокормления семьи и на 6 месяцев»[6].

---

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 112.
[2] Абельдяев Н. Сельское хозяйство… // ЖМНП. 1857. Ч. 64. № 8. С. 25.
[3] Хашаев Х.-М. Занятия … С. 37.
[4] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы … С. 35.
[5] Движение горцев… С. 566.
[6] Ризаханова М.Ш. Лезгины… С. 53.

Высокогорная зона была более благоприятна для занятия скотоводством и в особенности овцеводством. Здесь находились прекрасные летние пастбища – альпийские луга, где могло пастись большое количество скота. Именно поэтому горцы обращали внимание на разведение овец. Ещё в 1728 г. И.-Г. Гербер отмечал, что акушинцы и тавлинцы пригоняют на зимние пастбища Кайтагского уцмийства до 100000 овец[1]. Много овец содержали высокогорные общества Самурской долины. В документе от 1733 г. говорится: «В области Дербента, **в особенности в горах** (подчеркн. мною. – Б.А.), прекрасно поставлено и широко распространено овцеводство»[2]. В 1796 г. Ф.Ф. Симонович писал, что «Ахтынское владение» «изобилует скотоводством»[3]. В сел. Борч, Хнов, Хкем, Куруш «скотоводство являлось главной отраслью хозяйства»[4]. Известно, что жители союзов сельских общин Самурской долины, для который овцы составляли «главную их ценность», перегоняли овец в Кубинское, Дербентское, Шекинское ханства и в Табасаран. Количество перегоняемых в 1812 г. овец только в Кубинское ханство составляло 55 тыс.[5] Я. Рейнеггс писал, что табасаранцы имели скот «в великом изобилии»[6]. Как бы уточняя эти сведения, П.Ф. Колоколов в 1831 г. писал, что табасаранцы «имеют довольное количество рогатого скота, преимущественно **же баранов и коз**»[7]. Много было овец у жителей юго-западного Дагестана (скотоводство «большею частию состоит из одних баранов, рогатого скота и лошадей весьма немного»)[8], в Антль-Ратле («овцеводство составляет главную отрасль хозяйства и промышленности»)[9], в верхней Салатавии («главное их имущество состоит в овечьих стадах», овец «тщательно разводят во множестве… овцеводство составляет их все богатство и рос-

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 84.
[2] Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 4. С. 289.
[3] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.
[4] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 139.
[5] ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 471. Л. 1-4. Хашаев Х.М. Занятия населения… С. 279.
[6] Дагестан в известиях… С. 51.
[7] Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.
[8] Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД С. 261; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 123, 127.
[9] Норденстам И.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 325.

кошь»)[1], в горных обществах Кайтага («главное пропитание имеют от овечьих стад»)[2]. В 1839 г. жители Чиркея имели 150000 овец[3].

Общество Тлейсерух и Мукратль, где проживало всего 4000 человек, имели 112 000 овец[4]. Богатые дворы ратлубцев, келебцев, ратлу-ахвахцев, телетлинцев имели по 300 и более овец[5].

Овцеводство приобретало все большее значение в условиях развивающихся и усиливающихся товарно-денежных отношений. Как писал М.-З.О. Османов, доход при содержании овец легче было получать, чем при содержании крупного рогатого скота. Но следует подчеркнуть, что основными владельцами овец являлись наиболее состоятельные хозяйства, в то время как крупный рогатый скот был у большинства. «… овец, – писал Н. Абельдяев, – только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не содержат или имеют их только по несколько штук»[6]. В даргинских обществах, например, овец обычно имели от 1/10 части хозяйства до ½.[7]

Высокогорная зона – это в основном территория союзов сельских общин аварцев и народностей аваро-андо-цезской языковой группы, союзов Самурской долины, Сюргинского союза, Рутул, Агул, часть Лакии. Помимо высоких гор, расчлененного рельефа, горы образуют здесь и ряд долин, способных к земледелию и садоводству, как, например Чиркатинская, Ахтынская и др. В этих долинах «традиционно сложилось садоводческое хозяйство»[8]. Причем оно было развито в ряде обществ в высокогорье, как, например, в Гдыме и Борче (2200 м и 2226 м над уров-

---

[1] Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243; Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 289.

[2] Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6361. Ч. 2. Л. 82. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 52-53.

[4] Воронов Н. Указ. соч. // ССКГ. Вып. 1. С. 29.

[5] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 48; Воронов Н. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 5; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 52.

[6] Абельдяев Н. Указ. соч. С. 25.

[7] Гаджиева С.Ш., Османов М.О. Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 40.

[8] Османов М.-З.О. Формы традиционного… С. 35.

нем моря) «с традиционно преобладающим скотоводческим хозяйством»[1].

Ввиду слабости земледелия в высокогорной зоне виды крупного рогатого скота и их назначение были другие, чем на плоскости, предгорье и нагорье. «Что касается высокогорного Дагестана, – писал М.-З.О. Османов, – то здесь в назначении КРС преобладало мясо-молочное направление. Земледелие здесь было незначительно, повозки не бытовали, поэтому рабочего скота требовалось мало»[2]. В то же время он отмечал, что «в отдельных участках удельный вес КРС был здесь очень высок, не уступая удельному весу мелкого»[3]. Эту особенность он объясняет наличием хуторской системы и писал в связи с этим: «Удается проследить прямую связь между развитостью хуторской системы и относительно высоким уровнем содержания КРС». И далее он останавливался на конкретном материале – «Убедительный пример в этом отношении – Гидатль в горном Дагестана. В высокогорье подобная закономерность прослеживается на примере Сюргинского участка (4,8 гол. КРС на одно хозяйство и 2,2 – МРС), Анцухо-Капучинского (5 и 5,5 соответственно), Ункратль-Чамалальского (4,7 и 4,9), Тиндальского (4,5 и 2,9), Мукарского (3,6 и 3,7) и др.[4]»

Подчеркивая, что все-таки на первом месте назначение крупного рогатого скота было мясное, это он объяснял бедностью Дагестана сенокосными угодьями, и писал в связи с этим: «между тем регулярное молочное хозяйство требует хорошей кормовой базы на зимне-весенний период, в противном случае оно будет постоянно нести потери в поголовье удойного скота»[5].

Как отмечалось и выше, природно-географические условия горного и высокогорного Дагестана были более благоприятны для содержания и расширенного воспроизводства мелкого рогатого скота. Было показано также, что в некоторых регионах Дагестана овцеводство приняло внушительные масштабы. Вместе с тем «по массовости бытования и проценту населения, занимающегося им, значительно уступало разведению КРС, ибо КРС был

[1] Там же. С. 66.
[2] Там же.
[3] Османов М.-З.О. Формы традиционного… С. 66.
[4] Там же. С. 67.
[5] Там же.

более необходимым, универсальным и распространенным видом скота в Дагестане, в то время как МРС был более специализированным, независимым от остального хозяйства, занимающим меньше рабочих рук, более промысловым»[1].

В отличие от овцеводства крупный рогатый скот был связан с земледелием. Их связь особенно сильна была на плоскости и предгорье (нижнее), где основным направлением хозяйственной деятельности было земледелие. Рабочие быки востребованы были почти во всех земледельческих работах, без них не обходилось пахота, перевозка на поля удобрений, посев, перевозка урожая на гумно, молотьба и т.д. Рабочий скот у горцев Дагестана был самой распространенной тягловой силой. В общем, рабочий скот был подчинен нуждам земледелия. Поэтому крупный рогатый скот был распространен повсюду, во всех природно-хозяйственных зонах. По мысли В.А. Шнирельмана, поддержанной для условий Дагестана М.-З.О. Османовым, «развитые земледельческие районы влияют на усиление развития скотоводства по соседству»[2]. Как полагал последний: «Высокогорные общества Южного и Западного Дагестана в соответствии с этой закономерностью как бы реализовывали географическое и отраслевое разделение труда с плодородными областями Грузии и Азербайджана, тем более, что помимо получения хлеба они имели ещё возможность выпасать зимой скот на их зимних пастбищах и отправлять туда избыток своей рабочей силы»[3].

Как было указано и выше, в высокогорной зоне были и такие общества, где преобладал крупный рогатый скот. Это «союзы обществ Чамалал, Хварши, Тлейсерух, Джурмут, Тланада, Бохнада, Кос, Капуча, Сирха, Ихрек, и др.» М.-З.О. Османов отмечал и специфику крупного рогатого скота этих высокогорных обществ – «Слабость земледелия, недостаток покосов при достатке летних пастбищ, большая отдаленность от равнинных пастбищ», которые привели к преобладанию мясного и молочного скота[4].

---

[1] Там же. С. 72.
[2] Османов М.-З.О. Формы традиционного… С. 56.
[3] Там же. С. 56-57.
[4] Там же. С. 83.

В целом, завершая соотношение земледелия и скотоводства и видов скота между собой, что в основном было связано с занятием земледелия, отметим: «Владельцев КРС в аулах было намного больше, чем владельцев овец», что объяснялось тем, что крупный рогатый скот являлся «более универсальным; и рабочий в землепашестве, и транспортный, и продуктовый». «Поэтому средний показатель по Дагестану (3,6 гол на одно хозяйство) был бы недостаточен в качестве уровня преобладания, ибо ненамного превышал бы уровень рабочего и молочного потребительского скота. Поэтому для КРС целесообразно взять более высокий уровень от среднедагестанского, чем для овец, примерно в 5 гол.»[1].

Очень интересный материал по соотношению земледелия и скотоводства был собран во всех природно-хозяйственных зонах М.-З.О. Османовым. Хотя эти сведения, как и многие приведенные выше, имеют отношение к более позднему периоду, чем изучаемому в данной работе, думается, что они представляют интерес, так как занятия населения Дагестана XIX-XX вв. традиционно являлись продолжением предшествующих периодов и в основе своей были результатом дальнейшего развития сложившейся хозяйственной специализации, происходившей в XV-XVII вв. с установлением относительно мирного времени после монголо-татар и Тимура.

Указанный материал представляет собой ответы на вопросы, которые задавались жителям всех природно-хозяйственных зон, какой был преобладающий тип хозяйства и видовая направленность скотоводства. М.-З.О. Османов писал: «Из 10 селений равнины в 8 нам ответили, что главной отраслью хозяйства было земледелие, в двух – земледелие и скотоводство. В результате из 13 ответов 4 пришлось на земледелие, 5 на земледелие и скотоводство и 4 – на скотоводство и земледелие. В горной части 17 (из 34) – земледелие и скотоводство (из них несколько садоводство) и 17 – скотоводство и земледелие. В высокогорье 4 (из 36) – земледелие и скотоводство, 11 – скотоводство и земледелие, 21 – скотоводство»[2]. Далее, как бы оценивая собранные им сведения, М.-З.О. Османов писал: «Эти оценки подтверждаются и объ-

[1] Там же. С. 85.

[2] Османов М.-З.О. Формы традиционного… С. 82.

ективными хозяйственными показателями»[1]. Это весь материал, приведенный выше при изучении различных сторон вопроса соотношения земледелия и скотоводства, а также распространенности видов скота в различных природно-хозяйственных зонах Дагестана. Все привлеченное также показывает, что земледелием занимались во всех природно-хозяйственных зонах, без него не могли обходиться жители ни одной зоны. Хлеб являлся повседневной пищей, основным продуктом питания горцев. И хотя в высокогорье земледелие было развито слабо, не удовлетворяло потребности местного населения в хлебе на весь год, вопреки трудностям природных условий, им занимались, а недостаток в хлебе пополняли за счет обмена продуктов скотоводства в соседних земледельческих районах.

Невозможно ежедневно три раза питаться только мясом и молочными продуктами, не употребляя хлеб. Верно, что горцы употребляли больше мясо-молочные продукты, так как и производили больше, чем жители плоскостного и предгорного Дагестана, где основным продуктом питания был хлеб вместе с добавкой или сопутствующими мясо-молочными продуктами. Но и в горной, и высокогорной зонах хлеб – это основной продукт питания, хотя его и употребляли меньше, а мясо-молочных продуктов больше, в особенности в высокогорных обществах, где земледелием занимались меньше ввиду суровых природно-климатических условий. Но недостаток хлеба, как отмечалось и выше, горцы восполняли за счет приобретения его в соседних земледельческих районах Дагестана, Чечни, Грузии и Азербайджана.

И не без основания почти у всех народов Дагестана слово «кушать» означает «кушать хлеб». М.-З.О. Османов, отметив, что земледелием занимались все дагестанские народы, что «хлебопашество являлось не только необходимым занятием, но в какой-то степени внутренней потребностью горцев»[2], привел в пользу этого ряд доводов и писал далее: «Не менее важен и тот факт, что в рационе даргинцев земледельческая пища преобладает настолько, что выражения «кушать» вообще и «кушать хлеб» являются синонимами. Другой факт – обилие названий хлеба – (кьацI,

[1] Там же.

[2] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 19.

цIулхIе, диква, мучари и др.)»[1]. Выражение или приглашение «иди кушать» выражается словами «иди кушать хлеб» – «кьацIли укес ваши», а выражение «ты кушал»? выражается словами «хIу кьацIли укуйрив?» («ты кушал хлеб?»).

То же самое наблюдается и у других народов Дагестана. Так, у лакцев слово «кушать» (ччатI букан) означает «кушать хлеб», а слово «кьацIучин» («перекусить») переводится «иди кушать», у табасаранцев «уьл ин.уз гъач» переводится как «хлеб кушать иди», у каратинцев пригласить кушать «бог базе» буквально переводится «тесто сделать»; по-лезгински «иди кушать» («ша фу нез») переводится «иди кушать хлеб».

М.А. Агларов, написавший раздел «Пища» в книге «Материальная культура аварцев», собрал интересный материал по поднятому вопросу по разным народам Дагестана и бывшего СССР. В частности, о рикванинцах он пишет: «В рикванинском диалекте андийского языка сохранилось ещё любопытное название еды: «мугьу», этим же словом и на аварском («мугь») и на андийском («мугьу») называют зерно. На рикванинском диалекте, соответственно, приглашение к обеду звучит «иди есть зерно».[2]

М.А. Агларов пишет также, что понятие «еда» у аварцев включает только мучную пищу, а мясо-молочная пища имеет своё особое собирательное название («данде жо»), которое переводится как «что с чем едят. Другими словами, пища как таковая – это хлеб, хинкал, или даже просто вареные зерна – мугь, а мясо-молочные продукты являются чем-то дополнительным, вроде приправы»[3].

На основе приведенного материала по аварцам (что можно сказать и о других народах Дагестана) М.А. Агларов делает весьма важный вывод: «Если бы в те отдаленные времена, когда шло становление основного словарного фонда аварцев, в пище преобладали и господствовали продукты животноводства, следовало ожидать тождества слов «еда» и «мясо», а не так как имеем в аварском языке»[4].

В связи со сказанным большой интерес, дающий возможность убедиться в правдивости сказанного, представляет матери-

---

[1] Там же.

[2] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 274.

[3] Там же.

[4] Там же.

ал по животноводческим регионам, где преобладали мясомолочные продукты. И здесь не лишне привести материал, собранный М.А. Агларовым, который пишет: «И на самом деле, у не земледельческих в прошлом народов понятие «еда» тождественно названию мяса или мясных блюд. Например, у туркмен понятие «еда» и собирательное название для мясомолочных продуктов произошло от корня «нахар» – еда, «нахар-ламмак» – мясо, сыр и др. продукты животноводства. У калмыков еда называется «хото», мясная пища также называется «хото», приглашать на обед у калмыков «мохно хото» переводится как садись кушать мясо, тогда как у даргинцев приглашение к еде «кьацIли укес» буквально переводится как есть хлеб»[1]. То же самое мы наблюдаем в высокогорных обществах Дагестана, где ведущее место занимало животноводство.

На основе собранного и приведенного выше материала М.А. Агларов пишет: «Указанные факты ни в какой мере не являются случайными и объясняются земледельческой направленностью древней экономики горцев; так же как термины, обозначающие пищу у неземледельческих в прошлом народов происходят от скотоводческой или охотничьей направленности хозяйства»[2].

О земледельческой направленности в целом хозяйства народов Дагестана говорят и другие факты, на что также обратили внимание М.-З.О. Османов и М.А. Агларов. Первый их них, исследуя хозяйство даргинцев, писал, что имеются много примеров, подтверждающих сказанное в фольклоре. «Например, – писал он, – заздравный тост у даргинцев «дерхъаб» означает «да будет урожай», причем отвечающий на тост говорит «хъу дерхъаб», т.е. «да будет на пашне урожай». Или, например, когда хотят пожелать человеку чего-нибудь очень хорошего, тоже говорят «хIела хъу дерхъ» («чтобы твои пашни дали обильный урожай»), «хIела хъалианкIили бицI» («чтобы твой дом наполнился пшеницей») и т.д.»[3].

Другим серьезным показателем земледельческой направленности хозяйства горцев, по мнению М.-З.О. Османова, «является наличие лексической общности основных земледельческих терминов у горцев Дагестана, особенно таких, как серп, соха, яч-

[1] Материальная культура аварцев… С. 274.
[2] Там же.
[3] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. соч. С. 20.

мень, овес, пшеница, просо, горох, чечевица, бык, просяной хлеб, пашня, мотыга, ярмо и др.»[1].

Интересно наблюдение М.А. Агларова, который пишет: «Здесь же уместно заметить и другой интересный факт, говорящий о земледельческой направленности хозяйства у горцев в прошлом: все алкогольные напитки (за исключением фруктовых) аварцы приготовляли из злаков, и не имеют представления о молочных хмельных напитках, тогда как у скотоводов главный вид напитка арака[2] изготовляют из молока»[3].

Все приведенное выше является показателем не только древности земледелия, земледельческой направленности хозяйства дагестанских горцев, но и свидетельством его роли в экономической жизни региона. Как говорится, хлеб являлся главой всему, без хлеба не обходились жители ни одной природно-хозяйственной зоны, хотя потребление его в разных зонах было не одинаковое. Но это не меняло сути дела. Земледелием занимались во всех природно-хозяйственных зонах и повсюду – где полностью, а где в какой-то мере оно обеспечивало потребности населения в хлебе. Земледелие в экономической жизни дагестанских народов играло ведущую роль. Поэтому в земледельческом хозяйстве была занята основная часть населения Дагестана, что и делало земледелие всеобщей отраслью, обеспечивающей жизненные потребности населения. В этом и состояла экономическая значимость, суть земледелия как ведущей отрасли хозяйственной деятельности населения Дагестана.

§ 4. Садоводство и виноградарство

Дагестанцы издавна занимались садоводством и виноградарством. Как писал Л.Н. Гумилев: «Род занятий подсказывается ландшафтом, его экономическими возможностями»[4]. Очень хорошо и метко отметил это известный дагестанский этнограф М.О.

instituteofhistory.ru

[1] Там же. Ссылка на: Генко А.П. О названии плуга в северокавказских языках. Доклад АН СССР. М., 1930; Хайдаков С.М. Очерки лексики лакского языка. М., 1961. С.10-25.

[2] Потапов Л.П. Пища алтайцев // Сборник МАЭ. Т. IV. С. 44.

[3] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 274.

[4] Гумилев А.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА. М., 1970. № 1. С.91.

Османов, который писал: «Любая проблема, связанная с историей хозяйства, требует увязки с соответствующими географическими условиями»[1]. Именно географические условия учитывали дагестанцы при занятии садоводством и виноградарством, точно так же как и возможности и целесообразности при занятии земледелием и скотоводством.

Природно-географические и климатические условия способствовали занятиям садоводством и виноградарством в Дагестане на плоскости, предгорной и горно-долинной зонах: на поливных землях равнины, «в речных долинах, где легко можно было их поливать, на землях трудных для пахоты, склонах гор, защищенных от ветров»[2]. При таких природно-географических возможностях садоводством и виноградарством, естественно, занимались повсеместно, где только это было возможно, и они получали «довольно широкое развитие»[3]. Кроме высокогорной зоны Дагестана, садоводство и виноградарство были развиты в Хаджалмахи, Цудахаре, Куппа, Ахты, Касумкенте, Гимры, Унцукуле, Могохе, Чирката, Чиркее, Ашильта, Игали, Аракани, Гоцатле, Голотле, Ботлихе, Муни, Агвали, Хиндахе, селениях Нижнего Кайтага, в Нижнем Табасаране, Дербентском владении, Мехтулинском ханстве, Тарковском шамхальстве, селах Засулакской Кумыкии[4]. Но в то же время степень развитости садоводства и виноградарства, их значение в экономической жизни горцев в различных регионах и обществах была разная.

---

[1] Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука. Глав.ред. вост.лит-ры, 1990. С.25.

[2] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С.103.

[3] История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1. С.309.

[4] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С.43; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С.52; Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая пол. XX вв.). Махачкала, 1967; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. С.117; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. М., 1978. С.42; Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2002. С.93.

О развитии садоводства и виноградарства в различных частях, политических структурах и обществах в XVIII-XIX вв. сообщают авторы как этого, так и предыдущих периодов. Еще в середине XVII в. турецкий путешественник Э. Челеби писал, что в Кюре «есть свои сады», а «Табасаран утопает в садах и цветниках»[1]. На наличие многих «плодовых садов» в Кайтаге указывал А. Олеарий[2]. По свидетельству Я. Стрейса, их путь в Кайтаге лежал «через заросли …», которые были «ничем иным», как фруктовым садом с различными плодовыми деревьями « … с множеством яблок, груш, вишен, слив, каштанов, грецких орехов и других»[3]. В 1717 г. Готлиб Шобер писал, что предгорные лесосады наполнены «изрядными овощными деревьями, яблонями, грушами, квитами, абрикосами, персиками, шелковыми деревьями и лесным виноградом. В садах растет виноград, ягоды которого имеют до двух дюймов длины, прозрачны и почти без косточек. Вино из этого винограда едва уступает венгерскому, а когда старо, походит на португальское»[4].

Авторы XVIII-XIX вв. особо отмечали развитость садоводства в Дербентском владении и в других местах Южного Дагестана. Так, в 1718 г. А.И. Лопухин писал о виноградниках и садах за Дербентом и при деревнях[5]. Через 10 лет участник Каспийского похода Петра I И.-Г.Гербер писал: «Виноградарство в Дербенте – существенная статья. Изобильна также в этой стране виноградом провинция Куба, где, как доказано, произрастает прекрасный мускатель и другие лозы»[6]. В другой работе он писал, что «По обеим сторонам за городом (Дербентом – Б.А.) обитатели имеют пашни довольное число и добрых виноградных и других

---

[1] Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып.2. С.110; 1983. Вып.3. С.177; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.37. Л.26, 100.

[2] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.496.

[3] Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С.223.

[4] Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Соч. и перев. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С.390.

[5] Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С.9.

[6] См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С.162.

садов»[1]. Другой участник похода Петра I в Прикаспие Дж. Белл писал, что «в восточной части города множество находится виноградан, коих вино может стоять многие годы, когда оная налив во глиняные сосуды, зароют в землю»[2]. Развивалось садоводство в Дербенте и во владении и позже. В 70-е годы XVIII в. С.Г. Гмелин писал, что в южной стороне города «вдоль по берегу моря и на северной к усмейским горам находятся преизрядные дербентские сады… Кроме немногих огородных овощей … насажены по большой части в оных виноградные лозы и различные плодоносные деревья»[3]. И далее: «Плоды, сажаемые в здешних огородах, суть различные породы самых вкуснейших яблок, груш, айвы, также персики, апрокозы, миндаль, инжир и гранаты. Сии дерева … чрезвычайно плодоносны»[4]. Почти в этот же период Я. Рейнеггс писал, что дербентцы «к виноградным садам прилагают … довольное старание»[5].

Интересно писал о садоводстве в Дербентском владении участник Персидского похода 1796 г. Ф.Ф. Симонович. Оно, отмечал он, «изобилует хлебопашеством … равно и плодами древесными и огородными, как-то: виноградом, гранатами, миндалями, смоквами, сливами, яблоками, грушами, … орехами»[6]. «В Дербентском и Кубинском уездах, – отмечается в архивном источнике, – замечательно садоводство. Естественные богатства губернии заключают в себе все условия для богатого земледелия, как-то: благорастворенность климата, плодородные почвы, гидравлическое богатство»[7]. По сведениям академика П.Г. Буткова, который дал более подробный перечень фруктов, выращиваемых в огородах и садах, расположенных в «окольностях» (окрестностях – Б.А.) Дербента, «сих последних разведены виноградy, гра-

---

[1] Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.86.

[2] Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Асиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч.3. С.177.

[3] Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч.3. С.30.

[4] Там же. С.31-32.

[5] См.: Дагестан в известиях … С.284.

[6] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.143.

[7] РГИА СПб. Ф.1262. Оп.5. 1851. Д.372. Л. 18об.

наты, винные ягоды, каштаны, персики, айва, миндаль, армуты, груши, яблоки, сливы, черешня, шелковичные ягоды» (т.е. тутовник – Б.А.)[1]. А через несколько лет, в начале XIX в. комендант кизлярской крепости А.И. Ахвердов писал, что дербентский виноград «сам по себе слаще и крупнее всех родов (сортов – Б.А.) виноградов, так что некоторые ягоды в длину бывают в вершок, кой виноград сохраняемой в домах случалось мне есть в маие месяце»[2], т.е. этот сорт винограда можно было хранить даже зимой вплоть до конца весны.

И другие авторы XIX в. отмечали развитость садоводства и виноградарства в Дербентском владении и в самом городе (вернее, вокруг него). «Близ стены вдоль морского берега, – писал в 1806 г. А.А. Кремский – участник военных действий в Дагестане в 1806-1808 гг., прапорщик русской армии, – места ровные, заняты садами, а далее лесом из ореховых и других плодовитых дерев»[3]. По данным за 1810 г., в Дербентском округе было «два огорода овощных», «шесть садов виноградных с винною и чихирною продажею»[4]. Ботаник Линдес писал, что с двух сторон Дербента на протяжении трех верст расположены виноградные и фруктовые сады[5]. Главнокомандующий на Кавказе Ф.Н. Ртищев писал в 1813 г., что «с обеих сторон Дербента до тридцати верст простирающаяся [полоса], и из оной к югу лежащая по большой части занята виноградными садами и потому удобной к хлебопашеству остается весьма немного» земли[6]. И по сведениям авторов 30-х годов XIX в., в Дербентском округе были «хорошие виноградные сады»[7].

Согласно официальным данным, собранным российской администрацией, в 30-е годы XIX в. в Дербенте насчитывалось 860 садов. Армяне из собственного и, видимо, приобретаемого у му-

---

[1] Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С.202.

[2] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.219.

[3] Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С.235.

[4] Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С.249.

[5] АКАК. Тифлис, 1869. Т.2. С.779.

[6] Ртищев Ф.Н. Указ.соч. С.250.

[7] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С.311.

сульман винограда, выделывали до 30 000 ведер вина и до 4000 ведер водки[1].

В 1848 г., по сведениям А. Соколова, в Дербенте было более 800 виноградных садов. Он же писал, что места далее к горам, около деревень Падар, Карадаглы и Татлар изобилуют фруктовыми деревьями. «Почти все деревни этого пространства имеют сады, состоящие из черешни, виноградных лоз, груш, айвы, миндаля, гранат, персиков, винных ягод, грецких орехов, шелковицы (тутовник – Б.А.) и разных огородных овощей»[2].

Широкое развитие получили садоводство и виноградарство в XVIII-XIX вв. в соседнем с Дербентом Табасаране, который, кроме некоторых горных обществ и «других, лежащих по южной стороне хребта» сел, был «способен» «к произведению всех плодов» и «изобиловал» «разными плодами и древесными и огородными», а особенно же славился «яблоками, грушами, орехами»[3]. И не без основания еще в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс писал, что у табасаранцев, наряду со скотом, садов было «в великом изобилии»[4]. В Табасаране так же, как и в других местах, в частности, в соседнем с ним Кайтаге, Урахинском обществе и относительно далекой Салатавии, находились изумительные лесосады, где, как писал в начале XIX в. С.М. Броневский, «яблоня, груша, вишня, черешня, слива, дикий виноград, лесной орешник, рябина, калина, черемуха произрастают между лесами в изобилии»[5].

В Верхнем Табасаране больше всего было ореховых деревьев, которые росли по долинам, находились здесь в небольшом количестве также фруктовые и виноградные сады[6]. Об этом писал и Ф.Ф. Симонович, отметивший, что Табасаран «изобилует

---

[1] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч.4. С.176-177; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С.36.

[2] Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 15 марта 1848. № 11.

[3] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.154.

[4] Дагестан в известиях … С.279.

[5] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.2. С.23.

[6] Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.

при пчеловодстве и разными плодами древесными, …особливо же славятся яблоками, грушами и орехами»[1]. В другой работе он писал, что северная часть Табасарана «изобилует всеми родами произведений и есть по умеренному воздуху и свойству грунта земли самая приятнейшая и для жительства полезнейшая сторона», где разводят и «плодовитые деревья разных родов»[2]. А по словам О. Евецкого, ореховых деревьев в Табасаране было «во множестве». Причем его жители, как отмечал он, отпускали в 30-е годы XIX в. «в Астрахань около 6000 пудов орехов»[3]. В середине XIX в. Н. Березин также отмечал: «особенно изобилует Табасаран ореховыми рощами, и груши и орехи идут отсюда в продажу во множестве»[4].

Садоводство и виноградарство большое место в хозяйстве и в экономической жизни населения занимали и в Кайтаге и главным образом в нижней и предгорной части, где для многих обществ они стали основным занятием, приносившим доход. Об этом во всяком случае говорят сведения начала XIX в. Так, в 1804 г. комендант Кизляра А.И. Ахвердов писал, что «у гор живущие имеют небольшие хлебопашества. Главной же их доход составляют фруктовые деревья, как-то: дулевые, яблочные, айвовые, персиковые, абрикосовые, ореховые. Персики и абрикосы привозят сушеные, а прочеи все с дерева и самые свежие и продают довольно выгодными ценами в Кизляре, где за удовольствием везут в Астрахань и оттуда в российские разные города»[5].

Но садоводство в Кайтаге было развито и ранее, о чем писали авторы, побывавшие в Дагестане и в обществах кайтагских, в частности. Выше нами были приведены сведения XVII в. о садоводстве в Кайтаге, оставленные нам А. Олеарием и Я. Стрейсом. Из авторов XVIII в. такие сведения имеются в работе И.-Г. Гербера, писавшего, что здесь наряду с пашнями «довольно … также

---

[1] Симонович Ф.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.154.

[2] Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С.199.

[3] Евецкий О. Статистческое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835. С.228.

[4] Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. допол. Казань, 1850. Ч.2. С.75.

[5] Ахвердов А.И. Указ. соч. С.216.

садов виноградных и протчих овощей»[1]. Особенно интересны сведения Я. Рейнеггса, писавшего о весьма благоприятных условиях в Кайтаге, способствующих развитию садоводства и виноградарства. Об Ирчамуле он писал, что жители его «пользуются благословением природы, которая в разселение каждого камня питает виноградную лозу»[2]. О Маджалисе Я. Рейнеггс писал, что это «величайшее и всем известное … место, оно преимуществует пред другими особливою добротою вина»[3].

Интерес представляют и сведения участника Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонова, писавшего, что жители Кайтага разводят «фруктов разных родов, как-то: груш, слив, больших орехов, винных ягод, абрикос, винограда и прочих, во всех деревьях в довольном изобилии»[4]. Причем он отмечал, что «фруктовые … лучшие деревья при речке Манасе находятся, в которых довольное количество плода получают»[5]. И авторы XIX в. отмечали «развитость садоводства и виноградарства в Кайтаге». Так, об изобилии в Маджалисе винограда и наличии хороших садов в Кайтаге в 1831 г. писали М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг[6].

Большое место уделил садоводству и виноградарству в Кайтаге во второй половине XIX в. П. Петухов. Он отмечал, что садоводством занимаются жители Терекеме и предгорий Карасырта, что у последних сады находились в устьях ущелий, выходящих на плоскость. И далее он писал, что кроме фруктовых садов у кайтагов были и «исключительно виноградные в магалах Гамринском и Кара-Кайтагском». Отметил П. Петухов и наличие у кайтагов «искони особых правил» по уходу за садами и виноградниками, заключавшихся в одновременном, коллективном выходе всех их собственников на садовые и виноградные работы и одновременном сборе урожая. Как и в Табасаране, в Кайтаге было много и ореховых деревьев. П. Петухов отмечал «немало-

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.83.
[2] См.: Дагестан в известиях … С.277.
[3] Там же.
[4] Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.134.
[5] Там же. С.129.
[6] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана 1831 г. // ИГЭД. С.310.

важное значение в хозяйстве жителей полосы горных гор» сбор орехов[1].

Как ни странно, но о садоводстве лезгин сведения либо отсутствуют, либо их очень мало. Но это не значит, что лезгины не занимались садоводством. Отсутствие сведения об этом можно объяснить тем, что в лезгинские общества не доходили путешественники, ученые, военные деятели, которые писали о других народах Дагестана. Поэтому смело можно утверждать, что садоводство на территории лезгин было развито там, где этому способствовали природно-климатические условия. Это Гюнейский магал кюринских лезгин, Ахты-пара, Мискиджи и другие общества, в особенности самурской долины, охватывающей и территорию Ахты-пара, и территорию Гюнейского магала, входившего в Кюре, где прекрасные условия для занятия садоводством. Жители этих обществ, как и другие народы Дагестана, занимающиеся садоводством, выращивали яблоки, груши, айву, гранаты, грецкий орех, миндаль, абрикосы, инжир и проч. Ряд обществ этих магалов «использовали продукты этой отрасли не только для личного употребления, но и для продажи»[2]. Об этом можно судить и по сведениям 30-х годов XIX в. «В Кюринском владении и в других местах ближе к морю, – писал Ф.И. Гене, – растет виноград и другие фрукты»[3]. И что интересно – далее он отмечал: «В означенном владении немного выше селения Хош-кента, по левому берегу реки Гюльгяри-чай, тянется по чрезвычайно душистому лугу до селения Кюркента черешневый лесок величиною до 6-ти квадратных верст». « … владение сие, – писал Ф.И. Гене, – богаче всех в отношении растительной силе своей»[4].

Останавливались в своих работах о садоводстве и благоприятных условиях вообще в Кюринском владении и другие авторы XIX в. Так, Н. Данилевский в 1846 г. писал: «Почва земли в восточной части области Кюринской весьма плодородна и способ-

[1] [Петухов] П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (В Южном Дагестане) // Кавказ. 12 февраля 1867. № 3.

[2] Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978. С.42.

[3] Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/1836 г. // ИГЭД. С.344.

[4] Там же. С.344-345.

ствует к земледелию и садоводству»[1]. А через два года А. Соколов писал, что в Кюринском владении «начинаются прекрасные шелковичные (тутовые – Б.А.), черешневые и грецкого ореха сады»[2].

Садоводством и виноградарством занимались и жители кумыкских феодальных владений, которые, как известно, занимали равнину и предгорную часть Дагестана, весьма благоприятные по своим географическим и климатическим условиям для земледелия – полеводства, огородничества и садоводства. Это Тарковское шамхальство, княжества Засулакской Кумыки, Мехтулинское ханство и более мелкие бийликства – Утамышское султанство, Буйнак, Бамматула, Карабудахкентское, Эрпелинское.

Цитированный выше А. Соколов оставил интересные сведения о территории от Дербента к северу, занимаемой Утамышским султанством. Близ деревни Каякента, писал он, растет дикий фруктовый сад и находится каякентский вишневый сад, который в длину простирается на более 6 верст[3].

По сообщению участника Каспийского похода Петра I в Прикаспие в 1722 г., затем коменданта крепости Святого Креста Д.Ф. Еропкина, сады имелись в Нижнем Казанище, Кафыр-Кумухе, Гелли («с одной стороны старые сады»)[4]. В 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс о Карабудахкенте писал, что «он богаче всех прочих (сел – Б.А.) почитается, потому что в нем находится» не только «великое множество овечьих стад», но и «многочисленные сады», дающие «вкусные плоды, а именно: фигвы, яблоки, груши и орехи», умножающие «доходы сего поколения» (жителей – Б.А.)[5]. О дженгутайцах он писал, что они «почитаются богатейшими жителями Кавказа, ибо они как в земледелии, так и в разводе винограда и садов с великим успехом упражняются»[6].

В 1718 г., А.И. Лопухин, описывая территорию Тарковского шамхальства, писал: «Ехали мы от Тарков до гор с агач все по косогору и тут проехали две деревни Тарковские ж, подле кото-

---

[1] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С.67.

[2] Соколов А. Указ.соч. // Кавказ. 15 марта 1848 г. № 11.

[3] Соколов А. Указ.соч. // Кавказ. 15 марта 1848 г. № 11.

[4] Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С.121-122.

[5] Дагестан в известиях … С.271.

[6] Там же. С.273.

рых на горах лесу видеть довольно. Пониже сей дороги к морю есть садов виноградных немало»[1]. Жители его, писал И.-Г. Гербер, «имеют хорошие виноградные и другие (фруктовые – Б.А.) сады[2]. В 30-е годы XIX в. Ф.И. Гене писал: «В Мехтулинском владении и вообще в провинциях, лежащих ближе к морю, занимаются уже садоводством и огородничеством»[3].

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

О садоводстве и виноградарстве в Засулакской Кумыкии писал Я. Рейнеггс, отметив при этом, что сады Акая не находятся в небрежном состоянии, но «нет у них ни вина, ни плодоносных деревьев»[4]. И, напротив, об Эндирее он писал, что «земледелие хотя и самое лучшее, но сады пополняют приятностию отменных плодов плодоносных деревьев, в них великое множество, как то: дынь, арбузов, а особливо персиков отменно приятного вкуса»[5]. Писал о садоводстве в Засулакской Кумыки в 1812 г. и А.М. Буцковский, отметивший, что здесь «климат теплее прочих областей сей полосы, что доказывается совершенным созреванием винограда и других хороших фруктов»[6].

В соседней с Засулакской Кумыкией Салатавии также были прекрасные условия для занятия садоводством и виноградарством. «Главное их (жителей Салатавии – Б.А.) имущество, – писал А.М. Буцковский, – состоит в овечьих стадах… и в садах, производящих отменный род винограда и фруктов»[7]. Писали об этом и другие авторы XIX в. Так, в 1828 г. Хрисанф отмечал, что аварские села Салатавии, расположенные на берегах рукавов Койсу, «имеют хорошие фруктовые и виноградные сады». Хрисанфа привлекли местные персики, о которых он писал: «Персики заслуживают внимание, кои весьма крупны и вкуса весьма приятного, и некоторые из них величиною около полутора вершка в диаметре; не менее того и виноград заслуживает внимания, который, будучи без всякого присмотра, вкуса весьма приятного,

institutehistory.ru

[1] Лопухин А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.45.
[2] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.71.
[3] Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/1836 г. ИГЭД. С.344.
[4] См.: Дагестан в известиях … С.253.
[5] Там же. С.254.
[6] Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С.244.
[7] Там же. С.243.

а вино из него чрезвычайно крепкое»[1]. Еще один автор – Р.Ф. Розен отмечал, что Салатавия имеет «изрядные фруктовые сады» и немного винограда [2].

Следует отметить, что почти во всех аулах Салатавии было развито садоводство. Но особо отличались садоводством и виноградарством Чиркей, Зубутли, Миатли, Гостала, Хубар, Инчха, Иха, Зурамкент. Ад. Берже писал, что «Чиркей окружен садами»[3]. В другом месте он отмечал, что фруктовые сады встречаются в долине реки Койсу и что они состоят преимущественно из виноградных лоз или царского орешника и частию кураги и вишни[4].

Как говорят источники, во многих селах Салатавии хорошо было развито виноградарство. Им занимались жители сел. Хубар, Инчха, Чиркей, Зубутли, Иха, Миатли, Зурамкент, Чирюрт, Бавтугай[5]. Согласно данным начала XIX в., общая площадь виноградников была более 10 кв. верст[6]. Особенно отличались занятием виноградарства миатлинцы, выращивающие особо сладкие сорта винограда. К концу XVIII в. миатлинцы вдоль берега Сулака развели виноградные сады, насчитывавшие около 200 десятин[7].

Как писал Ад. Берже: «Скудость природы в горах заставляла жителей с неимоверными трудами устраивать сады на крутизнах и скалах, искусственно отделанных в виде террас»[8]. Наглядным примером правильности этих слов является виноградарство сел. Чиркей. Виноградники Чиркея находились к востоку от селения и тянулись к Сулаку по крутым откосам с обеих сторон оврага реки Аксу. Левый откос имел уклон – от 30º до 45º, правый же доходил до 60º, местами были почти обрывы. Почва обоих откосов

---

[1] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С.268-292.
[2] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С.289.
[3] Берже Ад. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 год. Тифлис, 1858. С.273.
[4] Там же. С.264, 280.
[5] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.2. Л.289. Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половины XIX в.). Махачкала, 1995. С.46.
[6] Там же. Л.133. С.46.
[7] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.292. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.46.
[8] Берже Ад. Указ.соч. С.251.

состояла из сплошного камня[1]. Как пишет автор приведенных слов Ш.М. Мансуров, «на такой почве выращивали виноград и фруктовые деревья … обработка такой почвы и по таким откосам требовала больших усилий для этого необходимо было очистить почву от камней, устроить ровные без откосов площадки, на них нанести со стороны землю и, наконец, провести к ним воду». Сами виноградники шли террасами с очень узкими площадками шириной в один и пол-аршина, каждая площадка отделялась от соседних стеной, выложенной из камней. Такое физическое строение требовало ежегодного ремонта: очистки площадок от сверху падающих камней, исправление стенок, канав и т.д.[2]

Согласно источникам, виноградники Зубутля и Иха также были расположены террасами, но с менее крутыми уклонами и почва была менее камениста. В сел. Зурамкент сады находились у самого Сулака, а в сел. Инчха – в широкой долине реки Ачи-су[3].

Сады – и виноградные, и фруктовые – не обходились без орошения, для чего горцы строили сложные водопроводы. Особенно сложная ирригационная система была построена в Чиркее. Из речки Ак-су, протекающей в глубоком овраге, вода была проведена на сады по канаве, сооруженной из тесаного камня, которая местами покоилась на довольно толстой и высокой стене, также сложенной из тесаного камня. От этой главной канавы шла целая сеть перекинутых желобами через глубокие овраги побочных канав, непосредственно питающих сады[4].

Как во многих других садоводческих обществах, продукты садоводства и виноградарства для большинства салатавских сел служили не только для собственного потребления, но и для продажи. Как показывается в источниках, население виноградарских сел. Зубутли, Хубара, Инчха, Иха, Зурамкента обычно продавало виноград натурой на корню приезжим купцам. А миатлинцы в основном из винограда сами приготовляли вино и продавали его[5]. Приезжавшие для покупки вина евреи и армяне из Кизляра и других мест останавливались в окрестностях Инчха и из куплен-

[1] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.288. Мансуров Ш.М. Указ.соч. 47.
[2] Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.47.
[3] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.289. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.47.
[4] Там же. С.48.
[5] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.252. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.48.

ного винограда на месте делали вино и вывозили его для продажи[1]. Согласно имеющимся сведениям, в начале XIX в. в сел. Миатли и Зубутли выделывали более 200 бочек вина в год. Причем это вино было трех цветов, и оно было лучше кизлярского, чему «причиною их сады, закрытые горами от ветров, и разнообразие сорта»[2]. Только в садах зубутлинцев насчитывалось 27 сортов винограда[3]. Многие современники отмечали хорошие качества вина из салатавских виноградов. Так, Хрисанф писал: виноград их (салатавцев – Б.А.) «вкуса весьма приятного, а вино из оного чрезвычайно крепко»[4]. Ф.И. Соймонов о винах Чиркея, Гимри и Унцукуля писал, что оно «подобное португальскому и мадерскому»[5]. Г. Шобер говорил, что салатавское вино «не уступает венгерскому»[6].

В Салатавии, как и в указанных выше Кайтаге и Табасаране, находились и ореховые рощи. Особенно много ореховых деревьев было в сел. Гостала. В одном источнике сказано: «Гостала – это очаровательная долина с рассеянными там и сям белыми домиками между рощами огромных ореховых деревьев в обхвата полтора толщиною. Отсюда и происхождение самого названия «Кастала» – ореховая поляна»[7]. «Там есть деревья, – писал И.С. Костемеровский, – дающие по 10 пуд. орехов»[8].

В Салатавии, как и в других предгорных зонах Дагестана, имелись и лесосады, что также является показателем большого развития садоводства еще в древности. Н.Ф. Дубровин писал о Салатавии: «Сосна и виноград, береза и грецкий орех, рябина и тутовое дерево, огромные дубы, чинары, липа, осина и персики – все это составляет принадлежность лесной флоры Салатавии»[9].

---

[1] Там же.

[2] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.1. С.499.

[3] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С.55.

[4] Хрисанф. Указ.соч. // ИГЭД. С.269.

[5] Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., 1763. С.351-352.

[6] Шобер Г. Указ.соч. С.390.

[7] ЦГА РД. Ф.147. Оп..1. Д.7. Л.290. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.49.

[8] Костемировский И.С. Дневник из Салатавского зимнего похода // Кавказ. 1859. № 62.

[9] Дубровин Н. Указ.соч. С.499.

Исследуя социально-экономическую и политическую историю Салатавии конца XVIII – первой половины XIX в., Ш.М. Мансуров пишет: «Наличие лесосадов из диких и одичавших фруктовых деревьев по склонам, которые могли существовать только в местах с длительными традициями садоводства, встречавшихся повсеместно в Салатавии, позволило предположить, что там садоводством занимались еще в древности»[1].

Садоводство и виноградарство были широко развиты и в других речных и горно-долинных общинах Аварии. И не без основания известный дагестанский ученый Х.-М.О. Хашаев писал, что садоводством, как и полеводством, горцы Дагестана «занимались так же искусно, как и жители равнинной части его»[2]. И вряд ли можно согласиться с утверждением А.А. Неверовского, писавшего в 1847 г., что в западной части Северного и Среднего Дагестана садоводство не существовало, «исключая, лежащих в глубоких ущельях, да и там оно весьма незначительно». И далее, что здесь растут «только дикие фруктовые деревья, как-то: лесные орехи, яблоки, называемые у нас (русских – Б.А.) кислицами»[3]. Ниже мы приведем его же слова, опровергающие это неверное утверждение, и свидетельства многих других авторов XIX в., подтверждающих развитость садоводства и виноградарства в аварских обществах указанной территории. Более того, сам А.А. Неверовский восхищался фруктами ряда обществ Аварии. Известными центрами садоводства и виноградарства в Аварии были Хиндах, Харахи, Гимры, Ботлих, Гоцатль, Унцукуль, Зубутли, Миатли, Чальда, Ишкарты, Ирганай, Голотль, Тлох, Чирката, Могох, Кородa, Игали, Ашильта, Гергебиль, Аракани, Хоточ, Кегер, Кикуни, Муни, Агвали и др.[4]

Конечно, в горном Дагестане садоводство отличалось от садоводства равнинной части. Сады горного Дагестана – «результат огромного труда по сооружению террас, подведению воды, со-

---

[1] Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.46.

[2] Хашаев Х.-М. Занятия населения … С.36-37.

[3] Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С.38.

[4] Материальная культура аварцев. С.52; Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 2002. С.93.

зданию защитных средств и т.д., вложенного с расчетом на выгодный обмен». Именно поэтому еще ранее исследуемого периода, «с XVII в. садоводство приобретает здесь сугубо обменный характер» в то время как на плоскости сады нередко носили потребительский характер, так как «экономическое благополучие крестьянина от них не зависит»[1].

В Аварии садоводство и виноградарство были развиты, в особенности в речных долинах – «хьиндаялъи», где были благоприятные почвенно-климатические условия. О наличии в горах Аварии садов и виноградников, особенно в долинах рек, писали многие авторы, которые были здесь и сами видели все это. Так, прапорщик царской армии Хрисанф, бывший в Аварии в конце 20-х годов XIX в., писал, что здесь было много «хороших фруктовых и виноградных садов»[2]. «Персики, – отмечал он, – заслуживают внимания, кои весьма крупны и вкуса весьма приятного, и некоторые из оных величиною около полутора вершка в диаметре; не менее того и виноград заслуживает внимания, который, будучи без всякого присмотра, вкуса весьма приятного, а вино из оного чрезвычайно крепкое»[3]. Он же отмечал, что Унцукуль славится «фруктовыми садами»[4]. О Чирката он же писал, что она расположена анфитеатром по косогору, подошвы которого украшены садами, где в основном были грецкие орехи и виноградники. И еще – недалеко от Чирката, писал он, находится другое селение, так же «весьма богатое садами»[5]. Описал чиркатинские сады и ген.-адъютант Граббе, согласно сведениям которого сады простирались по Койсу и ущелью на расстоянии 10 верст. Главное занятие жителей этих мест, писал он, «состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество террас, обложенных каменными стенами и расположенными таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно; по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засевается кукурузой … сад здешних лезгин дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды и

[1] История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.235.
[2] Хрисанф. Указ.соч. // ИГЭД. С.268-269.
[3] Хрисанф. Указ.соч. // ИГЭД. С.268-269.
[4] Там же.
[5] Там же. С.266.

поэтому составляет главное его богатство … Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады». Граббе также отмечал, что виноградные сады чиркеевцев занимали до 10 кв. верст[1].

Одним из главных занятий садоводство было и для койсубулинцев. И в Койсубула были благоприятные природно-климатические условия для занятия садоводством и виноградарством. Как писал Ад. Берже, в Койсубу или Хиндалал климат, хотя довольно суров, но есть долины, защищенные от северных ветров, в которых созревает виноград и другие плоды[2]. Садоводство давало койсубулинцам самый большой доход в торговле с другими народами. Они, отмечал А.П. Щербачев, «торгуют более одними только фруктами, в особенности виноград в большом изобилии … Фрукты можно найти разного рода, даже и самые персики произрастают там»[3].

Интересные сведения о торговле фруктами койсубулинцев оставил и Ад. Берже. В частности, он писал, что в койсубулинские села приезжали армяне, которые покупали у них персики, из которых «гоняли» водку. Сами же койсубулинцы, по его сведениям, которые получали со своих полей недостаточное количество пшеницы, выменивали свои фрукты на зерно в Мехтулинском ханстве, Тарковском шамхальстве и у жителей других кумыкских владений[4].

А. Руновский писал, что Хиндалал («хиндал») – страна фруктов «следует назвать садом северо-восточного, а может быть и целого Кавказа. Этот сад орошается тремя большими реками»[5]. А. Комаров писал, что большая часть койсубулинских селений находится в глубоком ущелье Андийского и Аварского Койсу, где есть много мест удобных для разведения фруктовых деревьев, почему и дано

---

[1] РГВИА. Ф.ВУА. Д.6361. Ч.2. Л.81. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана. Махачкала, 1959. С.43.

[2] Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана. С.282.

[3] Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД. С.296.

[4] Берже Ад. Указ.соч. С.283.

[5] Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. Июль 1862. № 8. С.385.

аварское название Хиндатли или Хиндалал»[1]. Останавливаясь на занятии хиндалальцев, «Кавказский календарь» на 1893 год писал: «Садоводство занимает видное место в сельском хозяйстве Аварского округа, обеспечивая главным образом, существование жителей нескольких селений, расположенных в ущельях по течению рек Аварского и Андийского Койсу. Местности эти отличаются жарким климатом, защищены высокими горами от влияния холодных ветров, пользуются обильным орошением и, благодаря этому, представляют все благоприятные условия для процветания садоводства»[2]. Согласно данным, приведенным в этом же издании, в 1891 г. в Аварском округе было собрано 47312 пудов фруктов, из которых продано 15829 пудов на 9238 руб.[3]

Авторы XIX в. особо выделяли фрукты и виноград унцукульцев, гимринцев и ряда других сел хиндалальцев. «Унцукуль известен своими фруктовыми садами», – писал Ад. Берже[4]. Я. Костенецкий писал об Унцукуле: «Она окружена, как и все здешние деревни, верст на шесть опоясывающими ее садами, где растут персики, абрикосы, яблоки, груши, туты, вьются бесконечные ряды прекраснейшего винограду и как исполины стоят ореховые деревья, журчат по террасам прохладные водопады … Я не видал ничего величественнее в лесном царстве, как горские ореховые деревья, и наши огромные дубы не могут сравниваться с ними. Иные стволы бывают в пять человеческих обхватов»[5]. А. Неверовский писал, что «лучшие персики и виноград растут в гимринских садах» и далее об ореховых деревьях: «Грецкие орехи растут в изобилии и в значительных садах имеется по несколько сот вековых деревьев, из которых некоторые в два и три обхвата»[6]. О Гимры писал и Я. Костенецкий, отметив, что «от деревни до самой реки и потом вверх и вниз по ней верст на пять

---

[1] Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. СССК // ЗКОИРГО. Тифлис, 1869. Т.1. С.35.

[2] Дагестанская область в 1891 году // КК на 1893 г. Тифлис, 1892. С.149-150.

[3] Там же. С.150.

[4] Берже Ад. Указ.соч. С.274.

[5] Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851. С.75.

[6] Неверовский А. Указ.соч. С.40,41.

простираются самые превосходные и живописные сады»[1]. О Зираны он писал, что оно окружено «восхитительными садами, где огромные орехи, яблоки, груши, персики и виноград едва держались под тяжестью уже начавшихся созревать плодов своих. Особенно мне понравились яблоки – огромные деревья, которых ветви, обремененные, как гроздями, пунцовыми плодами, шатром склонялись к земле. Этот род самых крепких и долго сохраняющихся яблок»[2]. П. Пржецлавский, ссылаясь на А.А. Неверовского, писал, что «самый лучший по качеству виноград в сел. Гимры и Могохе»[3].

Садоводство и виноградарство было развито в селах Гидатлинского союза сельских общин. Интерес представляют сведения, собранные Н.И. Вороновым во время его путешествия по Дагестану. Гидатль он называл «благодатной страной», а широкую гидатлинскую котловину весьма «привлекательной для жизни». Это «широкая, природная поляна, которая залегла между главными … аулами Гидатлинского общества, вся культивированная под сады и пашни»[4]. Далее он писал, что в Гидатле разводят и виноград «на самых низменных местах, обращенных на полдень». Писал он и об огромных ореховых деревьях, которые росли в Гидатле. Фруктовые деревья в основном находились вокруг пашен, почему он их называл пашни-сады[5]. По своей структуре гидатлинские пашни-сады были такими же, как и в Хиндахе, о которых Н.И. Воронов писал: «Сады эти довольно своеобразны. Садом здесь называется пахотное поле, обнесенное каменной изгородью и кое-где осеняемое персиковыми, ореховыми и абрикосовыми (курага) деревьями»[6].

Садоводство было развито и в Технуцале и в других обществах, входивших в Андийский округ, о котором в «Кавказском календаре» за 1893 г. говорилось, что «жители пользуются каждым удобным местом и садят фруктовые деревья на пашнях, се-

---

[1] Костенецкий Я. Указ.соч. С.76.
[2] Там же. С.102.
[3] Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т.3. С.175.
[4] Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.25-26.
[5] Там же. С.27.
[6] Там же // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.3. С.10.

нокосных местах и поблизости рек, и в редких случаях огораживают эти насаждения. Фруктовые деревья и виноград разводятся здесь так же, как и в Аварском округе, в низменных местностях и в ущельях на солнечной стороне в селениях: Хуштада, Анчик, Верхний и Нижний Энгели, Верхний Инхо, Килятль, Гадари, Ингиши, Тинди, Тиссы, Агвали, Гигатль, Гаквари, Цумада, Рагазаных, Ортоколо, Конхидатль, Миарсо, Ансалта, Годобери и др. В селениях этих с успехом возделываются: виноград, персики, яблоки, груши, сливы, курага и грецкие орехи»[1].

Славились своими садами и виноградниками гоцатлинцы, которых до революции насчитывалось 120 участков[2].

Хорошие фруктовые сады и виноградники находились в сел. Голотль. По сведениям Н. Львова, в Голотле в прошлом, до Шамиля аварским ханам принадлежали различные сады. Только из ханских виноградных садов собиралось винограда более 500 корзин (корзина вмещала 3 меры, или около пуда винограда). Затем эти сады перешли к Шамилю и они стали доставлять виноград еще больше. Затем с каждым годом виноград собирали все меньше и меньше[3].

Садов и виноградников в Аварии в XVIII-XIX вв. было много. Окольничий писал в 1859 г., что «под каждым аулом имеются сады и огороды, разведение которых тоже стоило огромных усилий, все, что только может приносить какой-нибудь плод, все в горах занято, обработано, засеяно, покатости гор, уступы, небольшие площадки, курганчики, возвышающиеся на дне ущелья, … одним словом все то, где только могла проявиться деятельность человека, все более или менее приспособлено к удовлетворению первейших жизненных потребностей»[4]. И поэтому земля в горах стоила дорого, тем более, что для многих горцев садоводство действительно было основным занятием, на что было обращено внимание выше и говорили об этом сами жители многих аварских сел. Так, например, хоточцы, бывшему у них в 1868 г. Н.И. Воронову, «прямо заявили, что живут преимущественно от

---

[1] Дагестанская область в 1891 г. // КК на 1893 г. С.149-150.

[2] Материальная культура аварцев. С.55.

[3] Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 10 сент. 1867. № 71.

[4] Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане. 1843 г. // Военный сборник. СПб., 1859. Т.5. № 1. С.158.

своих садов»[1]. Приведем еще слова Н. Львова, писавшего, что сады составляют «главный предмет богатства горцев»[2].

Ведущей отраслью в хозяйстве у мунинцев также было садоводство. В садах Муни выращивали и выращивают до сих пор прекрасные сорта превосходных фруктов, 11 сортов абрикос, два сорта персиков, три сорта слив, 11 сортов груш, три сорта яблок, пять сортов винограда[3].

institutеofhistory.ru

Все приведенное является показателем большой роли садоводства и виноградарства в экономической жизни аварцев. Поэтому им уделялось такое большое внимание. И довольно странно выглядит мнение ряда дореволюционных авторов, что в этих отраслях, как и в хлебопашестве, «видна врожденная леность горцев», не уделяющих должного внимания, ухода за садами и виноградниками, хотя в знании садоводства у них нет недостатка[4]. Еще ранее автора приведенных слов А.А. Неверовский писал о жителях юго-западной части Северного и Среднего Дагестана: «Без всякого сомнения горец не ухаживает за фруктовыми деревьями, как опытный садовник, – чего, впрочем, нельзя требовать от его невежества»[5]. Впрочем еще дальше него пошел П. Зубов, писавший еще в 1835 г., что «виноградарство можно причислить к диким растениям, хотя растет много, но о нем горцы не заботятся и он свободно вьется по ветвям других дерев, подобно нашему хмелю»[6].

institutеofhistory.ru

Вряд ли можно со всем этим согласиться, и в связи с такими утверждениями не лишне здесь привести совершенно противоположные мнения других дореволюционных авторов о дагестанских горцах и об их занятии земледелием вообще, садоводством и виноградарством, в частности. Хотя и позже указанных выше авторов, М. Владыкин отмечал, что горцы трудолюбивы. «Доста-

---

[1] Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.11.

[2] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.III. С.15.

[3] Материальная культура аварцев. С.56.

[4] Львов Н. Указ.соч. С.15.

[5] Неверовский А. Указ.соч. С.40.

[6] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч.3. С.231.

точно взглянуть на природу горного Дагестана, – писал он, – чтобы убедиться в том, что без почти сверхъестественных усилий, в нем невозможно существовать». Он восхищался водопроводными канавами, проведенными в Горном Дагестане на десятки верст, строительством горцами на скалах пахотных участков[1]. Еще более высоко оценивал М. Владыкин садоводство и виноградарство горцев. «Посмотрите, – писал он, – какие сады в здешних аулах, и какие родятся в них яблоки, груши, персики, виноград. Виноградники отделаны как на Женевском озере, террасами и земля на них, как там же, натаскана. Сообразите, сколько веков на все это потребовалось и каких трудов и усилий все это стоит. И, когда подумаешь, что все это результат сверхчеловеческой работы»[2].

О развитии садоводства и виноградарства в Аварии говорит и тот факт, что аварские правители вплоть до ликвидации Аварского ханства облагали жителей подвластных им селений, где было развито садоводство и виноградарство, податью различными фруктами и виноградом[3].

Среди горных обществ даргинцев садоводство и виноградарство были развиты в цудахарских селах. Ад. Берже писал, что Цудахар когда-то славился своими садами, но в 1846 г. они были истреблены Шамилем[4]. И далее он отмечал, что из горских деревень одни только Хаджалмахи имеют значительные сады: груши его славятся во всем крае[5]. На самом деле сады цудахарцы имели и раньше. «В сем округе, – отмечал И.А. Гильденштедт еще в 70-е годы XVIII в., – родится виноград и другие плоды»[6]. По сообщению Ф.И. Гене, от сел. Хаджалмахи до Казикумухского Койсу простирался «фруктовый лесок (сад – Б.А.) величиною до двух

---

[1] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. СПб., 1885. С.204.

[2] Там же.

[3] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С.147-150.

[4] Берже Ад. При-Каспийский край … С.331.

[5] Там же. С.332.

[6] Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С.131.

квадратных верст»[1]. «Красивее этой огромной акушинской деревни я еще не видел», – писал о Хаджалмахи Я. Костенецкий[2]. «За деревнею начинается довольно крутой спуск и версты на четыре простираются сады, понижаясь террасами до самого Койсу»[3]. Многие наблюдатели с восхищением писали о хаджалмахинских садах. Так, « … нельзя не удивляться разбросанным на террасах фруктовыми садам», – писал с восхищением о хаджалмахинских садах А. Зиссерман»[4]. О наличии в Хаджалмахи прекрасных и «значительных садов» писал Ад. Берже. Н. Абельдяев отмечал, что хаджалмахинские сады известны во всем Дагестане[5]. В 70-е годы XIX в. Владимир Вилльер де Лиль-Адам отмечал, что «фруктовые сады Хаджалмахи весьма богаты всевозможными сортами фруктов и громадными деревьями. Сад тянется до Ташкапура, лежащего в узком глубоком ущелье»[6]. В 80-е годы XIX в. Д.Н. Анучин также отмечал, что «Хаджалмахи славится садами, где есть груши, абрикосы, виноград»[7]. В тот же период М. Владыкин писал, что «Хаджалмахи замечательный, как Гимры и Гергебиль, своими прекрасными садами и земля на террасы натаскана»[8]. Останавливаясь на описании оросительных канав, он отмечал, что «орошение устраивалось веками, и оросительные канавы проведены по горам иногда за десятки верст. Истинно многому можно научиться у здешних горцев»[9]. В 90-е годы XIX в. о хаджалмахинских садах В. Сидоров писал: «Потянулись сады, сжатые в теснине и занявшие крутые берега реки. Абрикосы, слива, персики, алыча радовали меня своей зеленью. Весь аул Хаджалмахи утонул в фруктовых садах. Некоторые сор-

---

[1] Гене Ф.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.344; см. также РГВИА. Ф.205. Оп.1. Д.139. Л.4.

[2] Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 году. СПб., 1851. С.30.

[3] Там же. С.33.

[4] Зиссерман З.А. 10 лет на Кавказе // Современник. 1854. Т.48. № 11. С.28.

[5] Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ. 1857. № 50.

[6] Вилльер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе // ССКТ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С.20.

[7] Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. СПб., 1884. Т.2. Вып.4. С.480.

[8] Владыкин М. Указ.соч. С.213.

[9] Там же. С.215.

та груш и кураги капризны, так как они зреют в этой узкой долине ревущей Койсу, защищенные от всяких ветров сады полны душистого лоха и персиков»[1]. И, наконец, остановимся на описании хаджалмахинских садов, данном П.Ф. Свидерским в самом начале XX в. «Вблизи Хаджалмахи, – отмечал он, – со стороны дороги бесконечно, зеленою лентою, потянулись сады: малорослые, но крепкие, корявые яблони, груши, абрикосы, бергамоты, сливы, черешни и вишни». И далее он писал, что хаджалмахинцы «славятся своими фруктами, особенно яблоками, и более всего – приготовлением из персиков и абрикос консервов, которые хаджалмахинцы рассылают с большею для себя пользою во многие города Кавказа и внутренней России»[2]. Согласно данным «Кавказского календаря», реализация фруктов дала хаджалмахинцам в 1891 г. 6000 руб.[3]

По сведениям начала XX в., садоводством занимались жители более 10 цудахарских селений: Цудахар, Хаджалмахи, Куппа, Каданимахи, Убекимахи, Кулибухна, Ташкапур, Аршимахи, Тебекмахи, Аметерекмахи, Санамахи. Виноградарством занимались жители Хаджалмахи, Ташкапура и Куппа[4]. Как писал В. Сидоров: «Населенные пункты, в которых развито садоводство, большей частью расположены на крутых скатах ущелий, значительно выше Койсу. Виноградники и фруктовые сады, разведенные на искусственно воздвигнутых террасах, обыкновенно спускаются от селений к Койсу и боковым ущельям, но если климатические, топографические и почвенные условия местности не препятствуют разведению садов, то террасы встречаются и выше с боков селений»[5]. Климат на территории проживания цудахарцев был более умеренный и равномерный, чем в остальной части Акуша-Дарго. Именно сказанное и недостаточность земли для хлебопашества

---

[1] Сидоров В. По России. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897. С.347.

[2] Свидерский П.Ф. В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903. С.17.

[3] КК на 1893 г. Тифлис, 1892. С.140.

[4] Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Т.1. С.65, 70.

[5] Сидоров В. Указ.соч. С.374.

способствовали тому, что в цудахарских селениях сады составляли «главное богатство»[1].

В остальных селах Акуша-Дарго не занимались садоводством, о чем писали авторы начала XX в. Так, М.С. Шапсович писал, что «вследствие суровых климатических условий садоводство в Даргинском округе не развито и занимались им только жители «сел в ущелье р. Казикумухское Койсу»[2]. Это были все указанные выше цудахарские села. Согласно данным Дагестанского областного комитета, виноградные и фруктовые сады только хаджалмахинцев занимали пространство в 17 десятин, из которых 4 десятины земли было занято под виноградники[3]. Много было садов и у куппинцев, фруктовые и виноградные сады их тянулись на пространстве 9 десятин, из которых одна десятина была занята под виноградниками[4].

Наибольшее развитие садоводства и виноградарства у аудахарцев получило в XIX в. «с укреплением обменных связей и складыванием общедагестанского рынка»[5].

Хотя выше мы привели слова М.С. Шапсовича об отсутствии садов в других даргинских обществах, кроме цудахарских, тем не менее, имеющие сведения говорят о наличии садоводства и в других селах Акуша-Дарго. Об этом, в частности писали М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, отмечавшие, что акушинцы «занимаются» не только хлебопашеством, но и «разведением садов»[6]. И в Урахинском союзе (Каба-Дарго) жители ряда сел занимались садоводством. По сведениям В. Вилльера де Лиль-Адама, из Аялизимахи (один из хуторов сел. Урахи) на дешлагарский базар привозили орехи[7]. В Каба-Дарго, кроме собственно садов, было много и лесосадов, где было много диких фруктов:

---

[1] Bodenstädt F. Die VöIker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S.303.

[2] Шапсович М.С. Весь Кавказ. Баку, 1914. С.107; см.также: ЦГА РД. Ф.21. Оп.3. Д.16. С.460.

[3] ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Ед.хр.101. Л.394, 550.

[4] КК на 1866 г. Тифлис, 1865. С.355.

[5] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С.37.

[6] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.309.

[7] Вилльер де Лиль-Адам В. Указ.соч. // ССКГ. Вып.VIII. С.3.

яблок, груш, алыча, грецких орехов, боярышника, кизила и т.д., которые собирали и употребляли местные жители.

В целом в даргинских обществах, по сравнению с предгорными и горно-долинными обществами Аварии, садоводство было развито слабо, не считая Цудахарского общества. По мнению М.О. Османова, это было следствием сравнительной оторванности нагорной Даргинии от других районов Дагестана, суровости климата и трудностями орошения.

Из всего приведенного выше материала видно, что садоводство и виноградарство были довольно распространенным занятием у народов Дагестана. Практически, кроме жителей высокогорного Дагестана, садоводством и виноградарством занимались во всех природно-географических зонах – в одних обществах более широко, в других слабее – в зависимости от возможности ведения других отраслей хозяйства, в особенности земледелия, занятие которым было затруднено именно в тех горных долинах, где занимались садоводством и виноградарством, возможным в долинах рек, в горных ущельях и даже на труднодоступных скалах, куда наносилась земля, и горцы приспосабливали их для садоводства и виноградарства.

§ 5. Огородничество и бахчеводство

Огородничество, как одна из отраслей или составляющая часть земледелия в широком смысле слова, являлось таким же древним занятием, как и само собственно земледелие. Это объясняется тем, что с самого начала, т.е. появления и становления земледелия, как одного из видов занятий человека, оно носило характер огородничества, так как было небольших размеров и первоначально находилось и развивалось рядом или вокруг поселения и было мотыжным. Тогда земледелие невозможно было вести в широких размерах, оно занимало небольшое пространство. Это стало возможным только с появлением сохи и плуга, чему «предшествовал длительный период обработки небольших посаженных участков вручную, средствами неолитической техники, т.е. период в течение, которого земледелие было мотыжным и имело характер огородной культуры»[1].

[1] Слободин М.В. Развитие и смена земледелия до 1 тысячелетия н.э. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Т.1. С.25.

Переход же к плужному земледелию произошло только с появлением и освоением железа, которое и «сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств»[1].

О характере огородничества первобытного земледелия писал ряд известных ученых, занимавшихся изучением первобытных обществ различных стран мира. Так, Ф. Энгельс отмечал: «Огородничество, вероятно неизвестное азиатским варварам низшей ступени, появился у них не позднее средней ступени, как предтеча полеводства»[2]. Такого же мнения был американский историк и этнограф, исследователь первобытного общества Л.Г. Морган, который писал: «Огородничество предшествовало полевому земледелию, как огород (*hortog*) предшествовал полю (*ager*) и в своих описаниях земледелия американских индейцев неоднократно указывал, что полевое земледелие было им неизвестно, а культурные растения выращивались в огородах[3]. Как писал В.М. Слободин, «мотыжное земледелие в форме огородной культуры было характерно для периода матриархата» для африканских негров, папуасов, древних обществ Ирана, Египта, Месопотамии, Мексики, Средней Азии и т.д.[4]

Когда земледелие, пройдя длительный путь от мотыжного к плужному, стало вестись в крупном размере, полевым в результате применения плуга с железным лемехом, и стало одним из основных отраслей хозяйственной деятельности человека, огородничество выделяется как один из видов хозяйства, но не как основное занятие. Причем огородничество изменялось с изменением природно-географических и климатических условий, что, впрочем, было характерно и для других отраслей хозяйства, и в исследуемое время оно имело свои особенности в рамках всей территории Дагестана как по размерам, распространенности, развитости и интенсивности, так и по видам овощных и бахчевых культур.

---

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950. С.165-166. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.163.

[2] Там же. С.165-166.

[3] Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1935. С.17; Его же. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934. С.9, 44, 151, 158, 180.

[4] Слободин В.М. Указ.соч. С.25, 27, 28.

Действительно, если сравнить распространенность и развитость огородничества и бахчеводства в позднефеодальном Дагестане, то мы сталкиваемся с неодинаковой картиной в разных его регионах, занимавших территории с различными природно-географическими и климатическими условиями. Наиболее благоприятные для огородничества и бахчеводства были равнина и предгорная зона Дагестана, где характерным был умеренный, теплый климат и наличие рек для полива.

Среди территорий с развитым огородничеством и бахчеводством особо выделялись Дербент и Дербентское владение, о чем сохранились конкретные сведения именно по исследуемому периоду. Как отмечается в одном из архивных источников, территории Дербентского владения и Кубинского ханства имели такие естественные богатства для ведения земледелия вообще и, естественно, огородничества, как: «благорастворенность климата, плодородные почвы, гидравлическое богатство, что более трети полей поливается напускной водой»[1]. На благоприятные естественно-географические и климатические условия Дербентского владения указывали и многие авторы XVIII-XIX в. Поэтому они писали и о выращивании здесь всевозможных огородных культур. В первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер – участник похода Петра I в 1722 г. в Прикаспие, писал, что «по обеим сторонам» Дербента «за городом» было много «всяких овощей», «также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно»[2]. В 70-е годы XVIII в., по свидетельству академика Русской академии наук С.Г. Гмелина, дербентцы выращивали немного огородных овощей, как-то: «огурцов, капусты и протчего»[3]. Он же писал о благоприятных природно-географических и климатических условиях Дербентского ханства, отметив при этом, что «земля ничего больше не требует, кроме большого жителей рачения»[4] (старания, усердия – Б.А.). Примерно через 20 лет участник Персидского похода 1796 г. Ф.Ф. Симонович также свидетельствовал, что Дербентское владение изобилует, кроме фруктами и техническими культурами, «разными огородными», в частности «дынями, арбуза-

[1] РГИА СПб. Ф.1268. Оп.5. 1851. Д.372. Л.18об.
[2] Гербер И.-Г. Описание стран и народов … // ИГЭД. С.86.
[3] Гмелин С.Г. Путешествие по России … Ч.3. С.30.
[4] Там же. С.35.

ми»[1]. Уже в начале XIX в. С.М. Броневский также писал, что в Дербентском владении произрастают дыни, тыквы и разные плоды арбузов. Причем он отмечал, что огороды в селениях и окрестностях самого Дербента большей частью принадлежат армянам и что в них разводят капусту, редьку, морковь, пшено, салат, турецкие бобы, петрушку, лук, чеснок, перец[2]. Особо он писал, что здесь «много ростят Шпанского перцу»[3].

Занимались огородничеством и жители других равнинных дагестанских владений – в Табасаране, Тарковском шамхальстве, княжествах Засулакской Кумыки и Нижнем Кайтаге. Так, о последнем Д.И. Тихонов писал, что здесь наряду с хлебопашеством и садоводством занимались и овощеводством[4]. О Табасаране Ф.Ф. Симонович писал, что деревни «изобилуют» разными «огородными»[5]. Интересные сведения оставил нам Я. Рейнеггс о Засулакской Кумыки. Он писал, что в Аксае «капуста, репа и другие земные плоды в великом множестве родятся»[6], а в садах эндиреевцев – «великое множество … дынь, арбузов»[7]. Цитируемый выше И.-Г. Гербер о Тарковском шамхальстве писал, что здесь наряду с пашнями и садами «довольно протчих овощей»[8]. А через 120 лет А. Соколов отмечал, что «тарковцы в избытке довольствуются» не только «пшеницею, ячменем, кукурузою», но «и разными овощами»[9].

Исследуя хозяйство кумыков, С.Ш. Гаджиева отмечала: «Немаловажную роль в экономике кумыков играли и некоторые виды огородно-бахчевых культур (фасоль, лук, чеснок, арбузы, дыни, тыквы, перец и т.д.). После присоединения Дагестана к России под влиянием русских переселенцев здесь постепенно стали

---

[1] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.143.
[2] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.2. С.282.
[3] Там же. С.283.
[4] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.129.
[5] Симонович Ф.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.154.
[6] См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С.253.
[7] Там же. С.254.
[8] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.83.
[9] Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря … // Кавказ. 15 марта 1848. № 11.

возделывать и такие культуры, как картофель, помидоры, капусту, морковь и др.»[1]

В небольшом количестве огородничеством занимались жители Салатавии. Р.Ф. Розен в 1830 г. писал, что в Салатавии «огородных растений, лука и чеснока разводят мало»[2]. Зато хорошо было развито огородничество в Мехтулинском ханстве. «В Мехтулинском владении, – писал Ф.И. Гене, – и вообще в провинциях, лежащих ближе к морю, занимаются уже садоводством и огородами. Засевают капусту, кукурузу, лук, огурцы и пр. овощи»[3].

В горной и высокогорной зонах Дагестана либо вообще не было огородничества, либо оно было развито слабо, им занимались мало, о чем писали или свидетельствовали и многие авторы, бывшие в Дагестане. Так, офицер царской армии И.И. Норденстам, служивший с 1829 г. на Кавказе, писал об Антль-Ратле: «Фруктов и огородных овощей в Антль-Ратле нигде не встречается, холодный климат не позволяет разводить таковых»[4]. Более обширный круг владений и обществ охватил в своем описании Дагестана полковник Ф.И. Гене, производивший военно-топографические работы в Дагестане и бывший поэтому во многих владениях и обществах. «Жители Казикумухского владения, Акуши, Сюргя, Кхесеруха, Мукратль и Андалала, – писал он, – об огородах понятия не имеют, к разводу коих и климат не благоприятен, почему принуждены лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей»[5]. Через более чем 10 лет практически об этом писал А.А. Неверовский о жителях западной части Северного и Среднего Дагестана, отмечавший также, что причиной этому был суровый климат. В частности, он писал, что даже на возвышенных плоскостях «не могли быть … разведены» даже «самые простые огородные овощи», «чему служит причиною свойство грунта и суровость климата»[6]. И далее категорично он писал: «Что … касается до огородничества, то об этом не имеют никакого понятия и там нельзя найти никакой

[1] Гаджиева С.Ш. Кумыки … С.69.
[2] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С.289.
[3] Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. С.344.
[4] Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С.324.
[5] Гене Ф.И. Указ.соч. С.344
[6] Неверовский А. Краткий взгляд … С.17.

овощи». Был категоричен в этом плане даже в отношении «Прикаспийского края» Ад. Берже, который писал, что огородничеством «в том смысле, как мы понимаем», здесь совершенно не занимаются»[1].

Конечно, в горах не было огородничества, как на плоскости и даже в предгорье. Однако с такой категоричностью высказываний приведенных выше авторов вряд ли можно согласиться, они чрезмерно сгущают краски. Горцам издавна были известны огородные культуры – лук, чеснок, тыква, репа, морковь, о чем свидетельствует наличие своих собственных названий. Хотя для этих овощей и не отводились специальные земельные участки, но их выращивали во дворах или около дома (у даргинцев эти места назывались «урцIа»).

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Отмечая выращивание ряда огородных культур даргинцами, М.О. Османов писал, что это было «именно там, где не было ни ягод, ни фруктов – в горной зоне. Это было проявлением стихийного крестьянского практицизма, горец чувствовал необходимость каких-то продуктов для организма, пытаясь обеспечить себя ими. Ведь не случайно, что в горах, где невозможно было засушить на зиму ягоды или фрукты, закладывали в яму свеклу и морковь, сушили травы в измельченном виде»[2]. Причем в ряде горных обществ отдельные огородные культуры были распространены довольно широко. Среди полатей, вносимых аварским владельцам в XVIII-XIX вв., указан и лук[3], что говорит о выращивании его в феодально-зависимых крестьянских селах Аварии.

institute.of.history.ru

Но в целом, конечно же, в горах Дагестана огородные культуры, в особенности такие, как помидоры, огурцы, капуста, перец и т.д., не выращивались в исследуемый период. Отдельные из этих культур стали проникать в горы только после присоединения Дагестана к России. Согласно имеющимся сведениям, уже в 60-е годы XIX в. даже в тех местах, где, казалось бы, по природно-географическим и климатическим условиям их невозможно было выращивать, на самом деле они стали выращиваться. Аналогичные сведения нам оставил в отношении Казикумухского

---

[1] Берже Ад. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С.333.

[2] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С.38.

[3] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С.147.

ханства (в 60-е годы Казикумухский округ) Н.И. Воронов, который в своей работе «Из путешествия по Дагестану» писал не только о выращивании солдатами русского гарнизона различных огородных культур, но и специализации жителей лакских селений на производстве отдельных овощей. По этому поводу Н.И. Воронов писал: « … огородные овощи могут разводиться здесь с большим успехом. Не говоря про укрепление, при котором разведены хорошие огороды, даже некоторые казикумухские аулы специально промышляют известными отраслями огородничества: вероятно, такого рода специальность освещена давно сложившимся местным адатом. Так, жители селения Кумалю разводят много луку, а в особенности огурцов, и слывут за огурцоедов (чикабукулт); жители сел. Хараши занимаются разведением моркови …» «Такие частные случаи занятия огородничеством, – писал далее Н.И. Воронов, – уже показывают, что оно может, со временем, а особенно при известном руководстве, получить значительно большие размеры»[1].

Приведенный пример является показателем того, что и в горном Дагестане, где природно-географические и климатические условия резко отличались от равнинного и даже предгорного Дагестана, где хорошо было развито огородничество, чему способствовали местные условия, также было возможно заниматься выращиванием различных огородных культур. Мы не располагаем другими примерами, но не может быть сомнения, что и в других местах горного Дагестана, если иметь в виду, что русские гарнизоны были расквартированы и в ряде других сел, после присоединения к России стали выращивать и такие огородные культуры, которых они не знали ранее.

§ 6. Технические культуры

В Дагестане исследуемого периода, кроме садоводства и огородничества, занимались и выращиванием различных технических культур, т.е. таких культур, которые в основном не употреблялись в пищу и требовали дальнейшей их обработки. Это маре-

[1] Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.III. С.38.

на, хлопок, тутовые (шелковичные) деревья, шафран, конопля и табак.

Среди этих технических культур особое место занимает производство марены, получившей широкое развитие в различных предгорных и плоскостных территориях Дагестана. Причем все авторы, писавшие о занятии населения Дагестана и, в частности, о технических культурах, отмечали особо широкое развитие занятия мареноводством в Дербентском владении. Сведения об этом имеются по всему исследуемому периоду.

Мареноводством в Дербенте занимались издавна. Согласно сведениям арабских авторов, дагестанская марена, как и закавказская, еще со времен Хазарского каганата вывозилась на восточные рынки, в частности в Индию[1]. Но особенно широко мареноводство в Дагестане в целом, и в Дербентском владении в частности, стало развиваться в исследуемый период – именно с XVIII в., когда ее плантации стали занимать огромные пространства плоскостного Дагестана, вытесняя другие отрасли занятий населения, в том числе и посевы зерновых.

Многие авторы конца XVIII – первой половины XIX в. отмечали широкое развитие мареноводства в Дербентском владении, подчеркивая при этом большие выгоды, большие доходы, получаемые при продаже марены, имеющей большой спрос как красильное вещество. Так, в 1796 г. П.Г. Бутков писал: «Торг дербентский знатнейший в марене, которой до шести тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану»[2]. Буквально через менее чем 10 лет, в 1804 г. кизлярский комендант А.И. Ахвердов писал о дербентцах: «Возют частию марену водяною коммуникациею для продажи в Астрахань. … Знатнейшие из них, и имеющие большие торги, ездят в дальнейшие места в Персию и с тамошними персиянами имеют связи торговые, привозя их товары»[3]. А через 14 лет С.М. Броневский, говоря о мареноводстве

---

[1] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. Ал-Истахрий // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX. С.47; Его же. Сведения арабских географов IX-X вв. по р.х. о Кавказе, Армении и Адербейджане. Ал-Мукаддаси // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып.38. С.98.

[2] Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С.202-203.

[3] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.219.

в Дербенте, также отмечал, что мареной «окрестности покрыты сим растением, разводят его весьма достаточно». Так что дербентцы обеспечивают не только себя, но и «знатное количество оного отпускают в соседние области»[1].

Еще больше стали заниматься мареноводством дербентцы и жители владения в последующие годы. Дело дошло до того, что здесь стало не хватать своего хлеба, так как пахотные площади сильно сократились ввиду разведения с 1807 г. по инициативе жителя Дербента Келбалая Гусейна мареновых плантаций, которые приносили их владельцам в 5-6 раз больше дохода, чем посевы зерновых культур. Как писал далее автор приведенных сведений Х.-М.О. Хашаев, марена вытеснила посевы зерновых культур и даже садоводство и виноградарство. В 1830 г. корня марены было добыто около 34000 пудов[2]. В 30-е годы XIX в. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг отмечали, что в Дербентском округе марена «в последнее время, доставив промышленникам значительные выгоды, привлекла сильнейшее попечение хозяев»[3]. В 1848 г. А. Соколов писал, что марена в средней части Дербентского уезда является важнейшим источником его богатства. Плантации марены, по его сведениям, тянулись от реки Дарвага на север, недалеко от Дербента и далее к югу от него к реке Рубас, «почти вытеснили все роды посевов: все лучшие места заняты ею. Везде в окрестностях города, где только хотя малейшая есть возможность посеять это прибыльное растение, там повсюду возвышаются гряды, или говоря по тамошнему, маренники. Все лощины по отлогостям гор, даже крутые их скаты, куда хотя одна струя воды в избытке может проходить, заняты под гряды этого красильного корня»[4].

Мареноводством занимались и в других равнинных частях дагестанских владений: в Табасаране, Кайтагском уцмийстве, Тарковском шамхальстве, для жителей которых мареноводство также давало определенные доходы. «Марена … родится в до-

---

[1] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.282.

[2] Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С.36.

[3] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С.311.

[4] Соколов А. Очерк западного берега…// Кавказ. 15 марта 1848. №11.

вольном изобилии» [1], – писал о Кайтагском уцмийстве Д.И. Тихонов. Причем он отмечал, что в Кайтаге марену «отдают на откуп по договору посторонним купцам теми владельцами, которым принадлежат оные (т.е. те, в которых занимались мареноводством – Б.А.) деревни» [2].

В 1804 г. А.И. Ахвердов писал о Кайтагском уцмийстве, что его жители, живущие на плоскости, имеют «изрядный прибыток» не только от хлебопашества, хлопчатой бумаги и шелководства, но и от марены, «которой так необыкновенно много растет, что никогда не воскапывают, а когда осенью под пшеницу и весною под просо и прочее пашут землю, выворачивают плугом, как мне они сказывали, а сам я пахоту их видел». И далее, останавливаясь на доходах от продажи марены, А.И. Ахвердов отмечал: «Иные пахари в одну весну вырезывают марены на четыреста рублей серебром, но таковых немного, а почти вообще всякой не менее двухсот рублей серебром ежегодно получает»[3].

Д.И. Тихонов, слова которого о мареноводстве в Кайтагском уцмийстве были приведены выше, писал, что во владении шамхала Тарковского также «довольно родится марионы, которую он имеет власть отдавать на откуп армянам или другим каким купцам с тем, что из подвластных ему деревень, в которых жители роют мариону, не могут другому купцу продавать, как только тому, кто взял на откуп и не свыше положенной от шамхала за каждый пуд цены»[4].

Как писала С.Ш. Гаджиева, исследуя кумыков: «Особенно большое значение приобретает мареноводство у кумыков в XVIII в., что было вызвано, прежде всего, большим спросом на кавказскую марену на российских и восточных рынках»[5]. Кроме приведенных выше сведений Д.И. Тихонова о мареноводстве у кумыков, писали об этом и другие авторы XIX в. Так, в начале XIX в. И. Клапрот отмечал, что жители Тарковского шамхальства, сел.

---

[1] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.129.
[2] Там же. С.133.
[3] Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.216.
[4] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.130.
[5] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.70.

Тарки занимаются «главным образом культурой марены»[1]. Об этом писал в середине XIX в. и проф. Казанского университета И.Н. Березин, бывший в то время в Дагестане. «Первое место, – отмечал он о таркинцах, – занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы собираются в Тарху толпы горцев даже из немирных аулов»[2].

Подчеркнем еще раз, что мареноводство на территории плоскостного Дагестана играло большую роль в экономической жизни местного населения. Следует отметить, что, по данным 30-х годов XIX в., марена вывозилась ежегодно на 40 тыс. руб. серебром в Кизляр, а на 65 тыс. руб. в Астрахань. Причем большая часть из этой марены была из Дербента и Баку[3]. И еще, что говорится в одном архивном источнике о марене: «Главный предмет торговли – марена, которую направляют через Астрахань на Нижегородскую ярмарку и в Москву»[4]. И далее: «Из предметов местного производства замечательнее прочих марена, которая, доставляя значительный доход, занимающимся ею, вытеснила собой большую часть других родов земледелия, весенние работы на маренниках привлекают сюда из нагорных обществ 25 тыс. человек»[5].

Другим натуральным красильным растением, выращиваемым в плоскостном Дагестане, был шафран. Он выращивался во многих местах и имел также большой спрос, хотя и сильно уступал марене. Еще участник Каспийского похода Петра I 1722 г. Ф.И. Соймонов писал, что в Дербенте занимаются выращиванием шафрана, «которой государь император Петр Великий рачительней одобрять повелел»[6]. Петра I шафран интересовал как краситель-

---

[1] Клапрот И. Историческая, географическая, этнографическая и политическая картина Кавказа и провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.76. С.34.
[2] Березин И. Путешествие по Дагестану … Ч.1. С.69.
[3] Евецкий О. Статистическое описание … С.57
[4] РГИА СПб. Ф.1268. Оп.5. 1851. Д.372. Л.17об.
[5] РГИА СПб. Ф.1268. Оп.5. 1851. Д.372. Л.18.
[6] Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763. С.352.

ное растение для российской текстильной промышленности и его в то время выращивали больше, чем марену, которая, как было отмечено выше, особо стала выращиваться в последующем. Но и после увеличения выращивания марены шафран продолжали выращивать и в Дербенте, и Дербентской губернии, и в Табасаране, и в Кайтагском уцмийстве, и в Тарковском шамхальстве – в общем в тех же самых владениях, где господствующее место как красильное растение занимала марена. Причем об этом писали те же авторы, которые отмечали сильное развитие в указанных владениях мареноводства. Так, о занятии шафраном в Дербенте и в Дербентском владении писали Ф.Ф. Симонович, П.Г. Бутков, С.М. Броневский, М.К. Ковалевский, И.Ф. Бларамберг и др. Ф.Ф. Симонович в конце XVIII в., останавливаясь на занятии населения Дербентского владения, среди других занятий говорит и о производстве шафрана, отмечая при этом, что «в шафране» заключался «главный обитателей промысел», так же, как и «в рукоделии разных родов»[1]. В тот же период П.Г. Бутков писал, что, как и марену, из Дербента в Астрахань и Кизляр «отправляют» для продажи «несколько шафрану»[2]. В начале XIX в. А.И. Ахвердов писал, что жители Дербента, кроме небольшого хлебопашества, имели и «посевы шафрана»[3]. С.М. Броневский, останавливаясь на занятии населения Дербентского владения, в частности разведением шафрана, писал, что его сеяли в Баку и Дербенте[4]. Шафран разводили и в Улусском магале[5]. Ряд авторов о занятии разведением шафрана в Дагестане писали и в 30-е годы XIX в.[6]

Шафран разводили и в соседних с Дербентским владением Табасаране и Кайтагском уцмийстве. Так, о Табасаране в 1835 г. О. Евецкий писал, что здесь развито как и мареноводство, разведение шафрана и это занятие табасаранцев «составляет главную ветвь народной промышленности»[7].

---

[1] Симонович Ф.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.143.
[2] Бутков П.Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.203.
[3] Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.219.
[4] Броневский С. Указ.соч. С.282; см.также С.339.
[5] Там же. С.340.
[6] Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. С.279.
[7] Евецкий О. Указ.соч. С.228.

Развитие в указанных выше владениях, занимающих плоскостную часть территории Дагестана, в их числе и в Засулакской Кумыкии, получили занятия хлопководством и шелководством; хотя, естественно, как и другими видами занятий, ими занимались не везде в одинаковой мере – в одних владениях этими занятиями занимались более широко и они играли большую роль в экономической жизни населения, в других – меньше и ими занимались только для удовлетворения своих собственных нужд. Возьмем Дербент и Дербентское владение, где были наиболее приятные и благополучные природно-географические условия для ведения земледельческого хозяйства в целом и занятия различными отраслями, в том числе хлопководством и шелководством. Писали об этом многие авторы XVIII-XIX вв.: Ф.Ф. Симонович, А.И. Ахвердов, С.М. Броневский, Я. Рейнеггс, П.Г. Бутков, М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, О. Евецкий и др.

«Сия провинция, – писал в 80-е годы XVIII Я. Рейнеггс о Дербентском владении, – могла бы по справедливости счастливейшею назваться, ибо положение ее весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всевозможную пользу»[1]. И далее он отмечал: «Земля весьма плодородна и исключая садов приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрану»[2]. Писал он и о шелководстве, отметив, что «упражнение жителей составляют шелковые заводы, торговлю и разных родов рукоделия, сверх того делают шелковые и бумажные материи, тифту и платки»[3].

Сведения Я. Рейнеггса можно дополнить свидетельством П.Г. Буткова, писавшего в конце XVIII в., что в Дербенте было «фабрик небольших шелковых материй – 30, да для бумажных – 115»[4]. Для работы этих фабрик и нужны были хлопководство и шелководство, которыми занимались как жители собственно города, так и Дербентского владения, в частности, хлопководством занимались жители Улусского магала, о чем писал С.М. Броневский[5]. О. Евецкий также, останавливаясь на занятиях дагестан-

---

[1] Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С.284.

[2] Там же.

[3] Дагестан в известиях… С.284.

[4] Бутков П.Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.202.

[5] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.340.

цев, писал, что разведением тутовых деревьев для «воспитания шелковичных червей, преимущественно занимаются в окрестностях Кубы, Дербента и Тарках»[1]. Еще ранее русские офицеры М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг отмечали, что жители «округа Дербентского» «большею частью занимаются в шелководстве, разведении хлопчатой бумаги, шафрана и марены»[2]. И другие авторы 20-х и 30-х годов XIX в. писали о благодатных природно-географических условиях плоскостного Дагестана, способствующих производству как злаковых культур, садоводства, так и для хлопководства и шелководства. Так, один из авторов этого времени отмечал в своем «Описании Дагестана», что Дагестан орошается «многочисленными реками или, лучше сказать, потоками, которые с высот низвергаются в море... Поэтому плодородная почва Дагестана производит во множестве полезные и вместе дорогие растения», среди которых вместе с крапом, шафраном, кукурузой, виноградом перечислены «шелковичное дерево и хлопчатая бумага»[3].

Последние слова говорят о развитии хлопководства и шелководства, кроме Дербента и Дербентского владения, и в других владениях Дагестана. Это, как показывают имеющиеся сведения, Табасаран, Кайтагское уцмийство и территория кумыкских владений. Так, о Кайтагском уцмийстве Д.И. Тихонов писал, что в его «плоскостной половине», кроме хлебопашества, занимались и выращиванием хлопчатой бумаги[4]. А.И. Ахвердов об этой же части Кайтагского уцмийства писал, что жители ее, кроме других занятий, занимались и хлопчатой бумагой и шелководством. Причем, что интересно, он также писал, что кубачинцы «на плоскости, под деревней имеют в небольшом количестве шелковичные деревья и делают шелк»[5]. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг писали, что «Каракайтагская область» или «Каракайтагский округ» «изобилует водами» и здесь благоприятны условия для занятия различными отраслями сельского хозяйства и что его жители «даже разводят шелк», а среди «главных произведений» их

[1] Евецкий О. Указ.соч. С.229.
[2] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.311.
[3] Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х – начало 30-х годов // ИГЭД. С.279.
[4] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.129.
[5] Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.217.

занятия они перечисляли и хлопчатую бумагу[1]. Еще ранее их С.М. Броневский, также отмечая благоприятные природно-географические условия Кайтага, писал что, хотя жители его и выращивали хлопчатую бумагу и занимались шелководством, они были «малозначащими и не соответствуют плодородию почвы»[2].

И в соседнем с Кайтагом и Дербентским владением Табасаране занимались выращиванием хлопчатой бумаги и шелководством. Как писал С.М. Броневский, Северный Табасаран изобиловал «всеми родами произведений», так как здесь был «умеренный воздух» и «по свойству земли» это была «приятнейшая сторона». Поэтому в этой части Табасарана занимались различными отраслями хозяйства, в том числе разведением шелковичных червей (тутовых деревьев) и хлопчатой бумаги»[3]. В 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс отмечал, что в Табасаране «главное народа упражнение состоит в разводе винограда, хлопчатой бумаги, хлеба родится довольно»[4]. П.Ф. Колоколов писал, что в Нижнем Табасаране, «кроме посева пшеницы ячменя и конопли, сеют хлопчатую бумагу …, а в некоторых селениях занимаются и шелководством»[5].

Занимались разведением хлопчатой бумаги и шелководством и жители кумыкских владений. Начнем с Тарковского шамхальства, о жителях столицы которого в первой трети XVIII в. участник Каспийского похода Петра I И.-Г. Гербер писал, что «они собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»[6]. В другой редакции работы И.-Г. Гербера вторая часть переведена так: «которая здесь наилудче растет»[7].

Во время Каспийского похода Петр I был в Буйнаке и отметил в «Походном журнале»: «Пришли ночевать в урочище Старо-

---

[1] Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ.соч. // ИГЭД. С.309, 310.
[2] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.316.
[3] Там же. С.279.
[4] Дагестан в известиях. С.279.
[5] Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.
[6] Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С.35.
[7] Гербер И.-Г. Описание … // ИГЭД. С.71.

го Буйнака (тут же дорогою видели бумагу хлопчатую, как растет)»[1].

С.Ш. Гаджиева предполагала, что «хлопок не имел здесь товарного значения, а шел главным образом на домашние нужды, в частности на изготовление одежды, паласов и т.д.». И далее она писала: «К концу XVIII в. в результате расширения притока русских хлопчатобумажных тканей возделывание хлопка кумыками значительно сокращается, а в середине XIX в. почти прекращается»[2].

Однако имеющиеся сведения говорят о том, что кумыки и в указанное время продолжали производить много хлопчатой бумаги. В 70-е XVIII в. акад. И.А. Гильденштедт писал, что «кумыкские татары» « … все занимаются хлебопашеством и имеют небольшое скотоводство. Хлебные растения у них суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особливо сарачинское пшено, **в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу** (подчеркн. мною – Б.А.), шелк же большею частию только для собственного употребления»[3]. Немногим позже и Д.И. Тихонов писал о Тарковском шамхальстве, что жители его «делают и хлопчатую бумагу»[4]. Уже в первой трети XIX в. С.М. Броневский также отмечал, что кумыки хлопчатую бумагу «нарочито разводят», так же, как и пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и сарачинское пшено[5]. Продолжали заниматься жители шамхальства Тарковского и шелководством, о чем также писали С.М. Броневский, О. Евецкий и др. авторы XIX в. По их сведениям, в Тарках, подобно в Кубе и Дербенте, занимались разведением тутовых деревьев для воспитания шелковичных червей[6]. Интересен и еще один документ за 1843 г., где говорится, что в Кизляр из Дагестана привозили «шелковые и бумажные изделия» и что это в основном привозились большею частью горцами Северного Дагестана[7], куда тогда отно-

institute of history.ru

---

[1] См.: Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951. С.32.
[2] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.70.
[3] Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез России и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С.105.
[4] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.135.
[5] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.200.
[6] Там же. С.285; Евецкий О. Указ.соч. С.228.
[7] РГИА РД. Ф.1268. Оп.1. 1843 г. Д.424. Л.8.

сили и Тарковское шамхальство. И уже в середине XIX в. И.Н. Березин писал о Тарковском шамхальстве, что «некоторые жители обнаруживают необыкновенную в этом краю деятельность – занимаются дома выделкой шелка и содержат для этого шелковичных червей»[1].

Занимались хлопководством и шелководством и в Засулакской Кумыки, о чем имеются сведения по XIX в. Так, в 1804 г. А.И. Ахвердов при описании кумыкских владений этой территории писал, что доходы костековцев составляли не только хлебопашество и скотоводство, сады виноградные и рыбоводство, но и шелководство[2]. Офицер русской армии А.М. Буцковский в 1812 г. писал, что в Засулакской Кумыкии женщины делают одноцветные бумажные материи, подчеркивая при этом: «Шелководство и бумага хлопчатая в малом количестве, но у лезгин гораздо более производится»[3]. Между тем в работе, изданной в 1823 г., но написанной еще в 1810 г., С.М. Броневский отмечал, что жители Эндирея, помимо различных зерновых культур, «нарочито разводят хлопчатую бумагу, но шелк выделывают только для своего обихода»[4]. В середине XIX в. И.Н. Березин также писал, что жители Засулакской Кумыкии кроме садоводства, сеянием зерновых культур, занимались также шелководством[5].

Широко было развито шелководство в дагестанских обществах Джаро-Белоканской федерации. Офицер русской армии, немец по происхождению, М.А. Коцебу писал, что жители «Джарского владения» «главные произведения получают от хлебопашества, шелководства и скотоводства»[6], т.е. шелководство здесь было таким же основным занятием населения, как и хлебопашество и скотоводство. По сведениям того же автора, богатый двор Джарских обществ вырабатывал ежегодно 4 батмана (батман – 6 фунтов; фунт – 400 гр.) шелка, а бедный ½ батмана[7]. Впрочем, значение шелководства в экономической жизни жите-

---

[1] Березин И. Указ.соч. Ч.1. С.69-70.
[2] Ахвердов А.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.214.
[3] Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С.244.
[4] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.200.
[5] Березин И. Указ.соч. Ч.2. С.86.
[6] Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ЦГЭД. С.259.
[7] Там же. С.260.

лей джарских обществ хорошо видно из данных о шелководстве, которые приводит служивший на Кавказе Т.Н. Яишников. Он писал, что после покорения Джарских обществ и Илисуйского султанства: «В знак достоверности подданства общества лезгинские и элисуй султан обязались ежегодно платить в два срока, т.е. 1 августа и 1 ноября, по 1100 литров шелку»[1].

И после вхождения Дагестана в состав России в Дагестане продолжали заниматься хлопководством и шелководством, о чем писали и отдельные авторы второй половины XIX в. Так, Н. Львов, не уточняя территории или регионы, писал в 1867 г., что во всех садах Дагестана растут шелковичные деревья (каро) и что горцы выделывают в небольшом количестве шелко-сырцовый шелк[2].

Занимались в Дагестане исследуемого периода и разведением конопли и табака. Конопля служила для разных целей. Из волокна стеблей, снимаемого в результате вымачивания в реках, изготавливали веревки, грубые паласы и т.д. Зерна же использовались в качестве еды, которые добавляли к сладостям во время различных праздников. Были даже отдельные участки, которые отводились под коноплю. В основном же коноплю выращивали отдельными кустами на близлежащих полях и на огородах.

Табак, как и другие перечисленные выше другие технические культуры, выращивали в различных частях Дагестана, но не в такой степени, как первые. Об этом, в частности о Дагестане в целом, писал А.А. Неверовский, отметивший, что табак сеют в небольшом количестве, весьма незначительно[3]. Отдельные авторы указывали конкретные владения или части Дагестана, где занимались табаководством. Так, А.П. Щербачев писал, что в Мехтулинском ханстве «табак и сено в изобилии»[4].

---

[1] Яишников Т.Н. Выдержки из описания лезгино-джарских вольных обществ. 1830 г. // ИГЭД. С.300.

[2] Львов Н. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 10 сент. 1867. № 71.

[3] Неверовский А.А. Краткий взгляд … СПб., 1847. С.17.

[4] Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С.294.

Ф.А. Шнитников писал о табаководстве в «Кубинской провинции»[1], П.Ф. Колоколов о Табасаране писал, что табак сеют «в некоторых местах»[2]. И.Н. Березин в середине XIX в. писал, что наряду с производством фруктов и занятием хлебопашеством, умеренный климат Дагестана дает возможность сеять табак[3]. Он же отмечал, что табаководством занимались жители Засулакской Кумыкии[4].

Все приведенное дает нам основание заключить, что занятие техническими культурами для дагестанцев в XVIII – первой половине XIX в. было таким же традиционным, как и хлебопашество, садоводство и огородничество, и что технические культуры играли заметную роль в экономической жизни населения Дагестана.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С.332.
[2] Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.
[3] Березин И. Указ.соч. Ч.2. С.86.
[4] Там же.

ГЛАВА III. ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Как отмечалось выше, в первой главе исследования, земля – это основное средство сельскохозяйственного производства. Земледелие, исследованное в первой главе работы, – это один из вопросов, связанных с проблемой земли. При этом были изучены такие вопросы: когда и как стали в Дагестане заниматься земледелием, как стали обрабатывать землю, как и что сеяли из зерновых культур, как и чем собирали урожай, как использовали землю, как производили обмолот, как примитивное мотыжное земледелие со временем, в результате дальнейшего развития человеческого общества стало плужным и основным или одним из основных занятий, как оно распространялось из одних регионов на другие и т.д. и т.п. Это важнейшие вопросы изучаемой проблемы.

Но для полного решения проблемы, связанной с землей вообще и земледелием, в частности, необходимо изучить ещё не менее важный вопрос – кому принадлежала земля, кто ею владел, кто являлся её собственником, её хозяином, кто распоряжался ею, кто обрабатывал её (кто работал на ней), кто вкладывал свой труд, почему и ради чего на чужой земле работали другие – не владельцы её, кем были работники на чужой земле, что получали они за свою работу, за содержание земли, кто распоряжался доходом, получаемой с земли, какие взаимоотношения складывались между собственником земли и работниками, вынужденных пользоваться землей, чтобы содержать себя и свою семью.

Все эти вопросы возможно изучить только решив вопрос о формах собственности на землю, только показав, в чьих руках, в чьем распоряжении находилась земля, кто был хозяином – собственником её, а кто – пользователем.

В изучаемый период в Дагестане существовало несколько форм собственности на землю: частная (мюльковая) собственность, которая разделялась на мелкую частную собственность и крупную собственность; общинная собственность; мечетская собственность (вакуф) и тухумная собственность. С присоединением различных регионов или феодальных владений и союзов сельских общин к России, в результате конфискаций их земель

образовалась ещё одна форма собственности на землю – казенная, которая как не типичная, не традиционная для дагестанских народов в целом земельная собственность, в работе не будет освещена.

Ниже мы остановимся на характеристике каждой формы земельной собственности, отметив при этом их роль и место в системе землевладения и землепользования и значение в экономической жизни Дагестана в целом и его различных регионов.

§ 1. Частная (мюльковая) собственность как основная форма земельной собственности в позднефеодальном Дагестане

Изучение форм земельной собственности начнем с частной (мюльковой) земельной собственности, так как она являлась основной формой земельной собственности в позднефеодальном Дагестане. Причем частная (мюльковая) земельная собственность в Дагестане имела две формы: мелкая (частная) земельная собственность и крупная частная (мюльковая) земельная собственность.

а) К вопросу о возникновении частной (мюльковой) собственности на землю в Дагестане: дискуссии, реальность

Прежде чем характеризовать формы земельной собственности, считаем необходимым кратко остановиться на времени возникновения частной земельной собственности, так как по данному вопросу исследователями высказаны противоположные, взаимоисключающие друг друга мнения. В дореволюционной историографии вообще было распространенно мнение об отсутствии у горцев Дагестана частной земельной собственности, как результат того, что авторы этого мнения не вникали в суть вопроса, не разобрались в тех своеобразиях, которые возникали в землевладении Дагестана в результате определенных природно-географических, политических, хозяйственно-экономических и иных причин. Возникновение частной собственности на землю многие авторы связывали с арабскими завоеваниями, утверждая, что до этого в Дагестане не было её.

Споры о возникновении частной собственности на землю продолжились и среди ученых в годы Советской власти. При этом речь шла о её разновременном возникновении в различных регионах Дагестана. Дагестанские археологи и этнографы придерживаются мнения о древности возникновения частной собственности на землю в Дагестане и, в частности в её горной части, где мало было пахотоудобных земель для ведения зернового хозяйства. В.Г. Котович писал, что горцы Дагестана с «земельным голодом» в условиях неимоверно сильной пересеченности рельефа столкнулись ещё в эпоху бронзы[1].

Нужно было искать выход и он был найден. Горцы стали строить террасы, превращая своим трудом склоны гор в пахотоудобные участки. Причем, как отмечается исследователями, террасы строились не коллективами родственников или общими силами общинников, а индивидуальными семьями, что и было основой частной собственности на эту обработанную землю. Как писал известный американский историк и этнограф Льюис Генри Морган, обосновавший положения о развитии собственности от коллективных форм к частным и об эволюции семьи и брака от групповых форм к индивидуальным: «После того, как кто-нибудь обработал кусок земли, он имеет на нее личное право, которое может продать другому члену общины»[2].

Не менее важно привести здесь мнение Ф. Энгельса о том, что в суровых горных условиях, как это имеет место в горном Дагестане, «где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных долинах, … или на узких плоских возвышенностях …» и т.д. родовое пользование пахотной земли очень рано сменяется владением ею отдельными дворами, а в распоряжениях общин остаются только невозделанные земли[3]. И что также важно, подчеркнутое далее Ф. Энгельсом: «Когда же впоследствии при-

---

[1] Котович В.Г. О причинах распада дагестанского этнокультурного единства. (Доклад, прочитанный на заседании сектора археологии и этнографии Института ИЯЛ 17 ноября 1962 года). Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // УЗ Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. Серия историческая. С. 184.

[2] Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1935. С. 321.

[3] Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 332-333.

обрело значение право распоряжения усадьбой путем передачи её третьим лицам, то у таких владельцев дворов оказалось выгодное преимущество». И далее, что происходило с общинным владением: «Стремление добиться такого же преимущества могло и в некоторых селах с общинным владением полями привести к постепенному прекращению обычных переделов, а тем самым и к превращению отдельных наделов общинников в наследственные и отчуждаемые»[1].

Все это сказанное о развитии немецкой марки имело место и в общинах других народов, в том числе Дагестана, где община прошла все стадии развития.

Известный дагестанский этнограф М.А. Агларов пишет о раннем становлении частной собственности на террасные поля, опираясь при этом на исследования дагестанских археологов и развивая их дальше в своих исследованиях, посвященных террасному землевладению. «Есть утверждение (что очень вероятно), – пишет он, – по которому рубежи первого и второго тысячелетий нашей эры могут считаться временем развития и оформившегося террасного земледелия[2]». «К этому мы можем добавить лишь некоторые данные по террасам второго типа (террасы с межевыми откосами – Б.А.). Они встречаются … в высокогорных, менее пересеченных зонах, местами классически выработанные, в результате длительной и интенсивной эксплуатации …, а также в недостаточной степени оформившихся …, что явно указывает, если не на их недавное функционирование, то, по крайней мере, на меньшую степень интенсивности их эксплуатации»[3].

Далее М.А. Агларов пишет о возникновения террасного землевладения в Дагестане именно в эпоху бронзы: «Нужно по всей вероятности исходить из того, что эпоха бронзы с развитой земледельческой направленностью экономики может считаться временем начала становления террасного земледелия»[4].

Он также отмечает: «На самом деле… террасное поле в общем-то есть продукт постоянной обработки земледельцем одного

---

[1] Там же. С. 333.

[2] Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 296.

[3] Агларов М.А. Указ.соч. С.183.

[4] Там же. С.184.

и того же участка в течение длительного времени. С необходимостью обработки одного и того же участка на ранних этапах земледелия племена сталкиваются при отсутствии возможности для занятия экстенсивным земледелием»[1].

По мнению М.А. Агларова, именно в результате сравнительно раннего становления частной собственности и на террасные поля «было подорвано хозяйственное единство родовых коллективов, что должно было привести к окончательному крушению первобытнообщинных отношений»[2], что означало для нагорного Дагестана «переход» от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности», что завершилось «ко времени становления террасного земледелия»[3].

Ещё на двух высказываниях М.А. Агларова считаем необходимым остановиться, так как они представляют весьма большой интерес для исследователей особенностей развития феодализма в Дагестане. Они также исходят из его утверждения о раннем развитии частной собственности на землю в горном Дагестане. В частности, об этом он пишет: «В этом раннем становлении частной собственности на пахотную землю нужно искать своеобразие путей развития форм собственности в горных районах Аварии (и других народов Дагестана – Б.А.) и здесь же заключается различие путей генезиса феодализма в горах и на равнине»[4]. И далее, на что обратил внимание М.А. Агларов и нацеливает исследователей истории периода феодализма в Дагестане: «ранее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли по сути является основной причиной незрелости феодальных отношений в горах, ибо этот факт оказал, на наш взгляд, огромное противодействие утверждению классических форм феодализма в горах»[5].

Мы в работе привели много цитат из статьи М.А. Агларова, посвященной террасному земледелию, только потому, что совершенно противоположного мнения о возникновении частной

[1] Агларов М.А. Указ.соч. С. 183.
[2] Там же. С. 185.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 189.
[5] Там же.

собственности на землю придерживался (и свое мнение он издал в ряде работ) Ш.М. Ахмедов. Если первый говорит о раннем становлении частной собственности на землю в горном Дагестане, то второй, напротив, утверждал, что частная собственность в горном Дагестане практически как таковая со всеми необходимыми для её существования атрибутами не была даже в XVII-XVIII вв. В качестве главного аргумента – отсутствия частной земельной собственности в горном Дагестане, и в частности в союзах сельских общин, Ш.М. Ахмедов выдвигал наличие в адатах горцев статей, запрещающих продажу общинной земли вне своей общины и права предпочтительной закупки продаваемой (отчуждаемой) земли родственниками её хозяина.

Исследуя социально-экономическое развитие Дагестана V-XI вв., Ш.М. Ахмедов писал, что в этот период отдельные хозяйства в дагестанской общине «большей частью состояли из малых семей, которые, видимо, могли свободно распоряжаться своим пахотным участком, местами ставшим к этому времени объектом отчуждения»[1]. Однако, по его мнению, такой «порядок существовал только в тех общинах, которые находились в сфере влияния раннефеодальных государств. Другое дело в сельских общинах горного Дагестана. Здесь, – продолжает он, – свободный общинник не везде мог свободно распоряжаться своим наследственным владением и только теоретически мог отчуждать свой пахотный участок, а на практике община сохранила за собой контроль не только над неподелёнными угодьями, но и над пахотными участками своих общинников…»[2].

На основании наличия ограничения купли-продажи недвижимости Ш.М. Ахмедов делает вывод, что «в исследуемое время (X-XI вв. – Б.А.) сегментированная семейная община в подавляющих сельских общинах Дагестана продолжала рассматривать себя собственником всех земель, которые находились в наследственном пользовании отдельных малых семей»[3]. И ещё, характеризуя общину горного Дагестана, он писал, что «на той терри-

[1] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 26.
[2] Там же. С. 26-27.
[3] Там же. С. 28.

тории Дагестана, где впоследствии фигурировали так называемые «вольные общества», в исследуемое время получил распространение несколько архаический тип общины, так называемая «земледельческая община». Характерным признаком этой общины является то, что она сохранила пахотные участки в качестве неотчуждаемой и общей собственности всей общины[1]. По определению К. Маркса, «земледельческая община» повсюду представляет собой *новейший тип* архаической общественной формации и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»[2].

Ш.М. Ахмедов же писал, что в земледельческой общине пахотные участки сохранились «в качестве общей собственности всей общины». Как известно, одной из характерных черт земледельческой общины является «общая собственность на землю, которая представляет «естественную основу коллективного производства и присвоения»[3]. Но К. Маркс в набросках ответа на письмо В.И. Засулич отмечал, что необязательно, что было характерно для стран Западной Европы, переносить на другие страны. «Её» (земледельческой общины. – Б.А.) конституционная форма, – писал он, – допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. **Все зависит от исторической среды** (подчеркн. мною. – Б.А.), в которой она находится … *a priori* возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда»[4].

Выше было отмечено, что именно среда обитания, природно-географические условия горного Дагестана способствовали возникновению здесь частной собственности, в связи с чем и приведены мнения дагестанских археологов и этнографов о возникновении частной собственности на террасные поля. В связи со

[1] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 29.
[2] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич. – Первый набросок // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.404.
[3] Там же. С.407.
[4] Там же. С. 404-405.

сказанным любопытно отметить: если М.А. Агларов писал[1], что главной причиной незрелости феодальных отношений в горном Дагестане являлось ранее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли, то Ш.М. Ахмедов писал совершенно противоположное, что «длительное сохранение общественной собственности на землю является основной причиной незрелых социальных отношений в союзах сельских общин, отсутствие у них основных сословий феодального общества в рассматриваемое время (V-XI вв. – Б.А.), хотя в этих общинах широко представлены и богатые, и бедные»[2].

Все это казалось бы правильно. Однако такой путь становления и развития феодальных отношений был характерен для стран Западной Европы, для классических форм феодализма. Когда же речь идет о Дагестане, то необходимо учитывать его особенности, так как только в этом случае возможно понять пути развития отдельных обществ к феодализму, о чем, как было отмечено выше относительно разных стран, писал К. Маркс. Обо всем этом будет сказано ниже при характеристике следующего вопроса работы.

После всего сказанного о возникновении частной собственности на землю считаем необходимым остановиться на самом понятии частная земельная собственность, обозначаемая термином «мюльк», что этот термин означал, откуда и когда он у народов Дагестана появился. Это арабское слово, означающее «именные», «владения», «недвижимость». Надо полагать, что этот термин проник в языки народов Дагестана после распространения мусульманской религии и в исследуемый нами период стал носить традиционный характер, превратившись в один из важнейших терминов, употребляемых повсеместно в Дагестане как для обозначения недвижимости вообще, так и частной земельной собственности независимо от его хозяина и размера. Любая частная собственность – будь то огромных размеров или маленький участок – называлась мюльком. Но это не значит, что до принятия ислама у горцев Дагестана не было частной земельной собственности и терминов, применяемых ими для её обозначения, о

[1] Агларов М.А. Указ. соч. С. 189.
[2] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-К. Указ. соч. С. 31.

чем говорят многочисленные статьи адатов горцев и собранный нами и другими дагестанскими исследователями историко-этнографический материал. Об этом будет сказано ниже при изучении мелкого частного (мюлькового) землевладения, чему посвящается следующая часть работы.

б) Мелкое частное (мюльковое) крестьянское землевладение

Мелкое частное (мюльковое) землевладение – это частная земельная собственность дагестанского узденства и главным образом свободного узденства союзов сельских общин, занимавших в основном территорию горного и высокогорного Дагестана, где и были созданы их титаническим трудом террасные поля. Это также землевладение крестьян различных феодальных владений Дагестана. Это основная масса населения Дагестана. Уздени составляли более двух третей всего населения Дагестана, имевшие в своем составе, кроме свободного от феодальной (экономической и политической) зависимости, также категории узденства, как догерек-уздени, кара-уздени и азат-уздени. Последние категории – это феодально-зависимые уздени, проживавшие в основном в кумыкских феодальных владениях. Но, кроме свободного узденства союзов сельских общин, свободное узденство находилось и в горских феодальных владениях – Кайтагском уцмийстве, Аварском и Казикумухском ханствах и др. Например, об узденях Казикумухского ханства Р.М. Магомедов писал: «Подавляющее большинство узденей не было знакомо с ханскими порядками и произволом беков»[1]. Все узденство, т.е. его различные категории, имели свои собственные земельные владения, хотя и в различных соотношениях. Земля, как частная собственность, для всего дагестанского узденства, т.е. в основном лично свободного населения, являлась источником их существования, источником жизнедеятельности.

В частной собственности узденей, как мелких частных собственников, в основном находились пахотные и сенокосные участки, называемые, как отметили выше, мюльками (разновид-

[1] Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 278.

ности или разночтения у разных дагестанских народов – мульк, мильк, мирк). Но у народов Дагестана были свои названия частной земельной собственности, что является свидетельством существования её ещё задолго до арабских завоеваний и принятия ими мусульманской религии. Хотя об этом уже сказано рядом исследователей, тем не менее для убедительности не лишне будет привести и в этой работе материал по данному вопросу. Но прежде отметим, что большое внимание этому вопросу уделяли в своих исследованиях профессора Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, А.Р. Шихсаидов и др. По адатным данным, писал Р.М. Магомедов, частная собственность в джамаатах фигурирует под названием «чужая земля» (адаты общества Урада), «владелец пастбища» (адаты общества Ассаб), «чужой сад» (адаты общества Урада), «чужое владение» (адаты общества Ригитль), «чужое имущества», «чужая собственность» (адаты общества Тидиб). «Тут слово «чужое», – отмечал Р.М. Магомедов, – употреблено для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть отличие индивидуальной формы собственности от общеджамаатской собственности и, с другой стороны, чтобы отличить «своё» собственное от такого же собственного своего соседа по жизни в джамаате»[1].

Отметим, что «чужая земля» у аварцев вообще обозначалась термином «чияр ракъ», у даргинцев – «урхIла ванза», у лезгин – «чара (зин) чил», у лакцев – «изилчIов аьрщи», у табасаранцев – «жарарин хутIел». Чужой сенокос обозначался термином: «чияр хур» (авар.), «урхIла мура» (дарг.), «чара векь» (лезг.), «жарарин хяр» (табас.) и т.д.[2]. Но что наиболее примечательно и важно, у народов Дагестана были свои собственные названия частного землевладения, в частности: «моя земля», «моя пахота», «мой сенокос», «собственная земля». Понятие «моя земля» обозначалась названиями «дир хур» (авар.), «мирасул ратль» (у тиндалов), «дила ванза» (дарг.), «зи чил» (лезг.), «тул аьрши» (лакс.), «зе шил» (агул.), «яз жил» (табас.), «иизын чIийя» (цахур.), «накь» (рутул.); «моя пахота» обозначалась терминами: «дир хур» (авар.), «дила

[1] Там же. С. 35.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в 1962-1992 г. в аварских, даргинских, лезгинских, табасаранских, лакских, агульских, рутульских, цахурских селах.

хъу» (дарг.), «зи никI» (лезг.), «яз хутIел» (табас.), «тул аьрши», «тул хъу», «тул дуце» (лак.); «мой сенокос» обозначался термином: «дир реци» (авар.), «дила мура» (дарг.), «зи векьер» (лезг.), «тул халал лухччи» (лак.), «зе хер» (агул.), «яз хяр» (табас.)[1]. После принятия ислама все эти названия были известны под объединительным названием мюльк, который стал означать как собственность вообще, так и недвижимость, на что было обращено внимание и выше.

Вместе с тем даже в условиях наиболее употребляемого термина «мюльк» народы Дагестана продолжали употреблять и свои собственные названия своей частной земельной собственности. Так, в лезгинском селении Мискинджа для обозначения частной земли употребляли в основном местный термин «хусулал джига»[2]. Дагестанский историк Д.М. Магомедов, сделавший многое в изучении обществ Западного Дагестана, по этому поводу пишет о дидойцах: «Название «мильк» в употребление (у дидойцев – Б.А.) вошло после принятия мусульманской религии, в основном же для обозначения частного землевладения использовали и пользуются в настоящее время собственно дидойским термином «эни-абус-мочи», что в переводе означает отцовская земля.

«Эни-абус-мочи – это пахотные участки и сенокосы, которые находились в полной и неограниченной собственности отдельных малых семей, ставшие ещё задолго до XVIII в. основными хозяйственно-экономическими единицами общества»[3].

Общее понятие «собственность» обозначалась особыми терминами: «бетергьанчи» (от слова «бетIер» – голова, что показывает принадлежность собственности главе семьи), моя собственность – «дир бетIер гьанай» (авар.), «вегIдеш» – (вегI – хозяин, собственник) – (дарг.), «собственная земля» – «вегIла ванза» (дарг.), «мулкунин иеси» – мулковладелец (лезг.), у табаса-

[1] Там же; Его же. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. С. 125; Его же. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007. С. 68-69.
[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Ахтынском р-не в 1986 г.
[3] Магомедов Д.М. Социально-экономические отношения в Дидо в XVIII-начале XIX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 233. Л. 7.

ранцев – «хусусу»; собственная пахота – «чан хутIел», собственный сенокос – «чар хьер», моя собственность – «яз хусумутму»[1].

Как отметили выше, сначала в частную собственность перешли пахотные земли. «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом»[2], – писал Ф. Энгельс, а затем он присваивает пахотный участок, в который он приложил свой труд, в особенности на террасные поля, образованные только в результате больших усилий и времени. В частную собственность затем переходят и сенокосы. Поэтому в исследуемый период основными частными земельными участками являлись пахотные и сенокосные, которые в целом были небольших размеров и разбросаны в разных местах. Один и тот же хозяин или собственник имел свои земельные участки в нескольких местах. Все это отражено и в адатах жителей горных обществ, и в документах сословно-поземельной комиссии. Об этом пишут и исследователи, занимающиеся социально-экономическим развитием Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Так, в адатах бежтинцев сказано, что «современные порядки состоят в признании права собственности отдельных дымов на пахоты и сенокосы»[3].

Наличие мюлька как частной земельной собственности, как отмечалось выше, признавала и сословно-поземельная комиссия. Так, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», где говорится об «общественном строе в Кайтаге в прежнее время», т.е. ещё до присоединения Дагестана в Российской империи, при характеристике узденей подчеркивается, что они «владеют землями на правах собственности, из которых некоторые, так называемые мюльки, составляют собственность отдельных хозяев, другие же находятся во владении целых общин»[4]. Интересны и наблюдения Р.М. Магомедова по Кайтагу, который, изучив имеющиеся источники и литературу, писал о частном земледелии узденей так: «Каждый член общины имел в своем владении отдель-

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в 1962-1992 гг.

[2] Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 332.

[3] Бежитские адаты // Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 72.

[4] Феодальные отношения в Дагестане. XIX в. – начало XX в. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 187.

ный участок пахотной земли, именуемой мюльк. Мюльк является собственностью каждого узденя, могущего его продать, завещать и распоряжаться совершенно свободно». И далее, отмечая незначительность по размерам мюлька, Р.М. Магомедов писал: «Важно, конечно, не количество земли, занятое под мюльки, а то, что у кайтагов мы наблюдаем в описываемое время (речь идет о XVIII – начале XIX в. – Б.А.) наряду с общинной собственностью и индивидуальную собственность»[1].

Аналогичное положение было и в других регионах, владениях и союзах сельских общин Дагестана. Обратимся к материалам южнодагестанской сословно-поземельной комиссии. Как известно, до образования Кюринского ханства все население обществ Самурской долины и кюринских союзов сельских общин составляло лично свободное узденство. То же самое можно сказать и о населении рутульских союзов (Рутульский, Ихрекский и Шиназский). О жителях этих союзов указанная комиссия писала: «Земли пахотные, садовые и огородные, состоящие из отдельных участков, находятся в пользовании отдельных хозяев, как и отдельные небольшие рощи, и составляют по примеру, **как и у всех горцев Дагестана, мюльки, т.е. наследственную собственность каждого хозяина, и наследуют в роде** (тухуме – Б.А.) **вообще по шариату**»[2]. (подчеркнуто мною. – Б.А.).

То же самое мы наблюдаем и у жителей союзов сельских общин Кюре до образования Кюринского ханства. Согласно показаниям поверенных Кюринского округа, до образования ханства в кюринских союзах участки земель, состоящие при 135 селениях бывшего Кюринского ханства и находящиеся в пользовании тех селений, принадлежат каждому отдельному хозяину на правах собственности и называются халиса-мюльк (собственность). Это относится к 12 селениям, находящимся в зависимости от беков[3].

Интересно следующее заключение южнодагестанской сословно-поземельной комиссии об образовании частной земельной собственности узденей общинников Кюре. Она констатировала:

---

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 207.
[2] Феодальные отношения … С. 133.
[3] Там же. С. 166.

«Каким образом те мюльки образовались, жители не знают, они достались им по наследству от предков в теперешнем виде»[1].

И в обществах феодальных владений Дагестана частная мюльковая собственность образовалась либо в результате очистки участков от кустарника, камыша, расчистки или осушения земли, или (и в изучаемое время, и в предыдущие периоды) получали ее по наследству. Были и такие мюльки, которые стали частной собственностью различных категорий крестьянства в результате покупки у феодалов. Так, в селении Капчугай земля, купленная у бека, становилась его собственностью (мюльком), которая переходила к его наследникам по правилам шариата[2], в селении Эрпели, по существующему обычаю, общественная земля, занятая и расчищенная с разрешения общества, переходила в собственность расчистившего, т.е. становилась его мюльком[3]. Согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, собранным в Кумторкале, его жители имели в собственности дома, мюльки, а также поливные и неполивные участки. Наследственными земельными участками владели около половины селения Кафыр-Кумух, самый большой из них 25 каб, а самый маленький – 2 кабы[4].

В Гамринском магале, согласно показаниям его жителей, они имели «в своем владении отдельные участки пахотных и сенокосных земель, составляющие собственность каждого отдельного хозяина (мюльки), которыми они распоряжаются совершенно свободно»[5]. В собственности жителей Башлы (центр Кайтагского уцмийства) находились небольшие участки пахотной и покосной земли, расчищенные из-под леса, которые принадлежали каждому отдельному хозяину как мюльк[6].

В связи со сказанным выше о наследном характере мюлька, как частной земельной собственности, нельзя не вспомнить о неизвестном сочинении правоведа Мухаммеда ибн Муса ал-Кутутль (1633-1706 гг.), выдержки из которого были введены в научный оборот дагестанским этнографом М.А. Агларовым ещё в 1964 г. В

---

[1] Феодальные отношения … С. 166.
[2] Особые права беков и чанков … // Из истории права… Л. 199, 206.
[3] Там же. С. 166.
[4] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 57-58.
[5] Там же. Д. 5. Л. 12; Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
[6] Феодальные отношения… С. 221

этой выдержке сказано: «Задан вопрос в Машибул Хариме Ахмеду ал-Башбуш из Египта о наших землях, находящихся во владении отдельных людей с правом получения доходов или с правом косить. Так мы нашли эти земли в известное нам время. Что эти земли были захвачены с харима (пустоши, принадлежащие общине, которыми было запрещено пользоваться – Б.А.) людьми у нас нет доказательств и мы не знаем, как человек положил руку на землю. Известно лишь, что он получил эту землю в наследство от отцов или путем покупки»[1]. Приведя данный текст, М.А. Агларов пишет: «Для нас здесь ценно то, что Мухаммед ибн Муса в конце XVII в. констатирует частную собственность на землю. Он же свидетельствует, что ему неведомо, как люди завладели этими землями, кроме как наследованием или покупкой»[2].

Сравнивая показания жителей кюринских обществ и выводы южнодагестанской сословно-поземельной комиссии с приведенной цитатой из неизвестного сочинения правоведа из Кудутля Мухаммеда ибн Муса, сразу бросается в глаза аналогичность происхождения собственности на землю и в Аварии, и в Южном Дагестане. Они констатируют наличие частной собственности и возникновение её издавна, что это был институт, возникший не в исследуемый нами период, а в результате приложения в создание пахотных участков огромного труда далеких предков частных собственников земли, живущих в исследуемый период. В связи с приведенным выше материалом южнодагестанской сословно-поземельной комиссии интересно привести мнение известных дагестанских ученых-историков Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова о частной земельной собственности в Южном Дагестане, которые пишут, что здесь «все пахотные и покосные угодья обычно представляли собой мюльки и, как правило, считались собственностью отдельных семей. Расчистка горного участка для пахоты требовала титанического труда, и каждый завоеванный таким образом клочок земли становился собственностью отдельной семьи…»[3]

---

[1] Агларов М.А. Указ. соч. С. 187.

[2] Там же.

[3] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. С. 104.

Издавна в частной собственности там, где было развито садоводство, находились и сады. Это общества тиндальцев, каратинцев, гидатлинцев, андалальцев, кайтагов, табасаранцев, койсубулинцев, кахибцев, технуцалов, отдельных сел Самурской долины, кюринцев и т.д., которые и в изучаемый период имели в собственности как сады, так и отдельные деревья. Согласно обычаям Гидатлинского общества, Мачада, писал Р.М. Магомедов, человек, посадивший фруктовое дерево, имел право и на фрукты[1]. В адатах Тиндальского общества частные фруктовые деревья фигурируют как «дерево фруктовое», дерево хозяина («хозяина дерева»)[2], в адатах каратинцев – «фруктовое дерево»[3], в адатах андийцев – «деревья»[4]. В адатах Кайтага и Табасарана частные сады фигурируют как «чужие сады»[5], в селении Балахани и в Унцукульском обществе – «его сады»[6] и т.д.

Особенностью исследуемого периода, как времени дальнейшего развития частной собственности на землю, было распространение её и на отдельные пастбищные земли и на лесные участки. В адатах каратинцев частный лес фигурирует как «лес хозяина»[7]. В частной собственности отдельные лесные участки имелись в Хушете, Кайтаге, Кахибе, ряде обществ Андалала (Согратль, Унти), Гочобе, Мугурухе, Ассабе, Гадари, Урада, Гельмеце, Нижнем Мулебки, в обществах Келебского союза[8] и т.д. В обществах горцев, где находилось много леса, лесные участки в частной собственности находились издавна. Так, в кайтагском селении Джибахни участки леса Сана дузза, ГІяябяхъла дузза и

---

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 43.

[2] Адаты Тиндальского наибства Хваршинского общества // Памятники обычного права Дагестана XVII-XXIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1965.

[3] Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права … С. 150.

[4] Адаты Андийского наибства // Памятники обычного права… С. 167.

[5] Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным // Памятники обычного права … С. 22; Сборник адатов Кайтага и Табасарана // Из истории права … С. 152, 162.

[6] Сборник адатов, существующих в Гунибском округе // Памятники обычного права … С. 172, 174.

[7] Адаты Каратинского общества // Памятники обычного права… С. 151.

[8] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин… С. 126; Его же. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1990 г.

Мяхярайла къазмала дузза, находившиеся рядом с частными землями, ещё задолго до изучаемого периода находились в собственности мюльковладельцев[1].

Интересный материал по вопросу о частных лесных участков по Южному Дагестану был собран южнодагестанской сословно-поземельной комиссией. В нём не только указывается наличие частных лесных участков, но говорится о том, как они возникли, как лесные участки перешли в собственность отдельных лиц. В материале указанной комиссии, в частности, говорится о лезгинских обществах Самурской долины, что здесь «в редких случаях также встречаются иногда из жителей частные хозяева небольших рощ – приобретенных от общества каким-либо обычным путем – куплею или за кровь, так, например, семейству ахтынца Мала-Мелика принадлежит до 15 катанов дубового кустарника, полученного этим семейством от одной половины (магала) Ахтинского общества (джамаата) в вознаграждение за кровь убитых нескольких членов этого семейства в некогда происшедшей кровной распре между двумя половинами, или магалами, Ахтов». Здесь же сказано, что лесные участки имели представители Ахтынского общества, как например, 20 дворам принадлежали «участок земли с дубовым же кустарником», а 52 дворам принадлежали яйлах Цейхур «со своим лесом». Далее здесь говорится, что эти 52 двора раньше жили на этом «Цейхур-урочище», имели свое селение там, а впоследствии переселились в Ахты. Исмагулец Таджи Абдул Азиз имел свой купленный у хиновца лес. В документе отмечается также, что «Рутульское и другие общества пользуются имеющимися у них участками как частною собственностью и дозволяют пользоваться со своих лесов крестьянам других обществ и вообще посторонним только за плату или по особому дозволению общества (джамаата), по дружбе или снисхождению к соседнему обществу или какому особому обстоятельству»[2]. Разрешение пользоваться лесными участками и других членов общества, даже жителей других общин – это показатель того, что в собственности отдельных частных лиц были большие лесные участки.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН
institutehistory.ru

[1] Там же.
[2] Феодальные отношения… С. 145.

В сел. Ругельда частные участки леса находились в местностях «НахгIумарила-зул рохь», в Самада – «БахIарза рохь», ГIучумахIал рохь» и «Балачил рохь»[1].

Мелкие частные собственники имели и свои животноводческие хутора и отдельные пастбищные участки. Согласно адатам каратинцев, чамалалов, андийцев и др. народов Аварии, отдельные уздени имели в собственности огороженные места в горах для загона скота (баранты), около них чау(?)[2]. В адатах бежтинцев собственные хутора даются как хутора хозяев[3]. Собственные хутора имели дидойцы. Так, в Кидеро (общество Шуратль) имелось 22 частных и тухумных хутора. В Хушете было 69 хуторов. Частные хутора имелись в селении Шатль (Иланхеви), которые находились в местностях МахIайиъ, Эшикъ, БодохI, ШабахIул, Хъунах, ЧIануз, Хъунах, БацIихвили и т.д.[4] О частных хуторах сказано и в «Бежитских адатах». «Во время убора жатвы на ближайшие к хуторам пастбища, – сказано в них, – не допускается иной скот, кроме того, который принадлежит хозяевам собственно хуторским»[5]. О наличии частных хуторов для содержания скота ещё до исследуемого периода говорится в адатах Анцухского общества[6].

Дагестанский этнограф С.Х. Асиятилов писал о наличии в Аварии «частной собственности не только на сенокосы, но и на пастбища вплоть до лесов, которые имелись в Цумадинском, Гумбетовском, Хунзахском, Ахвахском и других районах…»[7]. Частные пастбища, например, согратлинцев находились в горах Умулух-меэр и Росдал-меэр[8]. Частные пастбищные места имелись в Кайтаге и Табасаране, которые в их адатах даются как

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.

[2] Памятники обычного права … С. 145, 161, 165.

[3] Из истории права … С. 72.

[4] Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – начале XIX вв. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 3. С. 171-172.

[5] Из истории права … С. 72.

[6] Там же. С. 61.

[7] Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 39.

[8] Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев … С. 171-172.

«чужое пастбище», «место кочевья»[1]. В Усишинском обществе ещё задолго до XIX в. пастбищной горой Каркец владел Табакан Ахмед, который затем завещал её местной мечети[2].

Представители даргинского селения Губден в сословно-поземельной комиссии показали, что «все уздени, кроме общественных земель и угодий разных лесов», имели пастбища и пастбищные горы

Что особенно важно в их показаниях: «Имеем свои пастбища, горы и леса собственные» и далее: «Все земли, которыми мы пользуемся, приобретены нашими предками», среди которых «пастбищные горы»[3]. Что также важно – они показали, что «некоторые из узденей имеют свои наследственные или купленные у других кутаны и летние горы»[4].

Суммируя все сказанное можно отметить, что в позднефеодальный период в истории народов Дагестана мелкая мюльковая собственность на землю распространялась практически на все земельные угодья, хотя соотношение их было, конечно, разное. Основными частными земельными угодьями, находящимися в частной собственности различных (но в основном свободного узденства) категорий крестьянства, являлись пахотные и сенокосные участки, разбросанные в разных местах общинной территории. Пастбищных мест и лесов в частной собственности было не много и не везде. Это были отдельные небольшие участки в основном для собственного пользования хозяина.

В первой части данного параграфа мы остановились на времени возникновения и характере мелкого частного землевладения. Были приведены совершенно противоположные мнения ряда дагестанских исследователей, в частности М.А. Агларова и Ш.М. Ахмедова. Было показано, что первый из них пишет о раннем становлении частной собственности у горцев Дагестана, что оно относится к бронзовому веку. Это период становления террасного земледелия в горном Дагестане. Ш.М. Ахмедов же в своих ра-

---

[1] Из истории права… С. 153, 162; Памятники обычного права … С. 22.
[2] Письма Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу. Документ любезно предоставлен в наше распоряжение А.С. Омаровым; Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 155.
[3] ЦГА РФ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[4] Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 139.

ботах, посвященных и развитию феодальных отношений в Дагестане и дагестанской общине, писал, что даже в XVIII – первой половине XIX в. не было у горцев полной частной собственности, и это он обосновал наличием в адатах горцев статей, запрещающих продажу мюлька вне общины, наличием права предпочтительной покупки земли.

Отметим, что мало кто из дагестанских исследователей разделял мнение Ш.М. Ахмедова. Остановимся на мнениях по указанному вопросу отдельных дагестанских ученых. Об узденях Кайтагского уцмийства Р.М. Магомедов писал: «Каждый член общины имел в своем владении участок пахотной и покосной земли, именуемой мюльком. Мюльк являлся **собственностью** (подчеркн. мною – Б.А.) каждого узденя, могущего его **продать, завещать и распоряжаться совершенно свободно**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.). В своей работе, посвященной общественному строю Дагестана в XIX в., Х.-М.О. Хашаев писал о мелкой частной собственности в Тарковском шамхальстве и в связи с этим отмечал, что мюльки здесь являлись частной собственностью отдельных крестьян, а поэтому могли быть подарены, проданы, заложены и т.д.[2]», и что «простые уздени имели мюльки, переходящие по наследству»[3]. Причину образования частной узденской собственности в Тарковском шамхальстве он видел в том, что «на шамхальской территории большинство сельских обществ образовалось задолго до прихода на равнину шамхалов и успели закрепить за собой земли»[4].

Выше было приведено мнение о мюльке как о мелкой частной собственности крестьян-узденей Южного Дагестана Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова. Здесь мы лишь напомним, что они пишут о наличии частной собственности ещё ранее исследуемого периода, подчеркивая, что мюльки «как правило, считались собственностью отдельных семей и были созданы путем расчистки горных участков под пахоты, на что был потрачен титанический труд и каждый завоеванный таким образом кусок земли стано-

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 207.

[2] Хашаев Х.-М. Общественный строй в Дагестане в XIX веке. М., 1961. С. 209.

[3] Там же. С. 210.

[4] Там же.

вился собственностью отдельного лица, отдельных семей»[1]. Как отмечают они далее: «В магалах Рича, Агул, Кошан жители свободно распоряжались своими пахотными и покосными землями без согласия сельского общества». Ссылаясь на архивные источники, они также указывают, что и в узденских селениях Табасарана, так же, как и в агульских магалах, пахотные и сенокосные земли находились во владении индивидуальных семейств с правом передачи, продажи, завещания»[2]. Но в то же время и они, как и Ш.М. Ахмедов писали о запрете продажи мюлька вне общины[3]. Известный дагестанский этнограф М.О. Османов также подчеркивал создание мюльков путем затраты больших сил и поэтому «такая собственность, конечно, была трудно отделима от самого мелкого собственника и яростно защищалась»[4].

Как известно, при характеристике частного землевладения наиболее важным вопросом является право собственника свободно пользоваться своей землей, свободно распоряжаться ею по своему усмотрению. Без выяснения вопроса – отвечала ли частная (мюльковая) собственность тем требованиям, которые раскрывает понятие «собственность» или «частная земельная собственность» и определению, данному К. Марксом, в котором сказано: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными только им подчиненными сферами их личной жизни»[5], невозможно понять действительно ли мелкое частное (мюльковое) землевладение было частной собственностью в полном смысле слова.

Как было указано выше, уздени-общинники, как владельцы мелкого частного (мюлькового) владения, обладали правом отчуждения – продажи, передачи по наследству, завещать мечети или кому-либо, в виде уплаты за кровосмешение, обмена и т.д.

---

[1] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 104.
[2] ЦГА РД. Ф. 231. Оп. 1. Д. 370. Л. 5; ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. д. 4«б». Л. 37; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 146.
[3] Там же.
[4] Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 15.
[5] Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 165.

своей земли. Это полная частная собственность на землю. «Полная, свободная собственность на землю, – отмечал Ф. Энгельс, – означает не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать её. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не было. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода к племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывающие его с землей»[1]. Право отчуждения с юридической точки зрения является важнейшей составной частью права собственности. Этим правом на самом деле обладал дагестанский мелкий частный собственник.

Как известно, «развитие аллодиальной собственности» шло «параллельно процессу распада связей родственного характера»[2]. В позднефеодальный период каждая индивидуальная семья, говоря словами А.Д. Давыдова, являлась безусловным частным собственником своего наследственного участка (или нескольких участков) земли, дома, скота и инвентаря и по отношению к другим, даже близкородственным семьям деревни, выступала как совершенно самостоятельная экономическая единица[3].

Однако сельская община и тухум, как родственный коллектив, куда входили индивидуальные семьи – собственники земельных участков, даже в XVIII-XIX вв. все ещё стремились ограничить право отчуждения и главным образом продажу земли «определенными традициями общинного землевладения, оберегавшими преимущественное право покупки общинной земли внутри общины»[4]. Эти ограничения и нашли отражение в адатах горцев. Так, согласно адатам Усишинского общества, с того, кто «продает пашню и свой мюльк (здесь имеется в виду собственность вообще – Б.А.) человеку из другого селения», взыскивался штраф 1 бык[5]. По адатам капучинцев, продажа недвижимого имущества постороннему («хотя шариат и дозволял» это) разре-

---

[1] Энгель Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 167.

[2] Давыдов А.Д. Афганская деревня. М.: Наука, 1962. С. 98.

[3] Там же.

[4] Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии (XIII – середина XVIII вв.). М.: Наука, 1965. С. 235.

[5] Адаты селения Усиша // Из истории права… С. 235.

шалось только в том случае, если родственник по адату не воспользовался правом предпочтительной покупки[1]. По адатам Келебского общества, проданный постороннему земельный участок могли возвратить родственники его хозяина, если они не были извещены при её продаже. За продажу пахотного участка или сенокоса человеку из другого общества с виновного, согласно адатам, положено было взыскивать ежедневно по одному быку стоимостью в 6 овец[2]. По адатам Андалальского общества, за продажу чужому пахотной земли или дома положено было взыскать 300 баранов, а проданное перейти в собственность общества[3]. Адаты, запрещающие продажу мюлька за пределы общины, существовали также у цекубцев, багулалов, гидатлинцев[4] и др. горцев Дагестана.

Право предпочтительной покупки и выкупа отчуждаемой недвижимости родственниками (или соседями (право близости)) не являлось исключительным явлением, характерным только для Дагестана. Оно существовало у сванов, в Византии ещё в XIII-XIV вв., следы этого права сохранились в Хорватии ещё в XV-XVI вв.[5] и т.д. «Таким образом, – писал, исследуя социально-экономическое развитие Дагестана Ш.М. Ахмедов и пользуясь адатно-правовыми нормами XVII-XIX вв., – институт предпочтительной покупки ограничивал свободу распоряжения землей и препятствовал оформлению частной собственности на землю, которая поэтому в изучаемое время (имеет в ввиду V-XI вв. – Б.А.) не успела ещё оформиться»[6].

---

[1] Из истории права… С. 72.

[2] Адаты келебских селений // Памятники обычного права … С. 76, 77.

[3] Свод решений обязательных для жителей Андалальского округа // Памятники обычного права … С. 62.

[4] Свод решений и обычаев Цекубского сельского общества // Памятники обычного права … С. 96; Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.М.Хашаев и М.С.Саидов. Махачкала, 1957. С. 23-24; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 29.

[5] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 2. С. 87; Каждан А.П. Аграрные отношение в Византии XIII-XIV вв. М., 1952. С. 87; Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. С. 152.

[6] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ. соч. С. 29.

Право предпочтительной покупки и выкупа отчуждаемой земли, согласно адатам, – это побочное право других членов общины и прежде всего родственников на чужую землю. Земля находится в индивидуальной собственности, но в то же время, опять-таки согласно адатам горцев, на нее имели различные права другие члены общины, другие собственники. Это показатель того, что тухум, как родственный коллектив, всё ещё играл (или желал играть) определенную роль в имущественных отношениях. Как писал акад. Ю.Б. Бромлей, «в условиях малоземелья родственный коллектив, имевший различные права на недвижимость каждой входящей в его состав семьи (большой или малой), естественно, не мог безразлично относиться к потере этих прав»[1]. Поэтому и возник институт предпочтительной покупки отчуждаемой земли родственниками мюльковладельца, являвшийся показателем того, что купля-продажа недвижимости и прежде всего земли «перестала быть случайным явлением»[2]. Но в исследуемый нами период, когда купля-продажа земли стала обычным явлением, в условиях имущественной дифференциации право предпочтения являлось как показателем концентрации земель (как результат купли-продажи земли и недвижимости вообще) в руках общинной знати, заинтересованной в запрещении продажи земли вне общины[3], так и пережитком былой собственности родственного коллектива – тухума. В прошлом, когда ещё не было дифференциации в горных обществах Дагестана, право предпочтительной покупки земли являлось только следствием имущественных прав родственного коллектива. И в адатах, надо полагать, тогда не было статей, ограничивающих право пользования мюльком, так как в этом не было необходимости в условиях, когда имущественные права родственного коллектива не давали возможность его членам отчуждать землю на сторону. Когда же купля-продажа земли становится обычным явлением, что было характерно в особенности для исследуемого периода, происходит сосредоточение земель в руках отдельных членов общины, которые и были заинтересованы в запрете продажи земли чужим, так как

[1] Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 383.
[2] Там же. С. 172.
[3] История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 242.

при этом они имели возможность покупать отчуждаемые земли в своей же общине, у своих односельчан, вынужденных в силу определенных причин продавать свои земельные участки. Тогда, очевидно, и принимаются адаты, фиксирующие и право предпочтительной покупки и выкупа земли, и запрещающие отчуждение земли вне своей общины. В связи со сказанным нельзя не согласиться с существующим мнением, что община, ставя преграды продажи земли чужаку, «ограждала свою территорию от отторжения её части». Это было и причиной того, что «чужак не мог добиться членства общины, купив здесь участок, он должен был сначала добиться членства общины и только потом купить землю»[1], ибо, как указывал К. Маркс, «предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине»[2].

Однако на практике в изучаемое время дело обстояло совсем по-другому и я разделяю мнение тех ученых, которые характеризуют мелкую земельную собственность узденей-общинников как частную, со всеми вытекающими из этого правами. «Главные их аргументы, – как справедливо считает А.Р. Магомедов, – состоят в том, что письменные и этнографические материалы дают нам достаточно примеров пользования, владения и распоряжения общинника своею землей, а названные правомочия и создают в совокупности право частной собственности (которое, конечно, есть юридическое отражение отношений частной собственности в самом определенном социально-экономическом смысле)»[3].

На самом деле, несмотря на всё сказанное выше, на приведенные адаты горцев, ограничивающих право хозяина распоряжаться своим мюльком, они (эти ограничения) носили характер формальности, так как на практике, в повседневной жизни они не соблюдались, игнорировались. При желании уздени-общинники, как мюльковладельцы, продавали свои земли кому хотели – не только родственникам и односельчанам, но и представителям

[1] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 86.

[2] Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 466.

[3] Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV –XVII вв. Изд-во Ростовского университета, 1985. С. 98.

других сел. Адаты же, ограничивающие право отчуждения частной земли, возникли ещё в тот период, когда община, как субъект собственности всей земли (в том числе и участков – паев, доставшихся в результате переделов общинной пахоты, что было характерно для периода господства земледельческой общины, что она и вводила ограничения в отчуждении вне общины), и имела возможность распоряжаться землей своих членов. Права общины и тухума на частную узденскую собственность, конечно, не повсеместно, не во всех обществах были одинаковы. В адатах одних обществ и их союзов имеются статьи, ограничивающие права общинников на свою земельную собственность, в других же они вообще отсутствуют, в третьих имеются статьи, разрешающие продажу земли чужесельцу и даже вне общины, постороннему человеку. Так, в адатах Дидойского общества имеется статья адатов, где говорится: «Если кто поселит в чужой деревне с женой в купленном им или доставшемуся ему по наследству имении, то жители той деревни не станут вытеснять его и он сможет жить в ней, так как они»[1]. Переселенец, как собственник земли, уже становился членом общины, куда переселился, но при этом «должен [был] наравне со всеми участвовать во всех общественных работах»[2]. Наличие купли-продажи земли в горных обществах хорошо иллюстрируют и адаты Келебского и Цекубского обществ, селений Урахи и Усиша[3] и т.д.

Подтверждали наличие права свободного распоряжения своей землей и представители многих сел горных и предгорных обществ. Так, представители сел обществ Самурской долины показали в южнодагестанской сословно-поземельной комиссии, что в прошлом своими «участками, мюльками своими, как свободные поселяне, так равно и зависимые от беков всегда свободно располагали **по своему усмотрению и продавали кому хотели без ограничений и не спрашивая ни у кого на то разрешения**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.) и «что они **свободно продают свои участки земель и посторонним**»[5] (подчеркн. мною – Б.А.), т.е.

[1] Из истории права … С. 59.
[2] Там же.
[3] Памятники обычного права … С. 75, 77, 96.
[4] Феодальные отношения … С. 133.
[5] Там же. С.146.

вне общины. Жители обществ, вошедших в состав Кюринского ханства, также показали, что они «на свои мюльки имеют полное право собственности, **продают оные между собою и сторонним разным лицам**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.). Жители Гамринского магала показали, что его жители имели «в своем владении отдельные участки пахотных и покосных земель, составляющие собственность отдельного хозяина (мюльки), которыми они **распоряжаются совершенно свободно**»[2] (подчеркн. мною – Б.А.). Мюльками являлись и небольшие пахотные и покосные участки в селении Башлы, которые были расчищены из-под леса и принадлежали «в собственность каждому отдельному хозяину (мюльки)»»[3].

instituteofhistory.ru

Сохранился интересный архивный документ о продаже мюльковладельцем своей земли чужому сельскому обществу. В письме-просьбе императору жителей Гигатля Чамалальского общества писалось: «Одна третья часть земли селения Халты Чантийского участка являлась нашей собственностью с **давних времен путем купли нашими предками у жителя сел. Халты под именем Хасай**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.). Это убедительное доказательство наличия права свободной продажи мюлька не только внутри своего общества, но и вне его.

Нами собраны многочисленные данные в период летних историко-этнографических экспедиций, показывающие наличие права свободной продажи земли как иносельцам-переселенцам, так и за пределы общины, посторонним лицам. Во многих горных обществах имелись земельные участки, которые принадлежали «пришлым», переселенцам из других сел. В селениях Гапшима, например, было несколько хозяев «пришлых», имевших здесь свои земельные участки (мюльки). В селении Усиша проживали «хайдаканы», т.е. выходцы или переселенцы из Кайтага, которые имели здесь свои земельные участки, купленные у местных общинников-мюльковладельцев. В селении Муги один из участков

instituteofhistory.ru

[1] Там же. С. 166.
[2] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
[3] Феодальные отношения … С. 221.
[4] Документы и материалы по истории Дагестана XIX в., собранные и выявленные научным сотрудником Института Рамазановым Х.Х. в ЦГВИА в 1958 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.380. Л.9.

земли принадлежал кубачинке, которая затем пожертвовала его мугинской мечети. В Мекеги издавна находились десятки хозяйств, переселившихся сюда из других сел. Дарго, а также Лакии и Аварии, которые имели здесь свои земельные участки. В селении Ниж. Мулебки один из пахотных участков назывался «ХIябшиман хъу» (пахотное поле гапшинца); в селении Мургук один из земельных участков назывался ПярбукIа хъуми (пахотные поля кубачинца), другой участок – Уса хъуми (пашни усишинца)[1].

Особенно много земель в других обществах, в основном даргинских, покупали кубачинцы, которые не имели пахотных земель непосредственно на своей территории. Причем представители этого общества имели купленные ими земли не только в соседних обществах Гапш, Ганк и Муйра, союзах Нижнего Кайтага, но и в ряде сел Акуша-Дарго, что было показано выше. Представители сел. Урахи имели земли в ряде сел союза Хамур-Дарго. Рутульцы имели купленные ими земли в селениях Киче, Ихрек, Лакун, Куфе и т.д.; жители селения Микик имели в местности Авдухюсбы участки, купленные у цахурцев; муслахцы покупали земли у цахурцев; муслахцы покупали у цахурцев участки земли в местности ХъялхIбы[2]. На территории Голотля хунзахцы имели земли под названием Аликлычил ах (сад Аликлыча) и Кайтмазил ах (сад Кайтмаза)[3].

Таких примеров можно привести много и они говорят о том, что мелкие собственники земли (мюльковладельцы) даже при наличии серьезных ограничений, ставящих заслон свободному отчуждению земли вне общины, продавали её тому, кому хотели. Часто (в Цахуре, Рутуле, Курахе, Варсите, Газия, Хунгия и т.д., т.е. в селах Южного Дагестана, Кайтагского уцмийства и других местах) мюльковладельцы беспрепятственно продавали пограничные земельные участки жителям соседних селений[4].

Из всего приведенного выходит, что уровень развития мелкого частного (мюлькового) землевладения в самих горных обществах Дагестана был не одинаковым. Если в одних их них

---

[1] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин … С. 131.

[2] Там же; Алиев Б.Г. Свободное узденство … С. 84.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) районе в 1986 г.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал собранный в 1971-1973 гг.

ограничения все ещё играли определенную роль в отношении частного землевладения, то в других эти ограничения являлись лишь формальностью, простой фикцией. «Стремление же общины ограничить право отчуждения являлось желанием и заинтересованностью её, а также общинной знати. Однако все это не меняло существа дела. Хозяин мюлька не формально, а на самом деле, в полном смысле слова являлся его собственником. Хотя мюльк в какой-то мере выступает как институт, зависимый от общины, и все же субъектом права собственности его являлась не община, а индивидуальная семья. Сельская община же, как собственник по отношению к мюльку, теряет свое значение с прекращением периодических переделов и переходом пахотной земли в собственность индивидуальных семей. Об этом говорит и сама возможность продажи участка и тот факт, что продает в конечном итоге не община, а частник, собственник земли. Сельская община имела на мюльк только косвенное право, которое заключалось в том, что она устанавливала общие для всех сроки сева, начала уборки сена и урожая, регламентировала пользование жнивьями, т.е. в какой-то мере регламентировала пользование частной землей как землевладелец в отношении мюлька»[1].

Изучая мелкую частную (мюльковую) земельную собственность, видимо, есть необходимость остановиться не только на возможности купли-продажи её, но и на других компонентах, показывающих право собственника производить и другие операции её отчуждения: наследование, завещание мечети, обмен на что-либо, возмещение за кровь убитого и т.д., являвшиеся важнейшими показателями наличия права отчуждения земельной собственности. Среди них институт наследования являлся наиболее распространенным среди остальных. Как было показано и выше, при анализе неизвестного сочинения правоведа Мухаммед ибн Муса ал-Кудутль, возникновение частной собственности в Дагестане происходило только путем наследования или покупки земли у других собственников. Приведем пример из архивного источника получения земель по наследству. Согласно заявлению Магомеда Мирзы сына Юсупа Кегерского императору, он «раньше располагал движимым имуществом, домами и тремя ху-

[1] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин … С.133.

торами, вокруг которых расположены лес, сенокосы и пахотные участки примерно на сто пятьдесят мерок. Они расположены в местности Гуниба». Он писал, что владел ими «**по наследству от своих предков**» (подчеркн. мною – Б.А.). Эти земли у него были конфискованы и «взяты в счет казны» как у участника борьбы горцев под руководством Шамиля, но, как писал он, – «не воевал на стороне Шамиля» и просил вернуть их ему[1].

Сохранились документы и о передаче земель своим родственникам. В одной арабской записи говорится, что Мухаммад из Чираха отдал своей жене Хадижат, дочери Шахбана из селения Ицари, посевные участки в местностях Арцра, Валькая и Чарахабе для пользования по её усмотрению. Речь в записи идет о пахотных участках, расположенных поблизости селения Ицари, которые были куплены Мухаммадом из Чираха для своей жены – ицаринки[2]. В арабской рукописи, хранящейся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН, говорится, что Мухаммед-хан завещал пахотный участок под названием Таднадил в один кайл посева вместе с конюшней и домом Чарабура своему сыну. Под названием Чарабура известна местность в окрестностях селения Куяда, что говорит о том, что речь в записи идет о куядинце[3]. Таких примеров много.

Имеются источники, показывающие наличие у мюльковладельцев права передачи своей земли по назру (**завещанию**) другим лицам независимо от степени родства. В одной арабоязычной записи сказано, что некий Мухаммад-Али, сын Кинту, передал своим дочерям вместе с другим имуществом два загона для скота в местности Цумук, два пахотных участка и сенокос. В завещании некоего Мусал-Адилав сказано, что он передал по назру пахотные участки Хазбар, Хунт и Сардал вместе с постройками и

---

[1] Документы и материалы по истории Дагестана XIX в., собранные и выявленные научным сотрудником Института Рамазановым Х.Х. в ЦГВИА в 1958 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.380. Л.6.

[2] Омаров Х.А. Документы по земельным и имущественным отношениям в Дагестане до XVIII века включительно // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 273; Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV-XVII вв. Л. 13.

[3] Там же.

скотом[1]. В рукописи кудутлинской мечети «Хашиййа ал Кудуки» («Супрокомментарий Кудутлинского») имеется запись, относящаяся к 30-м годам XVII в., где сказано, что Дада, сын Ужинат, передал по назру своей жене Ширин третью часть своего движимого и недвижимого имущества, в том числе и пахотные земли[2]. В рукописи «Шарх ал-минхадж Махалли» («Комментарий Минхаджу к Махалли») имеется запись о передаче Улучом из Салан-дара по назру внучке Фатиме четырех пахотных участка[3].

Аналогичных записей также сохранилось немало. Имеются отдельные записи об уплате пахотного участка в качестве возмещения долга. Так, в одной арабской рукописи кудутлинской мечети «Асна ал-маталиб» («Предел желаний») имеется запись о том, что Хаджи Ахмед и его жена Хаджилай отдали свой пахотный участок Дагникла и два дома с конюшней двум дочерям Курбана в качестве возмещения того, что они израсходовали из его имущества, когда он был их пастухом[4]. В одной из рукописей Корана имеется запись о завещаниях пахотных и сенокосных участков кубачинцем своим детям и другим наследникам[5].

Из всего приведенного выше материала ещё раз можно утверждать, что в изучаемый период мелкое частное (мюльковое) землевладение по своему характеру представляло собой частную земельную собственность с вытекающими из этого правами полного и неограниченного использования.

Однако официальная царская администрация не хотела признавать наличие мелкой частной собственности в Дагестане, путая в силу непонимания разницу между правом собственности и постоянным пользованием. Основным доводом для этого служило отсутствие у населения, в частности узденства, как мелких частных собственников, юридически оформленных документов о земельной собственности. Да, их действительно не было. В них до присоединения к России не было необходимости. В каждом обществе знали, кому принадлежит тот или иной участок, община защищала частную собственность и посягательство на нее

[1] Омаров Х.А. Документы …
[2] Там же. Л. 1.
[3] Там же. Л. 45.
[4] Там же. 1.
[5] Там же. Л. 13.

строго наказывалось. Кроме приведенного выше довода, царская администрация, отрицая частную собственность узденства и других категорий дагестанского крестьянства, исходила и из религиозной догмы шариата, что земля принадлежит Богу. Ясно, что царская власть, утверждая все это, имела свои интересы. Как отмечал Х.-М.О. Хашаев, «отрицание существования частной собственности на землю в Дагестане было выгодно царизму, так как давало ему возможность объявлять большие земельные массивы в Дагестане собственностью государственной казны»[1]. Утверждая это, Х.-М.О. Хашаев был совершенно прав, что подтверждалось действиями царизма после окончательного присоединения Дагестана к России. После завершения Кавказской войны, «царская власть последовательно стала называть узденей государственными крестьянами, сидевшими на казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»[2].

Но не все официальные лица, имеющие отношение к вопросу земельных отношений в Дагестане и определения сословных прав различных слоев общества, были согласны с указанным мнением царских властей. Так, член южнодагестанской сословно-поземельной комиссии майор Симонов на основе глубокого изучения материала в 70-е годы XIX в. признавал наличие частной земельной собственности узденей Дагестана ещё задолго до XIX в. Он, в частности, писал: «Пользование землею русское правительство застало в стране (Дагестане – Б.А.) в следующем виде: каждый отдельный поселянин имеет для посевов отдельные участки земли, добытые трудом и борьбою с природой, называемые мюльками. Мюльки есть и покосные, и с рощами леса, поросшие впоследствии вновь. Всех видов мюльки каждый хозяин привык считать своею неприкосновенною собственностью. Мюльки наследуют в роде, продают, кому хотят, завещают, в том числе в пользу мечети, и дают в удовлетворение как плату за кровомшение»[3].

---

[1] Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 128.

[2] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1902. Т. 20. С. 778; Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VII. С. 196.

[3] ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 16«а». Ч. 4. Л. 3-4; Феодальные отношения … С. 149.

Аналогичного мнения о принадлежности земли на правах собственности было высказано и председателем межведомственного совещания сенатором Никольским, который 20 декабря 1912 г. говорил на этом совещании: «Подробное исследование правовых оснований землевладения в указанных местностях Кавказа (Дагестанская область, Закатальский округ, нагорные районы Терской и Кубанской областей – Б.А.) приводят к убеждению принадлежности горцам земель на правах собственности … Местные исследования показали, что многие из горцев владеют недвижимостями, купленными у других горцев на основании актов купли-продажи, хотя совершенных, правда, домашним, а не формальным порядком»[1]. Последнее и было основанием для непризнания официальными властями частного землевладения горцев Дагестана.

Как бы то ни было, что бы ни писали, какое бы мнение ни высказывалось официальными властями царской империи, все приведенное выше является неоспоримым доказательством наличия в Дагестане мелкого частного (мюлькового) земледелия крестьян.

Основной особенностью мелкого частного землевладения Дагестана в позднефеодальный период являлось неравномерное распределение её между собственниками, что являлось следствием прежде всего наличия права отчуждения земли, в результате чего одни собственники в силу различных причин вынуждены были продавать её, а другие имели возможность покупать. В результате в горных обществах Дагестана у одной части узденства сосредоточивались большие земельные массивы, а другая часть становилась малоземельной и даже безземельной. Так в дагестанской горной общине возникло неравенство среди свободного узденства как мелкого частного собственника. Как писал Ф. Энгельс: «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»[2]. Аллод, как свободное частное крестьянское землевладение, – это «экономическая пред-

[1] РГИА. Ф. 718. Оп. 1. Д. 758. Л. 7. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 129.

[2] Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч 2-е изд. Т. 19. С. 497.

посылка феодализма», так как именно он привел к экономической дифференциации, которая, в свою очередь, привела к образованию феодальной собственности на землю[1].

Именно в изучаемое время шёл усиленный процесс обезземенивания свободного узденства и сосредоточения земли в руках общинной знати, порой не уступавшей собственности различных представителей класса феодалов. Земельная собственность общинной знати стала основой эксплуатации рядовых общинников, терявших или пока имевших свою землю.

Вторая особенность мелкого частного землевладения исследуемого периода – распространение его на отдельные участки пастбищ и леса, в результате практически охватывая все категории земельных угодий.

в) Частное (мюльковое) феодальное землевладение

Как было отмечено выше, частное (мюльковое) землевладение в Дагестане исследуемого периода, как и в предшествующие века, делилось на две категории. Мелкое частное (мюльковое) землевладение было разобрано выше. В данной части работы изучается частное (мюльковое) феодальное землевладение, которое имело несколько категорий: владения или домены феодальных владетелей, являвшиеся наиболее крупной формой феодальной земельной собственности; бекское частное (мюльковое) землевладение; среднее и мелкое частное (мюльковое) землевладение и условное феодальное землевладение. Это земельные владения различных групп сословий, которые находились в составе класса феодалов Дагестана исследуемого периода. Их различное социально-правовое положение предопределило и их различное отношение к земле. Но в целом все эти категории земельной собственности являлись по своей сути феодальными. А феодальная земельная собственность, как известно, имела свои специфические особенности, характеризующие её именно как таковую. «Третья форма, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – это феодальная или сословная собственность. Если для античности исходным

[1] Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 12.

пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*… Подобно племенной или общинной собственности, она (феодальная собственность – Б.А.) также покоится на известной общности, которой, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне»[1].

Выше была охарактеризована частная (мюльковая) собственность крестьян как безусловное земельное владение с правом свободного отчуждения. Аналогична была и мюльковая земельная собственность феодалов. Оба вида мюлька, таким образом, являлись не только фактическим владением, но и юридической собственностью владельцев. Тогда чем же отличались эти две категории частного (мюлькового) землевладения? Они отличались прежде всего пользованием ими. С точки зрения пользования мюльки феодалов и мюльки мелких независимых (и даже феодально-зависимых) собственников были различными, просто диаметрально противоположными категориями земельной собственности. Эти две формы мюльков вместе с тем составляли одну и ту же правовую категорию собственности. Но в то же время на экономическом (базисном) уровне они выступали как разные формы собственности, т.е. они отличались друг от друга по экономическому содержанию.

Феодал, как собственник земли, не прилагал к земле личный труд, на ней работали различные категории крестьян, в то время как мелкий частный собственник сам личным трудом обрабатывал землю. Феодалы наделяли крестьян земельными участками из своих земель, последние производили прибавочный продукт для собственника земли. Это феодальная земельная рента, которая была следствием наличия феодального землевладения. А феодальной собственностью земля становилась только при определенной ступени развития производительных сил – «лишь там и лишь поскольку, где и поскольку на землю складывались феодальные способы присвоения». **«Первым общим признаком всякой феодальной земельной собственности, независимо от того, идет ли речь о раннем развитом или позднем феодализме, независимо от того, имеется ли в виду поместье или вот-**

[1] Марск К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 22.

чина, независимо от сословного происхождения собственника или от того, выступает ли он как отдельный феодал, как феодальная корпорация или как феодальное государство, является именно то, что эта собственность обеспечивает получение отработочной, продуктовой или денежной ренты»[1]. Значит, мюльковая земля феодала в отличие от мюлька крестьянина являлась эксплуататорской, а сам мюльковладелец – феодал – эксплуататором крестьян, присваивая за пользование его землей в виде определенного дохода неоплаченный труд производителя – работника на его земле (крестьянина), т.е. получая феодальную ренту. Именно эта феодальная рента являлась показателем, что её получатель, феодал был не работником на своей земле. Как пишет В.И. Илюшечкин: «Рента – регулярный нетрудовой доход, не требующий от ее получателя предпринимательской деятельности»[2]. Рента – это доход который отчуждается феодалом (как собственником земли) по праву собственности на средства и условия производства.

Главным показателем феодального землевладения являлось, кроме его сословного характера – иерархичности, также эксплуататорский характер. Владельцами феодальной земли выступали несколько сословных групп класса феодалов: феодальные владельцы, как наиболее крупные землевладельца; беки – ближайшие родственники феодальных владетелей; чанки, карачи-беки и сала-уздени. К феодальному сословию, как обладателям больших земель, выступавших практически как эксплуататорская земельная собственность, следует отнести высшее мусульманское духовенство, а также феодализирующуюся общинную знать.

Иерархическая форма феодальной земельной собственности или, как принято её ещё называть, «условная или расчлененная форма земельной собственности» – одна из основных особенностей феодализма, была характера в особенности для развитого феодализма. К. Маркс и Ф. Энгельс вообще говорили только

---

[1] Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 58.

[2] Илюшечкин В.И. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М: Наука, 1990. С. 5.

«о феодальной или сословной собственности» при феодализме[1]. Иерархичность феодальной земельной собственности хорошо показана и в исследованиях советских и российских ученых, писавших о феодализме в разных странах и обществах. Так, исследуя формы земельной собственности в Иране в XIII-XIV вв., проф. И.П. Петрушевский так характеризовал феодальную земельную собственность: «Сущность феодальной земельной собственности заключается в том, что она связана с принадлежностью к организованному в сословия господствующему классу и несением представителями этого класса военной или гражданской службы феодальному государству. Далее, – отмечал И.П. Петрушевский, – развитому феодальному обществу присущ иерархический раздробленный характер владения землей…»[2]

Ниже рассмотрим имевшие место в дагестанских феодальных владениях позднефеодального периода все категории феодальной земельной собственности, при этом показав, отвечали ли они тем принципам, о которых было сказано выше, на основе которых их можно характеризовать как феодальную земельную собственность.

instituteofhistory.ru

1. Владения (домены) феодальных владетелей как крупная частная (мюльковая) земельная собственность

Как известно, в позднефеодальном Дагестане было 14 феодальных владений: Тарковское шамхальство, Аварское, Казикумухское, Мехтулинское, Дербентское, Кюринское ханства, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, Табасаранское кадийство, княжества Эндиреевское, Аксаевское и Костековское, султанства Илисуйское и Утамышское, а также отделившиеся ещё в предыдущие периоды, как и некоторые из перечисленных владений, бийлики – Буйнакское, Карабудахкентское, Губденское, Бамматулинское и Эрпелинское, во главе которых стояли феодальные правители (владетели), являвшиеся первыми собственниками феодальной земельной собственности. Это шамхалы, уцмии, ханы, майсумы, кадии и султаны, которые, конечно,

[1] Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960. С. 233.
[2] Там же.

различались между собой и размерами земельной собственности, и разнообразием угодий, которыми они владели. Но в целом следует отметить, что феодальные владетели имели в собственности все категории земель: пахоты, сенокосы, зимние и летние пастбища, леса, сады, а на плоскости ещё рыбные промыслы, нефтяные колодцы и соляные озера, хотя ясно, что если у одних владетелей в собственности находились все категории земельных угодий, то у других одних категорий земель было больше, у других – меньше.

Земельная собственность дагестанских феодальных владетелей являлась наиболее крупной феодальной собственностью. Поэтому её и принято называть крупной феодальной собственностью. Это домены, т.е. личные земли феодальных владений, которые складывались из различных категорий земель.

Среди дагестанских феодальных владетелей наиболее крупным землевладельцем был шамхал, который сначала (до середины XVII в.) правил огромной по масштабам Дагестана территорией в горном, предгорном и равнинном Дагестане. Как писал Х.-М.О. Хашаев: «Феодальная собственность в шамхальстве Тарковском образовалась путем захвата общинных и пустующих земель, шамхалы, жившие в Казикумухе, считались валиями Дагестана и распространяли свою власть и на Приморскую низменность. Эта власть давала им право считать земли, особенно пустующие, своей собственностью и заселять их выходцами с гор и из других мест с условием, чтобы они платили подати и отбывали повинности»[1].

Феодальная сеньория шамхала Тарковского, конечно, была намного меньше шамхала Казикумухского, так как она уже в позднефеодальный период не охватывала горный Дагестан. Но все же она оставалась самой крупной среди владений дагестанских правителей и состояла из трех видов земель. Первый вид – это земли, принадлежавшие сельским общинам, которые должны были платить шамхалам ренту и различные феодальные повинности (по русскому феодальному праву – земли волостные, чернотяглые). Второй вид – это земли, которые принадлежали шамхалу, но находились в наследственном пользовании крестьянства,

[1] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 208.

за что последние платили ренту и несли повинности. Крестьяне не имели права отчуждать эти земли. К третьему виду относились земли, находящиеся в исключительном владении шамхала («terra domminicata», или боярская пашня). Это кутаны, горы и другие пастбищные места[1]. Согласно имеющимся данным, в составе шамхальских мюльков находились более 10 кутанов: Уйташ, Сосак-булак, Гийх-Салган, Верхний Хаджи-аул, Средний Хаджи-аул, Нижний Хаджи-аул, Уллу-Дормаз, Кичи-Дормаз, Кигиляу, Калмук-ятган[2]. Согласно других источников, среди кутанов шамхала были ещё два кутана – Эчи-кутан и Косу-уч (у Аграханского залива)[3]. В первой четверти XIX в. у шамхалов стало уже 20 кутанов[4], в 1818 г. царское правительство предоставило ему вместе с «Баммутулинским уделом» и 8 кутанов: Верхний Чинчак, Нижний Чинчак, Верхний Чубурчи, Нижний Чубурчи, Сунку-кутан, Ах-Тобе, Чубар-арха и Кизил-булаг[5].

В собственности шамхала Тарковского находились также горы Большой Салатау и Малый Салатау, перешедшие к нему от кафыр-кумухских беков; Геллик-тау, доставшийся шамхалу по назру от геллинских беков; Нуцал-тау, Аликлич-тау, Кадани-тау и Сепи-тау, предоставленные русским правительством шамхалу из Бамматулинского удела; Шахла бар-тау и Урма-тау, предоставленные шамхалу также русским правительством из бывшего Мехтулинского удела, принадлежавшего Султан-Ахмед-хану[6].

Кутаны Эчи-кутан и Косу-уч использовались «под пастьбу» собственных табунов лошадей и стад крупного и мелкого рогатого скота шамхала; в случае же отдачи их «на откуп» (в аренду) они могли приносить шамхалу «не менее 1000 руб.»[7]. Об остальных же кутанах и горах шамхала в источнике сказано: «По обычаю, издавна установившемуся в шамхальстве Тарковском, кута-

---

[1] Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 77-78; Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // УЗ Свердловского госпединститута. Исторический. Свердловск, 1938. Вып. 1. С. 68.
[2] Феодальные отношения … С. 76.
[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 258/968. Л. 46; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д.21. Л. 47.
[4] Магомедова Р.М. Указ. соч. С. 197.
[5] Феодальные отношения … С. 76.
[6] Там же. С. 76-77.
[7] Там же. С. 76.

ны и горы находятся в исключительном пользовании шамхалов и прочих владельцев: первые, т.е. кутаны – от начала осени до наступления лета (с 15 августа по 15 мая), в течение 9 месяцев, а горы только в течение трех летних месяцев; по миновании же этих сроков почти во всех кутанах и горах окрестные жители вправе пасти свой скот. Поэтому кутаны отдаются на откуп только на 9 летних месяцев, которые и находятся под запретом»[1], т.е. на них никто из жителей шамхальства не имел права пасти свой скот.

Когда участник посольства А.П. Волынского 1715-18 гг. в Персии А.И. Лопухин писал о «Шамхаловых горах»[2], очевидно, речь идет о горах, которые находились по левую сторону от ущелья Ая-Кака, известных у даргинцев под названием «Шамхалла будурти»[3]. В горном Дагестане шамхал имел и другие горы: Уркаб, Акай-тау, Бухнаб, окраина горы Магмиз-меэра, Мамат-тау, Исмаил-тау, Уркат, Акмитав, Герген и Огуз-тау, которые сдавались в аренду для пастьбы скота койсубулинцев – жителей селений Аракани, Кикуни, Балахани, Гимры, Чирката, Унцукуль, Карачи, Харахи и Орота[4].

Кутаны и горы шамхала приносили ему большой доход. С.В. Юшков отмечал: «В перечне доходов, получаемых шамхалом с крестьянства, доход гор всегда выделяется из общей массы других доходов»[5]. Так, горы, которые арендовали перечисленные выше жители койсубулинских сел, приносили шамхалу следующие доходы: жители Аракани давали с каждого дома 2 ратла вина, один ратл виноградного уксуса, 40 овец, 20 ягнят за аренду горы Магмиз-меэр; жители селения Кикуни – один ратл вина, 2 ратла виноградного уксуса, 15 баранов; жители селения Балахани давали шамхалу полмерки пшеницы с дыма, полратла конопляных семян; гимринцы – с каждого дыма – по одной корзине вино-

---

[1] Феодальные отношения … С. 77.

[2] Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 29-30, 50.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском районе в 1966 г.

[4] Феодальные отношения … С. 28-29; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Состав. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. II. С. 5.

[5] Юшков С.В. Указ. соч. С. 29.

града; унцукульцы – полратла топленого масла, 10 баранов; чиркатинцы – один ратл сыра; карачинцы и оротинцы – по одной мерке конских бобов; харахинцы – одну мерку фасоли[1].

Большие доходы приносили шамхалу и кутаны, которые сдавались в зимние месяцы горским обществам для пастьбы овец. В конце XVIII в. Д.И. Тихонов писал, что имеющиеся кутаны на плоскости шамхал «отдает горским жителям на зимнее время в наем, смотря по величине кутана и его способных выгод. Берут в зиму за один кутан по 200 баранов, а за иной менее…»[2].

Перечисленные выше первые 8 кутанов давали шамхалу 5180 руб., 8 кутанов, представленные шамхалу русским правительством одновременно с Бамматулинским уделом в 1818 г. – 2750 руб., 8 кутанов, которые также принадлежали шамхалам до Абу-Муслим-хана – 2490 руб., 4 горы, которые перешли к шамхалу от кафыркумухских и геллинских беков, а также ещё 8 гор, которые поступили во владение шамхалов от русского правительства, отняв их от Бамматулинского и Мехтулинского владения, – 1880 руб.[3]

Отмечая исключительную роль в экономике шамхала кутанов и горных пастбищ, Р.М. Магомедов писал: «Особую роль в системе феодальной эксплуатации как внутри шамхальства, так и за его пределами играла пастбищная рента. Достаточно сказать, что шамхал, как обладатель огромного количества зимних пастбищ, не только удовлетворял потребности в них внутри своего владения, но и отдавал пастбища в большом количестве горским жителям на зимнее время»[4]. Так, жители Акуша-Дарго, как писал Д.И. Тихонов, «по причине малости подножного корму, а больше ещё и стужи, а потому [были] принуждены нанимать на зимние время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают»[5]. И не только уважали, но при необходимости верхнедаргинцы, как отмечал тот же автор, «ежели случится, что нужно будет ему (шамхалу – Б.А.)

[1] Феодальные отношения … С. 29.
[2] Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 130.
[3] Феодальные отношения … С. 76-77.
[4] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 166.
[5] Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 131.

вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с за платою, а принудить их не может»[1].

Как отмечалось выше, шамхалу принадлежали также пахотные и покосные земли. Одним из пахотных участков шамхала было поле в Герменчике, которое жители Тарков обязаны были засевать и убирать урожай для шамхала[2]. Очевидно, об этом участке идет речь в словах Д.И. Тихонова, когда он писал, что на шамхальских полях вспахивали «один день в лета, жители, обитающие в Терках»[3].

Пахотные и покосные участки имелись и в Темир-Хан-Шуринском округе, дававшие ему в год 2000 .руб.[4] В 1806 г. русские власти за оказанную помощь при взятии Дербента передали в управление шамхалу Улусский магал, доход с которого составлял «не менее 6000 руб. в год»[5].

В селениях Тарки, Кафыр-Кумухе и Казанищах шамхал имел свои сады[6]. Были у шамхала и маренники, которые, по словам Д.И. Тихонова, он отдавал «на откуп армянам или другим каким купцам» с условием, что «из подвластных ему деревень, в которых жители роют марену, не могут другому купцу продавать, как только тому, кто взял на откуп, и не свыше положенной от шамхала за каждый пуд цены»[7].

Все сказанное действительно показывает обширность владений шамхала. «Шамхал, – писал Р.М. Магомедов, – являлся обладателем лучшей части кумыкской земли, владения его были обширны, в сравнении с любым кумыкским князем он был бесспорно сильнее, но властью над всеми кумыками он ни в начале, ни в конце XVIII века (и в XIX в. – Б.А.) не обладал. В более раннюю феодальную эпоху шамхалы, как об этом свидетельствуют источники, действительно обладали всей Кумыкией и им принадлежала вся полнота власти не только в собственном владении, но и на территории их вассалов – беков. Позже власть шамхала как

---

[1] Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 131.
[2] Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып. 1. С. 77 .
[3] Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 130.
[4] Феодальные отношения … С. 77.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 130.

феодального монарха суживалась рамками его собственного домена»[1]. Другой дагестанский ученый А.С. Акбиев, говоря о XVII-XVIII вв., пишет, что «шамхалы являлись верховными собственниками всех земель Тарковского владения, селений, которые они дарили или передавали в управление бекам или чанкам из шамхальской фамилии»[2]. В связи со сказанным интересно обратить внимание на письмо шамхала Мехти к джамаату селения Параул, где говорится «… Знайте же, что **все мюльки и земли селения Параул являются моими мюльками и моей собственностью и вы являетесь моими людьм**и (подчеркнуто мною – Б.А.). Я один распоряжаюсь вашим имуществом, мюльками и вами самими»[3]. Таких сел, как Параул, у шамхала было много и их землями распоряжался он сам, как собственник – делал с ними что хотел: дарил, продавал, завещал и т.д.

Свою земельную собственность шамхалы увеличивали путем захвата чужих земель. Так, согласно сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией по Темир-Хан-Шуринскому округу, в конце XVIII в. шамхал Мехти захватил местность Коркек, которая принадлежала жителям Атлы-Боюна и Кумторкала, и основал там селение Султан-Янги-Юрт[4].

Источником расширения земельной собственности шамхала был и захват пограничных с его владением земель. Так, в письме старшего князя Эндирея Темира Хамзаева, на которое обратил внимание А.С. Акбиев, кизлярскому коменданту от 14 ноября 1772 г. говорится, что шамхал поселил несколько дворов мюрегинцев (жителей общества Мюрега, входившего в союз Хамур-Дарго. – Б.А.) в урочище Кошкечу, «где прежние шамхалы никакого поселения не имели и нас не допускали». Урочище Кошкечу было расположено на границе двух владений и являлось как бы нейтральной полосой, используемой в основном под пастбище. В письмо правителя Эндирея содержалась просьба: так как на правом берегу Койсу имелись стада эндиреевцев, то поселение в Кошкечу мюрегинцев может привести к кражам скота. Поэтому

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 185.
[2] Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000. 57.
[3] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 191.
[4] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 3.

он просил коменданта либо самому запретить шамхалу засевать побережье, либо предоставить это эндиреевцам и костековцам самим разобраться с тарковским правителем по своим обычаям. Конечно, как и можно было ожидать, на запрос кизлярского коменданта шамхал Мехти выразил несогласие с требованием российских властей и писал, что урочище, о котором идет речь, «состоит в самой середине нашей границы и никому дела до него нет, когда владение мое, хочу строю хуторы или населяю деревни, в том состоит власть моя»[1]. Резюмируя данный документ, А.С. Акбиев пишет: «Таким образом, шамхал рассматривал земли вдоль левобережья Койсу, как свой собственный мюльк и не допускал вмешательства посторонней стороны в праве распоряжаться ими как ему угодно»[2].

Из всего сказанного можно заключить, что в изучаемый период происходит усиление власти шамхала и увеличение его земельной собственности. Как пишет А.С. Акбиев, и было отмечено выше, шамхалы Тарковские «являлись верховными собственниками своей земли Тарковского владения, селений, которые они дарили или продавали в управление беками или чанками из шамхальской фамилии»[3]. И на самом деле, владея огромными земельными угодьями, тарковские шамхалы дарили своим родственникам целые селения с их землями. Так, согласно материалам сословно-поземельной комиссии, в 1735 г. шамхал подарил своему внуку Амал Магомеду деревни Харкас (Аркас) и Верхнее Казанище с принадлежащими им горами, а также два кутана в местностях Чипчак под названием Хайдак и Сархай, а третий кутан Чиканок и деревни Хорхали-Такали со всеми принадлежащими к ней землями до Темир-Кою и до самого Уй-Соглак-Тобе[4]. Из тех же сведений известно, что подаренные шамхалами бекам в разное время земли имелись также в Альбурикенте, Атлы-Боюне, Губдене, Кумторкале, Верхнем Казанище[5]. В результате жалований шамхалами своим родственникам свободных земельных участков, кутанов, ятаг, населенных пунктов, от жителей которых

[1] Акбиев А. Указ. соч. С. 57.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 171.
[5] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 6, 19, 46, 65.

они получали доходы, складывалась новая прослойка крупных феодальных землевладельцев. Вместе с тем это было следствием дробления шамхальского домена.

Во владении шамхалов имелись отдельные села и земли за пределами Дагестана, о чем сказано в письме шамхала Адиль-Гирея к Петру I от 15 августа 1722 г., – это «пять деревень в Мискурской (Мушкурской – Б.А.) земле, одна деревня в Ширване и одна в Баку», которые были пожалованы шамхалу «по указу Шахову». С этих деревень шамхал получал подати[1].

Большими земельными массивами владели князья Засулакской Кумыкии. На месте единого владения Султан-Мута в исследуемое время было 3 феодальных владения – Эндиреевское, Аксаевское и Костековское, которые образовались примерно в начале XVIII в. в результате разделения земель Султан-Мута по числу княжеских фамилий. Н.П. Тульчинский писал, что при Султан-Муте было много земли и тогда не было «понятия о праве земельной собственности»[2]. Об этом сказано и в сведениях сословно-поземельной комиссии и что «Султан-Мут, дети его и потомки пользовались землею наравне со всеми, не имея никакого права на **ясак** и **булку**»[3]. Д.-М. Шихалиев писал: «Хотя Кумыкское владение (Эндиреевское княжество – Б.А.) заключалось между Тереком и Темир-Кую, или … между Тереком и Сулаком, но действительно вотчиною кумыкских князей была та полоса земли, где проведены родовые канавы»[4]. Речь здесь идет о тех родах или княжеских фамилиях, которых в изучаемое время было 10 и образовались от сыновей Султан-Мута, правивших образованными ими тремя указанными выше княжествами. 5 княжеских фамилий (Казаналиповы, Темировы, Алишевы, Айдемировы и Муртузали-Аджиевы) находились в Эндирее; 5 (Алибековы, Ахмедхан Капланов, Эльдаровы, Уцмиевы и Асланбековы) – в Ак-

---

[1] Письмо Адиль-Гирея Тарковского Петру I … // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. Оп. 1. Д. 60. Л. 142.

[2] Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903. С. 13.

[3] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 41.

[4] Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Состав., предисл. и коммент. докт. ист. наук С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993. С. 41.

сае; одна владыческая фамилия Алишевы, которая проживала и в Эндирее, была в Костеке[1]. Как писал Д.-М. Шихалиев, «наиболее плодоносящая полоса земли, пересекаемая речками: Аксаем, Ямансу, Ярык-су и Акташем, до самого Сулака, по подошвам Чеченских, Ауховских и Салатавских гор, была разделена князьями в 4-м колене после Султан-Мута, т.е. около начала XVIII столетия, на участки по числу княжеских отдельных родов: на каждый из этих участков проведены были из вышеуказанных рек канавы…»[2]

Особенностью феодального землевладения князей Засулакской Кумыкии было то, что все поделенные между перечисленными фамилиями «земли находились в общем владении целой княжеской фамилии, и дети их, не деля между собой земель, владели ими вместе»[3]. Так, земельные владения Куру, Алак, Харч, Гачала-тау и др., которые в прошлом принадлежали Султан-Муту, в исследуемый период являлись общей собственностью князей Айдемировых, Темировых, Каплановых и Хамзаевых[4]. Это были неподеленные участки целых фамилий, они находились в общем, совместном пользовании последних. Это фамильная земельная собственность, которая была характерна и для феодального земледелия ряда других народов Северного Кавказа и Закавказья. Так, фамильная земельная собственность вплоть до середины XVIII в. была господствующей в Кабарде[5], аналогичный институт фамильного владения «сахасо» или «сахаль» был в позднефеодальной Грузии[6].

---

[1] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213-214.

[2] Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 41.

[3] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 632.

[4] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 14. Л. 62, 43, 122, 172.

[5] Азаматов К.Г. Землевладение и землепользование по обычному праву горцев Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Регион. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1980. С. 20; Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М. К вопросу о феодальной земельной собственности в Кабарде в дореволюционный период // Генезис … С. 48.

[6] Азаматов К.Г. Указ. соч. С. 20.

В Засулакской Кумыкии фамильная собственность феодалов на землю была господствующей до изучаемого нами периода. По мнению А.С. Акбиева, у кумыков в XVII-XVIII вв. вообще не было «личной владельческой бекской (княжеской – Б.А.) земли… или размеры её были невелики». И что интересно, как он полагает, если даже «бек (князь – Б.А.) приобретал каким-либо путем участок земли, то он после его смерти составлял собственность целой фамилии или же сразу включался в родовую бекскую (княжескую – Б.А.) собственность»[1]. Представители княжеских фамилий подтверждали такую форму феодального землевладения в Засулакской Кумыкии. Так, аксаевский князь Арслан-Хан Уцмиев сообщал, что «каждая фамилия владеет землями, занятыми на Кумыкской плоскости одним из своих предков»[2]. Эндиреевский князь Гебек Темиров также подтверждал это. «Отцы наши, Кара-Мурза, Девлет-Гирей, Исмаил и Шефи, – писал он, – во время своей жизни не делили оставшуюся от князя Темира имения, как-то: земли, курганы, деревни, а все, что у них было общим, и каждому выделялась следующая часть доходов»[3]. Из 400.378 десятин всей земли «родовых» земель князей Темировых было около 70 тысяч десятин, князей Алибековых – около 23 тысяч десятин, Уцмиевых – 40 тысяч десятин. Князь Али-Султан Капланов владел более 70 тысячами десятин земли[4].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН
institutehistory.ru

Постепенно, в основном начиная с изучаемого периода, стали появляться и единоличные владения, которые образовывались в результате покупки князьями земли и выделения им уделов, т.е. части общего состояния[5]. «Феодальная собственность на землю, – писала С.Ш. Гаджиева, – её развитие и укрепление неизбежно приводили к возникновению частной собственности и на оросительные сооружения, водоводные канавы, колодцы и т.д.»[6]. По сообщению начальника Терской области, в 1818 г. земли в количестве 17841 дес. – 975 саженей находились в споре

[1] Акбиев А.С. Указ. соч. С. 66.
[2] ЦГА РД. Ф.105. Оп.5. Д.5. Л.2.
[3] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 15. Л. 7.
[4] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д.12. Л. 57-61; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 123..
[5] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 49. Л. 50; Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 120.
[6] Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 123.

княжеских фамилий Уцмиевых, Капланових, Алибековых, Эльдаровых и Арсланбековых; первые называли их собственными, а остальные считали их общими и надлежащими разделу[1].

Как бы то ни было, какие бы мнения ни высказывались, в изучаемое время все больше и больше становилось частных земельных собственников. Отмечая причины появления единоличных собственников именно начиная с XVIII в., Н.П. Тульчинский писал: «Наибольшая часть земельных захватов имела место в XVIII столетии при преемниках Петра I и преимущественно в царствование Екатерины II»[2]. Именно в XVIII в. «русские магнаты» энергично содействовали своим авторитетом созданию крупных земель собственников на кумыкской плоскости»[3], и этот процесс продолжался до первой половины XIX в. Засулакские князья, а также следующая по феодальной иерархии группа феодалов из сала-узденей, «служа в русской армии» и работая чиновниками различных регионов, «держали в своих руках все нити для превращения общественных земель в своё собственное»[4]. И, как писал далее Н.П. Тульчинский, это приводило к тому, что «масса земель поступала во владение князей без всяких правительственных распоряжений, только по праву сильного»[5]. Именно все это дало право полковнику А.М. Буцковскому писать, что в Засулакской Кумыкии «все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов» и что эти земли «имеют наследственных подданных вроде крестьян, коих однакож продавать не могут, а получают с каждого двора в год: один воз дров, одного работника на один день к посеву и жатве хлеба и сенокошению»[6].

Как говорят источники, собственностью «отдельных кумыкских феодалов являлись нередко и такие земли, которые они получали с правом потомственного владения, без всяких условий от русского правительства и крупных местных владетелей за ока-

---

[1] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 201.
[2] Тульчинский Н.П. Указ. соч. С.6.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 239.

занные услуги им»[1]. Д.-М. Шихалиев писал, что эндиреевскому князю Алишу, родоначальнику рода, известного в Костеке под именем Хамзиных, русское правительство пожаловало землю, принадлежащую князьям Бурчебиям, которые изменили России. На новой земле Алиш с разрешения начальства крепости Святого Креста «населил Костек, возобновил Байрам-аул, бывшую резиденцию князей бурчибеев»[2]. В то же время он, «переселяясь на всегдашнее жительство в новое своё владение, не отказывался от прав своих на родовые земли, близ Андреева (Эндирея – Б.А.) оставшиеся»[3]. Другой пример – после упразднения крепости Святого Креста эндиреевский князь Казий из рода Темировых получил разрешение от князя Потемкина основать Кази-юрт и иметь там, через Сулак паром. «Казий присвоил себе окрестные порожние (пустующие – Б.А.) земли…»[4] Интересные примеры приводит Р.-М. Магомедов: «В 1733 г. костековские «почетные» жители Магомед-Гази, Алхас, Шиха, Гусейн, Магомед, Абужоли и Кауф обратились к русскому коменданту Св. Креста генералу Левашову с просьбой принять их в российское подданство и позволить им поселиться за горячим колодцем (… в Салатавии – Б.А.) и быть во владении аксайского Алиш-бека». Указом Анны Иоановны им было разрешено поселиться на этих землях, в результате чего костековский владелец Алиш и его потомки получили широкую возможность пользоваться присулакскими землями в Салатавии, где расположены селения Зурамкент, Миатли и др.[5] Р.М. Магомедов приводит и другой пример: в 1778 г. эндиреевский владелец Кази Темиров получил от командующего Астраханской губернией генерал-майора Ивана Якубия билет, т.е. право указанного владельца «на пастьбу табуна в урочище Долмы» (Долма – рукав реки Сулак) и «на бугор Ускат-ягиз близ мо-

[1] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 49. Л. 50. Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 120.
[2] Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 34.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 34-35.
[5] Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорном полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 326. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 169.

ря и иметь там хутор»[1]. Это право за Кази Темировым подтвердил и П. Потемкин. В выданном Потемкиным в 1786 г. документе говорится: «Дан сей открытый лист Кавказского наместника эндиреевскому владельцу Кази Темирову, что позволяется ему селить слободу по реке Сулак, в окрестностях бывшей крепости Святого Креста вольными и независимыми людьми и пользоваться землями тамошними так, как и прочие соседственные кумыкские владельцы»[2].

Так русские власти способствовали возникновению крупного частного (мюлькового) земледелия в Засулакской Кумыкии, выдавая князьям и бекам «ордера», «билеты», «грамоты», «охранные листы» на право владения различными земельными участками. В результате в Засулакской Кумыкии вся земля в 400 тысяч десятин стала собственностью 10 княжеских фамилий, а 10 тысяч крестьян оказались безземельными. Прав был А. Руновский, который писал: «Мы способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей… После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствующую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях; ещё укрепили эту власть»[3].

Крупные земельные угодья кумыкские князья имели в Салатавии. Как писал Д.-М. Шихалиев, это были прежде всего лучшие «во всем Дагестане пастбищные горы», которые князья отдавали на откуп, так же как и другие кутаны, отдаваемые «в наем для пастьбы баранов на зиму салатавцам, ауховцам, гумбетовцам, койсубулинцам и даже акушинцам»[4]. По сведениям, собранным Ш.М. Мансуровым, чиркеевцы арендовали горы Малиштау, Накаашу, Балатау, Цебеанлу, Кабюрали, Батлюб-шоб и Росдал-шоб. За пользование этими горами и за свободную пастьбу зимой баранов на кутане Шава, между Тереком и Сулаком, а также за сады, расположенные около Чиркея, «они платили с каждого жи-

[1] Труды комиссии по исследованию … С. 326. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 169.
[2] Там же.
[3] Военный сборник. 1859. № 42.
[4] Шихалиев Д.-М. Указ соч. С. 43.

теля, кто имел виноградники на арендованных землях, по одной сапетке винограда или по 20 коп. сер., с 50 баранов по одному шаму (годовалый баран)»[1].

Жители селений Чиркей и Гертма арендовали земли у князей Айдемировых; жители селений Гостала, Иха, Гуни и Бавтугай – у Муртузали Айдемировых; жители селения Зурамкент – у Темировых; жители Инчха, Хубар, Алмак, Дылым – у князей Казаналиповых; жители Миатли – у князей Хамзаевых и Паштовых; жители Буртуная – у князей Капланових[2]. Кутаны приносили князьям огромные доходы. Как писал Д.-М. Шихалиев: «Каждый кутан или каждая гора могла кормить от 3-х до 6-ти баранов в известный период года, и каждый их этих угодий стоил откупщикам не менее 50-ти барашков годовалых и 12-ти кусков сыра весом в 12 фунтов каждый»[3].

Источники показывают, что в Салатавии имелись не только фамильные земли, но и частные, принадлежавшие отдельным представителям княжеских родов. Интересно, что такие частные княжеские земли имелись ещё до исследуемого периода, о чем говорят сохранившиеся купчие, в которых говорится о продаже отдельными князьями своих земель местным жителям – салатавцам. Так, в одной купчей сказано, что эндиреевский князь Магомед Айдемиров в 1115 г.х. (1703 г.) продал жителю селения Гертма Джабраилу участки Белешген и Инчхе[4]. Другой эндиреевский князь Муртузали-Хаджи Чупалау-оглы в 1172 г.х. (1759 г.) продал **свой собственный горный участок земли** (подчеркн. мною. – Б.А.), находившийся в Салатавии, жителю селения Чиркей Магомед-Аджи Шейх-оглы[5].

В собственности засулакских кумыков в конце XVIII в. в Салатавии было 5200 дес. земли, которые были захвачены у сельских общин салатавцев, начиная с XVIII вплоть до 20-х годов

---

[1] Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С. 72.
[2] ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 12. Л. 33; Д. 4. Л. 19; Д. 6. Л. 42. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 202..
[3] Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 43-44.
[4] ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 4. Д. 41«а». Л. 15.
[5] Там же. Д. 44-а, Л. 73.

XIX в.[1] Всех земель в собственности кумыкских князей, как было сказано и выше, было до 400 тыс. дес. В собственности сельских общин не осталось земель. Лишь в Эндирее и Аксае остались небольшие площади присельских земель. Все население, находившиеся на землях князей, за пользование ими обязано было нести князьям подати[2], как «полноправным владетелем земли»[3]. Княжеские земли были отданы «в личное пользование людям свободным и чагарам»[4].

Как видно из всего приведенного выше материала, особенностью крупной частной (мюльковой) земельной собственности в Засулакской Кумыкии было наличие фамильной и частной собственной земли, а также переход в собственность князей всех земель, чего не было в описанной выше крупной частной (мюлковой) собственности Тарковского шамхальства. Это была полная собственность князей на все земли.

institutеofhistory.ru

В Мехтулинском ханстве землевладение было аналогично землевладению шамхальства Тарковского. Здесь также не было в изучаемое время полной собственности феодалов на землю. В собственности мехтулинских ханов прежде всего находились земли, «наследственные от предков». Первый правитель ханства Мехти (Черный Мехти) сначала не имел феодальной земельной собственности, так же как и резиденции, живя в разных деревнях будущего ханства. Когда Кара-Мехти стал известен, «как человек, который способен удерживать принятое им под покровительство население от внутренних неурядиц и ограждать от набегов соседей», сначала был приглашен «аймакинцами, а потом оглинцами, чтобы он принял под свое покровительство. Примеру этих селений последовали вскоре и общества других одиннадцати селений, живущих до того вольными самостоятельными обществами». Вскоре Кара-Мехти «приобрел над всем отдавшимся ему народом власть правителя и военачальника»[5].

---

[1] Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 72.
[2] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 201. История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 42.
[3] Там же. Д. 44-а, Л. 73.
[4] Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 71.
[5] Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 2; Феодальные отношения … С. 35.

Первые годы управления для Кара-Мехти все необходимое давало население. Затем, когда стали известны годовые расходы его, более состоятельные села распределили между собой повинности, а другие менее состоятельные селения – взяли на себя обязательство выставлять для хана вооруженных людей[1]. Но что важно – вместе с повинностями «Кара-Мехти народ предоставил в свое пользование некоторые участки общественных земель и пастбищных гор»[2]. Они и явились основой будущей **крупной** земельной собственности мехтулинских ханов. Потомки Кара-Мехти ещё больше укрепили свою власть и права в селах, перешедших под управление их предка, «и, войдя в родство с домами шамхала и аварских ханов, начали сами именоваться ханами»[3].

В исследуемый период мехтулинские ханы уже были одними из известных и крупных феодальных землевладельцев. В источнике отмечается, что вплоть до конца XVIII в. в ханстве было «неразделенное владение», что можно сравнить с крупной феодальной фамильной собственностью княжеских родов Засулакской Кумыкии. Лишь после смерти Умы владение хана стало делиться на уделы между его наследниками[4].

В изучаемое время мехтулинские ханы имели в собственности земли, «наследственные от предков», т.е. те земли, которые получил Кара-Мехти от сельских общин после его приглашения в качестве правителя, и присоединенные последующими владельцами от земель сельских общин. Это кутаны (зимние пастбища), отдаваемые в аренду сельским обществам и частным лицам: Киры-Яр, Парахси, Ндакун, Саях-Ачи, Юхари, Аданак; горы, также отдаваемые в аренду летом: Алицулька, Оральулькал, Кульдузулькал, Мага-Ураху, Шанки, Давабул-Меэр, Гумбет-тау, половина горы Барцани-меэр; «подгорные поля» Дженеки и Урута, которые отдавались в аренду под распашку и кошение; хутор Мархи в селении Кака-Шура, где хан имел собственное хозяйство (пашни и пастбища)[5]. Все эти земли в источнике названы

[1] Мехтулинские ханы… С. 2; 35-36.
[2] Там же. С. 2; 36.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 2; 36.
[5] Феодальные отношения … С. 48.

«наследственными от предков»[1]. В прошении жителей Н. Дженгутая от 17 сентября 1885 г. председателю поземельной комиссии в Дагестане говорится, что многие из указанных земель были отданы мехтулинским ханам их предками, «доходы которых служили вознаграждением за их попечение в интересах аула»[2]. Здесь же кутан Кир-Яр назван родовым имением мехтулинских ханов[3]. В ведомости недвижимого имущества шамхала Тарковского, составленного в 1868 г., среди гор, кутанов и других земельных угодий перечислены и две горы – Жахлабар-тау и Урма-тау, которые были переданы из бывшего Мехтулинского удела, принадлежавшего Султан-Ахмед-хану Аварскому, а до того они являлись собственностью мехтулинского хана, отстраненного российской властью от управления в 1818 г.[4]

В собственности мехтулинского хана находились также земли, на которых было основано селение Апши (урочище Апши-Кала), и земли селений Ахкент и Чогли, о чем говорит переход выморочных земель жителей этих сел к мехтулинскому хану и источники, отмечающие, что земли, на которых основаны эти селения, принадлежали хану[5]. Из источника известного также, что кутаны Кирьяр и Удум-кутан, не считая других земель, принадлежали Рашид-хану[6].

В «Соглашении» мехтулинских князей с населением селения Охли говорится, что охлинцы оставили в собственность «эмиров» – ханов Али-султана и Ахмадхана-Хаджи местность Завзан[7]. Т.М. Айтберов, издавший этот документ, полагает, что это территория, которая в прошлом принадлежала князю Завзану Мехтулинскому (ум. в конце XVII в.)[8].

---

[1] Феодальные отношения … С. 49.
[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д, 192. Л. 32.
[3] Там же. Л. 33; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3 Д. 140-в. Л. 267.
[4] Феодальные отношения … С. 77.
[5] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С. 215. Ссылается на: ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 35. Л. 201.
[6] Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII-XIX вв. / Состав. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. II. С. 102-103.
[7] Там же. С. 116.
[8] Мехтулинские ханы… С. 9.

За пользование землями хана жители Мехтулинского ханства платили различные подати и несли повинности. По этому поводу в источнике говорится: «Мехтулинские ханы пользовались разными налогами и повинностями, частию издавна установившимися, частию введенными при нашем (русском – Б.А.) правительстве. В ханстве было три вида налогов (податей и повинностей). Первый вид – это подати и повинности, «довольно точно определенные»; второй вид – неопределенные в размере, но выполняемые жителями «по мере надобности и востребованию»; третий вид – «случайные, обязательные только при известных обстоятельствах»[1]. Всех повинностей было 14[2]. Как бы суммируя их, в 30-е годы XIX в. офицер русской армии А.П. Щербачев в работе, посвященной Мехтулинскому ханству, койсубулинцам и Аварскому ханству, писал, что «хан получает ясак с жителей баранами, хлебом и фруктами». Ниже он писал: «Он (хан – Б.А.) получает из каждого двора по 1 сабе, весом 1 п. 20 фунт. пшеницы или по 2 барана. Кроме того, каждое семейство дает на день одного работника для снятия хлеба»[3]. Но в источнике, изданном в 1868 г., дается более обстоятельный перечень каждого из трех отмеченных видов податей и повинностей, с указанием отдельных сел и количества конкретного вида податей и повинностей, которые несли в пользу ханов жители ханства. Это отмеченные и выше 14 видов податей и повинностей[4].

К северу от Мехтулинского ханства располагалось небольшое Бамматулинское владение – бийлик, состоящий из 7 сел с центром в селении Большие Казанищи. Это удел потомков одного из членов шамхальского дома по имени *Баммат,* которому «предоставлены были они (села Большие Казанищи, Малые Казанищи, Буглен, Муселим-аул, Халим-Бек-аул, Кафыр-Кумик и Темир-Хан-Шура. – Б.А.) в наследственное владение и наследники которого управляли независимо от шамхалов»[5]. Мы не располагаем сведениями о доменах бамматулинских правителей. Но,

[1] Мехтулинские ханы… С. 9.
[2] Там же. С. 10-13.
[3] Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 294.
[4] Мехтулинские ханы… С. 10-13.
[5] Там же. С. 4-5.

не может быть сомнения, что и они, как феодальные владетели, имели свои земельные владения, которые отличались по своим размерам от собственности других феодалов – беков. Из 7 сел, которые входили в Бамматулинское владение, при последнем владетеле Герей-беке жители селений Малые Казанищи, Кафыр-Кумух и часть селения Халим-Бек-аул, имея своих «особых беков», не платили владетелю ничего. Он не имел «права пользования доходами и повинностями с них»[1]. Надо полагать, что в остальных 4 селах владения бамматулинский владетель имел свои земли, жители которых давали ему «доходы и повинности» за пользование его землей. Что же касается указанных трех сел, то, видимо, они были отданы в удел бекам – родственникам бамматулинского владетеля, как сказано в источнике, «из фамилии главного владельца Бамматулы»[2].

В ведомости недвижимого имущества шамхала Тарковского, составленной в 1868 г., перечислены не только родовые земли тарковских правителей, но и те земельные угодья, которые шамхал получил в собственность от русских властей, отнятые у других феодальных владетелей, выступивших против России в первой четверти XIX в. Среди них указаны и горы: Урчели-тау, Кадани-тау, Сапитау, Жахлабар-тау, Урматау, которые ранее находились в «Бамматулинском уделе»[3]. Надо полагать, что это были горы, принадлежавшие правителю Бамматулы, которого русские власти отстранили от управления, как и других дагестанских владельцев, за антирусскую политику в 1818 г.

Остановимся ещё на одном кумыкском владении – Утамышском султанстве, известном в исторической литературе и как магал Хамур-Дарго или союз сельских общин. До и в период Каспийского похода Петра I Утамышским владением управлял султан. Султаны Утамышского владения являлись старшими (наподобие в княжествах Засулакской Кумыкии, где один представитель из княжеских родов в Эндирее, Аксае и Костеке являлся старшим) правителями из рода карачибеков[4]. Они то и явля-

[1] Мехтулинские ханы… С. 5.
[2] Там же.
[3] Феодальные отношения … С. 77.
[4] Там же. С. 228.

лись крупными собственниками земельных угодий. В записке сословно-поземельной комиссии по Гамринскому магалу (Утамышскому султанству) говорится, что земли, находящиеся в пользовании жителей Каякента, были собственностью утамышского султана. Кроме того, султан «имел в своем владении и другие земли, проданные им в разное время, из которых значительная часть находится, – как сказано в источнике, – во владении общества сел. Утамыш»[1].

instituteofhistory.ru

Безусловно, как и другие феодальные владельцы Дагестана, султаны Утамышского владения получали за пользование их землями от крестьян большие доходы. Так, жители Каякента платили «подати» «произведениями земли», куда, надо полагать, входили различные злаки, а также овощи и фрукты, так как во владении султанства, занимавшем территорию равнины и предгорья, были развиты овцеводство и виноградарство. Кроме того, в Утамышском владении было широко развито животноводство, здесь разводили и крупный рогатый скот, и овец, о чем говорят сведения периода Каспийского похода Петра I. Согласно им, после разгрома ополчения утамышского султана русские захватили у местного населения огромное количество скота – по одним сведениям 7 тыс. быков и до 4 тыс. баранов[2], по другим – «15 тысяч баранов и другого рогатого скота»[3]. Значит, султан, как крупный собственник земли, имеющий в собственности, кроме пашен и сенокосов, и пастбищные места, за разрешение пасти скот получал от скотовладельцев различные виды скота.

До сих пор речь в работе шла о крупном домениальном феодальном землевладении равнинного и предгорного Дагестана. Такого рода феодальная земельная собственность была и в Южном Дагестане. Но чтобы завершить разговор о крупном феодальном землевладении – доменах владельцев Северного и Среднего Дагестана – сначала, кажется, было бы целесообразно остановиться на крупном землевладении двух феодальных владений – Аварского и Казикумухского ханств, занимавших территорию

instituteofhistory.ru

[1] Феодальные отношения… С. 229.
[2] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 25.
[3] Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 105.

Центрального или Среднего Дагестана и имевших много общего в земельных отношениях.

Феодальные владетели – ханы этих двух известных владений Дагестана являлись самыми крупными земельными собственниками своих владений, сосредоточившими в своих руках различные категории земель. Но главным образом в их собственности находились пастбищные горы, они владели и пахотными, и сенокосными участками. И на это были свои причины. Как считает известный дагестанских этнограф, проф. М.А. Агларов, эта особенность крупного феодального землевладения в Нагорном Дагестане объяснялась тем, что «пахотные и другие так называемые «оживленные» земли перешли в частную собственность (об этом процессе было сказано и в первой главе нашей работы и в начале второй главы – Б.А.) землевладельца задолго до феодализации общества, что создало огромное препятствие образованию латифундий за счет мюльков»[1]. Еще ранее этих слов М.А. Агларов в одной из своих ранних работ, ещё полвека тому назад писал: «В этом раннем становлении частной собственности на пахотную землю нужно искать своеобразие путей развития форм собственности в горных районах Аварии (и не только, это имело место и в других горных феодальных владениях – Б.А) и здесь же заключено различие путей генезиса феодализма в горах и на равнине»[2]. Не имея возможность присваивать частные земли, феодалы обратились к общинным землям. Как писал М.А. Агларов, обращаясь к марке, феодализация её «началась с узурпации общинных, а не частных прав». И далее: «Добычей феодалов становились общинные земли, и то слабых и плохо организованных общин, которые феодалы сдавали в аренду тем же обществам, получая за это определенную плату»[3].

На то, что в Нагорном Дагестане в собственности крупных феодалов оказались пастбищные места, была ещё не менее веская причина – это естественно-географические условия, которые никак не способствовали широкому развитию в горах пашенного земледелия, малочисленность пахотных земель, сильная расчле-

[1] Агларов М.А. Сельская община … С. 81.
[2] Агларов М.А. Техника сооружения… С. 189.
[3] Агларов М.А. Сельская община … С. 81.

ненность, гористость местности. Именно природно-географические условия, а также хозяйственная деятельность горцев Нагорного Дагестана являлись одной из причин того, что основным видом земель, находившихся в собственности феодалов, являлись пастбищные горы и отдельные места. В Нагорном Дагестане пахотные участки были настолько разбросаны в разных местах, порой довольно далеко друг от друга, и часто это были террасовые поля, созданные горцами в результате приложения большого труда и притом не одного поколения, «террасовые поля оформились в результате постоянной и целенаправленной обработки их земледельцем в течение десятков веков. Другими словами, ни один из типов террас в большом масштабе не является продуктом кратковременного творения»[1]. Горскому феодалу не было резона, интереса иметь в собственности такие пахотные земли, конфликтовать с их владельцами. В общем, как отмечается в разделе, посвященной Северному Кавказу в XVI – первой половине XVII в. В «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»: «В горах не было условий для создания больших массивов пахотных земель, а слабость рыночных связей и бездорожье делали нерентабельными ведение зернового хозяйства в широких размерах. Поэтому горские феодалы не были заинтересованы в захвате мелких и рассеянных по крупным склонам гор пахотных участков. Они стремились монополизировать право пользования горными пастбищами, выступая в роли покровителей и защитников скотоводческой общины и взимая за это натуральную подать с других членов общинного коллектива»[2].

Остановимся на том, какие же земельные владения, какие категории земель имели горские феодалы и, в частности владетели Аварского и Казикумухского ханств, каково было соотношение различных угодий, которыми они владели, как самые крупные земельные собственники Нагорного Дагестана.

Сначала о земельной собственности аварских ханов. Она, конечно, возникла не вдруг в исследуемый период, крупное частное (мюльковое) землевладение в Аварском ханстве было и ра-

[1] Агларов М.А. Техника сооружения … С. 185.

[2] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 560.

нее. Особенностью в изучаемое время было его укрепление и расширение, о чем будет сказано ниже. И действительно, как писал Р.М. Магомедов: «Аварские феодалы являлись крупными собственниками земли и скота»[1]. Какие же земли ему принадлежали и какие земельные угодья превалировали над другими, где они находились – на территории самого ханства или в других местах, в других обществах Аварии.

Сведения участника Каспийского похода Петра I майора И.-Г. Гербера о том, что в Аварском ханстве были свои «уезды» (т.е. части бекства – Б.А.), как писал он, «аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея (нуцала. – Б.А.) не стоят, но и ему подчинены»[2], надо понимать так: в каждом бекстве был свой местный правитель, который в то же время находился в подчинении хана. Наличие бекств – «уездов» говорит о том, что ханы раздавали подчиненные им села для управления бекам – своим родственникам. А это, в свою очередь, говорит о том, что на территории ханства имелись собственные земли хана, как крупного феодального землевладельца. В то же время аварский хан имел земельные угодья и главным образом пастбищные места и горы на территории других обществ, в союзах сельских общин Аварии. Это, видимо, и дало основание С.М. Броневскому отнести правление Аварского ханства к демократическому или народному, в отличие от управления в других феодальных владениях Дагестана, отнесенных им к монархической или единоличной форме. «К сему (демократическому правлению – Б.А.), – писал он, - должно присовокупить (отнести – Б.А.) и все владение Аварское, составленное из малых федеративных обществ под покровительством хана Аварского, который там **имеет собственные поместья** (подчеркн. мною. – Б.А.) и по мере личных свойств пользуется властию»[3].

Эти слова – прямое указание на наличие у аварского хана земельных владений на территории соседних союзов сельских

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 92.

[2] Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 113.

[3] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 40.

общин, названных С.М. Броневским «федеративными обществами». Именно это подтверждают авторы XIX в., об этом писали советские историки Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, В.Г. Гаджиев и др., об этом пишут и современные исследователи. На этом остановимся и мы, так как без привлечения их материала невозможно исследование вопроса.

Обратимся прежде всего к сведениям разных авторов, писавших о них, и к тем сведениям, которые хронологически наиболее ранние. На основе архивных источников и историко-этнографического материала Р.М. Магомедов писал, что «аварскому хану принадлежали земли вокруг Хунзаха и в селах Цалкита, Местерух, Куани, Мусшул, Токита, Тлотлух, Ках, Амишта. Ханские сады имелись в Голотле, Хинибе, Целмесе, Тлохе, Гоцатле, Заибе. Ханские пастбища имелись и на территории Каратинского, Гидатлинского, Андийского и Ахвахского вольных обществ»[1]. Конечно, хан со всех земель (пастбищ и садов) получал доход. Как писал в начале XIX в. комендант кизлярской крепости А.И. Ахвердов: «Доходы прежних ханов аварских простирались до 100000 рублей персидскими деньгами, или товарами и скотом»[2]. И в то же время он указывал, что в его время хан получал только за одни «земли, где летом подданных его пасутся овцы, за то платят ему овцою, сыром и маслом»[3]. По сведениям ген. Р.Ф. Розена, жители Калалала аварскому хану были «довольно послушны и платят ему ясак за землю, которая считается принадлежащей дому аварских владетелей»[4]. И он подтверждал, что вокруг имеются «вольные общества …, коих называет хан своими данниками», но они «совершенно независимы от хана аварского … хотя дают слабый ясак за землю, которая почитается принадлежащей Аварскому ханству»[5]. Только с голотлинских садов аварский хан собирал 500 корзин (1500 меры или 500 пудов) винограда[6]. Перечисленное выше как зависимое селение Куани, со-

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 99.
[2] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 225.
[3] Там же.
[4] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 290.
[5] Там же. С. 291.
[6] Львов Н.О. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 71.

гласно адатам, было расположено на земле аварского хана[1]. Это был мюльк хана. Согласно имеющимся сведениям, в 1830 г. Куани вместе с горой «Хоцатль (ГоцIатлъ) было передано во владение Сурхая, сына Гебек-хана[2]».

Очень хороший и важный для нашего исследования материал по крупному частному (мюльковому) землевладению в Аварском ханстве собран Х.-М.О. Хашаевым, который он использовал в монографии, посвященной общественному строю Дагестана в XIX в., и издал в сборнике архивных материалов по феодализму в Дагестане. Многое, имеющееся в архивных источниках и использованных в его работах, совпадает с теми сведениями о земельных владениях аварских ханов, которые имеются и в работе Р.М. Магомедова. Тем не менее для убедительности наличия в собственности аварского хана многих горных пастбищ, зависимых аварских сел и отдельных земельных участков, считаем возможным и необходимым остановиться на всех сведениях.

Аварскому хану принадлежали все земли раятских селений: Кох, Токита, Тлейлух, Мусиул, Куани, Хиниб и Амишта и с жителей их полагалась дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов и посевов[3]. Аварским ханам принадлежало и селение Сиух. До начала XVIII в. здесь, как писал Р.М. Магомедов, не было своих ханов, но ранее это был домен хунзахского правителя, ставшего затем уделом одного из представителей рода хунзахских ханов[4].

В источниках, использованных Х.-М.О. Хашаевым и изданных в сборниках, где имеются показания жителей различных сел Аварского ханства, говорится о принадлежности хунзахскому владетелю (хану), многих земельных участков «с давних времен», «дошамилевское время» и т.д. Так, согласно источникам, помимо указанных выше сел, гор и отдельных участков земли в разных селах, аварским ханам принадлежали: гора Багда-меэр, Сайгута, пастбищные места около селения Мистерух (Чалкай и Ротлан), горные пастбищные места и части покосных мест Худутль-Бак, Сагальды, Нухлутль, пахотные поля и сенокосные места около

institute of history.ru

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 92.
[2] Хрестоматия по истории права … Ч. 1. С. 104-105.
[3] Там же.
[4] Магомедов Р.М, Указ. соч. С. 94-95.

селения Хиндах, пахотные поля в местности Теки, пахотные поля и сады около селений Большие и Малые Амуши. Все эти земли составляли более 350 дес.[1]

Аварским ханам принадлежали также: в селении Куани пахотное поле Кудияб-Хур и один участок сенокоса; в селении Харахи – участок сенокоса Харитль-Бак и пахотный участок в местности Токита; в селении Ахальчи – местность Коло-Бак на урочище Матлас. В источнике также сказано, что жители селения Сиух пользовались горами хана Хунди-меэр, Бокда-меэр и Аргичу-меэр «с незапамятных времен» и платили хану: «за первую гору 10 ратлов (9 пудов) коровьего масла, за вторую – 90 мер молока, за третью – через год – по одному барашку, со стада пасущихся баранов»[2].

Многие земли, принадлежащие аварскому хану, после присоединения Аварского ханства к России были переданы в казну. Таких земель в Хунзахском наибстве было 14,75 дес. пахотной, 220,5 дес. покосной и пастбищной; в Цетанихском наибстве – 40 дес. пахотной и 175 дес. пастбищной; в Батлухском наибстве – 702,5 дес. покосной. Собственностью аварских ханов были покосный участок Тобот (5 дес.), пастбищные горы Алагада-меэр (300 дес.), Матлас (250 дес.), Перси-меэр (200 дес.), Гортлахун-меэр, Хунди-меэр и Тассахун-меэр, каждая не менее 200-300 дес.[3]

Принадлежность аварским ханам в прошлом тех или иных земельных угодий подтверждали в 70-е годы XIX в и представители ряда аварских сельских обществ и отдельные лица, которые раньше (в ханское время) пользовались землями ханов и теперь обратились к другим властям выделить им земли из бывших ханских владений или же освободить их от податей за пользование горными пастбищами, пахотными участками и покосами, ранее (до присоединения к России) принадлежавшими аварским ханам. Таким путем была установлена принадлежность в изученный период аварским ханам земель Бекьул-Бак, кутана Аруша, леса около селения Кванхидатль, земель около селений Ингердах, Хур-

[1] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 147.

[2] Феодальные отношения … С. 280-283; Магомедов Р.М, Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 200.

[3] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 147, 148.

дутль-Бак, Сагалади и Нухлутль, пахотного участка в селении Кваниб под названием Кудияб-Хур, перечисленных выше гор в Сиухе, гор в селении Орота Тассахуна-меэр, пастбищной горы, которой пользовались жители селения Зибирхали, Годобери и Шодрода, лесного участка под названием Ачабуково, сенокоса под названием Худутль-Бак, пахотного участка в местности Токита, находившегося в пользовании жителей селения Харахи, четырех гор между селениями Унцукуль и Ишкарты[1].

Выше мы приводили названия различных земельных угодий, принадлежавших аварскому хану, который приводил в своей работе Р.М. Магомедов. Помимо них можно ещё указать на следующие земельные угодья аварских ханов, приводимых им: Цолотль (Хиниб), Зииб и голотлинские земли, пригодные под сады, сенокос Митлас, пастбища Хахита, Нак-Меэр, Грутли, Ахару-Меэр, Тала Коро, Энгеро, Чаре-Меэр, пахотные земли Гьала, Хансул Кулк и сенокосный участок Харитя[2].

Собственность на землю аварских ханов, как и других крупных землевладельцев феодального Дагестана, не была неизменной – она то увеличивалась, то уменьшалась в результате отторжения части домена в пользу тех или иных родственников-беков, получающих в удел земли и села.

Увеличение же крупного феодального землевладения происходило разными путями. Одним из них был дар хану земельных угодий из собственности сельских общин. Согласно сведений, собранных Р.М. Магомедовым, известно, что общество Цада подарило аварскому правителю участок Жанимих, общество Ахальчи – участок под названием Обадинский тонтината бак, общество Шотода – участок Игиштани, ободинцы – участок Тоботу, общество Батлайчи – гору Чина-меэр и местность Жидул хIор, общество Орота – местность Харатли[3].

Часто сельские общества, входившие в Аварское ханство, дарили земельные участки хану при рождении у него сына и при других каких-то торжествах. Так, согласно «Записи о даре со стороны хунзахцев Мухаммед-нуцалу Аварскому (1775/1751-1752

[1] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 147-149.
[2] Магомедов Р.М. Общественно-экономический … С. 96.
[3] Там же.

гг.)», хунзахский джамаат подарил нуцалу гору Алатали, когда у него родился сын Уммахан[1]. Другой пример, когда у аварского хана родился сын, он вынудил батлаичинцев подарить ему указанную выше местность Чина-меэр, где были пастбища и сенокосы. Кроме того, хан получил от них пастбища и сенокосы под названием ТIидулахIар в местности между Гиначутлем и Батлаичем[2].

Наиболее распространенным средством увеличения земельной собственности феодальных правителей был захват земель сельских общин, т.е. общественных земель, что практиковали практически все дагестанские владельцы. Из имеющихся сведений известно, что в разное время аварские ханы захватили у селения Обода пастбищные места Бакъла, Талаку Меэр, Нуси и Кулутли, а также пахотные земли у селения Харахи под названием Телода Наха и у селения Орота под название Ахибури[3].

Р.М. Магомедов собрал интересный материал, как аварские ханы захватили земли сельских общин. О захвате земель небольшого селения Коло, находящегося между Хиндахской и Колинской речками, он писал следующее: «Земля здесь плодородна. По рассказам местных жителей, хунзахский хан послал одного из своих племянников по имени Килич в местность МелълъеличIиб. Килич построил себе укрепленную усадьбу и овладел всем окружающим богатством: землею, садами, пастбищами и т.д. Так, колинцы лишились своих земель и угодий»[4]. Другой пример о захвате хунзахским ханом земель селения Тадмагатля и порабощения его жителей: «Хан со своей дружиной явился в тадмагатлинскую местность и объявил, что отныне вся долина, где расположены село и отдельные земли, принадлежит ему и тадмагатлинцы за пользование должны платить ему дань»[5].

При определении мюлька (безотносительно мелкая частная или крупная собственность), как частной собственности с правом свободного отчуждения, как один из показателей этого мы приводим право наследования – передача его наследникам собствен-

---

[1] Хрестоматия по истории права … Ч. II. С. 67.
[2] Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып.II. С. 86.
[3] Там же. С. 97.
[4] Магомедов Р.М. Общественно-экономический … С. 97.
[5] Там же. С. 98.

ника земли. Конечно же, право наследования земельной собственности было и у аварских ханов. Об этом мы пишем в связи с желанием показать это на одном из примеров, который имеется в архивном источнике. По сведениям подполковника В.П. Скалона, собранным им в Хунзахе, раньше одному из сыновей аварского хана Сурхай-хану принадлежало определенное количество «деревень»[1]. Другой сын хана Абу-Султан-нуцал-хан в прошении Николаю I просил возвратить ему наследственное имение, состоящее из трех с половиной деревень, гор и пашни Диргиль, Феравиль и Урели, половины деревни Алпаль, 6 загородов, и 8 гор, земли в селениях Тушь и Мусуль[2]. Конечно, получали по наследству части от домена аварского хана и другие представители рода аварских ханов.

Приведенные выше сведения о принадлежности аварскому хану, как самому крупному землевладельцу, различных земельных угодий показывают, что в собственности хана находились все категории земель. Но среди них, конечно же, преобладали горные пастбища и различные пастбищные места. Многие из приведенных сведений были собраны и изданы Р.М. Магомедовым, который на их основе писал о малочисленности пахотных земель, находившихся в «исключительном» владении хана, и что «хан был собственником лучших пастбищ в его владениях, а скотоводство являлось основной отраслью хозяйства населения, и именно оно составляло главный источник ханского дохода»[3]. Но, как видно из тех же вышеперечисленных перечней земельных угодий, разбросанных по всей Аварии, принадлежавших аварскому хану, последнему принадлежали и довольно большие для Нагорного Дагестана участки пахотных земель. Так, как было показано, такие земельные участки находились в селениях Большие и Малые Амуши, Хунзахском и Цатанихском наибствах, селении Токита, пахотные земли Гьала, Хансул Култ, Теледа Наха – в селении Харачи, Ахидури – в селении Орота и т.д. Согласно документа о передаче в 1907-1911 гг. бывших ханских земель из во-

---

[1] Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред.С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Ч. III. С. 127-128.
[2] Там же. С. 132.
[3] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 92, 95.

енно-народного управления в ведение местных управлений государственных имуществ, в Аварском округе из 3 тыс. бывших ханских земель 421 дес. были пахотные[1]. Это говорит о том, что в различных частях Аварского ханства и в аварских союзах сельских общин ханские пахотные земли имелись, хотя по сравнению с пастбищными горами и отдельными пастбищными местами их было не так много и основными земельными угодьями, находившимися во владения аварских ханов, как самых крупных землевладельцев Аварии, были пастбищные горы. Причем в ряде обществ пахотные земли являлись основным видом земель, находившихся в собственности хана, о чем говорит и «Перечень податей аварскому нуцалу с подчиненных ему аулов», где среди других податей перечислены подати с харахинцев, которые должны были подвозить пшеницу и просо в дом нуцала и развозить удобрения нуцала на своих ослах к его пахотным местам[2]. Что же касается основной земельной собственности аварского хана – пастбищ, то они разделялись на три вида: 1) пастбища – горы и различные участки, принадлежащие лично хану; 2) пастбища, отдаваемые крестьянам в качестве надела; 3) пастбища, отдаваемые ханами под условием несения определенной службы. Личные пахотные участки также разделялись: 1) на участки, которыми хан владел; 2) на участки, которые «отдавались в качестве надела крепостным крестьянам»[3].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН
institute of history.ru

Крупнейшим собственником «лучших пастбищных и пахотных земель»; владельцем «больших стад мелкого и крупного рогатого скота» в Дагестане в позднефеодальный период был казикумухский хан, который, по словам Р.М. Магомедова, «со своими приближенными симирдал составлял высший слой лакской феодальной знати»[4]. После переселения в Тарки шамхалов в 40-е годы XVII в. в Лакии не было ханов, здесь правили халклавчи. И лишь после взятия Шемахи в 1721 гг. восставшими против Ирана дагестанцами во главе с Дауд-Беком и Сурхай-ханом I (Чолаком) последний стал именоваться ханом. Очевидно, халклавчи владел

[1] РГИА СПб. Ф. 396. Оп. 2. Д. 303. Л. 3-4. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 148.
[2] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 148.
[3] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 99.
[4] Там же.

теми же землями на территории Лакии, которыми владели здесь до переселения на плоскость шамхалы. Как писал Х.-М.О. Хашаев, казикумухские ханы, а следовательно, прежде всего халклавчи, «жившие в старой резиденции (Кумухе – Б.А.), унаследовали прежние права и привилегии шамхалов»[1]. А по словам А. Комарова, за халклавчи были закреплены доходы с «некоторых гор и пашен»[2], специально для этого назначенных. Но сведений о личных земельных владениях правителей Лакии в период правления халклавчи нет.

Природно-географические условия в Лакии были такими же, как в Аварии. Поэтому и здесь было мало пахотных земель, и основные земельные угодья ханов составляли горные пастбища и находящиеся там пахотные участки. В одном официальном документе прямо сказано, что «ханские земли в Казикумухском округе находились на возвышенностях гор, не были пригодны к хлебопашеству»[3]. Однако это не совсем верно, так как имеющиеся сведения и свидетельства авторов XVII-XIX вв. говорят о наличии в Казикумухском ханстве хороших пашен. Приведем слова участника Каспийского похода Петра I 1722 г. майора И.-Г. Гербера, писавшего о Казикумухском ханстве следующее: «Между горами находятся изрядные и плоскостные (ровные – Б.А.) долины и равнины, чего ради содержат великое множество скота, а особливо овец и **имеют пашни** (подчеркн. мною – Б.А.), но хлеб от стужи, от близко лежащих снегов покрытых гор случающейся поздно воспевает»[4]. Значит, занимались земледелием, хотя из-за близости гор, покрытых снегами, хлеб поспевал поздно. В другом издании работы И.-Г. Гербера о земледелии в Лакии сказано ещё лучше: «Хотя сей уезд (Казикумухского ханство – Б.А.) между горами лежит, однакож **в оном ровные места и для того пашни имеются** (подчеркн. мною – Б.А.), только для стужи хлеб в авгу-

---

[1] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 161.

[2] Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.II. С.6.

[3] ЦГИА РГ. Ф. 79. Д. 16. Л. 6. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 263.

[4] Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т. 17. № 7.

сте месяце и посже поспевает»[1]. И что особенно важно: ниже он писал, что казикумухский хан «**имеет в своем уезде** (владении – Б.А.) **хорошие пашни** (подчеркн. мною – Б.А.), также скотину и баранов»[2]. И далее о развитии хлебопашества в ханстве говорит его утверждение, что «доходы получает владелец или Сурхай, которые состоят в десятой доле хлеба»[3].

Аналогичное положение было и в Аварском ханстве, где также, несмотря на такие же природно-климатические условия, в собственности аварского хана, как было показано выше, были и пахотные земли. И все же, конечно, как и в Аварии, в Казикумухском ханстве основным видом земельных угодий, находившихся в собственности казикумухских ханов, были пастбища, как и преобладание в Лакии пастбищ над пахотными, о чем писал и И.-Г. Гербер. Поэтому, как писал тот же автор, в ханстве содержали «великое множество скота, а особенно овец». А их содержать можно было только имея достаточное количество летних и зимних пастбищ. Этим можно объяснить, что «основной отраслью хозяйства лаков было скотоводство»[4]. Превалирование среди других видов земельных угодий пастбищ, естественно, должно было привести к тому, что из пастбищ складывалась земельная собственность лакских феодалов. Как писал Р.М. Магомедов: «По тому, как большинство беков надеялись пастбищными горами в потомственную собственность, – можно заключить, что **главное и решающее место в системе ханских земель принадлежало летним пастбищам**[5]» (подчеркн. мною – Б.А.).

Базой возникновения и постепенного увеличения крупной частной феодальной собственности на землю в Лакии в исследуемый период явилась земельная собственность халклавчи – не только доходы с «некоторых гор и пашен, собственно для этого назначенных», а затем превращение этих «некоторых гор и пашен» в его собственность, но и наследственные земельные угодья – пахотные участки и пастбищные горы. Халклавчи «выступал

---

[1] Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // ИГЭД. С. 102.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 264.
[5] Там же.

как бы в качестве верховного лица единой государственной организации» и «это преимущественное положение халклавчи обеспечивало закрепление за ним лучших земель и возникновение на этой основе соответствующих форм земельной собственности и эксплуататорских групп, которые все более и более упрочивали свое положение»[1].

Политику по увеличению собственного владения правителей Лакии, как и расширение территории феодального государства лакцев, начал Сурхай (Чолак), пришедший к власти в конце XVII – начале XVIII в. и постепенно становившийся «полновластным правителем» не только в самой Лакии, но и на всей территории, присоединенной к его владению. Вместе с расширением владения ханства расширялось и личное владение хана, его домениальная собственность. А расширение владения ханства происходило в результате военных акций на соседние владения и общества «и путем оказания покровительства различным сельским обществам, подвергавшимся нападению врагов»[2]. Расширение владения будущего ханства, как отметили выше, началось при халклавчи Сурхае (Чолаке), когда к Лакии были присоединены даргинский союз Буркун-Дарго, ряд сел Андалальского союза, центр союза Рис-Ор – сел. Арчи, часть южнодагестанских сел по ущелью Кара-Самура[3]. Сурхай (Чолак) распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на Северно-Восточном Кавказе[4]. Современник Сурхая (Чолака) И.-Г. Гербер писал, что он «через свое богатство и частые подарки дагестанцам, кюралинцам и протчим воровским народам к себе привлекал и оттого силен в почтении»[5]. При нем границы его владения дошли до Ширвана, правителем которого он становится в 1725 г. Конкретных данных, из каких земельных угодий складывался домен самого Сурхая, у нас нет. Но не может быть сомнений, что он состоял из многих и разных земельных угодий, приносивших Сурхаю большие доходы. Иначе, как он мог содержать огромное

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 266.
[2] Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 113.
[3] Хашаев Х.М. Указ. соч. С. 160.
[4] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 269.
[5] Там же.

по тем временам войско, которое требовало больших расходов. Как писал И.-Г. Гербер: «Сие войско Зурхай содержал до 4 месяцев и давал каждому человеку на день по абасе, или по 25 копеек, кроме других подарков, которые знатные люди онаго войска получали куралей и курей»[1].

Преемники Сурхай-хана I продолжили его политику по расширению владения ханства. Сын его Магомед-хан захватил Нухинское и Кубинское ханства и некоторое время ханствовал в этих владениях. Сын Магомед-хана, Шахмардан, перешел на сторону кубинско-дербентского владетеля Фатали-хана и управлял северной частью Кюре и Гюнейским магалом, из которых впоследствии образовалось Кюринское ханство, присоединенное при Сурхай-хане II к Казикумухскому ханству.

В середине XVIII в. «к Казикумухскому ханству окончательно был присоединен даргинский союз Буркун-Дарго, который обязан был нести в пользу казикумухского владетеля различные повинности». Был тогда же присоединен к ханству Ахмарлинский магал Южного Табасарана, в результате чего за счет этих «присоединенных земель стало быстро расти и крепнуть хозяйство лакских феодалов и в первую очередь хана»[2].

В XVIII в. казикумухские ханы захватили лучшие пастбища в Агуле – в местности Сарфун-су пастбище селения Бедюк, лучшие пахотные участки селения Яркут в местности ЧIирехIор. «Хан завладел селением, – отмечалось в прошении Бедюкского сельского общества на имя начальника по гражданской части на Кавказе, – всем имуществом и распоряжался по своему усмотрению всеми общественными угодьями. Хан начал пользоваться пастьбою своих овец на означенной горе Сарфундаг в течение трех летних месяцев»[3]. Впоследствии казикумухские ханы полностью укрепили за собой эти участки в качестве собственности и сдавали их крупным животноводам или же общинникам за непосильно большую арендную плату[4]. Как пишет далее автор приведенных слов А.Р. Насруллаев, казикумухские ханы стали выступать в качестве верховных собственников подвластной им

---

[1] Гербер И.-Г. Описание стран и народов … // ИГЭД. С. 103.
[2] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 270.
[3] Насруллаев А.Р. Агулы – Альфа и Омега. Махачкала, 2001. С. 135-136.
[4] Там же. С.136.

территории. Не говоря уже об основной территории агулов, которая по мере усиления влияния казикумухского владения полностью попадала под его власть. Земли населенных пунктов Цирхе, Буркихан, Бедюк, Яркут и др. полностью эксплуатировались как собственность хана. Жители этих общин несли в пользу хана поземельные налоги[1].

Сохранился интересный архивный документ-жалоба общества Буркихан к Александру I. В ней говорится, что Сурхай-хан после смерти своего брата Саид-бека насильственным путем без их согласия посадил своего племянника – сына Саид-бека в сел. Буркихан. Он выдал ему пахотный участок на три мерки, урезав его с каждого двора, три зимних пастбища для зимовки овец. Далее буркиханцы писали, что «беки и эмиры насильственно захватывали общественные земли: пастбища, леса, сенокосные участки и другие угодия, принадлежащие населению» и просили избавить их «от насильственных действий»[2].

Казикумухский хан захватил и пастбищные горы чирахцев, за пользование которыми он стал брать и с них подати – различными продуктами, но главным образом скотом[3].

institute of history.ru

Во второй половине XVIII в. прибегли к покровительству казикумухского хана два лезгинских селения Луткун и Ялах, обязавшись платить им за покровительство определенную дань хлебом, в результате они стали «зависимыми от беков его (хана – Б.А.) фамилии» [4].

При преемнике Магомед-хана, Сурхай-хане II Кумбутае, ханская власть укрепилась ещё сильнее. Он продолжил политику своего отца. Воспользовавшись междоусобицей в Курахском магале, которая произошла между двумя селениями, хан захватил их спорное пастбище Хиниг и пастбищную гору Кохаз в 1074 дес. Жители же ричинского магала Квардал в Агуле вынуждены были уступить хану летнее пастбище ТIунар-вув[5].

---

[1] Насруллаев А.Р. Агулы – Альфа и Омега. Махачкала, 2001. С. 136.

[2] Документы и материалы истории XIX в., собранные и выявленные … Рамазановым Х.Х. в ЦГВИА // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.380. Л.40.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в сел. Чирах Агульского р-на в 1969 и 1980 гг.

[4] Феодальные отношения … С. 170.

[5] Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 113.

Усиливается власть казикумухского хана и в Кюре, что приносило ему большие доходы. «Кура, – писал участник Персидского похода В. Зубова 1796 г. Ф.Ф. Симонович, – достаточинствует скотоводством и есть вообще способна к произведению всех плодов. Она составляет произведениями своими большую часть богатства Хамутаева (Сурхай-хана II Кумбутая – Б.А.), с которой оной по Кубинскому положению подати собирает»[1].

Хотя земли других народов, в особенности Южного Дагестана, приносили большие доходы казикумухскому хану, его домениальные земельные угодья находились на территории самой Лакии. На территории Кумуха имелись ханские земли, которые обрабатывались лакскими раятами селений Тухчар, Бурши, Тулезма и др. Кроме того, хан имел свои земельные участки и на территории узденских сел. Очень хорошо показал принадлежность казикумухскому хану различных земельных угодий, в особенности горных пастбищ Лакии, С.И. Габиев. В частности, он писал: «Все горные пастбища, за исключением некоторых, которые считались собственностью отдельных обществ, являлись фактически собственностью хана. Причем хану принадлежали целые селения, жители которых несли определенные повинности. Так, хану давали: «жители сел. Мухар – по 15 вьюков дров и по одному курдюку, жители сел. Камахи – по 15 вьюков дров и по одной туше барана, жители сел. Вехли, кроме дров, по ½ курдюка и по дачу (мера измерения сыпучих тел – Б.А.) ячменя, жители селений Хусрашинского магала – по два дастала (мера измерения – Б.А.) масла»[2]. Это были в основном села, заселенные ханом лагами, ставшими его раятами, которых он наделял землей[3]. Согласно посемейным спискам населения Казикумухского округа, землями ханов пользовались жители селений Хурхи, Чирах, Хосрех, Сумбат, Вачи, Цища, Суха, Хурхи, Гомиах, Тухчар, за что платили хану тамач[4] (повинность зерном). Кроме того, хан пре-

[1] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.151-152.

[2] Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 86.

[3] ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11-б.

[4] Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890. С. 157, 159.

вратил в раятов силой оружия и даргинские села Чирах, Ашты, Кунки, Худуц и др.[1] Перечень приведенных сел говорит о численности земельных угодий казикумухского хана, разбросанных не только по всему ханству, но и на территории других народов Дагестана.

Сохранились весьма интересные сведения о соотношении земельных угодий казикумухского хана. После смерти в 1858 г. последнего казикумухского хана Агалара русская администрация в Дагестане упразднила ханство и наследуемые земли хана были распределены между потомками ханского дома, 2571 дес. ханских земель взяты в казну[2]. Сохранился и список потомков ханского дома, между которыми были распределены ханские пахотные земли и пастбищные горы. Р.М. Магомедов пишет, что хотя данный документ второй половины XIX в., «это ничуть не умаляет важности документа». Ханские земельные владения за это время, «если и подвергались изменениям, то не таким уж существенным. Ценность документа заключается в том, что в нем дается полная картина ханской поземельной собственности»[3].

Всего по списку потомков казикумухского ханского дома ханских пахотных земель и пастбищных гор было роздано между 25 потомками ханского дома. «Перечень лиц, между которыми было произведено распределение наследства казикумухского хана, – писал Р.М. Магомедов, – раскрывает очень интересные моменты в хозяйственном устройстве господствующего класса. Перед нами весь комплекс недвижимой собственности одного из самых крупных лакских феодалов. Мы видим, из чего складывалось поземельное владение хана, и прежде всего во всем этом обращает особое наше внимание тот факт, что из 23 потомков ханского дома 19 бекских семей получили в результате раздела имения исключительные пастбищные горы, а остальные беки – землю под посев. Наибольшее количество земель получила жена Агалар-хана Шамай-бике: землю под пашню на 48 саб и 7 пастбищных гор. На долю остальных пришлось в среднем от одной до трех пастбищных гор»[4].

---

[1] Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VII. С. 157.

[2] ЦГА РД. Ф. 26. Оп. 4. Д. 128.

[3] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 264.

[4] Там же. С. 264-265.

До Агалар-хана Казикумухским ханством правил сын Аслан-хана Кюринского Магомед-Мирза, у которого, по сведениям А. Каяева, было в собственности более 40 пастбищных гор, за сдачу в аренду этих гор хан получал 1702 овцы ежегодно[1]. По другим же данным, казикумухский хан получал ежегодно от сдачи в аренду пастбищных мест 2500 овец[2] и даже более овец ежегодно[3]. В связи с этим Х.-М.О. Хашаев писал: «В условиях животноводческого хозяйства плата за пользование пастбищами по существу является феодальной рентой, так как **ханы, захватив основные звенья животноводческого хозяйства – пастбища, поставили животноводов в зависимое положение**»[4] (подчеркн. мною. – Б.А.).

Хотя из упомянутого выше документа ясно видно, что основным видом земель, находившихся в собственности ханов, были пастбищные горы, но, тем не менее, важное место в их собственности и в хозяйственной жизни занимали и пахотные участки. Согласно приведенного документа, всех пахотных земель в собственности казикумухского хана было на 178 саб посева или 8,9 десятин. Пахотные земли находились при селениях Кумух, Тума, Кума, Шовкра, рутульском селении Лучек. На территории Рутульского общества находились два лакских селения Кадрух и Чадрух, где имелись ханские земли, обрабатываемые трудом рабов. Все перечисленное – это собственные пашни ханов Казикумуха. Они (земли эти) хан отдавал в надел крестьянам селений Тухчар, Хосрех, Сумбат, Вачи, Цища, Сухи, получая за это тамач (повинность зерном)[5]. Это феодально-зависимые крестьяне – раяты, отбывавшие феодалам установленные ими повинности.

Р.Г. Маршаев, Б. Бутаев считали, что в Казикумухском ханстве было более 12 «заселенных в основном военнопленными, превращенных позже в рабов» селений. Но никак нельзя согла-

---

[1] Каяев А. Материалы по истории лаков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 449. Л. 83-85. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 114-115.

[2] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-в. Л.4. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.161.

[3] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в. Сборник документов. / Состав. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. С. 22.

[4] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.161.

[5] Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 117.

ситься с их мнением, что раятами являлись селения Хосрех, Шара, Ашты, Тюхчар, Хурхи, Тулезма, Хулезма, Арчи, Шари, а также, как они писали, «лезгинские (?) села Чирах, Боркихан и другие»[1].

Не ясно, какие же села были узденские, а какие раятские. Чирах же даргинское селение, в Буркихан – агульское. Неправы они и определяя время образования этих сел – начало XIX в. Ашты, Арчи, Шари и др. – это старые села и притом никогда они не были заселены военнопленными и не назывались раятскими. Население перечисленных и других сел составляли местные жители, а не военнопленные. Как писал А. Каяев: «Раятский слой крестьян пополнялся свободными общинниками, попавшими в экономическую зависимость к феодалам. Например, в конце XVIII – начале XIX в. жители аулов Бурши, Виратти, Тъурши, Ххути, Бути были насильственно превращены в раятов»[2]. Р.М. Магомедов попавшими в раятскую зависимость селами называл Бурши, Чарвалю, Тухчар и Шара, которые раньше «считались зависимыми от лакских феодалов»[3], а затем стали называться раятами[4]. Причем превращение бывших свободных узденей в раятов Р.М. Магомедов объяснял так: «Все эти бывшие сельские общины подпали под власть хана, а базой для этого послужила покровительственная политика хана и пользование ханскими пастбищами. Население указанных аулов, в отличие от остальных узденей, называлось раятами – ханскими людьми потому, что оно лишалось прав на свои пастбищные и пахотные земли и теперь сидело на ханских»[5].

Интересно, что само население таких сел, как Бурши, Тулезма, Чаравлю, Шара, Хурхи, Говкра, делилось на различные сословные группы крестьян. Так, большинство населения двух последних сел было узденями, меньшинство – раятами и ещё меньше в них было лагов. Зависимость населения этих сел отличалась от зависимости первых четырех сел. «Там в зависимость впадал аул, включая и узденей, а здесь в зависимости была только незна-

[1] Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 117.
[2] Каяев А. Указ. раб. С. 322-323. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 117.
[3] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 273.
[4] Там же.
[5] Там же.

чительная часть общинников, ставших раятами… Но и эти узде-ни не были прикреплены к земле, и их зависимость ограничена была приношениями за те пастбищные земли, которыми они пользовались. При этом лаги в узденских аулах не принадлежали ещё ханам»[1].

Мы не располагаем сведениями о податях всех зависимых от хана категорий крестьянства Казикумухского ханства. Но они были не одинаковы. Даже уздени и зависимые от хана раяты, проживавшие в одном селении, платили хану за пользование его землями разные подати. Интересные сведения по податям хану различных сел имеются по второй половине XIX в. Надо полагать, что они имели место и в исследуемый период. Кроме податей в денежном выражении, зависимое население обязано было хану за пользование его землями платить натуральную ренту. Так, в сел. Бурши 19 дымов отбывали тамач или постоянную арендную плату за пользование горою Мачаллаши: по 4 батмана сыру (2 пуда) и 3 батмана масла (1,5 пуда), а 45 дымов – за пользование горами хана Чинияр, Лапаар и Аруалу – ежегодно 9 баранов; общество селения Чаравлю несло тамач (по быку и 60 руб. в год) за пользование горой Гуниял-зульту и т.д.[2] Натуральная рента являлась «основной формой реализации земельной собственности в Казикумухском ханстве»[3]. Но в отдельных селах была и отработочная рента, как например, в сел. Хурхи, где его жители ежегодно должны были выходить на ханские сенокосы недалеко от селения Шара[4].

Завершая изучение земельной собственности казикумухских ханов, можно заключить, что у них, как и у аварских ханов, основным видом земельных угодий, находившихся в их собственности, были горные пастбища. В Лакии, как и в Аварии, не было возможности для ведения своего феодального пашенного земледелия, преобладающим видом пахотных земель и здесь были разбросанные в разных местах ханства небольшие участки.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institute of history. ru

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 273.
[2] Дагестанская область … С. 157, 158.
[3] Маршаев Р., Бутаев Б. Указ. соч. С. 118.
[4] Каяев А. Указ. раб. Л. 99-100. Маршаев Р. Бутаев Б. Указ. соч. С. 118.

Рассмотрим земельную собственность ещё одного из крупных, как и ханы Аварии и Лакии, владельцев – уцмия Кайтага, что было общего и что отличало его владения от владений указанных владельцев Нагорного Дагестана. В Кайтагском уцмийстве «Процесс образования крупного феодального землевладения … был такой же, как и в других частях Дагестана и хозяйство кайтагских феодалов обладало теми же характерными чертами, как и другие подобного типа хозяйства»[1]. Но кроме этих аналогичных, свойственных и другим феодальным владениям Дагестана, показателей для крупного феодального землевладения Кайтагского уцмийства были характерны и свои показатели, отличающие его от крупного феодального землевладения ханов Нагорного Дагестана. «Другое дело, – отмечал Р.М. Магомедов, – размер собственной запашки уцмия и беков. Она действительно не походила по своему объему и организации к тому, что нам известно по другим местам. Это наблюдается не только в Кайтаге, но и в других частях Дагестана и объясняется тем, что по своей структуре феодальные владения в Дагестане вообще разнились, носили более неоднородный характер, чем тот, какой привыкли видеть на западе и в России»[2]. Мы солидарны с его предположением, что в Дагестане «феодальное землевладение имело специфические особенности сообразно с естественно-историческими условиями жизни населения. Феодальное хозяйство отражало эту специфику. Летние и зимние пастбища в ряде мест (что было показано выше – Б.А.) составляли экономическую основу феодализма. Отсюда первостепенное значение в экономике дагестанских феодалов должно было принадлежать кутанам и горным пастбищам»[3].

Чем же отличалось крупное феодальное землевладение уцмия Кайтага от крупных феодальных землевладений других владельцев Дагестана и, в частности Аварского и Казикумухского ханств, что было характерное, особенное для хозяйства уцмия. Не будем выдумывать что-то новое и опять обратимся к существующим по данному вопросу мнениям, которые основаны на

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 212-213.
[2] Там же.
[3] Там же.

имевших место фактах, что отражено в сохранившихся источниках. Так, Р.М. Магомедов об этом писал: «Кайтагские уцмии в этом отношении составляли, правда, исключение. Они располагали пастбищами и, наряду с этим, превосходными землями для ведения широкого земледелия. Они являлись обладателями свободных незаселенных земель, которые могли быть с успехом использованы под пашни»[1]. Но здесь ещё одна особенность, о которой также писал Р.М. Магомедов – несмотря на наличие хороших пахотоудобных земель на равнине (Терекеме) и в предгорной части владения, «кайтагские феодалы не вели широкого земледелия, и земли под пашни занимали второстепенное место в их хозяйстве»[2].

Практически аналогичного мнения был и Х.-М.О. Хашаев, который вместе с тем писал, как использовались равнинные земли Кайтагского уцмийства, кто на них работал и за что. В частности, он писал: «Основную часть доходов уцмий и беки получали от жителей Нижнего Кайтага – терекемейцев, которые являлись крепостными и испытывали тяжелый феодальный гнет. Они были выходцами из Туркмении и поселились здесь ещё в начале XVII в. на свободных землях феодалов с условием платить им подати и отбывать повинности, которые из года в год увеличивались по воле уцмия и беков»[3].

Описывая далее землепользование в Терекеме, Х.-М.О. Хашаев отмечал, что в этой части Кайтагского уцмийства земли «было в изобилии, обработка зависела от наличия рабочего скота. Уцмий и беки (как собственники этой земли – Б.А.) выбрали наиболее выгодную для себя форму эксплуатации крестьянства: установили размер податей в зависимости от рабочих буйволов или быков»[4]. Из имеющихся сведений известно, что некогда, во всяком случае ещё до конца XVI в., Терекемейская равнина принадлежала жителям Урчемульского общества, расположенного в предгорной части Кайтагского уцмийства. Как писал А.-К. Бакиханов, в конце XVI в. уцмий Султан-Ахмед присвоил и заселил

[1] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 212-213.
[2] Там же.
[3] Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 175.
[4] Там же.

эти земли выходцами из Ширвана (Кубы, Шемахи, Ленкорана и других мест Закавказья) и они стали делиться между наследниками уцмия Кайтага – его ближайшими родственниками – беками. Что интересно – делились между беками только ненаселенные земли (т.е. кутаны и ятаги), которые служили зимними пастбищами. Земли же, которые находились в собственном пользовании переселившихся сюда и живших здесь терекемейцев, занимавшихся земледелием на землях уцмия, не подлежали дележу, а при переходе какого-либо селения к нескольким феодалам – бекам, делились не сами земли, которыми пользовались поселяне известного селения, а только хозяйства-дворы зависимых крестьян, т.е. терекемейцев[1].

Терекемейская равнина – это действительно собственная земля уцмия Кайтага, о чем сказано и в «Адатах об отношении терекемейских раятов к бекам», которые, хотя были записаны в XIX в., но существовали и ранее, как показали и сами терекемейцы, – «это то, что мы видели и слышали от наших отцов, которые также слышали со слов своих отцов и предков»[2], т.е. надо полагать, что, если не сразу после поселения терекемейцев на бывшие земли урчемульцев, то через некоторое время. Вот как написано в первой же статье терекемейских адатов: «Вся терекемейская земля со стоящим на оном лесом, кустарниками, камышом и водою есть собственность бека» (уцмия – Б.А.). И далее здесь сказано: «Жители терекемейских деревень на землю и воду права не имеют, а раздает оные жителям каждой деревни дарга (старшина – Б.А.); … дарга у одного убавляет землю, другому прибавляет с ведома или по приказанию бека. Раят не может промолвить слова или жаловаться на большинство и на малость находящейся в пользовании его земли, а в обоих случаях должен быть доволен тем, что имеет. Раяты за пользование бекскою землею платят ему установленную подать – чихиш и служат ему»[3].

Очень интересный документ о возникновении собственности на землю уцмия Кайтага сохранился в селении Башлы. Это

---

[1] Бакиханов А.-К. Гюлистан – и Ирам. Баку, 1991. С. 109; Феодальные отношения … С. 190.

[2] Там же. Феодальные отношения … С.35.

[3] Там же. С.32.

«Акт о переселении уцмия в Башлы», датируемый примерно XVI в., где сказано о перенесении столицы Кайтага в Башлы с переселением сюда уцмия, где «они (башлинцы. – Б.А.) отдали ему равнину от нижней части [земель] и треть штрафов (фидйа). Они успокоили его и обласкали этим»[1].

Это были не единственные земельные угодья уцмия. Как сообщается в указанном «Акте», уцмий вместе с землей в Нижнем Кайтаге получил в собственность и горные пастбища. В «Акте» сказано, что по истечении месяца после переселения уцмия в Башлы «к нему были призваны кадии, большие люди и юноши страны для совещания и заключали они соглашение относительно землепользования»[2]. По этому соглашению между уцмием и представителями всего Кайтага: уцмий отдал гору Варха Зирихгерану, гору Мурхила мура и Кабала бах (Къябала бяхI – Б.А.) – [жителям] Каба и Хабши (союз Гапш – ХIябши – Б.А.), три части её [жителям] Каба; место, где сады – Хайдаку (Кара-Хайдаку – Б.А.), вместе с Урчемулом; соляные колодцы – Урчемулу. Горы самых верховьев (верхние части гор – Б.А.) остались общими (мусавийа) [для жителей Хабши, Каба и Зирихгерана][3].

По мнению Т.М. Айтберова, уцмий получил все эти земли и повинности от кайтагцев на время[4]. Однако, вряд ли это верно. В «Акте» речь идет не о передаче указанных земель уцмию, а наоборот в присутствии представителей кайтагских обществ уцмий передает их в пользование различных обществ, входивших в Кайтагское уцмийство. Конечно, все это происходило после того как уцмий стал правителем Кайтага и получил именно как правитель от кайтагцев все права на земли, отмеченные в «Акте».

О принадлежности уцмию на праве собственности перечисленных угодий уже в период прихода его к власти говорит и то, что в исследуемый нами период почти все указанные в «Акте» горы вместе с другими горами находились в собственности кайтагского уцмия. Они, как отмечено в «Акте», по-прежнему находились в пользовании различных обществ, за что их жители

[1] Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 119.
[2] Там же. С. 121.
[3] Там же. 119-120.
[4] Там же. 120.

несли в пользу уцмия различные повинности – в основном давали мелкий рогатый скот и различные продукты сельского хозяйства. Так что уцмий Кайтага уже в XVI в. был крупным собственником земельных угодий, находившихся как на плоскости, так и в предгорье, и в горах. И эти земли передавались из поколения в поколение, были собственностью кайтагских уцмиев и в исследуемый период. Согласно «Ведомости о статьях, с которых бывший уцмий Адиль-хан пользовался доходами», составленной в 1821 г., после ликвидации должности уцмия, в собственности уцмия находилось 13 «ятаг пастбищных»[1], за аренду которых он «брал баранов и барашек от 700 до 1000 голов и с каждого пастуха, жившего в ятагах при баранах, – по одному караваю сыра»[2]. Это свидетельство того, что у уцмия Кайтага, как крупного землевладельца, основной земельной собственностью являлись пастбища (пастбищные горы и ятаги), приносившие ему большие доходы.

Известно, что горные общества, где огромную роль в экономической жизни населения играло животноводство, не имели у себя зимних пастбищ. Поэтому они вынуждены были арендовать на зиму пастбища на равнине. Горцы арендовали пастбища и у кайтагского уцмия. Как писал И.-Г. Гербер, в Кайтагском уцмийстве «особливо отличаются добрые луга для корму скотины и баранов, чего ради акушинцы и многие таулинцы (горцы – Б.А.) баранов своих зимним временем сюды на корм пригоняют, и за то усмею положено пошлину платить. И понеже (так как – Б.А.) каждую зиму более 100000 баранов здесь кормятся, усмею от того немалые доходы приходят»[3]. Об аренде зимних пастбищ уцмия говорят и другие авторы. Так, в 1796 г. Д.И. Тихонов отмечал: «Кутаны, или хуторы, уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги. Они же отдают оные в наймы на зимнее только время горским жителям»[4].

Уцмий имел в собственности и летние пастбища, которые находились в горной части владения. Таким пастбищем, например, была гора Дубасара, находившаяся в пользовании жителей

instituteofhistory.ru

[1] ЦГИА РГ. Ф. 416. Д. 1224. Л. 19. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 176.
[2] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 257.
[3] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С. 83-84.
[4] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С. 134.

сел Абдашка и Турага, которая ими использовалась «под хлебопашеством и покосами», с обязательством платить ему подати – натуральную ренту[1]. Магал Уцари платил уцмию 30 баранов, 30 барашков, 20 коз и 2 телят годовалых; жители селения Чагры – 20 батман масла (один батман = 6 фунтам); жители селения Сана-Кари давали 9 веревок для увязки на вьюки масла, которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукера уцмия и один шерстяной чувал для нукера[2]. В собственности уцмия находилась пастбищная гора Андера-чи, которая также сдавалась в аренду, и она тоже приносила доход уцмию[3].

Выше было отмечено, что уцмию принадлежали превосходные земли для ведения широкого земледелия. Это незаселенные земли Терекеме, «которые могли быть использованы под пашни»[4]. Вместе с тем уцмий имел участки пахотных земель и в различных селах за пределами Терекеме, на территории его владения. Нахождение в собственности кайтагского уцмия, как крупного землевладельца, не только кутанов и горных летних пастбищ, но и «превосходных земель для ведения широкого земледелия», как подчеркивал Р.М. Магомедов, являлось «основной особенностью кайтагского общества», что и ставило уцмия «в исключительно выгодное положение как внутри страны, так и вне её»[5]. И все же, несмотря на наличие хороших земель, пригодных для земледелия, кайтагский уцмий не вел широкого земледелия «и земли под пашни занимали второстепенное место в их (феодалов – Б.А.) хозяйстве»[6]. В Кайтаге не было «барского хозяйства», что было характерно, как было отмечено выше, и для других владельцев Горного Дагестана, которое было основано на эксплуатации большого количества феодально-зависимого крестьянства.

У уцмия были и отдельные пахотные места, где велось его личное хозяйство, как владетеля земли. Об этом в указанных выше «Адатах об отношениях терекемейских раятов к своим бекам» сказано: «Раяты засевают для бека на состоящих у них в пользо-

---

[1] Феодальные отношения … С. 220.
[2] Там же. С. 219.
[3] Там же. С. 183.
[4] Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 213.
[5] Там же. С.222.
[6] Там же. С.213.

вании землях 4 дышлака, т.е. 20 чантина, и полученный с этого семени урожай жмут, молотят и после обращения в пшено доставляют в дом бека»[1]. В другой статье «Адатов» терекемейцев сказано: «Раяты обязаны для бека производить посев хлеба, исправлять и очищать канавы, жать и возить хлеба его на харимы и перевозить пшеницу в дом бека»[2]. Если сравнить их, то явно видна большая разница. В первой статье «Адатов» речь идет об участках пахоты, находящихся в пользовании раятов, которые должны были готовить для уцмия пшено. А во второй статье речь действительно идет о пахотных землях уцмия, на котором все сельскохозяйственные работы должны были производить раяты и полученный с них урожай свозить в дом уцмия. Но, кроме этой статьи, нет никаких сведений, что уцмий имел собственное хозяйство. Как было отмечено и выше, терекемейские раяты давали поземельные подати уцмию и бекам с количества рабочего скота, впрягаемого в плуг, – с пары буйволов по 20 саб пшеницы и по 5 саб ячменя, с двух пар – вдвое больше и т.д.[3]

Возможно, это последнее и отражает вторая приведенная выше статья адатов терекемейцев, т.е. речь идет не о личном хозяйстве уцмия или беков, а о тех земельных участках, находившихся в пользовании раятов – терекемейцев, которые они должны были содержать в исправном виде и с которых они должны были давать им положенное по установившемуся адату количество зерна. Но, если предположить, что феодалы имели какое-то личное хозяйство, то под это отводилась не вся земля, а какой-то участок. Не было резона вести большое личное хозяйство в условиях, когда все необходимые продукты сельского хозяйства феодалы получали из раятских хозяйств. И тогда мы опять должны подчеркнуть второстепенную роль такого феодального хозяйства. Главный доход уцмий получал с пастбищных гор и зимних пастбищ на плоскости (ятагов). О значимости последних в жизни феодалов Кайтага говорит и то, что после смерти уцмия между наследниками делились только незаселенные земли, т.е. кутаны и пастбища.

---

[1] Феодальные отношения … С. 33.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 198.

Крупными землевладельцами являлись в Табасаране майсумы и кадии, правившие каждый в своей части. Как и уцмий Кайтага, они владели населенными и не населенными землями в раятской части Табасарана. За пользование ими раяты несли им различные подати. И.-Г. Гербер писал, что «доходы, которые махсум (майсум – Б.А.) и кады получают, состоят в хлебе и другой пище» (продуктах – Б.А.)[1]. Эта «другая пища» содержит в себе многочисленные подати, выражавшиеся в разнообразных продуктах земледелия, животноводства, садоводства, пчеловодства и т.д. Значит, земли, на которых сидели раяты, принадлежали владетелям Табасарана, за пользование которыми они и платили подати. Конкретно о землях майсума и кадия в конце XVIII в. писал Д.И. Тихонов: «По правой стороне её (реки Дарбаха – Б.А.) течения до самого почти места укрепления персидского шаха Надира, называемого Иранхараб, принадлежат земли табасаранским владельцам Махмуту, верх речки – кадию и Махмет-беку»[2]. Это основные пахотные земли равнинной части, т.е. Нижнего Табасарана, как писал И.-Г. Гербер к «Дербенту лежащие» земли, где находились «хорошие поля и хлебородная земля»[3]. На основе этих сведений М.Р. Гасанов пишет, что «правители Табасарана владели большими земельными участками, с которых получали доходы в виде хлеба»[4]. Анализируя приведенные выше сведения Д.И. Тихонова, он полагает, что здесь «речь идет не только» о пахотных землях, но и зимних пастбищах, «о которых часто упоминают архивные материалы»[5].

При изучении общественного строя народов Дагестана Х.-М.О. Хашаев писал и о Табасаране. Он отмечал, что «майсум, кадий, их потомки, беки и чанки были собственниками больших земельных владений… Крепостные крестьяне – раяты, имея свое хозяйство, живя на землях, захваченных беками, обязаны были … платить подати и отбывать повинность во все увеличивающихся размерах»[6].

---

[1] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.
[2] Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 128.
[3] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.
[4] Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978. С. 25; Его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 186.
[5] Там же.
[6] Хашаев Х.М. Указ. соч. С. 198.

По характеру пользования земли майсума и кадия, как и в любом средневековом феодальном обществе, делились на две части. Одна часть феодальной земли отдавалась в пользование сельским обществам и отдельным лицам за плату, а другая часть находилась в личном пользовании феодала. Во второй части феодальной земли и велось феодальное хозяйство, где «все работы выполнялись подвластными крестьянами бесплатно»[1], в чем и заключалась эксплуататорская сущность феодального землевладения. Это отработочная рента как выражение эксплуатации раятов, выполнявших все виды сельскохозяйственных работ: засевать поля, жать хлеб, свозить снопы на харимы, а зерно – в дом феодала, косить сено и убирать в стоги, производить полив и т.д.[2] Эта феодальная рента – барщина, которая ничем не отличалась от феодальной ренты Руси и стран Европы. Феодальная рента в Табасаране охватывала десятки видов сельскохозяйственных работ и различных приношений. Так, перечень их в пользу табасаранского кадия превышали тридцать видов[3]. Кадий, как крупный феодальный собственник, имел «пахотные участки, сенокосы, зимние и летние пастбища, леса, стада крупного рогатого скота, сады, виноградники, плантации марены»[4], которые приносили ему большие доходы. То же самое можно сказать и о майсуме. Зависимые от него общества давали ему различные продукты сельского хозяйства. Так, Нитричский магал давал майсуму по 1 саба пшеницы с дыма, деревни магалов Дырча и Сувак – по 1 киле пшеницы и по ложке масла с дыма[5], «кроме того он получал натуральные приношения пшеницей, ячменем, медом, маслом, фруктами, скотом, птицей, деньгами»[6] от других зависимых магалов и сел.

Что касается зимних и летних пастбищ майсума и кадия, то они тоже приносили большие доходы. Об их использовании М.Р. Гасанов пишет так: «Зимними пастбищами они пользовались в течение нескольких месяцев от начала осени до наступления лета, а горными пастбищами – в течение летних месяцев. По исте-

[1] Гасанов М.Р. Указ. соч. С. 25; 186
[2] Феодальные отношения … С. 110, 119, 116, 160.
[3] Гасанов М.Р. Из истории … С. 33.
[4] Там же. С. 33.
[5] Там же.
[6] Там же.

чении этих сроков жители окрестных сел могли пасти здесь скот за определенную плату»[1]. Согласно сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией по Южному Дагестану, мы имеем возможность узнать о зимних пастбищах и ятагах феодальных владетелей Табасарана. Это Гунтуш, Калаган, где были ятаги и пахотные участки в 200 капанов (капан = 3 рублям); местность Сюгют, где были ятаги Верхний и Нижний Каямар, Гасарик, Джарахан, Галюрик и Цкюм Али Дюхер. На этой местности могли пастись 4000 баранов и сверх того здесь была пахотная земля в 300 капанов; Шор-Даре, где могли пастись 200 баранов, и здесь была пахотная земля в 100 капанов; земля Чайла, где были ятаги: Симсарюг (могли пастись 800 баранов), Амшалик-булах (500 баранов); Пелаган (1100 баранов); Бегяна (700 баранов); Кибачи (600 баранов); Дах-кура (1200 баранов); Лапсах-хана (1000 баранов); Ерсарик (500 баранов). Кроме того, на земле Чайла находилась удобная пахотная земля в 100 капанов. Всего перечисленных ятагов, где имелись и пахотные земли, было 16[2].

Как и в других феодальных владениях, в Табасаране крупная феодальная земельная собственность не была неизменной. С одной стороны, она имела тенденцию к уменьшению в результате дробления – передачи земель в удел бекам – родственникам майсума и кадия, как держателей – владельцев больших земельных угодий. С другой – к их увеличению, когда майсумы и кадии расширяли свою земельную собственность за счет захвата земель сельских общин и лично свободных крестьян.

institute of history.ru

По соседству с Кайтагом и Табасараном находился древний город Дербент и Дербентское владение. В исследуемый период Дербентское владение находилось в разном политическом положении – оно то было в составе шахского Ирана, то самостоятельным владением во главе с ханами. Такое положение предопределяло и земельную собственность правителей владений. Но можно сказать, что в любом политическом положении в Дербентском владении имелись крупные землевладельцы. От политического положения Дербентского владения зависел и его состав, увеличение или уменьшение территории, что, естественно, не могло не отразиться и на размере личных земельных владений правителя –

[1] Гасанов М.Р. Очерки … С. 187.
[2] Феодальные отношения … С. 163.

феодального владельца и поступавших к нему разнообразных податей зависимого населения.

Но конкретных сведений о крупном феодальном землевладении в Дербентском владении мало. Отдельные сведения об этом имеются по началу, вернее, первой трети XVIII в. Так, согласно сведениям А.И. Лопухина от 1718 г., при одной деревне владения, находящейся «по конец одной горы», имелся «сад виноградной и деревья саженые и оной сад султана дербентскова»[1]. Конечно, не может быть сомнения, что у султана была и другая собственность с различными категориями земель. Аналогичны практически сведения и И.-Г. Гербера, писавшего через 10 лет: «По обеим сторонам за городом обитатели имеют пашен довольное число и добрых виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сиги, гранаты и прочие, также дыни и около города везде имеются безчисленны»[2]. Речь здесь идет вообще о пашнях и садах дербентцев, и, думается, среди них находились и собственные земли владетеля Дербента.

Для нас более интересно другое сообщение И.-Г. Гербера, что в составе Дербентского владения находились и другие земли, расположенные к югу от него, по правой стороне р. Самура – это Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк[3]. О превращении этих земель в собственность дербентского владетеля Н.А. Магомедов пишет так: «С ослаблением власти Сефевидов в начале XVIII века дербентские правители стали полноправными на подвластной им территории. Земли уездов «улька» Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк, пожалованные некогда дербентским правителям Сефевидами в качестве «улька», превратились в ханские. С них дербентские правители аккуратно собирали подати»[4]. Но до возникновения ханской власти правителями в Дербентском владении были ставленники Ирана – султаны, которым

---

[1] Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 9, 54.

[2] Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

[3] Там же.

[4] Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С. 206.

и поступали с указанных земель «доходы»[1]. В шахскую казну никаких поступлений с доходов не было. Как отмечал И.-Г. Гербер, «…доходы из оных, собирал султан дербенской за которых (из которых – Б.А.) он городовые стены, колодезы и другие публичные строении в состоянии содержал, также воинским и гражданским служителям жалованье давал. И понеже он, **султан, сам из сих доходов великое жалованье имел** (подчеркн. мною – Б.А.)… К тому ж счесть от султанов с приходов (доходов. – Б.А,) никогда не спрашивается, того ради из сих уездов в казну шахову никогда ничего не происходило»[2].

Обогащение дербентских правителей, усиление их экономического положения приводило и к усилению их политического положения. Как справедливо отмечает Н.А. Магомедов: «Все эти налоги с зависимого городского и сельского населения в конце XVII – первой четверти XVIII века, вернее до похода Петра I в Прикаспие, поступали в распоряжение султанов, которые фактически становились самостоятельными правителями в силу сложной политической обстановки в Иране, где шахи – Сефевиды потеряли свою былую власть»[3]. На территории самого города – на землях вокруг Дербента, практически, кроме указанных выше виноградников и садов, возможно, и небольших пахотных участков, у дербентских правителей не было своего личного (барского) хозяйства. Об этом можно судить и по утверждению С.Г. Гмелина, который в 70-е годы XVIII в. был в Дербенте и писал, что «здесь в земледелии очень мало упражняются»[4]. Вместе с тем правители Дербента и ханства – сначала султаны, а потом ханы имели в Улусском магале, куда по сведениям Ф.Ф. Симоновича, в конце XVIII в. входило 21 село[5], свои земли. Особенно много земель в Улусском магале имел в XVIII в. Фатали-хан, присоединивший к своему Кубинскому ханству Дербентское владение. Именно в период правления Фатали-хана Дербентско-Кубинским

---

[1] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч.1. С.93, 95.

[2] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.86.

[3] Магомедов Н.А. Указ.соч. С.206.

[4] Гмелин Р.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств естества. СПб., 1785. Ч. 3. С. 22.

[5] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 142.

ханством здесь было больше всего крупной феодальной земельной собственности. Как писал С.Г. Гмелин, свидетель положения ханства в 70-е годы XVIII в., – Фатали-хан «во всех городах» имел, «собственные сады и пашни»[1]. После его смерти, естественно, по феодальному праву, эти земли перешли к его наследникам. По словам А.И. Ахвердова, писавшего в начале XIX в., дербентскому владетелю – сыну Фатали-хана, Шихали-хану принадлежали «17 посредственных деревень…»[2]. Речь здесь, конечно, идет о селах Улусского магала, которые приносили хану немалые доходы. Согласно сведениям XIX в., после передачи в 1806 г. Улусского магала в ведение шамхала Тарковского последний получал с него «разного рода доходы, составляющие, по приблизительной оценке… на деньги, не менее 6000 руб. в год»[3].

Крупным землевладельцем был и хан – владетель Кюринского ханства, самого молодого по времени образования феодального владения. Начало ханству было положено в конце XVIII в., когда сын казикумухского владетеля Магомед-хана – Шахмардан-бек, как писал А.-К. Бакиханов, «повздорил со своим братом Сурхай-ханом и Фатх Али-хан отдал ему во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежащего Дербенту, и Гюннейский магал, принадлежавший Кубе». К этим землям Шахмардан-бек «присоединил ещё и Курахский магал и захватил, таким образом, весь Кюринский округ»[4]. Затем Шахмардан-бек начал захватывать общинные земли. По показанию поверенных 135 кюринских сел, до захвата казикумухскими феодалами в 1811 г. вся земля принадлежала сельским обществам, у них не было феодалов. Мюльки принадлежали отдельным дворам. Феодальное землевладение возникло в исследуемые годы. С 1812 по 1866 г. было роздано бекам и приближенным ханов 15 селений, жители которых ранее не отбывали податей и повинностей[5]. Естественно, имел личные земельные угодья и сам хан. В докладе члена сословно-поземельной комиссии Андрианова о земельном устройстве местного населения отмечалось: «В Кюринском ханстве издавна установился обычай, на основании которого жители

[1] Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 24.
[2] Ахвердов А.И. Указ.соч. С. 220.
[3] Феодальные отношения … С. 77.
[4] Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 163.
[5] ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1224. Л. 20. Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 191.

несли в пользу своих ханов двоякого рода налоги и работы: одни – в виде податей за отправление между ними суда и расправы, а другие – в виде податей за пользование угодьями, считавшимися все ханскими»[1].

Любопытно, что в Кюринском ханстве больше всего была развита барщина. По сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией, раньше в ханстве были «свободные ханские земли», превращенные потом в казенные, на которых «ханы, а потом управляющие ханством из беков, родственников кюриказикумухского ханского дома, производили разные для себя посевы хлеба и марены, косили сено, пасли свои стада рогатого скота, табуны лошадей и баранов и по своему усмотрению раздавали земли в пользование разным частным лицам временно за доходы по обычаю и без дохода, даже в потомственное пользование»[2]. Всех бывших ханских земель, по сведениям южнодагестанской сословно-поземельной комиссии, превращенных в казенные в Кюринском ханстве, было 29 участков, площадью более 23843 дес[3]. Они были известны под названиями: Лагин (4000 дес.); земли с двумя садами близ селения Касумкент; Магарамкентский покос; горная земля Кулидж; Ятаг-коназ; Ятаг-Хнег; Сарорук-даг; Тукар-даг; Чулик-гора; Вакиль-хнар; Эрадар – пастбищное место; покос на горе Гур; Бахцугский покос; покос на горе Каляк; земля Карблуг (4000 дес.); стан Чилийская земля (4000 дес.); Мамрашская земля (700 дес.); Донгучанурская земля (более 2300 дес.); Янашкалинская земля; земли Ген-таг; Ятак Зардиан; Кюра-шар-Даре (до 3500 дес.); гора Тхур и 6 выморочных участков в количестве 283 дес.[4]

На указанных землях и вели свое собственное хозяйство кюринские ханы. Жители многих кюринских сел, которые ранее были свободными узденями, превратились в зависимых крестьян-раятов. Так, после создания ханства жители селений Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали, как раяты, отбывать «душарлык» – подати хлебом беку в размере одной рупы (мера сыпучих тел – 1 ½ пуда ячменя) пшеницы и одной рупы ячменя. Кто имел посев

[1] Феодальные отношения … С. 165.
[2] Там же. С. 165.
[3] Там же.
[4] Там же. С.165-166.

ячменя, пшеницы или чалтыка (рис в шелухе) на низменности, дополнительно уплачивал 3 рупы посеянного и девять дней в году работал на феодала и был обязан выставить две арбы для перевозки сена и зерна, доставить арбу дров, дать ½ фунта масла с коровы, овцу со 100 голов; ¾ фунта меда (те, кто имел пчел); обрабатывать за плату 2/3 десятины чалтыка. Кроме того, давали обществу 2 руб. деньгами, барана, 1 рупу пшеницы для угощения участников «эвреза» (взаимопомощи). Кюринские беки использовали «эврез» для обработки ячменя хана, беков и чанков. Как писал Х.-М. Хашаев, этот обычай превратился в барщину. Жители селений Аликент, Магарамкент, Зухрабкент, Бубкент, Хатум, Испик, Махмудкент и др. отбывали подобные же повинности[1]. Все земли в прошлом, т.е. до передачи их бекам, являлись собственностью самого хана, и поэтому все перечисленные подати шли в пользу хана. То же самое относится к сельскохозяйственным работам (т.е. барщине), которые проводились в хозяйстве хана. В материалах сословно-поземельной комиссии они названы «повинности работою» – по четыре дня со двора. Среди сел, обязанных нести подати и повинности хану, перечислены 12. Кроме приведенных выше сел, жители которых обязаны были, как раяты, отбывать «душарлык» (подати хлебом) и нести много натуральных повинностей, были еще Койсун и Целягун[2].

На территории современного Рутульского района (цахурский участок) и северо-западной части Азербайджана находилось феодальное владение под названием Илисуйское (или Цахурское) султанство. Султан, как владетель, являлся самым крупным землевладельцем. Жители султанства составляли три этнические группы – цахуры (калтахи), свободные крестьяне, сидевшие на собственной земле и не обложенные феодальными повинностями; юг территории султанства был занят ингелоями (омусульманенные грузины) и мугалами (тюрки), прикрепленными к земле держателей кешкелей (участков земли), принадлежавших султану и бекам.

« … власть султанов, – как писал И.П. Петрушевский, – была продолжением власти моуравов (управляющих – Б.А.) элисенских, иначе говоря, она возникла на почве феодальных отноше-

[1] ЦГИА РГ. Ф.345. Д.3158. Л.12. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.191-192.
[2] Феодальные отношения … С.167.

ний Кахетии и не вышла из горного Цахура»[1]. Укрепившись на плоскости, как преемники грузинских моуравов, султаны подчинили себе нагорные цахурские общества.

Захватив политическую власть, правители султанства постепенно сосредоточили в своих руках и земельные угодья. Так появились личные имения султана и его родственников – беков, которые получали доход с зависимых крестьян.

Если сравнить образование земельной собственности илисуйского султана с образованием феодальной собственности мехтулинского хана, то наблюдается аналогия. Если первоначально илисуйские правители, как и Кара-Мехти, «пользовались доходами только с указанных им земель», то «с занятием Кахской провинции, они стали получать в виде жалованья – доходы с покоренного селения Ках. Затем к кахцам были приравнены ингилойцы селений Алибегло и Мешебаш, которые «поступили в состав султанских удельных имений»[2].

Эти три селения находились «в полной зависимости от султана с давнего времени»[3], о чем свидетельствуют и фирманы персидских шахов и турецких султанов, выданные в XVI-XVII вв. цахурским султанам[4]. Указанные три селения, составлявшие 230 дымов ингилойцев и 27 мугалов, как личная собственность «помещика» принадлежали илисуйскому султану до 1830 г. И. Линевич характеризовал собственность илисуйского султана как «большое царственное имение, которое доходило до ущелья Кина»[5].

Как и у других феодальных владетелей Дагестана, в особенности его нагорной части, у илисуйского султана не было своего барщинного хозяйства. Это объяснялось, как и в Нагорном Дагестане, отсутствием у илисуйских султанов крупных площадей

---

[1] Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступит. статья, коммент. и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992. С.75.

[2] Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.6.

[3] Там же. С.15.

[4] Петрушевский И.П. Указ.соч. С.79.

[5] Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство (с картою) // ССКГ. Вып.VII. С.16.

пахотной земли. Они имели в собственности небольшие усадьбы и участки земли, работа на которых проводилась домашней челядью, иногда за ничтожную плату. В самом Илису – центре владения – султан имел только два каменных и один деревянный дом, а также тутовый сад, виноградник и огород[1].

Но султан получал большие доходы от зависимых сел, жители которых были ингилойцы и мугалы. Так, 52 ½ кешкеля ингилойцев Каха вносили султану ежегодно по 3 таг (мера измерения сыпучих тел) хлеба (2 т. пшеницы, 1 таг ячменя), по 3 стиля шелка и по 1 вьюку винограда с каждого кешкеля (участок, обложенный данью); 45 кешкелей мугалов вносили по 1 таг хлеба и 1 стилю шелка с кешкеля. Кроме того, те и другие вносили с каждого кешкеля султану еще по одному вьюку самана и дополнительно к перечисленному – по 5 чанахов хлеба султанскому цирюльнику и столько же султанскому поставщику ястребов[2]. Кроме всего перечисленного, илисуйский султан получал особые налоги с 48 лавок кахского базара, в среднем по 15 рублей с лавки[3].

Во втором зависимом селении Алибегло было 46 кешкелей и они до 1830 г. давали султану по 1 таг., 6 чанахов пшеницы и чалтыка, по 1 таг проса с каждого кешкеля. Последний илисуйский султан Даниель-бек (1830-1844 гг.) обложил кешкельников новым сбором: по 1 – ½ ст. шелка, по ½ вьюка винограда с кешкеля. Кешкельники должны были также вносить малджаат с $^{1}/_{10}$ доли урожая за пользование общинным полем Белюзек[4].

В третьем селении, зависимом от султана, кроме упомянутых уже повинностей, с XIX в. устанавливалась обязанность приносить султану в дни праздников и его семейных торжеств «добровольные приношения» – тутовой водкой, орехами, уксусом и т.д.[5]

И еще – во всех селах, принадлежавших султану, существовал и особый сбор – даргалык, или даргулак на содержание даруге, управляющего султанскими имениями.

---

[1] Петрушевский И.П. Указ.соч. С.80.
[2] Там же. С.79.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

Завершая изучение крупного частного (мюлькового) землевладения и исходя из всего приведенного материала, можно отметить, что оно действительно существовало в позднефеодальном Дагестане. Дагестанские владетели на самом деле имели в собственности большие земельные угодья различных видов. Второе, что можно отметить – это то, что почти во всех феодальных владениях были одинаковые формы пользования крупными частными землями. Важно отметить, что мало было барщинных форм хозяйствования крупной феодальной землей. И еще – почти повсеместно, но в особенности в Нагорных владениях, преобладающим видом феодальной земельной собственности были пастбищные горы и отдельные места. Это предопределило и особенности формы ренты, известной как пастбищная.

2. Частная (мюльковая) земельная собственность беков как вторая форма крупного феодального землевладения

Бекское землевладение в позднефеодальном Дагестане, как и ранее, являлось самой распространенной формой частной (мюльковой) феодальной земельной собственностью. Объяснялось это тем, что в каждом феодальном владении (а их количество как отмечалось выше, доходило до двадцати) было много родственников феодальных владетелей. Беки получали земли от последних и нередко становились такими же крупными земельными собственниками, как и сами феодальные владетели.

Особенностью частного (мюлькового) бекского землевладения вместе с увеличением численности беков было и уменьшение размера земельной собственности их, так как постоянное деление ее между наследниками приводило к дроблению земли, находящейся в собственности того или иного феодала – бека. Но одновременно с этим процессом происходило возникновение и новых собственников – беков, получавших свою долю земли (наследства) от феодального владетеля. Это был двуединый процесс развития бекского землевладения, характерный для позднефеодального периода, впрочем, как и для предыдущих периодов. Разница была только в объемах и темпах. Но эти процессы в развитии бекского землевладения не мешали и процессу возникновения бекского землевладения как одного из видов крупной феодальной земельной собственности, порой не уступавшей по своим размерам феодальному землевладению феодальных владетелей.

Мы не располагаем конкретными данными о количестве беков в исследуемый период по всем феодальным владениям. Сведения о численности беков в том или ином феодальном владении относятся в основном к позднему периоду. Вместе с тем они, а также те немногочисленные сведения по изучаемому периоду позволяют представить более или менее правильную картину о численности, причем многочисленности беков, а следовательно, и бекского землевладения.

Приведем имеющиеся данные. По сведениям 70-х годов XIX в., число беков в Темир-Хан-Шуринском наибстве составляло 477 мужчин и 452 женщины, в Казикумухском округе – 42 мужчин и 32 женщины, в Южном Дагестане было 426 лиц бекского сословия обоего пола[1]. По сведениям за 1871 г., в Казикумухском округе числилось 74 бека и 820 чанков[2]. По Мехтулинскому ханству имеются сведения за 1818 г., согласно которым здесь было 3 фамилии беков и 33 – чанков[3]. С.М. Броневский называл беков дворянами[4], их, по данным конца XIX в., было: потомственных – 1465 душ обоего пола и личных – 1813 душ[5].

Еще в 1938 г. проф. С.В. Юшков писал, что беки – это дети ханов, «не ставших ханами»[6]. Практически об этом же писал и Х.-М. Хашаев, но с разъяснением, что это «сыновья ханов или беков от равного брака»[7]. Они то и получали земли от феодальных владетелей. С.М. Броневский писал, что между этими беками-дворянами и «разделена большая часть земель … как бы на откупном праве, потому что земля почитается за собственность князей; и хотя дворяне пользуются оною, **как властные помещики** (подчеркн. мною – Б.А.) от древнейших времен, это право князей всегда подразумевается»[8]. Однако мы не располагаем све-

---

[1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. С.695-698.
[2] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.7. Л.7.
[3] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.163.
[4] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч.1. С.46-47.
[5] Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. С.33.
[6] Юшков С.В. Указ.соч. С.79.
[7] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.256.
[8] Броневский С. Указ.соч. Ч.2. С.47.

дениями, ограничивающими право беков на землю. Об этом писал и С.В. Юшков. «Беки, – отмечал он, – имели право неограниченного распоряжения своей землей. Нам не удалось установить за полным умолчанием источников, владели ли беки своей землей на праве полной собственности, или же получали земли под условием службы. Нам думается, что в Дагестане не было типичных институтов раннего западноевропейского и русского феодализма бенефициев и феодалов, поместий и вотчин. Нам думается, что земельное право беков весьма близко подходит к русским удельным отношениям: **удельные князья получали земли в полное обладание**[1] (подчеркн. мною – Б.А.).

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

С этим утверждением С.В. Юшкова можно согласиться. Но вряд ли верно, что эти институты находились в зачаточном виде и потому не получили отражение в источниках[2]. Известно, что институт бекства – явление историческое, он существовал задолго до изучаемого времени. Поэтому вряд ли можно говорить о зачаточном состоянии поместий беков в исследуемый период. Далее С.В. Юшков, отмечая, что беки являлись вассалами феодальных владельцев, писал, что эти вассальные отношения были основаны не на договоре, а на факте принадлежности к бекству, и на землевладении. И здесь же он опять писал о близости дагестанского вассалитета «к русским удельным порядкам» и что «дагестанские беки пользовались полным иммунитетом в своих владениях»[3].

institutеofhistory.ru

Беки, как наиболее близкие родственники феодальных владетелей (сыновья, братья, племянники), имелись повсюду, на всей территории феодальных владений. Их было действительно много, на что обратили внимание и другие дагестанские ученые. Так, Р.М. Магомедов писал, что «институт беков в Аварии был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гоцатле, Сиухе, Голотле и в окрестных аулах ханства»[4]. Р.М. Маршаев писал: «Основными владетелями Казикумуха являлись беки, которые ранее находились в вассальных отношениях к шамхалам, а со времени второй половины XVII в. стали незави-

[1] Юшков С.В. Указ.соч. С.79.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.104.

симыми от шамхалов»[1]. Это были в основном потомки и родственники шамхалов, ханов и других владетелей[2], которые и являлись владетельными беками[3], наиболее крупными землевладельцами после феодальных владетелей, от которых они получали земли.

Вот как о Табасаране сказано в архивном источнике: «Родовые владения, состоящие из раятских селений и независимых земель, делились по наследству между членами Майсумского рода»[4], или «селения, предгорья Табасарана, называемые раятскими, переходили по наследству ко всем членам владетельных домов, именующимися беками»[5]. В 1796 г. участник Персидского похода В. Зубова, Ф.Ф. Симонович писал, что владения Табасарана «заключают в себе других частных временных (? – Б.А.) владельцев, **братьев и сродственников настоящих владельцев**»[6] (подчеркн. мною – Б.А.).

Аналогично образовалось бекское землевладение и в других феодальных владениях Дагестана. Это была общая тенденция образования бекского землевладения, как частной (мюльковой) собственности. Во всех феодальных владениях Дагестана основанием для получения в собственность части владений феодальных владетелей была именно принадлежность к его семье. Получив земли от владетеля, беки становились ее полными собственниками. Так, о терекемейских землях в источнике сказано, что беки «по роду получаемых повинностей от поселян принадлежали к числу тех, земли которых находились в действительном обладании беков, приносящим им доход земными произведениями и другими повинностями»[7].

Беки получали от феодального владельца земли не только по наследству, но и по назру (завещанию – дарению). М.М. Ковалевский отмечал, что «институт «назру» – это то же самое, что и

---

[1] Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.22. Л.81.
[2] История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.318.
[3] Там же. С.239.
[4] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.1. Л.1-а.
[5] Там же. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.1-а.
[6] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.152.
[7] ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.19.

завещание в других странах». «Путем таких дарений при жизни, – писал он, – «назру» исполняют то же назначение, какое в других странах принадлежит завещанию»[1]. Феодальный владетель мог подарить землю кому хотел.

О широком распространении назру в Дагестане писали С.В. Юшков, Р.М. Магомедов и другие советские ученые. Так, Р.М. Магомедов вслед за Н.П. Тульчинским, писавшим, что «земли дарились под словом *назру* (на разные времена), или временно – в пожизненное пользование[2], писал, что «назру», по своей сущности, представлял как наследственное (лен), так и временное или пожизненное (бенефиций) пожалование[3].

Получив земли от феодального владетеля, беки становились такими же владетелями в своих уделах, как и первые на своих доменах. Они получали с землей и все права на нее, их земли подлежали свободному отчуждению – завещались, продавались и т.д., т.е. находились в полной собственности беков. Эта особенность бекского землевладения подчеркивалась и советскими исследователями. «Беки, – писал С.В. Юшков, – имели право неограниченного распоряжения своей землей»[4]. Р.М. Магомедов о беках Аварии писал: «Внутри ханства, будучи собственниками пахотных и пастбищных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодалов»[5].

Согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, бекские земли находились «в непосредственном их распоряжении»[6], собственность бека была неприкосновенна и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственное имение беков»[7]. Бекское землевладение стояло «вне служебного ленного землевладения». Хотя беки находились в вассальных отношениях к феодальным владельцам, тем не менее, они не были служилыми людьми феодального владетеля. О беках Тарковского шамхаль-

---

[1] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т.2. С.211-212.
[2] Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости … Владикавказ, 1903. С.6.
[3] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.389-390.
[4] Юшков С.В. Указ.соч. С.79.
[5] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.105.
[6] Феодальные отношения … С.185.
[7] ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.21. Османов Г.Г. Указ.соч. С.141.

ства Р.М. Магомедов писал: «Хотя бекства и входили в состав шамхальства, определяя его административное деление, но сами беки не были должностными лицами. Шамхал их не назначал и не снимал. Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену»[1].

Беки, получив от феодальных владетелей землю, получали вместе с ней и все остальные права феодальных собственников – право налогового и административно-судебного иммунитета, право отчуждения земли и т.д. Это только их права в своем собственном бекстве. Как отмечал К. Маркс, « … в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[2]. Сам факт получения земли в собственность с правом отчуждения является показателем того, что феодальные владельцы вместе с землей отказывались в пользу беков и от всех остальных прав, которыми они обладали как земельные собственники. Передав земли в собственность беков, феодальные владельцы не устанавливали ни размера, ни формы феодальной ренты с передаваемых бекам земель; они взимались в соответствии с существующей традицией и зависели от реальной власти бека над зависимыми крестьянами.

Беки дагестанских феодальных владений – это те же самые крупные землевладельцы-вотчинники, что и феодальные владельцы, хотя их земельная собственность была меньше. Вместе с тем, среди дагестанских беков были и такие собственники, которые имели весьма большие земельные угодья. Так, известно, что один из беков в Кайтаге по имени Исмаил-бек «имел под владением 16 деревень»[3]. По другим сведениям марагинский бек имел до 600 десятин земли[4]: Сиргали (5 саб), Шимейдат-Мерды (22 сабы), Уллу-Ямач (6 саб), Сача-Турбала (4,6 сабы), Мала-Дарман (60 саб)[5]. Увеличение бекского землевладения происходило за счет захвата общинных земель. Расширение феодального земле-

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.194.

[2] Маркс К. Капитал. Т.I // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.344.

[3] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.224. (Ссылается на: ЦГА РД Ф. Колл. Ин.дел. «Сношения России с Персией». Д. № 24. 1722. Л.74.

[4] Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие кадийства Табасарана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.188.

[5] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.163. Л.126.

владения – это одновременно расширение феодальных отношений «Развитие феодальных отношений в Табасаране, – пишет М.Р.Гасанов, – было связано именно с ростом бекской собственности на землю»[1].

Бекское землевладение расширялось и за счет выморочных земель. Как писал В. Линден: «Право распоряжения, по своему усмотрению, недвижимым имуществом подвластных бекам поселян, не оставивших после себя наследников, являлось ранее одним из существенных земельных прав представителей высшего сословия в Дагестане»[2].

Получая вместе с землей и политические права и усиливаясь как землевладельцы, беки являлись выразителями центробежных сепаратистских сил. Поэтому феодальные владельцы стремились ограничить рост имущества беков. В «Постановлениях Кайтахского Уцмия Рустем-хана» сказано: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки». Нарушитель изгонялся с семейством из селения, а кто упрашивал оставить такого нарушителя, того дом разрушали[3].

Анализируя данную статью, Р.М.Магомедов писал: «Это очень строгое предписание … Оно целиком направлено против бека, против роста земельной собственности и, следовательно, против усиления политической власти бека … уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал неимоверно быстрый рост бекских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков»[4].

Все сказанное не оставляет никаких сомнений о существовании в Дагестане бекского землевладения как одной из форм крупной феодальной земельной собственности. Между тем в дореволюционной историографии и среди официальных лиц было распространено мнение об отсутствии бекского землевладения. Так, председатель сословно-поземельной комиссии по военно-

---

[1] Гасанов М.Р. Из истории … С.26; Его же. Очерки … С.187.

[2] Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916. С.306.

[3] Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.88.

[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.225-226.

народному управлению Кавказа Сандрыгайло писал: «Беки являлись только правителями народа, их власть и право измерялись силой, а так как сила зависела от количества подвластных, то каждый из них стремился к увеличению числа подвластных». Он утверждал, что в Дагестане в условиях постоянных столкновений и войн «не могло возникнуть понятие о земельной собственности. Земли составляли ценность лишь для поселян (крестьян – Б.А.) и они действительно владели ею». И далее, что касается беков: «Отношения земельные совершенно отсутствовали. Предметом обложения являлась не земля, а рабочая сила, при разделе наследства делилась не земля, а дым подвластных»[1]. Характерное для Кайтага, автор приведенных слов распространяет на весь Дагестан, чем он показал незнание особенностей земельных отношений в различных владениях Дагестана. Но даже если взять Кайтаг, то здесь в собственности беков были разные угодия. В материалах сословно-поземельной комиссии о Кайтаге сказано: **«Беки кайтагские владеют ненаселенными землями; последние, называемые кутанами и ятагами бекскими, за исключением незначительных обычаем установившихся случаев, находятся в непосредственном их распоряжении** (подчеркн. мною – Б.А.). Населенными и ненаселенными землями беки владеют по наследству или по пожалованию от нашего правительства»[2]. Согласно другому источнику: «За хорошую службу уцмий награждал беков подарками, состоящими из вещей и разного рода скота; деревень и земель, ненаселенных уцмий не дарил бекам, они доставались им только по наследству. **Отбирать эти наследственные имения у беков уцмий не мог»**[3] (подчеркн. мною – Б.А.). Дополним приведенное еще одной цитатой из документа о бекском землевладении, где говорится: «Право беков на взимание с подвластных им поселян (раят) различных податей и повинностей в большинстве случаев, – по крайней мере в так называемых селениях, – произошло от того, что **поселяне при водворении своем получили в пользование удобные к обработке земли и воду, принадлежащие уцмию, от которого перешли по**

institute of history.ru

[1] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.139. Л.158-159.
[2] Феодальные отношения … С.185.
[3] Там же. С.184.

наследству к бекам» (подчеркн. мною – Б.А.). Именно за пользование землей беков раяты обязаны были платить им определенную подать различными земельными произведениями и исполнять некоторые натуральные повинности, т.е. проводить сельскохозяйственные работы[1].

Непонятно, чем руководствовался И.Я. Сандрыгайло, когда, например, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» прямо сказано, что ненаселенные земли (кутаны и ятаги) бекские находились «в непосредственном их распоряжении»[2], раньше они «служили … пастбищными местами», а затем беки стали иметь на них «собственные распашки», т.е. пахотные места, которые по участкам отдавали отдельным лицам из подвластных им поселян (раят). Согласно отмеченной «Записке», кайтагские беки имели в собственности кутаны Араб-рамазан, Палаш-кутан, Аджи-кутан[3] и т.д.

О собственности табасаранских беков в источнике сказано: «Земля, находившаяся в пользовании раят, принадлежит бекам, потому что предки их раньше раят заселили ее»[4]. В другом источнике сказано, что «раяты проживали на землях, бекам принадлежащих», и они не имели «право на землю ими обрабатываемую …»[5].

Эти сведения были собраны сословно-поземельными комиссиями и не все их члены рассуждали как Сандрыгайло. Поэтому Комитет по устройству Закавказского края нашел возможным считать «право беков сходным с правами помещиков России и что для спокойствия края было бы удобнее и полезнее не отнимать у беков имения, а на известных условиях подтвердить их права на земли»[6].

Большая работа по выявлению бекского землевладения была проделана Х.-М.О. Хашаевым. «В период движения мюридов, – писал он, – были истреблены многочисленные беки и чанки, потому материал об их земельной собственности, за редким исключением, не сохранился. Тем не менее отдельные данные, до-

---

[1] Феодальные отношения … С.185.
[2] Там же. С.184.
[3] Там же. С.195.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.21. Л.2-3.
[5] Там же. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.8.
[6] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.131.

бытые нами в архивах и путем опроса местных жителей, свидетельствуют, что беки жили во многих селениях Аварского ханства и «вольных» обществ, **владели большими земельными угодьями и что односельчане платили им подати и несли для них повинности**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.). Хорошо о беках Аварии писал Р.М. Магомедов, дав им характеристику и отметив их земельное владение. «Беками, – отмечал он, – назывались у аварцев верхушка класса феодалов после нуцала. Образование института бекства относится к периоду возникновения в Аварии феодальных отношений. Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами. **Бекское землевладение слагалось из земель, полученных по назру и земель, захваченных у общинников**»[2] (подчеркн. мною – Б.А.). Далее он писал: «Внутри ханства, будучи собственниками пахотных и пастбищных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодала и при эксплуатации крестьянского населения применяли методы внеэкономического принуждения»[3]. Он также подчеркивал, что владение беков, сидевших в различных селах Аварского ханства, «состояло из различных сел, пахотных и пастбищных земель, за пользование которыми крестьяне несли определенные повинности».

Остановимся на конкретных примерах по земельной собственности беков Аварии. В «Описании земельных владений, прав и обычаев княжеского рода» селения Гоцатль, где было больше всего беков (32 чел.)[4], их земельная собственность сложилась в результате передачи им различных земель андалальцами, хиндалальцами и хунзахцами «для получения ими пользы» от этих земель. Они находились вблизи Корода, Чина, земли в направлении Хадани, земли в направлении места «Перед голубой скалой; земли, тянувшиеся к месту «ЛъинтIо рагIалде», земли, тянувшиеся в направлении Киркини, земли, тянувшиеся в направлении «ШулалъутIе», земли, тянувшиеся в направлении

[1] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.150.
[2] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.104.
[3] Там же. С.105.
[4] Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (материалы к сессии). Махачкала, 1954. С.151.

ущелья «ЧIамучIалахъ», земли, тянувшиеся в направлении угла озера и т.д.[1] Как сказано в источнике, до Шамиля в селении Гоцо фамилия Авсавур-заби, состоящая в 70-е годы XIX в. из 4-х дворов, владела несколькими домами, пахотными и сенокосными местами и зимними пастбищами у горы Арак-Тау[2].

Наиболее крупными собственниками земли после хана в Аварии были его ближайшие родственники. В 1828 г. Ф.П. Скалон, который был в ханстве, писал, что один из сыновей Сурхай-хана имел в своем владении определенное количество деревень, с которых получал «прежде ясак или подати». Другой сын хана Абу-Султан-Нуцал-хан писал императору Николаю I, чтобы возвратили «принадлежащее ему имение», которое состояло из деревень: Диргиль, Фераваль, Урела, половина деревни Алпаль, 6-ти загородов и 8 гор, а также «принадлежащую … [ему] галлу (хлеб, зерно, продуктовая рента – Б.А.) с деревень Тушь и Мусуль, состоящую из 6-ти мулов, 12 быков и красного бурмета (грубая бумажная материя, привозимая из Персии – Б.А.) с каждой деревни, для того, кто будет послан мною для собирания означенной галлы и ясака»[3]. Р.М. Магомедов, анализируя приведенные данные, писал: «Таким образом, для нас бесспорным является положение, что аварский хан и его наследники (беки – Б.А.) являлись крупными земельными собственниками»[4]. Причем, как отмечал он далее: «основным видом феодального землевладения в аварском ханстве было бекство …»[5]

Согласно сведениям, собранным Х.-М.О. Хашаевым, в 40-е годы XIX в. мюриды сожгли в собственном доме кидибских беков, которых называли «алдамилал» по имени одного из них Алдама, являвшегося седьмым потомком аварского нуцала. По другим же сведениям, кидибские беки были выходцами из аварского ханского дома и жили в Ункратле и Кидибе и происходили из фамилии аликлычевцев[6].

---

[1] Хрестоматия по истории права … Ч.II. С.86-87.

[2] Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.) / Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1. С.127-128.

[3] Там же. С.132.

[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.92.

[5] Там же. С.99.

[6] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.136.

По сведениям, собранным тем же Х.-М.О. Хашаевым, бекам, происходившим из аварского ханского дома, принадлежали земли в Багулале, Чамалале, Тиндале, в частности в селениях Саситль, Сильди, Гако, Кидиб, Хваршины, Митрада и Сухалах. Это общество Ункратль (четыре земли), « … жители этих селений являются выходцами из Аварии и платили кидибским бекам подати за пользование их землей». Как писал Х.-М.О. Хашаев, «земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Аликлыч», от которого и произошли кидибские беки. В 1844 г. дети уничтоженных мюридами кидибских беков обратились с просьбой возвратить им «горы и земли», которые были сначала конфискованы Шамилем, а затем после его сдачи «взяты в казну»[1].

В одном из архивных источников сказано, что правителями Ункратля были князья Амир Хамза и Молачи. Селение Кидиб, Саситль и Сильди они считали своей собственностью и за пользование их землей получали с каждого двора в год по одному барану, по сабе пшеницы и по три рабочих дня работали на них[2]. Значит, зависимое население несло и натуральную, и отработочную ренту, что говорит о том, что беки имели свое хозяйство.

Д.М. Магомедов также писал, что кидибским бекам принадлежали самые лучшие и плодородные земли в Саситле и Кидибе и огромные пространства горных пастбищ – горы Эчеда-меэр и Тулдух-меэр[3]. За пастьбу на этих горах скота беки «от каждой отары овец получали по 10 волухов»[4].

Интересно, что кидибские беки названы и чанками, но в официальных документах они известны как беки и поэтому мы говорим о них в этой части исследования.

Беки имелись и в других местах Аварии. Х.-М.О. Хашаев писал: «Беки и чанки Аварского ханского дома были разбросаны по всей Аварии… Владели они лучшими землями. Беки, извест-

---

[1] Там же. Феодальные отношения … С.278-279.

[2] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.137; Хрестоматия по истории права … Ч.II. С.34.

[3] Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С.113.

[4] Хашаев Х.-М. Общественно-экономический … С.36.

ные как шамхалы, были в Гидатле, Хучада, Анди и т.д. Потомки этих шамхалов и являлись беками, получившими различные земельные угодья. Потомки гидатлинских шамхалов жили в селениях Тилио, Урада, Гинта. Они «владели большими пастбищами в горах, называемых и теперь «Шамхальскими горами», и получали подати от жителей многих селений»[1]. В Гумбете, а затем в Чечне жили потомки аварских ханов, которым принадлежали различные категории земли. Это Турловы или Кучуковы, которых А.-К. Бакиханов называл эмирами[2]. Они имели земли в Мехельта, им принадлежало селение Тлярата, а также большие земельные угодья, в том числе и пастбищное место Цинабакал и гора Тамух. По имеющимся сведениям, Турловы – «гумбетовские беки овладели землями до самого Терека».

Аналогичную, что и в Аварии, картину мы наблюдаем в Казикумухском ханстве. Если в Аварии беки имели различные земельные угодья не только на территории Хунзахского или Аварского ханств, но и в окружающих обществах, то в Казикумухском ханстве земельные угодья беков находились и на территории других народов, присоединенных ханами к своему владению. Это была огромная территория, требующая организованного управления, и поэтому в разных частях владения ханы ставили беков с выделением им и земельных угодий. По данным 1871 г., в ханстве было 74 бека[3], происходивших в основном из ханской семьи. «На захваченных землях, – как сказано в источнике, – ханы назначали своими правителями [и] представителей наиболее состоятельных семей сельской знати. Так, местность «Генитала» была отдана во владение бека аула Мамраш»[4]. Но в основном беками были представители ханской семьи. «Одни из них были детьми хана, другие – братьями и их детьми. Многие из них, как и хан, имели свои пастбища, раят и лагов. Часть из них постоянно проживала в Кумухе … другие сидели в поверенных землях, владея ими наследственно, как это имело место с буркиханскими беками и беками Шуаиб и Исак, которые владели населенными

[1] Хашаев Х.-М. Общественный строй … С.138.
[2] Бакиханов А.-К. Указ.соч. С.90.
[3] ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71. Л.7.
[4] Там же. Ф.134. Д.2. Л.3. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.116.

пунктами в южном Дагестане. Отличались они от кумухских беков тем, что жили в отдалении от хана, **владели землями и скотом, будучи вассалами хана**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.). Представителями ханского дома являлись почти все беки в обществах лезгин Самурской долины, в Кюре и в Агуле. Беки имелись в Кака, Луткуне, Ялахе, от жителей которых получали не только подати пшеницей и ячменем, но и работников для проведения сельскохозяйственных работ, что говорит о наличии у них собственного хозяйства. Каждый житель Луткуна и Ялаха должен был работать в хозяйстве бека по 3 дня в году[2]. Иногда беки собирали дань – маслом, медом, баранами[3]. Земли этих беков на территории Кака в свое время были куплены ханом и в изучаемое время в собственности беков находилось около 20 небольших пахотных участков, лежащих чересполосно с пашнями какинских крестьян. Бекам принадлежали также пастбища Куртай и Олакан-дере в рутульских землях и захваченный на какинской земле участок Перег[4]. Шуаиб-бек в Луткуне имел 4 участка на 5 капанов (1,3 дес.), а в Ялахе – 3 участка на 3 капана (0,7 дес.); сыновья Исак-бека имели в Луткуне 5 пахотных участков на 10 капанов (2,5 дес.)[5]. По другим сведениям, бекский двор Исак-бека имел пахотной земли 10,75 дес., девять дворов бекского поколения Шуаиб-бека какинского – 7 дес.; в других местах они имели пахотной земли 7,5 дес. и 4 пастбищные горы[6]. По более поздним данным, 9 бекских семей имели: пашни – 13,2 дес., покоса – 31,4 дес., пастбищ – 800 дес[7].

В Кара-Кюре имелись беки, происходившие от Камкама. Им принадлежали лучшие пахотные земли – Чияр и Чувухур, «расположенные вокруг аула»[8]. А в Кюре беки появились после переселения сюда сына казикумухского хана – Шахмардан-бека. По официальным данным, беки здесь появились при сыне последне-

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.277-278.
[2] Феодальные отношения … С.170.
[3] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.143-з. Л.5; Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.11.
[4] Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып.II. С.98.
[5] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.79.
[6] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.189.
[7] Феодальные отношения … С.254.
[8] Магомедов Р.М. Дагестан … Вып.II. С.158.

го – Аслан-хане, когда здесь расселились его родственники, переселившиеся из Казикумухского ханства, которые и образовали «сословие беков»[1] в Кюринском ханстве, получившие здесь различные земельные угодья. Так, с 1812 по 1860 г. бекам и приближенным хана было роздано 25 селений, жители которых стали отбывать им подати и повинности[2]. Жители Барбаркента, Бюль-Бюля и Казаркента стали отбывать душарлык (подать хлебом), работать по 9 дней в году, выставлять арбы для перевозки хлеба и сена, доставлять арбу дров, 1,5 фунта масла с коровы, овцу со 100 голов, ¾ фунта меда, обработать ⅔ десятин чалтыка. Беки пользовались для обработки своих полей «эврезом» (взаимопомощь), что на деле стало обычной барщиной. Такие же повинности отбывали и жители Аликента, Магарамкента, Зухрабкента, Бубкента, Хатума, Испика, Махмудкента и др[3].

Беки, происходившие из казикумухского ханского рода, были в Яраге, в Юхари-Яраге было семь домов беков, братьев хана. Беки были в Целягуне, имевшие земли (пастбища) Аббас-кишлах на территории Ханджал-кала и Эрид-дар, на территории нынешнего селения Кукан в Курахском районе[4]. От лакских ханов происходили и беки Гапцаха, которым платили подати жители селений Гапцах, Филя, Кочхюр и Коля.

В агульском селении Буркихан было 5 домов, происходивших из дома казикумухских ханов. Они захватили у сельского общества пастбища Журогда, Чажинус, Урчар-Гьиккатул, Варвурдал, Оьлранах, Хайлил-учас, Мяшинххан и др. Они присвоили и пахотные участки общества Тиригьи, с которых получали около 50-60 мерок зерна[5]. Раяты и даже уздени Буркихана должны были платить бекам ежегодно 8 баранов малых и больших, а также по одному барану с каждого стада. Раяты давали бекам и продукты земледелия и животноводства и выполняли поле-

[1] Феодальные отношения … С.254.
[2] Гидулянов П.Г. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С.67.
[3] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.191.
[4] Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып.I. С.158-160; Его же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып.II. С.86.
[5] Каяев А. Указ.раб. Л.103-104. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.116.

вые работы[1]. Лес целиком принадлежал бекам, за пользование которым и раяты, и уздени должны были по очереди «платить бекам с каждых 12 домов в год 12 баранов»[2]. Бедные общинники работали пастухами и чабанами у беков[3]. Из 11 зимних пастбищ, имевшихся в Буркихане, два были отданы Сурхай-ханом Абдул-Гафурбеку[4].

Беки, происходившие из казикумухского ханского дома, имелись и в даргинском союзе сельских общин Буркун-Дарго. После присоединения его к ханству в XVIII в. ханы захватили ряд земель – у селения Кунки – пастбищные горы Дарксана и Метазмезлахъяб, за пользование которыми кункинцы должны были сначала хану, а затем бекам давать скот[5]. В окрестностях селения Аштыбекам принадлежали земельные участки Калажна, Уркабута и Хана-бута[6].

Много земель в собственности беков находилось на территории самой Лакии. Так, беку Джабраилу принадлежали селения Зугьраб, Хути и Бути. Жители их должны были выходить на один день на сенокошение, один день на сбор сена и один день перевозить сено в дом бека; каждый аул должен был выставить на 15 дней по два человека на уборку урожая; на 15 дней давать своих лошадей для молотьбы урожая бека; каждые две семьи должны были выделять по одной арбе для перевозки пшеницы; каждый, кто сеял на равнине рис (зерно), должен был давать беку по 3 мерки; кто имел корову, давал по 2 истила масла; у кого была пасека – лишался одного истила меда; с каждых 100 голов полагалось по одной овцематке; осенью каждая семья отвозила беку по одной арбе дров[7].

Как видно из приведенного перечня податей, здесь имеются не только натуральные повинности, но и отработочные – работы на бекской земле, т.е. барщина, включающая в себя посев зерновых, уборка урожая, молотьба и доставка зерна в дом бека и т.д.

---

[1] ЦГА РД. Ф.20. Оп.1. Д.18. Л.26-27.
[2] ЦГА РД. Ф.20. Оп.1. Д.18. Л.25.
[3] Агулы. Махачкала, 1975. С.35.
[4] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.3. Л.25.
[5] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.553. С.60.
[6] Магомедов Р.Д. По аулам Дагестана. Вып.II. С.12-13.
[7] Каяев А. Указ.раб. Л.88-89. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.117-118.

Как говорят источники, раятам приходилось даже ездить за строительным лесом в Кюра и Табасаран[1].

Много было беков в кумыкских феодальных владениях, происходивших от шамхалов Тарковских и Султан-Мута Эндиреевского. Это беки (бии) и князья, имевшие земли, полученные по наследству и «назру» (дару) от отца или приобретенные путем покупки и имевшие полный иммунитет в своих владениях[2]. С.Ш. Гаджиева, отмечая наличие в руках кумыкской феодальной знати «огромного фонда земли», которой она полностью распоряжалась, писала и об особенностях бекского землевладения в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве – «здесь феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными порядками, в то время как на Кумыкской плоскости (Засулакской Кумыкии – Б.А.) князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за нами собственности на всю земельную площадь»[3].

В Засулакской Кумыкии, кроме старших князей, остальные князья – это те же самые беки, что и в других феодальных владениях. А их было 10 семей, каждая из которых имела по несколько князей. И в их землевладении имелись свои особенности. Примерно в XVIII в. земля была разделена на участки по числу княжеских родов, которые были отданы в пользование «свободным лицам и чагарам за известную, незначительную в пользу князей работу»[4]. Д.-М. Шихалиев писал, что «каждый род князей» имел собственную землю как бы в удел от первоначального владения Султан-Мута, «по дележу доставшаяся»[5]. Вместе с тем в княжествах имелись, кроме общих, фамильных земель и частные земли биев, только им лично принадлежащие, их неотъемлемая собственность, что подтверждается различными архивными документами о купле-продаже земли и горных пастбищ представителями бекского сословия. В них указаны конкретные князья, кото-

[1] Там же. ЦГА РД. Ф.2. Д.1389. Л.12.
[2] Магомедов Р.М. Общественно-экономический … С.170-171.
[3] Гаджиева С.Ш. Кумыки … С.119.
[4] Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. С.41; Кавказ. 21 октября 1848. № 40.
[5] Там же.

рые продают свою землю, различные угодья – пахоты, пастбища и т.д., различным представителям Салатавии.[1]

На особенность в земельной собственности в Засулакской Кумыкии обратили внимание и авторы XIX в. Н. Дубровин, Ф.И. Леонтович и др. Так, последний писал, что здесь имеется «общее владение, т.е. земли, принадлежащие целой фамилии, и частное, составляющее собственность одного только лица»[2]. На эту особенность обратили внимание и советские ученые. Так, Х.-М.О. Хашаев писал, что в начале XIX в. «кумыкские бии стали собственниками всех земель на кумыкской плоскости: владели они землей совместно и раздельно»[3].

Как и в других владениях, кумыкские беки (бии) увеличивали свои земли за счет захватов чужих земель и в результате получения земель от местных русских властей. Еще Д.-М. Шихалиев отмечал, что засулакские бии постепенно стали занимать земли казаков крепости Святого Креста и Аграханского войска. Князья отдавали эти земли для пастьбы баранов горцам Дагестана, так же как и пастбища в Салатавии. «Каждый кутан или каждая гора могла кормить от 3 до 6-ти тыс. баранов, и каждый из этих угодий стоил откупщикам не менее 50 баранов годовалых и 12-ти кусков сыра весом в 12 футов каждый»[4]. Это были общие, фамильные кутаны кумыкских князей (биев).

Остановимся на ряде примеров о передаче земель в собственность биев со стороны местных властей. Так, Алишу Хамзину русское правительство пожаловало земли костековских князей Бурчиевых, которые изменили России, сохранив родовые земли близ Эндирея[5]. В указе императрицы Анны, данной Алишу Хамзину, сказано, что «пожалован Андреевской деревни Али-бек Хамзабеков сын в деревне Костек командиром, которому повелевается через нас, чтобы он всех своих узденей, да Гиреевских узденей и против той деревни прежних обывателей и вновь, ежели кто в той деревне селица пожелает ласково принимать и поселять

---

[1] ЦГА РД. Ф.147. Оп.4. Д.34-а. Л.3-4, 43, 45, 48, 53; Д.41-а. Л.44, 46.

[2] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып.2. С.189-190.

[3] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.201.

[4] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.43-44.

[5] Там же.

и множить и той деревни всякими угодьями: поляны, сенными покосами и лесом и водами ему Алиш-беку владеть, как Гирей владел …»[1].

Другой эндиреевский бек – Казий Темиров, получил разрешение от князя Потемкина основать селение Кази-юрт, который присвоил себе и окружные пустопорожние земли[2].

А.С. Акбиев, опираясь на показания различных беков о том, что у них земли были общими – фамильными, пишет, что основной формой собственности на землю в Засулакской Кумыкии была фамильная собственность князей на землю. Но не это вызывает возражение. Да, когда-то это было так, но для XVIII-XIX вв. утверждать это неверно, неверно как пишет он: «Личной владельческой земли фактически не существовало …»[3]. Как же быть с приведенными выше примерами о наличии личных земель беков в Салатавии? Как быть с примерами жалования биям земель русскими властями? Конечно же, эти примеры говорят об обратном, чем приведенное утверждение А.С. Акбиева.

Беков много было и в Тарковском шамхальстве. Следовательно, много было здесь и бекских земель. Как и шамхалам, бекам «принадлежали лучшие земли и оросительные канавы. Многие шамхальские беки имели десятки тысяч десятин земли»[4]. Это отдельные угодья (пахоты, сенокосы, горы) и населенные пункты. Так, согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, геллинским бекам принадлежали пахотные земли Айтун-Тубе и Камуш, а также горы Гели Курти и Ума-Тау[5]. Кумыкские беки сел. Эрпели имели в собственности горы Верхний Гулебет и Шахмай Бутан[6].

В начале XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что в Тарковском шамхальстве «большие деревни и из малых несколько вместе розданы сыновьям шамхальским и нескольким знатным людям дагистанского народу для содержания»[7]. Он же отмечал, что

---

[1] ЦГА РД. Ф.236. Оп.1. Д.2. Л.3. Акбиев А. Кумыки … С.53.
[2] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.34-35.
[3] Акбиев А. Кумыки … С.54.
[4] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.209.
[5] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.163. Л.32
[6] Там же. Л.27.
[7] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.71.

«еще до дального определения (еще издавна – Б.А.) доходы допущено брать сыновьям шамхальским и другим владельцам»[1]. В конце XVIII в. Д.И. Тихонов писал, что в местечке Буйнак «шамхалова сын пребывает»[2]. Описывая состав шамхальства, он писал, что они «имеют своих князей (беков – Б.А.) и узденей (уллуузденей – Б.А.), которым должны жители один день на лето работать, хлеб пахать и прочее … сыну его Махтию работают, то же самое и жители буйнакские»[3]. Отмечал Д.И. Тихонов принадлежность бекам зимних пастбищ-кутанов, которые они, как и сам шамхал, отдавали «на зимнее время горским жителям в найм по договору»[4].

Сохранился ряд конкретных сведений о передаче земель шамхалом различным родственникам и «знатным людям». Так, основанное в XVIII в. шамхалом Мехти селение Шамхал-Янги-Юрт было отдано в управление одному из беков с правом пользования повинностями с жителей и доходами с кутана Алагез[5]. Многие земельные участки и населенные пункты шамхалы дарили своим родственникам по назру. «За владельцами всегда было право дарить земли по их усмотрению в потомственное или пожизненное владение. По сведениям сословно-поземельной комиссии, в 1735 г. шамхал Тарковский подарил своему внуку Амал Магомеду селение Харкас и Верхнее Казанище с прилегающими к ним горами, а также три кутана в Чанкаке под названием Хайдак, Сурхай и Чикянак и селение Юхари-Таркали со всеми прилегающими к нему землями, которые назывались Таркали-Овлак или Кокрек до Темир-Кою, и до самого Уй-Сограл-Тюбе[6]. Известно также, что в начале XVIII в. владетелем Губдена был дядя шамхала Тарковского Муртазали[7].

---

[1] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.71.
[2] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.129.
[3] Там же. С.130.
[4] Там же.
[5] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.93. Л.3.
[6] Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.163. Л.39; Д.192. Л.65, 69; Д.194. Л.20.
[7] Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г.Гаджиевым из АВПР // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.3141. Л.12.

Эти примеры доказательство того, что владелец мог по назру дарить земли, кому хотел. Как писал М.М. Ковалевский: «Путем таких дарений при жизни «назру» исполнял то же значение, какое в других странах принадлежит завещанию». Причем он подчеркивал, что даритель – «дагестанский отец», вопреки установленному законодательству о наследовании, мог дарить земли, кому хотел. Он мог «дать дочери равные с сыновьями доли или совершенно обойти их и передать все имущество внукам, сыновьям, дочери. Он может также обделить сестру в пользу ее сына – племянника и на самом деле часто это бывает. Он может дать доли в наследство при живых сыновьях внуку, отец которого умер до открытия наследства …» и т.д.[1]

Получив земли по наследству или назру, беки становились полновластными собственниками. Вместе с землей беки получали и все феодальные права на нее. Земли беков становились их полной собственностью. «Так как в Дагестане место завещания занимает дарение, – писал М.М. Ковалевский, – и так как **дарить можно было только в собственность** (подчеркн. мною – Б.А.), то понятным становится происхождение следующего правила; лицо, передающее кому-либо свое имущество, не может стеснять его воли в распоряжении этим имуществом …»[2]. В отношении кумыкских беков Р.М. Магомедов писал, что они «пользовались полным иммунитетом в своих владениях»[3], «земельные наделы, аулы, которые отводились или давались им по завещанию от шамхалов, являлись наследственными»[4], «шамхал не назначал и не смещал беков». «Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену»[5].

Размеры владений беков шамхальства были разные, не одинаковые. Так, в селении Гелли было 10 домов беков – 9 из шамхальского дома, один – из рода карачи-беков. Беки, эти пользовались не одинаковыми доходами. Из 400 геллинских дворов 10

[1] Ковалевский М.М. Указ.соч. Т.2. С.211-212.
[2] Там же. С.211.
[3] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.171.
[4] Там же. С.194.
[5] Там же.

дворов отбывали повинность шамхалу, 200 дворов – 9 бекам и 100 дворов – карачи-бекам[1].

Приведем другие примеры бекского землевладения и повинностей, которые несли им зависимые крестьяне в шамхальстве. Кумторкалинским бекам принадлежали селения Кумторкала и Верхнее Казанище, с которых получали повинности, и четыре кутана[2]. Им принадлежали земли Яр-Туб, Айвоз, Хамтуб, Истису, Курган-ер, Оразган-ер, которые находились в их собственности издавна. Вблизи Темир-Хан-Шуры они же имели земельные участки Богдат-Тала, Костерек-Тала. Очакан-Тала, Халим-Тала и Лее[3]. Как писал В. Линден, кумыкские беки сосредоточили в своих руках значительную часть Кумыкской плоскости и поставили большинство населения последней в поземельную зависимость от себя[4].

Сохранились отдельные сведения о бекском землевладении в Мехтулинском ханстве. Известно, например, что брат мехтулинского хана Ахмед-хан-Аджия, Али-Султан-бек, отказавшись от престола, «взял в удел четыре деревни. Это селения Дургели, Кака-Шура, Параул и Урма, которые после смерти Али-Султан-бека по требованию его сына-правителя Аварии Султан-Ахмед-хана перешли в его собственность. Сын мехтулинского хана – Ахмед-хан, став мехтулинским ханом, имел во владении 10 деревень. Когда в 1834 г. брат его Али-Султан, служивший в России, вернулся на родину, Ахмед-хан дал ему в удел селение Кака-Шура. А после смерти наследника Аварского ханства, малолетнего Султан-Ахмеда, из записанных за ним 3 деревень (Дургели, Параул и Урма) дагестанское начальство передало Али-Султану деревню Дургели с «несколькими» кутанами. Побочному сыну последнего аварского хана Мирза-беку был отдан один кутан (Айляма), «который бы доставлял ему средства для существования»[5]. Известно также, что сын последнего мехтулинского правителя Ахмед-хана – Шахназар – владел двумя горами Гулебек-Тау,

---

[1] Там же. С.171.
[2] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.19. Акбиев А. Указ.соч. С.49.
[3] Там же. Ф.2. Оп.5. Д.28. Л.33-39-об.
[4] Линден В. Указ.соч. С.272.
[5] Феодальные отношения … С.36-41.

кутаном Аданак и одним кварталом в селении Дженгутай, известным под названием Алихан-аул[1].

О бекском землевладении в Кайтагском уцмийстве сохранились сведения сословно-поземельной комиссии. Они говорят о том, какие беки и в каких селениях правили, какие земельные угодья им принадлежали. И в Кайтаге беки получали земли от уцмия как близкие родственники. В одном из документов сказано: «Беки составляли высший класс населения в Кайтаге; все кайтагские беки происходят от рода уцмия … Беки кайтагские владеют населенными и ненаселенными землями, которые находятся в их наследственном владении. Поземельная зависимость поселян выражается в обязанности платить бекам определенную подать с различных произведений и в исполнении некоторых натуральных повинностей. Имения беков переходили по наследству. Наследникам женского пола выделяется лишь часть движимого имущества»[2].

Получив в наследство ненаселенные земли, как и сам уцмий, беки сдавали их в аренду как зимние пастбища горным обществам, в особенности Верхнего Кайтага и Акуша-Дарго. Но со временем беки стали разводить на этих землях и свое хозяйство, как сказано в источнике, они имели здесь и «свои распашки». Сдавались эти земли и раятам-терекемейцам за известные подати.

instituteofhistory.ru

Известно, что в 1820 г. была ликвидирована должность уцмия как правителя Кайтага. После этого в результате предоставления бекам разными «начальствующими» лицами России земельных угодий, лесов и населенных пунктов бекское землевладение в Кайтаге сильно расширилось. Так, в 1820 г. Ибах-бек получил от А.П. Ермолова селения Деличобан и Шахбаз «со всеми их пастбищными местами и выгонами, которые раньше принадлежали Султан-Ахмед-беку. После смерти в 1826 г. Ибах-бека его владение перешло к его детям. В 1826 г. Хан-Магомед получил в управление селения Великент, Салик и Хан-Мамед-кала. В 1831 г. Джамав-бек получил «во владение» селения Карадаглы, Падар и Татлар, а также «кишлеги» Кеджух, Казым-карт, Дашки-

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.171.
[2] ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.8; Феодальные отношения … С.185.

чи, Усми-кутан, Акперек, Уллу-истису и Палаш-кутан «со всеми принадлежащими к ним доходами». В том же году Джамав-беку были переданы в управление его вместе с братом и племянниками, детьми Хан-Магомед-бека, еще селения Салик, Кала, Джемикент и Янгикент и два участка ненаселенной земли. Еще при жизни Джамав-бек выделил из своего владения племяннику Ахмед-хану две деревни – Падар и Татлар и три участка ненаселенной земли: Кезучали, Алвачи и Араб-Рамазан, остальные имения Джамав-бека затем перешли к его сыновьям Амир-Чопану, Шамсул-вара, Гебеку и Мехти. Во владении Гатам-бека и Талгат-бека находились селения Чумли и Деличобан и 6 участков ненаселенной земли. После его смерти они перешли во владение его племянника. Во владении вдовы Искендер-бека, Хаджи-ханум-бике, находились по несколько дворов подвластных поселян и один кутан, доставшийся по наследству. Во владении Абдула-бека с братьями находилось селение Татлар «по несколько дворов подвластных поселян в других селениях и два ятага, доставшиеся им по наследству, из которых один кутан куплен отцом их, Казай-беком»[1].

Из приведенных сведений видно, что одними и теми же селами владели разные беки. Это объясняется тем, что русские власти меняли их владельцев, взамен одних сел им выделяли другие. Но и до присоединения Кайтага к России бекам принадлежали отдельные села, на что было обращено внимание и выше. На это указывал в конце XIX в. и Д.И. Тихонов, писавший, что «некоторые» села имеют «узденей, а другие и князей» или «каракайтаки зависят от своих князей и узденей»[2].

За земли, которые находились в пользовании раятов, кайтагские беки получали подати и им несли повинности. Но при этом основанием была не сама земля, обрабатываемая раятами, и численность последних, а количество рабочего скота, впрягаемого в плуг. «Нигде, – сказано в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», – быть может, степень благосостояния землевладельца – бека не была с такой очевидностью тесно связана с благосостоянием его подвластных, как здесь (Кайтаге – Б.А.), ибо доход,

[1] Феодальные отношения … С.235-239.
[2] Тихонов Д.И. Указ.соч. // ИГЭД. С.133.

полученный им, зависел не столько от количества земли, находящейся в его владении, сколько от числа подвластных поселян и имеющегося у них рабочего скота, так как подати и повинности раят распределялись не по дворам, а по количеству имеющегося рабочего скота»[1]. Поэтому в Кайтагском уцмийстве, как и в Табасаране, земли, полученные по наследству беками, «делили между собой по числу дворов или душ мужского пола, принимая во внимание самостоятельность раят, которые находились в прямой зависимости от раятской земли»[2].

Широко было распространено бекское землевладение в феодальных владениях Табасарана, так как здесь было два феодальных владетеля – майсум и кадий, которые имели многочисленных родственников, являвшихся их наследниками, получавших от них земли и села. Поэтому не только феодальные владетели, но и беки, как об этом пишет и специалист по истории Табасарана М.Р.Гасанов, имели в собственности «крупные пахотные земельные участки»[3]. Сами беки, как и повсеместно, не вели крупного барщинного хозяйства, отдавали земли в пользование раятам, за что последние обязаны были отдавать бекам часть урожая. В архивном документе сказано: «Земля, находящаяся в пользовании раят, принадлежит бекам, потому что предки их раньше раят заселили ее»[4]. В другом архивном документе сказано, что «раяты проживают на землях бекам принадлежащих», но что интересно – раяты имели право продажи находящихся в их пользовании земель, но только «жителям своего же селения, кроме того, как сказано в источнике, раяты лишены права перехода из одного селения в другое без согласия бека и обязаны при подобном переселении оставлять в пользу последнего все свое недвижимое имущество»[5].

Как и повсюду, бекское землевладение в Табасаране не было неизменным. Оно и увеличивалось за счет захвата общинных и личных земель, и в то же время уменьшалось в результате де-

---

[1] Феодальные отношения … С.187-188.
[2] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.2. Л.90.
[3] Гасанов М.Р. Из истории Табасарана … С.26; Его же. Очерки истории … С.187.
[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.4-б. Л.3.
[5] Там же. Ф.90. Оп.2. Д.21. Л.2-3.

лежа ее между наследниками. Увеличивалась бекская земельная собственность и в результате присоединения выморочных и других земель. «И в Табасаране, – сказано в одном архивном документе, – мюльки, оставшиеся от выселившихся или бежавших и изгнанных с семейством, хотя бы у них оставались ближайшие родственники, имеющие право на наследование их имущества, а также от умерших без наследников мужского или женского пола, всегда поступали в пользу бека»[1].

На основе анализа имеющихся сведений по бекскому землевладению в Табасаране М.Р.Гасанов пришел к выводу, что «развитие феодальных отношений в Табасаране было связано с ростом бекской собственности на землю»[2].

И на самом деле, как показывают имеющиеся сведения, бекство в Табасаране, подобно в других феодальных владениях Дагестана, было широко распространено и оно постоянно пополнялось как за счет наделения земельными угодьями беков-родственников майсума и кадия, так и наделения беками землей своих родственников. Здесь уместно привести сведения Ф.Ф. Симонович, относящиеся к концу XVIII в. Он писал, что майсумство и кадийство «заключают в себе других (кроме майсума и кадия – Б.А.) частных временных владельцев, братьев и сродственников настоящих владельцов, как-то: Масумово, Мустафы бека, шамхала, Али-Гули масума» и далее: «к кадиеву Табасарану принадлежат частные временные владения Махмуд, бека, Магомет бека и Мурза бека»[3]. В другой работе, посвященной описанию Табасарана, Ф.Ф. Симонович уточняет родственные отношения указанных беков к майсуму и кадию: Али-Гули масум – это двоюродный брат майсума, остальные, видимо – братья майсума и кадия[4], которые, получив от них земли, конечно, имели своих детей, которые также получали земли от своих отцов и управляли разными селами бекства, точно так же, как и их отцы. Мустафа бек был в Карчаге, шамхал – в Чулате, Али-Гули масум – в Хореке, Махмут бек – в Хоменди[5].

---

[1] Там же. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.8.
[2] Гасанов М.Р. Указ.соч. С.26; С.187.
[3] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. С.152-153.
[4] Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. С.199.
[5] Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. С.153.

По сведениям начала 30-х годов XIX в., в Нижнем Табасаране было 7 магалов, из них один принадлежал Аслан-хану Кюринскому, два – наследнику майсума Ибрагиму Карчагскому, остальные четыре – принадлежали бекам из фамилии кадия Муртазали[1].

О земельных владениях табасаранских беков мы можем судить и из их же показаний. Так, южнотабасаранский бек Ших-Али-бек-Кирхляр-Куси-Майсум-оглы показал, что беки имели при селениях свои мюльки, которые «они купили у раят или достались им после смерти раят, не оставивших наследников, или бежавших». Другой бек – Мустафа-бек Карчагский также показал, что беки «имеют свои отдельные участки, которыми пользуются сами»[2].

Подати и повинности раят, которые обязаны были бекам за пользование их землями, в Табасаране были высокие, количество их было больше, чем в других феодальных владениях Дагестана, причем беки могли их менять и повышать по своему усмотрению, часто они зависели от произвола бека. Председатель Комиссии по сословно-поземельным делам в частях Кавказского края 1 февраля 1900 г. писал: «Что касается податей и повинностей, отбываемых табасаранскими раятами в пользу беков, то в прежнее время определенный размер был установлен только для хлебной подати, в одних селениях Северной Табасарани уплачивался по количеству рабочего скота (как в Кайтаге – Б.А.), в других же, а равно во всех раятских селениях Южной Табасарани, – подворно, независимо от пространства надела или числа рабочего скота пшеницей от одной до двух саб. Работ же раяты обязаны были отбывать столько, сколько понадобилось бы беку для его хозяйственных потребностей, лишь соблюдение своих собственных выгод сдерживало в этом отношении чрезмерные требования беков в тех пределах, которые давали бы раяту возможность вести и свое собственное хозяйство»[3]. Последнее говорит о том, что беки вели

[1] Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С.314.
[2] Феодальные отношения … С.150.
[3] ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.3. Д.101. Л.144. Хашаев Х.-М. Общественный … С.198.

и свое собственное хозяйство, и раяты должны были работать на бека неопределенное число дней.

Беки Табасарана, являясь управителями различных его частей, из года в год увеличивали подати и повинности, пользуясь их неопределенностью. «Феодалы: майсум, кадий, их потомки, беки и чанки, – писал Х.-М.О. Хашаев, – были собственниками земельных владений, имели власть не только над крепостными раятами, но и над узденями Табасарана. Крепостные крестьяне-раяты, имея свое мелкое хозяйство, живя на землях, захваченных беками, обязаны были … платить подати и отбывать повинности во все более увеличивающихся размерах»[1]. Подати бекам были разнообразные. Среди них: подать хлебом, подать чалтыком, подать с марены, подати орехами, виноградом, сеном и саманом, солью, повинность работами, подать с предметов хозяйства и промышленности, дровяная повинность, арбяная повинность и т.д.[2]

В Рутуле в XIX в. было 15 семей беков, которые имели около 60 дес. удобной земли и 27 кишлаков, на 4940 овец[3]. О рутульских беках, их земельной собственности интересный материал собрал доктор исторических наук З.Ш. Закарияев. Некоторые выявленные им имена рутульских беков отсутствуют в их генеалогической таблице, составленной в 1873 г. наибом Рутульского магала Хасан-хан-беком. Так, в эпитафии Султан-бека сына Ахмед-бека … говорится о том, что он владел «многими несметными богатствами, не поддающимися подсчету, и среди них – триста лошадей». «Это прямое указание, – отмечает З.Ш. Закарияев, – принадлежности Султан-бека к имущественной элите Рутульского магала и демонстрация степени имущественного расслоения в Рутуле в начале XVIII в.»[4]

Как и в других дагестанских феодальных владениях, и беки Илисуйского султанства имели свои земельные угодья. Это и от-

[1] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.198.
[2] Феодальные отношения … С.158-162.
[3] ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.142-з. Л.128; Д.142-з. Л.93. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.190.
[4] Закарияев З.Ш. Социально-экономическое и культурное развитие Дагестана в XI-XIX вв. (по данным эпиграфических памятников на арабском языке): Автореф. дис. … д-ра ист. наук (рукопись) С.61.

дельные населенные пункты, и земельные участки – пахоты и сенокосы. Из трех типов беков земли имели только два типа – это беки, члены султанской фамилии – «бекскими правами пользовались исключительно сыновья султана или других беков от «законных» жен бекского происхождения, тогда как сыновья от наложниц или жен «низкого» происхождения не получали звания бека»[1]. Второй тип беков – это наследственные беки «из других фамилий, цахурских, тюркских, обязанных службой султану – в войске и при дворе»[2]. Эти две группы беков и «получали от султана во владение кешкельные села или части их (нередко только отдельные кешкелы), закреплявшиеся наследственно»[3]. Третья группа беков – это беки не «знатного» происхождения, которые не владели кешкелями.

Во владении илисуйских беков находилось 14 селений: Абахло, Кичак-Котукло, Узун-Тала, Кара-Тала, Аманло, Кайсарло, Кипчак, Казмаляр, Дехми-Дагельды, Шахляр, Аламло, Байдарло, Онджало и Тахтанум, расположенные на юге султанства. Кроме этих сел, девяти бекам принадлежало еще 30 дымов в Кахе-ингилойском[4].

Собственность беков была разная – одни из них имели в собственности целые селения, а другие – только отдельные кешкели. Так, в первой трети XIX в. беку Хаджи-ага принадлежало селение Фистихло (40 дымов), бекской фамилии Али-Султан-Ушаги принадлежали селения Аманло и Кайсарло (31 дым). В то же время многие беки владели немногими кешкелями. Так, селение Ибахло (всего 27 дымов) принадлежало 15 бекам, селение Казмаляр (40 дымов) – 17 бекам и т.д.[5] Это примеры того, как в Илисуйском султанстве, подобно в княжествах Засулакской Кумыкии, существовала фамильная собственность феодалов. И второе, что выходит из этих примеров – разное экономическое положение беков, что было основой и их разного политического положения. Конечно, владельцы нескольких сел занимали более высокое положение в обществе.

---

[1] Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества … С.77.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С.79.
[5] Там же. С.77.

Кешкелевладельцы за пользование их землей получали подати, и зависимое крестьянство несло повинности. Причем в разных селах они были разные. Но в целом кешкельные подати заключались в ежегодных взносах: хлеба, шелка, винограда, самана, фруктов. Это натуральные повинности ингилойцев и мугалов, являвшихся зависимыми крестьянами. Барщины, как таковой, в султанстве не было – «беки не вели своего отдельного хозяйства. Бекам, как кешкелевладельцам, принадлежали сравнительно небольшие усадьбы и участки земли, работы на которых производились домашней челядью, иногда с помощью бедняков-гулхадаров Дагестана, нанимавшихся за ничтожную плату»[1].

Как и повсюду, илисуйские беки стремились, в особенности в XIX в., увеличить феодальные повинности, что прослежено в материалах Закатальской сословно-поземельной комиссии. В показаниях представителей различных сел прослежено и повышение различных податей, и в то же время хорошо отражено кешкельное владение беков. Так, в показаниях поверенных селения Байдарло сказано, что 9 кешкелей принадлежало Халил-беку, 5 кешкелей – Алхас-беку, 9 кешкелей – Паша-беку и Султан-беку, 8 кешкелей – цахурам Рустам-ага, Ташим-ага и Юсуф-ага[2]. Согласно другим сведениям, тюркские (мугальские) селения Аманло и Кайсарло принадлежали бекам из фамилии Али-Султан-Ушаги – вассалам илисуйского султана, потому им вносили ежегодно от 5 до 19 чанахов хлеба с каждого кешкеля, выполняя в то же время и другие повинности. В русских источниках эти беки названы «законными помещиками»[3].

Беки и бекское землевладение были и в ряде сел союзов сельских общин, в обществах, которые не входили в состав феодальных владений и считались независимыми. Обычно это происходило или в результате захвата общинных земель, или в результате переселения в независимые общины представителей правящих ханских родов, или назначения феодальными владельцами правителями отдельных обществ союзов сельских общин, входивших в состав феодальных владений, их различных родственников. Так, И.Д. Тихонов, а затем капитан генштаба Пру-

[1] Петрушевский И.П. Указ.соч. С.80.
[2] Там же.
[3] Там же. С.81.

шановский писали о зависимости от уцмия Кайтага союза Каба-Дарго[1], в результате чего в селениях Викри, Мургук, Дейбук, Меусиша появились беки, как феодальные правители, имевшие здесь свои земельные угодья. Так, во владении мургукских беков находились земли в местностях ЛагхIяри (3 га), БекIазила (20 га)[2] и т.д. Пахотные участки мургукский бек покупал у мургукских и башлинских узденей и они являлись его собственностью (мюльками)[3]. Уздени Мургука «работали всегда два дня, один день пахали и один день жали на его полях»[4]. Причем бек, как старшина Мургука, получал половину штрафов, взимаемых за различные преступления[5].

В другом селении Викри, входившем в Каба-Дарго, согласно имеющимся сведениям, в 40-50 годах XVIII в. беком был Буржум. В 1200 г.х. (1785-1786 гг.) викринцами правили Шамхал-бек, затем его сын Умар-бек. Викринцы несли натуральные повинности и проводили работы на землях бека – должны были «косить, возить дрова в один день, пахать землю в один день, убирать урожай в один день»[6]. Эти повинности были возложены на викринцев еще в XVII в. при сыне Рустам-хана уцмия – Гирей-беке, который был первым викринским беком, когда он перевел жителей разрушенных сел Айша, Шилахъяб и Ханкаджи в селение Викри. О землях беков в «Записи о прошлом селения Вихри …» говорится: «Граница … селения Викри с селением Гулли, а также граница территории, находящейся под властью викринских эмиров, начинается от рва-*хандаке* и идет до крепости Нихав; вся эта территория находится во власти эмиров селения Викри». У беков были и другие земли, о чем мы узнаем из той же «Записи», где сказано, что «местность Каршураха (Хъаршурагьа), доходя

[1] Тихонов И.Д. Указ.соч. // ИГЭД. С.131; РГВИА. Ф.ВУА. Д.6512. Л.81. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.180.
[2] Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. … Махачкала, 1972. С.114.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.1.
[4] Там же.
[5] Там же. Л.2.
[6] Материалы по истории Кайтага; Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII-XVIII вв. // Конференция молодых ученых. Тез. докл. Махачкала, 1982. С.61-62.

вплоть до селения Айша, они – викринские эмиры (?) подарили селению Цизгари»[1].

Викринцы в своих показаниях подтвердили, что они свидетельствуют и полностью признают, что Албури-бек (запись сделана в 1863-64 гг.) «происходит [с обеих сторон] от наших чистых по крови эмиров, тех, которым служили наши самые отдаленные предки»[2]. Как отметили выше, первым беком Викри был сын Рустам-хана, Гирей-бек, после которого селением Викри управляли Буржум, Айди-бек, Мухаммед-бек, Умар-бек, Шамхал-бек, скончавшийся в 1208 г.х. (1793-94 гг.). После Шамхал-бека викринским беком был Албури-бек, затем Айдемир-бек (умер в 1264 г.х. (1847-48 гг.) и Албури-бек II.

В прошлом беки были и в Уркарахе, которым принадлежала гора Хурцима (кроме других земель) – рядом с селением Меусиша, за пользование которой талхъан брал с каждой коровы по килавна (400 гр.) масла[3]. Уцмий Кайтага поставил правителем талхъана (бека) в независимой общине – Мюрего, который был выгнан недовольными мюрегинцами.

Особенно много было беков казикумухского ханского рода в независимых селах кюринцев, которые появились в них после назначения кюринским ханом Аслан-хана. До него в Кюре вообще не было беков[4], в частности при Шахмардан-беке, ставшим здесь правителем в конце XVIII в. с помощью Фатали-хана. Аслан-хан был сыном Шахмардан-бека и как бы продолжил правление отца. В исследуемый период в Кюринском ханстве было 12 зависимых от беков селений. Это Загараб-кент – 80 дымов; Буткент – 64 дыма; Хтум – 62 дыма; Магарамкент – 72 дыма; Койсун – 118 дымов; Целягун – 114 дымов; Бар-Бар-кент – 4 дыма; Бюль-Бюль-кент – 80 дымов; Газыр-кент – 22 дыма; Аликент – 127 дымов; Махмуд-кент – 83 дыма и Испик – 108 дымов[5]. Далее в источнике сказано, какому беку сколько сел принадлежало. Первые три селения зависели от наследников Джафарали-бека, 4, 5 и 6-е – в зависимости племянника Аслан-хана, дочери родного его брата Гасан-Али, Фатима-Бики с родственниками; 7,

[1] Хрестоматия по истории права … Ч.1. С.117-118.
[2] Там же. С.119.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967 г.
[4] Феодальные отношения … С.166, 250.
[5] Там же. С.167.

8 и 9-е – в зависимости наследников Гарун-бека Тагир-бек-оглы; 10-е – в зависимости наследников Сеид-бека Гаджи Яхья-бек-оглы; 11-е – в зависимости Джафар-бека, сына Агалар-бека и 12-е – в зависимости Ибрагим-бека, сына Махмуд-бека[1] …

Когда Аслан-бек стал правителем Кюринского ханства, а за ним и другие ханы «пользовались и распоряжались находящимися в Кюринском ханстве свободными ханскими землями … На этих землях ханы, а потом управляющие ханством из беков, родственников – кюра – казикумухского ханского дома производили разные для себя посевы хлеба и марены, косили сено, пасли свои стада рогатого скота, табуны лошадей и баранов и по своему усмотрению раздавали земли в пользование разным частным лицам временно за доход, по обычаю, и без дохода в потомственное пользование»[2].

Повинности 12 зависимых от беков селений заключались в следующем: в пшенице и ячмене «со всякого имеющего состояние, или посевы, или пару рабочего скота, – от 2 до 9 руб.». «За посевы хлеба на низменных местах … – пшеницы, ячменя, чалтыка и прочих злаков – в селениях Заграб-кант, Бут-кент, Хтун, Бар-Бар-кент, Бюль-Бюль-кент, Газыр-кент, Али-кент, Махмуд-кент и Испик посевщики дают по 3 рубе (руб., руп. – мера сыпучих тел = 1,5 пуда пшеницы или 1,5 пуда ячменя. Лезгинская руба = 9 пудам пшеницы – Б.А.), а деревни Магарамкент, Койсун и Целянг (Целягун – Б.А.) ничего не дают». В Магарамкенте, Койсуне и Целягуне отбывали «подати произведениями промышленности (т.е. изделия ремесла и домашнего производства)». «Во всех двенадцати деревнях существует до трех арб с двора и по одной арбе дров со двора» с пищей хозяина во время жатвы»[3].

В 1847 г. наместник Кавказа князь Воронцов «входил с ходатайством», чтобы бекам казикумухским и кюринским, происходящим из ханской фамилии, за их заслуги пожаловали в потомственное владение еще 19 деревень Кюринского владения и «независимо того еще земли из казенной или так называемой ханской, на тех же правах потомственного владения»[4].

institute of history.ru

---

[1] Феодальные отношения … С.167.
[2] Там же.
[3] Там же. С.168.
[4] Там же. С.169.

Из всего приведенного действительно видно, что в феодальных владениях Дагестана бекское землевладение было широко распространено. Оно в основном охватывало пахотные участки и горные пастбища, что было характерно для Нагорного Дагестана, для плоскостной части – пахотные земли и зимние пастбища. Особенностью бекского землевладения, как одного из видов крупного феодального землевладения, в княжествах Засулакской Кумыкии и в Илисуйском (Цахурском) султанстве было наличие и преобладание ранее исследуемого периода фамильной собственности.

3. Среднее и мелкое частное (мюльковое) феодальное землевладение

Кроме беков (а также чанка-беков и чанков), у кумыков были еще так называемые карачи-беки. Если первые – это представители шамхальского рода, то карачи-беки являлись в изучаемый период потомками древнего привилегированного сословия, выделившегося из местных племен, а затем, в связи с арабскими завоеваниями, потерявшего былое положение. По мнению Д.-М. Шихалиева, термин «карачи» является древнейшим кумыкским словом, означающим «смотритель» или «разбиратель»[1]. Он также писал, что карачи-беки находились в Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каранае и Ишкарты и разъяснял, что они являются потомками «туземных (т.е. местных – Б.А.) князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных»[2] В «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане», составленных в 1829 г., сказано: «Судя по многочисленности карачи-беков, род их должен быть действительно весьма древним, но, размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с давнего времени мало разнится от положения простолюдинов»[3].

---

[1] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.45.

[2] Там же. С.45-46.

[3] ЦГА РД. Ф.12. Оп.2. Д.16-а. Л.2; Д.72-а. Л.3; Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Вып.I // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып.XX. С.12; Линден В. Указ.соч. С.288; Османов Г.Г. Указ.соч. С.141.

Кроме перечисленных выше сел, карачи-беки имелись и в Утамышском султанстве (ХIямур – Дарго или Гамринский магал). В источнике сказано: «Гамринский магал представлял прежде отдельное и независимое владение под управлением бека по фамилии Карачи, из которых старший в роде был правителем всего магала»[1].

Описанное положение карачи-беков было предопределено их экономическим положением, когда они являлись собственниками больших земельных угодий. Конечно, в изучаемое время карачи-беки не были крупными землевладельцами, хотя имеются отдельные примеры о наличии в собственности некоторых из них и довольно крупных владений, что дало основание считать карачи-беков крупными земельными собственниками. На наш взгляд, отдельные примеры не основание для такого утверждения, и карачи-беки на самом деле были средними, а во многих случаях даже мелкими землевладельцами, имеющими в собственности такие же участки земли, как и обыкновенные общинники. Но среди карачи-беков (еще раз повторюсь) были и довольно крупные землевладельцы, ставшие ими по разным причинам. Х.-М.О. Хашаев писал о принадлежности карачи-бекам и в изучаемое время некоторых кутанов и пастбищных гор, которые находились «в исключительном владении этих беков»[2].

Останавливаясь на образовании земельной собственности карачи-беков, он отмечал, что еще до прихода шамхалов они «успели захватить значительные земельные массивы» и в изучаемое время «пользовались привилегиями наравне с шамхальскими беками»[3]. Согласно имеющимся сведениям, из 10 домов беков селения Гелли 9 домов были из шамхальского рода, один – из рода карачи-беков. Из 400 геллинских дворов 100 дворов отбывал повинности карачи-бекам, в то время как остальные: 100 дворов – самому шамхалу и 200 дворов 9 другим бекским домам[4]. Из этого факта и делал вывод А.С. Акбиев, что «карачи-беки были богаче беков шамхальской линии. Они владели крупными земельными угодьями»[5].

---

[1] Акбиев А. Общественный строй … С.59.
[2] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.212.
[3] Там же. С.208.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.171.
[5] Акбиев А. Указ.соч. С.59.

Были, конечно, и другие примеры о принадлежности карачи-бекам больших земельных площадей. Так, например, согласно материалам сословно-поземельной комиссии, известно, что карачи-беки владели селениями Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы и пастбищными горами Бурди-меэр и Исмаил-меэр, а жители этих селений отбывали им повинности[1]. Конечно, действительно, порой земельные владения карачи-беков напомнили землевладение беков, происходивших от дагестанских владетельных фамилий. Но в целом это все же землевладение карачи-беков в исследуемое время было не тем, каким оно было в прошлом, а многие из них владели только небольшими участками земли.

Интересные сведения по землевладению карачи-беков имеются в различных источниках: в показаниях самих карачи-беков, материалах сословно-поземельной комиссии, в записях в арабских рукописях и т.д. Для убедительности остановимся на конкретных примерах. Так, по сообщению жителей Кафыр-Кумуха, они «были подвластны бекам иного рода, не из рода шамхалов». «Наше селение, – говорили они, – служило им за пользу, которую приносили они, управляя нами и помогая нам, чем могли, по адату». «Кафыр-кумухские карачи-беки, – пишет А.С. Акбиев, – владели участками земли в этом селении. Это подтверждается правом беков принимать в селение постороннего, выделив ему при этом земельный надел для ведения хозяйства»[2]. Губденским карачи-бекам принадлежали различные категории земель, в том числе и кутаны, на которых имели свои покосы, отдаваемые на откуп. Им принадлежала и вода, необходимая для полива полей[3]. Карачи-беки Гамринского магала (Утамышского султанства), кроме земель, находившихся в пользовании жителей Каякента, имели и другие земли, проданные ими в разное время, из которых значительная часть находилась во владении общества селения Утамыш[4]. Жители Каякента были бекскими раятами и платили «им подати произведениями земли, потому что были водворены

[1] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.1. Л.48.
[2] Акбиев А. Указ.соч. С.59.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.68. Л.65; Ф.2. Д.28. Л.3; Акбиев А. Кумыки … С.49; Его же. Общественный строй … С.58; ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.4. Д.35. ДНС № 13. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.212-213.
[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.44.

на землях, принадлежащих бекам»[1]. Согласно имеющимся сведениям, за оказанную услугу шамхал дал карачи-бекам земли в направлении Темир-Хан-Шуры под общим названием Баливар[2].

Сохранился весьма интересный источник (запись в одной из арабских рукописей, представленной утамышским старшиной Уста Магомед Кази Магомед-оглы в Дагестанский народный суд в конце XIX в.) о продаже карачи-беками своих земель. В нем, в частности, сказано, что гамринскому беку Султан-Мут-беку принадлежал Дагу-кутан, часть которого в 1669/70 гг. он продал Исмаил-оглы за 1500 руб.[3] Как видно из записи, карачи-беки еще до исследуемого периода продавали свои земли. Это, конечно, не единичный пример продажи карачи-беками своих земель. Просто до нас не сохранились, если так можно сказать о записях, купчие. Но карачи-беки продавали свои земли и в исследуемое время. Так, из источника известно, что в первой половине XIX в. сыновья Кичихан-бека Алыш-хан и Али-хан-бек продали селение Каякент управляющему Кайтагом Джамав-беку за 8 тыс. руб. Это два кутана Даш и один кутан Ахмед-хан-кутан, которые, согласно комиссии, созданной для их оценки, «заключают в себе места гористые: каменистые, лесистые, не удобные для посева, а также удобные и годные для посевов пшеницы и разного зерна с водопроводными канавами»[4].

Интерес представляет также запись о происхождении карачи-беков и их землях из селения «ал-Гадари» (Кадар). Это запись в книге «Нухзат ал-азхат фи тараджими уламан Дагестан», где сказано, что Асилдар б.Ата ал-Гадари происходил из рода эмиров карачи. Имя его матери Ай-Миси ал-Индиравийа (Андрейаульская) – она из рода Сала». Шестым предком Асилдара был Ша'бан, а десятым – Араб. А о землях здесь сказано так: «Гора, на которой он похоронен, и гора Напай были ему мулком»[5], т.е. его собственностью. Ранее, использовав данный источник, нами

---

[1] Там же. Д.43; Ф.90, Оп.2. Д.30. Л.22.
[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.79. Л.37.
[3] Там же. Ф.2. Оп.3. Д.139-а. Л.18-19.
[4] Феодальные отношения. С.232-233.
[5] Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях (XV в.) // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР (Тезисы докладов). Махачкала, 1978.

были отмечены неуместные и необоснованные комментарии издавшего его Т.М. Айтберова, который пишет: «Дагестанские карачи беки, видимо, потомки одного из членов нуцальского рода, который достиг в Золотой Орде ранга карачи»[1]. Я здесь подтверждаю неуместность данного комментария.

Большими земельными угодьями владели карачи-беки селений Эрпели и Карабудахкент. Выше нами уже была отмечена зависимость от карачи-беков 100 дворов селения Гелли. Здесь же отметили, что о наличии здесь права на земли карачи-беков говорит то, что если уздень переходил из Эрпели в другое селение, он не мог продать свою землю, она оставалась во владении беков[2]. И еще – карачи-беки имели право «принимать в селение постороннего, выделив ему при этом земельный надел для ведения хозяйства»[3].

Сохранился очень интересный источник по землевладению карачи-беков в Карабудахкенте – «Согласованное признание жителей сел. Карабудахкент по поводу традиционных прав местных аристократов», относящийся к середине XIX в. В нем сказано: «Мы, жители Карабудахкента, и малые и большие, – пришли к соглашению: первооснователями этого селения, Карабудахкента, являются потомки покойного эмира Карабудах – Атая … **Земля и вода** (подчеркн. мною – Б.А.) селения Карабудахкент, **находятся во власти Карабудахкентских эмиров** (подчеркн. мною – Б.А.). Это имеет место со времени их далеких предков, что мы и признаем. Мы не можем иметь ни земли, ни воды … если эмиры Карабудахкента предварительно не распределяют всего этого между нами. Население Карабудахкента не может иметь ни земли, ни воды – без распределения всего этого руками эмиров, – и на равнинной части земель Карабудахкента.

[Мы платили эмирам Карабудахкента подать] мареной (*андуш*) или – по выбору самих этих эмиров, – давали им ее денежный эквивалент, или что-либо другое.

institute of history.ru

---

[1] Там же. С.15.

[2] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.212.

[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.44. Акбиев А. Указ.соч. С.59: Материалы по истории Карабудахкента / Перев. с кумык. Г.С.Федорова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.365. Д.19-10.

Тому [из ни], кто становился [старшим] эмиром, состоящим над нами, жителями Карабудахкента, представляли мы право на получение выкупа [с преступников] за убийства, кражи и за другие преступления, [делав] это из-за воды и земли.

Мы обязаны выходить всем [селением]: один день [в году] для проведения посевных работ на землях этого эмира, который в качестве [старшего] будет стоять над нами в данное конкретное время; один день [в году] для проведения жатвы; один день [в году] для проведения обмолота.

Все эти работы мы выполняем в пользу [старшего эмира] из-за воды и земли. Далее, мы обязаны нести в пользу эмиров Карабудахкента еще и службы частного порядка …»[1]

Как видим, и земли Карабудахкента, и вода (подобно в соседнем Губдене) принадлежали карачи-бекам. За пользование ими жители села должны были нести различные повинности.

Что интересно, земли Карабудахкента были не единственной собственностью карачи-беков. Как говорят источники, в их собственности находились и другие земли, в частности полученные от шамхала, которые они превратили в пахоты, а часть была оставлена под пастбища-кутаны[2], отдаваемые, как и другими дагестанскими феодалами, в аренду для пастьбы скота.

Карачи-беки пользовались и общинными землями. Причем они получали при этом не одну, а две, четыре или более доли, в то время как остальные члены общины получали только одну долю и то по жребию, карачи-беки же получали свои доли часто по выбору[3]. Так, беки Губдени, согласно местным адатам, имели право получать участок общественной земли в размере 54 каб в качестве бийлика[4]. Карачи-беки Карабудахкента получали из общественных земель при ежегодном разделе земли пай в 8 каб пахотной земли, в то время как чанки получали по 4 кабы земли[5]. Кроме того, в ряде обществ карачи-беки имели право пастьбы своего скота на жнивьях не только зависимых крестьян, но и на

---

[1] Хрестоматия по истории права … Ч.1. С.106-108.

[2] Материалы по истории Карабудахкента…

[3] ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.38; Феодальные отношения … С.93; Из истории права … С.198.

[4] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.68. Л.65; Ф.2. Д.28. Л.33. Акбиев А. Кумыки … С.49.

[5] Из истории права … С.198.

общинных пастбищах. Так, карабудахкентские карачи-беки имели право пастьбы крупного рогатого скота и овец на общественных землях под названием Гирей-туз.

Карачи-беки, точно так же как и феодальные владетели и беки, за пользование их землями получали с крестьян подати и повинности, которые в разных селах не были одинаковыми. Так, в селении Эрпели уздени отбывали карачи-бекам такие повинности: один день работали на вспышке бекских земель, при этом бек давал угощение одного барана, сыр и хлеб из расчета на 20 человек; один день работали на уборке хлебов с такой же пищей бека. За пользование горными пастбищами бека уздени платили по одному барану. В случае смерти карачи-бека с аула взыскивали «алым» в 40 руб. или четыре быка и с каждого дыма по арбе дров, а семья бека обязана была устроить поминки с приглашением всех односельчан[1]. Как видно из перечня податей и повинностей обязанных карачи-бекам в селении Эрпели, они были ничуть не меньше тех, которые обязаны были нести крестьяне ханам и бекам.

В работе мы привели примеры того, как в ряде сел карачи-беки имели довольно крупные владения, в их собственности находились и пахотные, и сенокосные земли, и отдаленные зимние пастбища, и горы. Из этих примеров, казалось бы, было правильно отнести их землевладение к крупному феодальному или во всяком случае равному бекскому землевладению. Но не везде и не все карачи-беки имели в своей собственности аналогичные приведенным выше земельные угодья. Как отмечается в источниках и об этом было сказано в начале изучаемого вопроса, основная масса карачи-беков к исследуемому периоду имела в своей собственности небольшие участки земли, даже сравнимые с участками рядовых общинников. Влияние, «общественное положение» карачи-беков, что определялось, конечно же, знатностью и богатством, как отмечал В. Линден, на что обратили внимание и другие исследователи, уже давно до исследуемого периода, «значительно понизилось» по причине раздробления их родовых земель, их обеднения по сравнению «с богатыми бекскими родами – шамхальским и других владетелей»[2]. А некоторые, как

[1] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.212.

[2] Линден В. Указ.соч.

например, гамринские карачи-беки практически прекратили свое существование. Как писал В. Линден: «Род их растратил свои земли, впал в крайнюю бедность и посредством брачных связей с простолюдинами большею частью окончательно смешался с окружающим населением»[1].

Раньше гамринские карачи-беки были настоящими крупными землевладельцами. Как пишется в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге»: «В прежнее время гамринские беки кроме земель, находящихся в пользовании жителей сел. Каякент, имели в своем владении и другие земли, проданные ими в разное время, из которых значительная часть находится во владении общества сел. Утамыш»[2]. К началу XX в., как отмечается в указанной «Записке», «чистокровных гамринских беков» вообще не было, а были только «внуки Кичи-хан-бека, последнего наследственного правителя этого магала, дети прапорщика Алихана, рожденного от простой женщины»[3].

Эти, так сказать, остатки гамринских карачи-беков, хотя и пользовались некоторыми правами беков (доходами с 30 дворов сел. Каякент, из общественной земли сел. Утамыш им ежегодно выделялся участок, пользовались водою из общественной канавы сел. Утамыш трое суток в течение года, имели в своем владении два мюлька, купленные у жителей этого селения), в исследуемый период не были прежними крупными землевладельцами.

Таких примеров, как по утамышским карачи-бекам, у нас нет. Но не может быть сомнения, что аналогичные процессы происходили и в других селениях карачи-беков, что и дало основание исследователям говорить, что они растеряли свои прежние земли и порой находились на положении простых общинников. Именно все это и дало нам основание говорить о земельной собственности карачи-беков как о среднем феодальном землевладении. По своему экономическому положению в целом эта сословная группа класса феодалов была ниже беков, как прямых наследников феодальных владетелей.

---

[1] Линден В. Указ.соч.

[2] Феодальные отношения … С.229.

[3] Там же.

То же самое можно сказать и о частном (мюльковом) землевладении чанков, так как и оно, как землевладение карачи-беков, находилось между бекским землевладением и мелкой земельной собственностью сала-узденей. Чанки – это самая низкая группа феодалов, практически происходившая из правящих феодальных фамилий дагестанских феодальных владений. О чанках Кайтага, являвшегося родиной разграничения различных сословных групп класса феодалов, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано: «*Чанки* составляют особый класс в Кайтаге. Хотя по преданию, они и происходят из двора уцмиев, но не могут связать своей родословной с этим родом. Чанки это по преимуществу живут в узденских селениях Кайтага, как в нагорной его части, так и в сел. Башлы»[1].

Чанки – это нечистокровные представители правящих феодальных фамилий, это дети от неравных браков не просто феодалов, а дети, рожденные во втором и следующих поколениях от браков чанка-беков и простолюдинок. Чанки – это побочная группа класса феодалов, которые имелись как в феодальных владениях, так и во многих союзах сельских общин Дагестана. Это особая группа людей феодальной иерархии, хотя, как отмечено выше, и имела по своему происхождению отношение к первым двум знатным сословным группам класса феодалов, но не обладала правом на звание бека. Не было у чанков и прав на получение наследства и главное – на землю. Так, если, например, в Кайтаге «чанка-беком выделялось из недвижимого имения отца: 12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага»[2], то простые чанки жили в основном в узденских селениях и не имели «населенных земель в своем владении, а только участки при селениях, в которых жили и пользовались общественными землями наравне с другими жителями». Как отмечается в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», «чанки слились совершенно с прочим населением и ни в чем не отличаются от него, кроме названия чанка в этой стране»[3].

[1] Феодальные отношения… С.186.
[2] Там же.
[3] Там же.

В аналогичном положении находились и чанки других феодальных владений Дагестана. Некоторые дореволюционные авторы говорили об отсутствии у чанков вообще никакой земли. Так, например, об этом писал относительно чанков кумыков, живших якобы только за счет своих родственников – князей, которым досталось отцовское наследство, А. Белобородов[1]. А в «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области» сказано: «Чанки кумыкских князей владели поземельной собственностью в таком только случае, если отцы их при жизни выделили им часть; в таком случае частью этой они владели на одинаковых правах с князьями, водворяли на своих землях аулы, пользовались поземельными доходами, продавали и дарили земли по своему усмотрению и пользовались всеми другими преимуществами, присваиваемыми владельцам по обычаю»[2].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Хамзаев, который сам был князем в Засулакской Кумыки, писал: «Если князь берет узденку или холопку, то дети, происходящие от какого брака, не пользуются титулом князя … **и не могут владеть землями по смерти отца»**[3] (подчеркн. мною – Б.А.).

Советские исследователи также подчеркивали такое положение чанков. Р.М. Магомедов писал: «По кумыкским адатам они считались детьми неравноправными. В отличие от остальных беков чанки не имели права на поземельное наследование... Чанки могли получить землю только путем выдела им определенного участка при жизни отца»[4]. На это обратила внимание и С.Ш. Гаджиева, писавшая «чанки владели лишь землей, переданной отцами по «назру» (дарственному акту)»[5]. Но чанки все же что-то получали от отца. Как писал о чанках Кайтага П. Петухов, они, хотя и не были правителями народа, все же «при разделе наследства получали меньшую против «чистокровных» долю»[6].

institute of history.ru

---

[1] Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 15 декабря 1896 г. № 146.
[2] Феодальные отношения … С.89.
[3] Князь Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 70.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.173.
[5] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.108.
[6] П-в [Петухов] П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 8.

Положение чанков и других дагестанских феодальных владений было такое же. «Они не имели никаких владельческих прав, и земельная собственность их не отличалась от обычной узденской», – писал о чанках Казикумухского ханства Р.М. Магомедов[1]. По мнению Г.Д. Даниялова, чанки не только «не пользовались правами по наследованию имущества наравне с детьми от равной по происхождению жены», но «имущество давалось им только во временное пользование, как средство для жизни (так наз. чанк-пай)»[2].

Еще В. Линден обратил внимание на то, что чанка, когда становился самостоятельным, выселялся из дома отца. Вот как он об этом писал: «Обыкновенно чанка, вскоре после женитьбы или достижения совершеннолетия, получив при жизни или после смерти отца незначительную долю из отцовского имения, выселялся из родительского дома и затем уже не только не мог претендовать на наследство от отца, но и не считается членом его фамилии»[3]. Об этом писали Г.Д. Даниялов и Р.М. Магомедов. Последний, в частности, отмечал: «Очевидно, в прошлом ханы и беки практиковали поселение своих детей от неравного брака подальше от себя в феодально-зависимых аулах»[4]. По-другому поступали князья с чанками Засулакской Кумыкии. По мнению А.С. Акбиева, здесь «чанкам поручалось управление некоторыми кварталами больших селений», что было, например, в Эндирее, где чанки из рода Темировых управляли кварталом Ачаган-аул[5].

По материалам А. Каяева мы узнаем, что в Казикумухском ханстве чанков использовали для сбора ханских податей, слежки за выполнением повинностей. Чанков, как писал А. Каяев, поставляли хану такие села, как «Гьукъал, ГьунчуІкъатІль, Караши, КІямяши, Шахьуйми, Куши, ТтрчІи, Шитли, Бягьекул, Варайми, Кигъярчи, Хути, Хурхи, Хьуна, ДучІи, Щар, ТІоьхчар, Цушар, Сумбатль, Кули, Хосрех, Вихли, Виратти»[6]. Это узденские и ра-

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.278.
[2] Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.42.
[3] Линден В. Указ.соч. С.278.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.105.
[5] Акбиев А. Общественный строй … С.59.
[6] Каяев А. Указ.раб. № 2. С.104. Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.116.

ятские селения[1], которые, видимо, чанки получили от казикумухских ханов для ведения там судебных дел и сбора податей[2].

При поселении чанков в отдельных селах им поручалось как руководство ими, так и получение с их жителей определенных доходов. Так, по показанию чанки селения Атлы-Буюн Апау-Ахмед-хан-оглы в сословно-поземельной комиссии, его предка Худама «пять поколений тому назад, как джанку из своего дома, Баммат-шамхал поселил в этом селении и представил ему и доходы свои с жителей селения»[3]. После поселения в Атлы-Буюне чанки стали считать землю, на которой было построено селение, и все покосные земли «своею собственностью», они обладали и правом отчуждать выморочные земли[4]. Жители села отбывали в пользу этих чанков кент-ясак (уплата по одному барану ежегодно от каждых 30), бичан-билъа (выставка с каждого дыма по одному косарю на один день)[5]. По другим сведениям, шамхал предоставил место, занимаемое селением Капчугай, чанкам из селений Аргуани, Тарки и Бет-аул. Потомки этих чанков показали, что «вся земля принадлежит им, никто из жителей не имеет право при переходе продать или передать кому-либо отведенные им участки земли; даже не имеет право завещать ее в пользу мечети»[6]. Жители Капчугая отбывали чанкам четырехдневную натуральную повинность. Как показали сами чанки, они пользовались льготами и повинностями «на основании старинных обычаев» – не несли расходы по найму кадия, кузнеца и пастуха и пользовались правом первоочередного орошения своей земли[7]. Умалат-шамхал, сын хана, послал своего сына Амирхана в Кадар «управлять этим селением на бекских правах»[8]. От него и произошли все кадарские чанки, и в XIX в. здесь уже было 22 хозяйства чан-

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.278.
[2] Очерки истории Дагестана. Т.1. С.107; Маршаев Р., Бутаев Б. Указ.соч. С.116.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.6. Л.46.
[4] Акбиев А. Кумыки … С.49.
[5] Из истории права … С.197.
[6] ЦГА РД. Ф.90. Оп.9. Д.30. Л.255, 268.
[7] ЦГИА РГ. Ф.416. Оп.4. Д.35. Л.18. ДНС. 1886. № 13. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.215.
[8] Феодальные отношения … С.92.

ков[1]. В 1853 г. шамхал Абумуслим отдал в пользование своему чанке Таймаз-хану селение Параул[2].

И в Мехтулинском ханстве местные жители отбывали чанкам, как и самому хану, повинности. Так, три семейства чанков Гирея, Бамата и Чопана – сыновья Али-Халау – пользовались от аккентцев «определенными издавна **на правах землевладельцев**»[3] (подчеркн. мною – Б.А.). Четыре семейства чанков селения Чогли–Бамата-Иху-оглы, Ахмед-хана, Шейх-Магомы и Абдул-Муталима, сыновей Муту – также пользовались «от оглинцев определенными издавна повинностями **на правах землевладельцев**» (подчеркн. мною – Б.А.). В Верхнем Дженгутае каждое хозяйство села давало ежегодно по 1 къали (12 кг) зерна. Здесь был тухум под названием «ЧIанкIасул тухум». Известен некий чанка Яхья, на которого и работали сельчане. А в Нижнем Дженгутае был квартал чанков Чанкааул, где и проживали чанки. У них было много земли. Из тухума чанки в Кака-Шура был известен некий Гебек. В селении Апши тухум чанка назывался «Баддамилалал чIункIул тухум». Они имели много земель, которые сдавались сельчанам в аренду на половинных началах, это в основном пахотные земли[4].

Все приведенное говорит о том, что чанки вопреки адатам, существовавшим в феодальных владениях, получали какие-то земли от своих отцов. В связи с этим следует останавливаться на мнениях советских исследователей. С.В. Юшков писал, что чанки «также получали земли по наследству и по дару от своих отцов или родственников, могли получать землю по дару от других феодалов, увеличивать свои землевладения возмездными способами. Права чанков над подвластным им населением были те же, что и беев. По кумыкскому праву отличие чанков от беев заключалось лишь в следующем: 1) они не имели своих узденей; наоборот они сами должны были находиться в вассальных отношениях беев, от которых происходили; 2) в делах кровных и в де-

[1] Феодальные отношения … С.92.
[2] РГИА СПб. Ф.1276. Оп.2. Д.84.
[3] Феодальные отношения … С.43.
[4] Умаханов Р.М.-С. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в. Социально-экономическое развитие и экономическое положение: Дис… канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

лах по воровству они никакими привилегиями не пользовались»[1]. О чанках кумыков писал и Р.М. Магомедов, который отмечал, что ему не удалось установить существование у них безземельных чанков. «Все они, – писал он, – в той или иной степени владели землей и в своих владениях они, как и беки, пользовались всеми правами феодальных сеньоров»[2]. Х.-М.О. Хашаев писал, что, подобно мюлькам беков, мюльки чанков находились «на территории тех селений, где они жили»[3].

И еще что следует отметить – чанки в Табасаранском кадийстве были равны с беками. Как сказано в источнике, здесь, когда «беки женились на простых женщинах … дети от этих браков пользовались одинаковыми правами с чистокровными беками»[4]. В то же время в Табасаранском майсумстве чанки находились на таком же положении, как и чанки других дагестанских феодальных владений, «выражавшемся в неравном наследовании имения отца»[5].

В изучаемый период чанки составляли весьма многочисленную группу класса феодалов. Только в Аварии чанки жили почти во всех феодально-зависимых селах ханства[6], а в Казикумухском ханстве их было 830[7]. Многие чанки жили в союзах сельских общин и они в различных селах владели всеми категориями земель, и местное население отбывало в их пользу различные натуральные и отработочные повинности, что говорит о наличии у чанков своего хозяйства. Так, по материалам, собранным Х.-М.О. Хашаевым, до Шамиля чанки имелись во многих аварских селах, входивших ранее в различные феодальные структуры, которые находились в Гидатле, Анди, Аргуани, Андалале, Андыхе, Телетле, Тидибе, Гинте, Ураде, Гоноде, Сиухе, Цалките, Моксохе, Мехельте, Гоцатле, Мушули, Шотоде, Туките, Кидибе, Саситле и т.д., где им принадлежали лучшие земельные угодья. До движения горцев под руководством Шамиля жители сел, где жили чан-

[1] Юшков С.В. Указ.соч. С.80.
[2] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.173.
[3] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.146.
[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.3, 8, 9.
[5] Там же.
[6] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.105.
[7] Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.27.

ки, платили им различные подати и отбывали натуральные повинности вплоть до барщины[1]. Так, как отметили и при характеристике бекского землевладения, в Кидибе и Саситле жили чанки (нуцалчи – чIагIи), владевшие двумя пастбищными горами – Эчеди-меэр и Тулдух-меэр. За каждую пасущуюся на них отару овец чанки получали по 10 волухов[2]. В 1844 г. кидибские чанки были сожжены мюридами в их собственном доме. Один из потомков кидибских чанков в 1871 г. просил возвратить ему имение родителей. Доходы из указанных горных пастбищ были обращены в его пользу[3]. По другим сведениям, в Кидибе было 13 человек, которые собирали подать со всего Ункратля – с каждого маленького селения – по 30 яловых овец, а с каждого большого селения – по 40 яловых овец ежегодно. Эти чанки, как называли их ункратлинцы, земли считали своей собственностью[4].

19 хозяйств чанков имелись в Гоцо, которые с 16 узденских хозяйств получали подати. В их собственности имелись пахотные участки на 370 сабов посева, сенокосов – на 5190 пудов и пастбища в 9 кв. верст в местности Арах-меэр[5]. В селении Моксох 17 хозяйств чанков получали подати от 11 хозяйств вольноотпущенников[6]. В Гоцатле было 33 чанка, которые, как и беки, владели лучшими земельными угодьями. В Мушуле было 4 чанка, в Цельмесе – 3, в Шотоде – 6[7]. В Андыхе около 10 хозяйств владели территорией под названием Рацутль-Бах, площадью около 100 дес. пахотной земли. Андыхцы отдавали чанкам трехдневный удой молока овец и обязаны были три дня в году работать на них[8]. Согласно имеющимся данным, только в трех округах – Аварском, Андийском и Гунибском, было более 100 человек из ханской фамилии[9]. В Андийском округе чанков было: в Кидибе – 8 чел., в Саситле – 5 чел., в Тукита – 3 чел., в Ингердахе – 1 чел.,

institutеofhistory.ru

[1] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.127.
[2] Там же. С.35.
[3] Там же.
[4] Хрестоматия по истории права … Ч.II. С.24-25.
[5] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.35.
[6] Там же; Его же. Общественный строй … С.151.
[7] Там же. С.35.
[8] Там же; Его же. Общественный строй … С.151.
[9] Там же.

в Данухе – 1 чел., в Мехельте – 8 чел., в Анди – 2 фамилии. В Гунибском округе: в Гонода – 64 чел., в Чада-Коло Анцухо-Капучинского участка, Гунибского округа также жили потомки хана[1].

Чанков много было и в селах Андалала и Гидатлинского союза. Они проживали в Телетле, Урибе, Зиури, Голотле, Урада, Тидибе, Гинта, Ругуджа, Голотле и т.д. В сословно-поземельной комиссии многие чанки не могли даже сказать (например, чанки Ури и Зиура), откуда произошли, они показали, что это было очень давно и слышали от отцов, что в древние времена пользовались с разных мест доходами, но откуда и какими – не знаем[2]. Но, по имеющимся сведениям, почти все чанки являлись выходцами из Казикумухского шамхальского рода[3]. По показанию ругуджинских чанков, их «предок по имени Султан переселился в Ругуджа при Чолак-хане Казикумухском по причине происшедшего в Кумухе возмущения[4]. В преданиях он известен как Султанилав-хан. От него и произошли ругуджинские чанки. Чанки имели земли. Сам Султанилав-хан владел местностью Бокьинеб (пахотные земли), Мачи меч (пастбища) и Мачаниб-руху (лес)[5]. Жители Ругуджа за пользование землями чанков платили подати. По показанию чанков, их предки сначала жили в Телетле и Гонода, переселившись сюда из Казикумуха «давно». О своих землях они говорили: «Наши предки, Голотля чанки, пришли из Тилитля, и мы одного тухума с тилитлинскими чанками. **Земли, которыми мы пользуемся большею частию получили по наследству от отцов и частию приобретены нами покупкою в разное время»** [6](подчеркн. мною – Б.А.). По их же показаниям, земля, на которой построено селение Телетль, и «все сельские земли» были приобретены их предками пустыми и населены ими. Об этом говорит и то, что если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имения на 8 саб земли брали беки, или

[1] Хашаев Х.-М. Общественно-экономический … С.36.
[2] Движение горцев … С.707.
[3] Там же; Феодальные отношения … С.293.
[4] Там же.
[5] Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып.1. С.56.
[6] Феодальные отношения … С.293.

чанки в свою пользу[1]. По их словам, они имели на свои земли права собственников. «В настоящее время, – показали они в 1884 г., – мы продаем имения детям в наследство по шариату. Так было и в старину, только тогда женщины не имели доли в пастбищных землях. Мы передаем свои земли, кому и когда хотим, и завещаем мечети, как свои собственные»[2].

Из Казикумуха сначала переселились на земли Аварии 4 брата, которые жили в Голотле. Потом три брата переселились в Телетль, Гоцатль и Гонода. Они обязали каждый по 12 домов в Голотле платить им за земли свои, которые оставили им в Голотле в их пользование. Эта плата была: с двора – 2 сабы джабы, по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил рабочий в Телетль на три дня. Все это делалось для старшего бека, который являлся «управителем селения». Для него же телетлинские уздени работали 3 дня в году по дню: для распашки, косьбы и жатвы. Уздени работали и на уринских чанков[3], которым принадлежали земли, в том числе гора Гонода-меэр[4]. Старший бек Телетля Чопан до Шамиля получал также с Бацадинской горы с «бочардинского общества в год четыре барана». «Чопан получал быка за важных преступников, ляжку скотины, поступавшей в штраф обществу села, и десятую часть штрафов»[5]. Урийским чанкам жители селения Ингердах давали 12 баранов в год[6].

О многочисленности чанков Аварии писал и Р.М. Магомедов, который отмечал: «В аулах чанки фактически являлись представителями ханско-бекской администрации и пользовались привилегиями по сравнению с массой зависимого крестьянского населения. На местах чанки имели свои земли (пахотные и пастбищные). **Землей их наделяли в собственность ханы и беки, в зависимости от того, кто был отцом** (подчеркн. мною – Б.А.). В аулах Гоцо, Кида, Саситль, Мохсох, Цельмес, Шотода, Цалкита население в пользу чанков отбывало разные повинности. Так,

---

[1] Там же; Движение горцев … С.708.

[2] Там же.

[3] Движение горцев … С.708; Феодальные отношения … С.294.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.

[5] Там же.

[6] Там же. С.709; С.294.

например, чанки Цалкита от шести дымов получали по одной мерке пшеницы и по одному барашку от тех жителей, кто имеет баранов, – основанием для отбывания повинностей служила земля, полученная от чанков в качестве надела … чанки Шотода получали от общества селения Цельмес по одной мерке пшеницы в год с каждого дыма за пользование пастбищным участком земли «Глджилютиб»[1].

Чанки в Аварии имели свои лесные участки. По сведениям сословно-поземельной комиссии, у телетлинских чанков-ганкалов Сурхай-оглы был свой собственный наследственный лес Газанапила-Рох; у Шамхала Казанат-оглы – такой же лес, часть того же леса и того же названия; у Чарабура Амир-Али-оглы был лес Магома-Халиль-Рох, полученный от матери; у его брата было два участка леса, один наследственный, а другой купленный у телетлинского узденя Раджаба-Омар-оглы; у Али-бека Али-Булат-оглы были две части из леса Каласо-Рох; у его брата Аша-хана был купленный участок Каласа-Рох у трех телетлинских женщин.

Уринец Хан-Киши-Сурхай-оглы имел два участка леса: один наследственный, а другой купленный у овдовевшей узденки; у Умма-Азыкалова был лес, купленный у уздена Хотанова-Ахмед-оглы.

У телетлинца Бров-Амур-Ализа-оглы был лес, купленный у своего узденя Магома-Раджаб-оглы; у Али-хана-Гамид-оглы был лес, полученный в наследство от жены; у Альбури-Магомед-бек-оглы был купленный лес у чанки Гитинова. У сыновей Магома-хана-Гаматль-оглы (зиуринец) «были у двух по одному участку», купленные один у телетлинского уздена Ибрагим-Омар-оглы и узденя Магома-Раджаб-оглы; у зиурийца Амир-Али-Чарабура-оглы был наследственный лес; у телетлинца Турчи-хана был лес, полученный в наследство от жены.

У гонодинца Али-бека Алдомилова была наследственная пастбищная гора Гонода-меэр, находящаяся в пользовании общины[2].

Чанки (нуцаби), происходившие от андийских шамхалов, находились в Андыхе и Ассабе. Нуцаби Ассаба владели землями

---

[1] Магомедов Р.М. Общественно … С.105.

[2] Движения горцев … С.709; Феодальные отношения … С.294.

Тлярата. Жили сами они в ГІолорда, где до сих пор сохранились развалины их домостроений[1].

На основе всего приведенного материала можно заключить, что сословная группа класса феодалов чанки являлась одной из самых многочисленных в дагестанских феодальных владениях и даже в ряде союзов сельских общин. Хотя выше нами были приведены сведения о численности чанков в различных селах и феодальных владениях, считаем возможным привести и еще дополнительно сведения о чанках по данным немногим позднего изучаемого периода, так как и эти сведения дают возможность представить значительность земельной собственности чанков, о ее широкой распространенности во всех регионах Дагестана. Речь идет о сведениях о чанках 1871 г. Согласно им, в Аварских наибствах Гунибского округа были: в Куядинском наибстве – 162 чанка мужского пола и 158 женского, в Телетлинском наибстве – соответственно 59 и 40; в Казикумухском округе: в Аштикулинском наибстве – 199 чанков мужского пола и 160 женского; в Вицхинском наибстве – соответственно 86 и 104; в Кумухском наибстве – 78 и 53; в Мухарском наибстве – 76 и 78. Всего по этим данным всех чанков обоего пола в этих двух округах было 660 мужского и 586 женского пола, всего 1246 человек[2]. А ведь много чанков было в Кайтаго-Табасаранском, Темир-Хан-Шуринском, Самурском, Аварском округах. С учетом сказанного можно полагать, что чанков в Дагестане было несколько тысяч, которые владели различными категориями земель, составлявших один из видов феодального землевладения.

Особенностью земельной собственности чанков, кроме ее широкого распространения, являлась неодинаковая ее правовая основа. Если в феодальных владениях чанки не получали по наследству, как чистокровные беки, земельную собственность и это было узаконено феодальным правом, то в обществах союзов сельских общин чанки наследовали земельную собственность, которая возникла как на основе передачи земли в собственность чанков отцом, так и покупки ее у частных лиц, а возможно и захвата у сельской общины.

---

[1] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.586. С.90.

[2] Движение горцев … С.617-618.

В Дагестане существовал еще один вид феодального землевладения. Это мелкая феодальная земельная собственность, обладателями которой являлись сала-уздени (или уллу-уздени), имевшиеся в основном у кумыков, главным образом в княжествах Засулакской Кумыкии. Это первая группа сала-узденей, проживавшая в Засулакской Кумыкии еще до переселения сюда сына шамхала Султан-Мута. По словам М.Б. Лобанова-Ростовского, они составили «особый класс, первый в народе после князей», ставшие «по месту их первоначального поселения на речке Сала-су» «известны под именем сала-уздень»[1]. Т. Макаров также писал, что после переселения Султан-Мута на Кумыкскую плоскость (в Засулакскую Кумыкию) вольными владельцами «земель остались только те, которые до прибытия Султан-Мута выселились из гор»[2]. Это и были первосельцы этой территории.

Почему-то первостепенных узденей, как называли еще сала-узденей, С.В. Юшков называл верхушкой крестьянства (узденства)[3].

instituteofhistory.ru

Другого мнения были авторы XIX в. Ф.И. Леонтович писал, что сала-уздени составляли «второй класс в народе после князей»[4]. В. Линден называл их вторым «благородным» сословием и писал, что они «отчасти» напоминали «по своим правам и обязанностям, кабардинских деженугов», т.е. вторую группу уорков-военных слуг[5]. К этим определениям более близко стоит вторая характеристика сала-узденей, данная С.В. Юшковым как особой группы низших феодалов[6]. Это определение, конечно, более правильное, какую бы ступеньку в феодальной иерархической лестнице сала-уздени не занимали, но они все же феодалы. Да и сам С.В. Юшков далее подтверждал это, отметив, что эти первостепенные уздени «владели землей на праве собственности». Эту землю они приобретали по наследству или дару. Они отдавали свою землю феодально-зависимым крестьянам, чагарам, раятам

---

[1] Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 г. Махачкала, 2002. С.38.
[2] Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 2 октября 1860. № 77.
[3] Юшков С.В. Указ.соч. С.67.
[4] Леонтович Ф.И. Указ.соч. Вып.II. С.191.
[5] Линден В. Указ.соч. С.271.
[6] Юшков С.В. Указ.соч. С.67.

или обрабатывали ее при помощи рабов. Они были освобождены от всяких повинностей. Обычно из первостепенных узденей избирались народные судьи»[1]. Конечно, это не верхушка узденства.

Права была и С.Ш. Гаджиева, которая писала, что сала-уздени «составляли среднюю феодальную прослойку кумыкского общества»[2]. В то же время, по ее мнению, сала-уздени «представляли собой более древнюю ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома»[3]. В этом утверждении можно усмотреть аналогичность происхождения сала-узденей с происхождением карачи-беков, хотя последние были древнее сала-узденей.

Но, как и карачи-беки, сала-уздени «владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т.д.»[4]

В свете всего сказанного еще труднее согласиться с третьим мнением С.В. Юшкова, который писал, что «первостепенные уздени занимали промежуточное положение между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства»[5]. Впрочем, аналогичное мнение было и у Р.М. Магомедова, писавшего вместо «феодально-зависимого крестьянства» «основной массой узденства»[6]. Но и он противоречил себе, утверждая, как и С.В. Юшков, что это «низкая группа феодалов»[7], которые «в отношении своей земли и зависимого крестьянства и рабов пользовались теми же правами, что и беки и чанки»[8].

Действительно, сала-уздени – это группа феодалов, находившаяся на последней ступени феодальной иерархической лестницы. Такое «положение сала-узденей, – как писал Р.М. Магомедов, – было основано на поземельных правах», чему «вполне со-

---

[1] Юшков С.В. Указ.соч. С.80.
[2] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.111.
[3] Там же. С.109.
[4] Там же.
[5] Юшков С.В. Указ.соч. С.80.
[6] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.174.
[7] Там же. С.173.
[8] Там же. С.174.

ответствует и то прочное положение, которое сала-уздени заняли в Кумыкии в рассматриваемый период»[1].

Именно обладание землей сделано сала-узденей одной из (пускай даже и последней) сословных групп класса феодалов, а земли сала-уздени успели заиметь на кумыкской плоскости еще до переселения сюда Султан-Мута, и они остались в их собственности и после того, как он стал феодальным владетелем Засулакской Кумыкии, образовав здесь Эндиреевское княжество. Сала-уздени были первосельцами среди остальных жителей Кумыкской плоскости. Именно поэтому их называли «древними хозяевами» земли[2], «независимыми дворянами», «свободными владельцами»[3]. Согласно сведениям Д.-М. Шихалиева, до первого имама Дагестана Газимагомеда на Кумыкской плоскости было много мелких деревень, которые «первоначально были не что иное, как хутора», со времени превратившиеся в прочные деревни». Они принадлежали как князьям, так и сала-узденям[4].

До переселения в Засулакскую Кумыкию Султан-Мута здесь было много свободных земель. Но с образованием Эндиреевского владения вся земля перешла в собственность сначала Султан-Мута, а затем княжеских фамилий. Поэтому сала-уздени уже не имели возможность, как в прошлом, увеличивать свою земельную собственность, сажая на свободные земли новых пришельцев, попадавших в зависимость от них. Сала-уздени были сильны и сплочены. Поэтому князья, чтобы привлечь их на свою сторону и иметь в лице их социальную опору, наделяли сала-узденей землей и давали им различные подарки. В результате земельная собственность сала-узденей еще больше увеличивалась и, таким образом, становясь экономически сильнее, они приближались к сословию самих князей. Именно эта часть или группа сала-узденей, известная как уллу-уздени (старшие уздени) или первостепенные уздени, как писал Д.-М. Шихалиев, являлась владельцем больших земельных угодий «с канавами или без ка-

---

[1] Там же.

[2] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.38; Белобородов А. Указ.соч. // Терские ведомости. 1896. № 145.

[3] Белобородов А. Указ.соч. // Терские ведомости. 1896. № 145.

[4] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.37-38.

нав, кутанами (зимними пастбищами – Б.А.), горами»[1] (летними пастбищами – Б.А.).

Остановимся на отдельных примерах по землевладению сала-узденей. Так, согласно источникам, князья дарили земли предкам сала-узденей Темировых[2], Качалаевы имели в кочевьях кутан, устроенный, как сказано в источнике, ими давно[3], под названием Качалай-кутан, в котором они имели свои канавы (Качалай-татаул), «с незапамятных времен» (по показанию сала-узденя Хамау Качалаева в 1865 г.) и землю Качалал-тюбе[4]. Земля по правой стороне Гергеук-татаула вниз от Умаш-аула по канавам Умаш-татаул и Орпа-татаул принадлежала сала-узденям Казбековым[5]. Участок между западной стороной Муцал-аула и Лаклантортовской канавой принадлежал сала-узденям Эльмурзаевым. Земли первостепенных узденей Паштовых и Кандауровых под названием Кабачи-тюбе, лежащие вверх от Эндирея, были родовой собственностью Паштовых и Кандауровых, которыми, как и всеми принадлежащими землями, обе фамилии владели поровну[6].

Большие земельные массивы имели и другие сала-уздени: Такаевы, Тавлуевы, Раджаб-Аджиевы, Тутушевы, Азнауровы, Карабудаговы, Умар-Аджиевы, Гебековы, проживавшие, как и вышеперечисленные фамилии, в своих кварталах в Аксае и Костеке[7].

Д.-М. Шихалиев писал о возможности перехода в сословие сала-узденей других представителей общества, также имевших большие земли. Так, он отмечал: «Так как владеть землями с проведением на оной канавою, было свойственно одним сала-узденям, то пожалованные такими же угодьями Андреевские–Казбековы и Аксаевские–Азнауровы причислены к сословию са-

---

[1] Там же. С.48.
[2] ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.9. Л.100.
[3] Там же. Оп.5. Д.5. Л.160.
[4] Там же. Оп.1. Д.14. Л.39.
[5] Там же. Л.77-78.
[6] Там же. Л.82, 87.
[7] ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.9. Л.104; Л.10; Оп.5. Д.5. Л.160; Оп.1. Д.14. Л.39, 77-78, 82, 87, 104; Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 78.

ла, не по происхождению, а по земле»[1]. Как сказано в Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области, к сословию сала-узденей причислились «и выходцы из именитых родов Кабарды, Крыма, Аварии»[2]. Значит, последние также имели земли на таких же правах, как и сала-уздени – первосельцы Засулакской Кумыкии. Как отмечал Д.-М. Шихалиев: «Уздени других фамилий (перечисленных нами выше – Б.А.), которые назывались общим именем уллу-оздень, т.е. старший уздень, владеют землями с канавами или без канав, кутанами, горами»[3].

Это потомки тех сала-узденей, которые «заложили основание Кумыкскому владению»[4] (Эндиреевскому княжеству – Б.А.).

Наличие в собственности земли делало сала-узденей свободными, сильными и влиятельными. Как отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский, только эти землевладельцы-первосельцы кумыкской плоскости не зависели от князей и даже не упускали случая, «чтобы ослабить власть князей». Более того, они соперничали с князьями, и часто вступали с ними в междоусобицы[5].

Основные земли, находившиеся в собственности сала-узденей, – это земельные угодья, полученные ими по наследству, на которых обосновались их предки-первосельцы, а не участки, полученные от князей. Иначе и не были бы такие отношения их с князьями, дававшими им земельные участки. Как отмечалось и выше, и после образования Эндиреевского княжества Султан-Мута сала-уздени сохранили свои земли, они были неприкосновенны. Отмечая это, Д.-М. Шихалиев писал: «Сословие сала-узденей кумыкских, единоплеменное салатавцам и вместе с гуенами и тюменами под покровительством князей положившее основание кумыкскому владению, **сохранило до сих пор** (т.е. до середины XIX в. – Б.А.) **неприкосновенными все свои земли,**

[1] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.48 (примечание).
[2] Феодальные отношения … С.8.
[3] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.48.
[4] Феодальные отношения … С.86; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.38; Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.46.
[5] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.38.

какие когда-либо само приобретало или от князей получило»[1] (почеркн. мною – Б.А.).

По объяснению самих сала-узденей, преимущество их состояло именно «в том, что они владели населенными землями, пользуясь с жителей поземельными доходами и булкою (повинность), сами же не отбывали никаких повинностей князьям»[2]. Это значит, что они имели на свою земельную собственность такие же права, как и другие феодалы-землевладельцы в своих владениях или поместьях. Их земельная собственность была такой же частной (мюльковой) земельной собственностью со всеми вытекающими из нее правами – продажи, дарения, завещания, обмена, залога и т.д. Как отмечается в «Записке комиссии о сословном строе в Кумыкском округе Терской области»: «**Сала уздени, или первостепенные уздени, все владели поземельной собственностью и, как землевладельцы, пользовались одинаковыми правами с князьями и чанками**»[3] (подчеркн. мною – Б.А.). Именно поэтому они «**искони были свободны от всяких повинностей, что считалось между народом самым главным преимуществом**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.). И что очень важно, отмеченное в указанной «Записке», «узденское достоинство считалось присущим по рождению, а поэтому князья не могли давать или лишать этого достоинства»[5]. Это говорит о самостоятельности, независимости первосельцев-сала-узденей от князей не только в вопросах землевладения, но и их сословной принадлежности, как особой группы класса феодалов. И еще, что важно отметить, полученная от князей земля являлась безусловной, сала-уздени за нее не обязаны были ничем. Сала-уздени лишь «были приближенными князей, начальниками их дружин. Они имели крепостных и рабов и не платили князьям никаких податей»[6], и «вместе с князьями участвовали в защите страны и в предводительствовании в военных предприятиях»[7]. Как об этом же еще в 1812 г. пи-

institute of history.ru

[1] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.46.
[2] Феодальные отношения … С.86.
[3] Там же. С.89.
[4] Там же.
[5] Там же. С.90.
[6] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.201.
[7] Феодальные отношения … С.89.

сал А.М. Буцковский (отмечая в то же время, что и подчиненные или зависимые от сала-узденей также не платили князьям ничего), «**сила сих** … (сала-узденей – Б.А.) **зависит от достатка земли**»[1]. А.М. Буцковский писал об узденях, имевших «своих подданных», которыми и были сала-уздени, и подобно князьям и чанкам, «сами никогда не занимались полевыми работами, и занятия эти считали для себя унизительными». Поэтому сала-уздени, как и князья, «земли свои отдавали в пользование тем кварталам, которые не имели землю общественной, или на землях своих водворяли аулы из разных горских выходцев и в обоих случаях пользовались с тех жителей условленными работами (булка) или поземельной податью (ясак)»[2]. Земли сала-узденей, – как писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – были «не обширны, но в самых лучших местах, и все поблизости деревни (Эндирея – Б.А.). Хлебопашеством в настоящее время (речь идет о 40-х годах XIX в. – Б.А.) занимаются они прилежно и сами, вместе с холопами своими, выходят на полевые работы». Далее он отмечал, что «так как через квартал их проложена базарная улица, то главный доход получают с лавок, отдаваемых ими в наем жидам и армянам. Чагаров у них нет; но у многих есть хутора, заселенные выходцами или безземельными кумыками из вольного сословия, которые платят им ежегодный оброк». Писал он и о том, что у сала-узденей не было узденей[3].

В противовес М.Б. Лобанову-Ростовскому Н. Дубровин писал, что первостепенные уздени имели, кроме собственных земель, еще чагаров и рабов[4]. О наличии у сала-узденей невольников до него писал и Д.-М. Шихалиев, отмечая, что их земли обрабатывались выходцами из разных гор» или теми жителями, кто не имел земли[5], за что они обрабатывали их земли и давали поземельную подать «ясак», как сказано в «Записке комиссии о со-

---

[1] Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // ИГЭД. С.239-240.

[2] Феодальные отношения … С.87.

[3] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.34-40; См.там же: Макаров Т. Указ.соч. // Кавказ. 5 октября. 1860. № 78.

[4] Дубровин Н. Указ.соч. Т.1. Кн.1. С.629.

[5] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.39.

словном строе в Кумыкском округе Терской области»[1]. О наличии у сала-узденей, кроме земель, пастбищных гор и кутанов, чагаров и рабов, как было отмечено выше, писали и советские ученые, в частности Х.-М.О. Хашаев и С.Ш. Гаджиева[2].

В исследуемое время в Засулакской Кумыкии было 12 сала-узденских фамилий, о чем писал Т. Макаров[3]. Если каждая фамилия имела по несколько, а может быть и больше семей, то надо полагать, что сала-узденей было довольно много. Значит, и их землевладение, как одна из форм феодальной земельной собственности в Засулакской Кумыкии, было довольно распространенным явлением.

В Засулакской Кумыкии имелись еще два мелких собственника земли – гуены и тюмены. «К этому последнему разряду, – писал Д.-М. Шихалиев, – я причисляю гуенов и тюменов, древнейших обитателей края, вместе с сала прежде всех признавших власть Султан-Мута и положивших основание кумыкскому владению. Хотя Султан-Мут и сыновья его Казаналип и Айдемир **утвердили за ними тогдашние их земли** (подчеркн. мною – Б.А.), но гуены и тюмены в продолжение многих лет должны были бороться со всевозможными препятствиями, мешавшими им пользоваться своим достоянием, и результатом всех деяний и справедливых усилий было то, что **они сохранили до сих пор неприкосновенными свои права на поземельную собственность** (подчеркн. мною – Б.А.) и некоторые характеристические обычаи. **Ныне гуенам** (первая половина XIX в. – Б.А.) **принадлежат превосходные земли не в дальнем расстоянии от Андреева и по берегу Сулака, выше Темир-аула; тюменам принадлежит урочище Бурунчак за Сулаком**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.).

Практически феодальной по своим размерам и формам пользования являлась земельная собственность дагестанского высшего духовенства и феодальной уже и еще феодализирующейся знати союзов сельских общин. Духовенство в целом «со-

---

[1] Феодальные отношения … С.87.
[2] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.201; Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.109.
[3] Макаров Т. Указ.соч. // Кавказ. 5 октября. 1860. № 78.
[4] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.42.

ставляло самую многочисленную и разветвленную группу привилегированного сословия»[1].

Верхушка этого сословия была еще больше привилегированна и была близка к феодальному классу и по своему положению в обществе, и по своему экономическому положению – наличием движимого и недвижимого имущества. Нет необходимости говорить обо всех доходах, которые получало духовенство вообще и его верхушка. Но отметим, что большие доходы она получала от вакуфа. В собственности же их находились земельные угодья. «Крупное духовенство, кадии, а также некоторые муллы, – писал Х.-М.О. Хашаев, изучая общественно-экономический строй кумыков, – владели собственными землями и распоряжались вакуфным имуществом»[2]. При этом рядовые члены общества подвергались настоящей эксплуатации. Как писал Г.Г. Османов: «Все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом, по обработке земли, сбору урожая, по доставке дров для мечети, по ремонту домов, мельниц и т.д. лежали на крестьянах»[3].

Как писал Р.М. Магомедов, в Аварии шейх-ул-исламы, шейхи, кадии и др., подобно в других местах, составляли «особую феодальную группу», владевшую «землями и скотом … являлись распорядителями мечетских вакуфных земель» и «будучи феодалами … жестоко эксплуатировали сельское население вольных обществ»[4]. При этом применялись различные формы и методы эксплуатации. В гидатлинском селении Мачада кадий установил определенный порядок выделения заката – вносить его по окончании Рамазана (уразы). Кто имел пропитание хоть на один день, должен был выделить из своего хлеба по саху с каждого члена семьи и отдать духовенству. За нарушение установки кадия взыскивали штраф – четыре шали[5].

Члены горских общин обязаны были бесплатно обрабатывать мечетские земли и земли духовенства. «Кто не молотит мечетское зерно, – сказано в адатах Караха, – и кто не подал его по

[1] Османов Г.Г. Указ.соч. С.148.
[2] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.201.
[3] Османов Г.Г. Указ.соч. С.150.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.56.
[5] Там же.

распоряжению судей в мечеть, – с него взыскивается мерка зерна. Кто не выполнил распоряжение судей относительно вакуфного и мечетского дела, – как-то: чистка и молотьба зерна, печение хлеба и изготовление толокна и подвозка в мечеть, – с него взыскивается мерка хлеба ежедневно»[1]. «В Мачада крестьяне поочередно обрабатывали вакуфные земли, свозили урожай, удобряли поля. Если кто не обрабатывал в свою очередь вакуфные земли, с того взыскивался штраф – котел весом в четыре ратала»[2].

Говоря словами В.П. Илюшечкина, все это было присвоение прибавочного труда, прибавочного продукта, который присваивался духовенством в виде трудовых повинностей, когда общинники работали бесплатно на землях мечетей и самого духовенства[3].

Проф. С.Ш. Гаджиева прямо писала: «К господствующему классу относилось и духовенство, которое, кроме своих мюльков, пользовалось вакуфами или примечетскими землями … Духовенство распоряжалось значительной частью «заката», получаемого от крестьян …»[4]

На самом деле верхушка духовенства, имея большие земельные угодья, представляла собой привилегированное феодальное сословие. Х.-М.О. Хашаев привел, хотя и позднего времени, сведения о землях духовенства Лакии. «В сел. Казикумух, – писал он, – кроме ханов, беков и чанков, крупными землевладельцами были лица из фамилии кадия, в 1905 г. Камиль-кадиоглы имел 243 десятины земли, Максуд-Мустафа-оглы – 375 десятин и т.д.»[5]

О привилегированном положении кадий, шейхов и сеидов Табасарана, которые распоряжались вакуфами и в то же время имели и свои собственные земли, пишет М.Р. Гасанов[6]. Г.-Д. Даниялов, отмечая привилегированное положение верхушки духовенства, в то же время писал, что они имели свои земли, богат-

---

[1] Там же. С.56-57.
[2] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.57.
[3] Илюшескин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С.150.
[4] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.111.
[5] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.162.
[6] Гасанов М.Р. Очерки … С.181.

ство и зависимых крестьян и «были явными угнетателями наравне с беками и князьями» и что особенно важно, на что указывал он: «Некоторые из них, имея должности по наследству, **были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.).

В подтверждение слов Г.-Д. Даниялова приведем конкретные примеры. Так, известно, что акушинский кадий имел на территории Акуша хорошие и большие земельные угодья, передававшиеся по наследству. Магомед-кадий купил еще на плоскости за 4 тыс. руб. пастбище Бебук угбулак[2]. О наличии в собственности акушинского кадия «больших и хороших имений» сказано и в архивном источнике[3]. Х.-М.О. Хашаев называл акушинского кадия «главным феодалом», имевшим «**более 500 десятин земли**» и распоряжавшимся «всем фондом зяката, вакуфа, общественными суммами и штрафами»[4]. Другой акушинский кадий Зухум был крупным овцевладельцем. В 1844 г. из 14 тыс. овец, пасшихся на кутанах шамхала, 3600 принадлежали ему[5]. По данным 80-х годов XIX в., отдельные богачи Акуша имели до 10 тыс. овец[6]. Были богачи и в Верхнем Кайтаге. Хозяйство Абу-Бакара Нурбаганд-оглы из Уркараха имело 45 лошадей, 3 осла, 70 саб пахотной земли, 20 саб покоса и 6 тыс. овец. Умалат-бек-оглы имел 51 лошадь, двух ослов, 2 тыс. баранов, 70 саб пахотной земли и 15 саб покоса; Магомед-Бумудар-оглы – 30 голов рогатого скота, 32 лошади, 500 овец, 45 саб пахотной земли; Наби Хапиз-оглы – 8 голов рогатого скота, 10 лошадей и 100 овец. Магомед-Расул Омар-оглы из Дибгалика имел 40 голов крупного рогатого скота, 30 лошадей и 2 тыс. овец; Абдулла-бек Раджаб-оглы из этого же селения имел 25 голов крупного рогатого скота, 15 лошадей и 1100 овец[7].

Крупными землевладельцами в Урахинском обществе также были кадии и их ближайшие родственники. В начале XIX в. ка-

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institutofhistory.ru

[1] Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.43.
[2] РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.326. Л.197; Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.171.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.9.
[4] РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.1. Л.197. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.171.
[5] Движение горцев … С.456-457.
[6] ЦГА РД. Ф.21. Посемейные списки 1886 г. Общество Акуша.
[7] Там же. Оп.5. Д.42. Л.51-52; 101-102, 126-127, 128-129.

дий Абдулкадир накопил огромные земельные угодья, покупая земли у односельчан. Еще при жизни он дал своим сыновьям Газибеку, Абдулкериму и Абдурашиду по 12 дес. (на 100 барха засева) земли. После него кадием стал Абдулкерим, сын его, которому принадлежала половина местности Чакашулла ургуба, участок леса против Махаргимахи. Он захватил также 3 га земли в местности Биштал Ираула, где пас свою лошадь[1].

Владельцев больших земельных угодий в горных обществах Дагестана было повсюду. В Ураги (Сюргинский союз) одна семья имела 8 пахотных участков, стоимостью 830 манат, и несколько сенокосных участков, стоимостью в 52 маната; другой житель Сюрга, согласно документу от 1758 г., имел 4 сенокосных и 8 пахотных участков; согласно записи в Ицаринской рукописи Хулахма и Мухантар имели 12 пахотных участков; житель Аштy Курбан-Исмаил и его сын имели 5 пахотных участков и одно пастбище[2]. Один житель Усиша – Алибек, сын Талхъан-Гаджи имел 19 сенокосных участков; Магомед-Расул, сын Асхабар-Гаджи совместно с другими усишинцами – 13 сенокосных участков[3]. Местность в 300 га под названием Газимирзабек принадлежала целиком одному усишинцу[4]. У акушинца Магомеда Мусаоглы вместе с совладельцами и жителями Мюрего и Утамыш находился участок земли кутана Эльдери, площадью 212 га[5].

Выделение собственников больших земельных массивов вызвало в горных обществах социальную дифференциацию, в результате чего появились и безземельные, и богатые, сосредоточившие и рабов, и мелкий, и крупный рогатый скот и главное – «земель в руках [этих] богатых узденей»[6].

В начале 70-х годов XIX в., по сведениям Владимира Вильера де Лиль-Адама, мекегинский старшина Кадила Баганд имел много земли и 5 тыс. овец, его имение оценивалось в 50 тыс. руб.[7]

---

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.111-112.
[2] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин … С.186-187.
[3] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.167-168.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-оне в 1962 г..
[5] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.32. Л.1.
[6] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.170.
[7] Вилльер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып.VIII. С.13.

Он же писал, что один хаджалмахинец имел большой фруктовый сад[1]. Известно, что в то же время мекегинец Омар Гасан купил у карабудахкентского бека 240 десятин земли. Позже в даргинских обществах были владельцы сотен десятин земли[2] и много тысяч голов скота. Согласно одному источнику, когда после похода А.П. Ермолова в 1819 г. в Акуша освободились все русские, имевшиеся здесь, один акушинец давал бывшему старому солдату, работавшему у него и обогатившего его своим трудом, 2 тыс. руб. серебром, 20 коров и 50 баранов, чтобы он остался у него[3]. В Табасаране в селении Вертил жил богач Жюгель, владевший пастбищной горой Ралак и другими категориями земель. На него работали крестьяне (обрабатывали поля, заготавливали корм для скота на зиму и т.д.) селений Урчи, Яраг, Джучи, Фурдаг и Вертил[4]. Один житель Чираха, ставший затем наибом Шамиля, согласно записи в Коране, имел не только пахотные и сенокосные участки, но и обширное пастбище[5].

Очень много владельцев больших земельных угодий находилось в Салатавии, которые покупали их у засулакских князей. Причем они относятся к изучаемому периоду, т.е. к XVIII – первой половине XIX в. Нет необходимости приводить все эти примеры, так как они, как новые документы о земельных отношениях в Салатавии, опубликованы Ш.М. Мансуровым еще в 1981 г. в одном из сборников отдела истории Дагестана до XX века ИИАЭ ДФ АН СССР и использованы нами в ряде наших работ. Отметим лишь, что в частной собственности салатавцев были как пахотные и сенокосные участки, так и целые пастбищные горы. Причем больше всего собственников было в селении Чиркей[6]. Здесь же можно отметить, что в этом богатом селении были самые крупные барановоды и, естественно, они владели и пастбищами.

---

[1] Там же. С.20.

[2] ЦГА РД. Ф.21. Оп.4. Д.101. Л.115, 118, 121; Ф.80. Оп.2. Д.4. Л.79; Ф.80. Оп.3. Д.18. Л.81.

[3] РГВИА. Ф.ВУА. Колл. 482. Д.128. Л.22. Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.170.

[4] Магомедов Р.М. Дагестан … Вып. I. С.161-162.

[5] Полевой материал, собранный в сел.Чирах Агульского р-она в 1975 г.

[6] Новые документы о земельных отношениях в Салатавии // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981. С.108-120.

Наиболее крупными барановодами были Магомедхаджиев и его сыновья. Свои пастбищные горы он назвал именами своих сыновей: Салатгерей-меэр (горы Салатгерея), Бецца ХIяжиясул-меэр (гора Бецца Хажиева) и МухIамирзал-меэр (гора Мухамирзы)[1]. Другой барановод Давуд Хаджияев имел 7-8 тыс. овец. Пайзулаев в середине XIX в. имел 25 тыс. овец. Для содержания чиркеевских овец требовалось более 600 человек. В начале XIX в. в селении Гертма самым богатым был барановод Гаджиев, который нанимал одновременно до сотни чабанов[2].

Выше мы говорили о земельной собственности высшего духовенства Урахинского союза. Здесь находились и крупные землевладельцы – общинная верхушка. Так, крупными землевладельцами в Урахи были ШягIбанхъали, имевшие земли даже на территории Кичигамри. На одном пахотном поле его при советской власти было 10 приусадебных участков. Еще в XVIII в. крупным землевладельцем в Урахи был ХьанцIа НурбахIянд – основатель тухума ГъничIухъали. Земли его находились в местностях ХIябкьяй, ГIвямаршалахъяр, Чакалла гIиниз, БахIла гIилала, ГъинчIухъала гIярми, ХолахIяллишила, КьолъалишилаЧIугIясла къада и т.д. У Нурбаганда было много скота, одних только буйволов 18 голов. Имел много земли в местности Байгьабил гьуни около Урахи и хутора МулигIимахи (на 50-60 барха засева) брат кадия Абдулкерима Газибей[3].

Интересный материал о крупных землевладельцах имеется по Южному Дагестану. Согласно сведениям, собранным М.В. Саидовой, в Ахтынском обществе «собственность на скот создала такую глубокую дифференциацию, что еще до XIX в. выделилась верхушка узденей, имевших от 4 до 12 тысяч баранов, до 100 и более лошадей и владевших большими пастбищами, пахотными и сенокосными участками[4]. Р.М. Магомедов писал, что в «Ахтах и

---

[1] Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей (на авар. яз). Махачкала, 1972. С.18

[2] Там же.

[3] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.111-112.

[4] Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс… канд. ист. наук. М., 1947. Л.119, 137; см.также: ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142. Л.24; Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т.III. С.116.

Кюре **с давних времен существовала феодальная знать, она пользовалась всеми привилегиями земельных собственников и, прикрываясь адатами, эксплуатировала местное население** (подчеркн. мною – Б.А.), но феодалы здесь еще не окрепли»[1]. По сведениям южнодагестанской сословно-поземельной комиссии о сословно-поземельном строе в Самурском округе, отдельные хозяйства имели в собственности пастбищные горы. Так, двое из жителей сел. Смугул имели в своей собственности ятаги, т.е. пастбищные горы[2].

Очень интересный материал собрала М.В. Саидова по Рутулу. В первой четверти XIX в. в Рутуле был богач по имени Музукайя, имевший 500 овец и захвативший у общины обширные пастбища; другой богатый рутулец – Кетхудьер (может быть, это старшина: кетхуд – старшина, отсюда и прозвище кетхудьер) имел от 1000 до 3000 баранов; богач Ага-хан имел 1000 баранов, 100-150 лошадей, собственное пастбище, он завладел и лучшими пахотными участками, расположенными близко от Рутула. Земли его обрабатывали нукеры (батраки)[3]. Таких богатых узденей рутульцы называли кетхудьярами[4]. Это была настоящая феодальная и феодализирующаяся знать, отличавшаяся от остальной массы узденства своим богатством и правовым положением в обществе.

Земельная собственность местной феодальной и феодализирующейся знати увеличилась и за счет даров феодальных владетелей за «верную службу». Так, житель селения Нижний Стал Пир-Гасан получил от Сурхай-хана за службу ятаг для пастьбы скота[5]. Земельный участок Кулардж площадью 581 десятина был предоставлен ханом безвозмездно арсугскому старшине Коджар-Джамалу из влиятельного тухума Кошанского магала[6].

Р.М. Магомедов, говоря о процессе разложения сельской общины в Аварии и связанной с этим социальной дифференциа-

---

[1] Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С.295.
[2] Саидова М.В. Указ.раб. Л.116.
[3] Там же. С.111.
[4] Там же. С.139.
[5] ЦГА РД. Ф.90. Оп.20. Д.20. Л.71. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ.соч. С.149.
[6] Там же. Ф.130. Оп.1. Д.1. Л.3. С.149.

ции, писал, что выделившиеся из общины в XVIII-XIX вв. «**представители знати в джамаатах уже сделались крупными собственниками земли и скота** (подчеркн. мною – Б.А.). На этой основе в аварских вольных обществах развивался феодальный уклад».

И далее, на что он обратил внимание: «Формирование **земледельческой знати** (подчеркн. мною – Б.А.) … шло в первую очередь за счет глав тлибилей, шухби, бегаулов, верхушки мусульманского духовенства. **Эта часть состоятельных верхов вольного общества разными путями экспроприировала джамаатские земли и земли своих соседей общинников и ставила общинников в кабальную зависимость**»[1] (подчеркн. мною – Б.А.). Так, крупный скотовод Анди Араш захватил пастбищные земли джамаата Ашали. Араш послал на ашалинскую землю свой скот и лошадей и объявил ашалинцам, что отныне она принадлежит ему. Захваченная земля стала называться «земли Араша»[2].

В Аварии, как писал Р.М. Магомедов, земледельческая знать в одних общинах только выделялась в изучаемое время, а в других уже к XVIII в. произошло выделение особых феодальных династий[3]. Типичным представителем такой знати был Динга Хаджи из Тинди, который «являлся феодалом, превратившимся из племенного вождя в князя. По преданию **Динга Хаджи был крупным работорговцем, владельцем больших отар овец, пастбищ и пахотных участков**» (подчеркн. мною – Б.А.): он имел четырех жен и был неограниченным властелином в обществе. Как иначе, чем феодалом, можно назвать такого предводителя набегов, наводившего ужас на Грузию?»[4].

Типичным феодалом называл Г.Д. Даниялов и Ахалава из бывшего Бежтинского округа, который, как полагал он, пользовался определенной формой господства и имел экономическую и политическую власть. «Без этого, – писал Г.Д. Даниялов, – он не мог быть в близких отношениях с царем Грузии Ираклием Вто-

[1] Магомедов Р.М. Общественно … С.54.
[2] Там же. С.54-55.
[3] Там же. С.55.
[4] Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.47.

рым, а также с могущественным Уммаханом Аварским»[1]. Знатнейшим лицом в Джурмуте в это время был Мама Шабан[2].

В обществах Аварии было много богатых землевладельцев и особенно собственников многочисленного скота. Так, по данным 1831 г., у богатых жителей Антль-Ратля было от 8 до 10 коров и от 200 до 300 овец, от 3 до 4 лошадей. Согласно данным 1844 г., богатые хозяева Тиндинского общества имели по 20 голов крупного рогатого скота и по 300 голов овец, в отдельных хозяйствах общества Ратлуб насчитывалось до 100 голов крупного рогатого скота и до 1000 овец[3].

Интересные сведения, относящиеся к 60-м годам XIX в., собрал Н.И. Воронов по Гидатлинскому обществу. По его сведениям, только крупного рогатого скота здесь было до 10 тыс. голов, т.е. в среднем около 5 голов на каждый двор[4]. Конечно, этот скот не был распределен равномерно, и среди гидатлинцев были такие, которые имели десятки голов, а другие – от 1 до 3 голов. По его же сведениям, много овец имелось в Тлейсерухе и Мукратле, количество их доходило до 112 тыс. голов при населении 4 тыс. человек. В среднем на одного жителя приходилось до 28 баранов[5]. Если же учесть неравномерность распределения их, то, надо полагать, что отдельные из них имели по тысячи и более овец, и они, конечно, не могли обходиться без посторонней помощи при проведении различных работ – перегон, дойка, стрижка овец и т.д. К этому же времени относятся сведения Н. Львова о телетлинцах, согласно которым, наиболее богатые из них имели по «10 голов крупного рогатого скота и 300 штук овец». Интересны сведения его и по найму работников для проведения сельскохозяйственных работ в Аварии, которые нанимались «во время покоса или жатва», за что получали «в день от 15-ти до 80 коп., с хозяйственной пищею». Более легкие работы оплачивались гривенником, пятью коп., или вместо денег мукою; бывало и так, что ра-

---

[1] Там же. С.46.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д.6528. Ч.2. Л.110.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д.103212. Колл. 414. С.201. Хашаев Х.-М. Общественно-экономический … С.37.

[4] Воронов Н.В. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.1. С.29.

[5] Там же.

ботницы не получали ничего, довольствуясь обедом и ужином, куском курдюка, сушеной баранины, яичницей и т.д. Хозяева, без сомнения, были рады таким работникам, так как они обходились им очень дешево[1].

Очень интересный материал сохранился по «аристократии».

Выше были приведены сведения о количестве крупного рогатого скота в Гидатле. Но здесь имелись и свои землевладельцы. Это «аристократы-*чухби*» из четырех (Урада, Тидиб, Гинта и Мачада) сел, от которых в зависимости находились нахатели (нахателал). Они платили чухби харадж, который должны были «отправлять на ток шамхала, расположенный в местности Циниб. Кто не делал этого, резали того корову. В соглашении между гидатлинскими аристократией и нахателами записано, что «этот обычай был у гидатлинцев давно, он был установлен «ими от отдаленных предков»[2]. Шамхал, происходивший из Казикумухского шамхальского дома и живший в местности Циниб, был убит еще до Шамиля, а бекские права гидатлинских беков были полностью ликвидированы в период движения горцев под руководством Шамиля[3]. Пастбищные горы шамхалов, известные как «Шамхальские горы», за пользование которыми гидатлинские шамхалы получали подати, были превращены в байтулманские. С.Х. Асиятилов, изучая историю Гидатля, остановился и на местной знати, их земельной собственности. Он писал, что «важнейшие сенокосные угодья, расположенные вдали от населенных пунктов, вплоть до Великой Октябрьской революции принадлежали феодальной знати». Это сенокосы в селении Урада, известные под названием «Халахмадизилал меч» – покосы Халихмадиловых и покосы Халиловых, Хажилал и др.[4] Он также писал: «В частной собственности феодальной знати были также леса и пастбища. Они имелись в урочище Чорщи и Гонаб Кахибского района (ныне Шамильский район – Б.А.) и во многих других районах Аварии». Причем по его утверждению: «Переход покосов и

---

[1] Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.III. С.13.

[2] Хрестоматия по истории права … С.80-81; Феодальные отношения … С.30.

[3] Там же.

[4] Асиятилов С.Х. Указ.соч. С.38.

зимних пастбищ в частную собственность феодальной знати уходит своим становлением в раннесредневековую эпоху»[1].

Как видно из перечисленного материала, во всех регионах Дагестана в изучаемое время большими земельными угодьями владело и высшее мусульманское духовенство, и местная феодальная фактически и еще феодализирующаяся знать, которая порой не уступала по имеющимся в их собственности земельным владениям не только низшей группе феодалов, но и мелким бекам. Они, как и феодалы дагестанских владений, эксплуатировали рядовых общинников, получая за пользование их землями подати. Прибегали они и к труду крестьян в своем хозяйстве.

4. Условное землевладение дагестанских феодальных владений – бенефиция средневековой феодальной эпохи

В дагестанских феодальных владениях была еще одна форма феодального землевладения – это условное землевладение, как порождение крупного феодального землевладения и феодализма в целом. А последнее существовало в Дагестане издавна, следовательно, и условное землевладение существовало давно, со времени возникновения феодальных отношений.

Само название изучаемой формы землевладения – условное – говорит о том, что оно было связано с выполнением тех или иных обязательств на крупного землевладельца.

В изучаемое время условное землевладение существовало повсюду. «Основным видом феодального землевладения в аварских ханствах, – писал Р.М. Магомедов, – было бекство, а затем шло условное землевладение, соответствующее русскому поместью»[2].

Основной формой служебного или условного землевладения в Дагестане, как и повсюду, была военная служба, хотя наделялись землей и другие категории служилых людей. Получателями земель от феодальных владельцев являлись как их приближенные – близкие родственники, так и феодальная служилая знать – мурзы, назиры, нукеры и т.д. В зависимости от того, кто был получа-

[1] Асиятилов С.Х. Указ.соч. С.39.
[2] Магомедов Р.М. Общественно … С.99.

телем земли, зависели и формы землевладения – крупное или мелкое, пожизненное или временное держание.

Условное землевладение – это бенефиция западноевропейских феодальных государств. С.В. Юшков отрицал наличие в Дагестане бенефиция[1]. Р.М. Магомедов, напротив писал, что условное землевладение – это военно-ленные земли, т.е. земли, отдаваемые феодальными владельцами в качестве лена и бенефиция[2]. По его мнению, «лен» равнозначен дагестанскому «назру», т.е. отдача ханами земель в пожизненное и временное пользование. Лен и бенефиций Р.М. Магомедов считал особой формой феодальной собственности, вместе с тем отмечая неясность, «с чем было связано возникновение ленных отношений в дагестанских ханствах»[3]. Он отмечал также, что ленные отношения в дагестанских ханствах отличались от ленных отношений, имевших место в Западной Европе в эпоху феодализма. «На западе, – писал Р.М. Магомедов, – феодал-землевладелец отдавал вассалу земли на определенных условиях. Условная дача в жалование земель практиковалась и в России. В дагестанских ханствах же в роли своеобразного «вассала» выступает не одно лицо, а целый коллектив, т.е. сельская община и иногда вольное общество. При ленной системе внутри ханства хан жаловал землей отдельные узденские джамааты, сохранившие свое общинной устройство и самостоятельность населения. Таких джамаатов в ханствах было много. Например, население Тануси аварского ханства за пользование ханским пастбищем несло службу ханам путем очередного выделения из состава своего населения нукеров. Другие узденские джамааты, если они не несли феодальных повинностей, за полученную землю должны были участвовать в войнах и набегах хана»[4].

Выше при изучении крупного частного (мюлькового) землевладения отмечалось, что феодальные владетели имели в собственности пастбищные земли на территориях союзов сельских общин. Часть этих земель они использовали в качестве средств

[1] Юшков С.В. Указ.соч. С.79, 85.
[2] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.387.
[3] Там же. С.388.
[4] Там же.

получения ренты. Другую часть отдавали в пользование этим союзам или отдельным общинам. Эта вторая часть и находилась в условном пользовании. Так, летние пастбища андийцев сначала находились в их пользовании за службу, затем они за это стали нести повинности. Также пользовались ханскими горными пастбищами унцукульцы[1]. Если верить сведениям Хрисанфа, 4 союза сельских общин – Гидатл (Гид), Киль, Куваль и Каралал имели «издревле обязанность по требованию хана доставлять войска на собственном их продовольствии»[2]. По мнению Р.М. Магомедова, «в основе этих отношений лежали мотивы не столько политического направления, сколько экономического»[3].

Из приведенных примеров Р.М. Магомедов делает весьма важный вывод, «что выделение, т.е. пожалование ханом земель отдельным джамаатам и вольным обществом являлось важным этапом в развитии феодальной собственности и феодальной власти в Аварии»[4].

Как отмечалось выше, бекское землевладение в изучаемое время было наследственной собственностью и не было связано со службой. Участие беков в военных акциях правителя было само собой разумеющееся, как ближайших его родственников и вассалов. Но ранее, очевидно, беки получали земли по наследству за службу. Как отмечал М.М. Ковалевский, в первое время «право обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления крестьян известного округа» было «всецело связано со службой и прекращается вместе с ней. Но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличаемого от собственности»[5]. Это и есть типичное условное пожалование. Беки в тот период получали в управление земли за службу. Со временем же право пользования рентой превращается в право пользования землей. Это право пользования землей превращается в право владения ею и, наконец, в право собственно-

institutofhistory.ru

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч.
[2] Там же.
[3] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С.269.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.388.
[5] Ковалевский М.М. Указ.соч. Т.1. С.228.

сти, с чем мы имеем дело в исследуемый период, когда беки получали от владельцев земли по наследству и они стали крупными феодальными землевладельцами, как наследники правящих владельцев.

Вместе с тем и в изучаемое время феодальные владетели передавали определенные села и часть территорий в управление своим близким родственникам и другим людям за определенные услуги. Существовали различные формы условного держания – крупное и мелкое, наследственное, пожизненное и временное, что зависело от личности получателя земли – беки, чанки, сала-уздени, нукеры, уздени и т.д. В первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что уцмий «**своих старшин и знатных людей жалует и одаривает**» (подчеркн. мною – Б.А.)[1], из чего можно предположить, что здесь имели место различные формы дарения. О шамхальстве Тарковском этот же автор писал, что «большие деревни и из малых несколько вместе розданы сыновьям шамхальским и **нескольким знатным людям дагистанского народу для содержания**»[2] (подчеркн. мною – Б.А.).

В Илисуйском султанстве беки получали земли в условное пожалование, султан представлял им право временного получения доходов с части «удельных» или других зависимых селений[3] «в вознаграждение за службу право обращать в свою пользу все, что мугалы и ингелойцы должны были вносить за пользование уступленной им во владение землей»[4]. Эту часть беков М.М. Ковалевский называл второстепенными начальниками[5], В. Линден – наиболее влиятельными «лезгинами»[6]. А И.П. Петрушевский называл этих беков беками «не знатного происхождения», которые получали «бекское звание за личную службу султану, не передававшие своих прав по наследству, и не владевшие кешкелями». Он называл их также «простыми агентами феодалов» и не относил их к феодалам, хотя и называл беками[7].

---

[1] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.83.
[2] Там же. С.71.
[3] Линден В. Указ.соч. С.304.
[4] Ковалевский М.М. Указ.соч. Т.1. С.228.
[5] Там же.
[6] Линден В. Указ.соч. С.304.
[7] Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские … С.77.

Такие же беки, как и в Илисуйском султанстве, имелись и в Кайтаге, и в Дербентском владении. В Кайтаге – это не местные беки, «иноплеменные», приходившие «из других мест на службу уцмию», которым «он иногда давал во временное пользование доходы с деревень или нескольких дворов раят»[1].

Как отмечал В. Линден, и ханы дербентские, находившиеся «под персидским влиянием, жаловали иногда титул бека состоявшим у них на службе людям не бекского происхождения, предоставляя им «во временное или пожизненное их управление одного или нескольких селений, или же, в более редких случаях, ограничиваясь пожалованием одного титула»[2]. Пожалованные беки, получив «в управление селения, пользовались правом получения с них известной части урожая, а причитавшуюся с этих селений денежную подать вносили владетелю»[3]. Со временем эти пожалованные беки превращали «временную привилегию в наследственную и таким путем незаметно сливались с сословием потомственных беков»[4].

О широком распространении одаривания служилых беков в Дербентском ханстве писал Х.-М.О. Хашаев, отметив при этом, что им «передавались селения, где проживали раяты, чагары и терекемейцы. Подати уступали или продавали любому, кто хотел их приобрести. Постепенно дарованные и захваченные земли и деревни заносились в камеральные описания как бекские, и это было достаточным основанием, чтобы признать за беками право собственности на них»[5]. Эти служилые беки в источниках известны, как «знатные люди Дербента», владевшие имениями (амляк)[6].

Условными землями были и те земли, которые царское правительство давало феодальным правителям и бекам из казенных земель. Так, были наделены из этих земель кюринские ханы, начиная с Аслан-хана, и их родственники. Но со временем разница между пожалованными и наследственными селениями стира-

---

[1] Феодальные отношения … С.184.
[2] Линден В. Указ.соч. С.286-287.
[3] Там же.
[4] Там же; Даниялов Г.-Д. Указ.соч. С.36.
[5] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.133.
[6] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ.соч. С.93.

лась. «Никто не контролировал, – отмечал Х.-М.О. Хашаев, – какие селения принадлежат бекам на правах временного владения, и беки использовали все лазейки для того, чтобы они переходили в их частную собственность»[1]. Так, например, случилось с деревнями Бамматулы и Улусского магала, отданные Мехти-шамхалу в пожизненное владение, а затем остались за шамхалом наследственно.

Царские власти вместо жалования практиковали выделение в управление определенных населенных пунктов. Так, в 1831 г. потомок майсумов Южного Табасарана Ибрагим-бек имел в пользование семь деревень: Хурцыг, Кенцыр, Экендилы, Чулат, Кезнах, Джерах и Бурханкент, которые в 1850 г. после его смерти были зачислены в казну.

Выше мы оговорили, что казенных земель мы в работе не будем касаться, как нетрадиционной для Дагестана формы землевладения. Но все же здесь мы отметим, что их в изучаемый период было довольно много. Казенные пастбища, горы, сенокосы и даже сады имелись на территории многих сел Кюринского ханства. Всего, согласно данным, казенных земель здесь было 29 участков, площадь которых составляла более 23843 дес.[2] Из этих земель наделялись не только представители класса феодалов, но и местные жители, которые также не имели «права собственности на эти земли и продавать их»[3].

Обратил внимание на условное землевладение в Кюринском ханстве и Г.Д. Даниялов, который также писал, что, начиная с Аслан-хана, переселившиеся сюда представители казикумухской ханской фамилии, получали от хана «в управление селения Кюринского ханства»[4]. Он отмечал, что, вопреки утверждениям беков о нахождении в их собственности земель, на самом деле села, в которых они водворились, были получены в управление, т.е. это условие пожалования. Подати с местного населения, отмечал он, являлись платой за управление, а не поземельной податью[5].

---

[1] Хашаев Х.-М. Указ.соч. С.193. Ссылается на: АКАК. Тифлис, 1884. С.202-203; Шамхалы Тарковские // ССКГ. Вып.1. С.71.

[2] Феодальные отношения … С.165.

[3] Там же. С.166.

[4] Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.82.

[5] Там же.

И в горном Дагестане существовало условное землевладение, образовавшееся в результате передачи земли или податей с определенного участка или селения в управление отдельным лицам, оказавшим и оказывающих какие-то услуги феодальному владетелю. Со временем и они превращались в частных собственников. Так, в Сиухе крупным собственником земли стал некий Анхалав, который в прошлом был служилым человеком у хунзахских ханов. Как писал Р.М. Магомедов, он имел зависимых крестьян, сидевших на его земле, был в Сиухе вроде хана и, разбогатев, стал даже соперничать со сиухскими ханами[1].

В Аварии часто служилыми ханов были уздени. «Условное землевладение в Аварии, – писал Р.М. Магомедов, – сложилось в процессе развития феодальных отношений. Этот вид феодальной собственности получил свое распространение в результате раздачи земель по назру ханами и беками служилым людям. Сохранились сведения, что уздени сел. Обода, Манатилал, Шахилал, Кайтлал служили у хана и выполняли его различные поручения. За несение службы аварский хан наделил их отобранными у ободинского джамаата общественными землями под названием «нуси» и «кулутли». В условное владение земли получали также Килич в сел. Коло, Гатими в сел. Ахалчи, Ачикилов в сел. Орота»[2].

По мнению Р.М. Магомедова, это был бенефиций, предшествующий лену, в связи с чем писал, что «уздени служили у хана, бека, конечно, не ради военной славы или приобретения почета. Они за свою службу получали земли, т.е. иначе говоря, они получали бенефиции, как это наблюдалось в Западной Европе.

В условное земельное держание уздень мог получить как пахотные, так и пастбищные земли. В последующем условная форма земельного держания переходила в пожизненное пользование узденей. На этой базе закладывалась основа небольших феодальных владений в разных частях Аварии»[3]. Таким феодалом он считал Килича из Коло, выделившегося в результате получения земли от хана. «В Тануси также были очень влиятельные семьи, получившие от хана пахотные земли и сенокосные участки.

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.90.
[2] Там же. С.99.
[3] Там же. С.389.

Некоторые из них имели собственные хутора. В Ахалчи на основе бенефиций собственниками земли стали люди, именовавшиеся «гитимами». В самом Хунзахе три узденских тухума (маджарилал, дайтилал, угъузилал) пользовались особым почетом в ханской столице. Все они через бенефиций соединены со своим непосредственным сюзереном»[1].

Лен и бенефиций имелись и в других владениях Дагестана. О феодальных владениях Засулакской Кумыкии Н.П. Тульчинский писал, что здесь земли дарились «на вечные времена» или «во временное пользование»[2]. Как показано и выше, кумыкские князья дарили земли по назру сала-узденям (об этом было сказано выше), эмчекам (молочным братьям), аталыкам (воспитателям своих детей), нукерам и т.д.

Все приведенное выше – хорошее доказательство наличия в Дагестане бенефиция и ответ С.В. Юшкову, отрицавшему это.

Служилые люди, в том числе и беки, составляли основное руководящее ядро феодального ополчения[3], что хорошо прослеживается как положение сала-узденей Засулакской Кумыкии, известных как «княжеские уздени», в отличие от сала-узденей первой группы, являвшихся землевладельцами, низшей группой класса феодалов, о которых было сказано выше. Вторая группа сала-узденей заселилась в Засулакской Кумыкии после Султан-Мута и пошли к нему на службу, за что получали земли в условное владение. Как писал М.Б. Лобанов-Ростовский, они обращались к Султан-Муту «с просьбой на получение участка и обязывались, в вознаграждение отведенной им земли и оказываемого им покровительства, в известной степени подчиненностью и службою князя, то есть по феодальному обычаю, перенятому у кабардинцев, они поступали к нему в уздени»[4]. А. Белобородов также писал, что «обилие свободных земель около Эндирея позволило Султан-Муту наделить своих дружинников, кабардинских и кумыкских узденей участками земли»[5].

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 389.
[2] Тульчинский Н.П. Указ.соч. С.6.
[3] История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.239.
[4] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.35.
[5] Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 13 декабря 1896. № 145.

Наделяли землей «княжеских узденей» и последующие владетели засулакских княжеств. «Потомки Султанмута, – писал Д.-М. Шихалиев, – осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и проч.», за что они «обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей для них»[1].

Очень хорошо описал обязанности сала-узденей М.Б. Лобанов-Ростовский, который писал: «Следовать за князем в набеги, на войну, прислуживать ему дома, один день в году выходить на сенокос его, – вот в чем состояла вся служба узденя. До гроба приверженные своим князьям, они безропотно исполняли все их поручения, в междоусобных драках проливали кровь за них, не разбирая правоты дела»[2]. И в повседневной жизни у княжеских узденей было много обязанностей. «В мирное время, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – уздени жили обыкновенно при князе около его дома, в ауле, т.е. квартале его фамилии: большую часть дня проводили с ним или во дворе его, чистили оружие, присматривали за лошадьми, выезжали с ним на охоту … Зато и князья не оставляли без награды их верной службы; они дарили им оружием, лошадьми, платьем, всем, в чем они нуждались»[3].

instituteofhistory.ru

К середине XIX в. уже не было княжеских узденей, « … этот класс узденей княжеских почти исчез. Наружные знаки уважения низших сословий к высшему остались по-прежнему, но навсегда уже опустели дворы княжеские, и вместе с закатом удалой жизни разошлись их гордые дружины. Прежние уздени их, службою русским получившие чины и нажившие деньги, покупкою приобретали земли, иногда даже под разными предлогами выманивали у русских начальников окончательное **укрепление за собою поместьев, получивших от князей под условием личной службы и всегда по воле последних, могущих отойти от них**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.).

Кроме сала-узденей, условными держателями земель князей в Засулакской Кумыкии были и другие люди, в частности князья

[1] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.39.
[2] Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. С.35.
[3] Там же. С.35-36.
[4] Там же. С.37.

«отмечали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтоб они служили им по примеру сала»[1]. С.Ш. Гаджиева также писала, что ряды сала-узденей «пополнялись пожалованными дружинниками из числа простых узденей», отмечая при этом, что дружинники – это нукеры, называемые «у засулакских кумыков – узденями, хотя также именовалась по всей Кумыкии и основная масса феодально-зависимого крестьянства»[2]. Именно рядовые уздени, – писала она, – несли военную службу князю. Она также отмечала, что нукер, будучи узденем, «не был простым наемником. Он считался свободным воином, который по своему желанию служил тому или иному господину. Однако, награждая узденя-нукера землей, владетель фактически ставил его в лично зависимые отношения»[3].

Нукеры были во всех феодальных владениях Дагестана. Это особая служилая группа. Повсюду они, как и в княжествах кумыков, наряду с различными вещами, лошадьми и т.д., получали за свою службу и земли. Так, в Табасаране майсумы и кадии давали служилым людям земли, находившиеся в селении Хоредж в местности Чулусахъ, в селении Чувек в местности Мякъярин йшива и т.д.[4] Это земли, данные нукерам на условиях несения военной службы. Изучая данный вопрос, М.Р.Гасанов пишет: «Существовали различные формы условного землевладения, из которых в Табасаране имели место крупное и мелкое, наследственное и пожизненное и временное служебное держание»[5]. Он также отмечал, что в Табасаране, как и в других владениях, служилые беки, «расширив права на жалованные владения, закрепив наследственно их за собой … становились собственниками»[6]. Описывая нукеров, М.Р.Гасанов отмечал, что феодальные владетели в виде поощрения» отдавали [им] пахотные земли», которых было «достаточное число». Далее он пишет: «Получив в условное владе-

---

[1] Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С.39.
[2] Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С.109.
[3] Там же. С.110.
[4] Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.189. Л.47.
[5] Гасанов М.Р. Из истории … С.27; Его же. Очерки … С.188.
[6] Там же.

ние земельный участок или доходы с раятских дворов, нукеры, естественно длительное время служили правителям»[1] – помогали им собирать повинности и подати, сопровождали их в поездках, охраняли и т.д.

После смерти нукера или отхода его от службы, «земля или доходы, пожалованные в условное держание, переходили к собственнику …, который пожаловал их». Кроме того, с пожалованной земли запрещалось переселять живших на ней раят с места на место[2].

В Кайтаге также феодалы давали земли нукерам за их службу[3]. В Терекеме «беки давали нукерам много раятских домов: в Дербенте «воинским людям также было роздано много земель за их службу, среди которых было «600 человек конных и 1000 человек пехоты»[4]. Как писал И.-Г. Гербер, **все воины получали «от шаха великое жалованье, имели около города несколько пашен, а особливо пользовались садами**»[5] (подчеркн. мною – Б.А.).

И когда Дербентское владение освободилось от иранской зависимости, конечно, ханы имели своих нукеров и вооруженных, и служилых людей. Здесь было военно-служилая знать, составлявшая ханское войско и называемая муафа[6]. Муафы, как и юзбаши, согласно «данным от хана талагам (талиге)» имели ранджбаров и пользовались «особыми участками, пожалованными от владельцев»[7]. Н.А. Магомедов пишет: «Права муафов порой распространялись на отдельную крестьянскую общину»[8]. Служилые феодалы Дербента составляли «социальное ядро ханской власти … Они были заинтересованы в получении земель, населенных

---

[1] Там же.
[2] Там же. С.38-39; С.188-189.
[3] Феодальные отношения … С.34; Даниялов Г.Д. Указ.соч. С.56.
[4] Гербер И.-Г. Указ.соч. // ИГЭД. С.85.
[5] Там же. С.85-86; Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.1. С.27; Козубский Е.И. Истории города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.89.
[6] Магомедов Н.А. Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана. Вторая половина XVIII – начало XIX в. Махачкала, 2012. С.90.
[7] АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С.474.
[8] Магомедов Н.А. Указ.соч. С.90.

крестьянами, и службе одному могущественному хану»[1]. В то же время служилая знать была и сама заинтересована в сильной государственной власти, так как она «до некоторой степени гарантировала расширение территории за счет захвата новых владений, а это увеличивало фонд земельных пожалований для раздачи их служилым феодалам, на правах тиулей за несение службы»[2]. И что важно, о чем пишет далее Н.А. Магомедов: «Служилые феодалы щедро награждались за службу хану: **им раздавались большие земельные угодья в виде лена**» (подчеркн. мною – Б.А.), в подтверждение чего приводит пример, когда за верную службу Фатали-хан указом от 1774 г. пожаловал Малику Хаджибеку пять селений, а после смерти последнего его сыну Яхье-беку была передана община Дэдэли «за преданность и исправное несение службы»[3].

В период объединения Дербентского и Кубинского ханств в одно государство «широко распространялась поместная форма землевладения (тиуль). Тиульдары получали во владение земли, экспроприированные у крупных феодалов, что, несомненно, вело к усилению феодальной опоры ханства и созданию его руководящего ядра»[4].

Остановимся на примерах условного землевладения в других дагестанских феодальных владениях. Еще в первой половине XVIII в. Э. Челеби писал, что в Тарковском шамхальстве, в частности в Тарки, где и находились шамхальские нукеры, названные им «военными людьми», имелись земли, на которых они работали «в свою пользу», платя налог духовенству[5]. В Илисуйском султанстве, как писал И. Линевич, султаны отдавали поземельную подать с ингелойцев не только бекам, но и часто во временное пользование в виде жалованья за службу нукерам[6].

---

[1] Магомедов Н.А. Указ.соч. С.91.
[2] Там же.
[3] Там же. С.92. Ссылаются на: Гянджинский И. Указы кубинских ханов. Баку, 1956. С.150.
[4] Там же.
[5] Челеби Э. Отрывки из «Путешествия» / РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.37. Л.90.
[6] Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С.17.

Нукеров дагестанских феодальных владений С.В. Юшков сравнивал с гридами Киевской Руси. Их функции, как и функции гридов, были разнообразны. Они выполняли финансово-административные и судебные функции, а не только составляли военные отряды при хане[1].

И на самом деле, кроме отмеченных выше функций, что особенно полно и ярко видно на примере «княжеских сала-узденей» Засулакской Кумыкии, функции нукеров дагестанских феодальных владений заключались и в выполнении ими различной административной работы. Говоря о службе сала-узденей, Р.М. Магомедов писал, что они «выполняли обязанности посланцев и представителей кумыкских беков, участвовали в важных переговорах с соседними государствами, посредничали в спорных делах своих владельцев с другими владельцами». Он приводит имена эндиреевских узденей (Бабатай, Лачинов, Атай, Уразаков, Аджиев, Уняшев и др.), которые часто фигурируют в русских дипломатических документах XVIII в.[2] Согласно имеющимся многочисленным документам, и в других феодальных владениях Дагестана имелись уздени (возможно, среди них была и авторитетная верхушка нукерства) и другие знатные люди, которых феодальные владетели посылали в другие владения и государства для переговоров, передачи посланий, каких-то просьб и т.д.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institutеofhistory.ru

Нукеры Кайтагского уцмийства, согласно источникам, кроме функций постоянной стражи, исполняли и полицейские функции, например, они должны были приводить «в повиновение узденей, не исполняющих требований уцмия»[3].

Нукеры-дружинники в Тарковском шамхальстве выполняли «административно-финансовые функции, сборы пошлин, взимание штрафов, принуждение к своевременной уплате податей, наказание преступников, охрану особы шамхала и его дома»[4].

В Аварском и Казикумухском ханствах нукеры выполняли в основном полицейские функции, а в мирное время они составляли военные отряды при хане[5].

---

[1] Юшков С.В. Указ.соч. С.84.
[2] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.175.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. С.4-5.
[4] Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.24.
[5] Там же. С.33, 36.

Именно за выполнение перечисленных и других функций феодальные владельцы давали нукерам земельные участки и право сбора податей, а также различные подарки – скотом, вещами с зависимого населения[1].

Общей тенденцией во всех феодальных владениях в изучаемое время было то, что временное и условное держание приобретало тенденцию постоянного перехода в мюльк[2], т.е. в наследственную собственность. И еще одна особенность землевладельцев – они были не рядовыми представителями, а знатными людьми, военными чинами, верхушкой узденства – «влиятельными узденями», что облегчало превращение условного держания в наследственную собственность.

Заключая же о частной (мюльковой) собственности, отметим многообразие ее форм – начиная от мелкой узденской собственности и кончая различными видами феодальной собственности: крупной (домениальная собственность феодальных правителей), бекской, средней, мелкой и условным землевладением.

§ 2. Общинное землевладение – вторая основная форма земельной собственности. Тенденция существования и развития. Формы пользования

Второй основной (как и мюльковой) формой земельной собственности в позднефеодальный период в Дагестане была общинная. В общинной собственности находились все категории земельных угодий. Но соотношение их в разных обществах было разное, точно так же как и их значимость в экономической жизни общинников, объясняемое как распространенностью различных категорий земель, так и их устойчивостью, что, в свою очередь, являлось следствием исторических, естественно-географических, социально-экономических и иных факторов, наложивших свой отпечаток на весь ход исторического развития Дагестана в целом.

Разным было в исследуемый период не только сочетание или наличие в том или ином регионе, частях Дагестана или в по-

---

[1] Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. 1940. № 2. С.66.

[2] История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.317.

литических структурах тех или иных категорий общинных земель, но и последних с другими формами земельной собственности. И на самом деле, если в первобытнообщинном строе общинная собственность была господствующей формой собственности, то в позднефеодальном периоде она занимала иное место. «Два стихийно возникших факта господствуют в первобытной истории всех или почти всех народов, – писал Ф. Энгельс, – разделение народов по признаку родства и общая собственность на землю»[1]. Ни первого, ни второго в Дагестане давно уже не было, ибо дагестанские народы к XVIII-XIX вв. прошли длительный исторический путь, вызвавший изменения в их истории, в их жизни, в их социально-экономическом развитии, изменения исторического характера, которые коснулись, в первую очередь, земельных вопросов, форм собственности на землю. Как писал Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому: «Все дальнейшее развитие (после первобытнообщинного строя – Б.А.) заключается в постепенном *отмирании* … первобытной общности»[2].

Как было показано выше, в первом разделе данной части исследования, основной формой земельной собственности в Дагестане исследуемого периода была частная, имевшая различные формы в зависимости от уровня социально-экономического развития общества. Но в то же время повсюду была и общинная собственность на землю, проявлявшая собой то как пережиток былой коллективной собственности, то как продукт или институт, возникший (или пополнивший уже имеющиеся общинные земли) в более позднее время как следствие, результат исторического развития той или иной политической структуры.

Сохранение же общинной собственности на землю (речь идет не о ее пополнении или возникновении в силу определенных обстоятельств) объясняется постепенностью ее разложения, так же как разложение других институтов архаической общины, в результате чего старое, отмирающее и развивающее новое, как правило, долгое время уживались вместе, сосуществовали, оказывая друг на друга взаимовлияние. Как писал М.М. Ковалевский:

---

[1] Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.329.

[2] Энгельс Ф. Карлу Каутскому // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.35. С.376.

«Сельская община в этом случае является наследницей ранее ее возникших порядков родового владения»[1]. Сказанным объясняется сохранение общинного землевладения и в Дагестане, в особенности там, где все еще была крепка община и, естественно, все еще были крепки или живучи общинные традиции. А последнее объяснялось различными историческими, политическими, социально-экономическими, естественно-географическими и другими причинами, вызвавшими различные темпы исторического развития разных регионов, разных политических структур и общин.

У народов Дагестана, кроме названий, связанных с арабским словом джамаат (отсюда и джамаатские земли), и собственных слов «земля», «пахота», «сенокос», «пастбище», «лес», были и свои собственные названия джамаатских земель, как например, у даргинцев – «шантела ванза» («общесельская земля»), у аварцев – «ростал ракь» («сельская земля») и т.д.

В исследуемый период, как и ранее, в Дагестане существовало четыре вида общинных земель.

Наиболее распространенным, характерным для всех обществ, где были общинные земли, видом являлась собственность одной общины или ряда сел, составлявших один джамаат. Сюда входили все категории угодий – пастбища, выгоны, хутора, сенокосы, леса, пахотные участки, места для загона скота, токи и т.д. Наиболее распространенной категорией среди них были пастбища (пастбищные места и пастбищные горы (мугIрул – авар., дубурти, душигьо мусни – дарг., туварны авлагъи – кумык., лухччи – лак., маларинчIир-табаси, су или аярар – агул. и т.д.).

Многие общества, кроме пастбищных мест, где в основном пасли крупный рогатый скот, имели по несколько гор, например, Усиша – пять пастбищных гор, Бутри – семь, Нахки – пятнадцать и т.д.[2] Но особенно много пастбищных гор и отдельных мест в собственности общин было в Аварии, где отдельные села имели их по несколько тысяч десятин[3]. Согласно архивному документу,

---

[1] Ковалевский М.М. Указ.соч. Т.2. С.135.

[2] Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887. С.27, 35, 39, 47, 59, 67, 79.

[3] Дагестанская область … С.138, 142, 144, 149.

андийцы владели следующими горами: Кесен, Джалал, Заргу, Талитаб, Рехушу-Рухун и Занги[1].

Следует отметить, что в пользовании общин пастбища и горы имелись и в феодальных владениях Дагестана. Так, луговые и сенокосные места Чанчак Кол, Мукула, Мичат, Чумчелен, Галанажар, Терменлик, Атлан, Чуме и Окадар находились в пользовании Эрпелинского общества. Общественными сел. Н.Казанище были горы Аркас, Иртмелер, Бур-эне, Аргилер и Каримбет. Кумторкалинцы имели общие места Тюз и Кокурек[2].

По распространенности и величине площади на втором месте находились общинные леса. Они были в Акуша-Дарго, Каба-Дарго, в Нижнем Кайтаге и т.д., где леса, как сказано в источнике, «по характеру пользования ими не составляли исключительной принадлежности кого бы то ни было»[3]. В Табасаране многие общества имели в собственности по 200-500 десятин леса[4]. Общие леса были в Тарковском шамхальстве и в Мехтулинском ханстве.

« … в прежнее времена, – сказано в источнике о Гелли, – леса составляли общее достояние»[5]. Много общих лесов было в Аварии: Хунзахе, Гоцатле, Амуши, Чонхо, Аракани, Балахани, Ихали, Ашильта, Унцукуле, в Койсубула, Дидо, Гидатле и т.д.[6]

В общинной собственности находились и животноводческие хутора, где здания для жилья строили общими силами. Сохранилось много сведений об общественных хуторах, причем по всем регионам Дагестана. Так, в центре общества Буркун-Дарго, в селении Ашты, общественные хутора находились в местностях Кьялажна, ЦIибуццу и ХурчIи[7]. В лезгинском селении Кочхюр летние хутора находились в 3-4 км от селения в местностях

---

[1] РГВИА. Ф.400. 1872. Д.45. Л.396-398.

[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.192. Л.35, 37, 38.

[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед. хр. 7. Л.9; Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.155. Л.36.

[4] Дагестанская область … С.101-201.

[5] Особые права беков и чанков в Т.Х. – Шуринском округе // Из истории права … С.205.

[6] Дагестанская область … С.130, 132, 134, 143.

[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в сел. Ашты Дахадаевского р-на в 1967 г.

Ичехсув, в селении Шимихур – в местностях ЧIудгъан, Ярук, Ягъа-Ярук и Витярук[1].

В общинной собственности находились также пахотные поля и сенокосные участки, они были повсеместно в Дагестане, хотя не все общества имели их. В адатах аварских обществ Гидатль, Гацалух, Келеб прямо указывается на наличие у них общинных покосов[2].

Как писал С.Х. Асиятилов, характерным для аварских обществ являлось то, что в общинном использовании находились сенокосы, расположенные непосредственно за сельскими пашнями[3], т.е. отдаленные от селения, о чем писал и Д. М.Магомедов[4].

Общинные покосы имелись почти во всех даргинских союзах сельских общин[5]. Общинные покосы, например, в Цудахарском обществе находились в местностях Алугъне, Муркла, Хянук, Гудабури, Чедабури, Буртимурби, ЧебяхIрагни и др.[6] В селении Гапшима общественные сенокосы, как и пастбища, находились в местностях БайбикI, Хъардиркьа, Энеуласа, а также в Гъунрегула, АнкъибяхI, КIанрибуцIан, Гъамил-гIяя, Гьарахъил гIяя[7]; в Акушинском обществе – в МягIярала, Лесикай, Къямбец и ЧургIила; в селении Муги было три участка общественных покосов – Ганзурбала барг, Кьяцабургъан и ЧургIила[8]. В салатавском селении Чиркей общественный сенокос имелся в местности

---

[1] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.541. С.60, 78.

[2] Гидатлинкие адаты. Махачкала, 1957. С.17; Собрание адатов селений Аварского округа // Из истории права … С.25, 31; Адаты келебских селений // Памятники обычного права … С.78.

[3] Асиятилов С.Х. Указ.соч. С.39.

[4] Магомедов Д.М. Социально-экономические отношения в Дидо в XVIII – начале XIX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.233. Л.32-33.

[5] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.157; Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.99; ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.232-233; Ф.21. Оп.5. Д.42. Л.134; Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.22; Феодальные отношения … С.224.

[6] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.157; Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С.75.

[7] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.128; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.152.

[8] Там же. С.157.

Пирауз, в Алмаке – в местностях Кухеш, Бархиша и Багархете[1]. Общественные сенокосы имелись в Дидо, Анцросо и т.д. Такие сенокосные участки, например Мокока, находились в местностях Баласаних, Царазакъ, Ширулъахъ Огъазалал и др.[2]

В Нижнем Кайтаге общинные сенокосы имелись в шести селениях союза Урчемул[3]. В Гамринском магале (ХІямур-Дарго) «в своем владении», т.е. в собственности, имели только отдельные жители, остальные покосы были общинными[4]. Общинные сенокосы имелись у рутульцев, цахуров вплоть до XX в., они сохранились и «во многих селениях (Гоа, Рича, Арсуг, Кураг, Тпиг, Хутхул и др.) агулов[5].

О наличии в Дагестане в позднефеодальный период общинной пахоты среди дагестанских ученых нет единого мнения, хотя имеются десятки примеров, подтверждающих наличие пахоты, подлежащей переделу между общинниками. Ввиду важности данного вопроса и противоречивости существующих мнений по нему считаем необходимым более подробно остановиться на нем.

М.А. Агларов отсутствие переделяемой общинной пахоты объясняет ранним становлением частной собственности на пахоту[6]. Безусловно, как это было показано на основе имеющихся данных и работ дагестанских ученых, основной формой собственности на пахотные и покосные земли и в горном Дагестане являлась частная. Вместе с тем это не значит, что здесь, как и в других частях Дагестана, не были в коллективном владении пахотные участки. Нам удалось собрать по данному вопросу немало сведений во всех регионах Дагестана. Но прежде остановимся на адатах и работах дагестанских исследователей, показывающих

---

[1] Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.77, 78; Происхождение жителей и об их правах в пользовании землей, извлеченные из «Дела по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.169. Л.3-5.

[2] Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев … // ВИЭД. Махачкала, 1971. Вып.V. С.177.

[3] Феодальные отношения … С.224.

[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.6. Л.44.

[5] Калоев Б.А. Из истории земельных отношений у агулов в XIX – начале XX в. // КСИЭ. М., 1954. XX. С.50; Агулы. Махачкала, 1975. С.35.

[6] Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей … С.34-37.

наличие во многих дагестанских обществах переделяемых между общинниками пахотных земель.

Обратимся к адатам, на которые ссылаются сторонники мнения об отсутствии в горном Дагестане общинной переделяемой пахоты. Эти адаты как раз и говорят о наличии в общинной собственности отдельных пахотных и сенокосных участков. Остановимся на статьях адатов нескольких горных обществ Аварии. В одной из статей Гидатлинских адатов говорится: «Жители селения, которые не оказывали помощи жителям других селений в охране земли, выделенной для распределения через каждые 7 лет, взыскивается штраф в размере трех котлов»[1]. В адатах келебских селений сказано: «Если кто не завезет достаточно навозу на **пахотный участок джамаата** (подчеркн. мною – Б.А.), так чтобы между навозными кучами оставалось по 2 м расстояния, с того взыскивается одна овца»[2]. Думается, что с существованием общинной пахоты связана и другая статья адатов келебских селений, согласно которой запрещалась продажа навоза для удобрения в другие селения. С нарушившего этот адат взыскивался штраф в размере одной овцы[3]. Общинная собственность в гидатлинском селении Урада была известна под названием «пахотные места аула», в Хинтинском обществе – под названием «**собственность джамаата**»[4] (подчеркн. мною – Б.А.). Существовали и термины, обозначающие общинную пахоту. У аварцев она называлась «жамагIатулъул хурзал»[5].

Приведенные выше статьи адатов относятся к XVII-XVIII вв., в связи с чем могут возникнуть сомнения о правомерности относить сказанное в них и к исследуемому периоду. Но общинная собственность на самом деле существовала и в XVIII – первой половине XIX в. «Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, – писал Р.М. Магомедов о союзах сельских общин Аварии, – что, судя по адатам, еще в середине XIX в. ни один джамаат полностью не изжил у себя коллективных форм

[1] Гидатлинские адаты. С.29.
[2] Адаты келебских селений // Памятники обычного права … С.78.
[3] Там же. С.75.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.32.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в аварских р-нах.

собственности на пахотные и пастбищные земли, на луга, лес и воды»[1].

В подтверждение сказанного остановимся на других примерах (фактах) переделяемой или назначенной (оставленной) для других целей общинной пахотной земли. Общественные пахотные земли имелись почти во всех селах Салатавии – Дылым, Гуни, Гостала, Алмах, Инчха, Чиркей и др.[2] В Дылыме существовала общественная пашня, из которой по обычаю выделялся молодоженам земельный участок в размере 0,5 дес. для первоначального обзаведения хозяйством[3]. Наиболее плодородные общественные пашни были расположены в местности Харши мухъ, которые делились на части по числу хозяйств и распределялись между ними[4]. В начале XIX в. этот участок был распределен между жителями Дылыма на более длительный срок[5]. В другом селении Салатавии – Алмак, общественный участок пахоты около 100 дес. назывался «Гайли», и он делился между всеми алмакцами. В Чирюрте одна часть общественной пахоты «Чирюрт – аулан», под названием «Гъуйруглю» делилась между жителями села, а другая часть – «Эльтерман-сута» оставлялась как общественный выгон[6]. Общественные пахоты имелись в Андалале, в частности в селении Согратль в урочище Накитль (Наказух), в Чохе – это Маарда, в Бацада – в местностях Цанзатль, Сукулда, Гьаброхънабидо; в Рис-Оре, в частности Арчибе – в местностях Муци, Къвепош и ХверроиI. Общинные пахоты – имелись также в Мугурухе, Гочобе и т.д.[7] Общинные пахоты имелись у обществ Ригитль и Ассаб[8]. В Ригитле существовал обычай **брать штраф с того, кто «вспахал из общей земли больше того, что общество ему выделило»** (подчеркн. мною – Б.А.), а в Ассабе приняли по-

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.32.

[2] Бахтамов И.М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1868. № 30; Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.77; РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.169. Л.3-5.

[3] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.290. Мансуров Ш.М. Указ.соч. Л.77.

[4] Там же. Д.49. Л.21; С.77.

[5] Там же. Л.26; С.77.

[6] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.169. Л.3-5; Бахтамов И.М. Указ.соч.; Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.77.

[7] ЦГА РД. Ф.1. Оп.1. Д.7. Л.290.

[8] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.33-34.

становление, где говорилось, что «население аула согласилось не продавать и не покупать **пахотные участки аула**» (подчеркн. мною – Б.А.)[1]. Е.И. Шиллинг писал о наличии общинной пахоты у капучинцев[2]. По сведениям, собранным Д.М. Магомедовым, в XVIII-XIX вв. в общинной собственности пахотные участки имелись в ряде сел Дидо. Так, в Хушете джамаатская пахота находилась недалеко от селения и называлась «джамаатулъул мочи». В селении Тимутль (общество Анцросо) джамаатские пахотные земли были известны под названием «росдал ракь» («сельская земля»). Общинные пахотные земли имели также Мокок, Сагада, Хамаштль, Шапих и др.[3] Что интересно – во многих обществах союза Дидо до распространения здесь ислама и строительства мечетей, т.е. XVIII-XIX вв. многие пахотные земли, ставшие затем вакуфными, находились в общинной собственности[4].

На основе собранных фактов, ряд из которых был приведен выше, Р.М. Магомедов писал, что они «в достаточной степени» свидетельствуют «о неугасших стремлениях населения вольных обществ к коллективизму. Из сказанного видно, что в джамаатах, входивших в вольные общества, в рассматриваемое время (XVIII – начало XIX в. – Б.А.) сохранилась общественная собственность на некоторые (пахотные – Б.А.) земли. Эта форма землевладения, – подчеркивал он далее, – все еще играла существующую роль в экономической жизни аварцев»[5].

Но что интересно – общинная пахота сохранилась в исследуемый период и в обществах, которые входили в состав Аварского ханства. «Факты свидетельствуют, – отмечал Р.М. Магомедов, – что на территории аварских ханств (он имел в виду не только Хунзахское, но и Гоцатлинское и Сиухское ханства, которые, по его мнению, существовали тогда – Б.А.) **продолжала существовать и общинная собственность на пастбищные и отчасти на пахотные земли, на лес и т.д.** (подчеркн. мною – Б.А.). В отличие от Хунзаха в таких селах, как Батлайчи, Обода,

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.33-34.

[2] Шиллинг Е. Народы Андо-цезской группы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.37. Л.32.

[3] Магомедов Д.М. Указ.раб. Л.32-33.

[4] Там же. С.20-21.

[5] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.34.

Харахи, Орота, общинными землями пользовалось на равных основаниях все сельское население за исключением рабов»[1]. Общинная земля в Обода, сохранившаяся еще в XIX в., была известна под названием «росухур» («сельская пашня»)[2]. Общинная пахотная земля, если не в XIX в., то ранее имела место и в центре ханства, в Хунзахе, что нашло отражение и в местной традиции. М.В. Саидова писала, что старики Хунзаха рассказывали, что раньше земля была общая. Ее обрабатывали совместно и делили урожай по душам, но оставляли часть для общественных запасов[3]. Согласно собранным нами сведениям, общинные пахотные земли хунзахцев находились в местностях Заиб, Гвалдатль, Готуни, Мочлохъ, Гъаилъуни, Гонгодлох, КьанабатIа, ТаманхьулабатIа, МогIула, Сондутль, Гьогьан курзал, Хангиши хур[4]. В селении Тануси общинные пахотные земли находились в тех же местах, где и джамаатские сенокосы и пастбища – в ГъуртIулокла, Кьорадуни и ГIарахъ[5].

Общинные пахотные земли имелись и у других народов Дагестана. Они назывались: у даргинцев – «шантела хъуми» («пахоты сельчан») или «джамагIятла хъуми», лезгин – «жемятдин ник», табасаранцев – «джамигIятрин хугIел», кумыков – «джамагIятны сабан сюрю ерлери» и т.д.[6]

У даргинцев больше всего общинных пахотных земель было в селах Акуша-Дарго (Акуша, Шукты, Гапшима и др.)[7]; Буркун-Дарго (Ашты, Худуц, Кунки и др.); Кайтага (Джибахни, Санчи, Джавгат, Карацан и др.)[8]. Акушинцы общинные пахоты имели в местностях: Куцъиша, Шантала мер (буквальное всеобщее место, место сельчан), МягIярала, Лесикай, ЧургIила, Гумрала дуц и

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.101.
[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хунзахском р-не в 1971 г.
[3] Саидова М.В. Указ.раб. Л.64.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хунзахском р-не в 1971 г.
[5] Там же.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в даргинских, лезгинских, кумыкских, табасаранских р-нах в 1962-1990 гг.
[7] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.158.
[8] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском и Дахадаевском р-нах в 1967 г.

institute of history.ru

т.д.[1] Шуктинцы пахотные земли общины имели рядом с нынешним селением Цуликана; усишинцы – в местностях БурхIе гIиниз, ЦIукIанала и ХIекьламуса; гапшиминцы – в местностях Шилиулала, Шила бурхIила, Баржи дарчила, Гьунгогъунила, ЦIубкъаркъала[2]. Общинные пахотные участки вместе с покосами в 10 дес. на горе Сагакая бекла къаты имели цудахарцы еще в середине XIX в.[3] В селении Урахи (центр союза Каба-Дарго) общинные земли находились в местностях Забгурела гIилала, Хала гIилала, ГубилигIила (они назывались «Губе хъуми»), ХIябирхIа дякъ, Ургуба; селение Мулебки имело общие пахоты в местностях ХъяллигIела и Шиллиула. Третий участок назывался «Хунбар хъу» (мостовая пахота).[4]

По сведениям сословно-поземельной комиссии, все земли в Засулакской Кумыкии до прохода Султан-Мута являлись общими.[5] Общие земли находились также в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве, это, по мнению С.Ш. Гаджиевой, изучавшей земельные отношения кумыков, своего рода, отличительная особенность в земельно-правовых отношениях ряда феодальных владений Дагестана, когда «феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными порядками»[6]. В Табасаране в XIX в. общественные пахотные земли сохранились только в селении Кемах[7]. Несколько пахотных участков находилось в собственности Рутульского джамаата, имелись общинные пахотные земли и у цахуров[8]. По сведениям И.П. Петрушевского, в Тальском обществе общинные пахотные земли сохранились вплоть до 60-х годов XIX в.[9]

---

[1] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.158.
[2] Там же.
[3] ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Ед.хр. 101. Л.1.
[4] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.99-100.
[5] Феодальные отношения … С.78.
[6] Гаджиева С.Ш. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX в. // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. С.6.
[7] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.6, 8.
[8] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1971 г.
[9] Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический журнал. Л., 1934. Т.1. С.201.

В собственности общин находились и запретные земли: хасарбат или мизма ванза или гIяргIяберж; харими (авар.); джемагIятрин джил (табас.); джамагIятрин аярар или сабильные земли (агул.). Это земли, которые были пожертвованы членами общества в благотворительных целях в пользу джамаата. В Акушинском обществе такие земли были известны как «Музла хъу» и «Музла мура» (в Верхнем ауле, около квартала Панжук). У мугинцев они находились в местностях: ХIябраула, Нугри къада, Дубулла гьуни; в Гинтинском обществе – в местности Лаггази участок под названием Умукла арцне, ТяхIмеразала урцIа, Къапла урцIа, в местности ВяхIна хъуна и один участок в местности Ванахьинна диркьа[1] и т.д. Хасарбатские земли урахинцев находились в местностях ХьанцIала хъу, ГIвямаршала хъу, Мянгу БагIямадла хъо кьолъа бухIнала или ГIишанкIи, в местностях ХIалкIлишила, Хосаллишима, ПIяцIа диркIах и т.д.[2] Запретные или заповедные земли имелись во многих аварских обществах, они охранялись джамаатом. «В джамаатах Лунуб, Асаб, Кахиб, Гилиб имелись земли – заповедники. На этих землях нельзя было пасти скот, косить сено, рубить дрова, делать распашки». За невыполнение решений джамаата взыскивался штраф[3].

Мюльковладельцы жертвовали свои земельные участки (пахоту или сенокос) для превращения их в пастбище или же пустырь, для кладбищ и т.д. Так, довольно большой участок пахоты за кварталом УргIа хIяллишила, принадлежавший ХьанцIа НурбахIянду (тухум Урахи ГъинчIухъали), был пожертвован для кладбища. Часто земли жертвовались теми, у которых не было наследников. «Обычно часто владельческие земли, – писал, исследуя агулов Ш.М. Ахмедов, – становились сабильными, когда у жертвователя не было прямых потомков. Сабильные земли превращались в запретные участки – аяр и на них ранней весной пасли общественный скот»[4]. Запретными были пожертвованные земли и у других дагестанских народов. «Владелец скота и пастух, – сказано в одной из статей келебских селений, – должны

[1] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.159.
[2] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.97-98.
[3] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.32, 34.
[4] Агулы. С.34.

принимать присягу о том, что их скот не съедал травы на запретных землях общества. Если кто из них не даст такую присягу, то с него взыскивается штраф в размере одного барана весной»[1]. Аналогичные адаты имелись и в Цекубском обществе. Здесь имелись все категории земель – «долины, сенокосы, пахотные участки и запретные рощи», куда нельзя было пускать скот[2]. Во многих обществах имелись запретные лесные участки, которые постоянно охранялись сельской администрацией[3]. Пожертвованные в пользу общества земли являлись одним из источников увеличения земельной собственности общин.

Вторая форма общинного землевладения – это совместное пользование землей двух или нескольких общин одной и той же политической структуры. И эта форма общинного землевладения широко была распространена в Дагестане. Пользователями таких земель в основном были общины – соседи.

Это были в основном пастбищные места и главным образом горные пастбища. Причем такие совместные земли имелись повсюду и о них сохранились сведения как в адатах народов Дагестана, так и в официальных документах, в источниках разного характера и в историко-этнографическом материале. Так, в историческом очерке о Кайтаге, хранящемся в ЦГА РД, говорится: «В общественном пользовании состоят повсеместно пастбищные земли, притом обыкновенно, в совместном пользовании нескольких селений»[4]. В другом архивном источнике о Каракайтаге говорится: «Пастбищные места в большинстве случаев находятся в совместно пользовании нескольких селений»[5].

Совместное пользование общинными пастбищами отражено и в адатах дагестанских народов. Так, в одной статье бежтинских адатов сказано: «Пастбища, ближайшие к селению, стоят в общественном пользовании этих селений, отдельные в общественном пользовании нескольких селений»[6].

---

[1] Памятники обычного права … С.77-78.
[2] Там же. С.101.
[3] Там же. С.72; Из истории права … С.236; ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.6.
[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.4.
[5] Феодальные отношения … С.225.
[6] Из истории права … С.72.

Приведенное – показатель широкого распространения в горных обществах Дагестана совместного владения горными пастбищами. Особенно много общих земель было в обществах союзов сельских общин Аварии. Р.М. Магомедов писал: «В Аварии (и в других местах и обществах – Б.А.) мы сталкиваемся с необычайно интересным явлением, связанным с пользованием землей. Здесь одной территорией совместно владели несколько джамаатов[1]». Из соглашения, заключенного между селениями Мич и Ригитль, видно, что селения Гида, Ригитль и Ахал имели в совместном пользовании одну пастбищную гору[2]. Из кодекса законов Умма-хана Аварского видно, что в совместном пользовании аварских обществ находились горные пастбища под названием Арах-меэр и Тамаш-меэр[3]. Селения Хучал-Джурмут, Такита и Сини-Эрта имели в совместном пользовании пастбища Халахера, Хучала и Башла-Гера[4], горным пастбищем Мушака совместно владели Хотинское и Тлядальское общества[5]. Особенно много пастбищных гор находилось в Анцухском, Капучинском и Дидойском союзах сельских общин, где несколько обществ совместно владели двумя-тремя и большим количеством пастбищных гор[6]. Так, жители селения Гортль-Росо имели пастбищные горы общие с соседними селениями. Это горы Долода, Горах, Цухотль, Темела-Калчах-Худариша, Цебена-далда и Абашила на 2200 саб (110 дес.)[7]. Селение Чодоколо имело пастбищные горы, называемые Шубда, Дулда, Цухутль, Тамох-Колдак, Ходорида и Абашил-ришида на 3000 саб (150 дес.) общие с другими селениями[8]. Жители селения Гверситль имели пастбищные горы общие с жителями других селений под названиями Кубатль, Сомода, Чанта и Боцкик на 500 саб (25 дес.); жители Бежида имели пастбищные горы Хонок-меэр и Боктлул-меэр на 487 саб (24,3 дес.) общие с соседними селениями; жители селения Аада имели паст-

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.33.
[2] Из истории права … С.215.
[3] Памятники обычного права … С.269.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-к. Л.59 об.
[5] Там же. Л.60.
[6] Дагестанская область … С.135-145.
[7] Там же. С.152-153.
[8] Там же.

бищные горы Шубада, Цолода, Кемел-суда и Аратль на 100 саб (5 дес.) общие с другими селениями[1]; жители селения Тлобзада, кроме четырех этих гор, общие с другими селениями, имели еще одну гору Томжиха на 80 саб (4 дес.) общие с другими селениями; жители Бежта имели общие с другими селениями пастбищные горы Зида, Цантиль, Гобцвага, Якитль и Кутери на 14000 саб. (700 дес.)[2].

Интересный материал о совместном владении пастбищами обществ Западного Дагестана собрал Д.М. Магомедов. Жители Асах и Анты пользовались пастбищной горой Ичик; жители Жажака, Начада, Тинцуда, Хочлоб и Бежуда (союз Таш) совместно владели горой Хъвалбусах[3]. Пастбищной горой Бакьулаг пользовались жители селений Хуитль, Цихокъ, Инух и Хитух (союз Иланхеви)[4]. Много было пастбищных мест и гор в обществах Гидатлинского союза. Уриб имел общие пастбищные горы Цихитмеэр, Румеда и т.д. с другими селами на 22800 саб. (1140 дес.); жители селения Тлях имели общие с жителями других сел пастбищные горы на 20000 саб. (1000 дес.); жители Мачада – 2000 саб. (100 дес.) и еще горы Ахвах, Хардузух и Ганадна на 42002 саб. (2100 дес.)[5]. Как отмечалось выше, о совместных пастбищах аварских обществ писал и Р.М. Магомедов. По его сведениям, «джамаат Читль имел пастбищную землю в совместном пользовании с джамаатом Арчи-Шали, Ниж. Инхо – с джамаатом Мехельта, Риквани – с джамаатом Ботлиха, Ансалта – с джамаатом Муни, Тад-Магитль – с джамаатом Гакуары, Конхо – с джамаатом Тиндаль, Сантлада – с джамаатом Асахо, Ратлу-Ахвах имел общие пастбищные горы с другими джамаатами и т.д.»[6] В конце XVIII в. в Салатавии пастбищной горой Ханакай-тау совместно пользовались жители обществ Алмак и Буртунай[7].

---

[1] Дагестанская область … С.152-153.
[2] Там же. С.154-195.
[3] Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – начале XIX в. // ВИД. Махачкала, 1971. Вып.1. С.177-178.
[4] Там же. С.178. Ссылается на: ЦГА РД. Ф.171. Оп.1. Ед.хр.1. Л.70.
[5] Дагестанская область … С.142-143.
[6] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.33.
[7] ЦГА РД. Ф.21. Оп.1. Д.7. Л.102. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.78.

Р.М. Магомедов писал и о причинах образования совместных земель у аварцев, отмечая, что «начало совместного пользования пастбищной территорией относится к периоду распада аварского патриархального рода. В связи с распадом союза кровных родственников, отдельные члены его отделялись друг от друга территориально, начинали жить в разных поселениях и пастбищные земли, некогда общие, оказались во владении разных поселений»[1]. Но он допускал и другой путь образования совместных пастбищ – «сельские общины могли захватывать чужую территорию или заставлять уступать себе часть земли»[2]. Однако нельзя согласиться с мнениями, что «совместное землевладение устанавливалось только на пастбищные земли», что являлось следствием того, что «основной отраслью хозяйства населения вольных обществ было скотоводство»[3]. Конечно, возникновение совместного владения пастбищами являлось следствием скотоводческой направленности хозяйства. Но пастбища даже в Аварии не являлись единственным видом угодий, находившихся в совместном владении нескольких сел. Так, в Анди имелись совместные сенокосы семи селений[4]. И еще – совместное владение пастбищами было характерно для всех народов Дагестана.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Остановимся на примерах по другим народам Дагестана. Как показывают имеющиеся сведения, совместное владение одними и теми же землями было широко распространено у даргинцев. Выше мы уже приводили официальные документы по данному вопросу по Кайтагскому уцмийству. Так, кубачинцы имели совместную с сулебкентцами гору Дутля, на которой могло пастись 600 баранов; жители селений Турага и Киradж (союз Урчемул) имели общинную пастбищную и сенокосную гору Цуван; селения Шиланша и Барша имели общую пастбищную гору Диглян; селения Бартуа и Ургаа имели пастбищную и сенокосную гору Агли-Дирба; соседние селения Маджалис, Санчи и Ахмедкент имели совместный выгон в местности Гегугала[5]; селения Кудагу и Зильбачи (союз Муйра) имели совместное пастбищное

institutеofhistory.ru

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.33.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Агларов М. Техника сооружения … С.189.
[5] Феодальные отношения … 212, 225.

место ХIеруслима[1]. Совместные места и горы имели жители селений Шира и Амузги; Джавгат и Руга; Кулегу, Машаты и Хадаги; Газия, Баршамай, Карталай и Карацан и т.д.[2]

Совместные земли имелись в Акуша-Дарго и в Каба-Дарго. Меусиша и Мугри совместно пользовались землями Баалха-Улала и Гатби; Меусиша и Канасираги имели совместный лес Уркари-дурких; меусишинцы и цураинцы – лес Кичи-баула[3]; мекегинцы и дегвинцы имели общие земли Урекена; общие земли имели Мекеги и Муги[4], Мекеги и Лабкомахи[5]. У урахинцев и мулебкинцев границами были отделены только земли, расположенные на севере и юге, а в середине у них земли не были «разделены» и находились «в общем пользовании»[6]. Кичигамри и Мургук совместно владели участком земли Вахьа гIанцIа[7].

Приведем материал о совместных землях в Лакии. Пастбищной горой Дачрагтаралу владели девять джамаатов – Кумух, Дучи, Марки, Хути, Кулушац и др.[8] Согласно данным посемейных списков, в Южном Табасаране общество Чара имело совместное зимнее пастбище с селением Тураг; селение Вертиль имело общие пастбища с селениями Ургa, Фурдаг и Джули; общество Ляхля имело совместные зимние пастбища с селениями Кулик, Гериг, Кувиг и Уртиль; селение Зизик имело совместные зимние пастбища с селениями Нютюг, Чилихар, Кюр-кент, Карчаг и Экендиль[9]. У агулов имелись совместные пастбища Тпиг, Миси и Укуз в 2200 дес.; 100 дес. пастбищных земель являлись общей собственностью Рича и Бедюка[10]. Ричинцы и хореджцы имели совместные горы Харангур, ЦурцIаргур и Шулунгур[11].

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1971 г.
[2] Феодальные отношения … С.225.
[3] Даргинский округ … С.212.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.14-а. Л.99.
[5] Даргинский округ … С.59, 93.
[6] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.14-а. Л.100.
[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Сергокалинском р-не в 1967 г.
[8] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.266.
[9] Дагестанская область …; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Табасаранском р-не в 1972 г.
[10] Дагестанская область … С.190-295; ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Д.87. Л.504, 556; Агулы. С.34.
[11] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Агульском р-не в 1972 г.

Совместные горы имели жители Хпеджа и Шими; Тпига, Хутхула и Укуза и т.д.[1] Обширные альпийские луга Арсугъарин аяр являлись общей собственностью Буршага и Арсуга[2].

Выше среди примеров о совместных пастбищах говорилось и о некоторых общих лесах. Здесь же отметим, что и лесных участков совместного пользования в Дагестане было немало. Так, о Южном Дагестане в одном документе сказано: «Леса находятся в общем пользовании одного или же нескольких селений»[3]. В другом источнике о Табасаране сказано, что леса по частям одни состоят в совместном пользовании обществ нескольких селений или же каждого отдельно[4]. Это подтверждается и материалом переписи 1886 г., где дается перечень многих обществ Южного Дагестана, имевших леса общего пользования[5]. Так, в совместном пользовании Нижнего Яраха и других обществ находилось 125 дес. леса; общие леса имели жители Джули и Вертиля; Урга и Вертиля; Уртиля, Кулика, Гериха, Лахля и Кувига; Штуль и Икра имели совместный лес в 25 дес.; Икра и Яшуг – 50 дес.[6]

Много лесных мест общего пользования было в Кайтаге как в обществах, где было много лесов, так и в тех селах, где их было мало. Такие леса общего пользования были в Нагорном Кайтаге и в Нижнем Кайтаге[7]. Так, Уркарах и Калакорейш имели совместный лесной участок в 123 дес.[8] В предгорных магалах Каттаган и Шуркант леса также находились «в пользовании нескольких общин»[9]. Лес Урумеша находится в совместном пользовании селений Дуга, Джавгат и Джибахни. Лес под названием Улумеша находился в совместном пользовании жителей селений Газия, Баршамай, Караталай, Карацан, Джавгат[10].

Общие леса имели и общества Акуша-Дарго и Каба-Дарго. Так, Меусиша и Мугри имели общие места Баалха-Улала и

---

[1] Дагестанская область … С.190-195.
[2] Там же.
[3] ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.3.
[4] Там же. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.6.
[5] Дагестанская область … С.191-197.
[6] Там же. С.191, 193, 197.
[7] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.4.
[8] Там же. Ф.2. Оп.3. Д.14-а. Л.76.
[9] Феодальные отношения … С. 225-227.
[10] Там же. С.227.

Гатби; меусишинцы и канасирагинцы владели лесом Уркаридурких; меусишинцы и цураинцы – лесом Кичу-баула[1]; мекегинцы и лабкомахинцы имели общий лес Бархани-када[2]. В Аварии совместный лес имели 12 селений Хунзахского ханства (Хунзах, Гоцатль, Харакило, Батлаич, Геничутль, Цада, Химакоро, Шотода, Ахалчи, Ках, Тануси и Сиух)[3]. Лес под названием ГIебеде розь находился в совместном пользовании хонохинцев и ругельдинцев. Причем первые пасли здесь скот, а вторые заготавливали дрова[4].

Что наиболее важно в свете существующего мнения о существовании в Дагестане только пастбищных мест и гор общего пользования – это наличие и отдельных пахотных мест совместного пользования. Такие земли, например, причем больших размеров, имелись в пользовании мюрегинцев и утамышцев. Как сказано в источнике, «согласно давно установившимся условиям»[5], в общем пользовании их находилось 9 земельных участков общей площадью 7,5 тыс. дес. и ряд других участков[6].

Общие пахотные земли имели ряд аварских обществ. Так, согласно переписи 1886 г., такие земли имелись в Ратлу-Ахвахе (Ахдакъ) и Ратлубе на 100000 саб. посева (5000 дес.); тлахцы имели совместные земли в местности Койсу с жителями других сел на 3000 саб. (150 дес.); телетлинцы имели общие пахотные земли на 330 саб. посева (16,5 дес.) с урибцами[7].

Третий вид общинных земель – это земли, которыми пользовались жители всех сел одного союза сельских общин. Это в основном пастбищные места. Такие земли имелись в Аварии, Акуша-Дарго, в союзах сельских общин Кайтага, в Табасаране и т.д. Так, союзы сельских общин Акуша-Дарго имели совместные пастбищные горы, называемые Даргала дубурти (горы даргин-

---

[1] Даргинский округ … С.212.
[2] Там же. С.59, 93, 212.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хунзахском р-не в 1971 г.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.
[5] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-б. Л.122-об.
[6] Там же. Л.122; Ф.90. Оп.2. Ед.хр. 22. Л.3-4.
[7] Дагестанская область … С.143-144.

цев) и Урхьухъла дубура (гора уркарахцев)[1]. Все общества, входившие в Салатавский союз, пользовались общими пастбищами – Ханакай-тау, Саре-кулик, Цебе-меэр, Чулпан-гох, Нуцабазул-росо, Урус-меэр, Саяк-шоб, Огуз-тау, Эльсюрген, Барангул-цоб, Канабазул-цоб и др. Всего в общем пользовании было 16 пастбищных гор[2]. В Гидатлинском обществе в собственности всех шести селений (Урада, Гинта, Тидиб, Хотода, Гоор и Кахаб) были общие горы под названием Ахвах мурул, земли при Большой речке и земли селения Хучада[3]. Села Андийского союза (Анди, Гагатль, Гунха, Риквани, Ашали, Зило и Чанко) вплоть до XIX в. имели общие пастбищные горы, простиравшиеся на значительной территории северо-западного склона Андийского хребта[4].

В историческом очерке о Кайтаге сказано, что пастбищные земли «в одних местах эксплуатируются жителями всего магала» (союза)[5]. И в Южном Дагестане имелись земли общего пользования жителей всего магала. В одном источнике сказано, что здесь «пастбищные земли …, как летние пастбищные горы, находятся в пользовании целых селений, а часто и целого магала, т.е. в нераздельном пользовании целой группы нескольких селений, и такие земли считаются сельской, общественной или магальной собственностью»[6]. О Табасаране П. Петухов писал: «Пастбищные горы, пограничные между Табасаранским и Кюринским округом, составляют собственность всех магалов табасаранских узденей»[7].

institute of history.ru

В собственности целых «магалов» находились и лесные участки. Такие леса, например, имелись в Кайтагском уцмийстве. Лес, «хотя и не везде имеющийся, в одних местах эксплуатируется совместно жителями всего магала, в других состоит в исключительном пользовании некоторых селений», – говорится о Верхнем Кайтаге в документе[8].

---

[1] ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Д.103.
[2] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.2. Л.9. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.79.
[3] Гидатлинские адаты. С.7, 37.
[4] Агларов М. Указ.соч. С.189.
[5] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.4.
[6] Там же. Ф.2. Оп.3. Д.142. Л.42; Феодальные отношения … С.195.
[7] Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа /// Кавказ. 9 февраля 1867 г.
[8] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.4.

И, наконец, четвертая форма общинного землевладения – это земли совместного владения со стороны обществ разных политических структур – обществ, входивших и в союзы сельских общин, и в феодальные владения Дагестана. Такие земли имели даргинские и аварские общества. Так, жители Акуша-Дарго и жители селений Губден и Урма владели горами Шамхал-даг (в народе она известна как Шамхалла дубура) и Пилав, а также урочищами Хагунат и Деква-дирка[1]. По другим сведениям, в совместном пользовании даргинских обществ и губденцев находились горы Губден-Таулар, площадью 5000 дес.[2] Цудахарцы и губденцы имели общую пастбищную гору Декъа[3]. Совместные земли имели Мюрего и Губден[4]. Меусишинцы (Каба-Дарго) и уркарахцы (союз Гапш) совместно пользовались пастбищным местом ГIяягIинцIила на горе Къяба дубура[5], ванашимахинцы (Каба-Дарго) пасли скот на землях верхнедаргинцев, называемых Ванаши-диркьа[6].

Обратимся к примерам по другим народам Дагестана. Вплоть до 20-х годов XX в. жители Хушета имели три совместные пастбищные горы с тушинцами. В совместном пользовании тушинцев и цунтинцев находились Асаханские горы[7]. Жители дидойского селения Хушет и тушинского Дикло совместно владели землей, расположенной в местности ХъагIи (Эмцох). Здесь же находись и совместные сенокосные участки[8]. В совместном владении и пользовании алмакцев (Салатавия) и ауховцев находилась пастбищная гора Цонта-меэр[9]. Жители селения Голотль имели пастбищные горы Ражиха-меэр на 2000 саб. (70 дес.) и Цебе-меэр на 20000 саб. (1000 дес.) общие с куядинцами[10].

---

[1] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.72.
[2] Там же. Д.143-д. Л.1, 2.
[3] Там же. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.14.
[4] Там же.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967, 1968 гг.
[6] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-в. Л.72.
[7] Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып.II. С.249.
[8] Магомедов Д.М. Земельные отношения … С.178.
[9] Дагестанская область … С.142-143.
[10] Там же. С.144-145.

В совместном пользовании жителей различных политических структур находились и лесные участки. Такие лесные массивы, в частности, имели различные даргинские союзы. До присоединения к России, говорится в источнике, «до Дешлагара … у даргинцев были леса общие, в которых … рубили и пользовались вместе с посторонними жителями»[1]. Это леса, известные под названиями Ираб-Кулики (или БахIла гIилала) и Илья-дубура (или Тавбезан). Уркарахцы (Муйра) и меусишинцы (Каба-Дарго) имели совместный лес в 35 дес.[2]; жители селения Ассаб имели общий лес с Гидатлинским обществом на 30000 саб. (1500 дес.) около реки Большой[3]. Ряд даргинских обществ Верхнего Кайтага совместно владели лесом с кумыкскими обществами Нижнего Кайтага, в частности Башлы, Янгикентом и т.д.[4] Общие лесные участки под названиями Сили-кол и Яяли-кол находились в совместном пользовании карабудахкентцев и жителей обществ Кадар, Урма, Охлы, Кулецма и Ахкент[5]. Эти же общества ранее пользовались и губденским лесом[6].

В ряде обществ и регионов в совместном пользовании жителей различных политических структур находились и отдельные пахотные участки. Так, согласно посемейным спискам за 1886 г., селение Тлянуб имело под пастбищами с Гидатлинским обществом горы на 100 саб. (500 дес.) посева; Ратлу-Ахвах (Ахуахъ) имел земли с ратлубцами на 100000 саб. (5000 дес.) посева; горцы имели вместе с Гидатлинским обществом земли на 15000 саб. (75 дес.) посева; селение Ассаб около реки Большой имело совместные с Гидатлинским обществом земли на 70000 (350 дес.) посева[7].

Таков перечень и обоснование наличия на конкретном материале четырех форм общинного землевладения в Дагестане. Но Ш.М. Мансуров[8], а вслед за ним и А.Г. Мансурова[1] пишут о ше-

---

[1] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.12; Ф.2. Оп.3. Д.140-с. Л.70 об.
[2] Там же. Д.14-а. Л.76.
[3] Дагестанская область … С.142-143.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.14-а. Л.76.
[5] Там же. Д.142-н. Л.57.
[6] Там же.
[7] Там же. Ф.147. Оп.3. Д.65. Л.1.
[8] Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.80.

сти формах общинного землевладения, с мнением которых, конечно, невозможно согласиться. В качестве отдельной формы они дают общинные земли, которыми пользовались не все члены общества. Но ведь это не форма, отличающаяся от охарактеризованной нами как первая форма. Это лишь форма пользования общинной землей, находящейся в собственности одной общины. Как отдельную форму общинной собственности Ш.М. Мансуров дает и те земли, которые были завещаны собственниками земли (мюльковладельцами) в пользу общины. Но и эти земли мы характеризуем как запретные (хасарбатские, музные, сабильные) земли, находящиеся у общин.

Но каковы бы ни были мнения – было ли четыре или шесть форм общинного землевладения, они говорят об их многообразии, что вызвало и многообразие пользования общинными землями, регулируемого установившимся адатом и договоренностью совладельцев. Но при этом каждая форма общинного землевладения имела свои особенности в пользовании, удовлетворяющие интересы и общины, и совладельцев общих земель.

Начнем с первой формы – общинной, где основными землями были пастбищные угодья. В небольших селах пасти скот можно было в составе общинных стад. В больших же – пастбища делились по частям или кварталам, или тухумам селения и они пасли свои стада на выделенных им землях. Но кварталы, как правило, с самого начала основывались переселенцами из тухумных поселений, заселявших их компактно, хотя в изучаемое время характерным стало их смешанное заселение, как это было, например, в сел. Цахур. Пастбищные горы здесь, называемые Ахвай сыва (сыва – гора), Гашельна сыва, Чукайна сыва, Исайатlна сыва, Межна сыва, Чикашина сыва и Сана сыва были поделены между всеми тухумами[2]. Сохранение потухумного и поквартального пользования общинными пастбищами являлось как бы пережитком первоначального заселения тухумов в территориально-тухумную и территориальную общину, когда они сохраняли в новой общине за собой бывшие их земли в тухумном поселении. Такое поквартальное пользование общинными землями

---

[1] Мансурова А.Г. Указ.соч. С.73.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1972 г.

было характерно для сел: Урахи, Акуша, Хунзах, Ахты, Рутул, Губден, Тлядал, многих сел Кайтага[1]. Причем в таких селах за кварталами земли были закреплены навсегда. В отдельных обществах пастбищные места распределялись между кварталами по жребию. Но община могла выделять дополнительные места тем кварталам, которым места было недостаточно, как например, это было в Рутуле[2].

В каждом обществе было определено, на каком пастбище можно было пасти скот, что нашло отражение и в адатах дагестанских обществ. Так, в адатах Технуцала сказано: «Табунщик обязан выгонять стадо на указанное джамаатом место»[3]. «Пастух не имеет права пасти стадо там, где не разрешено обществом», – сказано в адатах ункратлинцев и чамалалов[4]. Адаты определяли и устанавливали и наказание за нарушение решений джамаата. Большое внимание уделялось рациональному использованию пастбищ, и их распределение строго регламентировалось.

В адатах Бежитского общества сказано: «В начале года (летом) скот пасется на верхних пастбищах и по мере падения жары спускается на нижние»[5]. Исследуя хозяйство аварцев, С.Х. Асиятилов писал: «Строго разработанные правила передвижения скота с зимних на весенне-летние пастбища и на альпийские луга и обратно, характерные для андалальского, гидатлинского, келебского, богочамалинского, андийского сельских обществ были вызваны необходимостью наиболее рационального использования природных ресурсов и рабочих рук»[6].

Община устанавливала конкретные сроки пастьбы скота на тех или иных пастбищах. В адатах дидойцев сказано: «Если пастух выгонит скот на луг, прежде чем позволит ему общество, то с

---

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.133; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.160-161; Шиллинг Е. Указ.раб. Л.32; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Сергокалинском и Рутульском р-нах в 1966, 1971 гг.

[2] Саидова М.В. Указ.раб. Л.113.

[3] Памятники обычного права … С.138.

[4] Там же. С.154.

[5] Из истории права … С.72.

[6] Асиятилов С.Х. Указ.соч. С.47.

него взыскивается одна мера какого-либо хлеба»[1]. В Урахи за выгон на общественное покосное или пастбищное место стада в запрещенное время в пользу исполнителей взыскивали за баранов – два лучших барана, за крупный рогатый скот – один бык[2].

Общинные пастбища в ряде обществ сдавались в аренду своим же овцевладетелям, которых в изучаемое время в горных обществах было немало. Так, в Гинта (Акуша-Дарго) владельцам овец сдавались горные пастбища Кавнала хIялала и Гъумрила бекI. В Рича (Агул) были пастбища (сувар), которые делились между овцевладельцами, а также бедными членами общества. Полученные за аренду пастбищ овцы делились между хозяйствами по числу едоков. В Меусиша барановодам сдавались в аренду пастбища Шилкьа кьадди и Шингьала, плату использовали на нужды джамаата[3].

instituteofhistory.ru

Общинные пастбища, особенно там, где их было много, сдавались в аренду и другим обществам. Полученный доход использовали на нужды общества (ремонт и строительство дорог, мостов, водопровода, источника, оград на кладбище, мечетей и т.д.). В других обществах доход от сдачи в аренду общинных пастбищ делили по хозяйствам, в третьих – одну часть делили между тухумами, а внутри них – по хозяйствам, а другую часть использовали на общественные нужды. Сдавали в аренду пастбища сюргинские общества (пастбища Аргибан, Цумакира, Аядирка, Мужела кьари, Хула кьунтIала), ряд нижнекайтагских обществ, обществ кюринцев, дидойцы и др. Башлинцы в аренду верхнедаргинцам и сюргинцам отдавали 8 кутанов; Баршамай сдавал в аренду зимние пастбища Джимузила хъарахъи[4].

Унчукатлинское общество сдавало гору Шуну хъунзунтIуй вихлинцам за 30-40 овец, мясо которых раздавали между всеми членами общества. Сдавали в аренду пастбища общества Джибахни, Кочхюр, Курах и др.[5] В дидойских обществах в аренду

instituteofhistory.ru

[1] Из истории права … С.58.
[2] Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1973. Вып.VII. С.96-97.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Агульском, Дахадаевском р-нах в 1967, 1971, 1972 гг.
[4] ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Д.100. Л.213-214; Петухов П. Указ.соч. // Кавказ. № 17, 23 февраля 1867 г.
[5] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.5037. С.36, 58-59, 66-67.

сдавались пастбищные горы, отдаленные от сел, доход, получаемый от их аренды, назывался сабалахо, часть которого вплоть до второй половины XIX в. делили между тухумами, а внутри них – между семьями, а другая часть использовалась на общественные нужды[1]. Тлядал сдавал в аренду пастбища гунибцам и согратлинцам[2]. Даргинское селение Уркарах сдавало в аренду гору ЧебехI дубура. Сдавали в аренду пастбищные горы Усиша; Ургани (горы Чарбута и Мегнала); Урари (гору Иракинила); Дуакар (горы Гусбия, Картала, Катабах и Баглагалаку); Нахки, Ашты, Кунки, Мюрего, Кули и т.д.[3]

Много было пастбищных гор у рутульцев, ричинцев, фитенцев, ахтынцев, которых они сдавали в аренду[4]. В официальных документах сказано, что в Южном Дагестане ряд обществ отдавали «свои пастбищные горы сторонним лицам под пастьбу баранов за плату в пользу обществ»[5]. В одном документе о Рутульском обществе сказано, что оно имеет «так много пастбищных гор, что даже отдает в арендное содержание другим соседним обществам часть своих пастбищных гор под пастьбу овец и скота, а другие общества», имеющие их в недостаточном количестве, арендуют их[6]. Эти пастбища Рутула находились в верховьях Шиназского ущелья, в числе которых были три яйлага – Такя-Кашун, Салават или Наур и Давахи. Они и отдавались «на откуп за ежегодную плату то шинцам, то борчинцам»[7]. У рутульцев арендовали горы также хновцы, фийцы и кайсальцы[8], их землями пользовались жители Кича и Хуник, не имевшие своих выгонов[9]. Ричинцы сдавали в аренду пастбищные горы бускринцам, урка-

---

[1] Магомедов Д.М. Указ.соч. С.24-25.

[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.5037. С.123.

[3] ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Д.99. Л.2, 119; Д.100. Л.451; Д.104. Л.383; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Дахадаевском, Сергокалинском и Кулинском р-нах в 1967-1972 гг.

[4] Феодальные отношения … С.136; Дагестанская область … С.209-219; Маршаев Р.Г. Указ.соч. С.114; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском, Агульском и Ахтынском р-нах в 1971-1972 гг.

[5] Феодальные отношения … С.167.

[6] Там же. С.136.

[7] Там же. С.275.

[8] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1971 г.

[9] Дагестанская область … С.211.

рахцам и верхнедаргинцам; Фите сдавало в аренду горные пастбища Идалдихерахъ и БицIидал соседним агульским и табасаранским обществам[1]. Много было пастбищ у Ахтынского общества, которое «очень часто сдавало их обществам, нуждающимся в них за определенную плату»[2]. Соседние общества Гдун, Кочаг и др. за неимением своих пастбищ пользовались землями Ахтынского общества[3]. Причем, как отмечалось сословно-поземельной комиссией, такой порядок «неравномерного пользования пастбищными местами утвердился давно»[4], и это повсеместно приводило к зависимости сел, пользующихся землями богатых пастбищами обществ. Таких примеров мы имеем достаточно много. Так, по сведениям, собранным в XIX в., «с давних пор» жители селения Очло за пользование пастбищами Арак меэр, Бакда меэр, Хунда меэр платили ясак обществам Тануси, Иштибури, Иштабури-коло и Цатаних. Ясак брали за пастьбу скота, который был «установлен по их адату»[5]. С каждой отары, пасущейся в летнее время, брали по одному барану с отары[6]. Очлинцы платили баранами и за устройство загонов в местностях Хунда и Бакда[7]. Общества Накитль и Датун находились в ясачных обязательствах по отношению к Хунзаху[8]. «Люди джамаата Хунзах, – сказано в записи конца XVII в. о ясачных отношениях указанных сел, на собрании которых присутствовал их управитель (хан) Дугърунуцал-хан сын ГIуммануцала, – договорились разрешить поселиться на свои земли, находящиеся в местностях НитIа, НакIкIикъ и Милиданахъа, построить дома, обложив десять къали (аварская мера сыпучих тел, равная 14 кг) хлеба на каждый дом, находящийся в одном из указанных выше местах в пользу жителей джамаата Хунзаха ежегодно …»[9] Причем облагалось 10 къали хлеба и каж-

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Агульском и Рутульском р-не в 1972 г.
[2] Маршаев Р.Г. Указ.соч. С.114.
[3] Дагестанская область … С.209.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.149. Л.25; Маршаев Р.Г. Указ.соч. С.144.
[5] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-в. Л.1.; Ф.2. Оп.3. Д.142-б. Л.182.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хунзахском р-не в 1971 г.
[7] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-в. Л.6.
[8] Там же. Л.2 об.
[9] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.218. Л.5.

дое образовавшееся хозяйство. И еще переселенцы обязались платить эту плату, если даже число дворов в каждом селении превысит тысячу[1].

Зависимые отношения на почве пользования землями сложились и у других народов Дагестана. Так, сюргинское селение Гулебки за земли, занятые под селение и пастбища, платили цугнинцам по одному саху зерна с двора[2]. Харбучимахинцы платили селению Нахки за право пасти скот три весенних месяца на горе Урухвача ежегодно каждое хозяйство по 1 сабе зерна и 3 баранов все общество[3]. Обществам Ашты и Кунки за пастьбу скота на горе Панка они платили также баранами[4], а позже – деньгами (60 руб.)[5], а дуакарцам они платили по 1 саху зерна с каждого хозяйства за пастьбу овец и крупного рогатого скота на дуакарской горе НикIа диркьа[6].

Община проявляла особую заботу об использовании пастбищ для рабочего скота. Во время проведения сельскохозяйственных работ рабочему скоту отводились самые лучшие пастбища – до начала сельскохозяйственных работ его содержали на дальних пастбищах, а во время уборки урожая – на близких.

В ряде обществ выделяли специальные пастбищные места и для содержания скота, откармливаемого на убой.

Пастбищные места, выделяемые для выпаса рабочего скота и скота, предназначенного для убоя, строго охранялись, и нарушивших это решение общины штрафовали, по адатам келебцев, например, с нарушителя взыскивали овцу[7].

Телят, как правило, везде пасли около сел на присельских пастбищах. Но в ряде обществ для этого выделяли специальные места, где нельзя было пасти другой скот. Такими местами в Обода было место Бачазул кьуру (телячье пастбища), в Муги – Къачнала диркьа (телячья равнина), в Урари – Къачни кьари (те-

---

[1] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.218. Л.5.
[2] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.3.
[3] Там же.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967 г.
[5] ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.3.
[6] Там же.
[7] Памятники обычного права … С.78.

лячья трава) и т.д.[1] После выделения для выпаса телят специальных мест, их нельзя было пасти на других местах.

Во время пастьбы скота на летних пастбищах в селении не разрешалось держать скот или разрешалось держать определенное количество его, предназначенное для какой-то цели. «Запретить оставлять … овец джамаата, кроме одной овцы, оставляемой в селении, чтобы резать для почетных гостей», – сказано в адатах Усиша[2]. В Мургуке разрешалось держать летом дома не более 5 овец[3], в Акуша – не более двух овец, в Мекеги и Муги – не более одного барана, в Урахи – только одного барана или козла[4]. Не разрешалось летом держать дома и другой скот.

Община охраняла свои пастбища от потрав. На них нельзя было пасти скот жителей других обществ, продавать, передавать чужим, захватывать самовольно, устраивать хутора и т.д. Нарушителей, в том числе и административных лиц, строго наказывали. «Если старейшины согласились продать сельскую общественную землю, – сказано в адатах Цекубского общества, – то с каждого, кто согласился, взыскивается по одной овце»[5]. По адатам усишинцев, если кадий или старшина отдавали общественную землю человеку из другого селения, то резали быка, взятого у них[6].

В пользовании общественным лесом также имелись особенности в разных обществах. Там, где было много леса, ими пользовались свободно (Кайтаг, Табасаран)[7]. Где леса было мало, пользование им регулировалось обществом. В обществах, где были разные по качеству леса, одними участками разрешалось пользоваться свободно, а другими (например, строительный лес) – только с разрешения общественной администрации или самого джамаата.

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Серголинском и Хунзахском р-нах в 1962 и 1971 г.
[2] Из истории права … С.235.
[3] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.135.
[4] Адаты даргинских обществ. С.42, 57, 64, 82.
[5] Памятники обычного права … С.95.
[6] Из истории права … С.234.
[7] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.155. Л.36, 37.

В ряде обществ, как и пастбища, лесные участки делили по кварталам, а внутри них – по хозяйствам. Были и другие формы пользования лесом. Так, в Киша (магал Ганк) леса делились на три части по числу кварталов. Через 7 лет одну из этих частей делили по жребию между кварталами[1]. В Кубачах все леса делились между 12 кварталами, а внутри них – по хозяйствам[2]. В Рутуле и Гапшима леса были закреплены за кварталами[3]. В сел. Уриб все лесные участки были поделены между всеми хозяйствами[4]. А в селении Гочоб джамаатским лесом «на равных основаниях пользовались четыре тухума. Вырубленный лес распределяли поровну между всеми членами тухума по мужской линии, если в семье не было мужчин, пай леса не полагался».

Наиболее распространенной формой пользования общинным лесом было передел их через определенное время между всеми хозяйствами общины. В некоторых обществах (например, в селении Ниж. Мулебки) каждому хозяйству выделяли определенный участок леса или же определенное количество деревьев. В Телетле леса делили через каждые 3 года[5], в Гинта из лесного участка Ваца делили деревья по хозяйствам через 5-7 лет[6]. В Урахи (центр Каба-Дарго) участок леса ГIинцIила делили через 10-15 лет и то выделяли по 6 деревьев каждому хозяйству[7]. В Мургуке были участки леса, которыми пользовались через 5-10 и даже через 15-20 лет[8]. В Акуша перед обзаведением самостоятельным хозяйством разрешалось рубить из общественного леса в местности Кумра кьакьа две арбы дров жениху и одну арбу невесте[9].

institute of history.ru

---

[1] Алиев Б.Г. История аулов Верхнего Кайтага // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Оп.1. Д.187.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967 г.

[3] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.134; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-оне в 1971 г.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1980 г.

[5] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.32.

[6] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.163.

[7] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.139.

[8] Там же.

[9] Магомедов Р.М. Общественно … С.128; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1962 г.

В отдельных обществах (Дзилебки – участок Гама хьунрала вацIа) имелся специальный участок, который делили между вдовами[1]. Часто лесные участки объявлялись заповедными и охранялись обществом особо. Они предназначались для нужд джамаата. Такие леса, например, имелись в Табасаране, «лесные материалы из которых» употреблялись «исключительно по надобностям общественных как-то: для постройки мечетей, мостов и др. общественных построек»[2]. Такие участки имелись в Рутульском обществе – ТIиде и Кинухъ, в Бежта (НихIил рохь) и т.д.[3]

Общественный сенокос в основном ежегодно делили между всеми хозяйствами по жребию[4]. Это было характерно для Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Сюрга, Агула, Дидо[5]. В ряде обществ сенокосы общины обычно ежегодно делились по кварталам, а внутри них – по жребию между хозяйствами. Так было в Усиша (сенокосы в местностях Шамура и ХIеркла мура)[6], Бутри, Меусиша, Киша, Уркарахе. В сел. Эндирей составляли списки всех жителей и по жребию ежегодно делили общинные сенокосы и пастбища по хозяйствам. Назывался полученный таким образом участок «сабан-пай»[7]. В Аштынские их делили через 3 года, в Лиша – через 7 лет[8]. В Гапшама все 14 участка общинных сенокосов издавна были разделены между тремя кварталами и они «пользовались этими угодьями, первоначально выпавшими на долю каждого из них». Четвертый квартал не получал пая из общинных покосов[9]. Аналогично пользовались общинными покосами и в ряде других об-

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1970 г.
[2] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.6.
[3] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.5037.
[4] ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.22; Феодальные отношения … С.224.
[5] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.162; Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.102; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Сергокалинском, Агульском, Дахадаевском и Цунтинском р-нах в 1970-1972 гг.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1984 г.
[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хасавюртовском р-не в 1986 г.
[8] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.162; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском и Дахадаевском р-нах в 1966-1969 гг.
[9] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в Л.234.

щин. В Цудахаре землей в местности Гудабури также пользовалась только часть жителей[1]. У каратинцев участки из общественных покосов получали 4 равноправных тухума, а внутри них по жребию наделяли всех мужчин от младенца до старца в равном количестве. Тухумы из зависимых сословий не наделялись землей. В Цекобе общинные сенокосы в сентябре делили поровну между хозяйствами, где был хотя бы один мужчина. На них зимой пасли овец[2]. В Шукты, где не было в семье мужчин, выделяли участки для сена на кладбище[3].

В ряде обществ сохранились более архаические формы пользования покосами. Так, в Цудахаре по объявлению мангуша в один из дней жители выходили на покосы Алугъни и Буртимурби и косили сено кто сколько мог[4]. Так пользовались общинными покосами и в Цахуре, Рутуле (участки между пашнями), Эльбоке и Дидо[5]. В последнем «в определенный период сенокошения, в объявленный джамаатом день, косари толпой устремлялись на покосы и произвольно огораживали себе приглянувшиеся участки, лучшие из них доставались тем, кто раньше других достигал летних покосов»[6]. В сел. Бежта такими сенокосными участками были Окъкьа и Контль, куда устремлялись все жители после объявления мангушем о начале сенокоса[7]. М.А. Агларов, анализируя это, пишет: «Этим своеобразным спортивным соревнованием устанавливалось право «первозаимщика». Идейной основой этому порядку, видимо, служило древнейшее право племени на ту территорию, которую оно заняло во время расселения. Это право «первозаимщика» наиболее древнее по своему происхождению, было распространено в Аварии»[8]. Такие сенокосы

---

[1] Мансурова А.Г. Указ.соч. С.76.
[2] Агларов М. Техника … С.189.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.
[4] Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVII-XVIII вв. … Л.152.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском, Цунтинском р-нах в 1971 г.; Агларов М. Указ.соч. С.190; см.также: Магомедов Д.М. Указ.раб. Л.26-27.
[6] Агларов М. Указ.соч. С.190.
[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Цунтинском р-не в 1973 г.
[8] Там же.

были в Бежта – Окъкьа и Иконтль, в Хашархота – Родор, Цицрокьа, Цухрикьи и Тирока[1] и т.д.

Существовали и другие архаические формы пользования общинными сенокосами. Так, как и в предыдущей форме, покосы в ряде обществ (как, например, в сел. Минджах (Ахты-пара)[2] не делились по хозяйствам или кварталам, а в определенный день взрослое население шло на покос и сообща собирало сено, которое раздавали поровну между хозяйствами, участвовавшими в его сборе. «Сено, если скошено общим трудом», – сказано в источнике о Южном Дагестане, – «делится на все общество»[3]. Аналогично пользовались общинными покосами в Худуце (Буркун-Дарго), Ахмедкенте и т.д.[4] А в Тлярата в день объявления покоса из каждого хозяйства на сенокос шел только один представитель, который и уносил скошенное сено[5].

В отдельных обществах, например в селах Акуша-Дарго, общинные покосы сдавались в аренду, доход с которых использовали на нужды джамаата[6].

Самые спорные среди ученых – общинные пахоты – также имели разные формы пользования. В одних селах сохранились более архаические формы пользования ими, когда их делили ежегодно (например, в Шукты, где так делили участки Карбасана и Заникъай)[7].

Но в изучаемое время наиболее характерным было деление пахоты общины через 3-5-7 лет. В Усиша (участки в местностях ХIекьла муса, Джилисултан, ХIебасула и Урчала диркьа) и Тимутле их делили через 3 года, в Гидатле, в селах Хамур-Дарго и Акуша-Дарго – через 7 лет и т.д.[8]

---

[1] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.541. С.87, 100. Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Цунтинском р-не в 1973 г.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Ахтынском р-не в 1990 г.

[3] Феодальные отношения … С.136.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967 г.

[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Тляратинском р-не в 1982 г.

[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1963-1971 гг.

[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1963 г.

[8] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском и Каякентском р-нах в 1966, 1984 и 1987 гг.; Магомедов Д.М. Земельные отношения … Л.42; Гидатлинские адаты. С.29.

В ряде обществ общинные пахоты делились по кварталам. Так, в Гапшима они, как и общинные покосы, были распределены между тремя кварталами поровну[1]. Аналогично пользовались общинными пахотами в Аштыˆ[2]. Даже в 60-е годы XIX в. в отдельных обществах Тальского общества общинные пахоты делили по тухумам, а внутри них – поровну между семьями[3]. В табасаранском селении Камах пахота (100 капанов или 25 дес.) отдавалась жителям по усмотрению джамаата, «в распоряжении и пользовании которого находилась» она[4]. В кайтагском селении Санчи общинная пахота находилась в местности Семс, ниже консервного завода. Она отдавалась в аренду, и арендующий 10 сахов зерна отдавал мечети, остальное оставлял себе[5]. Но, как отмечалось выше, в изучаемое время самым важным в пользовании общинной пахотой являлось удлинение сроков переделов, что являлось показателем ослабления прав общины на нее, «так как теперь владелец или пользователь надела из общинной земли более длительное время без вмешательства общины мог распоряжаться им, хотя это было в пределах общины»[6]. Такая форма пользования общинной пахотой была переходной от коллективной к индивидуальной, так как периодические переделы и, главным образом удлинение сроков переделов, приводили к окончательному переделу общинной земли между членами общины. Как указывал Ф. Энгельс, на определенной ступени развития «общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность», результатом чего являлось превращение общин «в обыкновенные села парцеллярных крестьян, сохраняющих общинное пользование лесами и пастбищами»[7].

В исследуемое время общинная пахота являлась остаточным (пережиточным) явлением отмеченного процесса. Коллективной

---

[1] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.233-234.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1967 г.

[3] Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ … С.201.

[4] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.6.

[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Кайтагском р-не в 1986 г.

[6] Алиев Б.Г. Союзы сельских общин … С.147-148.

[7] Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.418.

пахоты было немного и она не играла особой роли в экономической жизни общинников. В результате удлинения сроков переделов общинной земли, т.е. удлинения сроков пользования одними и теми же участками их временных владельцев, община постепенно теряла контроль над ними, что происходило параллельно с усилением прав на эти участки со стороны их временных владельцев. В условиях, когда повсеместно частная собственность на пахотную землю и сенокос являлась основным видом земельной собственности, в условиях господства территориально-соседской общины, общинная собственность на пахоту выступает как пережиточное явление земледельческой общины, главной особенностью которой являлось наличие общей неотчуждаемой собственности на пахоту, переделяемой между всеми ее членами[1]. Пережиточная общинная пахота не была чисто дагестанским явлением. Как отмечал Ф. Энгельс: «Там, где из общей собственности возникла частная собственность отдельных крестьян на землю, этот раздел между членами общины … в большинстве случаев … совершался вполне постепенно, и **остатки общего владения были весьма обычным явлением**»[2] (подчеркн. мною – Б.А.).

О пережиточности общинных пахотных земель говорит их малочисленность, они растворялись в частном землевладении. Общинная пахота являлась «только дополнением индивидуальной собственности»[3]. Пай из нее служил лишь «придатком к основной частной земельной собственности – мюльку общинника»[4].

Но не везде и не в одинаковом виде сохранялась общинная пахота и еще, что важно подчеркнуть, не везде она являлась пережитком архаической общины. Как показано выше, существовали более или менее архаические ее формы, выражавшиеся в пользовании ею. Там, где общинная пахота делилась по тухумам, она была более архаичная (как и сама община), так как это показатель

---

[1] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.418.

[2] Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.645.

[3] Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.471.

[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.128.

более устойчивых кровнородственных отношений. Такая форма пользования общинными угодьями сложилась с образованием территориально-тухумных общин, когда жители каждого тухумного поселения сохраняли за собой те земельные угодья, которыми они пользовались и раньше как своими собственными. Такая форма пользования общинными землями приводила к тому, что участок из них можно было получить только будучи членом тухумов, являвшихся первосельцами в территориально-тухумной общине. Если переселенцы не принимались в какой-нибудь из этих тухумов, то они не получали участков из общинных (фактически закрепленных за тухумами) земель. В некоторых общинах такая форма пользования общинной пахотой сохранилась вплоть до XIX в., примером чему может служить Гапшиминское общество. Здесь после объединения трех тухумных поселений все пахотные (5 участков), покосные (14 участков) и лесные (13 участков) угодья были разделены на 3 части и переданы в пользование трех кварталов, образованных тремя тухумами-переселенцами в одно селение. Впоследствии здесь образовался четвертый квартал под названием Кундуц-кат. Однако жители этого тухума не наделялись из указанных общинных земель участками земли. Они имели лишь общие покосы и лес в местности Кам-Дуц, которыми не пользовались жители трех других кварталов[1].

В тех общинах, где передел коллективной пахотной земли производился по хозяйствам, форма землепользования была менее архаична, так как земля в этом случае делится не по принадлежности к определенной родственной группе (тухуму), а по принадлежности к общине вообще, как единой общественно-политической структуре, где жили разные родственные группы (тухумы), в том числе переселенцы.

Но, изучая общинное землевладение в позднефеодальный период, следует подчеркнуть, что в этот период во многих горных обществах имевшая место общинная пахота ни по форме образования, ни по назначению и использованию не представляла собой собственности архаической (даже землевладельческой) общины. Здесь, прежде всего, следует учесть их возникновение. Известно, что после уничтожения местных небольших феодаль-

[1] ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.140-в. Л.229-234 об.

ных владельцев, известных как князья, талхъаны, шахи, эмиры и т.д., их земли были либо разделены между общинниками, либо определенная часть оставлена для общинных нужд. Эта вторая часть во многих случаях и являлась общинной собственностью и в изучаемое время, и ее назначение было не дележ между субъектами общины, а использование на разные нужды – в других целях. Конечно, в этом фонде общинной пахоты могли быть и такие участки, которые ранее были оставлены общиной для своих нужд (для поддержки новых или многодетных семей, например, рождение седьмого сына, расходы из дохода от них шли на строительство дорог, мостов, проведение водопровода, строительство мечетей, оград вокруг сельских кладбищ и т.д.). Так, такой участок в селении Урахи находился в местности Забгурела гIилала[1]. В аварском селении Тимутль (общество Анцросо) находилась специальная так называемая пашня гостя – «гьобаласул хур», которая переходила по наследству по мужской линии. Получивший этот участок по наследству обязан был приглашать всех гостей и кормить их[2].

Ряд общинных угодий предназначался специально для административных лиц и духовных служителей, и они не подлежали переделу. Такие общинные участки пахоты имелись во многих горских обществах, например, у даргинцев, остались даже названия таких участков – «будо хъу» (пахота будуна), «кьадила хъу» (пахота кадия) и т.д.

Некоторые общины, оставившие для своих нужд много пахотных земель, сдавали их в аренду, а доход от нее использовали на нужды джамаата. В селении Урахи такой участок находился в местности УбяхIкьулики. В Джибахни (Каракайтаг) такими участками были Гъазитей и Дугъа къадди. На джамаате объявляли, что они сдаются в аренду на год за определенную плату и тот, кто был в состоянии, арендовал их. Газия (Каракайтаг) и Санчи (Маджалис-катта) сдавали в аренду часть пахотного участка Семс[3].

---

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.99.

[2] Д.М.Магомедов. Полевой материал, собранный в Тляратинском р-не в 1969 г.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Кайтагском р-не в 1969-1973 гг.

Следует отметить, что даже в тех общинах, где обработка общинной пахоты производилась коллективно всеми членами, доход использовали прежде всего на определенные нужды джамаата. Так, в аварском селении Тануси участки ГьуртIулокла, Кьорадуни и ГIарахъ обрабатывались силами всех членов общины, а доход во время Уразы-Байрама раздавали тем, кто приходил в мечеть. Кроме того, средства, получаемые от этих земель, использовались для строительства дорог, общественных зданий, на содержание бедных и сирот и т.д.[1]. В Хушетском сельском обществе на посев джамаатской пахоты также выходили все жители. Праздник первой борозды проводили на этом участке. В день объявления жатвы все члены общества выходили на этот джамаатский участок для сбора урожая. Доход от этих земель использовали на строительство дорог, мостов и по решению джамаата часть урожая распределяли между сиротами. Из этих участков определенную площадь земли выделяли и многодетным семьям, и пришельцам из других обществ. Бывали случаи, когда сам джамаат приглашал нужных для общины специалистов и им выделяли из общинных угодий пахотные и сенокосные участки[2]. Как и в указанных выше аварских обществах, в даргинском селении Урахи (центр союза Каба-Дарго) пахотный участок в местности БахIла гIилала был предназначен для содержания бедных членов общины. В селении Ниж. Мулебки было два пахотных участка Хунбар хъу (в местности ХъяллигIела) и в местности Шиллиуб, доход с которых расходовался на строительство и ремонт мостов[3]. Для указанных целей община могла также оставлять либо специальные участки пахоты, либо осваивать силами всех членов общины запретные или пустопорожние земли и превращать их в общинные пахоты. В Бежитском обществе в 1,5 км от селения в местностях Лахъачи и БалюкювагI находились специальные запасные пахотные земли, из которых участок стоимостью 7 быков выделяли тем, кто имел 7 сыновей. Кроме того, из них выделяли участки и переселенцам из других обществ[4]. Семьям, где рождался 7-й сын, давали пахотные участки в селах Ба-

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хунзахском р-не в 1971 г.

[2] Магомедов Д.М. Социально-экономические отношения в Дидо в XVIII – начале XIX вв. // Рук.фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.233. Л.33-34.

[3] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.100.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Цунтинском р-не в 1973 г.

гулале, в сел. Ругельда (союз Келеб) семьям, где рождался 7-й сын, давали пахотный участок на 10 къали засева из запретных земель[1]. В селении Тимутль пахотные участки выделяли юношам, достигшим 15 лет, в виде подарка в день посвящения их в члены джамаата[2].

Имевшиеся в позднефеодальный период общинные пахотные земли были оставлены для различных нужд джамаата не только самой общиной. Общинная пахота пополнялась и за счет пожертвований или завещаний общинниками в благотворительных целях в пользу общины своих пахотных участков. Это одна из причин и средство увеличения и сохранения общинной пахоты[3]. В рукописи Корана, переписанной в XIX в. Нурбагандом Адзиевым, имеется запись о том, что два участка пахоты в местности Хала гIилала пожертвованы джамаату одним жителем селения Урахи за отпущение грехов. Причем земельный участок передавался джамаату с указанием конкретного его назначения – доход с него должен был расходоваться на строительство и ремонт моста, находящегося в местности ГубилигIила[4]. Поэтому эти участки получили название Губе хъуми (пахотные поля моста или мостовые пахоты). Аналогичные пахотные участки имелись и у рутульской общины, которые были пожертвованы одним жителем в благотворительных целях. Доход от них также передавался на ремонт моста[5]. В селении Верх. Мулебки одна женщина пожертвовала джамаату пахотный участок на 30 мерок засева в местности Шурайла хъуми и сенокос в местности Шурайла мура, которые джамаат давал на 7 лет тому члену общины, который очищал ежегодно озеро для водопоя общественного скота[6].

Был еще один источник пополнения общинной пахоты – это аренда или купля пахотной земли у других обществ. Так, известно, что урахинцы арендовали у утамышцев земли в местности

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Цумадинском и Советском (Шамильском) р-нах в 1971 и 1986 гг.

[2] Магомедов Д.М. Указ.раб. Л.33.

[3] Алиев Б.Г. Свободные узденства феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007. С.114.

[4] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.100.

[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1971 г.

[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Сергокалинском р-не в 1967 г.

Ирау и Къулики, которые переделялись по жребию между членами джамаата[1].

Все приведенное вроде говорит о многочисленности общинных пахотных земель. Но это не так. Их было немного. В общем балансе всех пахотных земель, имевшихся в дагестанских общинах, общинные пахоты – это просто мизерная часть, так как основной формой собственности на пахоту была частная – мюльковая собственность, как впрочем, и на сенокос, «которая и была двигателем процесса социально-экономических изменений в обществе, происходивших особенно заметно в изучаемое время»[2]. Общинная пахота не играла заметной роли в социально-экономическом развитии общества. Да и сама дагестанская горная община не только в позднефеодальный период, но и в более ранний период была не архаической (родовой), а территориально-соседской общиной, образовавшейся на основе объединения в одно селение ряда тухумных (или так называемых «родовых») поселений. Горская община Дагестана состояла не из какого-то одного рода, а ряда родственных групп (тухумов), вышедших из разных мест (поселений). Поэтому и не могло быть ни родовых, ни пережиточных родовых земель. Общинные пахоты – это память о земледельческой общине, где пахотные земли перераспределялись через определенный – небольшой срок и община имела по отношению к земле все права собственника.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institutehistory.ru

Родственные коллективы (тухумы), состоявшие из индивидуальных семей, объединившихся в одну общину во главе с наиболее крупной и сильной из них, передавали свои общинные, коллективные земли в ведение этой новой общины, сохранив за индивидуальными семьями их собственные (частные) земельные (пахотные и покосные) участки. Поэтому при внимательном изучении топографии и названий частных пахотных и покосных участков, имевшихся в собственности жителей горных общин в позднефеодальный период, обнаруживается, что во многих случаях они были расположены компактно в одном месте каждой родственной группы (тухума), каждая из которых вышла (пересе-

[1] Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965. С.53, 168.
[2] Алиев Б.Г. Свободное узденство … С.114.

лилась) из одного своего поселения, хотя, конечно, в изучаемое время в основном эти частные земельные участки были смешанные представителей разных родственных групп, точно так же, как и смешанное (территориальное) заселение кварталов, в которых в основном проживали представители разных родственных групп. Последнее и являлось показателем территориально-соседского типа общины, в которой преобладающим, господствующим, основным являлся индивидуальный, частный, а не коллективный фактор, что и определяло сущность каждой формы земельной собственности как порождение той эпохи, в которой они существовали и проявляли себя в той или иной форме – то, как основная, то, как второстепенная, то, как пережиточная форма более раннего времени.

Столь большое место отведено пользованию первой формы общинной земельной собственности и в особенности пахотного ввиду важности вопроса, вызывающего разные, порой противоположные, мнения об их существовании и роли в жизни дагестанской общины.

Пользование оставшимися формами совместных земель различных общин было не сложно и не отличалось особым разнообразием, как пользование приведенными выше общинными землями, принадлежащим одной общине. Пользование совместными пастбищами, как правило, зависело от договоренности совладельцев и от обычая, установившегося с давних времен и сохранившегося вплоть до XIX в. В одних обществах совместными пастбищами совладельцы пользовались когда и как хотели. Такой пастбищной горой, например, была гора Хъибусуй, которой совместно владели ричинцы и хореджцы[1]; пастбище ХIеруслими, которым пользовались кубачинцы и зильбачинцы[2]; местность Огазган, находящаяся в пользовании кумторкалинцев и кяхулаевцев[3]. Андалальские села Согратль и Шангада пасли скот на общей горе Келаб[4].

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Агульском р-не в 1972 г.
[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Дахадаевском р-не в 1968 г.
[3] ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.28. Л.2.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Гунибском р-не в 1983 г.

На ряде совместных пастбищ совладельцы имели право пасти только определенный вид скота. Так, жители сел Тлярата и Мехельта, входивших в Гумбет, имели совместную пастьбу для баранов[1], жители Рикрани имели «общую с сел. Ботлих пастьбу волов, баранов и лошадей»[2]. Жители кайтагских селений Маджалис, Санчи и Ахмедкент, живших по соседству, имели совместные пастбища для рабочего скота в период уборки урожая в местностях Гезуерлер, Къизилбалчикъул, Тергъул, Ортагъул и Улгъул. Коров же они пасли на совместных пастбищах Тешликьлар, Яилмакь и ХIяритун. После уборки урожая и вплоть до зимы быков, буйволов и коров жители этих трех селений пасли на Гезучалал-кутане[3].

В ряде обществ совместными землями пользовались по очереди. Так, на горе ГIябкъадда один год пасли скот нахкинцы, следующий – нацинцы[4].

На ряде совместных пастбищ одни общества пасли один вид скота, другие совладельцы – другой вид. Так, согласно адату, на горе Дутля жители Кубачи пасли овец, а сулевкентцы – лошадей[5]. В ряде случаев совладельцы пользовались совместной землей в разное время. Так, урибской землей Талаканиб после сбора урожая и сена пользовались телетлинцы, которые пасли на них свой скот[6].

Пастбищами, находившимися в совместном владении жителей всех обществ одного союза, можно было пользоваться на равных правах, но с разрешения совладельцев. Так, в «Гидатлинских адатах» сказано: «Горы под названием «Ахвах му’рул», земли при Большой речке и земли селения Хучада являлись общими поровну между всеми шестью селениями, составлявшими гидатлинское общество»[7]. Аналогично пользовались совместными землями и андийцы. На горных пастбищах Анди, простиравших-

---

[1] Дагестанская область … С.135.
[2] Там же. С.137.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Кайтагском р-не в 1971 г.
[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1984 г.
[5] Феодальные отношения … С.225.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.
[7] Гидатлинские адаты. С.7.

ся на значительной территории северо-западного склона Андийского хребта, каждое из семи селений (Анди, Гагатль, Гунха, Риквани, Ашали, Зило и Чанко) могли пасти стада овец и табуны на любых участках[1].

Совместными землями совладельцы, входившие в разные политические структуры, также пользовались на договорных началах, и никто не имел права нарушать это. Имея на общие пастбища одинаковые права, совладельцы в то же время по договоренности на них могли пасти разный скот или пользоваться только в определенное время года. Так, по показанию представителей Губденского общества в сословно-поземельной комиссии, горой Губдень-Таулар «почти одинаковые права пользования» имели и жители верхнедаргинских обществ, входивших в Акуша-Дарго[2]. В ряде случаев в пользовании совместными пастбищами со стороны обществ, входивших в разные политические структуры, были установлены сроки пользования со стороны совладельцев. Если одно общество пользовалось в летнее время, то другое – в осенне-зимний период. Так, пастбищной горой Декъа 9 месяцев пользовались цудахарцы, а три месяца – губденцы[3]. Совместным пастбищем ГIяягIинцIила в самое хорошее время года, когда был травостой (40 летних дней), пользовались уркарахцы (общество Гапш), а в остальное время года – меусишинцы (общество Каба-Дарго). Горой Къяба меусишинцы пользовались с осени и до 40 дней лета, а в остальное время – уркарахцы[4].

Обратимся к примерам пользования совместными землями со стороны обществ разных политических образований Аварии. Гидатлинское общество имело совместные земли с другими обществами, и по пользованию ими имеются различные адаты и соглашения. В адатах гидатлинцев по поводу общих земель с Ратлубом и Ахвахом сказано так: «Если кто-нибудь разрешил пасти отары на горе без согласия на это со стороны шести аулов (Урада, Гинта, Тидиб, Хотода, Гоор, Кахиб) и селении Ратлуб и Ахвах, то с него взыскивается четырехгодовалый бык»[5]. Гово-

[1] Агларов М. Указ.соч. С.189.
[2] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.143. Л.2.
[3] Там же. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.7. Л.14.
[4] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.106.
[5] Гидатлинские адаты. С.37.

рится о совместных владениях гидатлинцев и с другими обществами и пользовании ими только с разрешения всех совладельцев и в других источниках. Так, в «Соглашении селений Гид, Мич и Ригитль» сказано: «За тем, кто разрешил гнать овец на гору Гид, Ригитль и Ахал, без согласия Гид, Ригитль и Ахал, четырехгодовалый бык. Если этот штраф падает на Ригитль, то он будет в пользу ахальцев, а если он падает на ахальцев, то будет в пользу ригитлинцев. Если тот, на кого выпал жребий, не взыскал указанный штраф или возмещение, то за ним один котел в пользу всего селения»[1].

Такова довольно подробная характеристика общинного землевладения как второй основной формы земельной собственности позднефеодального Дагестана. Из приведенного материала ясно видно многообразие форм землевладения и форм пользования различными категориями общинных земельных угодий. Особенностью общинного землевладения являлась устойчивость его, что было как в интересах основной массы членов общины, так и самой общины, так как без общинной собственности не могла быть и община. Вторая особенность общинного землевладения позднефеодального Дагестана, с одной стороны, уменьшение его, в особенности покосов и пахотных участков, превращавшихся в результате удлинения сроков переделов в частную собственность индивидуальных семей, что дополнялось уменьшением их и в результате выделения из них участков новообразовавшимся и многодетным семьям, а также семьям, где рождался седьмой сын. Уменьшение общинных пастбищ происходило в результате фактического захвата их местными барановодами, хотя в этом случае пастбища, на которых они постоянно пасли свой скот, оставались считаться общинными, и захвата пастбищ соседними феодальными владельцами. С другой стороны, происходило пополнение общинного землевладения за счет завещаний и пожертвований мюльковладельцами своих земельных участков в благотворительных целях.

[1] Соглашения селений Гид, Мич и Ригитль // Из истории права … С.225.

§ 3. Вакуф – специфическая форма землевладения мусульманских религиозных учреждений

Вакуф, или мечетское землевладение, ни по времени и характеру образования, ни по назначению, ни по формам и особенностям пользования не было похоже на описанные выше формы землевладения позднефеодального Дагестана. Вакуф – это следствие распространения ислама в Дагестане и строительства здесь мусульманских религиозных учреждений. «Вакуфные земли, – писал И.П. Петрушевский, – составляли особую категорию феодальной земельной собственности … Вакуфными именовались движимые и недвижимые имущества (в их числе обработанные земли, мельницы, каналы и другие оросительные сооружения, а в городах – ремесленные мастерские, лавки, караван-сараи), завещанные государем или другими лицами в пользу религиозных учреждений-мечетей, медресе, дервишеских обителей (*ханаках*), а также гробниц святых и государей, благотворительных учреждений, как-то: госпиталей, странноприимных домов, приютов для стариков, вдов и сирот и т.д.»[1]

В дагестанской действительности вакуф был более простым институтом. Возникнув здесь после принятия ислама, вакуф в позднефеодальный период представлял собой одну из основных форм земельной собственности, хотя по количеству земель уступавшей двум предыдущим формам землевладения. И в изучаемое время вакуф, как и в предыдущие периоды, возникал и пополнялся новыми земельными угодьями в результате передачи земельных участков из джамаатских (общинных, описанных выше) земель в благотворительных целях при строительстве тех или иных религиозных (в основном мечетей) учреждений, а также в результате завещаний участков земли мюльковладельцами. В результате в XVIII – первой половине XIX в. вакуф, как особая, специфическая форма землевладения, наряду с двумя первыми формами землевладения, занимал в системе земельных отношений дагестанского общества весьма твердые позиции и в определенной степени влиял на социально-экономическое развитие дагестанского общества. Все завещания, как правило, записывались в

instituteofhistory.ru

[1] Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.: Л., Изд-во АН СССР, 1960. С.247.

специальных книгах, а во многих случаях на отдельных местах или на полях арабоязычных книг, многие из которых сохранились до нашего времени, хотя основная масса их была уничтожена в 30-е годы XX в., и они являются показателем многочисленности мечетских земель. По многим обществам сохранились десятки записей завещаний частных земель в пользу мечетей.

Существует среди дагестанских историков и этнографов разное мнение, что такой вакуф, как мечетское землевладение. Большинство ученых придерживаются мнения, что это действительно мечетское землевладение, в то время как отдельные ученые не согласны с этим и утверждают, что это фактически разновидность общинного землевладения, так как землями мечетей распоряжался джамаат. Здесь нет необходимости вступать в дискуссию по данному мнению, так как излагаемый ниже материал покажет его несостоятельность. Хочется лишь напомнить сторонникам этого мнения, что дагестанские народы четко различают, что такое общинное (джамаатское) землевладение и что такое мечетское землевладение. Так, у даргинцев вакуф назывался «мистикла» («мижитла») или «мискитла ванза» (мечетская земля), «мискитла хъуми» (мечетские пахоты), «мискитла мура» (сенокос мечети); у аварцев – «мажигитаул хIур»; «вакъкуялъул тара ракъ»; у лакцев – «вакъпу», «вакъпулул арши», «вакъпулул хъу» (вакуфное поле); у табасаранцев – «мистан хутIил» (мечетское поле), «мистан гьар» (мечетский лес), «мистин джил» (мечетская земля); у лезгин – «мискIиндин чил» (земля мечети), «вакьуф» и т.д.

Существовали две формы мечетских земель. Первую форму составляли непосредственно сами участки земель, которые передавались мечетям. В эту форму мечетского землевладения входили практически все категории земель: и пахоты, и покосы, и лесные участки, и сады в садоводческих обществах. Эти земли и находились в непосредственном владении самих мечетей, хотя в ряде обществ (у аварцев и андо-цезских народов) эти вакуфные земли находились в ведении джамаатов и в какой-то мере напоминали (были схожи) общинную собственность. Это наиболее поздно возникшие мечетские земли на основе передачи мечетям ряда джамаатских угодий. Отсюда и руководство в пользовании этими вакуфными (мечетскими) землями джамаата, что и дало

сторонникам указанного выше мнения основание утверждать, что вакуф – представлял собой джамаатскую землю, а не собственность мечетей.

Остановимся на отдельных записях завещаний различных категорий земель мечетям. В одной из арабских рукописей имеются записи об актах завещания ряда земельных участков в пользу мечетей даргинского селения Сулебкент: луга в местности Таламухлаб завещали мечети Салман, Галиб б. Галбац и Рагима, дочь Малика; Исмаил, сын Халика, завещал луг для мечети Гьалиакалаб; Фатима, дочь Шавшал Ахмада, завещала луг ПатIамцIаб мечети своего квартала; МагIта завещал луг ГихилахихI; Карчал Ахмад завещал мечети луг Акша; Фатима, дочь Къандил Атбаса, завещала луг КъикIаджиб; Умар, сын ТIарала, завещал луг ДакъкъарбацIаб; МагIма, сын Аглаба, завещал луг Канкаб и т.д.[1]

Большой интерес для изучаемого вопроса представляет «Книга вакфов» («Китаб ал-авкаф») соборной мечети селения Орота Хунзахского района, в которой перечислены все акты завещаний в пользу мечети, имевших место вплоть до XIX в. Здесь имеется ряд актов о завещании мечети пахотных участков. Один из заголовков этих записей называется: «Раздел о пахотных участках и садах, переданных для благотворительных дел по завещанию прежних хозяев». Согласно этим записям, Али б. Муртузали передал для благотворительных дел мечети пашни (сала хур), расположенные в местностях Адиццу (с севера она граничила с «вакуфной пашней джамата»), КIихурик и два сада, расположенные в местностях ХIабтIахъ и Лъарахъ[2]. Много земельных участков завещал мечети оротинец по имени Къурули б. ЦIадалова. Среди них: пашня Тамде на 1 мерку и 3 саха засева, пашня в местности Хариниб на 1 мерку и 3 саха засева, пашня в Къалтаралъуб на 1 мерку засева; пашня в Адициб на 1 мерку и 1 сах засева, пашня в Къалъола на 1 мерку засева; пашня в БокъадахIорихъ на 1,5 мерки засева[3]. Здесь же перечислены име-

[1] Материал любезно представлен в наше распоряжение канд.ист.наук Т.М.Айтберовым.

[2] «Книга вакфов» соборной мечети сел. Орота / Перев. с араб. яз. М.-Р.Мугумаева. С.31 (72).

[3] Там же. С.32 (73-75).

на других завещателей и названия участков[1]. Оротинской мечети принадлежали также пашни в местностях Къалтарамъуб, Гьодоралъ, ХIорикандиб, ЧIагIатIилъалъ, Гъадамохъ и т.д.[2]

Эти сведения говорят о том, что в изучаемое время оротинская мечеть имела большие земельные угодья, являвшиеся основой экономической мощи и положения местного духовенства.

Большие земельные участки имели мечети верхнедаргинских обществ[3], селений союза Каба-Дарго[4], южнодагестанских сел[5] и т.д.

Так, в Акушинском обществе было 6 мечетей, и все они имели земли, расположенные в местностях НяхIкула, Жиргъичила, Ругерла, ХIенкьла гьуни, Халашихъар, Гъялакьила кьякь, ЯнцIарабехIле гьалала, МяхIянила, Дубеж, ХIяббутI, Шумайчила, Къаддарчи. Больше всех земель имела мечеть Нижнего аула, называемая «ТIумкья мижит» и джума-мечеть, имевшая земли в местностях Шинала, ЦIалбилкьехIеб, ХулехIеркI, Чебяхшала, Гябдила, Дуцлигула. В собственности мечетей Усиша находились земли в местностях ХIяпгахIанна гIмала, ЧебяхIша, Гъазимирзала бархъ, НикIа урцIала, ГIела къадди, Дигагу, Шялли, Шукьубе[6]. Кроме того, в собственности пятничной мечети Усиша была гора Каркец, завещанная ее жителем Табакан Ахмедом с условием, чтобы мечеть сдавала гору в аренду, а за полученную арендную плату ежегодно покупали 20 баранов, мясо которых раздавали бы жителям села в пятницу в соборной мечети[7]. Мечетские земли селения Муги находились в местностях Гьалиял, ГIямилан, КIидехIшин, Ичейла къадди; в Бутри – в местностях Гъумрала, Мизла урцIала хъяб, Къучрала, Диркьа хъуала, ГIямузила и т.д.[8]

---

[1] Там же. С.33 (78-79), 75 (171).

[2] Там же. С.14 (26), 19 (33), 34 (81), 43 (100-102), 125 (277), 126 (280), 135 (297).

[3] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.154-155.

[4] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.92-94.

[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в районах Южного Дагестана в 1972-1989 гг.

[6] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.154.

[7] Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу / Перев. с араб. К.Баркуева.

[8] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.155.

В центре союза Каба-Дарго только мечетям Нижнего аула Урахи принадлежали пахотные участки в местностях ГIяртIла гIинцIила, ХалагIилала, КьяртIаши, Диргонила, Хьаникъада, Кьулла къада, Къада гьуни, ЦIабарги, БяхIмудла хъу, ВайгIяли хъу[1] и т.д. Кичигамринская мечеть имела 7 пахотных участков, из которых 5 завещала женщина по имени Гьажар[2].

Вторая форма вакуфа – это земли, которые оставались во владении самих мюльковладельцев, и они засевались непосредственно ими самими. С них мечетям была завещана собственниками земли какая-то определенная часть урожая, которую они и отдавали мечетям при любом урожае с этого участка. Эти земельные участки передавались по наследству вместе с завещанной в пользу мечети частью урожая, и новый хозяин обязан был беспрекословно это исполнить. Причем эти участки не подлежали разделу между наследниками, а передавались одному из наследников и он должен был выполнять обязательство его предков-собственников этих участков.

Сохранились интересные сведения о пожертвованиях в пользу мечети со своих мюльков определенного количества зерна. Так, в рукописи Корана, переписанной в XIX в. жителем селения Урахи Нурбагандом Адзиевым, имеются следующие записи о пожертвованиях зерна в пользу мечетей Урахинского общества. Житель селения Урахи Абдусалам завещал мечети со своего пахотного поля под названием КъайтугIала мерку (сах) пшеницы, Магомед Алиев завещал 0,5 саха пшеницы, Магомед Пархударов завещал 800 г. пшеницы, Муртузали Малламагомедов завещал 7 сахов пшеницы. Здесь же записано, что в начале XIX в. Гусейн Джанаев завещал мечети 1 сах пшеницы с пахотного поля, расположенного в местности КъяртIа бахI, а Халимбек, сын Муртузали, завещал 2 саха пшеницы с пахотного участка, расположенного в местности КьяртIаши, где затем при советской власти находилась колхозная ферма[3].

Сборы от пожертвований мечетям были довольно значительны. По свидетельству Г.-М. Амирова, в начале 70-х годов

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.92.
[2] Там же. С.93, 94.
[3] Там же.

XIX в. в пользу мечети Урахинского общества собиралось ежегодно от 200 до 300 мерок пшеницы[1].

Хотя в целом, как отметили выше, мечетских земель было меньше частной (мюльковой) и общинной собственности (по данным ученых, занимавшихся аграрными вопросами, в Дагестане в XIX в. было всего 13,7 тыс. дес. вакуфной земли[2]), но, приведенный материал говорит о том, что многие мечети, особенно древние и пятничные, имели большие участки и много земельных участков, разбросанных в различных частях сельских общин. Это было характерно особенно для обществ, которые раньше приняли ислам и, следовательно, здесь раньше были построены религиозные учреждения (мечети, медресе). В этих крупных селах, особенно в центрах союзов сельских общин, являвшихся в прошлом и центрами других политических структур и наиболее крупными селами, было по несколько мечетей. Так, в Цахуре и Рутуле, ставшими одними из центров распространения ислама в Дагестане, было в первом – 3, а во втором – 6 мечетей, каждая из которых имела вакуфы, образовавшиеся в результате завещаний (чIяхIсан) собственниками-мюльковладельцами участков из своих земель. В Курахе было 7 мечетей, которые имели свои земельные участки. Пятничная мечеть имела свои земли в местностях Кюльцик и Шмитхюл[3]. Мечеть селения Хив имела земли («мустан мулкар») в местностях Фукъарик (пашни около 2 га) и Къайсин (сенокосная гора)[4]. Мечеть рутульского селения Ихрек имела 25 рипе земли, из которых 12 и 3 айката (леса) находились в местностях Курака, Бакъалу и Къулча[5]. Как было сказано выше, в самом крупном селении Акуша-Дарго, Акуша, было 6 мечетей, которые имели много земельных участков, мечети Усиша также имели более 10 земельных участков и одну гору, о чем было сказано и выше. 6 мечетей было в Урахи, владевших

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН
institutofhistory.ru

[1] Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып.VII. С.45.

[2] Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского колхозного аула. М.: Наука, 1965. С.40.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском и Курахском р-нах в 1972 г.

[4] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хивском р-не в 1971-1972 гг.

[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1990 г.

около 15 земельными участками; 3 мечети Канасираги имели 7 участков[1]. В ряде обществ земли имели только джума-мечети. Так, в Рутульском селении Шиназ из 9 мечетей земли имела только джума-мечеть[2].

Многие мечети были построены в исследуемый период и, естественно, вакуфы в таких обществах образовались тогда же. Основу их нередко закладывали джамааты, выделяя новым мечетям пастбищные места и лесные участки, а где еще имелись общинные пашни и сенокосы, и участки из последних.

Пастбища и сенокосы мечети имели, главным образом, в животноводческих обществах. Так, ричинская мечеть еще в XVIII в. владела пастбищной горой Сарфук-даг площадью 1037 десятин[3] с караван-сараем на границе с Закаталы под названием Балдурган-дега[4]. Цахурское общество имело вакуфный участок в 5-6 десятин[5]. В сел. Ругельда, где по имеющимся сведениям, мечетских земель было больше, чем мюльков, сенокосы находились в местности Базахгода[6].

Позже всех из дагестанских народов ислам приняли андоцезские общества, где он был принят ими только в XVIII – нач. XIX в. Вакуф в этих обществах образовался в результате передачи мечетям части джамаатской пахоты, как это было, например, у капучинцев и дидойцев, принявших ислам в этот период. Что интересно, передав в вакуф земельные участки, джамааты сами распоряжались ими, а не мечети. И называться они продолжали джамаатскими. Так, земли хушетской мечети, находившиеся в местности Матуан, назывались «алIос мочи», т.е. сельские земли. Причем и формы пользования этими землями были схожи с формами пользования джамаатскими землями. Их, как и джамаатские земли, делили между узденями-общинниками или же обрабатывали сообща. Так, земли хушетской мечети в местности Матуан обрабатывали в течение трех дней все члены джамаата, а в Кит-

---

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.92-93; Его же. Свободное узденство … С.120.
[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.570. С.101.
[3] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ.соч. С.147.
[4] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142. Л.1, 4.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1971 г.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.

лябском обществе мечетские земли ежегодно распределялись между совершеннолетними членами общества. Полученный от участков земли мечети урожай общинники отдавали в мечеть, а мякину оставляли себе. В селении Кидеро доход с мечетских земель распределяли между членами джамаата, которые посещали мечеть, в противном случае они не получали доли, т.е. в этом случае мечетское землевладение как бы поощряло сторонников ислама. Более интересен пример, приводимый Д.М. Магомедовым, что во всех дидойских обществах вакуф ежегодно распределялся между членами джамаата. Как пишет он далее: «Такая форма обработки и реализации мечетской собственности лишний раз свидетельствует о позднем проникновении сюда мусульманской религии»[1]. В Гидатлинском селении Мачада мечетские земли распределялись между членами джамаата через каждые семь лет[2]. Здесь уместно вспомнить, что в Гидатлинском обществе были общинные земли, которые также распределялись через каждые семь лет[3]. Не это ли послужило примером и для установления срока переделов мечетской земли между мачадинцами? Р.М. Магомедов писал, что члены джамаата Мачада по очереди обрабатывали вакуфные земли, свозили урожай, удобряли поля. Если кто не обрабатывал в свою очередь вакуфные земли, с того взыскивался штраф – котел весом четыре ратала[4]. Мечетскими землями, как общинными, пользовались также в Келебском и Цекубском обществах, что нашло отражение в их адатах. Так, в адатах Келебского общества сказано о «распределении» вакуфов «джамаатом между односельчанами»[5], а в адатах цекубцев – о распределении их после «наступления месяца шабана»[6]. В Гапшиминском обществе вакуфные земли распределялись, как и общественные земли, только между полноправными жителями[7].

В распоряжении джамаатов вакуфные земли находились и в ряде обществ Южного Дагестана. Полученный с них доход упо-

---

[1] Магомедов Д.М. Земельные отношения … С.174-175.
[2] Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь … С.114.
[3] Гидатлинские адаты. С.29.
[4] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.56-57.
[5] Памятники обычного права … С.78.
[6] Там же. С.100.
[7] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-е. Л.232.

треблялся на содержание мечетей и частично на оказание помощи обнищавшим членам общества[1]. Причем, согласно источнику, в том случае, когда у наследников завещателя (вакифа), который при передаче земли в вакуф оставлял за ними право власти над ней, не осталось наследников по мужской линии, вакуфная земля переходила в распоряжение джамаата[2].

Приведенные выше примеры по пользованию вакуфными землями, напоминавшими по форме пользования общинные пахоты или покосы, и привели отдельных дагестанских ученых к мнению об отсутствии в Дагестане мечетского землевладения, что вакуфы представляли собой разновидность общинного землевладения. Но, как отмечалось и выше, это неверно и вряд ли можно с этим согласиться.

Причиной же пользования мечетскими землями, как общинной земельной собственностью, являлось то, что вакуф в отмеченных выше обществах возник на базе общинных земель. Община в этом случае по традиции считала их своими и продолжала распоряжаться ими. Но подобная форма пользования мечетскими землями была характерна в основном для обществ Аварии, принявших ислам в XV-XIX вв., а не для всего Дагестана, хотя и в отдельных обществах других регионов также сохранились пережитки общинной формы пользования землей мечетей. Но в других обществах народов Дагестана не только в позднефеодальный период, но и в более раннее время, основной формой пользования мечетскими землями была отдача их в аренду с условием получения мечетями определенного количества (в основном на половинных началах) урожая. Даже в обществах андо-цезской группы народов были села, где вакуфы сдавались в аренду, а не делились между общинниками, как джамаатские земли. Так было, например, в селении Мокок, где «вакуфы отдавали в аренду малоземельным общинникам на условиях половины урожая»[3]. В аварских обществах основная масса мечетских земель отдавалась в аренду своим членам. Так, в XVIII в. чиркеевец Дарги Магома

---

[1] Там же. Ф.150. Оп.1. Д.4-б. Л.91, 96, 99. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ.соч. С.148.

[2] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.4-б. Л.37.

[3] Магомедов Д.М. Земельные отношения … С.174.

Алиев купил пастбищную гору под названием Ясазул меэр. В 1827 г. одна треть ее была завещана в вакуф, которую отдавали в аренду, а остальная часть дохода с нее поступала в пользу мечети[1].

Вместе с тем во многих обществах мечетские земли обрабатывались общими силами, и урожай свозили в мечеть. Так было, например, в агульских селениях Фите, Хоредж и Дурштул, даргинских селениях Джибахни, Зубанчи, Ашты, Кунки, аварских селениях Ругельда, Корода и др., в селах Сюргинского союза[2] и т.д. В ряде обществ мечетские земли обрабатывались по очереди всеми хозяйствами. При этом зерно отдавалось в мечеть, а солома и мякина оставались тому, кто обрабатывал мечетскую пахоту. А в селении Тлядал оставляли ему и половину урожая[3]. Но еще раз следует отметить, что все же основной формой пользования мечетскими землями была отдача их в аренду на половинных началах. Так было в обществах Салатавии, Кайтагского уцмийства, Агула (кроме перечисленных выше), кюринских лезгин и т.д.[4]

Но в отдельных обществах были и свои особенности в пользовании мечетскими землями. Так, в одном источнике о Южном Дагестане сказано, что вакуфная земля, находившаяся в ведении завещателя, если не было наследника, переходила в распоряжение общества, которое отдавало ее по жребию в аренду на пять лет с уплатой в пользу мечети «произведениями, получаемыми с тех земель». Размер платы определял сельский сход в зависимости от величины участка[5].

Во многих обществах мечетские земли отдавались в аренду за определенные услуги или плату в пользу мечети. Так, в даргинском селении Ицари мечетские земли были разделены между

---

[1] ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.34-а. Л.8. Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.87.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Агульском, Дахадаевском, Кайтагском, Советском (Шамильском), Цунтинском и Гунибском р-онах в 1967, 1973, 1986 и 1988 гг.

[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Цунтинском и Табасаранском р-нах в 1973 и 1990 гг.

[4] Шихсаидов А.Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1968 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.167. С.112; Агулы. С.31-32.

[5] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.4-б. Л.37; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ.соч. С.148.

жителями с условием уплаты в мечеть 10 батманов (батман = 6 фунтов) печеного хлеба с каждой сабы земли[1]. В Каракайтагском селении Газия участок в местности Шилабай на 5 мерок засева отдавали в аренду за 3 ратала нефти для освещения мечети[2]. Мечетские земли в селении Хив отдавались в аренду за ковры, скот и сало для освещения мечети[3]. В Кайтагском селении Лища (союз Шуркант) вакуфы, находящиеся в местностях Хъадди и Шухъе, отдавались в аренду за сало и зерно[4]. В сюргинском селении Нахки мечетскую землю Думкрела отдавали в аренду за 20 раталов масла, которое раздавали тем, кто приходил на молитву в пятницу. А гору Габанух отдавали в аренду за 20 баранов, из которых 3 головы давали цугнинцам, а 17 – резали и мясо их раздавали, приходившим в мечеть на пятничную молитву[5]. В лезгинском селении Ахты были маленькие участки мечетских земель, которые отдавались в аренду за две рипе = 2 пуда зерна[6]. Мечетские земли другого лезгинского селения Кочхюр, находящиеся в местностях Силаг и Гердимши, отдавались в аренду за определенное количество скота[7]. В аварском селении Чох за овец отдавались в аренду три мечетских участка пахотной земли[8].

Мечетские земли во многих обществах отдавались в аренду безземельным и малоземельным общинникам на более выгодных для них условиях. Так, в табасаранском обществе Дрич (центр Хив) и в ряде кайтагских сел мечетские земли находились в пользовании малоземельных членов джамаата с условием отдачи в мечеть только с посеянного количества зерна, а не с полученного урожая. В Каракайтагском селении Хадаги мечетские земли отдавались в аренду даже за десятую часть урожая, а в цунтинском селении Бежта – только за мякину и солому. Имелись также и та-

---

[1] Феодальные отношения … С.225.
[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.541. С.29.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Хивском р-не в 1971 г.
[4] Там же.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1984 г.
[6] Шихсаидов А.Р. Материалы экспедиции в районы Дагестана в 1969 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.489. С.86.
[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Курахском р-не в 1971 г.
[8] Агларов М.А. Сельская община … С.80.

кие участки мечетских земель, которые бесплатно отдавались в пользование членам джамаата[1].

Необычное пользование было мечетскими садами и отдельными деревьями, которые находились в собственности мечети. Так, в обществах Кайтага ореховые деревья мечети отдавались в аренду на условиях сбора и отдачи в мечети 1 саха с каждой большой мерки (барха) орехов[2].

Разнообразно было и пользование доходами с мечетских земель. Они зависели от условий завещателя или дарителя (вакифа) и норм мусульманского права (шариат). Но, как правило, доходы с мечетских земель должны были расходоваться только на те цели, ради которых вакуфы были учреждены, а также на нужды религиозных учреждений. Наиболее распространенными условиями учредителей (вакифов) вакуфов были расходы доходов с мечетской собственности (земель), завещанных или переданных ими в пользу мечетей, на непосредственные нужды самих религиозных учреждений, а также на мавлиды, раздачу во время религиозных праздников сиротам, бедным, нищим, вдовам и т.д.

Леса и рощи, имевшиеся в собственности мечетей, как правило, были запретными. Они использовались только на нужды общества (строительство дорог, мостов, их ремонт и т.д.) и, конечно, на нужды самих мечетей. Вместе с тем, в ряде случаев «лесные материалы» из мечетских лесов, как отмечается в источнике, использовали и «как топливо»[3].

Согласно мусульманскому праву, на доход с вакуфа имеет право только объект вакуфа – различные религиозные и благотворительные учреждения и в первую очередь и главным образом мечети[4]. Однако на самом деле непосредственно на содержание религиозных учреждений и на благотворительные цели использовалась только часть доходов вакуфа. Повсюду значительная часть доходов вакуфа шла служителям религиозных учреждений – кадиям, шейхам, эфендиям, муллам, будунам, дибирам, а также

---

[1] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.4-б. Л.91; Полевой материал, собранный в Табасаранском, Кайтагском и Цунтинском р-нах в 1974 г.

[2] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.541. С.1.

[3] ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.1. Л.16.

[4] Комментарии мусульманского права // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.3. Д.142. С.1. Л.19.

смотрителям мечети (муздуры, мужавары), которые в зависимости от нахождения мечетей в тех или иных населенных пунктах, ведали ими и распоряжались основным вакуфным имуществом. И прав был Р.М. Магомедов, когда писал, что в даргинских обществах, например, доход с вакуфных земель «шел главным образом мечетским служителям»[1]. Аналогично было и у других народов Дагестана.

Вакуф вопреки утверждению отдельных ученых – это собственность мечети, которая вместе с тем отличалась от изученных выше других форм собственности, в частности от мелкой частной (мюльковой), крупной частной (мюльковой) и общинной собственности. Основной показатель собственности – это право отчуждения, имели собственники трех первых указанных форм собственности (правда, общинная собственность отчуждалась только по решению джамаата, что происходило вследствие возникшей необходимости). Вакуф же в отличие от указанных форм собственности нельзя было отчуждать (продавать, передавать кому-то ни было, обменивать на что-нибудь, делить, дарить, завещать или делать с ним какие-то иные операции). Вакуфы – это земли, которые навечно передавались в собственность мечети, это мечетские мюльки. На пожертвованные в пользу мечети земли не имели (теряли) право собственности и сами вакифы, т.е. бывшие их собственники, пожертвовавшие их в собственность мечети. Вакуф учреждался навсегда для целей лишь постоянного и непрерывного характера[2]. Достаточно было, чтобы мечеть получила в результате дара, завещания или каким-либо другим способом землю или иную недвижимость, как она становилась вечной собственностью, мюльком мечети[3], но в отличие от мюлька, что было отмечено и выше, без права отчуждения и без права тратить получаемые с него доходы для иных целей, кроме как предусмотренных в условиях завещателя (вакифа)[4], хотя, конеч-

---

[1] Магомедов Р.М. Общественно … С.123.

[2] Комментарии мусульманского права … Л.7, 10, 11, 12.

[3] Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI-XVII вв. Ереван, 1972. С.118, 128.

[4] Там же; Хамраев А.Х. Несколько образцов наследственного вакфа // Бюллетень Среднеазиатского Государственного университета. Ташкент, 1947. Вып.25. С.206.

но, на практике они нарушались духовными служителями в своих интересах.

Все сказанное подтверждается и смыслом, содержанием самого термина «вакуф» («вакф»). Арабский термин «вакф» дословно означает «остановиться», «стать недвижимым», «закрепиться» и он действительно был таковым. После того, как акт учреждения вакуфа вступал в законную силу (что оформлялось записью об акте завещания или передачи земли в пользу мечети), **он становился абсолютным, не мог быть объектом каких-либо сделок**. Как отмечал И.П. Петрушевский: «Завещанное считается собственностью (*мульк*) Аллаха, но доходами с него пользуются религиозные или благотворительные учреждения, лицо или фамилия, в пользу которых завещан *вакф*. Вакфное имущество не может быть продано, заложено, подарено или передано в руки частного лица. В этом отношении вакуфное имущество представляло «почти полную аналогию с духовным имуществом Западной Европы с ее правом мертвой руки (*main morte*)»[1]. Вакуф – это мюльк мусульманских религиозных учреждений, возникших в Дагестане с распространением ислама и под влиянием шариата.

Другой особенностью мечетского землевладения, как и иного вакуфного имущества, было то, что завещатели (вакифы) могли обусловить пользование вакуфными землями различными условиями, которые непременно необходимо было соблюдать. Так, житель даргинского селения Сулебкент Умар б. МагIла Алда завещал мечети участок земли, «чтобы за счет получаемого тратилось для мечети восемь анк (мера измерения – Б.А.) жира»[2]. В селении Усиша, что было отмечено и выше, его житель по имени Табакан Ахмед, завещая гору Каркец в пользу сельской джума-мечети, поставил условие, чтобы ее сдавали в аренду, а за арендную плату ежегодно покупали 20 баранов, мясо которых раздавали бы в пятницу сельчанам в джума-мечети[3]. Интересно, что в ряде случаев завещатели даже оговаривали или ставили условия,

[1] Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.: Л., 1960. С.248.

[2] Запись о вакуфах сел. Сулебкент. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин … С.136.

[3] Письмо Усишинского сельского суда … Алиев Б.Г. Указ.соч. С.137.

что нужно было сеять на завещанном им мечети земельном участке[1]. И еще, что хочется отметить – в ряде обществ вакиф оговаривал и расходование дохода с завещанных мечети земель на содержание муталимов, как например, в Салатавии, где такие мечетские земли были известны как «мутаалимазул ракъал» («земли мутаалимов») и для освещения мечети, которые были известны как «чирахъалул ракьал» («ламповые земли»)[2].

Как видно из приведенного материала, вакуфы – мечетские земли – занимали довольно видное место в системе земельных отношений позднефеодального Дагестана, являясь одной из разновидностей собственности религиозных учреждений. Возникнув в результате распространения ислама и завещаний мюльковладельцами земельных участков, мечетская земля в позднефеодальный период продолжала увеличиваться за счет новых завещаний. Являясь собственностью мечети, вакуф вместе с тем не подлежал каким-либо сделкам, был вечной собственностью мечети. Вакуф имел разнообразные формы пользования и расходов, получаемых с него доходов.

§ 4. Тухумное землевладение как пережиток собственности близкородственного коллектива

Тухумное землевладение в Дагестане – это такой же вопрос, как и вопрос об общинной пахотной собственности, по которому у дагестанских исследователей нет единого мнения – одни говорят о его наличии и в позднефеодальном периоде, как пережиток былых архаических отношений в Дагестане, другие же говорят об отсутствии его вообще и в особенности на пахотные земли.

На самом деле в изучаемое время тухумное землевладение, как одна из форм земельной собственности, имело место в Дагестане, главным образом, в горных обществах, где сохранились и другие пережитки архаической общины. О наличии тухумного землевладения говорит не только конкретный и довольно большой материал, собранный другими дагестанскими исследованиями – историками и этнографами, а также лично нами в результате многолетних поездок в горные районы Дагестана для сбора исто-

[1] Шихсаидов А.Р. Материалы экспедиции … С.131; Агулы. С.32.
[2] Мансуров Ш.М. Указ.соч. С.88.

рико-этнографического материала, который будет приведен ниже[1], но и сохранившиеся до нас названия тухумного землевладения в языках дагестанских народов. Так, тухумная собственность у даргинцев называлась «тухумла ванзурби» (тухумные земли), «тухумла мюльк» (мюльк тухума); табасаранцев – «тухумзин жил» или «ийша»»; аварцев – «тухумалъул ракъ»; дидойцев – «тухумис мочи», «агьлус мочи», «эни обус мочи»; каратинцев – «ишиб тухумульус унщ» и т.д.

instituteofhistory.ru

Конечно, в позднефеодальный период тухумное землевладение кардинально отличалось от тухумного землевладения, которое имело место в предыдущие периоды, и оно было не повсеместно, не во всех обществах. Некогда тухумная собственность, как форма земельной собственности родственного коллектива, была господствующей, а в изучаемый период – это лишь пережиток былых земельных отношений, существовавших в дагестанских общинах. Как писал М.М. Ковалевский о том времени: «Роды и неразделенные семьи одни являлись субъектом имущественных прав, по крайней мере, по отношению к возделываемой земельной площади, что же касается леса и пастбищ, то они постепенно из родовых сделались общинными». Как было показано выше при изучении вопроса о возникновении частной (мюльковой) собственности на землю в Дагестане, эти процессы произошли в результате образования территориально-соседских общин, в собственность которых перешли все пастбища и леса «родовых» (тухумных) поселений (которое и образовали эти общины в результате объединения), а в собственности общинников после объединения их остались пахотные и покосные участки.

В процессе дальнейшего развития сельской (сначала территориально-тухумной) общины, в условиях господства частной собственности в целом повсеместно, а также дифференциации, происходившей внутри тухумов, появления в его составе различ-

instituteofhistory.ru

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.52, 121, 124, 270, 275-278, 370; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С.16, 119-120; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.С. Указ.соч. С.156-157; Агаширинов С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. М., 1978. С.141-143; Магомедов Д.М. Социально-экономические отношения в Дидо … // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.233. Л.108-109; Его же. Земельные отношения … С.171-178; Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь … С.84-97.

ных семей, выделившихся по своему экономическому и политическому положению, заинтересованных в дальнейшем увеличении своих земельных угодий, происходит ослабление и сокращение тухумного землевладения. Происходило это двояким путем: в результате присвоения тухумной верхушкой части или лучших тухумных земель и вследствие раздела тухумных земель по семьям, входивших в тухум. Поэтому можно не только предположить, но и с уверенностью утверждать, что в позднефеодальный период тухумного землевладения было меньше, чем в предыдущие периоды и оно практически представляло собой пережиточную форму большесемейной или патронимической собственности, так как сами тухумы в это время уже не носили характера земельной единицы или земельных союзов. Земля, как было показано в предыдущих разделах данной главы, находилась в частных руках – в собственности индивидуальных семей и джамаатов – сельских общин, ведавших практически всеми пастбищными и лесными массивами. В XVIII – первой половине XIX в. тухумы сохранили за собой, как родственные группы, лишь определенные и притом незначительные земельные участки.

И все же и в позднефеодальный период наличие тухумного землевладения было реальным фактом. Даже, по мнению Р.М. Магомедова, высказанному им при исследовании общественно-экономического и политического строя даргинцев в XVIII – начале XIX в., «каждый тухум имел свои пахотные и пастбищные земли»[1]. Как показывает имеющийся материал, тухумные земли имелись не только в горных общинах союзов сельских общин, но и в феодальных владениях Нагорного Дагестана, хотя, конечно, распространенность и наличие различных их угодий не везде было одинаковым и не везде они играли одинаковую роль в экономической жизни членов тухума. Безусловно, больше всего тухумных земель сохранилось в союзах сельских общин, образование территориально-тухумных и территориальных общин в которых в основном происходит в конце XIV – начале XV в. (оставшиеся от разорения и уничтожения Тимуром тухумные поселения объединялись в одну общину). Естественно, в них были более устойчивы кровнородственные отношения и другие пережитки архаи-

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч. С.128.

ческого прошлого. Причем в союзах сельских общин, хотя, конечно, и не везде, в собственности отдельных тухумов сохранились все категории земель: пахоты, покосы, пастбища и леса. Но основные категории тухумных земель – это пастбища и леса, что говорит о переходе в частную собственность основных пахотных и покосных земель еще задолго до образования территориально-тухумных сел. О сохранении же всех категорий угодий в собственности тухумов в феодально-зависимых общинах мы не располагаем сведениями. В тухумном землевладении сохранились в основном пастбища и лесные участки. Так, в первой половине XVIII в. тухумные пастбищные горы имелись даже в центре Казикумухского ханства – Кумухе. Гора Джаар принадлежала тухуму Качакул, тухуму Абсукул принадлежала пастбищная гора и другие земли. Первые сдавали гору в пользование шовкринцам, а вторые – говкринцам[1]. Тухумные пастбища у лакцев назывались «тухумдалул хIялик» или «тухумдалул мулк»[2].

Наличие и в позднефеодальном Дагестане тухумных земель являлось следствием: во-первых, сохранения тухумами даже после переселения в территориально-тухумные и территориальные общины своих прежних земель; во-вторых, имевших место переделов, ставших общинными после образования территориальных сел, джамаатских земель по тухумам, о чем говорилось выше при изучении общинных земель; в-третьих, перехода по наследству всему тухуму отдельных земельных участков, приобретенных некогда тухумом в целом или более узким родственным коллективом (например, отдельной семьей), входившим в тухум, или главой тухума из-за невозможности их дележа (передела) по причине экономической невыгодности и неэффективности ввиду небольшого размера тухумной земли пользования ею в разделенном виде. Это были в основном небольшие участки отдельных категорий земель, которые при разделе не представляли никакой ценности, так как при этом они не могли дать никакого дохода. Поэтому эти участки земли оставались в собственности тухума в целом и использовались в его интересах и в интересах всех семей, входивших в него.

---

[1] Магомедов Р.М. Указ.соч С.270.

[2] Там же. С.275.

Примером сохранения тухумами своих прежних земель (когда они проживали в «родовых» – тухумных поселениях), даже проживая в составе территориальной общины (тем более территориально-тухумной общины), является одно из крупных даргинских сел, центр союза Каба-Дарго – Урахи. Но прежде отметим, что, как известно, переселенцы из «родовых» – тухумных поселений, переселившись в новое селение, образовали со временем целые кварталы, которые владели земельными угодьями, расположенными на территории старых поселений. В данном случае мы как раз имеем дело с таким примером. Так, жители квартала ГIялзикъотI владели землями в местности Кьукьяра и Чабазимахи, т.е. там, откуда они переселились в указанный квартал Нижнего аула Урахи. Жители другого квартала Нижнего аула Урахи под названием ХьаркъотI имели земли около бывшего «родового» тухумного поселения МулигIи, откуда переселились их предки в селение Урахи[1] и т.д. О былой принадлежности определенным тухумам тех или иных земельных участков говорит и поквартальное пользование общинными пастбищами (об этом также было сказано выше при изучении общинного землевладения), которое было характерно, кроме урахинцев, также акушинцам, ахтынцам, хунзахцам, губденцам, рутульцам, тлядальцам, многим селам Кайтагского уцмийства[2] и т.д. Так, в центре Акуша-Дарго, селении Акуша, пастбищное место Дузанила находилось в пользовании Дайшука (Среднее селение), место Гъургъала бурхIи – в пользовании Хъаршука (Верх. селение), место КавкагIямг – в пользовании Хьаршука (Ниж. аул) и Панжука[3].

Наглядным примером раздела общинных земель по тухумам может служить селение Гапшима, где все земли (об этом было сказано и выше как одном из примеров различных форм пользования общинными землями), среди которых 5 участков пахоты, 14 покосных участков и 13 лесных участков, были поделены между тремя кварталами (Аха-кат, Убах-кат и Чебях-кат), осно-

---

[1] Алиев Б.Г. Каба-Дарго … С.133.

[2] Там же; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.160-161; Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.37. Л.32; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском р-не в 1966, 1972 гг.

[3] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.160-161.

ванными тремя первосельцами. Четвертый квартал под названием Кундуц-кат (КъундуцIкъатI), образовавшийся позже, не наделялся из указанных общинных земель участками[1].

Примером третьего вида тухумных земель могут служить собранные нами в лакских селах сведения, говорящие, что здесь в прошлом были такие земельные участки тухумов (в основном сенокосы), которыми родственники, входившие в один и тот же тухум, пользовались только по очереди ввиду невозможности их дележа и получения, таким образом, какого-либо ощутимого дохода. Причем в этот круг родственников, пользовавшихся тухумными покосами по очереди, входили близкие родственники[2], что является показателем постепенного уменьшения значения родственных связей в экономических вопросах, в данном примере в земельно-правовых отношениях.

Больше всего в позднефеодальном Дагестане в тухумной собственности находились хутора и прилегающие к ним пастбищные места. Особенно много их было в животноводческих обществах горного и высокогорного регионов Дагестана. Но особенно это было характерно для обществ Западного Дагестана. «Это в основном общества, расположенные у водораздельного хребта: часть Ункратля, Дидо, Анцухо-Капуча, Джурмут»[3]. Согласно собранным Е.М. Шиллингом материалам, еще в 40-х годах XX в. у капучинцев, например, в тухумной собственности находились леса и пастбища[4].

По наблюдениям, собранным сведениям и исследованиям Д.М. Магомедова, в обществах Западного Дагестана было много как семейных, так и общетухумных хуторов. Так, в селении Шидиб (Анцух) было три тухума – ИсмагIилал, ГIумарилал и МехIекьилал и все они имели свои хутора. В селении Кидеро (Шуратль) было 22 тухумных и индивидуальных хутора. Индивидуальные и тухумные хутора имелись в селении Шаитль

---

[1] ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.229-234 об.

[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Кулинском и Лакском р-нах.

[3] Магомедов Д.М. Социально-экономическое … С.109-110; Его же. Земельные отношения … С.171-173.

[4] Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана / Научн. ред. канд. ист. наук Р.И.Сефербеков. Махачкала, 1996. С.35.

(Иланхеви), которые были расположены в местностях МахIайиъ, Эшикь, БодохI, ШабахIуъ, Хъунех, ЧIанюз, БацIихвихи[1] и т.д. Процесс становления хуторов здесь Д.М. Магомедов объясняет свободной заимкой территории, и этот процесс «своими корнями, – пишет он, – уходит в глубь веков». По мере же развития общества «тухумные хутора становятся частными и к концу XIX века индивидуальная собственность стала преобладающей»[2]. Тухумные хутора имели также скотницы, рутульцы, агулы и др.[3]

В тухумной собственности находились также другие категории земель. Так, возвышенность между селениями Усиша и Верх. Мулебки под названием Кьякала муза принадлежала тухуму Усиша Къянахъали[4]. Бариамайцы (Каракайтаг) имели тухумные пахотные и покосные участки, а также пастбищные места. В рутульском селении Ихрек, так как пастбища были тухумные, не составлялись сельские стада крупного рогатого скота. В ущелье Алакан-дере тухум Аштыр имел свое пастбище, а ущелье Гурге принадлежало тухуму Мамутай. Тухум Хабар имел пастбище Цудик. В Цахуре имелись тухумные сенокосы, пастбища и леса, в Гельмеце – все виды земель[5], в Ункратле (кроме хуторов) – леса и пастбища; тухум Атуховых в Гидатле имел пастбище на территории Тидиба; тухумы (тлибилы) Хиндалал и Хедарикал владели общинными пастбищами Чухох и Чорчи[6]. Отдельным тухумам селения Ругуджа принадлежали сенокосные, пастбищные и другие участки земли[7]. В местности Мадала имелись три участка тухумов. Тухумные хутора находились в местностях Балух, Баллада, Ункида, Шумах, ТIуругьара, Техутле, Абдаласултахиб, МучIула, Саана, Хьокор, Хъоми, Маакенх, Хабада, Ботлониб, Букатиб, Саланиб, Малъала[8]. По наблюдению С.С. Агаширинова,

institute of history.ru

[1] Магомедов Д.М. Земельные отношения … С.171-172.
[2] Там же. С.172.
[3] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Акушинском, Агульском и Рутульском р-нах в 1968-1971, 1976 гг.
[4] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Указ.соч. С.156.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Кайтагском и Рутульском р-нах в 1971, 1983, 1985 и 1990 гг.
[6] Саидова М.В. Указ.раб. Л.119.
[7] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С.119.
[8] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Гунибском р-не в 1971 г.

архаической патронимии лезгин принадлежали все виды земельных угодий, позднее в общем владении остались лишь покосы, пастбища, выгоны, леса, т.е. менее интенсивно эксплуатируемые земли, а пахотная земля перешла во владение отдельных семей на основе уравнительного землепользования[1]. Так, в селении Юхари-Тахиджал вплоть до конца XIX в. имелось 40 га покосных земель, называемые Кули, Чугъун, Гъенер вацI, Женгулар, Жематдин векъер, принадлежавшие в прошлом крупным тухумам[2]. В этом же селении на плоскости в местности Паласа имелись и пахотные земли, закрепленные за каждым тухумом. Эти земли каждые три года по жребию перераспределялись между тухумами, а они, в свою очередь, делили их по семьям[3]. Иногда некоторые тухумы сообща обрабатывали земельные участки, собирали урожай, а зерно распределяли по количеству рабочего скота или крестьян, принимавших участие в уборке урожая.

В лезгинском селении Каракюре (союз Алты-пара) почти каждая патронимия имела собственный лес, носящий его имя, а на летних пастбищах имелись места под названиями Дуьштуьдин цурар, Мегъвел, ЧIуру хьуьрел и т.д., где содержали скот членов отдельных патронимий[4]. В селении Зрых (магал Ахты-пара) существовали летние пастбища отдельных сихилов (родственная группа более широкая, чем тухум) и огороженные места для скота. Так, тухум Панахъар имел летние хутора и пастбища Дамункьир, Бяжизатагъ, Милхяжихяр и Вергизель; тухуму Аскарар принадлежало пастбище Дамункьил[5].

По сравнению с пастбищами, покосами и лесными участками пахотных полей в собственности тухумов было меньше. Даже существует мнение, что в XIX в. их не было вообще[6]. Однако существование их подтверждается как приведенными выше примерами, так и другими сведениями. Так, в селении Ругельда тухуму АнчIагIяли принадлежала пахота УчутIанихIурух, тухуму Анча-

---

[1] Агаширинова С.С. Указ.соч. С.141.
[2] Там же. С.142.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же; Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Ахтынском р-не в 1987 г.
[6] Материальная культура аварцев. С.120.

сулал – пахота Сугълида, тухуму Ачарула – пахота БагамустIух[1]. В селении Рутул тухум Атлуханар имел участок ЧIалашдет; в селении Борч тухум Касогълияр имел свой участок[2]; в селении Хив тухум Базбар имел земли в местностях Ракут, КIелерихъгъярихъ, ХIяркьян, Дерчав, Гасул, НитIарикI, Фаьирик, Ячьнарьи, Муур[3]. В селении Каракюре тухум Юхулар имел земли в местностях ЧIурухюр, Чяяр, Кьер, тухум Цугуца – в местности ЧIиюлер, тухум Туркар – в местности Кьулгъе дир[4]. В цахурском селении Гельмец тухум Джибиляр имел пахотные земли в местности Зинзиляр и в Азербайджане, тухум Михъува – в местностях Хина, Эчаз и Галгатхьуйбе[5]. В селении Шари все пахотные и сенокосные участки были разделены на три части по количеству тухумов и эксплуатировались строго по тухумному принципу. Отары скота формировались здесь по тухумам и паслись на тухумных землях[6].

Тухумные пастбищные участки имелись и в обществах Аварии. Так, в селении Кудали тухум Гьалангулар имел пахотный участок в 50 га в местности Агьада. Пахотные земли имелись в селении Корода[7]. В андалальском селении Согратль пахотные участки имели тухумы ГIадихунел – в местностях Нахъа и Гъвалиб; тухум Къелдер – в местностях Охьла и Оцоб; тухум Падар – в местностях ГIобонуб и ГургуррагIал. Земли другого андалальского селения Ругуджа, находящиеся в местности МагIарда, принадлежали тухумам верхнего аула; Саланиб – тухумам нижнего аула; Малала – тухумам части аула под названием Ганжалал и т.д.[8]

Мы не располагаем сведениями о сохранении в собственности тухумов пахотных участков повсеместно. Основные пахотные земли, как было показано в первом разделе данной главы,

---

[1] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Советском (Шамильском) р-не в 1986 г.
[2] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1971 г.
[3] Там же.
[4] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.580. С.20-21.
[5] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Рутульском р-не в 1975 г.
[6] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Агульском р-не в 1985 г.
[7] Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в Гунибском р-не в 1983 г.
[8] Материальная культура аварцев. С.16, 119, 120.

издавна находились в частной собственности, в собственности индивидуальных семей, входивших в различные тухумы. Частная собственность повсеместно была «доминирующей формой, единственной основой существования семей и тухумов», о чем говорилось выше при характеристике других форм земельной собственности позднефеодального Дагестана. Большинство тухумов вообще не имело земель и это, как справедливо отмечает М.А. Агларов, «не мешало им быть едиными организмами и сильными кланами, выполнявшими определенные функции»[1].

Сохранившиеся в собственности тухумов отдельные участки различных земельных угодий не играли особой роли в экономической жизни членов тухумов. Они, как и имевшие место также не во всех общинах общинные пахотные участки, являлись лишь дополнением индивидуальной собственности семей, входивших в тухумы. Экономическая роль вообще всех категорий земельных угодий тухумов (кроме тех земель, которыми пользовались тухумы в результате передела общинных земель по тухумам) была ничтожна. В позднефеодальном Дагестане тухумные земли ни по характеру, ни по форме пользования не являлись родовой собственностью, точно так же как тухум не представлял собой рода. Даже в тех случаях, когда работы на тухумных землях проводились общими силами его членов, пользование результатами труда было индивидуально-семейным. В плане сказанного тухумная земля по отношения к основным формам земельной собственности занимала промежуточное или двойственное положение. Если по отношению к общинной собственности она выступила как частная, то по отношению к частной, индивидуальной собственности она являлась коллективной. Вместе с тем отношения к коллективной собственности в тухуме, как и в семейной общине, говоря словами Ю.И. Семенова, «это отношения не в социальном организме в целом, а лишь внутри небольшой его ячейки. Они не образуют базис социального организма, фундамента общества. Коллективной эта собственность является по отношению лишь к «семейной общине», но не к социальному организму. Поэтому она ни в коей мере не является общественной собственностью». По отношению к общине, как к социаль-

[1] Агларов М.А. Сельская община … С.125.

ному организму, тухумная собственность являлась «собственностью не коллективной, не общей, а обособленной и в этом смысле частной»[1].

Выше уже затрагивались причины сохранности даже в позднефеодальный период в Дагестане тухумного землевладения. Хотелось бы дополнить сказанное и рядом других соображений. Это, во-первых, следствие замедленности общественного развития, в силу чего сохранились, как родственные коллективы, сами тухумы. Даже при господстве частной собственности в условиях сохранения кровнородственных (главным образом) коллективов, которые в прошлом являлись основными собственниками земли в «родовых» (тухумных) поселениях до образования частной собственности, невозможно было прекращение притязаний тухума на землю и это было не кратковременным актом, а продолжалось долгое время и имело место вплоть до исследуемого периода. Во-вторых, причиной сохранения тухумной собственности являлось малоземелье в горах, в условиях чего и разложение самого тухума, как пережиточного института кровнородственной организации, шло медленнее, чем в тех регионах, где было достаточное количество удобных для обработки и ведения земледельческого хозяйства и скотоводства земель вообще. В-третьих, сохранность тухумной собственности на землю можно объяснить и боязнью тухумов, как родственных коллективов, расстаться с землей, которая объединяла их членов, сплачивала их, в то время как частная собственность разъединяла членов тухума, ослабляла родственные отношения, в особенности за пределами 4-5 поколений. Если исходить из всего сказанного, можно полагать, что тухумное землевладение являлось не столько пережитком родового общества, сколько следствием его разложения, когда на развалинах родового строя образовались более мелкие родственные коллективы – семейные общины, от которых, в свою очередь, отпочковываются еще более мелкие родственные коллективы, основной экономической жизнью которых являлась их индивидуальная, семейная собственность на землю.

---

[1] Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С.414-415.

Как видно из приведенного материала, в работе дана довольно подробная характеристика традиционных форм земельной собственности и землепользования в Дагестане, которые имели место в позднефеодальный период. Приведенные многочисленные примеры показывают, что в Дагестане было четыре формы земельной собственности: частная (мюльковая), которая, в свою очередь, имела в своем составе мелкую частную (мюльковую) и крупную частную (мюльковую) собственность; общинная (джамаатская), мечетская (вакуфная) и тухумная собственности. Две первые формы собственности на землю являлись основными. Если первая форма в основном распространялась на пахотные и покосные земли, то вторая – в основном – на пастбища, выгоны и леса, хотя в собственности общин все еще находились и другие категории земель, назначение и пользование которых отличались своим разнообразием. Третьей формой собственности была земельная собственность религиозных учреждений, известная как вакуф, которая также имела в своем составе все категории земельных угодий и различные формы пользования. И последняя форма земельной собственности – тухумная, занимавшая по своему характеру промежуточное положение между частной (мюльковой) и общинной (джамаатской) собственностью. Эти последние две формы земельной собственности не играли такой роли в экономической жизни общества, как первые две формы собственности – частная (мюльковая) и общинная. Но в целом и они, вместе с первыми двумя формами земельной собственности являлись составной частью земельных отношений позднефеодального Дагестана.

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего приведенного и анализированного в работе материала по проблеме в целом и по трем выделенным в монографии главам и изучаемым вопросам можно заключить.

Ни в отечественной, ни в дагестанской историографии нет специального исследования, посвященного изучению ни отдельно каждого из двух вопросов монографии, ни цельной работы по земледелию и землевладению вместе. Но по изучаемым в монографии вопросам написано много различных работ – специальные статьи и отдельные главы или параграфы в трудах, посвященных Дагестану в целом, его отдельным регионам или народам. Причем часто оба вопроса о земле – и земледелие, и землевладение – поднимаются в трудах, посвященных Дагестану в различные периоды истории, в обобщающих работах и в исследованиях, посвященных отдельным регионам или народам Дагестана. Это относится и к работам дореволюционных авторов, и к исследованиям ученых-историков и этнографов советского и постсоветского периодов.

Специальных статей по отдельным вопросам проблемы довольно много, и они в XVIII-XIX вв. были опубликованы в весьма популярных журналах, издаваемых в Санкт-Петербурге, Москве, Тифлисе, Владикавказе, как: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», «Новые ежемесячные сочинения», «Военный сборник», «Вестник Европы», «Современник», «Сын Отечества», «Северный вестник», «Живая старина», «Русская старина», «Русский архив», «Русская мысль», «Отечественные записки», «Этнографическое обозрение», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Известия русского географического общества», «Известия кавказского отделения русского географического общества», «Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества», «Терские ведомости». Много статей по исследуемой проблеме было опубликовано в газете «Кавказ», издаваемой в Тифлисе. Здесь же издавались сборники «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», в которых

также публиковались статьи, затрагивающие вопросы исследуемой темы.

Что касается монографических работ, в которых поднимаются вопросы по исследуемой проблеме, то следует указать на работы таких авторов XVIII в., как Г. Шобер, И.-Г. Гербер, Дж. Белл, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, Я. Рейнеггс, авторов XIX в., как С.М. Броневский, П. Зубов, О. Евецкий, Н. Данилевский, «Обозрение российских владений за Кавказом», Я. Костенецкий, И.Н. Березин, Н.Ф. Дубровин и ряд авторов более позднего периода, в работах которых, как и в статьях, опубликованных также в более поздние годы, изучаются вопросы, имевшие место в XVIII – первой половине XIX в.

В своей основной массе работы указанных авторов содержат вопросы почти по всем изучаемым в монографии сюжетам.

Весьма обширна историография проблемы советского периода. Еще в 30-е – 50-е годы XX в. были написаны отдельные работы, в которых хорошо и нередко подробно изучаются многие вопросы нашей проблемы. Это труды И.П. Петрушевского, С.В. Юшкова, М.В. Саидовой, Р.Г. Маршаева, Х.-М.О. Хашаева, Р.М. Магомедова. К 50-м годам XX в. относится издание многих работ дагестанских географов: К.К. Гюля, А.Ф. Викторова, В.А. Гиммельрейха, П.Л. Львова, И.И. Микулича, М.М. Эльдарова, И.И. Тертерова.

С 60-х годов XIX в. начинается активная издательская деятельность известных дагестанских ученых Р.М. Магомедова и Х.-М.О. Хашаева, когда ими и в дальнейшие годы была издана масса работ по истории Дагестана, в которых изучаются и вопросы нашей темы. В эти годы издают свои труды также С.Ш. Гаджиева, Г.Г. Османов, Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов, В.Г. Гаджиев, М.А. Агларов, М.О. Османов, А.С. Булатова, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов, Ш.А. Ахмедов, Д.М. Магомедов, М.Р. Гасанов. В эти годы издали свои работы также дагестанские археологи и этнографы В.Г. Котович, Р.М. Мунчаев, М.И. Пикуль, С.Х. Асиятилов, М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, Х.А. Амирханов.

В постсоветский период, помимо работ многих историков среднего поколения советского периода (М.Р. Гасанов, Ш.М. Мансуров, А.Г. Мансурова, Н.А. Магомедов и др.), были изданы труды нового поколения историков, таких, как: А.С. Акбиев, Д.С.

Кидирниязов, Х.М. Джалилова, И.М. Ибрагимов, А.О. Муртазаев, Р.М. Султанбеков, С.М.-С. Адзиева, А.Э. Абдуллабекова, М.-П.Б. Абдусаламов, Э.М. Магомедова.

В эти же годы были изданы многие работы дагестанских этнографов – Б.М. Алимовой, С.А. Лугуева, М.Ш. Ризахановой, М.К. Мусаевой, Г.М. Мусаева, М.А. Булатовой, М.А. Агларова, А.И. Исламмагомедова, М.-З.Ю. Курбанова, а также ряд работ дагестанских археологов (М.Г. Гаджиев, Р.М. Магомедов).

Источники исследуемой проблемы разнообразны. Это материал центральных и местных архивов страны, отдельных стран СНГ, Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН, сборников архивных материалов, многие из которых изданы в советский период, адаты народов Дагестана, литературные источники и историко-этнографический материал.

Из приведенного в монографии материала по вопросам земледелия и землевладения можно заключить следующее.

Земля – основной источник и средство производства материальных благ человека. Но не сразу человек стал пользоваться самой землей для производства материальных благ. Сначала человек только пользовался тем, что находилось на земле – ягодами, растениями, дикими фруктами, различной мелкой живностью, сам не производя на ней ничего. Это период собирательства. Затем наступает период охотничества, когда опять-таки человек не пользовался самой землей, охотясь на животных, проживавших на земле.

И лишь по истечении многих сотен тысяч лет человек стал пользоваться самой землей, производя на ней необходимые в тогдашних условиях продукты существования, т.е. он приступил к обработке земли как средства производства. Этот период в истории человечества известен как «неолитическая революция». Это был период перехода человека от собирательства и охоты к производящим формам хозяйства. Древнейшими центрами возникновения земледелия и скотоводства являются горные области Ближнего Востока. Уже к VII тыс. до н.э. первые оседлые племена земледельцев и скотоводов появляются в горных областях Палестины, Сирии, Ирака и Ирана (В.М. Масон). В Средней Азии, в Северном Причерноморье и на Кавказе первые земледельцы и скотоводы появились к VI тыс. до н.э. Археологические исследо-

вания, проведенные В.Г. Котовичем и Х.А. Амирхановым на Чохском поселении показали, что в горных долинах Дагестана человек к земледелию и скотоводству перешел в неолите – позднем каменном веке, т.е. на рубеже VII-VI до н.э. (В.Г. Котович, Х.А. Амирханов). Горный Дагестан является на Кавказе пока единственной горной областью, где выявлены наиболее древние человеческие коллективы, перешедшие к земледелию и скотоводству.

В последующие эпохи в связи с бурным развитием производительных сил происходило распространение земледелия и его дальнейшее усовершенствование. Одним из последствий «неолитической революции» явилось террасное земледелие, возникновение которого, по мнению ученых, связано с очагами становления производящего хозяйства в пору его интенсивного развития (М.А. Агларов). В Дагестане террасы зафиксированы еще в средней бронзе (В.М. Котович), в целом строительство террас ученые относят к медно-бронзовому веку – к рубежу III-II тыс. до н.э. (В.Г. Котович, В.М. Котович, М.А. Агларов). Со строительством террас связывается и «переход террасных полей в частную собственность обрабатывающих их семей, что влекло за собой перемены в аграрных и собственно социальных отношениях обществ» (М.А. Агларов). Дагестан являлся одним из центров террасного земледелия.

Земледелие в Дагестане, как отмечено археологами, еще в эпоху бронзы развивалось в органическом единстве со скотоводством. Это было земледельческо-скотоводческое хозяйство, отличавшееся от орошаемого земледелия Передней и Средней Азии, а также от Закавказья и других областей Северного Кавказа, где в эпоху бронзы получает развитие яйлажное скотоводство (М.Г. Гаджиев).

Следующим этапом в истории земледелия Дагестана является железный век, когда оно поднялось на новую ступень и стало вестись в более широких территориях. Живя длительное время в поселениях эпохи железа, население Дагестана занималось земледелием и скотоводством. Значительное развитие получило и садоводство, которым дагестанцы занимались еще в эпоху бронзы.

Дальнейшее развитие земледелие получило в период Кавказской Албании, возникшей во второй половине первого тыс. до

н.э. Основным занятием его жителей было земледелие. Земля обрабатывалась деревянной сохой с металлическим наконечником. Поля орошались и удобрялись. Сеяли твердые и мягкие карликовые сорта пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень, лен, бобы и др. Земледелие, как и ранее, тесно было связано со скотоводством – все полевые работы проводились с применением и с помощью тягловых животных.

И после распада Кавказской Албании основным занятием раннефеодальных государственных образований были земледелие и скотоводство, происходило их дальнейшее развитие – расширялись площади пахотных земель, увеличивались урожаи зерновых культур.

И в период арабских завоеваний «экономика Дагестана характеризовалась дальнейшими успехами в земледелии и скотоводстве. В области земледелия это выразилось в четкой отраслевой специализации – полеводстве, садоводстве, виноградарстве» (М. Гаджиев, О.М. Давудов, А.Р. Шихсаидов). О роли земледелия в экономике Дагестана говорит размер дани, наложенной Мервaном в 737 г., что в то же время являлось показателем «расцвета в средневековье террасного земледелия, распространенного на десятки тысяч га» (М.А. Агларов).

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

Дальнейшее развитие земледельческое хозяйство получило в X-XV вв. И в этот период широкое распространение получило террасное земледелие (В.Г. Котович). Значительное место в хозяйстве занимали садоводство и виноградарство. Но XIII-XIV вв. для Дагестана стал тяжелым периодом, что было связано с походами монголо-татар, а затем войск Тимура. Экономика была разрушена, хотя и не уничтожена. Для внутреннего Дагестана этот период был более благоприятным, чем для плоскостных и предгорных районов. И, тем не менее, хозяйство не пришло в полный упадок. Оно продолжало развиваться, и в этот период происходит хозяйственная специализация отдельных районов.

institute of history.ru

Начало следующего периода в истории Дагестана – XV-XVII вв. – характеризуется относительным спокойствием. В XV в. происходит окончательная дифференциация хозяйства по географическим зонам. Равнинные и предгорные зоны специализируются на производстве зерна. Эти районы вернулись к старым земледельческим традициям в их интенсивной форме – к садо-

водству, виноградарству, а главное – к производству зерна (А.Р. Шихсаидов). Плоскость с нижним предгорьем начинают превращаться в очаг земледелия с разведением крупного рогатого скота (М.О. Османов). Хозяйство здесь развивалось в наиболее интенсивной форме. «В XV-XVII вв. здесь уже стала складываться общедагестанская хлебная зона» (История Дагестана). Но и в Нагорье земледелие продолжало развиваться, как и ранее, хотя частично земли стали использоваться под покосы и пастбища. В горных долинах и в местах, где возможно было орошение, развивается садоводство и виноградарство.

Следующим этапом развития земледелия является позднефеодальный период – XVIII – первая половина XIX в. Оно основывалось на достижениях предшествующих периодов и получило дальнейшее развитие. Равнина и предгорье специализировались на производстве зерна, основным занятием населения здесь было земледелие.

Для развития земледелия вообще, и полеводства в частности, на плоскости и в предгорье были прекрасные естественно-географические, климатические и почвенные условия.

И.-Г. Гербер, С.Г. Гмелин, Я. Рейнеггс в XVIII в., С.М. Броневский, П. Зубов, О. Евецкий, Н. Данилевский, А.А. Неверовский, А. Соколов, Н. Березин, Н.Ф. Дубровин и др. в XIX в. в своих работах хорошо показали это, подчеркивая при этом развитость в этой части Дагестана всех отраслей сельскохозяйственного производства. Это территория Дербента и Дербентского ханства (округа), Нижний Табасаран, Нижняя часть Кюра (Кюринского ханства), Нижний Кайтаг, Тарковское шамхальство, Засулакская Кумыкия, Нижняя Салатавия, Мехтулинское ханство, Утамышское султанство и т.д.

Плоскостная зона или низменная часть Дагестана – это наклонная равнина, охватывающая две части территории – Терско-Сулакскую низменность (Засулакская Кумыкия), территория в пределах поймы и дельты рек Сулака и Терека, и Приморскую низменность – территорию Дагестана южнее нынешней Махачкалы до дельты Самура. Это самые земледельческие части Дагестана, занимаемые рядом феодальных владений. В этих частях Дагестана, а также в ряде предгорных владений и обществ и было развито в позднефеодальный период многоотраслевое земледель-

ческое хозяйство, чему благоприятствовали природно-климатические условия. Так, «от Дербента к реке Самуру природа представляла роскошную долину, орошаемую реками» (Н. Данилевский). Поэтому здесь больше и занимались земледелием. Здесь находились плодородные поля, где засевали много пшеницы, ячменя, сарачинского пшена, ржи, кукурузы, полбы. Здесь выращивали особый сорт высокоурожайной качественной желтой пшеницы, пользовавшейся большим спросом.

Хорошо было развито земледелие в Нижнем Табасаране и в Кюре, где также находились «хорошие поля и хлебородная земля». Эта часть Табасарана «изобиловала всеми родами произведений» (С. Броневский).

Весьма хорошие условия для земледелия были в Нижнем Кайтаге, занимавшем «наивыгоднейшее и плодоноснейшее положение» (Я. Рейнеггс). Здесь было «довольно пашен, садов и речек» (И.-Г. Гербер). Кайтаги выращивали пшеницу, ячмень, пшено, просо и т.д. Пшеницей Кайтаг обеспечивал жителей горных обществ.

Хорошо было развито земледелие в XVIII – первой половине XIX в. в Утамышском султанстве, Карабудахкенте, Губдене, Тарковском шамхальстве. Здесь также находились «плодоносные поля», где выращивали пшеницу, ячмень, просо, овес, сарачинское пшено. Особенно хорошо было развито земледелие в Тарковском шамхальстве, где поля орошались реками Сулак, Таркали-Озень, Манас и «горными протоками» – Черка-Озень, Буйнаки, Оросай-Булак.

Благоприятны были условия для земледелия в Засулакской Кумыки, где почва земли считалась плодороднейшей на северном скате Кавказа, климат теплее, чем в других областях этой полосы. Здесь было множество канав, из которых орошались поля. Сеяли пшеницу, ячмень, сарачинское пшено. Это была «лучшая часть Кумыкской плоскости». Земля обеспечивала все жизненные потребности. Зерно, получаемое здесь, удовлетворяло не только потребности жителей, но и продавалось жителям горных обществ, так как получали «обильный урожай» зерновых и «все занимались хлебопашеством» (И.А. Гильденштедт).

Прекрасно было развито земледелие в предгорных частях Дагестана (территории нынешних Карабудахкентского, Казбеков-

ского, Буйнакского, отчасти Сергокалинского, Левашинского и Курахского районов). Здесь также были хорошие условия для земледелия. Плодородные поля предгорья давали хорошие урожаи, и жители этих мест также продавали зерно горцам. Жители предгорья засевали все виды злаковых – пшеницу, ячмень, просо, овес, бобовые и т.д. Для основной массы хозяйств предгорных обществ земледелие было основным занятием, как и для жителей плоскостного Дагестана.

Специализация плоскостного и предгорного Дагестана на занятии производства зерна не означало, что другие части Дагестана не занимались земледелием. Напротив, земледелие и в них продолжало развиваться и вместе со скотоводством являлось в позднефеодальный период в истории края главным занятием населения. В горном Дагестане находилось «довольно много … плодоносных полей» (Дж. Белл). С земледелием было связано большинство населения горного Дагестана.

В горном Дагестане, как и на плоскости, и в предгорье, были сильны земледельческие традиции, и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности в отношении эффективности и интенсивности использования земель, даже выше. В горах пахотоудобных земель было меньше, и поэтому земледелие не имело возможности бесконечного расширения. Малоземелье и безземелье являлось тормозом развития земледелия как вширь, так и вглубь. Несмотря на это в горном Дагестане «хлебопашеством занимались без исключения» (Н. Абельдяев).

Широко занимались земледелием жители союзов Каба-Дарго, Акуша-Дарго, Верхнего Кайтага, кюринские горные общества, общества Агула, в Гидатлинском союзе, Батлухе, Казикумухском и Аварском ханствах, в Салатавии и т.д. В Гидатле собирали более 40 саб зерна на двор или семью. Богатые урожаи зерновых собирали на Хунзахском плато, Акушинском нагорье, Левашинском плато, Каратинском северном склоне, Андийской котловине, на урахинских и кишинских полях. Поэтому многие горные общества (Голотль, Харахи, Гергебиль, Урада, Урахи, Киша и др.) даже продавали горцам излишки своего зерна. Это результат не только наличия хороших полей, но и интенсивного использования земли. То, что писал акад. Н.И. Вавилов о Ботлихе

(«Здесь можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование земли для земледелия, можно учиться умению рационально пользоваться каждым клочком ценной земли … Вряд ли можно лучше пользоваться землею, чем это делают в горном Дагестане»), относится и к другим горным обществам Дагестана. По интенсивности культур, использованию земли Н.И. Вавилов Дагестан сравнивал с интенсивными районами Италии, Перу, Боливии и др. стран с развитым террасным земледелием. Горцы Дагестана сеяли пшеницу, ячмень, голозерный ячмень (магар), рожь, просо, полбу, кукурузу, из бобовых – фасоль, чечевицу, горох, что говорит о древности земледелия в горном Дагестане (Н.И. Вавилов).

Горцы оберегали землю от истощения, удобряли ее и поливали там, где это было возможно, строя канавы и водопроводы, тянувшиеся на сотни метров по ущельям и скалам.

В высокогорной зоне, являющейся продолжением горного Дагестана, было мало пахотоудобных земель. Высокие горы, достигающие 3500-4000 м высоты, опоясывали западную часть региона, а на юго-западе и юге находятся Дюльти-Дагский и Такликский хребты, высотой 4131 и 4042 м. Мощные горные хребты расположены и на юго-востоке Дагестана, в пределах Рутульского и Ахтынского районов, высотой 4100 м. Здесь находится и самая высокая точка Дагестана высотой 4480 м. Между массивом Базар-Дюзи и Самуром находится Шалбуз-даг, высотой 4250 м.

Суровой природе соответствовала и суровая погода, и они не были благоприятны для занятия земледелием. Это высокогорные Алтыпара, Докузпара, Ахтыпара, общества Цахурского, Рутульского и Агульского союзов, общества Антль-Ратля (Тлебель, Таш, Джурмут, Тлейсерух), Верхнего Табасарана и т.д. Основным занятием жителей многих высокогорных обществ было скотоводство (Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов, С.С. Агаширинова, С.А. Лугуев, Г.М. Мусаев, Х.М. Джалилова). В этих обществах в суровых горных условиях не все зерновые созревали. Поэтому здесь сеяли только те сорта зерновых, которые были более или менее приспособлены к горным условиям: рожь, ячмень, пшеница яровая и озимая, просо, голозерный ячмень, овес, солод, полба.

Вместе с тем и в высокогорной зоне были места, где находились плодородные и хорошие поля, приносившие высокие урожаи зерновых, как, например, Дидо, Унзо и Капуча, которые пшеницей были «нарочито богаты» (И.А. Гильденштедт).

Хлеб жители высокогорных обществ Южного Дагестана покупали в основном в Азербайджане, Нижнем Кюре и Дербентском владении, аварские общества – в Кахетии и в плоскостном Дагестане.

В целом все сказанное говорит не только о древности земледелия в Дагестане, но и о том, что им занимались повсеместно. В земледелии было занято до 80% населения Дагестана (Х.-М. Хашаев). Земледелие играло ведущую роль на плоскости, предгорье и во многих горных обществах, им занимались по возможности и в высокогорных обществах. На плоскости и в предгорье было характерно земледельческое хозяйство, в горных обществах – земледельческо-скотоводческое, в высокогорных обществах – скотоводческо-земледельческое хозяйство. Но земледелием занимались повсюду, и оно в целом составляло основу экономики основной массы населения Дагестана.

Издревле дагестанские народы занимались садоводством и виноградарством. В изучаемое время эти отрасли получили широкое развитие в плоскостном и Южном Дагестане и в особенности в ущельях гор, речных долинах и даже в горных обществах, где возможно было строительство террас, оросительных канав и водопроводов, сохранившихся во многих местах до наших дней.

instituteofhistory.ru

Сохранилась масса свидетельств о наличии прекрасных садов и виноградников в Дербенте и в Дербентском владении, Табасаране, Кюре, Кайтаге, владениях кумыков, расположенных с границ уцмийства и до Терека, садах предгорья и горных обществ Аварии, в особенности Койсубулу, даргинских обществ Цудахарского союза. Авторы, писавшие о садоводстве и виноградарстве горцев, восхищались их трудом, выращивавших в трудных условиях разнообразные фрукты: яблоки, груши, персики, абрикосы, сливы, миндаль, хурму, гранаты и т.д. А вино, которые делали из местных сортов винограда, сравнивали по вкусу, качеству и сохранности с испанским и венгерским.

На плоскости и в нижнем предгорье было развито и огородничество. Особо отмечалось огородничество в Дербенте и Дер-

бентском округе, где получали высокие урожаи бахчевых культур (арбузы, дыни, тыква), огурцов, помидор, лука, перца и т.д.

В плоскостных владениях занимались выращиванием технических культур – марены, хлопка, шелкопряда, дававших большие доходы. Особое место среди них занимало мареноводство, порой вытеснявшее даже хлебопашество, что наблюдается в Дербенте и Дербентском округе.

В позднефеодальный период садоводство, виноградарство, огородничество и мареноводство для многих обществ становится основным видом занятий.

По второму основному вопросу проблемы, изучаемому в третьей главе монографии – землевладению, можно прийти к следующему. В позднефеодальном Дагестане было многообразие форм земельной собственности: частная (мюльковая), общинная (джамаатская), вакуфная (мечетская) и тухумная (родственной группы). Каждая из этих четырех форм земельной собственности имела свои особенности.

Первая и основная форма земельной собственности – это частная (мюльковая), которая, в свою очередь, имела две формы – частная (мюльковая) феодальная и частная (мюльковая) крестьянская (узденская). Обе формы частной земельной собственности назывались мюльками, что и объединяло их как отдельная форма земельной собственности. Но сущность их, заключающаяся в принадлежности тому или иному субъекту, в ее размере и, главное, в форме пользования ею и применении для ее эксплуатации чужого труда, диаметрально отличались друг от друга.

Частная (мюльковая) земельная собственность крестьян-узденей – это собственность индивидуальных крестьянских семей, входивших в сельскую общину как ее хозяйственные субъекты. Именно наличие земельной собственности делало узденей членами общины как общественно-политической и хозяйственной структуры. Только наличие частной (мюльковой) земельной собственности делало общинника равноправным с другими субъектами общины, также являвшимися частными собственниками.

В частной собственности узденя-общинника обычно находилось несколько небольших земельных участков, в основном расположенных в разных местах. Общинник, как собственник, имел на свою землю все права собственника: право продажи, передачи

по наследству, обмена на другой участок или что-либо, завещания мечети, передачи в пользу общины и т.д. Записанные в адатах горцев запреты продажи земли вне общины в позднефеодальный период превратились в простую фикцию. Они не соблюдались. При желании мюльковладелец продавал свою землю тому, кому он хотел.

Частные земли общинников-узденей позднефеодального периода – это земли, которые из поколения в поколение переходили по наследству и в связи с этим имели тенденцию раздробления и уменьшения.

Наличие права отчуждения земли и дробление ее являлись причиной обнищания, обезземеливания одной части членов общины и разбогатения – другой.

Иной характер имела частная (мюльковая) феодальная земельная собственность. Основной особенностью ее была многоступенчатость, сословный характер. Частными (мюльковыми) феодальными собственниками были различные сословные группы класса феодалов: феодальные владетели, беки – их ближайшие родственники, чанка-беки, чанки, карачи-беки и сала-уздени.

Феодальные владетели – это крупные феодальные землевладельцы, верховные собственники феодальной земли, которой они наделяли остальных представителей класса феодалов. К этой же категории земельных собственников можно отнести беков, порой сосредоточивших большие земельные угодья и имевших на них такие же права собственника, как и феодальные владетели на свои земли.

Средними феодальными собственниками были чанка-беки и карачи-беки, к которым примыкали и отдельные чанки, получившие от своих богатых родственников или «заимевшие» земельные угодья в результате покупки или захвата общинной земли, и карачи-беки, все еще сохранившие различные категории земель.

Низшую категорию феодальных землевладельцев составляли сала-уздени, имевшиеся в основном в Засулакской Кумыкии. Это собственники земли, заселившиеся на землях будущего Эндиреевского княжества еще до переселения сюда Султан-Мута.

Вторая отличительная особенность частной (мюльковой) феодальной земельной собственности от собственности – мюлька –

узденя-общинника – ее размеры, площадь их доходила до сотни и тысячи десятин.

Третья особенность частной (мюльковой) феодальной собственности – это форма пользования землей. Как правило, все категории класса феодалов, все его сословные группы сами непосредственно не пользовались своей землей, они не вкладывали в нее свой труд. Феодальная земля отдавалась в пользование крестьянам, которые и вкладывали в нее свой труд. Результатами этого крестьянского труда пользовались феодалы – собственники земли.

Феодальная земельная собственность имелась во всех феодальных владениях, и она распространялась на все категории земель, которые отдавались в пользование крестьянам за уплату податей и выполнение различных повинностей. Как правило, феодалы не имели своего хозяйства, все необходимое они получили с крестьян, как плату за пользование их землями. Основной повинностью была натуральная или продуктовая. Другие две формы повинности – отработочная и денежная, хотя в отдельных случаях и имели место, но не получали широкого распространения. Среди натуральной повинности особое место занимала пастбищная рента, т.е. плата за право пасти скот на пастбищных горах феодалов, приносившая последним большие доходы в виде натуральных плат различными продуктами, но главным образом в виде скота.

На втором месте по значимости среди форм земельной собственности находилась общинная (джамаатская) земельная собственность. Это собственность членов общины как равноправных ее субъектов, которая также распространялась практически на все категории земель, не находящихся в собственности ее членов. Главное место среди них принадлежало пастбищам, среди которых наибольшее место занимали пастбищные горы. Других категорий земель общины было меньше, но почти повсеместно или во многих обществах в общинной собственности находились леса, сенокосные и даже отдельные пахотные участки.

Общинная собственность на землю имела четыре формы: собственность одной общины, собственность двух и более общин, входивших в одну и ту же политическую структуры, собственность всех обществ, входивших в одну и ту же политиче-

скую структуру, совместная собственность общин двух и более разных политических структур.

Наиболее распространенной формой общинного землевладения была собственность одной общины, куда входили все категории земель. Пользование общинными землями регулировала сама община, руководствуясь при этом существующими традициями и адатами. Община прежде всего определяла своим решением, где, когда и в какое время пасти тот или иной вид скота на общинных пастбищах, в каком месте начинать земледельческие работы, что делать со жнивьями, когда начинать сенокос. Община устанавливала сроки и формы пользования общинным лесом, определяла время передела общинных сенокосов и пахотных участков там, где они все еще имели место. Говоря о последних категориях земель, следует сказать, что общинные пахотные земли в позднефеодальный период являлись не просто результатом былых общественных отношений, а более вторичным явлением социально-экономического развития дагестанских горских обществ. Когда в предшествующий период были уничтожены различные горские феодальные княжества и представители класса феодалов во главе с талхъанами, шахами, эмирами, т.е. местными правителями-князьями, их земли были либо розданы общинникам, либо обобществлены – превращены в общественную собственность. Многие имевшие место в изучаемое время общинные пахотные земли являлись именно такими. И в новых условиях, естественно, они имели и новые функции, кроме того, что форма пользования ими по старой общинной традиции, как передел их между равноправными членами общины, все еще имело место, хотя и сроки переделов их в основном удлинились от 3 до 7 лет. Но эти участки в новых условиях использовались на нужды общины, для оказания помощи малоимущим общинникам, на выделение участка для семей, в которых рождался седьмой сын и т.д. и т.п.

Вторая форма общинного землевладения – это земли совместного пользования, также была широко распространена не только в горских свободных от феодалов обществах, но и в феодальных владениях Дагестана. Среди таких совместных земель были не только пастбища, горы, леса, но и пахотные земли (например, пахотные земли совместного пользования Утамыша и Мюрего). Пользование такими совместными землями происходи-

ло по договоренности между совладельцами. Они то переделялись между совладельцами, то на них пасли одинаковый или разный вид скота, или сдавались в аренду другим общинам и т.д.

Пользование совместными землями всех жителей одной политической структуры также проводилось по традиции. Пастбищами пользовались все общества одновременно, на общих лесных участках рубили лес по договоренности – либо по жребию, либо на закрепленных заранее участках леса.

По традиции или договоренности пользовались и землями четвертой формы общинного землевладения. Это в основном пастбищные горы и лесные участки, которыми совместно пользовались общества различных политических структур – в основном жители разных союзов сельских общин и даже разных общин союзов и феодальных владений. И таких совместных земель в горном Дагестане было много.

Третья форма земельной собственности позднефеодального Дагестана – мечетская земля (вакуф), имевшая место повсеместно во всех частях Дагестана, во всех феодальных владениях и союзах сельских общин. Возникнув с распространением ислама и строительством религиозных учреждений, мечетское землевладение в XVIII – первой половине XIX в. имело тенденцию расширения там, где оно уже было, и возникновения там, где до сих пор ислам не был распространен. Это общества западного Дагестана, где ислам принимали даже в XIX в. Мечетских земель было довольно много в собственности старых и джума-мечетей.

institute of history.ru

Вакуф имел две формы. Это, прежде всего, земельные участки, которые завещались верующими мечетям и они находились в ведении самих мечетей. Посев и сбор урожая на этих землях, как правило, производили бесплатно общинники. Было много земель, которые на половинных началах сдавались в аренду своим же сельчанам. Кроме пахотных земель, мечети имели сенокосы и лесные участки. С покосов общинники для мечетей собирали сено, а лесные участки были запретными и их использовали только для нужд мечети, которой они принадлежали.

Вторая форма мечетской собственности – это не сама земля, а определенное количество урожая с определенного участка пахоты. И подобных завещаний в Дагестане было весьма много. Земля обрабатывалась тем, кто завещал этот участок, а затем его

наследниками, к которым переходил этот определенный участок, а завещанное количество урожая передавалось мечети.

Мечетская собственность была неприкосновенна, она не могла быть, как другие формы собственности, продана, завещана, присвоена кем бы то ни было, обменена на другое имущество и т.д.

Последняя форма собственности – тухумная, представляющая собой пережиточную форму собственности близкородственного коллектива. Тухумных земель, по сравнению с другими формами земельной собственности, было мало и они не играли особой роли ни в экономической жизни тухумов, ни в социально-экономическом развитии общества. Причиной сохранения и в позднефеодальном дагестанском обществе тухумной земельной собственности были: сохранение самого тухума как былого собственника всей земли, что являлось следствием замедленного общественного развития горского общества; малоземелье в горах вообще и наличие небольших участков в собственности тухумов, которые невозможно было делить между членами тухума ввиду экономической неэффективности такого раздела, они не приносили никакого дохода; нежелание или боязнь тухума расстаться со своей собственностью, которая как-то объединяла его членов, сплачивала их, в то время как частная собственность разъединяла членов тухума, ослабляла родственные отношения, в особенности за пределами 4-5 поколения.

В целом тухумную собственность можно охарактеризовать как промежуточную форму собственности между частной (мюльковой) и общинной (джамаатской) собственностью.

К таким, в общих чертах, развернутым выводам пришли мы по всем поднятым в монографии вопросам, изученным на основе всех доступных источников и литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

а) Документы центральных и местных архивов

РГАДА

Ф. Колл. ин. дел. «Сношения России с Персией». № 4. 1722.

РГВИА

Ф. ВУА. Д. 6361. Ч. 2.
Ф. ВУА. Д. 6512.
Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2.
Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 400. Оп. 258/168.
Ф. 400. Оп. 1. Д. 326.

РГИА

Ф. 345. Д. 3158.
Ф. 718. Оп. 1. Д. 758.

РГИА СП(б)

Ф. 346. Оп. 2. Д. 303.
Ф. 1268. 1833-1882. Оп. 1. Д. 429, 782.
Ф. 1268. Оп. 5. Д. 372.
Ф. 1276. Оп. 2. Д. 84.

ЦГИА РГ

Ф. 72. Д. 16.
Ф. 416. Оп. 1. Д. 476.
Ф. 416. Оп. 3. Д. 101.
Ф. 416. Оп. 3. Д. 1224.
Ф. 416. Оп. 4. Д. 35.

ЦГА РД

Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 139-а.
Ф. 2. Оп. 2. Д. 21.
Ф. 2. Оп. 2. Д. 43.
Ф. 2. Оп. 2. Д. 140-в.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 142-з.
Ф. 2. Оп. 2. Д. 149.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 14-а.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 93.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 139.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 140.
Ф. 2 Оп. 3. Д. 140-в.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 142.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-б.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-в.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-к.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 142-н.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 143.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 143-д.
Ф. 2. Оп. 3. Д. 143-з.
Ф. 2. Оп. 5. Д. 28.
Ф. 2. Оп. 5. Д. 58.
Ф. 12. Д. 16-а.
Ф. 20. Оп. 1. Д. 18.
Ф. 21. Оп. 1. Д. 7.
Ф. 21. Оп. 1. Посемейные списки общества Акуша. 1886.
Ф. 21. Оп. 3. Д. 5.
Ф. 21. Оп. 4. Д. 101.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 42.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 73.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 87.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 99.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 100.
Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 101.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 103.
Ф. 21. Оп. 5. Д. 104.
Ф. 26. Оп. 4. Д. 128.
Ф. 40. Оп. 1. Д. 13.
Ф. 40. Оп. 2. Д. 19.
Ф. 40. Оп. 2. Д. 26.
Ф. 40. Оп. 2. Д. 84.
Ф. 80. Оп. 2. Д. 4.
Ф. 80. Оп. 3. Д. 18.

Ф. 90. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 3.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 4-6.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 5.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 6.
Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 28.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 30.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 32.
Ф. 90. Оп. 1. Д. 68.
Ф. 90. Оп. 2. Д. 20.
Ф. 90. Оп. 2. Ед. хр. 21.
Ф. 90. Оп. 2. Д. 22.
Ф. 90. Оп. 2. Д. 24.
Ф. 90. Оп. 2. Д. 30.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 4.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 5.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 10.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 12.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 14.
Ф. 105. Оп. 1. Д. 49.
Ф. 105. Оп. 5. Д. 4.
Ф. 105. Оп. 5. Д. 5.
Ф. 105. Оп. 5. Д. 9.
Ф. 105. Оп. 5. Д. 15.
Ф. 126. Оп. 1. Д. 2.
Ф. 126. Оп. 1. Д. 11-б.
Ф. 126. Оп. 1. Д. 21.
Ф. 126. Оп. 2. Д. 71.
Ф. 126. Оп. 2. Д. 72-в.
Ф. 130. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 147. Оп. 1. Д. 2.
Ф. 147. Оп. 1. Д. 7.
Ф. 147. Оп. 1. Д. 34-а.
Ф. 147. Оп. 3. Д. 65.
Ф. 147. Оп. 4. Д. 3 -а.
Ф. 147. Оп. 4. Д. 4.
Ф. 147. Оп. 4. Д. 41-а.

Ф. 147. Оп. 4. Д. 44-а.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 2.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-б.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-в.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 6.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 8.
Ф. 150. Оп. 1. Д. 16-а. Ч. 4.
Ф. 150. Оп. 3. Д. 140-е.
Ф. 236. Оп. 1. Д. 2.

б) Материалы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Абдурахман б. Саид Джамал Казикумухский. Воспоминания. 1865. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533.

Алиев Б.Г. Полевой материал, собранный в аварских, даргинских, лезгинских, кумыкских, лакских, табасаранских, агульских, рутульских районах в 1962-1963 гг. Ф. 1. Оп. 1.

Гаджиева С.Ш. Полевой материал, собранный в с. В.Гаквари в 1976 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие кадийства Табасарана. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.

Гасанов М.Р. Социально-экономическое развитие юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 189.

instituteofhistory.ru

Документальный материал по истории Дагестана XVIII в. Из АВПР МИД, выявленного в 1962 г. В.Г. Гаджиевым. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181.

Документы и материалы по истории Дагестана XIX в., выявленные и собранные В.Г. Гаджиевым из ЦГИАЛ.

Документы и материалы по истории XIX в., собранные и выявленные научным сотрудником Института ИЯЛ Рамазановой Х.Х. в ЦГВИА в 1958 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380.

Документы по земельным отношениям в Дагестане до XVIII в. включительно. Ф. 3. Оп. 1. Д. 273.

Записка о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79.
Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. Ф. 1. Оп.1 Д. 155.
Запись о вакуфах сел. Сулевкент.
История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.
Кавказская археографическая комиссия. Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взыскиваемых с жителей Дагестанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 60.
Каяев А. Материалы и документы, собранные А. Каяевым по истории Дагестана XVIII в. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.
Каяев А. Материалы по истории лаков. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444.
Книга «вакфов» соборной мечети сел. Орота (Перев. М.-Р. Магумаева).
Комментарии мусульманского права. Ф. 5. Оп. 3. Д. 142.
Краткие сведения о поземельных правах высшего сословия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158.
Кушева Е.Н. Материалы по истории Дагестана XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 449.
Магомедов Д.М. Социально-экономические отношения в Дидо в XIX вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 233.

Маршаев Р.Г. Лаки в XV-XVII вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56.
Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков. Ф. 3. Оп. 1. Д. 91.
Маршаев Р.Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI-XVI вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22.
Материалы по истории Дагестана XVII-XIX Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.
Материалы по истории Дагестана XIX в. Ф. 6. Оп. 1. Д. 51.
Материалы по истории Кайтага.
Материалы по истории Карабудахкента / Перев. с кумык. Г.С. Федорова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 365.
Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане (в том числе в Кайтаго-Табасаранском округе). Ф. 1. Оп. 1. Д. 163.
Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым из АВПР. Д. 3141.

Новые материалы по истории сословно-поземельных отношений в дореволюционном Дагестане (монография – автор неизвестен). Ф. 1. Оп. 1. Д. 199.

Омаров Х.А. Документы по земельным отношениям в Дагестане до XVIII века включительно. Ф. 3. Оп. 1. Д. 273.

О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и Кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 329.

Письмо Адиль-Гирея Тарковского Петру I. Указ Петра I Адиль-Гирею, записи дневника Андриана Лопухина при проезде его из Шемахи в Москву, записи о проезде в Петербург шамхала Тарковского, допросы и т.п. материалы о сношении России с Дагестаном в 1717-1725 гг. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.

Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу / Перев. с араб. К. Баркуева.

Происхождение жителей и об их правах в пользовании землей, извлеченные из «Дела по поводу определения сословных прав туземного населения Терской области и Кубанской области» // Оп. Д. 169.

Прошение беков Темир-Хан-Шуринского округа в комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. 1885 г. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194.

Прошение жителей Темир-Хан-Шуринского округа Главнокомандующему гражданской частью на Кавказе … 1884-1907 гг. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192.

Рукопись с перевода рассказа Кази-Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397.

Салатавия. Географическо-экономический очерк. 1928. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79.

Справка, составленная Лобановым «Тяжесть обложения крестьянского населения Дагестана при власти ханов и царей по сравнению с положением при советской власти». Ф. 1. Оп. 1. Д. 283.

Тамай А.И. Кумыки в XV-XVII вв. Ф. 3. Оп. 3. Д. 19.

Тамай А.И. Кумыки в XVIII в. Ф. 3. Оп. 3. Д. 79.

Тамай А.И. Очерки истории кумыков XVI-XVIII вв. Ф. 3. Оп.1. Д. 1.

Филиппов А. Народное обычное право как исторический материал // Литературно-политическое издание «Русской мысли». М. 1907. Кн. 1. Ф. 5. Оп. 5. Д. 5.
Челеби Э. Отрывки из «Путешествия». Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.
Шиллинг Е. Народы Андо-цезской группы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.
Шихсаидов А.Р. Материал экспедиции в районы Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167.
Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

в) Опубликованные документы и материалы

Адаты Андийского наибства // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. / Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.
Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.
Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. VI.
Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.
Адаты келебских селений // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.
Адаты селения Усиша // Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) // Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.
Адаты Тиндинского наибства Хваршинского общества // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.
Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI в. // Источниковедение истории досоветского периода. Махачкала, 1987.
Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях (XV в.) // Конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР. (Тезисы докладов). Махачкала, 1978.

Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII-XVIII вв. // Конференция молодых ученых. Тезисы докл. Махачкала, 1982.

Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею. Тифлис, 1864-1904. Т. 1-XII.

Бежитские адаты // Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) // Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

Белокуров С. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып.1. 1578-1613 гг.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Терская область. Посемейные списки. Тифлис, 1919.

Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горных племен Терской области. Исторический очерк. (Составлен на основании официальных документов). Тифлис, 1905.

Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.-М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала, 1957.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890.

Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-е гг. XIX в. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

Derbent-Nameh. Translated from select turkish version and published with notes, bu Mirza Kasembek. Spb., 1851.

Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Состав. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. М., 1958.
Магомедов Р.М. Памятник истории и культуры даргинцев XVII в. Махачкала, 1964.
Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедов. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1.
Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тифлис, 1937. Вып. 4.
Новые документы о земельных отношениях в Салатавии // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. / Подгот. к изданию Ш.М. Мансуров. Махачкала, 1981.
Обзор Дагестанской области 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905.
Особые права беков и чанков в Т.-Х.-Шуринском округа // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.
Памятники обычного права Дагестана. XVII-XIX вв. Архивные материалы / Состав. предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1965.
Письмо аварского кадия Мирза Магомеда к кн. Цицианову // АКАК. Тифлис, 1869. Т. II.
Письмо Султан-Ахмад-хана к ген. Торкмасову. Тифлис, 1870. Т. IV.
Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1902.
Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана … // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.
Почвенная карта // Атлас Дагестанской АССР. М., 1979.
Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Документы и материалы / Составл. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М., 1988.
Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Докум. и матер. / Состав. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.
Сборник адатов Кайтага и Табасарана. Адаты Кайтага // Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) / Состав. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.
Сборник адатов, существующих в Гунибском округе / Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Сведения для будущего времени об основании селения Чиркей и о поселениях в Салатавии // Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды Махачкала, 1975. Вып. II.

Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Свод решений и обычаев Цекубского сельского общества // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы (Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Свод решений обязательных для жителей Андалальского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Собрание адатов селений Аварского округа // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.

Соглашения селений Гид, Мич и Ригитль // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.

Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли // Кавказ. 15 марта. 1848. № 11.

Справка к законодательству о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам.

Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX начало XX в. Архивные материалы / Состав., предисл. и примеч. Х.М. Хашаева. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1969.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Составл. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. 1-II.

instituteofhistory.ru

II. Литература

а) Книги

Абдуллабекова А.Э. Частное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2008.

Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.

Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. М., 1978.

Агларов М. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.

Аваби Акташи Мухаммед. Дербент-наме / Перевод с тюркского и арабского списков, предисл. и библиография Г.М.-Г. Оразаева и А.Р. Шихсаидова. Махачкала 1992.

Агулы. (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре) / Ответств. ред. А. Исламмагомедов. Махачкала, 1975.

Адзиева С.М.-С. Сословно-классовая структура и формы зависимых отношений в Дагестане в XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2008.

Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

Алексеева В.А. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. Черкесск, 1957.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII – XIX вв. (очерк социально-политической истории). Махачкала, 1972.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – XIX в. Махачкала, 1999. Кн. 1.
Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. 2. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2002.
Алимова Б.М. Кайтаг XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.
Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.
Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.
Алкадарский А. География ДАССР. Махачкала, 1929.
Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994.
Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и культура в мезолите и энеолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987.
Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.) Махачкала, 1967.
Ашрафем К.З. Аграрный строй Северной Индии (XIII – середина XVIII вв.). М., 1965.
Баладзури. Китаб футух ал булан. Каир, 1319 (1901).
Баладзури. Книга завоевания стран. Текст (арабс.) и перевод (пер. проф. П.К. Жузе). Баку, 1927.
Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926.
Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
Белл. Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Асиатские страны, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. III.
Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Дополненное. Казань, 1850. Ч. I-II.
Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855.
Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I-II.
Булатова А.Г. Лакцы. (XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1971.

Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. (XIX – нач. XX вв.). Махачкала, 2000.
Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869. Ч. I.
Вавилов Н.И. Опыт агроэкономического обозрения важнейших полевых культур. М.: Л., 1957.
Викторов А.В., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономический обзор. Махачкала, 1957.
Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. СПб., 1885.
Военный сборник. 1859. № 42.
Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
Гаджиев М.Г. Ранне-земледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991.
Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. С древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2001. Кн.I.
Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978.
Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
Гегешидзе М.Х. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе / Доклад на III Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М. 1964.
Генко А.П. О названия плуга в северокавказских языках. Доклад АН СССР. М., 1930.
Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
Гиммельрейх В.А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII классов дагестанской школы. Махачкала, 1963.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1875. Ч. 3.
Гюль К.К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957.
Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
Гюль К.К., Кисин И.М., Тертеров А.А. Природа Дагестана. Очерки. Махачкала, 1959.
Гянджский И. Указы кубинских ханов. Баку, 1956.
Давудов О.М. Материальная культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
Давыдов А.В. Афганская деревня. М., 1962.
Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. Проблемы социально-экономического развития. Махачкала, 2000.
Далгат Э.М. Помещичье хозяйство Дагестана во второй половине XIX – нач. XX в. Махачкала, 2000.
Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. СПб., 1846.
Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970.
Джавахашвили А.И., Глонти Л.И. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954-1961 гг. на селище Квацхелеб. (Твенца-Кохи). Тбилиси, 1962.
Джалилова Х.М. Рутулы в XVII - первой половине XIX века, Махачкала, 2004.
Добрынин Б.Ф. География Дагестанской АССР. Буйнакск, 1926.
Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.
Ермолов А.П. Записки (1816-1827). М., 1868. Ч. 2.
Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в статистическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3.
Ибрагимова П.А. Вакф в Дагестане. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2012.
Илюшечкин В.И. Эксплуатация в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.
Исламмагомедов А.И. Аварцы: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.

institute of history.ru

История Азербайджана. Баку, 1958. Ч. 1.
История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1.
История Дагестана. М.: Наука, 1968. Т. 2.
История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Под ред. М.Д. Адухова. Махачкала, 2012.
История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2005.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) М., 1988. Т. 2.
История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2.
История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XII-XIV вв. М., 1952.
Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей (на авар. яз.). Махачкала, 1972.
Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971.
Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2.
Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
Костенецкий Я. Заметки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851.
Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
Котович В.Г. О причинах распада дагестанского этнокультурного единства. (Доклад, прочитанный на заседании сектора археологии и этнографии Института ИЯЛ 17 ноября 1962 г.).
Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. М., 1957.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XIX вв. М., 1963.

Левиатов В.И. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2.

Линден В. Высшие классы населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1915.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 г. Махачкала, 2002.

Лугуев С.А. Ахвахцы. Историко-этнографическое исследование XIX – начала XX в. Махачкала, 2008.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000.

Львов Н.О. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ. 1867. № 71.

Люблинская А.Д. Французское крестьянство в XVI-XVIII вв. Л., 1978.

Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана XV-XVII вв. Изд-во Ростовского ун-та, 1985.

Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVII – первой половине XIX в. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998.

Магомедов Н.А. Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана. Вторая половина XVIII – начало XIX в. Махачкала, 2012.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.

Магомедов Р.М, Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I.

Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II.
Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1-2.
Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968.
Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961.
Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.
Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. Вып. I.
Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. II.
Мансуров Ш.М. Салатавия. (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.
Мансурова А.Г. Цудахария. (Социально-экономическая и политическая истории в конце XVIII – первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995.
Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., 1889.
Маркович Я.А. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717-1767). Киев, 1813-1895. См. также «Дагестан в известиях …»
Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2.
Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.
Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1935.
Мусаев Г. Рутулы. (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997.
Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.
Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895.
Насруллаев А.Р. Агулы – Альфа и Омега. Махачкала, 2001.

Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1848.
Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847.
Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья: опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1980.
Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях // Под ред. В.С. Легнобытова. СПб., 1836. Ч. 1-4.
Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 год. СПб., 1994.
Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.
Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965.
Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1990.
Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Ч. 1.
Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.
Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI-XVII вв. Ереван, 1972.
Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступит. статья, коммент. и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993.
Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.
Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII-XIV веков. М.-Л., 1960.
Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949.
Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тыс. до н.э.). Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
Пиотровский Б.Б. Урарту – крупнейшее государство Закавказья. Л., 1930.
Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. 2.
Проблемы возникновения феодализации у народов СССР. Р.М., 1969.
Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.
Reineggs. Allgemeine historisch-topograpfische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und SPg., 1796-1797.
Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005.
Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.
Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
Сирийские источники по истории народов СССР. М.: Л., 1941.
Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763.
Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.
Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорном поясе Терской области. Владикавказ, 1908.
Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Хайдаков С.М. Очерки лексики лакского языка. М., 1961.
Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959.
Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. (Материалы к сессии), Махачкала, 1954.

institutеofhistory.ru

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
Челеби Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2.
Челеби Э. Книга путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983.
Вып. 3.
Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и комент. докт. ист. наук. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.
Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. (Опыт социально-экономической характеристики). Махачкала, 1975.
Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.

б) Статьи и тезисы докладов

Абельдяев Н.А. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // Кавказ. 1857. № 50-51.
Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 8.
Абрамов Я. М.М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа // Отечественные записки. СПб., 1884. № 2.
Агларов М.А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979.
Агларов М. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII .
А.-Д.Г. Обзор последних событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. IX.
Азаматов К.Г. Землевладение и землепользование по обычному праву горцев Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная науч. конф. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI вв. // Источниковедение истории досоветского периода. Махачкала, 1987.

Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV-XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.

Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях // Конференция молодых ученых ДФ АН СССР. Тезисы докладов. Махачкала, 1978.

Айтберов Т.М. О кайтагских уделах XVII-XVIII вв. // Конференция молодых ученых. Тезисы докладов. Махачкала, 1982.

Айтберов Т.М. Соглашение аварских общин XVIII – нач. XIX в. // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989.

Айтберов Т.М., Нурмагомедов А.М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. (По письмам Мухаммеда Кудутлинского к Адил-Гирайа-Будай-шамхала Тарковского) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.

Алиев Б.Г. Лично зависимые (крепостные) крестьяне Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2008. Вып. № 3 (15).

Алиев Б.Г. Сала-уздени (происхождение, экономическое и социально-правовое положение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2010. Вып. I (21).

Алиев Б.Г. Условное землевладение в Дагестане в XV-XVII вв. // Из истории дореволюционного Дагестана (сбор. науч. трудов). Махачкала, 1976.

Алиев Б.Г. Формы землевладения в Дагестане в XVIII-XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная научная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Алиев Б.Г. Чагары, как одно из сословий дагестанского зависимого крестьянства (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2009. Вып. 3. (9).

Алиев Б.Г. Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV-XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. К вопросу о заселении Терекемейской равнинны и образования личного зависимого крестьянства: экономическое и социально-правовое положение // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2008. Вып. 4(16).

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Сословно-классовая структура и государственно-политическая система феодального Дагестана // Материалы научной конференции, посвященные итогам научно-исследовательской деятельности ИИАЭ ДНЦ РАН в 1990-1995 гг. Махачкала, 1996.

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2.

Амирханов Х.А. Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980-1981 гг. // Конференц. по археол. Сев. Кавк. XII Крупновские чтения (тез. докл.). М., 1982.

Амирханов Х.А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) //Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа (тез. докл.). Ереван, 1982.

Амирханов Х.А. Чохское поселение – памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982. № 5.

Андроников И.З. Скотоводство в Закавказском крае // Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888. Вып. 5.

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. Тифлис, 1884. Т. XX. Вып. 4.

Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958.

Бакиханов А. О классах дагестанских горцев. Приложение // Агаян Ц.П. А Бакиханов. Баку, 1948.

Бахтамов И.М. Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1868. № 29-30.

Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. 1895. № 107.

Белобородов А. Прошлое кумыков // Терские ведомости. 15 декабря 1896 г. № 146.
Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857.
Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858.
Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.
Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Бутков П.Г. Сведения о Кубанском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958.
Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. М., 1936. № 2.
Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Избранные произведения. Л., 1967. Т. 1.
Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Вып. 1. // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. XX.
Венедиктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества. СПб., 1837.
Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Химия и жизнь. 1970. № 8.
Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII .
Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. СПб., 1885. Ч. I-II.
Воронов Н.В. Путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1; 1870. Вып. III.
Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. 36.
Гаджиева С.Ш. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX в. // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954.
Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков первой половины XIX века // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX.

Гарданов В.Г. Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ. М., 1960. № 5.

Гасанов М.Р. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Вып. 9.

Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М., 1958.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г. // Сочинения и перевода к пользе и увеселении служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т. 17. № 7.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958.

Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 1-3.

Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан (Из путевых заметок, виденных на Кавказе в 1860 году) // Военный сборник, 1862. № 2.

instituteofhistory.ru

Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА. М., 1970. № 1.

Далгат Э.М. Арендная плата и цена земли в Дагестане в нач. XX в. // Товарно-денежные отношения в Дагестане. Сб.статей. Махачкала, 1991.

Далгат Э.М. Жалобы крестьян как источник для изучения социально-экономических отношений в дагестанском ауле в конце XIX – нач. XX в. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987.

Далгат Э.М. Русские исследователи об аграрном строе Дагестана // Дагестан в составе России. Махачкала, 1990.

Даниялов Г.Д. Шамхалы, нуцалы и уцмии. Феодальная раздробленность и их обособленность в Дагестане // Исторический путь народов Дагестана до вхождения его в состав России. Махачкала.

Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М. Чанка // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М., 1958.
Иванов А. Социально-экономическое и политического положение Дагестана за завоевания царской Россией // Исторический журнал. М., 1940. №2.
Казиев Г. Судьба селения Чиркей // Дружба (на авар. яз.). Махачкала, 1972.
Калантар А.А. Задачи и способы исследования скотоводства // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887. Вып. 1.
Калоев Б.А. Из истории земельных отношений у агулов в XIX – начале XX в. // КСИЭ. М., 1954. XX.
Князь Х-ъ. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 70.
Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.
Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. Кн. 12.
Койсубулинцы // Тифлисские ведомости. 1831. № 12-14.
Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.
Комаров А. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.
Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8.
Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССГ. Тифлис, 1869. Т. I.
Костемеровский И.С. Дневник из Салатавского зимнего похода // Кавказ, 1859. № 62.
Костемеровский И.С. Салатавия // Кавказ. 1856. №1.
Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2.
Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводства в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. История. Махачкала, 1961. Т. IX.
Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана // СА. М., 1965. № 3.

Котович В.Н. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана // К истории дагестанских племен в конце III-II тыс. до н.э.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М., 1958.

Краббе К.К. Замечая о Докузпаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. М., 1958.

Кумык. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 37-44.

Кумыков Т.Х., Азаматов К.Г. Особенности социальных отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Материалы XVII сессии. Симпозиум по изучению проблемы аграрной истории. Ростов н/Д., 1978. Ростов, 1980.

Кушева Е.Н. О некоторых особенностях феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.

Кучкин В.А. Сказание о железных воротах // Археологический ежегодник за 1961 г. М., 1965.

Лавров Л.И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Сборник научных трудов. Махачкала, 1976.

Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1.

Лавров Л.И. Шамхалы Казикумухские и Тарковские // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.

Лерх Я. Продолжение о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Месяц август. Ч. 52.

Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей. населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1916.

Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.

Литаврин Т.Г. Проблемы государственной собственности в Византии X-XI вв. // Византийский временник. М., 1973. Т. 35.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков. 1843 год // Кавказ, 1846. № 37, 38.

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан в 1718 г. // ИГЭД. М., 1958.

Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

Львов Н.О. О нравах и обычаях дагестанских горцев // Кавказ, 1867. № 71.

Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – начале XIX вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. Вып. 3.

Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.

Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 2 октября 1860. № 77.

Мамбетов Г.Х., Думаев Х.М. К вопросу и феодальной земельной собственности в Кабарде в дореволюционный период // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа / Региональная научная конференция. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.

Маретина С.А. Взаимоотношение естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии // НАА. М., 1971. № 6.

Марковин В.И. Предисловие // Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и энеолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. – Первый набросок // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
Маршаев Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.
Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. №. 180.
Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.
Муравьев-Карский Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского 1822 по 1823 годы // Русский архив. М., 1888.
Никитин К. Очерк Елисуйского ущелья // Кавказ. 1866. № 70.
Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. М., 1958.
Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник. СПб., 1859. Т. V. № 1.
Ольшевский М.Я. Кавказ с 1844 по 1866 г. // Русская старина. 1894. Т. 81-82. № 1-2.
Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II.
Османов Г.Г. О социальном строе в Дагестане в конце XVIII – начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1960. Т. VII.
Османов М.О. Некоторые вопросы по истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX.
Османов М.-З.О. Формы скотоводства даргинцев в XIX-XX вв. (в связи с регионом видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйства, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX –XX вв. Махачкала, 1979.
Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический журнал. Л., 1934. Кн. 1.
П-в [Петухов]. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 7, 8, 12, 18, 15, 17.
Пиотровский. Поездка в горы // Кавказ. 1833. № 71.
Потапов Л.П. Пища алтайцев // Сборник МАЭ. Т. IV.
Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т.III.

Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. №4.
Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана 1830 г. // ИГЭД. М., 1958.
Ртищев Р.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М., 1958.
Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Т. 25. № 8.
Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. // Известия ЧИНИИ языка, литературы и экономики. Грозный, 1964. Т. 4 Вып. I. История.
Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976.
Серебров Г.А. Этнографические наблюдения у хваршин // Новое в этнографии и антропологии (итоги полевых работ Института этнографии в 1973 году). М., 1975.
Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Сержпутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан в 1916 г. // Живая старина 1917. Т. 2.
Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.
Сказкин С.Д. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века. М., 1958.
Скалон Ф.И. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. М., 1958.
Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. 15 марта. 1848.
Стрельбицкий А. Очерк поземельных отношений в Казикумухском округе Дагестанской области // Кавказ. 24 декабря 1908. № 294.
Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1977.

instituteofhistory.ru

Тамай А.И. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. 1935. № 5.

Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Умаханов М.-С. О численности феодальных владений Дагестана в XVII-XVIII веках // Труды географического общества Дагестана. Махачкала, 1998. Вып. XXVI.

Фон Плотто А. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975.

Хамраев А.Х. Несколько образцов наследственного вакфа // Бюллетень Среднеазиатского Государственного университета. Ташкент, 1947. Вып. 25.

Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М,, 1958.

Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1962. № 12.

Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана // Научная ред. канд. ист. наук Р.И. Сефербекова. Махачкала, 1996.

Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. VII.

Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции 1832 г. // ИГЭД. М., 1958.

Шобер Г. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящихся // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Сентябрь.

Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1967. № 1.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. М., 1957.

Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. № 1.

Энгельс Ф. Из подготавливаемых работ к «Анди-Дюрингу» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
Энгельс Ф. Карлу Каутскому // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35.
Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
Энгельс Ф. Франский период // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
Юшков С.Ф. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // УЗ Свердловского госпединститута. Исторический. Свердловск, 1938. Вып. 1.
Яишников Т.Н. Выдержки из описания лезгино-джарских вольных обществ // ИГЭД. М., 1958.
Яишников Т.Н. Описание владения Илисуйского. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.

в) Диссертации и авторефераты

Абдуллабекова А.Э. Частное (мюльковое) землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX вв.: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2005.
Асланов Д.А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX в.: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2000.
Багандова З.Г. Кайтаг в XVIII – нач. XIX в.: Проблемы социально-экономического развития и административно-политического устройства: Дисс. …канд. ист. наук. Махачкала, 2000.
Бархударов В.Б. Феодальное землевладение в Армении в IX-XI веках: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ереван, 1954.
Гасанов А.А. Союзы сельских общин Табасарана в XVIII – первой половине XIX в. (исследование социально-экономического и административного устройства): Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2006.
Джалилова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие XVII – первой половине XIX века: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Закарияев З.Ш. Социально-экономическое и культурное развитие Дагестана в XI-XIX вв. (по данным эпиграфических памятников на арабском языке): Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Владикавказ, 2012.

Ибрагимов И.Г. Агулы в XVIII – первой половины XIX в. (проблемы социально-экономического развития и политического устройства): Дисс. …канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Квициони И.Б. Скотоводство в Сванетии: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.

Магомедов Д.М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII – нач. XIX в.: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 1977.

Магомедов З.М. Феодальное землевладение в Дагестане в XV-XVII вв.: Основные формы и пути расширения: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

Нурмагомедов И.Г. Карах в XIX – нач. XX в.: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2001.

Рагимова Б.Г. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII-XIX вв.: Дисс. …канд. ист. Наук, 1987.

Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным: Дисс. … канд. ист. наук. М., 1947.

Сайбулаев А.Б. Социально-экономическое развитие и политическое положение Гумбетовского союза сельских обществ в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс. … канд. ист. наук, 2001.

Соболева О.В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII- нач. XIX в.: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 1955.

Тагирова П.М. Гидатль в XVIII – первой половине XIX в. (исследование социально-экономического развития и административного устройства): Дисс. …канд. ист. наук. Махачкала, 2002.

Умаханов Р. М.-С. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в. Социально-экономическое развитие и экономическое положение: Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

Фаталиев Х.Р. Аварское нуцальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Дисс. … канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

Шамхалов К.К. Союзы сельских общин Верхнего Кайтага (Ганк, Гапш и Муйра) в XVIII – первой половине XIX в.: исследование социально-экономического развития и административного устройства: Дисс. …канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

Эфендиев М.М. Аграрные отношения в Азербайджане в первой половине XIX в.: Дисс. …канд. ист. наук. Баку, 1958.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Автореф. – Автореферат
АКАК – Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею. – Тифлис.
В. – век
Вв. – века
ВУА – Военно-ученый архив.
Вып. – Выпуск
Г. – Год
Гг. – Годы
Д. – Дело
Дисс. … канд. ист. наук. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Дисс. … д-ра. ист. наук. – Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук
Докум. к матер. – Документы к материалам
ДФ АН СССР – Дагестанский филиал Академии наук СССР
Ед.хр. – Единица хранения
ЗКОИРГО – Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Тифлис
ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. – М.
ИРГО – Известия Русского географического общества. – СПб.
ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР
КК. Кавказский календарь. – Тифлис.
Кн. – Книга
Коммент. – Комментарии
Л. – Ленинград
Л. – Лист
М. – Москва
МАЭ – Музей археологии и этнографии
МАД – Материалы по археологии Дагестана. – Махачкала.
НАА – Народы Азии и Африки. – М.
Оп. – Опись
Примеч. – Примечания

Проф. – Профессор
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГИА СПб. – Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
Ред. – Редакция
РФ. – Рукописный фонд
С. – Страница
Сб. – Сборник
СПб. – Санкт-Петербург
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис.
Сост. – Составитель
СА – Советская археология. – М.
СЭ – Советская этнография. – М.
Тез. докл. – Тезисы докладов
Т. – Том
УЗ. – Ученые записки
Указ. соч. – Указанное сочинение
Ф. – Фонд
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузии
Ч. – Часть

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

Научное издание

Алиев Багомед Гадаевич

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Корректура *Керимова Д.А.*
Подготовка оригинал-макета *Бегова Д.С.*
Дизайн обложки *Муртузалиев Ю.М.*

Подписано в печать 15.01.2015 г.
Формат 60x84 1/16. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 34. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru